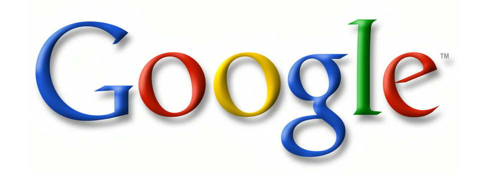
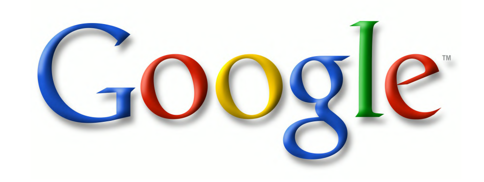

общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногороднихъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОЗОРНИКЪ.

(Разсказъ).

I.

Спирька сидѣлъ у окна своей избушки, смотрѣлъ въ сторону башкирской деревни Кульмяково и думалъ вслухъ:

— И отчего бы это дыму идти у башкиръ, а?... Вотъ такъ штука... Неиначе, што гдѣ-нибудь барана скрали, а то и цѣльную лошадь. Вѣрно!... Ахъ, неумытыя рыла!

Онъ заслонилъ рукой глаза отъ весенняго горячаго солнца и еще разъ убѣдился, что, дѣйствительно, надъ Кульмяковой, засѣвшей подъ горкой на берегу озера Карьгай-Куль, тоненькою струйкой поднимается синій дымокъ. Въ слѣдующій моментъ Спирька выругался,—выругался вообще, въ пространство. Ему почему-то показалось обиднымъ, что башкиры могутъ ѣсть, а онъ долженъ смотрѣть, какъ у нихъ дымъ идетъ.

— Ахъ, черти немаканые *), удумали какую штуку!...

По веснамъ Спирька испытывалъ какое-то озлобленное настроеніе. Имъ овладѣвала смутная тоска и неопредѣленное желаніе выкинуть какую-нибудь такую штуку, чтобы чертямъ было тошно. «А ты чувствуй, ежели на то пошло... да. Понимай своею башкой, каковъ есть человѣкъ Спирька... да». Мысли Спирьки перекатывались въ его головѣ, какъ тяжелые камни, когда заиграетъ по косогорамъ вешняя полая вода. Озлобленное настроеніе объясня-л..., можетъ быть, тѣмъ, что Спирька, послѣ смерти жены, жилъ б...лемъ. Онъ давно разорилъ все хозяйство,—какое же хозяйство б... бабы?—и не принималъ весной никакого участія въ трудовой п...достной суетѣ своей деревни Разстани. Другіе пахали и сѣяли, б... готовили свои огороды, старики налаживали всякую снасть

*) Немаканые—некрещоные.

...ти.

къ страдѣ, а Спирька сидѣлъ въ своей избушкѣ и ничего не хотѣлъ знать. Изъ всей скотины у него была одна гнѣдая лошадь, происхожденіе которой терялось во муакѣ неизвѣстности, другими словами, всѣ были увѣрены, что она—краденая. Лошадь была бы совсѣмъ хорошая, еслибъ ее кормить, но Спирька къ послѣднему относился совершенно равнодушно. Вонъ башкиры тоже не кормятъ лошадей, а живутъ... Въ свое оправданіе, впрочемъ, онъ могъ сказать то, что рѣшительно не зналъ, чѣмъ бывалъ сытъ самъ. Будетъ день—будетъ хлѣбъ. А безъ лошади какой же мужикъ? Это было послѣднее воспоминаніе о хозяйственномъ существованіи, какъ когда-то жилъ Спирька женатымъ и когда у него все было. Не хуже другихъ прочихъ жилъ, а съ женой ушло и все крестьянское хозяйство, и Спирька попалъ въ разрядъ лишнихъ деревенскихъ людей, которыхъ на Руси достаточно. Вотъ и скучно дѣлалось непутевому человѣку, когда занималась весна.

— Безпремѣнно башкиры собираются ѣсть,—повторялъ Спирька съ нароставшимъ озлобленіемъ.—Ну, и нарродецъ!

Окончательно Спирька былъ выведенъ изъ себя, когда въ концѣ грязной, еще не просохшей улицы показалась Дунька. Онъ ее узналъ сразу еще издали. Некому быть кромѣ Дуньки... Вонъ какъ выступаетъ, точно корова холмогорская.

— Куда бы ей идти утромъ?—соображалъ вслухъ Спирька.—Гладкая баба, нечего сказать.

Спирька еще разъ выругался, теперь уже по адресу Дуньки.—Ну, куда ее чортъ несетъ? Ишь какъ по грязи-то вышлепываетъ.

А Дунька себѣ шла и, кажется, не желала ничего знать. По костюму въ ней сразу можно было узнать расейскую бабу-переселенку. Бѣлая рубаха съ широко вырѣзаннымъ воротомъ, домашней работы черная юбка, на плечи накинута бѣлая свитка изъ домашняго сукна, платокъ на головѣ намотанъ тоже по расейски,—однимъ словомъ, все по своему. Красивое женское лицо было полно какого-то подкупающаго спокойствія. Ни одного суетливаго движенія, ни одного лишняго взгляда.

— Куда это тебя понесло, Дунька?—окликнулъ ее Спирька.

Дунька вздрогнула и остановилась. На Спирьку посмотрѣли чудные, сѣрые большіе глаза.

— А иду...—отвѣтила она спокойно.

— Да куда идешь-то, глупая?

— А телушку искать.

— Ужо вотъ тебя волки задерутъ въ лѣсу-то.

— Пущай дерутъ.

Дунька говорила пѣвучимъ расейскимъ говоромъ, растягивая слова.

— А ты все отдыхаешь, Спирька?—проговорила она, подбирая юбку, чтобы перешагнуть черезъ лужу.—Замаялся, лежавши на печи...

— А тебѣ какая печаль?

— Пожалѣла тебя... Другіе мужики на пашнѣ, а ты дома маешься. Пожалѣлъ бы хоть подоконникъ-то, лежебокъ.

Спирька обругалъ Дуньку и даже погрозилъ ей кулакомъ. Она спокойно пошла дальше, и Спирька долго слѣдилъ за ея бѣлыми босыми ногами, мѣсившими грязь.

— Тьфу! окаянная душа...—ругался Спирька.—Бить васъ некому, бабенокъ... За телушкой пошла?!.. Тьфу!... Я бы тебѣ показалъ телушку... Я бы тебя разуважилъ, гладкую!... Тоже, разговариваетъ... Лежебокъ! Ну, и буду лежать... Не укажешь. Кто можетъ Спирькѣ препятствовать? Ни въ жисть...

Въ результатѣ этого монолога Спирька схватилъ подвернувшійся подъ руку топоръ и швырнулъ его въ уголъ.

А дымъ надъ башкирской деревней продолжалъ подниматься тоненькою синею струйкой, точно кто курилъ трубку. Спирька опять занялся вопросомъ, что это могло значить. Во всякомъ случаѣ, нужно было идти и обслѣдовать все дѣло на мѣстѣ. Спирькѣ даже начинало казаться, что какъ будто запахло вкусною маханиной *). Потихоньку отъ своихъ Спирька любилъ поѣсть кобылятины съ башкирами. Что же, такіе же люди, хоть и живутъ по своему закону. Другой башкиръ получше будетъ русскаго, даромъ что кобылятникъ.

— Нечего дѣлать, надо будетъ идти...—рѣшилъ, наконецъ, Спирька.

Онъ накинулъ на одно плечо рваный татарскій бешметъ и вышелъ. До Кульмяковой было битыхъ версты три, но разстояніе для Спирьки не служило препятствіемъ. Впрочемъ, выходя, онъ посмотрѣлъ на пустой дворъ, напрасно отыскивая своего «живота»,—способнѣе бы верхомъ въ Кульмяково-то прокатить!—но умудрен-й голодомъ конь «воспитывался» гдѣ-то на весеннихъ зеленяхъ. ругавъ лукаваго «живота», Спирька побрелъ пѣшкомъ. Ему илось идти по той же дорогѣ, по которой только что прошла нька, и это казалось Спирькѣ обиднымъ. Чего ужъ хорошаго, да баба дорогу перешла.

*) Маханина—вареное лошадиное мясо.

— Ахъ, ты...—ругался Спирька.—Не стало ей время.

Онъ шагалъ по грязи, закинувъ бешметъ на спину. Небольшого роста, плечистый и жилистый, Спирька былъ въ самой порѣ. Кудлатая голова глядѣла суровыми темными глазами. Обличье у Спирьки было уже не расейское, а съ явными признаками сибирской помѣси: борода была маловата, скулы приподняты, лицо какъ будто сплюснутое. И ходилъ онъ не по-расейски на своихъ выгнутыхъ ногахъ, какъ настоящій кавалеристъ. На южномъ Уралѣ попадаются часто такіе типы, какъ результатъ далекаго умыканья первыми русскими насельниками татарскихъ «жонокъ» изъ недалекой степи. Народъ собрался сюда со всѣхъ сторонъ и недостатокъ въ своей бабѣ чувствовался долго.

Весеннее солнце такъ и пригрѣвало, несмотря на раннее утро. «Зелени» взялись необыкновенно дружно, и только березы стояли еще голыми. По низинамъ пушилась верба. Открытыя мѣста, гдѣ шли пашни и покосы, тянулись по долинѣ рѣки Чигодой, дѣлавшей расширеніе у озера Карагай-Куль. Горизонтъ замыкала разорванная линія перепутавшихся между собой отроговъ южнаго Урала. Башкирская деревушка Кульмяково засѣла на берегу озера, прикрытая со стороны Разстани березовымъ лѣсомъ. Русская стройка была плотная, и ряды избъ стояли какъ новые зубы. За Разстанью, въ полуверстѣ, раскинулась Ольховка, гдѣ лѣтъ пять тому назадъ устроились переселенцы, выходцы изъ Рязанской и Тамбовской губерній. Тутъ на-половину новыя избы стояли еще безъ крышъ, надворныя постройки были еще въ зародышѣ, а кое-гдѣ сохранялись еще переселенческія землянки, напоминавшія кротовыя норы. Дунька была изъ Ольховки.

Дорога изъ Разстани въ Кульмякову огибала березовый лѣсъ, и Спирька не пошелъ по ней, не желая вязнуть въ грязи. Онъ, не торопясь, брелъ по межѣ прямо къ лѣсу,—такъ было прямѣе. Тутъ ему вышла непріятность: попались два разстанскихъ мужика, ѣхавшихъ съ сохами.

— Богъ на помочь, Спирька!—крикнулъ одинъ.—Куда наклался спозаранку?... Смотри, вывихаешь ноги-то.

Односельчане относились къ Спирькѣ свысока, какъ къ замотавшемуся, непутевому мужику, и это его злило.

— Челданы желторылые...—ворчалъ онъ.

II.

Главная непріятность ожидала Спирьку именно въ лѣсу. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ Дуньку. О

шла прямо на него, помахивая длинной хворостиной. Спирька остановился, посмотрѣлъ на нее и плюнулъ.

— Тьфу, окаянная!...

Дунька тоже остановилась. Эта неожиданная встрѣча тоже поразила ее не особенно пріятно. Безпутный Спирька и безъ того не давалъ ей проходу и при каждой встрѣчѣ считалъ своимъ долгомъ обругать. А тутъ въ лѣсу, съ глазу на глазъ — кто знаетъ, что у него на умѣ, у шалаго. Еще какъ разъ наозорничаетъ... Ей хотѣлось убѣжать, но было какъ-то совѣстно. Онъ тоже совѣстился свернуть въ сторону. Какой же мужикъ, который бабы испугался. Послѣ Дунька же и осмѣетъ при всемъ народѣ. Баба бойкая и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— Ну, чего ты стоишь, какъ березовый пень?—сурово проговорилъ Спирька.

— А тебѣ какое дѣло?... Иди своей дорогой...

— И пойду. Тоже не укажешь...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Дунька продолжала стоять. Спирька опять остановился.

— Послушай, Дунька, кабы я былъ твой мужъ, я бы взялъ орясину, да орясиной тебя... Разѣ теперь по лѣсу телокъ ищутъ? Ахъ, ты... Скотина вся на зеленяхъ воспитывается.

— А ежели я была на зеленяхъ! Уменъ тоже...

— Все-таки, ты круглая дура, Дунька. Зачѣмъ по лѣсу шляешься?

— Ближе лѣсомъ-то... Да што ты присталъ ко мнѣ, смола? Сказано: иди своей дорогой.

— И пойду... Думаешь, испугался? Тоже не укажешь, чортова кукла... У! взялъ бы да такъ взвеселилъ...

Онъ прошелъ въ двухъ шагахъ отъ нея, а потомъ опять остановился. Дунька шла своей дорогой, не оглядываясь.

— Дунька... постой... — крикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ, точно кто сдавилъ ему горло. — Словечко надо тебѣ одно сказать...

Дунька, не оглядываясь, вдругъ бросилась бѣжать. Это выраженіе бабьяго страха окончательно вышибло Спирьку изъ ума. Онъ нагналъ ее въ нѣсколько прыжковъ и схватилъ за руку.

— Не замай... Спирька, да ты въ умѣ ли?

— Постой, говорятъ... Што ты дурòмъ-то бросилась бѣжать? Разбойникъ, вѣдь...

— Отпусти, говорятъ!...

— А не пущу...

Онъ тяжело дышалъ. Она смотрѣла на него испуганными глазами и сдѣлалась еще красивѣе.

— Дунька... Дуня... Зачѣмъ ты постоянно сердишься на меня?

— А зачѣмъ ты постоянно меня ругаешь? Проходу отъ тебя нѣтъ, отъ непутеваго...

— Я, ругаю?—удивился Спирька, выпуская ея руку.—Вотъ опять ты и вышла круглая дура... Какъ есть ничего не понимаешь!... Да я... ахъ, Боже мой!... Да я, кажется... Што я, звѣрь я, што ли, лѣсной? Извергъ?

— Извѣстно, каковъ человѣкъ... Недалеко ушелъ отъ разбойника-то, коли чужихъ бабъ въ лѣсу останавливаешь.

— А ты была у меня на умѣ, кикимора? А, была?...

Спирька опять озлился, а потомъ прибавилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Всѣхъ васъ взять, новожиловъ, такъ вы пальца одного Спирьки не стóите... Поняла? Вотъ каковъ есть человѣкъ Спирька...

— Ужъ очень ты дорожишься... Прощай.

Она хотѣла уйти, но онъ опять удержалъ ее.

— Спирька, не замай!... Вотъ ужó скажу мужу...

— Мужу? Ха-ха... Испугала до смерти. Да я изъ твоего мужа и крупы, и муки намелю. Слышала? А я къ тебѣ съ добромъ, Дуня...

Она опять со страхомъ посмотрѣла на него.

— Ну?

— Ты вотъ говоришь, што я тебя все ругаю, ну... А што у меня на умѣ... сердце горитъ... Кажется, взялъ бы да пополамъ и разорвалъ тебя. Нà, не доставайся никому... И себя порѣшить... Ничего, значитъ, не надо...

Эти несвязныя слова окончательно перепугали Дуньку, и она вся затряслась.

— Спирька, шалый, кому ты выговариваешь такія-то слова? Забылъ, што я мужняя жена?... Вотъ я свекру ужó пожалюсь, такъ ёнъ тебя выучитъ...

— Свекру?

У Спирьки помутилось въ головѣ, точно у быка, котораго ударили по лбу обухомъ. Онъ посмотрѣлъ на Дуньку воспаленными дикими глазами и схватилъ въ охапку.

— Свекру, а?... Мужу, а?...—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ.—Я же тебѣ покажу...

Она какъ-то жалко пискнула въ желѣзныхъ объятіяхъ Спиры и начала отчаянно защищаться. Борьба происходила съ молчали

вымъ ожесточеніемъ. У Дуньки свалился платокъ съ головы и разсыпались косы изъ-подъ сбившагося повойника. Это ничтожное обстоятельство привело въ себя Спирьку. Дунька воспользовалась игновеньемъ, вырвалась и заорала благимъ матомъ. Спирька бросился было за ней, но увидалъ издали ѣхавшихъ по пашнѣ деревенскихъ мужиковъ.

— Дунька!—крикнулъ онъ въ слѣдъ, грозя кулакомъ.—Вѣдь, ты душу изъ меня вынула, змѣя подколодная.

Дунька остановилась на опушкѣ, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ, а главное—волосы. Спирька только сейчасъ сообразилъ, какъ все вышло безобразно. Ѣхавшіе по пашнѣ мужики слышали женскій крикъ, а тутъ выскочила, какъ полоумная, Дунька. Не хорошо, главное, было то, что она была простоволосая, что для мужней бабы величайшій позоръ. Но Спирька ошибся. Дунька во время сообразила все и спряталась за деревьями, такъ что мужики не могли ее разглядѣть.

— Вотъ тебѣ и фунтъ, — проговорилъ Спирька, окончательно падая духомъ: на землѣ валялся въ качествѣ вещественнаго доказательства Дунькинъ платокъ.—Эй, Дунька, воротись! Возьми платокъ-то, дура...

Она обернулась и только покачала головой. Дѣло выходило совсѣмъ плохо. Простоволосить мужнихъ женъ не полагается по строгому деревенскому обычаю.

Спирька долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами уходившую Дуньку. Вотъ она дѣлается все меньше и меньше, вотъ совсѣмъ маленькая, вотъ и совсѣмъ разобрать ничего нельзя, а только бѣлѣетъ одна свитка. Наконецъ, все пропало. Спирька чувствовалъ, какъ тяжело бьется его сердце, слышалъ, какъ ласково шумятъ надъ его головой еще голыя березы, точно что выговариваютъ, видѣлъ, какъ солнце бродитъ по сырой землѣ золотыми пятнами, точно что отыскиваетъ... И опять на его душѣ закипѣла обида, и ему хотѣлось плакать. Да, теперь ужъ все кончено. Придетъ Дунька домой безъ платка и все обскажетъ мужу,—нѣтъ, хуже, нажалуется свекру. Мужъ-то еще стерпитъ и не захочетъ срамить жену, а свекоръ ухватится обѣими руками. Старичонко бѣдовый, у это только и нужно. Спирька чувствовалъ, что впередъ краснеетъ отъ будущаго срама.

— А ежели Дунька не скажетъ никому?—думалъ онъ вслухъ.—никто бы ничего не узналъ.

Но эта мысль обрывается въ самомъ началѣ и Спирька окончательно погружается въ бездну отчаянія.

— Дура она круглая... Однимъ словомъ, баба.

У Спирьки выступаютъ на глазахъ слезы, и онъ сжимаетъ кулаки. Надо было прямо задушить ее, Дуньку. Все одно, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Развѣ онъ хотѣлъ ее обижать? Да онъ для нея не знаю что готовъ сдѣлать... Ахъ, Дунька, Дунька, ежели бы ты не была дура! Ежели бы она хоть чуточку понимала, что у Спирьки дѣлалось на душѣ. И опять ему хочется ее убить, чтобы хоть этимъ путемъ снять съ души каменную гору.

Спирька поднялъ валявшійся на землѣ Дунькинъ платокъ и спряталъ его за пазуху. Вотъ черезъ этотъ платокъ онъ и погибнетъ напрасно. Спирька побрелъ своей дорогой въ Кульмякову, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его осѣнила одна мысль. Теперь ему сдѣлалось ясно все, такъ ясно, что онъ даже захохоталъ.

— Вѣдьма она, эта самая Дунька—вотъ и конецъ дѣлу. Конешно, вѣдьма вполнѣ... Убить ее мало.

Припомнивъ разныя подробности своего знакомства съ Дунькой, Спирька убѣдился окончательно въ своемъ предположеніи. Вѣдь, съ перваго разу она оказала себя вѣдьмой, еще тогда, какъ онъ встрѣтилъ ее на дорогѣ. Она и подвела всѣхъ.

— Вѣдьма... Вотъ какъ обошла. Конешно, платокъ у меня, а она, все-таки, заправская вѣдьма... Такъ и скажу: «Было дѣло, дѣйствительно, а Дунька—вѣдьма». Ее надо осиновымъ коломъ пришибить, а не то что разговоры разговаривать.

III.

Дунька пришла въ себя только у околицы. Она рѣшила, что никому и ничего не скажетъ. Но бѣда была въ томъ, что ея платокъ остался у Спирьки. Вернуться домой безъ платка было невозможно. Первая свекровь замѣтитъ и подыметъ дымъ коромысломъ. Въ этихъ разсчетахъ она не пошла Разстанью, гдѣ ее видѣли въ платкѣ, а обошла деревню задами и въ свою избу прошла огородами. На счастье ее встрѣтила одна младшая сноха Лукерья, глуповатая и несообразительная бабенка. Свекровь убиралась въ избѣ и ничего не видѣла. Все вышло хорошо.

— Господь пронесъ... — думала про себя Дунька. — Этакой озорникъ этотъ Спирька. Вотъ какъ бы надо его поучить, чтобы не охальничалъ съ мужними женами. Не стало своихъ дѣвокъ въ Разстани или, вонъ, двѣ солдатки живутъ.

Вечеромъ ни съ того, ни съ сего накинулся на нее свекоръ.

Все дѣло вышло изъ-за телушки. Свекоръ, худенькій и сгорбленный старикъ, держалъ всю семью грозно, на расейскую руку, и снохи предъ нимъ трепетали. Перечить ему и оправдываться не полагалось. Сноха послѣдній человѣкъ въ домѣ и предъ всѣми виновата. Дунькѣ доставалось особенно, какъ снохѣ—большухѣ, тѣмъ болѣе, что и мужъ у нея былъ смирный и по своему любилъ ее. Послѣднее ставилось ей на счетъ, и свекоръ строжилъ ее на особицу, чтобы не зазналась.

— Гдѣ телушка?—приставалъ старикъ.—Куда ёна ушла?

— Не знаю, батюшка.

Несмотря на покорство, Дунькѣ, все-таки, досталось. Старикъ побилъ ее для «прилику», а Дунька для «прилику» голосила, точно ее рѣзали. Все это входило въ распорядки строгой расейской семьи. Даже когда потерявшаяся телушка вечеромъ пришла сама домой, старикъ сердито кинулъ снохѣ:

— Вотъ скотина, а поумнѣе тебя будетъ. Свой домъ знаетъ.

День прошелъ, однимъ словомъ, какъ сотни и тысячи другихъ деревенскихъ дней. Всѣ знали отлично, что *такъ* нужно. Переселенцы только «строились» на новыхъ мѣстахъ и требовалась сугубая строгость. Батюшка свекоръ постоянно указывалъ на Разстань, какъ примѣръ не настоящаго житья зазнавшихся сибиряковъ. Развѣ это правильная деревня? Развѣ это правильные мужики, а тѣмъ больше—баба? На послѣднихъ старикъ особенно нападалъ, потому что бабой домъ держится, а сибирская баба не имѣетъ настоящей острастки.

Мужъ Дуньки вернулся съ пашни только вечеромъ и сейчасъ же завалился послѣ ужина спать. Намаялся человѣкъ за день, ну, и отдохнуть надо. Дунька убралась и въ избѣ съ ребятами, и на дворѣ со скотиной, и улеглась спать послѣдней, какъ и слѣдуетъ снохѣ-большухѣ. Она сильно притомилась за день, но заснуть никакъ не могла. Ее взяло особенное ночное раздумье. Главное, Дуньку начала мучить совѣсть. Зачѣмъ она скрыла отъ всѣхъ давешнее? Вѣдь, она ни въ чемъ не виновата и, все-таки, скрыла. Раздумавшись, она припомнила, что ея платокъ остался въ рукахъ у Спирьки. А вдругъ онъ гдѣ-нибудь напьется и вздумаетъ похвастать. «Вотъ онъ, дунькинъ-то платокъ?» Вѣдь, тогда всѣ мужики на нее остребенятся и какъ дохлую кошку разорвутъ, потому какъ это первый случай съ расейской бабой, которая не умѣла себя соблюсти.

Чѣмъ больше думала Дунька, тѣмъ ей дѣлалось хуже. Ей казалось, что кто-то ужъ крадется къ ихней избѣ. Вотъ, вотъ подой-

детъ и стукнетъ въ окно пьяная рука. «Эй, Дунька, выходи... Вотъ онъ твой-то платокъ!» Бѣдная баба тряслась въ лихорадкѣ и про себя творила молитву. Наконецъ, она не вытерпѣла и разбудила мужа.

— Степанъ... а Степанъ?

Съ просонья Степанъ плохо понялъ, что говорила жена. Буркнулъ что-то въ отвѣтъ и снова захрапѣлъ, какъ зарѣзанный. Такъ и промаялась Дунька вплоть до бѣлаго утра. Батюшка-свекоръ поднимался чуть-свѣтъ и бродилъ по двору, какъ домовой. Дунька смѣло подошла къ нему и съ бабьими причетами кинулась прямо въ ноги.

— Батюшка Антонъ Максимычъ, согрѣшила... Не вели казнить—прикажи слово вымолвить. Обманула я тебя вечоръ, раба послѣдняя.

— Ну... говори!...

Старикъ былъ спокоенъ и только пнулъ Дуньку ногой, чтобы не валялась.

— Ну, ну.

Съ причетами и рыданіями Дунька разсказала все, какъ вышло дѣло, и даже прибавила на свою голову. Еще заканчивая эту исповѣдь, Дунька какъ-то всѣмъ тѣломъ почувствовала, какую она сдѣлала глупость, но было уже поздно. Свекоръ взялъ ее за руку, поставилъ къ столбу и велѣлъ ждать. Черезъ минуту онъ вынесъ новенькій сыромятный черезсѣдельникъ, скрутилъ его жгутомъ и принялся имъ бить Дуньку по плечамъ и спинѣ. На ея крикъ выбѣжала старуха свекровь.

— Ты это что, отецъ, дѣлаешь-то?—накинулась она на мужа.

— Я-то? А мы разговоры разговариваемъ.

На шумъ и крикъ во дворѣ скоро собралась вся семья. Степанъ пробовалъ было заступиться за жену, но въ отвѣтъ получилъ отъ родителя ударъ кулакомъ по лицу. Старуха свекровь тоже впала въ неистовство, когда услыхала про исчезнувшій платокъ. Она нѣсколько разъ подскакивала къ Дунькѣ съ кулаками и шипѣла беззубымъ ртомъ:

— Подавай платокъ... гдѣ платокъ? Гадина, давай платокъ... Степка, ты чего смотришь? Учи жену.

Степану было жаль жены, но онъ въ угоду матери ударилъ ее по лицу нѣсколько разъ. Дунька стояла на одномъ мѣстѣ и смотрѣла на всѣхъ округлившимися отъ страха глазами. Она никакъ не ждала такого исхода своей исповѣди.

— По какой такой причинѣ Спирька къ тебѣ приставалъ?—

наступалъ на нее свекоръ.—Мало ли бабъ въ Разстани и въ Ольховкѣ,—другихъ онъ не трогаетъ, не бойсь. Сама виновата, подлая... можетъ, сама подманивала его.

Дунька молчала. Это еще больше злило старика, и онъ снова принимался ее бить черезсѣдельникомъ, такъ что на рубашкѣ показалась кровь.

— Бей ее!—приказывалъ старикъ сыну, передавая Степану черезсѣдельникъ.—Мужъ должо̀нъ учить жену.

Подогрѣтый науськиваньями матери Степанъ поусердствовалъ. Онъ остервенился до того, что принялся таскать Дуньку за волосы и топтать ее ногами.

— Такъ... такъ...—тономъ спеціалиста одобрялъ свекоръ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ наблюдавшій эту сцену. — Пусть чувствуетъ, какой такой мужъ бываетъ.

Отъ дальнѣйшихъ побоевъ Дуньку спасло только безпамятство, хотя свекровь и увѣряла, что «ёна» притворяется порченной. Избитая Дунька очнулась только благодаря снохѣ Лукерьѣ, которая спрыснула ее холодною водой. Старики ушли, и Лукерья шепотомъ причитала:

— Охъ, смертынька, Дунюшка. Вѣдь, этакъ-то живого человѣка и убить можно до смерти.

— Молчи уже лучше, а то и тебѣ достанется...—посовѣтовала Дунька, вытирая окровавленное лицо.—Дуры мы, вотъ што.

— Степанъ-то какъ разстервенился. А матушка свекровушка еще его же науськиваетъ.

Дунька молчала. У нея болѣло все тѣло, каждая косточка. Въ избу она не пошла, а попросила Лукерью принести къ ней полугодового ребенка. Это былъ здоровенькій мальчикъ Тишка, родившійся уже на Уралѣ. Его въ семьѣ называли «новикомъ».

— Этотъ ужъ не нашъ расейскій...—съ грустью говорилъ дѣдушка.—И не узнаетъ, какая такая Расея есть. Желторотымъ сибирякомъ будетъ расти.

Надъ маленькимъ Тишкой избитая Дунька и выплакала всѣ свои дешевыя бабьи слезы.

Обиднѣе всего для Дуньки было то, что при всемъ желаніи она не могла пожаловаться на свою семью, хотя и выходила замужъ круглою сиротой. Семья была настоящая, строгая, мужики работящіе, а свекоръ пользовался особеннымъ почетомъ въ Ольховкѣ, потому что онъ вывелъ всѣхъ на Уралъ, на большую башкирскую землю. Около него сплачивались всѣ остальные мужики, и старикъ стоялъ всегда въ головѣ новожиловъ. Проявленное надъ Дунькой

семейное звѣрство въ сущности ничего особеннаго не представляло, какъ самое заурядное проявленіе родительской и мужниной власти. Вотъ выростетъ Тишка большой, женится и тоже будетъ учить жену. Это было для Дуньки чѣмъ-то вродѣ утѣшенія. Вѣдь, въ свое время и она будетъ лютой свекровью-матушкой

Въ слѣдующіе дни въ семьѣ наступило тяжелое затишье. Степану, очевидно, было совѣстно, и онъ молча ухаживалъ за женой, скрывая послѣднее отъ грознаго батюшки. Впрочемъ, старикъ, кажется, забылъ о Дунькѣ. Онъ замышлялъ что-то новое. Дунька со страхомъ слѣдила за нимъ. Очевидно, старикъ подбирался къ Спирькѣ и подбивалъ другихъ новожиловъ дѣйствовать за одно.

— Растерзаютъ они его...—со страхомъ говорила Дунька снохѣ Лукерьѣ.

— Такъ и надо озорнику! Не балуй... Ты-то што его жалѣешь?

— А сама не знаю... Просто, дура. Спирька не даромъ меня дурой-то навеличиваетъ.

IV.

Спирька пропадалъ въ Кульмяковой дня два, а потомъ появился въ окнѣ своей избушки. Онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на подоконникѣ и смотрѣлъ на улицу. По нѣкоторымъ признакамъ онъ имѣлъ полное основаніе догадываться, что дѣло не ладно. Во-первыхъ, мимо его избушки безъ всякой цѣли прошли три бабы и разсчитанно громкимъ голосомъ говорили:

— Охъ, бабоньки, и били же ее, сердечную... Сперва свекоръ утюжилъ, а потомъ мужъ по тому же мѣсту. Въ чемъ душа осталась .. Сказываютъ, пластомъ лежитъ.

— Чуть до смерти не заколотили бабенку. А какая такая въ ней вина? Все онъ, змѣй...

Затѣмъ Спирька замѣтилъ, что около воротъ собираются мужики и о чемъ-то толкуютъ между собой. Ему казалось, что нѣсколько разъ прямо указывали на его избушку. Наконецъ, онъ видѣлъ, что приходили ольховскіе мужики и о чемъ-то долго толковали съ разстанскими. До него долетали только отдѣльныя слова: «ёнъ», «ёна», «озорникъ» и т. д. Вообще, заваривалась каша, и Спирька только крутилъ головой. На всякій случай онъ приготовился дать съ перваго раза сильный отпоръ.

— А ежели она вѣдьма, ваша Дунька?... Ну-ка, поговорите теперь со мной... Прямо вѣдьма. Она и на васъ на всѣхъ сухоту напуститъ...

Не разъ случалось Спирькѣ выдерживать напоръ всего деревенскаго міра, и онъ собственно былъ спокоенъ. Вѣдьма — и все тутъ. Ужъ ежели кому отвѣчать, такъ имъ же новожиламъ, зачѣмъ «вѣдьмовъ» разводятъ.

— Ну, ну, идите сюды!—кричалъ Спирька въ окно.—Я вамъ покажу... Я васъ произведу!...

Правда, эта храбрость Спирьки сильно уменьшилась, когда онъ разъ замѣтилъ въ толпѣ мужиковъ старика Антона. Этотъ не испугается. Самый вредный старичонко, ежели разобрать, цѣплястый, какъ клещъ вопьется.

Дѣло вышло раннимъ утромъ, когда Спирька еще спалъ. Подъ окномъ его избушки показался волостной.

— Эй, ты, лежебокъ, дай отдохнуть печкѣ-то...

Спирька выглянулъ въ окно. Передъ избой толпилась цѣлая кучка переминавшихся мужиковъ.

— Вамъ чего, галманы? — дерзко спросилъ Спирька.

— А надо съ тобой поговорить, хорошій ты человѣкъ. Выходи ужо на улицу...

— А думаешь не выйду? И выйду... Сдѣлъ милость. Тоже, подумаешь, испугали...

— И выходи, пріятный ты человѣкъ...

— Да платокъ-то дунькинъ захвати,—прибавилъ голосъ изъ толпы. — Въ дружкахъ не былъ, штобы чужіе платки брать...

Въ отвѣтъ изъ окна полетѣлъ скомканный дунькинъ платокъ. Спирька накинулъ свой армякъ и храбро вышелъ за ворота, гдѣ его сейчасъ же и подхватилъ подъ руку волостной.

— Вотъ такъ, Спирька... Честь завсегда лучше безчестья, пріятный ты человѣкъ. Чего тутъ бояться добрыхъ людей... Просто, значитъ, волостные старички хотятъ съ тобой разговоръ поговорить.

— Дураки ваши волостные старички,— огрызнулся Спирька.

Спирька понялъ, что его ожидаетъ, и всю дорогу ругался самымъ отчаяннымъ образомъ. Около волости его поджидала уже цѣлая толпа, состоявшая изъ старожиловъ и новожиловъ. Спирька струсилъ, когда увидѣлъ въ толпѣ худенькое лицо старичка Антона.

— Ёнъ самый... озорникъ... — перешептывались въ толпѣ, когда Спирьку вводили на крыльцо волостного правленія.

Въ волости уже дожидались волостные старички, въ рукахъ которыхъ сейчасъ была судьба Спирьки. Однако, онъ не потерялся (слава Богу, не въ первой было судиться у старичковъ!) и довольно развязно проговорилъ:

— Старичкамъ поштеніе...

Старички сидѣли хмурые, какъ слѣдуетъ быть ареопагу, и ничего не отвѣтили. Волостной предъявилъ имъ дунькинъ платокъ въ качествѣ corpus delicti. Изба скоро набилась народомъ. Слышно было тяжелое дыханіе и угнетенные вздохи.

— Спирька, а што ты скажешь нащетъ дунькина платка?— предложилъ вопросъ старшина, не прибѣгая къ предисловіямъ.

— Платокъ? — замялся Спирька и прибавилъ уже бойко: — И очень просто, господа старички... Эта самая Дунька просто вѣдьма. Да... Присушку мнѣ сдѣлала, не иначе.

Старички переглянулись, и старшина отвѣтилъ за всѣхъ:

— Такъ, такъ, пріятный человѣкъ... А мы, значитъ, эту самую Дунькину присушку тебѣ отмочимъ, штобы впередъ не повадно было охальничать. Такъ я говорю, старички? Ну, Спирька, показывай все на совѣсть...

— Нечего мнѣ и показывать... Дѣло извѣстное. Ежели бы я былъ женатый, такъ оно тово... поигралъ малость съ бабенкой, а она себя и оказала вѣдьмой. Мнѣ бы раньше объ этомъ самомъ догадаться... А што касается платка, такъ это самое дѣло прямо наплевать.

— Прытокъ ты на словахъ, пріятный человѣкъ... Только напрасно путляешь, говори настоящее.

При всемъ желаніи сказать что-нибудь настоящее, Спирька только развелъ руками. Старички переглянулись и сдѣлали знакъ коморнику. Толпа молча разступилась, и предъ стариками очутилась Дунька, блѣдная, испуганная, со свѣжими синяками на лицѣ. Она комомъ повалилась въ ноги судьямъ и заголосила:

— Ничего я не знаю, господа старички... Не взыщите на дурѣ-бабѣ. Какъ есть ничего...

— Вретъ ёна... — послышался спокойный голосъ свекра.— Дунька, показывай все...

— Твой платокъ, Дунька?

— Конешно, мой... ёнъ самый и есть.

— Ты телушку пошла искать?

Благодаря этимъ наводящимъ вопросамъ, Дунька разсказала по порядку все происшествіе. Новожилы были довольны этимъ показаніемъ, а старожилы были смущены Спирькинымъ озорствомъ. Тоже не полагается простоволосить мужнихъ-то женъ... Спирька слушалъ, переминаясь съ ноги на ногу и только проворчалъ, когда Дунька сказала, что онъ чуть ее не задушилъ:

— И надо было задавить... Васъ, вѣдьмовъ, нечего жалѣть, ежели вы присушку дѣлаете.

Обстоятельства дѣла были ясны для всѣхъ. Обвиняемый въ свое оправданіе рѣшительно ничего не могъ сказать и только твердилъ, что Дунька — вѣдьма.

— А хоша бы и вѣдьма, — замѣтилъ резонно одинъ старичокъ, — и съ вѣдьмовъ платки-то не полагается рвать. А ты вотъ того, озорникъ, не понимаешь, што всю деревню острамилъ... Што теперь новожилы-то про насъ будутъ говорить?

Выдвинулся самый больной вопросъ о розни между Разстанью и Ольховкой. Новожилы являлись потерпѣвшей стороной и требовалось возмездіе, чтобы возстановить честь и доброе имя старожиловъ. Спирька являлся своего рода козломъ отпущенія. Старожилы на немъ какъ будто дѣлали невольную уступку и косвенно признавали права новожиловъ. Спирькой замирялись впередъ поводы къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, и волостные старички, какъ опытные политики, отлично это понимали, какъ понималъ и Спирька, котораго выдавали головой. Міръ отъ него отступался.

— Ну, пріятный человѣкъ, што мы теперь съ тобой будемъ дѣлать? — заговорилъ старшина. — Своимъ-то озорствомъ ты вотъ до чего всѣхъ довелъ...

— Поучить его надо, змѣя, господа старички, — вступился свекоръ Дуньки.

— А ты помолчи, дѣдко... — остановили его судьи, сохраняя собственное достоинство. — Мы дѣло ведемъ на совѣсть... Ну, Спирька, такъ што мы съ тобой должны дѣлать теперь?

Въ судьяхъ было еще нѣкоторое колебаніе, но Спирька самъ себя предалъ — вмѣсто отвѣта взялъ и плюнулъ. Онъ до конца остался озорникомъ, и участь его была рѣшена по безмолвному соглашенію. Для видимости старички пошептались между собой, а потомъ старшина проговорилъ:

— Нечего дѣлать, пріятный человѣкъ... Довелъ ты насъ донельзя... Дядя Пётра и ты, Ларивонъ...

Когда Спирька возвращался домой, ребятишки показывали ему языкъ и кричали:

— Драный-сѣченый!...

Спирька только встряхивалъ волосами, но не смущался. Какъ это господа старички поддались этой самой вѣдьмѣ — даже удивительно. Вотъ до чего ихъ довела Дунька... Дерутъ живого человѣка и думаютъ, что сами это придумали. А новожилы-то чему обрадовались?

V.

Только вернувшись въ свою избушку, Спирька въ первый разъ почувствовалъ приступъ жгучаго стыда. Вотъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ жилъ онъ справнымъ мужикомъ, пока не померла жена, а теперь... Спирька забрался въ темный уголъ на полатяхъ и пролежалъ тамъ до ночи, снѣдаемый нѣмымъ отчаяніемъ. Онъ тысячу разъ повторялъ про себя все случившееся и приходилъ къ одному и тому же заключенію, что во всемъ виновата Дунька, и она одна. Какъ, вѣдь, ловко она съ перваго разу обошла его — никто и не замѣтилъ.

Припомнился Спирькѣ жаркій лѣтній день. Онъ ѣхалъ откуда-го съ помочи, пьяный свалился съ лошади и тутъ же заснулъ въ зеленой душистой травѣ. Лошадь паслась около него. Потомъ Спирькѣ показалось, что кто-то тащитъ у него изъ-за пояса ременный чумбуръ, на которомъ привязана была лошадь.

— Стой!.., Врешь... убью!—заоралъ Спирька, напрасно стараясь подняться на ноги.—Эй, не подходи!..

— Ну, слава Богу, живой,—проговорилъ надъ нимъ участливый женскій голосъ.—А мы думали, што ты расшибся али убитой.

Это и была Дунька. Она шла съ свекромъ впереди переселенческаго обоза. Старикъ Антонъ спуталъ какую-то повертку и обратился къ Спирькѣ:

— Милъ другъ, какъ намъ проѣхать на Томскъ?

— На Томскъ? Ха-ха... Да, вѣдь, до Томска-то тыщи двѣ верстовъ будетъ. Ахъ, ты, старый чортъ... Можетъ, тыщи дорогъ на Томскъ идутъ: любую-лучшую выбирай. Да вы кто такіе будете? Переселенцы?

— Около этого, милъ-человѣкъ... Рязанскіе, значитъ Рязанской губерніи, вообче, значитъ, выходитъ, рассейскіе.

— Та-акъ... —соображалъ Спирька.—А я думалъ—конокрады.

Пока шелъ этотъ разговоръ, Дунька стояла и съ жалостью смотрѣла на Спирьку. Этакой здоровый мужикъ, а морда въ грязи, рубаха испластана,—она не стерпѣла и проговорила:

— А ты бы рожу-то себѣ вымылъ, да и рубаху надо починить... Видно, нѣту жены-то?...

Ахъ, какъ она хорошо все это сказала... Спирька и теперь точно слышитъ этотъ ласковый бабій голосъ и видитъ жалостливые бабьи глаза. Вѣдь, вотъ, поди ты, сразу угадала все... И хорошо Спирькѣ сдѣлалось, и стыдно, а Дунька смотритъ на него такъ прямо и такъ просто.

Старикъ еще что-то разспрашивалъ, а потомъ подошелъ переселенческій обозъ. Ужъ только и народъ... Притомились всѣ за дорогу-то, обносились, затощали—смотрѣть жаль. А видно, что народъ все хорошій, правильный народъ, не чета сибирскому. Этакому-то народу дай-ко вольную сибирскую землю, такъ огнемъ загоритъ. И бабы все хорошія, хотя и въ лаптяхъ.

Когда обозъ уже прошелъ, Спирька замѣтилъ, что Дунька оглянулась на него. Эти большіе сѣрые глаза точно позвали его. Спирька сѣлъ на лошадь, догналъ обозъ и обратился къ старику:

— Ты, видно, дѣдко, ходокомъ будешь?

— Ёнъ самый.

— Словечко я тебѣ одно скажу, дѣдко... Эхъ, дорогое словечко, а вся цѣна—полуштофъ водки.

Обозъ остановился. Около Спирьки собрались мужики.

— Куды въ Томскую губернію тащитесь?—заговорилъ Спирька, мотаясь въ сѣдлѣ.—Экую даль тащиться, да это помереть.

— Нужда, милъ-человѣкъ, гонитъ... Не сами идемъ. Нужда устигла...

— Эхъ, вы...

Спирька обругался, а потомъ прибавилъ:

— Вотъ што я вамъ скажу, расейскіе мужички... Сдѣлаемъ дѣльце такъ: вы мнѣ выставите, напримѣрно, полуштофъ водки, а я, напримѣрно, отведу вамъ тыщу десятинъ вольной земли. На, пользуйся да поминай Спирьку... Всѣ будете благодарить, а у которыхъ ежели есть дѣти, такъ и дѣти будутъ чувствовать, каковъ есть человѣкъ Спирька.

Переселенцы выслушали и сначала не повѣрили Спирькѣ: пьяный человѣкъ зря болтаетъ. Да и видъ у него совсѣмъ шалый. Погалдѣли расейскіе лапотники, посмѣялись надъ Спирькой и хотѣли идти дальше, но остановила всѣхъ Дунька:

— Полуштофъ съ міру пустое, а можетъ ёнъ и въ самъ дѣлѣ можетъ опредѣлить...

Началась жестокая ряда. Спирька стоялъ на своемъ.

— Да ты скажи напередъ, а потомъ мы тебѣ бочку этого проклятаго вина укупимъ.

— Не могу!—артачился Спирька.—Самому дороже стòитъ, и потомъ у меня свой карахтеръ... Не хотите своей пользы понимать...

Старикъ Антонъ подумалъ-подумалъ и рѣшилъ въ свою голову:

— Вотъ што, милъ человѣкъ, такъ и быть: сдѣлаю тебѣ уваженіе. Понимаешь: распослѣднее отдаю.

Только теперь Спирька догадался, что такое рѣшеніе старика Антона было внушено Дунькой. Дѣло ясно, какъ день... Она видѣла всѣхъ насквозь.

Водки въ обозѣ, конечно, не оказалось и пришлось ѣхать до первой деревни, гдѣ былъ кабакъ. Измученный жестокимъ похмѣльемъ, Спирька выпилъ всю бутылку дрянной кабацкой водки чуть не залпомъ, прямо изъ горлышка. Потомъ Спирька крякнулъ, вытеръ лицо рукавомъ рубахи и заявилъ:

— Ну, дѣдко, твое счастье... Купилъ ты меня.

Они отошли въ сторону, и Спирька, дѣйствительно, обсказалъ все на совѣсть.

— Вы, дѣдко, вотъ какъ сдѣлайте... Тутъ есть Кумяцкая башкирская волость, земли видимо-невидимо—понялъ? У нихъ такое правило: башкиру вотчиннику полагается тридцать десятинъ на душу, а башкиру припущеннику всего пятнадцать...

Голова старичка Антона закачалась отъ удивленія: *всего* пятнадцать десятинъ?...

— А дѣло не въ этомъ, дѣдко,—объяснялъ дальше Спирька.— Башкирскую-то землю пьяный чортъ мѣрялъ послѣ дождичка въ четвергъ... Сколько этой земли—никто не знаетъ. И еще есть причина: мрутъ эти башкиры, какъ мухи, а земля-то остается тоже. Понялъ?

— А ты не омманываешь?

— Ну, вотъ, то же скажетъ человѣкъ... Што мнѣ тебя обманывать, когда у насъ своя деревня стоитъ на башкирской землѣ. Пришли и осѣли... Пятьдесят лѣтъ теперь судимся съ башкирами и никакое начальство ничего разобрать не можетъ. По-моему, этой самой земли и вамъ хватитъ, да еще отъ васъ останется... Понялъ? Значитъ, башкирская деревня Кульмякова — понялъ? а мы ужъ къ ней приспособились, ну, а вы къ нашей деревнѣ приспособляйтесь.

— Какъ же это на чужую землю возможно?

— Ахъ, ты, ежовая голова: сказано — земля ничья, Божья, значитъ. Ничего неизвѣстно, кому и што слѣдствуетъ... Я тебя и научу, дѣдко, какъ нашихъ разстанскихъ мужиковъ обойти, только за это ты мнѣ второй полуштофъ потомъ выставишь. Ты пріѣзжай завтра къ намъ въ волость и сторгуй три десятины травы у волостныхъ старичковъ, будто лошадей выправить... У насъ трава по двугривенному съ десятины... Ну, а какъ васъ пустятъ, вы ужъ не зѣвайте: сейчасъ налаживайте и балаганы, и землянки. Понялъ? А потомъ будто вы перезимовать только хотите... Такъ? А потомъ

съ кульмяцкими башкирами сговоритесь, будто вы у нихъ эту самую землю покупаете... Да тутъ конца-края не будетъ, и никто ничего не разберетъ.

— Ну, и сказалъ ты словечко, милъ человѣкъ...

— А то какъ же? У насъ, братъ, въ Сибири добромъ ничего не возьмешь... Божья земля-то. Понялъ? Такъ оно и пойдетъ годъ за годомъ, а тамъ, глядишь, башкыры всѣ вымрутъ, — ну, тогда съ Разстанью и раздѣлите землю пополамъ. Вотъ каковъ есть человѣкъ Спирька!

— Такъ, такъ....

— Да ужь вѣрно сказано.

Переселенцы такъ и сдѣлали, какъ научилъ Спирька, и все вышло какъ по-писаному. Ходокъ Антонъ оказался большимъ мужицкимъ дипломатомъ. Дѣло въ томъ, что русская деревня Разстань не имѣла никакого права на существованіе и осѣла на чужой башкирской землѣ захватомъ. Башкиры судились съ этими незваными насельниками много лѣтъ, но изъ этого ничего не выходило, потому что собственныя права башкиръ тонули во мракѣ далекаго прошлаго. Когда-то, очень давно, они тоже пришли сюда и захватили чужую землю. Оставались права давности, вѣрнѣе—права перваго захвата. Появленіе новыхъ насельниковъ было на руку башкирамъ, сдавшимъ въ долгосрочную аренду землю, принадлежавшую Разстани. Отсюда пошли нескончаемые споры и раздоры между двумя русскими деревнями, сопровождаемые настоящими драками и рукопашной. Переселенцы удерживались только дипломатическимъ талантомъ ходока Антона, умѣвшаго заговаривать зубы и разсчитывавшаго на время.

Все это припомнилъ теперь Спирька и могъ только удивляться черной неблагодарности переселенцевъ. Для него было ясно, какъ день, только одно, что не встрѣть онъ тогда переселенческаго обоза, не былъ бы онъ дранымъ. Вотъ до чего довела Дунька своимъ колдовствомъ и его, и другихъ, съ тою разницей, что онъ отлично понималъ, въ чемъ дѣло, а всѣ другіе точно ослѣпли.

— Благодѣтелемъ для нихъ былъ,—размышлялъ Спирька въ огорченіи.— А они же своего благодѣтеля и отлупцовали... Нѣтъ, ты погоди, не таковскій Спирька, чтобы живому мыши голову отъѣли.

VI.

Исторія Спирькиной любви была очень грустная, начиная съ того, что онъ не зналъ даже самого слова—любовь. По его поня-

тіямъ это была присушка. Взяла хитрая баба и заколдовала. Дѣло тянулось цѣлыхъ пять лѣтъ. Спирька часто бывалъ въ Ольховкѣ у переселенцевъ, но встрѣчалъ Дуньку очень рѣдко и то мелькомъ. Ихъ разговоры ограничивались взаимной перебранкой.

— Што ты на меня возрился, какъ свинья на мертваго воробья?—спроситъ иногда Дунька.

— У, гладкая!...—отвѣтитъ Спирька и обругаетъ.

Дунька жаловалась на озорника мужу, но Степанъ былъ смирный мужикъ и не обращалъ вниманія. Извѣстно, сибиряки отчаянные, удержу на нихъ нѣтъ.

А у Спирьки съ каждымъ годомъ сердце все больше и больше разгаралось. Онъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ дѣлается, а только Дунька не выходила у него изъ головы. Развѣ можно было ее примѣнить къ другимъ бабамъ? Глянетъ, такъ точно огнемъ обожжетъ. На Спирьку нападала жестокая тоска, и онъ топилъ свое горе по кабакамъ. Пьяный онъ часто плакалъ и жаловался кабацкимъ друзьямъ, что его испортила одна женщина. Прямо онъ не называлъ Дуньки, а только намекалъ, что она изъ переселенокъ.

— Какъ змѣя проползла... Вотъ какое дѣло! И сплю, и вижу ее...

Кабацкіе пріятели отъ души сочувствовали Спирькину горю, отъ искренняго сердца ругали его и совѣтовали бить вѣдьму, которая такими дѣлами занимается.

Но раньше Спирька еще сомнѣвался, что Дунька была вѣдьма, и только теперь это сдѣлалось ему яснымъ, какъ день. И какая вѣдьма—издали приворожила. Другія вѣдьмы или накормятъ чѣмъ, или опоятъ человѣка, а эта однимъ глазомъ только поглядѣла, и Спирька готовъ. Даже сейчасъ, послѣ расправы въ волости, онъ не могъ разсердиться на нее по-настоящему. Были мысли довольно жестокаго характера, но онѣ опадали, какъ осенній сухой листъ съ дерева. По возвращеніи изъ волости Спирька рѣшилъ про себя, что спалитъ дворъ у старика Антона, и эта мысль ему очень правилась. Темная вѣтряная ночь... всѣ спятъ... и вдругъ надъ Ольховкой зарево, а черезъ два часа хоть шаромъ покати. Для отвода глазъ Спирька хотѣлъ притвориться больнымъ и вылежать въ избѣ съ недѣлю. На̀, потомъ разбирай, да ищи вѣтра въ полѣ... Кто поджогъ—руки-ноги не оставилъ. Не хорошо было то, что расейская стройка дружная, изба къ избѣ, и вся деревня могла сгорѣть, какъ хорошій костеръ. Не сто̀ило изъ-за Дуньки по міру пускать столько народу. Другой способъ—изводить Дуньку самому. Пріѣхалъ къ избѣ верхомъ да и давай золотить вѣдьму всякими сло-

вами. Переселенскіе мужики смирные, все стерпятъ. Опять не хорошо...

Цѣлыхъ три дня думалъ Спирька, и ничего не выходило. Виноваты и свои разстанскіе, зачѣмъ выдали головой новоселамъ. Хорошо бы имъ краснаго пѣтуха запустить, чтобы чувствовали вполнѣ.

— Надо васъ, варнаковъ, учить... Простоваты вы, штобы драть человѣка не знамо за што. Какой же это порядокъ? Сегодня одного отодрали, а завтра другого будете драть... А еще господа старички называются. Отъ всего опщества честь... Одной водки сколько вытрескаютъ на сходахъ за мірской счетъ.

Но ни одному изъ этихъ жестокихъ плановъ Спирьки не суждено было осуществиться.

Разъ на самомъ брезгу́ Спирька былъ разбуженъ стукомъ въ окно.

— Эй, ты, пріятный человѣкъ...

— Кого тамъ чортъ принесъ?—откликнулся Спирька съ печи.

— А ты выглянь въ окошко.

Спирька слѣзъ съ печи и выглянулъ. Передъ его избой стояла кучка ольховскихъ новоселовъ съ ходокомъ во главѣ.

— Чего васъ носитъ, полуношниковъ?—обругалъ Спирька.

— А ты выдь изъ избы-то... Разговоръ маленькій есть.

— Знаю я ваши разговоры... Опять, што ли, драть?

— Зачѣмъ драть, пріятный человѣкъ, а такъ, для разговору словъ. Ежели добромъ не выдешь, такъ сами въ избу придемъ... Тебѣ же хуже будетъ, пріятный человѣкъ.

Спирька нѣкоторое время соображалъ, хотя выбирать было не изъ чего. Потомъ на него напало озлобленіе, и онъ смѣло пошелъ изъ избы. Но его схватили десятки дюжихъ рукъ, едва онъ переступилъ порогъ сѣней.

— Получай, братцы...— обрадованно загалдѣли мужики. — Ёнъ самый и есть озорникъ. Держи его крѣпче!...

Въ одинъ моментъ Спирька былъ связанъ.

— А вотъ увидишь, пріятный человѣкъ... Ребята, волоките озорника.

— Братцы...

Спирьку потащили по срединѣ улицѣ, довольно невѣжливо подталкивая подъ бока. Онъ только кряхтѣлъ и по обыкновенію ругался. Стояло самое раннее утро, такъ что не топилась еще ни одна изба. Окрестныя горы были подернуты туманною дымкой. На топотъ десятковъ ногъ и глухой говоръ сопровождавшей Спирьку толпы кое-гдѣ въ окнахъ показывались головы.

— Братцы, убиваютъ!—кричалъ Спирька, когда замѣчалъ мужицкую голову.—Охъ, убиваютъ...

За эти возгласы ему, дѣйствительно, доставались дюжіе тумаки, а потомъ чья-то корявая рука зажала Спирькинъ ротъ.

— Молчи, конокрадъ!

Послѣднее восклицаніе сдѣлало все яснымъ. Спирька понялъ, зачѣмъ его волокутъ въ Ольховку, и ему впередъ представилась ужасная картина мужицкаго самосуда. Онъ самъ видалъ, какъ на смерть бьютъ конокрадовъ,и самъ даже участвовалъ въ жестокихъ расправахъ. Да, все было ясно, какъ день, и даже Спирька ужаснулся, когда толпа свернула въ переулокъ налѣво. Очевидно,новоселы не желали вести Спирьку черезъ Разстань, чтобы не поднимать на ноги разстанскихъ мужиковъ, которые могутъ заступиться за односельчанина. А у себя въ Ольховкѣ сдѣлаютъ, что хотятъ.

Спирьку потащили полемъ. Толчки дѣлались сильнѣе. Кто-то ударилъ Спирьку по щекѣ. Дюжія мужицкія руки держали его, какъ въ клещахъ. У Спирьки начала кружиться голова отъ страшной боли въ лѣвомъ плечѣ,—очень уже поусердствовали скрутить ему руки за спиной.

Ольховка была вся на ногахъ, когда привели Спирьку. Его встрѣтили озлобленныя лица. Кто-то ругался, какая-то женщина причитала. Старуха, жена ходока Антона, такъ и вцѣпилась въ Спирьку.

— Енъ... ёнъ самый!... А я ему глаза повытыкаю, озорнику.

Обезумѣвшую отъ ярости старуху едва оттащили.

— Охъ, разорилъ ёнъ насъ всѣхъ!...—причитала она.—Всю семью по міру пустилъ... Куды мы безъ лошадокъ? Страда наступитъ скоро, а мы какъ безъ рукъ... Снялъ съ насъ голову, озорникъ!...

— Это ёнъ со злости, што тогда поучили за Дуньку въ волости,—объяснялъ голосъ въ толпѣ.—И лукавъ пёсъ...

Спирьку затащили на дворъ къ Антону и положили связаннаго на землѣ. Тащившіе его мужики запыхались. На всѣхъ лицахъ была написана твердая рѣшимость раздѣлаться съ конокрадомъ посвойски, чтобы другимъ-протчимъ подобнымъ озорникамъ впередъ не было повадно. Спирька былъ осужденъ заранѣе, осужденъ цѣлымъ крестьянскимъ міромъ, и теперь оставались только маленькія формальности. Когда къ нему подошелъ Степанъ и ткнулъ тяжелымъ мужицкимъ сапогомъ прямо въ лицо, такъ что брызнула кровь, его остановили.

— Не трошь, Степанъ... Теперь ёнъ никуда не уйдетъ изъ нашихъ рукъ.

Составился полевой судъ. Вся задача заключалась въ томъ, чтобы выпытать отъ Спирьки, куда онъ угналъ лошадей. Степанъ, задыхаясь отъ волненія, въ сотый разъ разсказалъ, какъ они втроемъ караулили лошадей на зеленяхъ и какъ ихъ украли прямо у нихъ изъ-подъ носу. Въ темнотѣ воровъ не могли разглядѣть.

— Ну, теперь твоя рѣчь,—обратился старикъ Антонъ къ Спирькѣ.—Доказывай, куды дѣлъ лошадей?

У Спирьки быстро мелькнула тѣнь надежды на спасеніе. Онъ отвѣтилъ съ дерзостью:

— Не меня надо бить, а вашихъ пастуховъ... Чего они-то глядѣли? Воровъ трое и ихъ трое.

Толпа немного смутилась. Каждое игновеніе было дорого, и Спирька рѣшилъ дорого продать свою грѣшную душу. Онъ обругалъ всѣхъ и смѣло заявилъ:

— Ужъ ежели на то пошло, такъ я одинъ вамъ выворочу украденныхъ коней... Дураки вы всѣ!... Гдѣ васъ надо, такъ тамъ васъ и нѣтъ...

Эта смѣлая ругань произвела извѣстное впечатлѣніе. Кругомъ виноватые люди не будутъ ругаться, особенно, когда смерть на носу.

— Я вамъ всѣмъ покажу, какъ надо на свѣтѣ жить!—уже смѣло заговорилъ Спирька.—Спросите сусѣдей, никуда я изъ избы съ вечера не выходилъ... Понасѐрдкамъ *) вы меня взяли. Говорю: одинъ выворочу всѣхъ коней. Мнѣ же въ ноги потомъ будете кланяться, лапотники... Разѣ такіе мужики бываютъ? Эхъ, вы... А Степкѣ я самъ обѣ скулы своротчу. Его надо бить-то шалаго...

VII.

Неистовое поведеніе Спирьки сбило новоселовъ съ толку. Ругавшіеся мужики замолчали, озлобленіе смѣнилось недоумѣніемъ. Дунька, спрятавшаяся со страху въ задней избѣ, думала, что уже все кончено. Она все время повторяла про себя:

— Охъ, смертынька... Оны его убъютъ!..

А тутъ вдругъ галдѣнье прекратилось. Она выбѣжала въ сѣни и изъ-за косяка увидѣла удивительную картину. Батюшка свекоръ своими руками развязалъ руки Спирькѣ и даже помогъ ему под-

*) Понасердкамъ—по злобѣ, въ сердцахъ.

няться на ноги. Видъ у Спирьки былъ ужасный: рубаха разорвана въ клочья, лицо въ крови, на спинѣ и плечахъ сине-багровыя подтеки отъ ударовъ. Спирька постоялъ, точно оглушенный, повелъ плечами, точно пробовалъ, цѣлы ли кости, а потомъ проговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Дайте стаканчикъ водки...

Въ данный моментъ больше всего смущала разорванная рубаха. Въ толпѣ были и бабы, и дѣвки, а онъ совсѣмъ голый. Спирька нѣсколько разъ тряхнулъ головой. Да, много разъ его бивали и раньше, только рубаху не такъ рвали.

— На, непутевая голова,—говорилъ старикъ Антонъ, подавая Спирькѣ стаканъ водки.—Такъ лошадушекъ-то добудешь?

— Сказано: выворочу. Экія собаки, право, какъ рубаху-то истерзали... Мѣста живого не осталось.

— Ну, рубаху мы тебѣ другую дадимъ... Дунька, сыщи-ка ему какую ни на есть!—приказалъ Антонъ.—Такъ лошадокъ-то, Спирька, вызволишь? Вѣдь раззоръ всему нашему дому...

Дунька разыскала старенькую мужнину рубаху и вынесла ее на дворъ. Спирька сурово повернулся къ ней спиной. Дунька опять убѣжала въ заднюю избу, чтобы никто не видѣлъ ея слезъ,—вѣдь изъ-за нея, дуры, чуть не убили Спирьку. И посмотрѣть-то теперь на него страшно: въ крови весь, какъ баранъ, все тѣло пестрое отъ синяковъ, одинъ глазъ началъ затекать. Поведеніе Спирьки еще больше убѣдило ее въ собственной виновности, и Дунька не могла удержать слезъ. А тутъ еще матушка свекровушка можетъ увидѣть, какъ она его жалѣетъ озорника и можетъ поѣдомъ съѣсть.

Къ себѣ, въ Разстань, Спирька не пошелъ, а послалъ за своей гнѣдой лошадью. По пути велѣлъ захватить пастушій рогъ и ременный арканъ. Дунька видѣла, какъ онъ, обряженный въ чужую рубаху, ястребомъ сѣлъ на свою лошадь, поднялся въ сѣдлѣ и попросилъ стаканчикъ водки.

— Не поминайте лихомъ Спирьку!—крикнулъ онъ, пуская лошадь съ мѣста полной рысью.

Оставшіеся у воротъ мужики, нѣсколько времени сумрачно молчали, а потомъ какой-то голосъ проговорилъ въ толпѣ:

— Омманетъ Спирька-то... Ищо его же и водкой напоили. Теперь ступай, лови его.

Старикъ Антонъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вызовъ. Два стакана водки не разсчетъ, когда человѣкъ обѣщаетъ коней воротить. Окромя его некому и сдѣлать такъ. Спирька по лошадиной части все знаетъ и съ завязанными глазами всю округу обыщетъ.

Спирька пропадалъ цѣлыхъ три дня. Время тянулось ужасно медленно. «Дворъ» старика Антона переживалъ самый критическій моментъ. Какой «дворъ» безъ лошадиной силы, а новыхъ лошадей разводить не на что. Получилось самое безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что дѣло шло къ страдѣ. Мужики угрюмо молчали, а бабы ходили съ заплаканными глазами. Теперь все благосостояніе семьи зависѣло единственно отъ смѣлости отчаяннаго человѣка Спирьки. Но больше всѣхъ убивалась Дунька, убивалась молча, одна затаивъ въ себѣ цѣлый рой чисто-бабьихъ мыслей. О, она теперь выучилась молчать. Съ одной стороны, она, припоминая недавніе побои, даже не желала, чтобы Спирька вернулъ назадъ украденныхъ лошадей,—пусть зорится нелюбимая семья, а съ другой она такъ боялась за Спирьку. А вдругъ онъ вернется съ пустыми руками? Если его и не убьютъ, такъ самъ на вѣкъ себя осрамитъ. Дунькѣ до слезъ дѣлалось жаль вотъ этого отчаяннаго Спирьку, когда она припоминала его поведеніе. Какъ онъ обругалъ Степана, да и всѣхъ другихъ новоселовъ,—лежитъ связанный и ругаетъ. Они-то навалились на одного человѣка всей деревней и убили бы навѣрно, ежели бы не отчаянность Спирьки. Эта смѣлость произвела на Дуньку неотразимое впечатлѣніе. Вѣдь, это совсѣмъ не то, что бить беззащитную бабу, какъ ее били батюшка-свекоръ съ мужемъ Степаномъ. Что-то такое новое зарождалось въ душѣ Дуньки, что ее и пугало, и радовало, заставляло плакать. Потихоньку она молилась за успѣхъ Спирькиной экспедиціи.

Въ Ольховкѣ сильно сомнѣвались относительно Спирьки и потихоньку судачили относительно старика Антона. Правильный старичокъ, а вотъ какъ далъ маху... Обошелъ кругомъ озорной человѣкъ. Но этимъ пересудамъ былъ положенъ конецъ, когда на четвертый день ночью объявился Спирька. Онъ привелъ на своемъ арканѣ всѣхъ трехъ лошадей. Сонная семья выскочила вся на улицу и не вѣрила собственнымъ глазамъ.

— Да ты ли это, Спирька?—спрашивалъ Антонъ.

— Около того...

Когда Спирькѣ пришлось слѣзать съ лошади, онъ только тяжело застоналъ. Правая рука у него висѣла плеть плетью.

— Ты, Спиря того,—бормоталъ старикъ Антонъ, помогая ему вылѣзть изъ сѣдла.—Эхъ, братъ, тово... Што это у тебя рука-то, какъ чужая?

— А такъ, значитъ...

Бабы ухватились за лошадей и съ причитаньями повели ихъ во дворъ. Оставалась одна Дунька. Она спряталась за верею и наблю-

дала, какъ батюшка свекоръ снималъ съ лошади озорника Спирьку. Дунькино сердце билось, какъ подстрѣленная птица, и она чувствовала, какъ задыхается. По всѣмъ признакамъ Спирька былъ едва живъ и доѣхалъ до Ольховки только по инерціи. Когда его сняли съ сѣдла, Спирька весь распустился, какъ ребенокъ, и едва могъ пролепетать коснѣвшимъ языкомъ:

— Водочки... стаканчикъ...

— Били тебя, Спиря?

— Охъ, какъ били... И я билъ, и меня били...

Отъ Спирьки трудно было добиться какого-нибудь толку, да и не любилъ онъ разспросовъ.

— Гдѣ былъ—ничего не осталось,—сурово отвѣчалъ онъ.— Мало ли хорошихъ мѣстовъ.

— Такъ, гришь, шибко били?—повторялъ Антонъ.

— Очень даже превосходно.

По перепавшимъ лошадямъ мужики видѣли, что Спирька былъ не близко, а глядя на него—что дѣло было у него съ конокрадами жаркое.

Онъ оставался гостемъ у Антона дня три, пока поправился и немного отдохнулъ. За нимъ теперь всѣ ухаживали, и пряталась только одна Дунька. Она боялась поднять глаза, когда входила въ избу, гдѣ сидѣлъ съ мужиками Спирька. Онъ тоже отворачивался отъ нея и только разъ, когда они столкнулись на дворѣ, спросилъ:

— Дунь... а Дунь? Ты не серчаешь на меня?

У Дуньки точно что оборвалось внутри отъ этого виноватаго голоса, какимъ заговорилъ съ ней Спирька. Сердце такъ и захолонуло, какъ будто она полетѣла откуда-то съ высоты.

— Такъ не серчаешь, Дунь?

— Што это и придумаешь, Спиридонъ Савельичъ... Посмѣяться надо мной хочешь...

— Я?! Эхъ, Дунюшка...

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и шепнулъ:

— Для тебя только и коней выворотилъ, желанная... На, получай и чувствуй, каковъ есть человѣкъ Спирька. Эхъ, Дуня... Словъ вотъ у меня нѣтъ никакихъ, штобы, значитъ, обсказать все... Только и умѣю, што ругаться.

— Ты меня вѣдьмой считаешь...

Голосъ Дуньки оборвался, и она закрыла лицо рукавомъ. Душившія ее всѣ эти дни слезы такъ и хлынули. Спирька растерялся и не зналъ, что ему сказать. Да и что скажешь бабѣ, которая дура дурой реветъ? Правда, жаль бабенки... Спирька повернулся къ

плакавшей Дунькѣ спиной, постоялъ съ минуту, напрасно отыскивая въ своемъ репертуарѣ хоть одно ласковое слово, но только тряхнулъ головой и ушелъ въ избу. Онъ немного струсилъ и струсилъ самого себя: жалость такъ вотъ всего и охватила.

Спирька ушелъ отъ Антона черезъ какой-нибудь часъ.

— Ты куды это скоро больно поплелся?—уговаривалъ его старикъ Антонъ.—Поживи, пока рука-то поправится.

— Нѣтъ, ужъ я домой,—угрюмо отвѣчалъ Спирька.

Дунька видѣла потомъ, какъ батюшка свекоръ совалъ Спирькѣ рублевую бумажку, а Спирька ругался.

— Отстань, старый чортъ!... Сталъ бы я себя увѣчить изъ-за твоего рубля... Дураки вы всѣ и ничего не понимаете. А Степану я скулу своротчу, какъ вотъ только рука выправится.

Обругалъ всѣхъ и пошелъ домой, придерживая безсильно мотавшуюся правую руку.

VIII.

Вернувшись домой, Спирька сразу слегъ, точно подломился. Сначала у него болѣла ушибленная рука. Она была точно чужая и висѣла плеть плетью. Ударъ пришелся по плечу, и Спирька чувствовалъ по ночамъ страшную боль. Задремлетъ и видитъ во снѣ, какъ нагоняетъ конокрадовъ. Ихъ было трое. Они сидѣли вокругъ огонька, не ожидая опасности. Стреноженныя лошади паслись въ десяти шагахъ. Спирька налетѣлъ на воровъ орломъ. Завязалась отчаянная драка. Могучъ былъ Спирька и двоихъ уложилъ сразу, а третій оказался «жиловатымъ» и долго дрался со Спирькой. Когда Спирька уложилъ и этого третьяго и «палъ» на свою лошадь, онъ догналъ его и ударилъ бастрыгомъ по плечу. Хорошо, что Спирька усидѣлъ на лошади, а то бы ему не сдобровать. Сейчасъ онъ повторялъ про себя тысячу разъ эту сцену, и ему казалось, что его все еще бьютъ. Онъ просыпался въ холодномъ поту и кричалъ:

— Эй, всѣхъ убью!... Не подходи.

Спирька думалъ отлежаться, какъ бывало раньше. Не въ первый разъ его били на смерть. Но чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось ему хуже. Спирька послалъ за старухой Митревной, которая лѣчила всю Разстань. Митревна пришла, осмотрѣла Спирьку и только покачала головой.

— Экъ тебя угораздило, Спирька.

— А што?

— Мѣста, вѣдь, на тебѣ живого нѣтъ... Точно цѣпами тебя молотили.

— Около того, баушка... Весь не могу. И поясницу ломитъ, и крыльца болятъ, и ноги отнимаются.

— Вотъ, вотъ... Больно ты лютъ драться-то, Спирька.

— Дѣло такое подошло, баушка.

— Да, дѣло хорошее... Какъ еще тебѣ башку не оторвали напрочь.

Баушка Митревна еще разъ осмотрѣла Спирьку, покачала головой и проговорила:

— Умрешь ты, Спирька.

— Раньше смерти не помру.

— Главная причина, што у тебя повреждена становая жила и всѣ болони нарушены.

Мысль о смерти Спирьку не испугала. Что же, умирать, такъ умирать... Обиднымъ для него было только одно—оставалось неизвѣстнымъ, отъ кого онъ умретъ. Били здорово и ольховскіе мужики, и конокрады—ступай, разбирай, которые били сильнѣе. Сначала Спирька рѣшилъ, что его окончательно изувѣчили конокрады, а потомъ на него напало сомнѣніе. Хорошо тузили и ольховскіе новоселы.

Спирька лежалъ въ своей избушкѣ совершенно одинъ. Въ Разстани, и въ Ольховкѣ, и въ Кульмяковой было уже извѣстно, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Приходили провѣдывать разные мужики и всѣ жалѣли Спирьку.

— Безпремѣнно ты помрешь Спирька... Ужъ баушка Митревна знаетъ. Она, братъ, скажетъ, какъ ножомъ отрѣжетъ. Достаточно перехоронила на своемъ вѣку всякихъ народовъ.

— Знаю безъ васъ, што помру... Отъ ольховскихъ новоселовъ въ землю уйду. Я ихъ землей наградилъ, и они меня тоже землей отблагодарили. Мой грѣхъ.

— А ты бы, Спирька, штецъ горяченькихъ похлебалъ. Можетъ и полегчаетъ... По жиламъ горяченькое-то разойдется.

— Не позываетъ меня на пищу, братцы.

Особенно тяжело бывало Спирькѣ по вечерамъ, когда онъ лежалъ въ темнотѣ. Тихо кругомъ, а въ Спирькиной головѣ мысли такъ и шевелятся. Припоминалъ онъ всю свою жизнь и ничего, кромѣ безобразія, не находилъ. Если бы ему баушка Митревна предложила прожить жизнь во второй разъ, онъ едва ли бы согласился. Тошно и вспоминать, не то что снова все продѣлывать. Такъ, одно безобразіе... Другіе, конечно, жили и по-хорошему, а онъ мыкался.

Разъ лежалъ Спирька вечеромъ и особенно мучился. Ему при

ходилось плохо. Явилось какое-то смутное ожиданіе чего-то. Вотъ бы встать теперь, выйти на улицу... Кругомъ все давно уже зеленѣло. И горы стоятъ зеленыя, и поля, и луга. Хорошо вездѣ, кромѣ его избушки. Спирька кажется задремалъ, когда его разбудилъ осторожный шорохъ въ сѣняхъ. Потомъ раскрылась дверь, и кто-то вошелъ въ избу.

— Ты живъ, Спиридонъ Савельичъ?—спросилъ женскій голосъ.

— Это ты, Дуня?

— Я... Урвалась изъ дому, штобы съ тобой проститься.

Голосъ у Дуньки оборвался. Спирька слышалъ ея тяжелое дыханіе. Она стояла, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну?—сурово спросилъ Спирька.

— Больше ничего.

Она присѣла на лавку, и Спирька только теперь разсмотрѣлъ, что Дунька пришла съ ребенкомъ.

— Ты это зачѣмъ ребенка-то приволокла?

— А такъ... Сказывали мужики, што ты помираешь—вотъ я и пришла.

— Помираю, Дуня...

Голосъ Спирьки сдѣлался ласковѣе.

— Наши-то мужики тебя вотъ какъ жалѣютъ, потому какъ понапрасну тогда обидѣли тебя.

— Ну ихъ совсѣмъ! Пусть твой Степанъ благодаритъ Бога, што я кончусь скоро, а то бы... Не стòитъ говорить, Дуня.

Дунька тяжело вздохнула.

— А што касаемо того, што я тебя вѣдьмой повеличивалъ, такъ это совсѣмъ особь статья, Дуня. Эхъ, не такъ все вышло. Ну, да, што объ этомъ говорить... Не стòитъ. Все одно околѣвать.

Послышались легкія всхлипыванья. Плакала Дунька. Она не вытирала своихъ слезъ.

— Тяжко, Спиридонъ Савельичъ... Мѣста нигдѣ не найду.

— Ну?

— Вотъ какъ тяжко...

— Обижаютъ?

— А мнѣ все одно... Приду домой и скажу, што была у тебя. Пусть бьютъ... И матушка-свекровушка проходу не даетъ. Все тобой порекаетъ... Пусть... Испортилъ ты меня, Спиридонъ Савельичъ. Все думаю, все думаю... Съ ума ты у меня нейдешь. И мужа не люблю, да и раньше никогда не любила...

— Ну, это ужъ ты тово... законъ принимала, значитъ, тово... терпи...

— А ежели моего терпѣнья не стало? Охъ, тошно... Въ конецъ вся извелась, Спиридонъ Савельичъ. Вотъ сынка родила, рощу, а сама все думаю: неужто и онъ въ нашихъ мужиковъ издастся? Какіе это мужики? Всего боятся.

— Это ты правильно, Дуня.

— Себя ущитить не умѣютъ... Духу въ нихъ нѣтъ... Тошно глядѣть. Хуже бабы, а еще мужики... Конями-то ты ихъ застыдилъ.

— Плево дѣло.

Дунька продолжала плакать. Ребенокъ проснулся и тоже заплакалъ. Спирькѣ хотѣлось сказать ей что-нибудь хорошее, ласковое, утѣшить, приласкать, но у него кружилась голова и никакихъ словъ не было.

— Ну, мнѣ пора домой, Спиридонъ Савельичъ.

Она подошла къ нему совсѣмъ близко, поднесла ребенка и проговорила:

— Ты, Спиридонъ Савельичъ, перекрести младеньчика, штобы онъ тоже не боялся.

Черезъ нѣсколько дней озорника не стало. Онъ успокоился на деревенскомъ кладбищѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

НЕПОДРАЖАЕМЫЙ РАЗСКАЗЧИКЪ.

(По воспоминаніямъ объ И. Ф. Горбуновѣ.)

— Слышь, братъ—ребята! Пойдемъ въ Осударевъ Садъ смотрѣть, какъ пузыри будутъ пущать.

— Чего тамъ не видали?

— Ужъ очень, братцы, любопытно! Придѣлаютъ, знашь, эдакъ къ пузырю лодочьkю: баринъ съ барыней сядуть и полетять. Очень это—сейчесы умереть!—любопытно!

— Ну, такъ что-жъ? Поди просить у хозяина.

— Что-жъ ты думаешь, не попрошусь, что ли?

— Поди-ко намырнись,—онъ тѣ дастъ!

— Анъ дастъ!

— Далъ да и полно!

— Ишь дастъ: мнѣ на пачпортъ нужно.

— Ну, такъври ступай, коли повѣритъ.

Стоитъ передъ хозяиномъ Ѳомка у косяка входныхъ дверей, помолившись въ уголъ на икону и поклонившись неуклюже бокомъ. Глядитъ онъ быкомъ, исподлобья. Переминается съ ноги на ногу; лѣвую руку заложилъ за спину, съ правой не знаетъ что̀ дѣлать. Спопутно ковырнулъ сучокъ на дверномъ косякѣ. И вообще собою очень тяготится.

— Я къ вашей милости, Кузьма Петровичъ!

— Что̀ тебѣ, молодецъ?

— Съ всепокорнѣйщею просьбой.

Ѳомка силится набрать смѣлости: обѣ руки отправилъ за пину, грудь выпятилъ и самъ повыступилъ отъ входной двери, ъ которой до того точно былъ прикованъ.

— Дай, Кузьма Петровичъ, денегъ.

— Это на что тебѣ понадобилось?

— Бурмистъ, значитъ, изъ деревни пріѣхалъ... Изъ нашихъ іѣстъ, значитъ... изъ провинціи.

— Ну?

— Бурмистъ изъ деревни пріѣхалъ.

— Да.

— Давай, говоритъ, денегъ. А не то, такъ...—на чугунку.

Повернулъ правую ногу, и оглядываетъ на сапогѣ закоблучье.

— Либо-де денегъ... бурмистъ-отъ...

— Слышалъ я это отъ тебя.

— А либо-де... на чугунку.

На послѣднее слово особенно напираетъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является уже и виноватымъ и приговореннымъ къ высылкѣ изъ веселой столицы въ скучную деревню, — можетъ быть даже и по этапу.

— А ужъ вы, Кузьма Петровичъ, не сумлѣвайтесь,—заслужимъ вашей милости.

И голосъ какъ будто дрожитъ отъ подступающей и непрошеной слезы.

— Много ли тебѣ нужно?

— Дай десять цалковенькихъ.

— Ладно,—приходи завтра утречкомъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, Кузьма Петровичъ.

Встряхнувъ волоса на лобъ,—поклонился. Вдругъ осмѣлѣлъ: сдѣлалъ еще два шага впередъ; обѣими руками подбоченился и заговорилъ смѣлѣе и громче.

— Кузьма Петровичъ!

— Ну что еще? Уходи,—надоѣлъ.

— Что ты мнѣ вечо̀ръ уто̀къ-отъ далъ: ужъ и этакая-то рвань! Я, значитъ, его подвязалъ да натянулъ покрѣпче. Основу-ту, значитъ, проклеилъ: теперь хорошо будетъ.

Выхвастываясь сметкой своей, обѣими руками показывалъ, какъ онъ эту самую нитку—уто̀къ, намотанную на шпульку или цѣвку, огладилъ и уровнялъ, чтобы вставить въ челночокъ и пустить его бѣгать поперекъ натянутыхъ нитокъ основы, чтобы такимъ переборомъ образовывалась ткань. Миткаль на этотъ недобрый разъ выйдетъ въ одномъ мѣстѣ съ гнильцей и съ изъянцемъ, неистово взвизгнетъ деревенская баба и сильно изругаетъ неповиннаго купца за фабриканта, когда начнетъ кроить и шить себѣ новый сарафанъ.

— Не сумнѣвайся, хозяинъ: теперь хорошо сойдетъ.

— Ну, ладно,—спасибо тебѣ!

— Ради стараться твоей милости, Кузьма Петровичъ.—Кузьма Петровичъ!

— Ну, что еще тамъ у тебя?

— Дай хоть полтинничекъ.

— Это тебѣ на что?

— Земляковъ чайкомъ похолить.

Все это было выговорено Ѳомкой съ тою отчаянною рѣшимостью, что затѣмъ либо въ стремя ногой, либо въ пень головой.

— Ладно: приходи ужо.

— Дай лучше теперча.

— Ишь далъ! — торжествующимъ и хвастливымъ голосомъ говоритъ Ѳомка товарищамъ, которымъ и подразнить его хочется, и сами еще не вполнѣ довѣряютъ своему счастію погулять не въ сухую.

— Далъ, да и полно!

— А вишь онъ!

Въ раскрытомъ кулакѣ правой руки и наглядное доказательство предъявлено на-лицо.

Въ то время, когда въ Москвѣ серебряные полтинники были не въ диковину, какъ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ потомъ, монета этого сорта попадалась совсѣмъ истертая, слѣпая; поцѣльнѣе обращались только полновѣсные цѣлковые и между ними попадались нерѣдко старинные «крестовики» съ отчеканеннымъ большимъ крестомъ матушки царицы Екатерины. Обращались въ народной массѣ и крупные четвертаки съ надписью «полуполтинникъ». Двугривенные и пятиалтынные различались, сверхъ величины своей, еще четырьмя или тремя точками по ободкамъ монетъ. Разгуливали они, впрочемъ, по всѣмъ базарамъ въ такомъ истертомъ до неузнаваемости видѣ, что только на взаимномъ довѣріи двухъ сторонъ принимались въ свою цѣну. Однако же оставалось обширное поле для недоразумѣній и пререканій у покупателей съ торговцами, у сѣдоковъ съ городскими извозчиками: возьмешь голый пятиалтынный, отдавай его за гривенникъ, либо приглашай болѣе зрячаго и опытнаго, но и такой зачастую махалъ рукой и отходилъ прочь, не разрѣшивъ мудренаго вопроса. Сверхъ всего ходила эта голая монета въ большомъ количествѣ съ просверленными дирочками, наплывала она изъ-за Волги, черезъ Нижегородскую ярмарку, отъ инородцевъ, у которыхъ служила головнымъ и шейнымъ украшеніемъ женщинъ.

Тѣмъ не менѣе и совсѣмъ голый полтинникъ стоилъ не 50

копеекъ нынѣшнихъ, а оцѣнивался въ рубль семьдесятъ пять копеекъ. Давно уже былъ введенъ и узаконенъ курсъ на серебро, но Москва, а за ней и вся Русь еще долго вела счетъ на ассигнаціи. За мѣдный пятакъ давали большой калачъ; пара чаю въ харчевняхъ и трактирахъ стоила мѣдную гривну, и въ самыхъ лучшихъ трактирахъ собирали за 25 коп. ассигнаціями того же чаю три пары: подавали шесть кусковъ сахару и чайнаго настоя на цѣлый часъ времени для питья и разговоровъ. 25 коп.—четвертая часть рубля—давала право вымыться въ чистыхъ «дворянскихъ» баняхъ, по этой причинѣ обычно называвшихся четвертными; въ Егоровскомъ трактирѣ, въ Охотномъ ряду, на тѣ же 25 коп. можно было получить цѣлую дюжину горячихъ и вкусныхъ блиновъ и со снетками, и съ рублеными яйцами. Во всякомъ случаѣ полученный Ѳомкой отъ хозяина полтинникъ обезпечивалъ впереди много удовольствій не для него одного, но и для всѣхъ трехъ его товарищей. Честь ему молодцу и хвала, что умѣлъ молодецъ говорить съ хозяиномъ и на него потрафить!

Такими жизненными и правдивыми картинками началъ И. Ф. Горбуновъ свои, столь всѣмъ извѣстныя, характеристики московскихъ купцовъ и фабричныхъ. Съ цѣльнымъ разсказомъ о «гулянкѣ» ребятъ, для котораго приведенныя двѣ сценки служили лишь вступленіемъ,—явился нашъ незабвенный, незамѣнимый и неподражаемый разсказчикъ на судъ знаменитаго русскаго драматурга А. Н. Островскаго въ 1853 году. Надо было много рѣшимости для скромнаго и безвѣстнаго молодаго человѣка, жившаго въ темной долѣ и приниженной средѣ, чтобъ отдать себя оцѣнкѣ и остановить на себѣ вниманіе такого знатока московской жизни, который успѣлъ уже къ данному времени предъявить и изумительную наблюдательность, и силу художественнаго таланта, даже въ самыхъ первыхъ небольшихъ сценахъ, каковы «Картина семейнаго счастія», напечатанная въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* въ 1847 г. (№ 60). Похвалъ и одобреній своего кружка для полной увѣренности въ себѣ было недостаточно для начинающаго,—довольно того, что настойчивыя убѣжденія товарищей и требовательныя настоянія ближайшихъ изъ нихъ поддержали рѣшимость. Все остальное далось просто и желаемое осуществилось въ полную мѣру.

Оказалось изумительнымъ мастерство быстро измѣнять тоны голоса и попадать именно въ тотъ, который наиболѣе обыченъ у изображаемаго лица. Въ особенности поразительно было искусство

вести цѣлыя разговорныя сцены одного человѣка за многихъ и притомъ такъ, что изъ сосѣдней комнаты обманчиво казалось, что бесѣдуютъ между собою нѣсколько лицъ. Обаяніе измѣнчивою мимикою и гибкою декламаціей, какъ основнымъ свойствомъ этого артистическаго дарованія, было полное. Интересъ возрасталъ по мѣрѣ того, какъ разсказчикъ, уведя своихъ фабричныхъ на гулянку, неожиданно ставилъ ихъ въ различныя положенія. Наталкивая ихъ на разнообразныя встрѣчи, большею частію неудачныя, но для Москвы того времени обычныя и законныя.

Вотъ эти бойкіе и задорные гуляки съ полтинникомъ въ карманѣ на всю братію, передъ воротами «Осударева сада», того изрѣженнаго и запущеннадо сада на одной изъ дальныхъ окраинъ (за Яузой и Нѣмецкой слободой), примыкающаго къ зданіямъ бывшаго Головинскаго дворца, гдѣ помѣщается теперь 1-й московскій кадетскій корпусъ. Въ то далекое время допускались здѣсь различныя представленія, преимущественно полеты воздушныхъ шаровъ-аэростатовъ.

Ворота по этому исключительному случаю, конечно, заперты, но огромная толпа безплатныхъ зрителей увѣренно разчитываетъ на наслажденіе рѣдкостнымъ зрѣлищемъ даровымъ способомъ. Ее устраиваютъ, усмиряютъ и осаживаютъ, но неунывающіе ребята фабричные привычнымъ опытомъ не только не слушаются, но отчаянно напираютъ. Ѳомка находитъ даже достаточно смѣлости въ себѣ, чтобы производить по сторонамъ наблюденія, дѣлать замѣчанія и задирать сосѣдей.

— Глянь-ко, Теренька, какой у барина картузъ: козырь-то словно лопата.

Подхваченное дружнымъ смѣхомъ замѣчаніе услыхалъ этотъ баринъ изъ того множества чудаковъ, которые разгуливали на московскихъ улицахъ въ оригинальныхъ костюмахъ: въ венгеркахъ, поддевкахъ и проч. Они принадлежали къ различнымъ классамъ общества, включительно до извѣстнаго всей Москвы врача-филантропа, дѣйствительно выдѣлявшагося необыкновеннымъ головнымъ уборомъ.

Осмѣянный баринъ разсердился: пообѣщалъ раскроить всю рожу, а потомъ стащить въ Басманную часть и попросить тамъ выпороть. Надо было оправдываться, отыгрываться, главное—пятиться прочь, потому что могло обѣщаніе сбыться.

— Мы ничего-съ. Вы не сумлѣвайтесь.

— Мы не про васъ, судырь!

— Какой, братцы, капрызной!

— Ужъ оченно, ребята, больно серьезной!—отшучивались гуляки, однако значительно осадивъ назадъ и въ сторону отъ задѣтаго и обидѣвшагося. Къ счастію ихъ, сейчасъ же наступилъ и ожидаемый моментъ начала зрѣлища.

— Ѳомка, летитъ!

— Ишь ты, какъ высоко!

— Ѳомка, «мѣрютъ»!

То-есть мѣряютъ или, проще, начали дѣйствовать казаки нагайками, разрѣжая навалившуюся на садовыя ворота кучу зѣвакъ, беззаботно и страстно увлекшуюся удавшимся взлетомъ шара съ людьми, который потомъ началъ плавно и ровно подниматься къ облакамъ.

— Ѳомка, чортъ, мѣрютъ.

Но онъ уже зазѣвался, не слыхалъ товарищескаго предупрежденія и получилъ такое воздаяніе, что вмѣсто «очень высоко» вынужденъ былъ, отчаянно схватившись за спину, закричать во все горло: «ужъ очень, братъ, больно».

Товарищи успокоиваютъ:

— Вѣдь, говорили тебѣ, кажется.

Сосѣди громко гогочутъ:

— Глядите-ко, у парня на спинѣ какой рубецъ казакъ вырѣзалъ!...

Послѣ того тѣ же гуляки очутились въ новомъ положеніи и оказались на другомъ мѣстѣ, совершенно въ противоположномъ концѣ,—у Чудова монастыря. Здѣсь ожидается архіерейская служба. На крыльцѣ передъ входною дверью разыгрываются обычныя въ этомъ случаѣ сцены: производится полицейскій распорядокъ. Частный приставъ говоритъ своему подручному изъ городовыхъ, извѣстныхъ въ Москвѣ подъ общимъ названіемъ «фараоновъ»:

— Кондратьевъ! Пока владыка не пріѣдетъ, чтобъ ни одинъ каналья здѣсь не проходилъ.

Разгулявшійся Ѳомка все это ясно слышитъ, но и тутъ не унываетъ и, подъ вліяніемъ обычнаго бойкимъ фабричнымъ бахвальства, опять готовъ лѣзть на бѣду: имѣетъ много къ себѣ довѣрія, по опыту прежнихъ уличныхъ схватокъ, требующихъ особой находчивости и ловкости. Хвастливымъ тономъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, говорилъ Ѳомка и на этотъ разъ:

— Какъ я мимо жандара пройду, такъ вы всѣ за мной гуськомъ и ступайте.

— Поди-ко намырнысь, онъ теѣ фонарь-то подставитъ. Онъ, братъ, знаетъ въ какое мѣсто лучше угодить.

— Ничего: я намеднясь проходилъ.

Бахвалъ увлекся такъ, что вовсе не сознавалъ, какъ вообще это трудно сдѣлать, а въ особенности теперь, когда, по приказу самого частнаго, городовой Кондратьевъ заскорузлой и опытной въ бояхъ рукой, ухвативъ огромную, жесткую, какъ лубокъ, форменную рукавицу жандарма съ раструбами, сдѣлалъ сильную цѣпь. Не обращалъ Ѳомка никакого вниманія и на то, какъ всѣ мольбы и просьбы о пропускѣ въ церковь грубо и упрямо отклонялись. Купецъ, очистивши себѣ пузомъ дорогу, напрасно пробовалъ размягчать сердце остраcткой, указывая на свое право почетнаго гражданства.

— Да мнѣ хоть самъ графъ будьте, коли не велѣно, не пущу.

Подъ нарицательнымъ именемъ графа разумѣлось собственно одно лицо, на всю столицу. грозное по старинѣ, немилостиваго воеводы града Москвы тѣхъ строгихъ временъ. Голая, какъ ладонь, голова его, какъ острили исподтишка рядскіе молодцы, съ лысиной до пятъ, и гладкоэ лицо, подобное истертому полтиннику тѣхъ же временъ, возбуждая страхъ и трепетъ, заставляли стремительно обнажать головы всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Всякій останавливался и, подхвативъ животъ обѣими руками, кланялся въ поясъ, вовсе не разсчитывая получить отвѣтный кивокъ головы: только самые именитые благотворители иногда его удостоивались.

Почетный гражданинъ на глазахъ ребятъ стоитъ на своемъ. Пререканія продолжаются, но Ѳомка и знать о томъ не хочетъ.

— Нельзя. Никакъ невозможно, коли высшее начальство не позволяетъ. Я бы и самъ у казарму ушелъ, да не приказано.

Только одинъ разъ умягчилась стража въ силу особаго распоряженія частнаго пристава въ пользу беззубой и сгорбленной старухи, которая не столько шампаньемъ, сколько слезливыми глазами вымолила себѣ разрѣшеніе, и то не сразу:

— Нельзя, старуха, нельзя,—хрипѣлъ самъ приставъ, не то надорваннымъ, не то простуженнымъ голосомъ, но ласково, мягко и успокоительно. И потомъ вдругъ и неожиданно уступилъ:— Пропустите старуху, пусть за моихъ дѣтей Бога молитъ.

— Проходи, старуха, вонъ на самый на верхъ. Видишь тамъ большой образъ налѣво, молись за его высокоблагородіе! — объяснялъ жандармъ съ малороссійскимъ акцентомъ въ говорѣ.

Это исключеніе передъ прочими дало Ѳомкѣ смѣлость: когда солдатъ разрушилъ цѣпь, освободилъ руку, чтобы показать старухѣ на паперти тотъ самый большой образъ, съ изображеніемъ

Страшнаго суда, Ѳомка призналъ самымъ удобнымъ моментомъ для пролаза. Съ наклоненной головой, какъ козелъ въ дракѣ, и въ надеждѣ на лобъ, ринулся парень къ живой цѣпи, но она успѣла уже снова сомкнуться, именно въ этомъ несокрушимомъ своемъ звенѣ. Здѣсь неожиданно и быстро—глазомъ не успѣлъ мигнуть! — получилъ онъ подъ правой глазъ такой ударъ, что изъ него посыпались искры и изготовилось мѣсто для обиднаго синяка.

— Нынче больно строго стало!—пробовалъ было Ѳомка изловчиться оправданіемъ въ своей неудачѣ, когда протискался назадъ къ товарищамъ. За плюхой онъ не гонялся,—такъ ей и быть слѣдовало,—а вотъ не удалось выхвастаться: хуже этого ничего быть не могло.

— Нынче порядки другіе: вовсе строго стало!

— Да и лѣтось такъ же было!—вылетѣла изъ толпы та всегда готовая къ услугамъ неизмѣнно-безжалостная насмѣшка, которая ради краснаго словца всегда готова на кончикѣ языка и срывается съ него неожиданно и быстро. На это въ особенности досужлива, находчива и искусна была орава зазывальщиковъ въ Ножовой линіи Гостинаго двора.

— Вонъ у него какой здоровый фонарь-то выгорѣлъ!

— Пойдемъ, ребята, отсюда. Пойдемъ на Иванѣ Великомъ слова читать.

— Ну, да оно теперь тебѣ съ фонаремъ-то видко будетъ! — снова влетѣло въ ухо изъ толпы новое замѣчаніе, острое, какъ шило, и ядовитое теперь, какъ пчелиное жало.

Словъ на колокольнѣ Ивана Великаго, конечно, не прочитали: и высоко, подъ самою главой, написано, и слѣпо кажется, лучше узнать по готовому въ печатной книжкѣ. Впрочемъ, не въ этомъ собственно заключался вопросъ. Мирная прогулка наладилась, — не хочется ее такъ скоро кончать: надо еще походить и поглазѣть, хочется еще при случаѣ прихвастнуть и побахвалить. Вотъ по пути на Красной площади, передъ наглухо-запертымъ Гостинымъ дворомъ, стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому, а на гранитномъ пьедесталѣ свѣтится золотая надпись.

— Ну-ка, Ѳомка, читай, что тутъ написано.

— Я, братъ, очень превосходно знаю, что тамъ написано-то.

— Коли подлинно знаешь, скажи намъ.

— Чего сказать? Я читалъ.

— Знаемъ мы, какъ ты читалъ. Ну-ко, Теренька, прочитай за него.

Долго глядитъ Теренька на надпись, долго шевелитъ губами, бурчитъ про себя и мѣстами вслухъ, разъ высморкался, разъ смахнулъ со щеки правою рукой словно бы муху, надвигался впередъ, заглядывалъ сбоку и наконецъ прочиталъ:

— Гражданскому Мину... и князю Пожарному благородная Расея... лѣтомъ.

Обнаружился такимъ образомъ такой грамотей, который у ткацкаго станка началъ терять секретъ установки всѣхъ буквъ кряду, не проглядѣвъ ни одной и опредѣляя всѣхъ и каждую на свое мѣсто. Остался одинъ выходъ, чтобы перехвастать Ѳомку и не осрамиться передъ товарищами: пройтись съизнова въ третій и четвертый разъ по верхамъ и удариться посмѣлѣй и возможно поскорѣй въ догадку. Арабскія цифры въ цѣльной тысячѣ уже только пестрѣли въ глазахъ въ раздробь и каждое само по себѣ, и изъ нихъ никакого слова не обозначилось.

На этомъ и конецъ похожденіямъ по улицамъ, оконченнымъ, конечно, въ трактирѣ за чаемъ.

Разсказъ, какъ видитъ читатель, относится къ тѣмъ временамъ, когда еще господствовало крѣпостное право, и хотя оно уже изживало послѣднія 5—6 лѣтъ, однако еще опиралось на многія вѣковыя полусгнившія сваи. Между ними не изъ послѣднихъ, какъ памятно всѣмъ, торчала вбитою въ народную почву здоровая дубовая свая въ формѣ и видѣ всесильнаго старосты изъ крестьянъ, котораго поставляли помѣщики отъ себя для управленія вотчинами и называли чужимъ именемъ, съ нѣмецкаго образца, бурмистромъ.

На этотъ разъ и въ свою очередь можно и намъ покончить съ комментаріями, вызванными собственно тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ разсказъ И. Ѳ. Горбунова былъ изъ починныхъ, первою его пѣсенкой, которую, по мѣткому пословичному выраженію, зардѣвшись поютъ. Начальный тонъ запѣвки схваченъ смѣло и вѣрно, но голосъ еще не совсѣмъ налаженъ и не разошелся, мѣстами срывается и фальшивитъ, хотя ясно обнаруживаетъ свою силу, гибкость и красоту. Чего-то еще не достаетъ и что-то слышится ишнее. На широкой канвѣ вышиты разнообразные узоры въ разчетѣ представить цѣльную картину: въ общемъ видна и новизна омпозиціи, и счастливый замыселъ, и ловкіе пріемы въ наложеніи асокъ, но мѣстами выдѣлялись не къ мѣсту наложенные колера, выходило пестро, хотя и очень ярко. Полной художественной ртины нѣтъ. Это, впрочемъ, хорошо понималъ и самъ художикъ: картины своей онъ на публику не выставлялъ, а оставивъ

ее у себя на дому, прикрылъ ее еще сверхъ всего густою занавѣской: въ Петербургѣ никто этого разсказа отъ самого автора не слыхалъ; въ сборникѣ своихъ сочиненій онъ его не помѣщалъ; безплодны были всѣ наши дружныя усилія упросить его вспомнить и передать.

Возстановляя его теперь по той записи, которая сдѣлана мною въ свое время по горячимъ слѣдамъ, хотя и съ чужихъ словъ, но отъ лица, владѣвшаго способностью очень точнаго подражанія и поразительною памятью. Какъ прекрасный этюдъ, какъ посмертное произведеніе предъявляю его по слѣдующему поводу. Имѣю намѣреніе собрать и сохранить многое изъ забытаго покойнымъ или небрежно брошеннаго за недосугомъ, въ постоянной спѣшкѣ жить и наблюдать и по инымъ причинамъ, составляющимъ тайну, унесенную имъ въ гробъ. На память его многихъ друзей и многочисленныхъ почитателей заношу и этотъ запоздалый, полузабытый авторомъ разсказъ, цѣня въ немъ то значеніе здороваго зерна, брошеннаго счастливою и удачливою рукой въ подходящую почву. Изъ сочнаго ядра вышли крѣпкіе корешки и стали одинъ за другимъ выступать, весело зеленѣя, молодые и свѣжіе побѣги.

Эта же самая прогулка фабричныхъ ребятъ по Кремлю привела нашего мастера и на то мѣсто, которое стало особенно знаменательнымъ на его начальномъ артистическомъ поприщѣ. Того же хвастунишку, попавшаго подъ тяжелую руку жандарма, того пустого человѣка, изъ котораго никакого проку не выйдетъ, несмотря на то, что онъ пыжится при всякомъ случаѣ забирать верха надъ товарищами фальшивымъ превосходствомъ, поставилъ Иванъ Ѳедоровичъ прямо противъ дула Царь-пушки. Ловкимъ ударомъ мастерского штриха заклеймилъ онъ этотъ повсюдный до докучливости типъ самохвала. Съ этою цѣлью завелъ онъ тутъ между товарищами споръ о томъ, чѣмъ лучше зарядить эту большую пушку, которая зіяетъ своимъ дуломъ, какъ черная яма: ядромъ или бомбой. Въ виду безсилія разрѣшить столь важный во мнѣніи праздныхъ гулякъ безплодный вопросъ, послалъ разсказчикъ нашъ всѣхъ ихъ къ чорту.

Счастливо задуманный, а главное съ недоступнымъ для подражанія искусствомъ передаваемый, разсказъ этотъ въ артистической судьбѣ Горбунова занялъ большое мѣсто и сыгралъ крупную роль. На всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ постоянно и неослабно онъ имѣлъ неслыханный успѣхъ и послужилъ сильнымъ толчкомъ къ началу той всероссійской извѣстности, каковою авторъ вскорѣ широко воспользовался. Разсказъ былъ подхваченъ

различными добровольцами и, какъ реклама, помимо воли и всякаго участія извѣстнаго своею скромностью автора, разнесенъ былъ по всѣмъ городамъ обширнаго царства. Шепелявые молокососы изъ недоучившихся гимназистовъ, скитальцы, перелетныя птицы, изъ неудавшихся и потерянныхъ провинціальныхъ актеровъ лѣзли съ этимъ выигрышнымъ разсказомъ на подмостки увеселительныхъ заведеній, которыя въ серединѣ 50-хъ годовъ выростали, какъ грибы. Не взирая на то, что подражатели безсовѣстно, изъ слѣпого стремленія къ вящему успѣху, уродовали коротенькій разсказъ самодѣльными вставками и безобразно растягивали до томительной скуки, онъ всегда производилъ большое впечатлѣніе. Стало даже казаться, что какъ будто и эти самые досчатые и скрипучіе подмостки сколачивались и прилаживались въ веселыхъ и шумливыхъ залахъ именно для этой самой «пушки». Когда она была новизной и на столичныхъ сценахъ въ антрактахъ, иногда для разъѣзда каретъ, благосклонно предоставлялось небывалому феноменальному разсказчику нѣсколько минутъ времени, публика не расходилась. Когда же самъ авторъ своею неувѣренною, неровною и характерною походкой появлялся изъ-за кулисъ и подходилъ къ рампѣ, у всѣхъ были, что называется, ушки на макушкѣ. Напряженное вниманіе, выражавшееся готовно-налаженными улыбками, разрѣшалось цѣлою бурей рукоплесканій. Если авторъ недогадливо не предъявлялъ своей пушки, ее деспотически требовали и затѣмъ неистово вызывали повторенія съ тѣмъ трескомъ, который и до сихъ поръ у многихъ памятливыхъ свидѣтелей несомнѣнно раздается въ ушахъ.

Съ этою сценой изъ похожденій фабричныхъ, выдѣляемою отъ прочихъ въ самостоятельный разсказъ, одновременно предсталъ Иванъ Ѳедоровичъ передъ А. Н. Островскимъ и окончательно поразилъ его превосходною сценой, которую развернулъ онъ въ конторѣ квартала, поставивъ на первомъ планѣ самого квартальнаго надзирателя, еще не протрезвившагося отъ вчерашняго перегула. Очумѣлымъ онъ производитъ неправедный судъ свой и пристрастное разбирательство дѣла по иску почетнаго гражданина и фабриканта противъ рабочаго, укравшаго срѣзку и имѣвшаго дерзость объявить, что онъ квартальнаго не боится.

За этими двумя крупными разсказами охотливо предложены были вниманію Островскаго и множество мелкихъ въ этотъ же счастливый часъ, когда, обогрѣтый ласковымъ пріемомъ и искреннимъ поощрительнымъ смѣхомъ, нашъ молодой художникъ осмѣлѣлъ, развернулся и, говоря его же привычнымъ выраженіемъ,

«разсказывалъ въ полную силу». Неслыханный и самобытный талантъ ярко свѣтился священнымъ огнемъ—Божьимъ даромъ, удѣляемымъ лишь избранникамъ, а въ такомъ своеобразномъ видѣ отпущеннымъ ему одному, этому новому и неизвѣстному.

На опытный глазъ въ немъ, однако, оказалось многое на-лицо для самаго требовательнаго вкуса. Прежде, впереди всего другого, необычная скромность,—одна изъ чертъ, принадлежащихъ истинно-талантливымъ натурамъ, не избалованнымъ чрезмѣрными похвалами и чуждымъ убійственнаго и мертвящаго таланты самомнѣнія. Ярко выступали милыя черты характера мягкаго, общительнаго, живого и ласковаго. Потомъ и тотчасъ не укрылась и смѣлая, ловкая схватка самаго существеннаго въ изображаемыхъ лицахъ, превратившихся въ цѣльные типы, несомнѣнно изученные до корня, потому что главныя черты вырисовывались легко и свободно. Мелкія изъ нихъ, неуловимыя всякимъ другимъ наблюдательнымъ глазомъ, казалось, сами напрашивались, не требуя никакихъ хлопотъ и напряженій, подобно тому игривому признанію, которое сдѣлалъ нашъ безсмертный поэтъ, что съ нимъ «риѳмы запросто живутъ: двѣ сами придутъ, третью приведутъ».

Наскоро и какъ будто мимоходомъ захваченныя фигуры дышатъ, однако, изумительною правдой, не возбуждающей ни малѣйшихъ сомнѣній и не нуждающейся въ провѣркѣ. Слегка намѣченные въ «Гулянкѣ фабричныхъ» неясные облики выростали въ цѣльные образы живыхъ знакомыхъ лицъ, съ которыми, не дальше какъ вчера, произошла встрѣча и имѣлось даже столкновеніе. Въ дальнѣйшихъ разсказахъ Горбунова такъ и случилось, что уличная мелкота, случайно попавшаяся на глаза, превращалась потомъ въ общественные типы: квартальный въ сдѣлкѣ со старухой у Чудова монастыря, квартальный у себя дома при разбирательствѣ хозяина съ работникомъ. Типъ изъ фабричныхъ гулякъ, у котораго всѣ поползновенія выразились бахвальствомъ, со временемъ выродился въ жениха-мастерового, съ легкимъ и безшабашнымъ взглядомъ на жизнь, задумавшаго посвататься къ сосѣдкѣ-дѣвушкѣ, живущей при отцѣ на фабрикѣ. Слушалъ онъ въ теченіе долгаго времени игру ея на гитарѣ и пѣніе романсовъ, разговаривалъ съ ея отцомъ-ундеромъ про войну, много съ нимъ сладкой водки выпилъ, а потомъ всю эту канитель бросилъ. Когда затѣмъ, вернувшись въ деревню, онъ окончательно тамъ никуда не погодился и возвратился вспять на прежнюю фабрику,—здѣсь опять либо «за гульбой пойдетъ», либо снова начнетъ старую игру въ жмурки, отыскивая съ затуманенными глазами способы и средства пристроиться же-

нитьбой къ чужому денежному сбереженію въ видѣ приданаго. Если же на этотъ разъ попадетъ тутъ на рожонъ такъ ловко, что нельзя ему съ него сорваться иначе, какъ женившись, и вкуситъ онъ плодовъ супружества,—судьба его останется все такою же неудачною и жалкою, а самая жизнь безобразною. При всемъ честнòмъ народѣ, въ бойкій праздничный день, въ сильномъ подгулѣ, онъ выкрикнетъ на всю толпу праздныхъ фабричныхъ гулякъ, безсвязнымъ языкомъ: «прощайте, православные, отъ жены топиться иду!» И въ самомъ дѣлѣ, на виду у всѣхъ, хладнокровно наблюдающихъ предложенное вниманію шутовское представленіе черезъ рѣку Яузу,—куриное перебродище,—перейдетъ мокрымъ на другой сухой берегъ. Оттуда покажетъ увѣсистый кулакъ и внушительно потрясетъ имъ въ угрозу своей спутницѣ жизни, которая все время реветъ въ толпѣ «на двѣнадцать голосовъ» (любимое выраженіе Ив. Ѳед.), но такъ же притворно, какъ и муженекъ ея побрелъ топиться. Подобнымъ же образомъ впослѣдствіи изъ той же, слегка намѣченной сцены у Осударева сада развилась широкая картина и обставилась истинно-художественными деталями въ другомъ случаѣ, когда надували шаръ и выдѣлился точно такой же, популярный человѣкъ (на этотъ разъ портной съ Покровки), приготовившійся летѣть подъ облака. Безжалостные праздные скалозубы изъ толпы успѣли уже на этотъ случай возрости, воспитаться, превратившись жизненнымъ опытомъ въ степенныхъ, лукаво мыслящихъ, непрошеныхъ добровольцевъ, резонеровъ, всегда готовыхъ подслужиться безъ всякой нужды и призыва. «И какъ это возможно (хотя бы и потерявшемуся портному), безъ начальства летѣть?»

Горбуновъ былъ счастливъ именно тѣмъ, что прежде всѣхъ явился на судъ къ Островскому. Привело его сюда чувство благоговѣйнаго восторга передъ крупнымъ талантомъ, обычно создающимъ почитателей и привязывающимъ поклонниковъ, а удержала его здѣсь очаровательная сердечность, при необыкновенной простотѣ отношеній. Вскорѣ поставилось дѣло такъ, что невѣдомый добровольный пришелецъ въ гостепріимномъ домѣ сталъ не только желаннымъ гостемъ, но и своимъ человѣкомъ. Изъ купеческаго семейства, гдѣ Ив. Ѳед. жилъ домашнимъ учителемъ, онъ переѣхалъ жить на квартиру Алек. Ник. Съ той поры оба сдѣлались неразлучными, тѣсно связанными симпатіями, несмотря на то, что судьба потомъ разбросила ихъ географически въ разныя стороны.

Около Островскаго въ то далекое теперь время успѣли сгруппироваться молодыя литературныя силы Москвы, имена и работа ко-

торыхъ сдѣлалась достояніемъ исторіи русской литературы подъ названіемъ «Молодой редакціи Москвитянина». Въ эту-то среду настоящихъ и строгихъ цѣнителей изящнаго въ искусствѣ и словѣ удалось попасть Горбунову сразу и укрѣпиться здѣсь на прочныхъ основахъ. Здѣсь и его начальные шаги къ извѣстности и вскорѣ къ славѣ; здѣсь же, въ этой высшей школѣ, и даровые уроки въ направленіи къ дальнѣйшему развитію таланта и его окончательному совершенству. На это и указалъ въ своемъ сердечномъ некрологѣ одинъ изъ тѣхъ пятерыхъ главныхъ, бывшихъ, такъ сказано воспріемниками народившагося таланта, быстро возраставшаго въ силу и мужество. Онъ остался вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ Горбунова и за могилой, какъ былъ и при жизни его добрымъ совѣтникомъ и строгимъ оцѣнщикомъ его необыкновеннаго дарованія. И такъ длилось болѣе сорока лѣтъ до послѣдняго рокового дня 24 декабря 1895 года.

Онъ пишетъ, между прочимъ, въ *Новомъ Времени* (ст. Т. И. Филиппова: *Памяти И. Θ. Горбунова*):

«Разумѣется, ничье вліяніе не оградило бы И. Θ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока (наклонности къ шаржу ради дешеваго успѣха), еслибъ въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ, хотя бы на время, не впалъ въ этотъ грѣхъ, еслибъ вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ, на первыхъ порахъ своей дѣятельности, попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова».

Дѣйствительно, если въ первыхъ разсказахъ Горбунова, при ясно выраженной наклонности къ юмору, мѣстами проскальзали порывы къ карикатурѣ, то послѣдніе были прямымъ слѣдствіемъ вліянія среды, въ которой воспитался и вращался наблюдатель. Недостатки эти явились послѣдствіемъ неумѣлой оцѣнки, требовавшей именно грубоватыхъ мазковъ твердой и сочной, но шаловливо-разыгравшейся кисти. Впрочемъ, этотъ посторонній налетъ, въ видѣ невинныхъ и невольныхъ прегрѣшеній противъ законовъ эстетики, покрывалъ самоцвѣтный природный камень легкимъ слоемъ, и опытные руки мастеровъ дѣла легко и скоро могли очистить и даже отшлифовать, при желаніи, по всѣмъ правиламъ изящнаго искусства.

Согласно налаженный и тѣсно связанный живыми литературными интересами кружокъ А. Н. Островскаго или, какъ онъ привыкъ называть его, «наша компанія», находился еще въ полномъ составѣ, когда Горбуновъ обратилъ на себя его вниманіе. Ни житей-

скія невзгоды однихъ, ни перемѣны служебнаго положенія прочихъ, не нарушали его цѣлости, и тотъ, посторонній и случайный центръ, около котораго объединились сами по себѣ всѣ эти молодые даровитые люди, еще существовалъ: *Москвитянинъ* Погодина, хотя съ томительнымъ и безпричиннымъ запаздываніемъ, продолжалъ неисправно выходить въ свѣтъ съ критическими статьями А. А Григорьева, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона, съ стихотвореніями Б. Н. Алмазова и проч.

Въ кружкѣ этомъ И. Ѳ. Горбуновъ былъ также, само собою разумѣется, принятъ радушно и обласканъ дружески, а насколько онъ поддался его вліянію, — на это будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь, въ приходѣ Николы въ Воробинѣ, какъ и тамъ у Троицы въ Сыромятникахъ, въ купеческой семьѣ, также свободно могъ продолжать Ив. Ѳед. наблюденія надъ тихою, полусонною и скучною жизнью обывателей столичныхъ захолустьевъ, съ которою онъ такъ образно знакомилъ насъ потомъ, сохраняя изумительную точность, воспринятую молодою артистическою душой и сохраненную феноменальною памятью. Насколько бы ни были мимолетны и иногда легковѣсны бытовыя картинки, попавшіяся на глаза наблюдателя случайно или на поискахъ, насколько бы они сами ни напрашивались своими забавными комическими сторонами на легкую или злую насмѣшку,— вездѣ проглядывало теплое чувство любви къ родному городу и открытыхъ симпатій къ его бытовымъ особенностямъ. Не всякому петербургскому жителю возможно было оцѣнить въ полную мѣру всю правдивость характеристическихъ чертъ во всей ихъ цѣльности. Наибольшая часть красотъ и достоинствъ для него исчезала, и когда приходилось принимать все обрисованное въ разсказѣ на вѣру и въ невѣдѣніи, все исключительное и мѣстное, возбуждало лишь безучастный и легкомысленный смѣхъ. Цѣнность разсказовъ упадала на добрую половину и это одно изъ прискорбныхъ неудобствъ къ полному разумѣнію силы творческаго таланта автора, и одна изъ причинъ легкомысленныхъ сужденій и критическихъ приговоровъ. Къ крайнему удивленію, зачастую доводилось слышать такія мнѣнія, что разсказчикъ единственно стремится къ возбужденію легковѣснаго смѣха и исключительно къ легкомысленному осмѣянію всего, что становилось предметомъ его поверхностныхъ наблюденій. Изъ этихъ судей наиболѣе довѣрчивые и простодушные доходили въ своихъ критическихъ отзывахъ даже до того, что начали считать за авторомъ лично присущій ему тотъ порокъ, который онъ искусно и образно изображалъ въ лицѣ своихъ под-

выпившихъ или совершенно опьянѣвшихъ героевъ разсказовъ. На это обстоятельство съ глубокимъ огорченіемъ неоднократно жаловался самъ виновникъ подобныхъ мистификацій, умѣвшій, однако, строго выдерживать себя среди соблазновъ и искушеній, всегда готовый на службу, утромъ и вечеромъ, и въ глубокую полночь, и исполнительный при многочисленныхъ, безпощадныхъ и утомительныхъ приглашеніяхъ.

И въ явныхъ недостаткахъ, и подлинныхъ несовершенствахъ изученныхъ имъ особенностей московской жизни, смягченная и уравновѣшенная скрытою любовью наблюдательность отыскивала и находила, однако, такія черты, изъ которыхъ легко складывались цѣльные художественные образы и создавались талантливые бытовые очерки, цѣнные сами по себѣ, какъ литературныя произведенія. Таковъ, между прочимъ, наилучшій разсказъ, навѣянный въ тѣхъ же темныхъ уголкахъ своеобычнаго коренного русскаго города «Затменіе солнца» и всѣ прочіе за малыми исключеніями. А такихъ сценъ такъ много, что нѣтъ возможности за всѣми услѣдить и всѣ перечислить. Иные не могли попасть въ печать по цензурнымъ условіямъ, не включая тѣхъ, которые настойчиво вызывались и усиленно требовались въ заключеніе веселыхъ ужиновъ и разсказывались избраннымъ любителямъ при закрытыхъ дверяхъ. Такова шаловливая сцена между проходящимъ мимо мастеровымъ съ бутылью скипидара на фабрику и дворникомъ, сидящимъ у воротъ въ томительно-жаркій день. И эта сцена, однако-же, правдиво и ярко рисовала безвыходную скуку бездѣлья темнаго замоскворѣцкаго люда, попорченнаго столичнымъ баловствомъ и фабричнымъ образованіемъ. Таковъ также и господинъ, не допросившійся квасу, чтобы утолить мучительную жажду и т. п. Иные разсказы, разсчитанные лишь на мастерство и живость искуснаго пересказа, на гибкость тоновъ голоса, для печати не годились уже потому, что теряли въ ней всю соль и образность. Таковы, между прочими передававшимися съ театральныхъ подмостковъ: пѣсня проѣзжаго мужика, беззаботно развалившагося на своемъ возу, задѣвшаго за шлагбаумъ и не свернувшаго съ дороги для встрѣчной почтовой тройки,—и другая пѣсенка скучающей дѣвицы, картаво распѣвающей «канареечку, посаженную въ злую клѣточку», подслушанная (яко бы) въ тѣхъ же, тоскливо живущихъ московскихъ захолустьяхъ,—«въ домѣ-крошечкѣ, что на всѣхъ глядитъ въ три окошечка» и т. п.

Во всякомъ случаѣ, наибольшую долю вліянія къ дальнѣйшему художественному развитію, а вскорѣ затѣмъ и къ успѣхамъ въ об-

ществѣ получилъ Горбуновъ именно у Островскаго по многимъ исключительнымъ обстоятельствамъ.

Горбуновъ имѣлъ возможность слышать изъ устъ самого автора «Не въ свои сани не садись» артистическое чтеніе его комедіи, а равно живое и образное чтеніе другихъ авторовъ, являвшихся на товарищескій судъ съ новыми, изготовленными для помѣщенія въ журналахъ, произведеніями. Среди всѣхъ особенно блистательнымъ мастерствомъ, и каждый въ своемъ родѣ, выдѣлялись переселившіеся въ Москву изъ Костромы: Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ—первый съ романами, второй съ повѣстью и драмой «Судъ людской—не Божій».

Подъ вліяніемъ кружка, и въ полномъ согласіи съ нимъ, знаменитый артистъ-комикъ Провъ Михайловичъ Садовскій, съ присущимъ ему замѣчательнымъ талантомъ и художественностью исполненія не отставалъ отъ прочихъ, соревнуя имъ на сценѣ передъ публикою чтеніемъ «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ» Гоголя и другими его же сценами, каковы «Игроки» и «Тяжба». Увлекся этимъ и король сцены первоклассный артистъ знаменитый Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Послѣ классическихъ произведеній, какъ пушкинскій «Скупой рыцарь» и въ особенности «Полководецъ» (У русскаго царя въ чертогахъ есть палата), онъ нашелъ своевременнымъ и обязательнымъ, въ ревнивое соперничество съ Садовскимъ, превосходно читать гоголевскую сцену Чичикова у генерала Бетрищева.

Всѣ предшественники Горбунова, конечно, послужили главнѣйшею и высшею школой, какъ наилучшіе образцы, указывающіе пути къ выработкѣ изящнаго вкуса въ созданіяхъ и развивающіе его выдающееся дарованіе именно въ этомъ прямомъ направленіи. Даруемыя охотно и беззавѣтно впечатлѣнія, попадая на готовую почву уже владѣвшаго опытомъ своего рода мастера, могли лишь его вдохновлять и приблизительно указывать на новые пункты наблюденій ближайшіе и почти однородные, какъ, напримѣръ, деревенская жизнь и крестьянскій бытъ для позднѣйшихъ и такихъ поэтическихъ произведеній, какъ «Лѣсъ» и «На рѣкѣ» и такихъ прелестныхъ, какъ «Постоялый дворъ», «Утопленникъ», «На большой дорогѣ». Во всякомъ случаѣ, воспринимавшій новыя впечатлѣнія не могъ успокоиться на слѣпомъ подражаніи имъ. Самъ будучи творцомъ и хозяиномъ - собственникомъ съ полными и безраздѣльными правами на благопріобрѣтенное, могъ только улучшать и расширять свое достояніе. И въ самомъ дѣлѣ, даже на старыхъ разработанныхъ темахъ онъ часто доходилъ до вдохновенныхъ импровизацій, поражая еще невиданными картинами и внезапно на глазахъ у

всѣхъ вспыхивавшимъ новымъ яркимъ освѣщеніемъ старыхъ лицъ, знакомствомъ съ которыми ему же были лично обязаны.

Съ замираніемъ сердца, въ молчаливомъ восторгѣ, не смѣя проронить слова, не разъ приходилось намъ наслаждаться тѣмъ, какъ блестки остроумія разсыпались щедрою рукой изъ невидимаго, но понятнаго источника и, казалось, не было имъ конца. Несомнѣнно осталось ихъ такое же обиліе про запасъ и на новый случай прилива вдохновенія и на новый поводъ развернуться передъ такими слушателями, которыхъ онъ признавалъ подлинными и заслуженными оцѣнщиками, желающими эстетическихъ наслажденій, а не одного лишь пріятнаго препровожденія досужаго времени съ прибавкою смѣха для удобства пищеваренія. Родникъ этого смѣха, какъ всѣ это очень хорошо знали, былъ неистощимъ, и струя изъ него, найдя широкій выходъ и готовое русло, лилась вполнѣ свободно, не переставая и не уставая.

Еще сверхъ всего владѣя секретомъ повторять свое старое безъ утраты въ немъ свѣжести, Горбуновъ, конечно, для закрѣпленія наибольшей извѣстности и подкраски впечатлѣній, не нуждался въ чужихъ разсказахъ (напримѣръ, Садовскаго, Павлова и друг.). Если онъ и помнилъ ихъ, какъ прекрасные образчики, и любовался многими, то повторялъ ихъ только въ крайнихъ случаяхъ настойчивыхъ просьбъ, въ дружескихъ близкихъ кружкахъ, когда заходила объ нихъ рѣчь къ слову. Происходило это не изъ ревниваго чувства зависти—довольно и даже съ избыткомъ обычнаго въ средѣ сценическихъ дѣятелей; этого недобраго свойства всего менѣе было отпущено природою на долю Горбунова,—происходило же это по простой причинѣ: чужое или костюмное платье было излишнимъ, когда свое обиходное пригнано по мѣркѣ, прочно сшито и, видимо для всѣхъ, плотно и красиво сидитъ на плечахъ. Едва ли не этою же самою чертой характера слѣдуетъ объяснять отчасти и причину того, что, будучи неподражаемымъ исполнителемъ своего, онъ былъ неловокъ и даже застѣнчивъ при исполненіи ролей чужого вымысла. Вообще на сценѣ театровъ онъ всегда казался временнымъ и случайнымъ гостемъ, чрезвычайно пріятнымъ, очень всѣми желательнымъ, веселымъ и развязнымъ, но никогда не могъ сдѣлаться хозяиномъ-владѣльцемъ ея. Въ любомъ частномъ домѣ, въ каждой публичной залѣ стоило ему лишь подхватить, по усвоенной привычкѣ, стулъ, поставить его передъ собой и опереться на ручку,— и его сцена готова безъ рампы, безъ декораціи — именно та его собственная сцена, на которой онъ чувствовалъ себя совершенно дома, немного можно указать такихъ ролей, гдѣ бы онъ попадалъ и

выдерживалъ весь цѣликомъ заданный авторомъ тонъ. Разсказчикъ отлично забылъ и никогда потомъ не возвращался даже къ тѣмъ пьесамъ, которыя имъ же были вызваны и для него же лично изготовлялись,—каковы, напримѣръ, роли съ переодѣваньемъ, бывшія въ модѣ, а Горбуновымъ доведенныя до окончательнаго совершенства,—такого, что не было уже нужды возобновлять этотъ балаганный родъ пьесъ, эти арлекинады. За то въ этомъ немногомъ изъ чужихъ созданій ярко выступаетъ и никогда не забудется удалой и ловкій парень Кудряшъ. Эту роль не безъ явнаго намѣренія придать еще больше ходу и славы, авторъ охотно довѣрилъ Горбунову (въ «Грозѣ»),—самъ авторъ заботился объ его успѣхахъ на сценѣ.

Въ воробинскомъ укромномъ уголкѣ Москвы, И. Ѳ. Горбуновъ въ не менѣе значительной степени былъ удачливъ и счастливъ тѣмъ, что встрѣтился глазъ на глазъ съ знаменитымъ артистомъ Императорской сцены П. М. Садовскимъ, который въ то же время самъ былъ замѣчательнымъ и прославленнымъ разсказчикомъ.

— Слышали ли вы, Иванъ Парамоновичъ, что за моремъ-то дѣлается?—услышалъ здѣсь впервые отъ самого Прова Михайловича разсказъ, въ тонѣ купца, начитавшагося газетъ и, по своему доморощенному разумѣнію, перетолковавшаго на свой особый ладъ недавнюю по тому времени смѣну французскаго правительства вслѣдъ за отреченіемъ Людовика-Филиппа. Разсказъ этотъ, не противорѣчащій современнымъ цензурнымъ требованіямъ, къ сожалѣнію, не появлялся въ печати и, кажется, совершенно забытъ даже тѣми, кто слышалъ въ точной передачѣ, со словъ знаменитаго московскаго артиста-комика, Ив. Ѳед. Горбуновымъ. Сохранились и могутъ быть возстановлены полностію другіе разсказы, менѣе удачные и наиболѣе отличающіеся искусственною поддѣлкою подъ уродства гостинодворскаго говора. Таковы: второй разсказъ Садовскаго о впечатлѣніяхъ купца, побывавшаго на представленіи драмы Полевого «Смерть или честь»; третій—о томъ, какъ довольный собою мужикъ сумерничалъ, глядя съ палатей на семью свою; твертый—«Объ вундеръ-офицерѣ службы военной», и наконецъ мый извѣстный, наиболѣе прочихъ распространенный и даже до которой степени затасканный—«О Наполеондерѣ», покорившемъ іъ свой ноготокъ всю Европію, а затѣмъ «разгромившимъ перво- естольный градъ Москву». За это, по совѣту хитраго малаго— іича, выпросившаго себѣ въ награду сто рублевъ золотомъ, онъ ·ланъ былъ «на островъ святыя Олены, гдѣ нѣтъ ни неба, ни зем-

ли,—одна зыбь поднебесная. Здѣсь онъ и животъ свой скончалъ, бывъ положенъ въ дванадесять гробовъ» и проч.

По большей части молчаливый, какъ будто на самомъ дѣлѣ необщительный и глубоко-сосредоточенный въ себѣ, П. М. Садовскій сохранилъ чистую русскую душу съ рѣзкимъ оттѣнкомъ московскаго закала. Во всей внѣшней обстановкѣ жизни, до мелкихъ деталей ея, въ основномъ своемъ міросозерцаніи и коренныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, онъ оставался на всю жизнь настоящимъ москвичемъ, желая и стараясь быть въ то же время истинно-русскимъ человѣкомъ. Онъ былъ таковымъ по данному себѣ обязательству, хотя, въ примѣненіи на практикѣ, иное, противъ воли, доводилъ до крайностей, которыя, будучи искренними, на глазахъ легкомысленныхъ и недоброжелательныхъ людей казались странными или даже смѣшными. Въ самой сущности эта крѣпкая и слѣпая привязанность къ городу, гдѣ выросла его слава, зародилась къ нему нелицемѣрная общая любовь, доказывалась художественнымъ проникновеніемъ въ самую суть тѣхъ характеровъ изъ купеческаго и чиновнаго люда Москвы, которые были созданы Островскимъ и увѣренно поручены имъ на судъ и творческое одухотвореніе на сценѣ Садовскимъ. Одновременно съ Горбуновымъ (но еще не подозрѣвая объ его существованіи) мы были свидѣтелями, какъ началъ дѣлить успѣхи и славу съ самимъ драматургомъ Садовскій, сначала одинъ, а вскорѣ съ Сергѣемъ Васильевымъ, неожиданно заявившимъ громадный запасъ силъ чисто-художественнаго комизма, до тѣхъ поръ безплодно расточавшагося въ мелочахъ водевильныхъ шаржей. Мы были свидѣтелями также и того, какъ всѣ прочіе артисты, увлеченные примѣромъ и образцами этихъ двухъ сценическихъ силачей, дружными усиліями помогали доводить исполненіе пьесъ до небывалой высоты и полнѣйшаго совершенства. И какъ можно было не разгорѣться около такого жаркаго огня человѣку, способному воспринимать теплоту: Садовскому около Щепкина, Васильеву около Садовскаго и т. д.—бѣгло записалъ себѣ на память Горбуновъ на лоскуткѣ, сохранившемся въ его бумагахъ.

Коренной москвичъ оказался въ Садовскомъ и въ томъ между прочимъ, что онъ не любилъ Петербурга и при всякомъ случаѣ съ нескрываемымъ недовольствомъ и остроумными находчивыми насмѣшками относился къ особенностямъ петербургскихъ характеровъ и всего склада жизни по-иноземному. И это отчужденіе, можетъ быть и страннымъ образомъ, но съ полною искренностью выражалось и въ его упорномъ нежеланіи играть на александринской сценѣ, несмотря на всѣ настоянія друзей. Когда же, по желанію и

требованію начальства, онъ вынужденъ былъ явиться на первыя гастроли, то замкнулся въ маленькій кружокъ своихъ старыхъ московскихъ знакомыхъ. Изъ номера, занятаго въ меблированныхъ комнатахъ Толмазова переулка, почти никуда не ходилъ, кромѣ театра. Петербургомъ не интересовался и никакихъ осмотровъ его не производилъ, стараясь проводить дни и часы въ своихъ московскихъ привычкахъ. Будучи вызванъ сюда во второй разъ, уединенно жилъ въ квартирѣ своего стараго пріятеля (С. И. Турбина), изрѣдка лишь интересуясь посѣщеніями небольшого кружка знакомыхъ по особымъ настойчивымъ приглашеніямъ. Являлся всюду въ своемъ неизмѣнномъ костюмѣ, вродѣ поддевки оригинальнаго покроя, усвоеннаго имъ уже съ давнихъ поръ. Вообще же продолжалъ чувствовать себя здѣсь какъ бы въ докучномъ и непріятномъ плѣну, подобно птицѣ въ клѣткѣ, и изъ Москвы оба раза пріѣзжалъ съ друзьями-провожатыми, и между прочимъ съ А. Н. Островскимъ (въ первый разъ); этому своеобразному патріоту-москвичу принадлежитъ и извѣстное выраженіе генерала Дитятина. Садовскій, отвѣчая на вопросъ объ его мнѣніи относительно исхода войны, сказалъ: «Насъ побьютъ, но не одолѣютъ».

Такой-то цѣльной и своеобразной натурѣ на судъ и оцѣнку, между прочими своими пріятелями, представилъ тотчасъ же Ив. Ѳед. Горбунова Ал. Ник. Островскій. Сразу понялъ высокоталантливый комикъ молодую, робко выступавшую, но уже ясно опредѣлившуюся силу. Молчаливо любуясь, но не осыпая его излишкомъ похвалъ, онъ съ отеческою нѣжностью отнесся къ нему тотчасъ же, какъ только прослушалъ первые разсказы. Артистическою душой, конечно, сразу почувствовалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего насильно-притянутаго, искусственно сочиненнаго, ради усиленія смѣха неестественною рѣчью, изуродованными учеными или книжными словами, чѣмъ достаточно грѣшатъ всѣ его вышеупомянутые разсказы отъ имени купцовъ. Съ появленіемъ Горбунова онъ даже сталъ примолкать. Кажется, въ послѣдній разъ онъ выступилъ съ разсказомъ о судьбѣ Лудовика Филиповича, удостоившись счастья разсказать въ Кремлевскомъ дворцѣ въ Бозѣ почившему Царю-Освободителю въ дни коронаціонныхъ празднествъ. Уступая свое мѣсто вновь наступающей силѣ, онъ дѣлалъ это охотно, съ полною готовностью и искренностью. Благодарно вспоминая объ этихъ первыхъ своихъ встрѣчахъ съ Провомъ Михайловичемъ и его товарищескихъ услугахъ, поощреніи и покровительствѣ, любовно вспоминалъ о тѣхъ также своеобразныхъ пріемахъ, съ какими московскій патріотъ къ нему относился. Такъ, наприм.,

4*

въ силу особыхъ своихъ соображеній, всегда вѣрный себѣ, Провъ Михайловичъ призналъ необходимымъ перемѣнить Ив. Ѳед. прическу. Съ этою цѣлью самъ свезъ его въ свою парикмахерскую на Садовой у Ермолая на Козихѣ, самъ указывалъ цирюльнику, какъ перемѣнить густую шевелюру послушнаго молодого человѣка, чтобы вышло по-русски въ кружокъ и даже въ скобку. При этомъ серьезно и простодушно увѣрялъ онъ новичка, что такъ непремѣнно нужно сдѣлать, что безъ этого нельзя, что такъ будетъ хорошо: и приличнѣе и подходящѣе. Затѣмъ развозя его по знакомымъ купеческимъ домамъ, которыхъ находилъ заслуживающими этой чести и «способными понимать, въ чемъ тутъ главная суть заключается», съ простодушною заботливостью и предупредительными комментаріями спѣшилъ давать ходъ тѣмъ разсказамъ, которые находилъ наиболѣе лучшими и эффектными. Тяжело завалившись въ уголокъ дивана, глубокихъ покойныхъ креселъ, обычно понюхивая табачокъ, Пр. Мих. ободрительно и хвастливо показывалъ слушателямъ съ веселою и доброю улыбкой кивками головы на разсказчика, иногда съ короткимъ приговоромъ:

— Да-съ, такъ вотъ тутъ въ чемъ сила: въ такихъ молодыхъ лѣтахъ небывалое дѣло-съ.

Когда потомъ обращались къ нему съ просьбою, чтобъ онъ разсказалъ что-нибудь изъ своего, Садовскій бралъ Горбунова за плечи, становилъ его передъ собой, говорилъ:

— Вотъ просите его-съ. Онъ лучше можетъ. Разсказывайте, Иванъ Ѳедоровичъ. Все, что ни скажете, чудесно будетъ.

И снова заваливался въ уголъ дивана, молча слушалъ и наслаждался.

Для Садовскаго то уже было дорого, что Горбуновъ подлинный москвичъ «нашъ»: въ Москвѣ родился, въ ней воспитывался, любитъ ее такъ, что вотъ и разсказываетъ все про нее, и въ ней же впервые предъявилъ свой крупный талантъ, весь посвященный бытовымъ картинамъ все того первопрестольнаго города. И замѣчательно, что подъ вліяніемъ Садовскаго, и Горбуновъ по пріѣздѣ въ Петербургъ все примѣрялъ сначала на московскую мѣрку, а объ этомъ завѣтномъ и добромъ времени трогательно вспоминалъ не иначе, какъ со слезами въ глазахъ: и такъ всегда, во всю свою жизнь и при всякомъ случаѣ, уносившемъ его мысли въ милое прожитое и незабвенное прошлое.

Въ самомъ же дѣлѣ Горбуновъ не былъ уже очень молодымъ, но замѣчательную, рѣзко бросающуюся въ глаза моложавость сохранялъ онъ очень долгое время. Даже отправившись въ вѣчность,

не имѣлъ на головѣ ни одного сѣдого волоса, несмотря на то, что ему уже стукнуло за 60 лѣтъ. 23-хъ лѣтъ онъ выступилъ впервые въ Москвѣ на сцену, благодаря все тому же дружескому участію Садовскаго, который выхлопоталъ ему разрѣшеніе на дебютъ въ свой бенефисъ въ 1854 г. Очень доволенъ былъ его успѣхомъ, а въ особенности вызовами за роль купеческаго сына гуляки въ комедіи «Образованность» На память съ надписью «дебютанту моему» подорилъ впослѣдствіи (въ 1859 г.) портретъ во весь ростъ въ роли Расплюева,—портретъ, который благодарно держалъ этотъ «дебютантъ» всегда на глазахъ повѣшеннымъ надъ письменнымъ рабочимъ столомъ.

Послѣ этого перваго и единственнаго дебюта на московской сценѣ Малаго театра въ начальное время театральной карьеры Горбунова, и Садовскій началъ поговаривать:

— Вамъ непремѣнно-съ надо ѣхать въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ вамъ будетъ лучше и объ этомъ слѣдуетъ всякими способами стараться.

Впрочемъ, эти хлопоты давно уже предполагались въ кружкѣ и были даже приняты кое-какія доступныя мѣры. Между прочимъ, расчитывали на помощь Леон. Льв. Леонидова, незадолго переведеннаго на петербургскую сцену на роли умершаго трагика Каратыгина. Леонидовъ обѣщалъ обезпечить гостя на первое время столомъ и квартирой. Вскорѣ надежды усилились, когда появился,— появился сначала дворникъ, Иванъ Михайловъ онъ же и швейцаръ, такъ какъ входъ былъ безъ звонка, по-просту, въ калитку черезъ дворъ. Къ тому же Иванъ Михайловъ предсталъ хотя и въ обычномъ подгулѣ, но съ испуганнымъ лицомъ:

— Батюшка-отецъ! — съ привычнымъ привѣтомъ обратился онъ къ Алек. Ник.—Тамъ внизу большой баринъ просится къ тебѣ пройти,—Тургеневымъ сказывается. Пущать ли?

Озадаченъ былъ и этотъ Михайлычъ, непривычный къ докладамъ, необычнымъ порученіямъ снизу, полученнымъ отъ незнакомыхъ, смущенъ былъ не меньше его и самъ хозяинъ мыслью о томъ, что почетному и пріятному гостю доводится ждать на дворѣ и на лѣстницѣ.

Не малый переполохъ и замѣшательство произвело это неожиданное извѣстіе о посѣщеніи Тургенева и между присутствовавшими, среди которыхъ находился и Ив. Ѳед. Хорошо помнилъ онъ, какъ сконфузился и самъ скромный хозяинъ, застегивая воротъ коротенькой поддевки на крючки, стыдливо оглядываясь на простоту своей повседневной обстановки. Она не совсѣмъ соотвѣтство-

вала вкусу и отвѣчала надлежащему достойному пріему такого гостя, который былъ и богатымъ человѣкомъ, и чуть не аристократомъ, но во всякомъ случаѣ уже крупною извѣстностью, передовымъ послѣ Гоголя писателемъ. Обѣ знаменитости русской литературы до тѣхъ поръ не были лично между собою знакомы. Островскій, несмотря на открытую уже Николаевскую дорогу, въ Петербургѣ не бывалъ, не имѣя въ томъ никакой надобности. Ив. Серг. Тургеневъ, заботливо и внимательно слѣдившій за всякимъ новымъ журнальнымъ произведеніемъ, горячимъ сердцемъ принималъ и оцѣнивалъ всякій живой проблескъ литературнаго дарованія, даже незначительнаго, но хотя бы что-либо обѣщающаго. Такое же блестящее дарованіе, которымъ сразу прославился Островскій, Тургеневъ, конечно, успѣлъ оцѣнить въ полную силу и мѣру и, очутившись на короткое время въ Москвѣ проѣздомъ изъ своихъ орловскихъ деревень, счелъ своимъ святымъ долгомъ разыскать въ трущобѣ Воробина восходящее литературное свѣтило. И вотъ онъ первымъ пришелъ ему поклониться. И самъ застѣнчивый хозяинъ (сохранившій эту характерную черту во всю свою жизнь), и его гости, довольные случаемъ видѣть во-очію знаменитаго автора «Записокъ охотника», посѣщеніемъ остались вполнѣ довольны. Простою, привѣтливою по обычаю бесѣдою его всѣ были очарованы, несмотря на предвзятыя предубѣжденія противъ петербургскихъ людей, общія не одному лишь Садовскому, но и большой части всего кружка. Ко всему относились недовѣрчиво, но многое было совсѣмъ ненавистно: красныя груди гвардейцевъ, пенснэ и монокли статскихъ людей, ихъ нескрываемая брезгливость ко всему московскому и высоко-поднятыя головы съ презрительнымъ взглядомъ и многое прочее, чего въ Москвѣ совсѣмъ нельзя было встрѣтить.

— Ошиблись во взглядахъ,—объяснялъ Садовскій:—вы думали, что я дуракъ, а я думалъ, что вы умный.

Посѣщеніемъ Тургенева воспользовались также и для того, чтобъ ускорить или подвинуть дѣло о помѣщеніи Горбунова на Александринскую сцену: имѣлось въ виду давнишнее знакомство Тургенева съ начальникомъ репертуара П. С. Ѳедоровымъ и вообще его обширныя литературныя и иныя связи. Кстати, по московскому же обычаю «пользоваться оказіей», на него возложены были и другія порученія. Благодушный, исполнительный, готовый на услуги и всегда памятливый на просьбы, И. С. Тургеневъ не замедлилъ письменнымъ отвѣтомъ. Въ этомъ отношеніи онъ прославился своею аккуратностью, доведенною даже до маленькой сла-

бости. Такъ, наприм., отъ корреспондентовъ своихъ онъ требовалъ такого же точнаго обозначенія даты,—числа и года отправленія,— и всегда жаловался на тѣхъ изъ нихъ, кто этого не дѣлалъ. Онъ не только выучилъ забывчиваго и разсѣяннаго Писемскаго исполнять этотъ обычай, но рѣдкому изъ виноватыхъ въ такомъ упущеніи не указывалъ на него въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ. Отвѣтами Тургеневъ не замедлялъ; въ вынужденномъ молчаніи заботливо оправдывался.

На просьбы А. Н. Островскаго онъ отвѣчалъ изъ Петербурга слѣдующимъ письмомъ отъ 10 февраля 1855 г.:

«Милостивый государь Александръ Николаевичъ.

«Вы можетъ быть уже знаете, что я на другой день послѣ моего посѣщенія у васъ въ Москвѣ занемогъ и цѣлую недѣлю сидѣлъ дома. Потомъ я попалъ въ тотъ несчастный поѣздъ желѣзной дороги, который трое сутокъ слишкомъ былъ задержанъ метелью; а прибывши наконецъ сюда, я опять занемогъ, и опять не выхожу изъ комнаты. Этому непріятному стеченію обстоятельствъ слѣдуетъ приписать, что я до сихъ поръ ничего не могъ вамъ написать о г-нѣ Горбуновѣ, потому что не видѣлъ еще Ѳедорова, но какъ только выздоровѣю, тотчасъ пойду къ нему и подробно напишу вамъ результаты нашего свиданія. Теперь же, по порученію редакторовъ «Современника», обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: не хотите ли вы помѣстить послѣднюю комедію у нихъ въ журналѣ. Они примутъ ее съ радостью и предлагаютъ вамъ за нее 250 руб. сер. Если вы согласитесь, то можете выслать ее на мое имя, и поскорѣе, потому что они хотѣли бы помѣстить ее въ мартовской книгѣ. Также я попросилъ бы васъ, если это возможно, прислать ко мнѣ нѣсколько рисунковъ г. Боклевскаго (если не къ «Бѣдность—не порокъ», то хотя другія): я пока бы ихъ здѣсь показывалъ людямъ со вліяніемъ и это могло бы послужить въ пользу г. Б., произведенія котораго очень бы нужно было вывести на свѣтъ. Прошу васъ отвѣтить на оба мои запроса, чѣмъ весьма меня обяжете. Я видѣлъ Писемскаго, который велѣлъ вамъ кланяться. Онъ уже поступилъ на службу и дѣла его на хорошей дорогѣ. Нечего говорить, что рисунки г. Боклевскаго будутъ возвращены въ совершенной цѣлости и исправности. Прошу поклониться Садовскому, гг. Горбунову и Эдельсону (надѣюсь, что здоровье его супруги поправилось). Желаю вамъ здоровья и дѣятельности и остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ преданный вамъ Ив. Тургеневъ».

Нѣсколько оффиціальный, дѣловой тонъ письма, вызваннаго

извѣстными порученіями и написаннаго вскорѣ послѣ мимолетнаго знакомства и перваго свиданія, вовсе не характеризуетъ взаимныхъ отношеній обоихъ писателей. Рѣдкія встрѣчи, обусловленныя дальними разстояніями, когда одинъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, а другой также почти постоянно за границей, дѣйствительно не установили тѣхъ желательныхъ, близкихъ дружескихъ отношеній между Островскимъ и Тургеневымъ, какія, наприм., существовали у послѣдняго съ Писемскимъ. Писемскій нѣсколько лѣтъ кряду жилъ въ Петербургѣ, когда и Тургеневъ надолго здѣсь оставался, навѣщалъ Тургенева за границей и очень охотливо велъ съ нимъ оживленную переписку.

Несмотря на авторитетное содѣйствіе Тургенева, на хлопоты другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ первымъ слѣдуетъ упомянуть А. А. Краевскаго, Горбунову довелось пройти за кулисы и въ театральную уборную мимо многихъ мытарствъ и натолкнуться на серьезныя препятствія со стороны тогдашняго директора театровъ Гедеонова. Привелось, между прочимъ, выслушать отъ него нелѣпое, въ чиновничьемъ вкусѣ, предложеніе поступить предварительно сцены въ театральное училище,—довелось, однимъ словомъ, долго ждать и наконецъ дожидаться давленія свыше, чтобы получить право дебюта въ «Ночномъ» — сценахъ Стаховича, и устроиться па Александринской сценѣ.

Какъ бы то ни было, но Ив. Ѳед. въ концѣ зимы 1855 г. переѣхалъ на житье изъ Москвы въ Петербургъ.

У Аничкова моста, въ домѣ Степанова (рядомъ съ Екатерининскимъ институтомъ), въ первомъ этажѣ направо, въ небольшой квартирѣ И. С. Тургенева, въ его пріемномъ залѣ, изящно-убранномъ портьерами и широчайшей оттоманкой, Горбуновъ разсказывалъ въ кружкѣ «Современника» корифеямъ тогдашней молодой петербургской литературы. Разсказывалъ онъ, между прочимъ, ту свою сцену, которую въ печати, въ собраніи своихъ сочиненій, онъ назвалъ «Визитомъ». Главное дѣйствующее лицо названо имъ тѣмъ именемъ, которое для барскихъ лакеевъ обращалось въ насмѣшливое или бранное. Какъ всякій ученый медвѣдь — Михайло Потапычъ, и всякій калмыкъ — Иванъ Иванычъ, такъ точно и каждый лакей—Алексѣй Алексѣичъ (молодой лакей Алешка) и все это блаженной памяти испорченное до отвращенія племя, вмѣстѣ взятое, «уксусъ», «языкомъ тарелку прошибъ», «три сажени пыли проглотилъ» и т. п. Супруга Алешки, Елена Дмитріевна—ломака, побывавшая съ барыней за границей, въ особенности привела въ восторгъ Ив. Сергѣевича жизненною правдивостью, напомнивъ ему

знакомое домашнее и недавнее. Онъ тотчасъ же изъ своихъ наблюденій дворянскаго быта сразу начертилъ легкій мастерски-художественный набросокъ, мимоходомъ и не для печати, который и сейчасъ стоитъ живымъ у меня передъ глазами.

Въ тотъ памятный вечеръ и тутъ я впервые встрѣтился и познакомился съ Горбуновымъ. Знакомство наше вскорѣ, какъ-то вдругъ и незамѣтно, перешло въ ту близкую и тѣсную дружбу, которая не омрачалась и не ослабѣвала во всю послѣдующую нашу жизнь. По русскому обычаю, эта взаимная пріязнь закрѣпилась для насъ кумовствомъ и сватовствомъ и въ такомъ незабвенномъ для меня лично видѣ сберегалась цѣльно и бережно въ теченіе ровно сорока лѣтъ.

С. Максимовъ.

АРМАТУРА.

Романъ Поля Эрвьё.

I.

Баронъ Сафръ.

Яснымъ и холоднымъ апрѣльскимъ вечеромъ, кареты длинными вереницами стояли въ нѣсколько рядовъ вокругъ палатъ барона Сафръ, и еще экипажи продолжали безпрерывно подъѣзжать къ разукрашенному и ярко-освѣщенному входу, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышались двѣ огромныя мраморныя химеры.

Знаменитый капиталистъ давалъ пышный праздникъ, на который онъ имѣлъ обыкновеніе изъ года въ годъ приглашать избранныхъ представителей «обоихъ предмѣстій». Баронъ смотрѣлъ на этотъ пиръ какъ на своего рода годичное общее собраніе,—неочередное, подъ его предсѣдательствомъ,—акціонеровъ того общества, которое называютъ *high-lif*'омъ. Этимъ собраніемъ, въ отвѣтъ на нападки печати и на позорящія его клубныя сплетни, онъ находилъ нужнымъ поддерживать свое положеніе хозяина дома и свѣтскаго человѣка, котораго «можно» всюду принимать и у котораго «надо» бывать. И, на самомъ дѣлѣ, всѣ исторіи, которыя въ теченіе предшествовавшихъ мѣсяцевъ загрязняли репутацію барона Сафра, чернили его дѣла и поведеніе, оказывались стертыми и забытыми на другой день послѣ вечера, гдѣ «весь Парижъ» видѣлъ его веселымъ, гордымъ, богатымъ, окруженнымъ общимъ вниманіемъ. Этими нѣсколькими часами роскошнѣйшаго гостепріимства онъ каждому выставлялъ на показъ, какъ свѣтская толпа въ массѣ къ нему относится и какъ, слѣдовательно, надлежитъ относиться къ нему, думать и говорить о немъ каждому въ отдѣльности — на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ.

— А, возможно ли! Баронесса нездорова? Мы не увидимъ ея?—

восклицали по очереди входящіе гости почти однимъ и тѣмъ же равнодушнымъ тономъ.—Какъ жалко!—вздыхали они, едва слушая успокоительныя фразы хозяина и стараясь пробраться скорѣе къ звавшимъ ихъ знакомымъ.

— О, ничего особенно серьезнаго... Легкое недомоганіе, но такъ не во-время,—повторялъ баронъ несчетное число разъ съ улыбкою благодарности, обращенною на обѣ стороны, къ спинѣ торопившихся впередъ, уже успѣвшихъ выразить свои соболѣзнованія, и навстрѣчу тѣмъ, кто спѣшилъ таковыя высказать.—Она такъ слаба здоровьемъ,—добавлялъ иногда баронъ, поднимая глаза къ потолку.

Но самъ-то онъ, знаменитый финансовый баронъ, такъ и сіялъ здоровьемъ и силой. И для людей, ловившихъ всякій случай сказать ему что-либо пріятное, это служило удобнымъ и основательнымъ поводомъ не вѣрить, что ему уже минуло пятьдесятъ девять лѣтъ.

И вправду, ему можно было дать не болѣе сорока пяти лѣтъ, когда онъ, бодрый, стройный и широкій, съ высокоподнятою львиною головой, поднимался легкою походкой подъ руку съ г-жей д'Эксирёйль на бѣлый мостикъ надъ зимнимъ садомъ, соединявшій галлерею витринъ съ картинною галлереей.

Молодая женщина пріостановилась на минуту среди этого мостика, какъ бы висѣвшаго въ воздухѣ надъ моремъ зелени. Оттуда она дѣлала привѣтливые знаки группамъ знакомыхъ, находившимся внизу, среди тропической растительности и массы цвѣтовъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — отвѣчала ей графиня де-Громмеленъ, дочь барона Сафра, окруженная мужчинами и шумно съ ними разговаривавшая.—Я увѣрена, что папа не скучаетъ въ эту минуту!—продолжала она въ полголоса, интимно подмигивая Рожеру д'Іанси и указывая глазами на хорошенькую спутницу барона, которую онъ велъ уже дальше по пути изящной и безграничной роскоши, которою переполнены были его богатѣйшія палаты.

Обнаженная рука Жизели д'Эксирёйль вздрагивала отъ сдерживаемаго непріятнаго чувства, вызваннаго пожатіями руки Сафра, въ настоящемъ значеніи которыхъ молодая женщина не могла уже сомнѣваться. Она сдѣлала легкое усиліе, немного высвободившее руку, и, разсчитывая лестью избавиться отъ необходимости быть снисходительною, проговорила:

— Какъ хватаетъ у васъ времени и на то, чтобъ устраивать все съ такимъ вкусомъ?... Настолько все это художественно, настолько изящно!...

— Комплиментъ моему вкусу,—отвѣтилъ баронъ,—выслушиваю отъ васъ съ тѣмъ большею радостью, что онъ основывается, прежде всего, на моемъ восхищеніи вами.

Жизель сдвинула брови и слегка отвернула лицо. Баронъ любовался безъ стѣсненія красивымъ очертаніемъ ея розовой щечки и бѣлизной ея открытой шеи.

— Честное слово,—продолжалъ Сафръ,—я никогда не видалъ васъ такъ очаровательно одѣтой...

Любезность эта смутила Жизель, ей показалось, что баронъ насмѣхается. Платье изъ зеленаго бархата съ золотистымъ отливомъ служило ей уже цѣлый сезонъ, было всюду уже надѣвано!... Когда, двѣ недѣли назадъ, она заговорила у себя о заказѣ новаго платья, именно для вечера у Сафра, ее поразилъ удрученный видъ мужа, съ которымъ онъ спросилъ, есть ли въ томъ крайняя необходимость, и замѣтилъ, что въ данную минуту это могло бы оказаться не особенно благоразумнымъ. И Жизель принуждена была, какъ умѣла, помочь горю, передѣлавши свой туалетъ, который въ недавніе вечера ничѣмъ неомраченнаго счастья былъ однимъ изъ самыхъ эффектныхъ. Путемъ всевозможныхъ ухищреній постаралась она измѣнить до неузнаваемости нарядъ, прославившій ту, которая носила его, чье молодое тѣло такъ сладко вздрагивало въ немъ отъ приливовъ свѣтскаго тщеславія.

У Сафра на умѣ, разумѣется, не было ни малѣйшаго намека на совершенно неумѣстную иронію. По правдѣ говоря, его взглядъ хищника, обыкновенно слѣдящій за иною добычей, впервые остановился на Жизели настолько пристально, что онъ разсмотрѣлъ, какъ она одѣта. До этого вечера баронъ находилъ ее очень хорошенькой и милой, постоянно оказывалъ ей привѣтливыя и безкорыстныя любезности. Теперь же, порвавши одну старую связь, послѣ множества предшествовавшихъ, онъ почувствовалъ себя свободнымъ и расположеннымъ къ новымъ ухаживаніямъ, и въ немъ разгаралось желаніе овладѣть привлекательною и великолѣпною добычей, которая въ эту минуту была такъ близко отъ него.

Инстинктъ подсказывалъ молодой женщинѣ, что ей слѣдовало уклониться отъ заискиваній барона, многими уже замѣченныхъ, которыми онъ чествовалъ ее въ своемъ домѣ. Отъ чествованій она не хотѣла отказаться и, тѣмъ не менѣе, чувствовала, что они пугаютъ ее.

Но въ то самое время, какъ она вздрагивала, пытаясь избавиться отъ пожатій, которыми слишкомъ смѣло злоупотреблялъ ея кавалеръ, она сознавала, что должна относиться къ нему съ вели-

чайшею деликатностью. Одного слова этого всесильнаго избранника фортуны, настоятельно увѣрявшаго ее въ своей преданности, было достаточно для того, чтобы вывести ея мужа изъ тѣхъ денежныхъ затрудненій, съ которыми онъ, очевидно, боролся, не сознаваясь въ томъ передъ нею. Самъ Жакъ,—среди объясненій, которыхъ она не поняла, да которыхъ и не слушала,—внушилъ ей смутную мысль, что только при поддержкѣ барона Сафра ему можетъ удасться осуществить одно задуманное имъ предпріятіе и превратить его тотчасъ же въ изумительно-выгодное дѣло. Жизель представить себѣ не могла, конечно, что она въ состояніи будетъ оказать дѣятельную помощь для успѣха какой-то финансовой комбинаціи, но она любила Жака д'Эксирёйля, своего мужа,—любила страстно и нѣжно. И изъ-за того, что въ послѣднее время она видѣла его озабоченнымъ, часто печальнымъ, она боязливо остерегалась помѣшать его планамъ. Ее пугала возможность рѣзкою вспышкой гордости испортить добрыя отношенія съ барономъ, обидѣть его, вызвать его недовольство. Теперь она себя винила въ совсѣмъ новыхъ для нея покушеніяхъ на ухаживаніе Сафра. Въ невинномъ желаніи хоть сколько-нибудь помочь Жаку, сама она слишкомъ предупредительно и дружески отвѣчала на любезности барона, истиннаго значенія которыхъ не понимала вначалѣ. И кромѣ того, не добавила ли она къ своей милой вѣжливости нѣкоторой дозы лукаваго кокетства? А потому не обязана ли она теперь сносить терпѣливо, до извѣстной границы, неизбѣжныя послѣдствія собственной ошибки со стороны смѣлаго человѣка, ободреннаго ею, быть можетъ, очень неосторожно?

Разговаривая, они дошли до конца знаменитой галлереи, гдѣ рефлекторы, направленные на картины великихъ художниковъ, отдавали лишь избытокъ свѣта обширному помѣщенію, по которому двигалась толпа гостей, составившаяся изъ наиболѣе серьезныхъ людей, пришедшихъ сюда полюбоваться высокими произведеніями искусства. Большинство принадлежало мужчинамъ, между которыми изрѣдка виднѣлись напудренныя или крашенныя головы старыхъ дамъ, титулованныхъ знатоковъ, пожилыхъ любителей, съ которыми Сафръ мимоходомъ обмѣнивался привѣтствіями, непремѣнно титулуя каждаго, сообразно его чину и званію: «любезный генералъ», «дорогой маркизъ», «господинъ академикъ»... Въ концѣ галлереи Сафръ и Жизель встрѣтились съ графомъ де-Громеленъ, однимъ изъ двухъ зятьевъ барона, ведшимъ подъ руку княгиню Нажаръ.

Княгиня улыбнулась хозяину дома, но все вниманіе свое со-

сродоточила на его дамѣ съ тою быстрою зоркостью, съ которою женщины пытаются въ нѣсколько мгновеній распознать и оцѣнить красоту и степень порочности другой женщины, угадать поводы и тайныя причины, давшія возможность этой другой женщинѣ завладѣть или надѣяться завладѣть мужчиной, идущимъ съ нею подъ руку.

— Пройдите непремѣнно здѣсь,—сказала княгиня, удаляясь,—видъ отсюда очаровательный!...

И Сафръ провелъ свою спутницу на родъ балкончика, возвышающагося надъ залой, залитой электрическимъ свѣтомъ.

Въ глубинѣ огромной залы устроена была эстрада для спектакля, закрытая тяжелымъ занавѣсомъ, составленнымъ изъ двухъ раздергивающихся на обѣ стороны старинныхъ ковровъ, на которыхъ великолѣпно были затканы сцены какихъ-то царскихъ пиршествъ. Для начала спектакля поджидали только прибытія принца, наслѣдника престола одной изъ европейскихъ державъ. Сафръ нисколько не тревожился тѣмъ, что принцъ запаздываетъ: баронъ зналъ, что иноземный гость хорошій плательщикъ и всегда аккуратно и въ срокъ расплачивается—своимъ присутствіемъ на банкетѣ.

На рядахъ золоченыхъ стульевъ виденъ былъ сверху цѣлый партеръ обнаженныхъ плечъ и пышныхъ женскихъ прическъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, залитыхъ яркимъ освѣщеніемъ, какъ бы колеблющихся подъ неуловимымъ дуновеніемъ самодовольства и тщеславія. Ароматъ нѣги, смѣшанный съ раздражающимъ нервы неяснымъ гуломъ, съ переливчатыми отблесками атласа, драгоцѣнностей, шелка, человѣческаго тѣла, бархата и золота, стоялъ надъ сорока длинными рядами стульевъ, на которыхъ подъ вліяніемъ поразительной дрессировки размѣстилось столько разнородныхъ образцовъ женщины-звѣря, выставленныхъ на-показъ во всемъ блескѣ своей парадной сбруи.

Стадо черныхъ фраковъ, толпившихся позади, состояло исключительно изъ людей выдающихся своимъ рожденіемъ или утонченностью манеръ, носящихъ почти поголовно имена стародавнихъ придворныхъ или вновь дослужившихся до титуловъ. Лишь очень немногіе пользовались личною извѣстностью. Изъ нихъ одни щеголяли и кичились своими орденами, другіе опирались на традиціонныя права, которыя равносильны были наслѣдственнымъ гербамъ.

И надо всѣмъ этимъ носилась совершенно своеобразная атмосфера, характеризующая наиболѣе великосвѣтскія собранія,—атмосфера, въ которой неуловимо разлито сознаніе, что тутъ — все «свои» люди, крѣпко связанные другъ съ другомъ, невѣдомо чѣмъ,

неопредѣлимымъ и, тѣмъ не менѣе истекающимъ изъ постоянныхъ встрѣчъ вездѣ, гдѣ безпрерывно перекрещивается множество взглядовъ съ выраженіемъ церемонно выдрессированнаго любопытства и условно изящнаго равнодушія.

Съ высоты обсерваторіи, на которую Сафръ привелъ мадамъ д'Эксирейль, молодой женщинѣ могло казаться, что онъ хотѣлъ показать ей панораму своего могущества въ этомъ обществѣ, а изъ тона его рѣчей она ясно заключила, что онъ готовъ повергнуть къ ея ногамъ, если она согласится воспользоваться предложеніемъ, все это общество, ослѣпительное своимъ великолѣпіемъ, этотъ букетъ парижскаго высокомѣрія, связанный сильными руками барона. Жизель и Сафръ были на виду у всѣхъ, кому вздумалось бы поднять голову, а потому баронъ дѣлалъ неопредѣленные жесты, какъ бы дополняющіе его объясненія относительно залы, и въ то же время велъ тихо бесѣду настолько опредѣленную, насколько это было возможно.

Вначалѣ онъ напустилъ на себя необыкновенную скромность, какъ то не рѣдко дѣлалъ, устраивая какое-либо дѣло и принимая такой видъ, будто и самымъ дѣломъ онъ интересуется лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ быть полезенъ, услужить и сдѣлать добро собесѣднику. И онъ томилъ Жизель фразами полными намековъ, прекратить которые она не находила возможности.

— О!—тихо говорилъ онъ,—я не поддаюсь самообольщенію и не увѣряю, что могъ бы дать то, что женщины называютъ счастьемъ. И та изъ женщинъ, которая удостоила бы меня своей беззавѣтной дружбы, дозволила бы мнѣ питать къ ней самую глубокую благодарность, не подвергнется, конечно, риску переживать страстныя драмы, переносить вспышки ревности и припадки пламеннаго безумія, чѣмъ молодые люди,—надо признаться въ томъ,—всегда обольщаютъ женщинъ. Я знаю, что не имѣю уже правъ на большія требованія, и могу дозволить себѣ лишь самыя скромныя...

Жизель принимала благодушно сочувствующій видъ, съ которымъ обыкновенно выслушиваютъ разныя изліянія, касающіяся исключительно только говорящаго.

— Но,—продолжалъ онъ,—если я не увлекаюсь фантазіями сдѣлать кого-либо счастливою, то въ моей власти, по крайней мѣрѣ, оградить удостоившую меня своей дружбой отъ всякихъ огорченій и исполнить самыя тиранническія ея прихоти... Я смѣло завѣряю и въ томъ еще, что моя преданность устранитъ всякія непредвидѣнныя затрудненія, которыя иногда отравляютъ существованіе. Очень не легко жить въ Парижѣ... увлеченіе удовольствіями ведетъ ча-

сто къ настоящимъ катастрофамъ! Вы-то, разумѣется, этого и не подозрѣваете...

И онъ, самъ того не желая, посмотрѣлъ на Жизель такимъ рѣзкимъ взглядомъ, что ей почудилось, будто онъ насквозь видитъ ея тревогу за спокойствіе мужа.

— Сколько найдется, однако,— продолжалъ Сафръ,— изъ числа самыхъ милыхъ и достойныхъ, которыя страдаютъ ежедневно отъ разныхъ затрудненій, крайне тяжелыхъ и смѣшныхъ въ то же время... Да и въ томъ случаѣ даже, когда ни въ чемъ нѣтъ недостатка, не мечтаетъ развѣ молодая, хорошенькая головка о такихъ вещахъ, осуществленіе которыхъ не всегда возможно?... Знаете, я всегда считалъ для себя священнымъ и обязательнымъ всякое желаніе женщины, каково бы оно ни было... И люди моего разбора за тѣмъ именно и созданы, чтобы дѣлать осуществленіе подобныхъ прихотей не только возможнымъ или легкимъ, но чтобы осуществлять ихъ прежде, чѣмъ онѣ опредѣленно выражены.

Пока Сафръ такъ разглагольствовалъ, Жизель чувствовала, что ее охватываетъ все болѣе и болѣе возрастающее волненіе, причину котораго она не умѣла объяснить. Была какая-то странная трусость въ томъ, что она выслушивала почти формальныя предложенія человѣка, извѣстнаго своимъ несокрушимымъ упорствомъ во всемъ, что онъ предпринималъ. Жизель испытывала смутный ужасъ отъ мысли, что обладатель чудовищной силы воли уже безповоротно рѣшилъ, быть можетъ, овладѣть ею. Она очень хорошо знала, что баронъ Сафръ ничего не можетъ сдѣлать вопреки ея желанія. Но развѣ всемогущество подобныхъ людей, органически созданныхъ, чтобы властвовать, не основывается главнымъ образомъ на томъ таинственномъ вліяніи, которымъ они подчиняютъ себѣ кого захотятъ тяжелою убѣдительностью словъ и выраженіемъ глазъ?

Къ счастью, изъ крайне неловкаго положенія вывело ее появленіе Артура Сафра, разыскивавшаго своего отца, чтобы сообщить ему о пріѣздѣ принца. Баронъ извинился передъ Жизелью въ томъ, что вынужденъ ее оставить, и поручилъ сыну проводить ее до мѣста.

Артуръ Сафръ былъ очень милый молодой человѣкъ, готовый услужить каждому и неспособный ни въ какомъ случаѣ кого-либо обидѣть. Врагъ всякаго спорта и праздности, онъ никогда не стремился сдѣлаться членомъ большихъ клубовъ. Природныя склонности влекли его къ удовлетворенію личнаго самолюбія иными способами, при помощи большого состоянія, которое онъ уже получилъ и которое могло достаться ему по наслѣдству. — «Готовьтесь вы

прямо въ академію,—убѣждалъ его циникъ Тарсюль,—вы имѣете къ тому всѣ средства. Но прежде всего изберите себѣ спеціальность, да такую непремѣнно, чтобы не встревожить тѣмъ другихъ спеціалистовъ! Такъ вы могли бы заняться табакерками или пряжками отъ поясовъ. Не беритесь за набалдашники тростей и за шпоры, то и другое уже взято. Можно, пожалуй, кое-что сдѣлать еще по вопросамъ чеканки, мозаики или оружія... только въ такомъ вѣкѣ, номеръ котораго остается пока свободнымъ,—въ тринадцатомъ, напримѣръ, никѣмъ не захваченномъ, насколько мнѣ извѣстно. Дѣлайте свои изысканія, разсказывайте о томъ, что вамъ заблагоразсудится открыть, изъ-за вашего плеча никто слѣдить за вами не станетъ. Отъ васъ потребуютъ только, чтобы вы «проливали свѣтъ», «много свѣта»: вы и проливайте... А прежде, чѣмъ труды ваши увѣнчаются надлежащимъ успѣхомъ, позвольте мнѣ указать вамъ художниковъ, которымъ хорошо было бы заказать что-нибудь изъ бронзы для садовъ и парковъ вашего отца, или какое-нибудь архитектурное чудо, картины для плафона въ вашемъ домѣ. Вотъ теперь же вамъ слѣдовало бы заказать портретъ вашей жены живописцу, ея же бюстъ—скульптору, но такимъ художникамъ, которые имѣютъ шансы попасть въ академію. Этимъ способомъ вы получите добрую извѣстность въ кругу либеральныхъ профессій и пріобрѣтете въ свое время три голоса въ признательность за хорошій заработокъ и за превосходную рекламу для ихъ выставокъ.

На самомъ дѣлѣ нельзя было найти болѣе очаровательной красавицы, чѣмъ Катерина, которую умудрились дать въ жены Артуру Сафру, взявши ее изъ очень знатной и гордой семьи Вальдренъ-де-Рюи, разорившейся въ конецъ.

Представленіе началось, какъ только принцъ, пузатый, плѣшивый, ожирѣлый и полусонный, вошелъ въ сопровожденіи барона Сафра и занялъ приготовленное для него почетное мѣсто.

На сценѣ шла пастораль въ стихахъ, и одною изъ оригинальностей пьесы было то, что исполняли ее однѣ женщины, полдюжины актрисъ, наряженныхъ пастушками и пастушками и выбранныхъ изъ числа наиболѣе любимыхъ публикой. Другая оригинальность этого драматическаго произведенія заключалась въ томъ, что никакъ нельзя было понять, въ чемъ состоитъ сюжетъ и изъ-за чего хлопочутъ на сценѣ эти красивыя фигурки среди восхитительныхъ лазурно-голубыхъ и нѣжно-розовыхъ декорацій.

Авторъ, свѣтскій человѣкъ, пожелалъ, ради пущей корректности, скрыть свое имя, довольствуясь сознаніемъ, что всѣ его угадали. Общество охотно прощало ему то, что онъ столь усердно за-

бавляется упражненіями въ стихотворствѣ, такъ какъ убѣждено было, что его риѳмованный вздоръ изысканнѣйшаго тона не будутъ трепать по театрамъ, что онъ всегда будетъ достояніемъ лишь первоклассныхъ салоновъ, посольствъ и самыхъ замкнутыхъ кружковъ.

Когда закрылся занавѣсъ, большинство зрителей осталось очень довольно пьесой и еще болѣе тѣмъ, что она кончилась. Но ихъ поспѣшили предупредить, что пастораль въ двухъ дѣйствіяхъ и это лишь антрактъ.

Принцъ поднялся съ мѣста и очень любезно выразилъ желаніе пройти на сцену привѣтствовать артистокъ. Онъ предложилъ руку посаженной барономъ рядомъ съ нимъ Катеринѣ Сафръ и попросилъ ее указать ему путь за кулисы. Въ то же время все общество встало, радуясь наступившей передышкѣ и возможности направиться къ буфету.

Въ одномъ изъ угловъ залы совѣщалась съ своимъ мужемъ Жюльена Бреганъ, вторая дочь барона Сафра, расплывшаяся, массивная брюнетка съ поразительно-яркимъ румянцемъ, необычайно толстая для своихъ двадцати шести лѣтъ.

— Такъ вы идете,—пыхтѣла она, обмахиваясь вѣеромъ,— и передайте maman мои извиненія въ томъ, что не хватаетъ у меня смѣлости подняться къ ней на верхъ. Скажите ей, что я умираю отъ духоты...

Оливье Бреганъ былъ довольно красивый мужчина съ длинною бѣлокурой бородой. Въ свое время большимъ недовольствомъ была встрѣчена необычайная удача молодого человѣка, превратившагося вдругъ изъ служащаго при какой-то администраціи въ зятя барона Сафра. Теперь же всѣ находили это вполнѣ естественнымъ, какимъ находятъ все, къ чему присмотрѣлись и привыкли. Всѣмъ понятною казалась страсть Жюльены къ молодому человѣку, сыну школьнаго друга барона и товарищу дѣтства самой Жюльены. Что же касается согласія Сафра на бракъ дочери съ человѣкомъ безъ всякихъ средствъ, безъ громкаго имени и безъ знатнаго родства, то на это были свои тайныя причины. Первою изъ нихъ оказывалась злоба большого капиталиста, которую онъ питалъ въ глубинѣ души ко всѣмъ родовитымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ исцѣлился отъ своего довольно наивнаго увлеченія знатью, очень больно обжегшись при ближайшихъ соприкосновеніяхъ съ характеромъ своего перваго зятя. Чтобы не нарваться вторично на такого же господина, какимъ былъ графъ де-Громмеленъ, онъ предпочиталъ отдать дочь за кого бы ни было. А затѣмъ онъ считалъ замужство

очень некрасивой Жюльены дѣломъ весьма не важнымъ, ничего не сулящимъ для удовлетворенія его тщеславія или алчности, такимъ дѣломъ, которое ему хотѣлось скорѣе покончить.

Оливье Бреганъ сохранилъ отъ своихъ тяжелыхъ жизненныхъ дебютовъ привычку относиться ко всѣмъ новымъ обязанностямъ такъ же, какъ онъ относился когда-то къ своей службѣ. Какимъ пунктуальнымъ и исполнительнымъ онъ былъ въ канцеляріи, такимъ же остался въ качествѣ супруга, отца многочисленныхъ дѣтей и зятя. Потому-то онъ среди шумнаго бала, когда всѣ давно забыли объ отсутствующей баронессѣ Сафръ, счелъ своимъ долгомъ отправиться въ комнаты больной, чтобы выразить ей свое глубокое сочувствіе, на которое вправѣ разсчитывать со стороны своей семьи особа, подверженная легкимъ припадкамъ сумасшествія.

Оливье съ трудомъ пробирался сквозь толпу. Одну минуту онъ думалъ, что ему не удастся выдти изъ зеркальнаго салона, гдѣ Сафръ стоялъ окруженный гостями съ такимъ внушительнымъ видомъ, будто находился на ступеняхъ трона... Оливье достигъ, наконецъ, сѣней, прошелъ между рядами лакеевъ и по мягкому ковру поднялся по ониксовой лѣстницѣ до площадки перваго этажа, на которой красовался громадный во весь ростъ портретъ барона Сафра. Далѣе поворотъ лѣстницы привелъ Брегана къ ряду комнатъ, слабое освѣщеніе которыхъ являлось совершенною противоположностью съ ослѣпительнымъ блескомъ пріемныхъ комнатъ нижняго этажа. Встрѣтившая посѣтителя горничная пошла доложить о немъ хозяйкѣ и вернулась съ приглашеніемъ войти къ ней.

Баронесса Сафръ спокойно читала, полулежа на оттоманкѣ, при мягкомъ свѣтѣ лампы.

— Здравствуйте, — не громко проговорила хозяйка. — Очень любезно, что зашли ко мнѣ!... Нѣтъ, я чувствую себя не особенно дурно, немного только похуже, чѣмъ всегда.

И въ то время, какъ Оливье пустился въ выраженія искреннѣйшаго сочувствія и глубочайшаго сожалѣнія, баронесса продолжала:

— Благодарю васъ, мой другъ! Когда сойдете внизъ, то передайте тамъ другимъ, дочерямъ моимъ, чтобѣ онѣ не трудились приходить. Я не хочу никого безпокоить и сейчасъ лягу, принявши питье, дающее будто бы хорошій сонъ... Да скажите мнѣ... такъ коротко, однимъ словомъ... что тамъ внизу дѣлается.

— Вечеръ замѣчательно блестящій!... Но признайтесь, что въ глубинѣ души, несмотря ни на что, вы очень довольны своимъ нездоровьемъ, дозволяющимъ вамъ сидѣть въ своемъ тихомъ углѣ, вдали отъ хлопотъ пріема и всего этого шума?

Баронесса отрицательно покачала головой. У нея былъ почти совершенно обыкновенный видъ худой женщины, весьма мало измѣнившейся съ лѣтами. Тоненькія вены, просвѣчивавшія на вѣкахъ и блѣдныхъ вискахъ, окружали голубоватою сѣткой ея живые и блестящіе глаза.

— Мнѣ отдадутъ должную справедливость, когда меня въ живыхъ не будетъ,—говорила она.—Никакихъ видовъ не показывая, я умѣю всегда дѣлать то, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать... До свиданія, мой другъ... Еще разъ, не посылайте вы ко мнѣ никого, а въ особенности добрую толстую Жюльену... Ваши дѣтки здоровы?... Ну, и прекрасно. Отправляйтесь внизъ и веселитесь...

Оливье ушелъ тотчасъ же, какъ только она предложила ему это отъ всей души. Съ собой онъ уносилъ ясно запечатлѣвшійся въ его сознаніи ея свѣтлый образъ въ большой комнатѣ, мебель, обои и драпировки которой терялись въ умышленно устроенномъ полумракѣ. Надъ веселымъ шумомъ и великолѣпіемъ праздника душа баронессы Сафръ, проявлявшаяся только въ блескѣ глазъ, казалось, дремала въ этотъ вечеръ, какъ всегда, въ мирномъ убѣжищѣ, подобная огню слабой, но упорно горящей лампады.

Внизу антрактъ кончился. Толпа возвращалась въ обширную залу, гдѣ давалось представленіе. Одинъ изъ входовъ въ нее велъ черезъ прелестный маленькій салонъ, нѣчто вродѣ будуара, отдѣланнаго нѣжною матеріей.

Прислонившись къ одной изъ дверей, молодой маркизъ де-Реневъ нетерпѣливо крутилъ свои красивые усы, слѣдя рѣзкимъ взглядомъ за игрою физіономіи Катерины Сафръ, расположившейся въ этомъ хорошенькомъ пріютѣ и усердно поддерживавшей бесѣду съ иностраннымъ принцемъ. Реневъ хорошо зналъ, конечно, по своему личному горькому опыту, между прочимъ, непоколебимую холодность, съ которою относилась къ своимъ обожателямъ великолѣпная и послѣдняя представительница славнаго рода Вальдреновъ. Молодой человѣкъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной незначительности и пустотѣ разговора, которымъ такъ гостепріимно увлекалась, повидимому, Катерина. Но онъ не могъ отдѣлаться отъ ревниваго раздраженія, видя наивную и неловкую позу красавицы на слишкомъ низкомъ стулѣ, причемъ ясно вырисовывалась вся ея фигура подъ снисходительною улыбкой высокаго путешественника.

Реневъ постарался, однако, принять равнодушно разсѣянный видъ, какъ только замѣтилъ, что за нимъ слѣдитъ стоящій по другую сторону широкой двери Тарсюль, поглядывавшій на него съ насмѣшливымъ выраженіемъ почти сатанинскаго лица.

Между ними двигалась толпа гостей. Въ свою очередь прошелъ подъ руку съ своею прекрасною собесѣдницей и принцъ, толстый и величественный. За ними прослѣдовало еще нѣсколько группъ. Потомъ Реневъ, воспользовавшись возможностью приблизиться къ Тарсюлю, заговорилъ умышленно развязнымъ тономъ:

— А вы опять туда отправитесь?... Я отказываюсь, тамъ подохнешь...

— Тфё!—возразилъ тотъ,—тамъ какъ разъ то, что имъ требуется: ложь, условность, несуществующее. Они допускаютъ публично лишь то, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Истина оскорбляетъ ихъ, въ какой бы формѣ ни была представлена. Въ искусствѣ это, по ихъ понятіямъ, непристойность; въ наукѣ—это нечестіе; въ разговорѣ — это цинизмъ. А тутъ, по крайней мѣрѣ, имъ преподносятъ нѣчто настолько мяконькое, что это не потревожитъ ихъ ни съ какого боку, да отъ времени до времени проскользнетъ куплетецъ, въ которомъ имъ говорятъ про любовь, но говорятъ какъ про милое препровожденіе времени пастушковъ и пастушекъ, какихъ никогда на свѣтѣ не было. Къ тому же и пастушковъ-то изображаютъ переряженныя дѣвицы, такъ что въ глазахъ дамъ все это остается деликатно-невиннымъ, какъ комедійка монастырскаго пансіона. А въ глазахъ мужчинъ, только съ другой точки зрѣнія, эта фальшь и переодѣванія оказываются тоже восхитительными.

— Э, милый мой, наше общество совсѣмъ ужъ не такъ усердно сторонится отъ реальностей любви. Ради нея только собралось здѣсь столько мужчинъ, бродящихъ по цѣлому разсаднику женщинъ. Я вотъ сейчасъ прислушивался къ куплетамъ, долетавшимъ до меня. И на губахъ всѣхъ мужчинъ и всѣхъ женщинъ, незачисленныхъ еще въ инвалидъ по лѣтамъ и имѣющихъ хотя бы минимальные шансы на то, чтобы нравиться, я улавливалъ фразы, намеки, полуслова, недомолвки, относящіеся только къ любви. Оба пола изъ-за нея только и бываютъ въ обществѣ, и всѣ эти обѣды, рауты, балы, свѣтскіе пріемы представляютъ собою не иное что какъ состязанія изъ-за любви!... Меня могутъ оглушать сколько угодно серьезными поводами, принципами вѣжливости, свѣтскими обязанностями, заставляющими будто бы людей хорошаго круга собираться вмѣстѣ. На это я отвѣчу всегда: зачѣмъ же декольтируются женщины, отправляясь на такія собранія? Ради чего молодые люди нашего круга, единственный трудъ и забота которыхъ состоятъ въ томъ, чтобъ искать наслажденій, посвящаютъ столько вечеровъ салонамъ, гдѣ иногда приходится выслушивать вотъ такія стихотворныя упражненія?... А потому и ради того, что всѣ, кого

мы видимъ въ этой залѣ, только и думаютъ о любви, только и хлопочутъ о томъ, чтобы разыскать, возбудить, удержать любовь, или измѣнить любви, говорить о любви... Единственная основа всѣхъ свѣтскихъ отношеній, единственная связь, соединяющая всѣхъ этихъ людей, сошедшихся съ разныхъ сторонъ, да и единственный элементъ, на которомъ зиждется семья, общество, самый міровой законъ—это любовь!

— Нѣтъ,—возразилъ Тарсюль,—не любовь, а деньги.

— Какъ деньги?

— Знаете ли вы доподлинно, что обознаетъ слово «арматура?...» Такъ называютъ сооруженіе изъ металлическихъ брусковъ и полосъ, устраиваемое для поддержки и для связи недостаточно крѣпкихъ и прочныхъ частей. И вотъ, для поддержанія семьи, для связи общества, для того, чтобы придать такимъ красивымъ сборищамъ ту строгую выдержку, которую вы видите, имѣется металлическая арматура, сдѣланная изъ денегъ. На нее накладываютъ и укрѣпляютъ внѣшнія украшенія, произведенія искусства, лѣпную работу, то-есть обязанности, принципы, чувства, не представляющіе собой устойчивыхъ частей, такъ какъ они ветшаютъ, измѣняются, отъ времени до времени смѣняются новыми. Арматура въ большей или меньшей степени скрыта, обыкновенно она совсѣмъ невидима, но она все держитъ, не даетъ развалиться всему, когда случаются толчки, потрясенія, непредвидѣнныя бури, элементы чувства даютъ трещины, и начинаетъ разсыпаться внѣшняя подмазка обязанностей и принциповъ. При такихъ только обстоятельствахъ и лишь на нѣсколько мгновеній можно увидать иногда въ обществѣ, въ семьѣ, между двумя супругами ихъ неприкрытую арматуру, ихъ связь денежную. Но ее быстро закрываютъ новыми чувствами или подходящими къ случаю принципами, замѣняютъ чѣмъ-либо другимъ устарѣвшіе предразсудки и потрескавшіяся обязательства... А арматура выдержала потрясеніе. Она остается непоколебимою для поддержанія формы и внѣшней приглядности домашняго очага, для возстановленія того фасада, какой требуется свѣтскими приличіями.

Маркизъ де-Реневъ возражалъ собесѣднику знаками недовѣрія. Тарсюль воспользовался тѣмъ, что представленіе кончилось и передъ ними проходилъ рядъ лицъ, которыя онъ называлъ по мѣрѣ того, какъ они приближались къ выходу въ маленькій салонъ.

— Смотрите,—говорилъ Тарсюль,—какъ важенъ тамъ герцогъ де-Жизаръ, отлично знающій цѣну всѣмъ и особенно высоко цѣнящій себя самого... Какая же, по вашему мнѣнію, можетъ существо-

вать связь, сблизившая его съ Сафромъ, какъ не сто тысячъ франковъ, которыми баронъ снабдилъ ройялистскій комитетъ во время послѣднихъ выборовъ?... А вотъ мосьё де-Сентъ-Андошъ, что идетъ сюда засунувши пальцы въ рукава, точно старый благочестивый ризничій, за нимъ—его почтенная супруга съ сынкомъ Раймондомъ и дочкой де-Сентъ-Андошъ: это, вѣдь, самые верхи общества, самая пѣнка аристократизма, къ нимъ въ домъ попасть почти невозможно, сами они ни у кого не бываютъ, и, однако, они тутъ на-лицо, хотя и поджимаютъ губы. Какія же существуютъ отношенія между ними и Сафромъ, какъ не пожертвованіе послѣднимъ четырехсотъ гекторовъ земли на островѣ Уайтѣ выгнаннымъ изъ Франціи монахамъ ордена святой Женевьевы, причемъ никто не счелъ нужнымъ разбирать, какими средствами пріобрѣтены деньги, очищенныя этою покупкой? А вотъ и князь Маренго. Что его заставило притащить сюда свое эпическое имя? Да просто на-просто желаніе держать и впредь за полцѣны въ арендѣ право охоты въ Вексинскомъ лѣсу, надоѣвшемъ барону... Что же касается вонъ того иностраннаго принца, то я распространяться не буду, на это существуетъ такса: его получаютъ за чекъ въ пятьдесятъ тысячъ флориновъ... Повѣрьте мнѣ, любезный другъ, составъ этого салона такъ или иначе оплаченъ, и всѣ свѣтскія отношенія держатся только интересомъ.

— Однако,—возразилъ Реневъ,—есть же въ нашемъ обществѣ люди, которыхъ не купишь деньгами!...

— Позвольте... я не отрицаю того, что между свѣтскими людьми есть чудаки или сантиментальные, я отличаю ихъ и пересчитать могу, какъ полевой макъ и васильки на цѣлой нивѣ колосьевъ. Да и то я полагаю, что пропорція окажется преувеличенною...

Реневъ покачалъ головой, говоря:

— Я знаю, въ нашемъ кругу значительно больше бозкорыстныхъ людей, чѣмъ вы полагаете.

— Да, есть также люди совсѣмъ богатые. Я выдѣляю въ особую категорію нѣкоторое число людей съ большимъ достаткомъ, сытыхъ деньгами и ищущихъ наслажденій. Вотъ, кстати, и примѣръ: графиня де-Громмеленъ. Я хорошо понимаю, чѣмъ она должна быть озабочена и, на самомъ дѣлѣ, она думаетъ не о выгодахъ. Но чѣмъ держится ея семейная жизнь? Все-таки деньгами, интересомъ Громмелена. Арматура функціонируетъ между супругами. Графиня этого не чувствуетъ потому, что арматура даетъ себя знать только ея мужу... Повторяю, арматуру не выставляютъ напоказъ, ее самымъ тщательнымъ образомъ прикрываютъ наружны-

ми украшеніями, какъ всякое безобразіе, безъ котораго нельзя обойтись, однако. Потребовалась бы огромная ломка, чтобъ обнаружить ее, а при нормальныхъ условіяхъ надо быть прозорливцемъ для того, чтобы вѣрно опредѣлить, гдѣ она находится у каждаго въ частности... Посмотрите сюда на этого добрѣйшаго старичка съ Почетнымъ Легіономъ на шеѣ. Это ученый, свѣтскій праведникъ, въ своемъ родѣ, способный кормиться одною черною рѣдькой, не нуждающійся лично для себя ровно ни въ чемъ; но у него есть дочь, а у дочери мужъ, которому папаша желалъ доставить черезъ барона Сафра мѣсто директора на копяхъ Манареса.

Тарсюль продолжалъ перебирать проходившихъ мимо и указывать на тѣхъ, чьи дѣйствія, по его толкованію, могли быть выставлены въ подкрѣпленіе высказанной имъ теоріи.

— А Жакъ д'Эксирёйль,—проговорилъ онъ, кивая въ сторону высокаго брюнета съ энергичнымъ лицомъ, задумчиво остановившагося невдалекѣ отъ нихъ.—Какой злой рокъ и какая тайна арматуры втиснули его въ такую близость съ барономъ Сафромъ, сущности которой сегодня вечеромъ онъ одинъ, быть можетъ, не понимаетъ?

На лбу Ренева появилась легонькая складка, выражавшая, что и отъ него не ускользнулъ инцидентъ, на который намекалъ Тарсюль.

— Что онъ такое мастеритъ?—продолжалъ Тарсюль.—Всѣмъ извѣстно, что онъ очень влюбленъ въ свою жену, всѣ убѣждены также, что и она его очень любитъ. До сихъ поръ они бывали въ обществѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это требуется самыми строгими приличіями. А съ того дня, какъ отправились къ чорту каменноугольныя копи, доставшіяся ему по наслѣдству, Эскирёйль не пропускаетъ ни одного вечера, сближается съ Сафромъ настолько, что сегодня его жена казалась намъ хозяйкой дома.

— Какъ бы ни было,—замѣтилъ Реневъ снисходительно,—онъ хорошій малый, я считаю его очень честнымъ, совершенно порядочнымъ человѣкомъ, отлично поставившимъ себя въ обществѣ.

А Тарсюль думалъ про себя:—А сами-то вы, молодой и красивый маркизъ де-Реневъ, пытались ли вы уяснить себѣ доподлинно поводы, привязывающіе васъ къ этому кружку богатѣйшаго капиталиста? Поступаете вы такъ потому, что крѣпко живетъ еще въ васъ атавизмъ господства, требующій стародавняго безпечальнаго житья на даровыхъ хлѣбахъ, а удовлетворить эти требованія могутъ теперь только тщеславіе выскочекъ и средства милліонеровъ. У Сафровъ вамъ предлагаютъ великолѣпнѣйшій столъ, дивныя помѣ-

щенія въ зâмкахъ на лѣто, а на зиму чисто-королевскія охоты!... И если вы такъ влюблены въ красавицу Катерину Сафръ, то ясно, что вы считаете вполнѣ подходящимъ дѣломъ отбить ее у шута параднаго мужа, и что, безсознательно, быть можетъ, вы не прочь получить и «остальное», не дотрогиваясь до своего кошелька, въ этой семьѣ, которая представляетъ собою для васъ возможность хорошо покушать и комфортабельно пожить».

Тарсюль могъ бы добавить: «А меня, Тарсюля, что удерживаетъ среди этихъ людей, которыхъ я ненавижу, которыхъ презираю, которымъ завидую,—что, какъ не возможность пустить въ оборотъ мои драгоцѣнныя знанія, быть ихъ чичероне въ области вкуса, въ оцѣнкѣ произведеній искусствъ и благопристойныхъ идей? Я, Тарсюль, состою тутъ экспертомъ для невѣждъ съ толстыми карманами, архи-совѣтникомъ плательщиковъ, не знающихъ счета деньгамъ!»

... Вечеръ приходилъ къ концу.

Жизель д'Эксирейль, мужъ которой хлопоталъ о томъ, чтобы разыскать клубную карету, ждала его, закутавшись въ длинную шубу изъ тибетскихъ козъ, охватывавшую своею пушистою бѣлизной ея грустное и очаровательное личико.

Сафръ подошелъ къ ней въ то время, какъ она укрывалась за дверью отъ врывавшагося въ сѣни холоднаго вѣтра.

— До скораго свиданія, не правда ли? — говорилъ баронъ. — Въ моихъ мечтахъ я буду только васъ видѣть!.. Постарайтесь и вы хоть немного обо мнѣ думать...

И онъ безъ злого умысла, самъ того не замѣчая, такъ сильно сжалъ ея пальцы, какъ сильно желалъ овладѣть ею въ эту минуту.

— О, вы мнѣ больно сдѣлали! — тихо сказала она съ судорогой въ лицѣ.

Баронъ разсыпался въ извиненіяхъ. А подъ внезапнымъ приступомъ боли, стыда и негодованія двѣ слезинки выкатились изъ голубыхъ глазъ молодой женщины и повисли на ея длинныхъ рѣсницахъ.

II.

Графиня де-Громмеленъ.

Мари-Бланшъ де-Громмеленъ, младшая сестра Артура Сафра и старшая изъ двухъ дочерей барона, принадлежала къ той категоріи свѣтскихъ женщинъ, препровожденіе времени которыхъ существенно отличается отъ жизни кокотокъ только вечеромъ. Утро такихъ

женщинъ посвящено позднему и продолжительному вставанью, самымъ усиленнымъ заботамъ о собственномъ тѣлѣ. Послѣполуденное время уходитъ весьма часто на такія экскурсіи, которыя никоимъ образомъ не согласуются съ правилами нравственности. Но какъ только кончается день, онѣ всецѣло возвращаются къ полному сознанію своей респектабельности. Для женщинъ полусвѣта въ эти часы, вплоть до отхода ко сну, не остается ничего иного, какъ сходиться съ подобными себѣ, внѣ общества, отправляться въ мѣста общественныхъ увеселеній, въ театры, на балы извѣстнаго сорта, на холостыя пирушки. Наоборотъ, свѣтскія женщины, вродѣ графини де-Громмеленъ, сознаютъ съ наступленіемъ вечера, что передъ ними открывается торжественность соціальной жизни. И тутъ-то онѣ, въ большинствѣ случаевъ, переодѣваются еще разъ для того, чтобы занять мѣсто за изысканнымъ обѣдомъ, на который онѣ приглашены, или войти въ широко-отворенныя для нихъ двери на какой-нибудь пріемъ high-life'а. Онѣ являются туда серьезныя, важныя, готовыя высказывать въ условномъ тонѣ общепринятыя сужденія, одобрительныя или строгія, какія полагается имѣть относительно даннаго лица или предмета. Въ сущности всѣ мнѣнія онѣ ловятъ на-лету, совсѣмъ готовыя, такъ какъ въ теченіе дня нѣтъ у нихъ досуга измыслить что-нибудь свое о чемъ бы то ни было, да и нѣтъ у нихъ ни горячихъ убѣжденій, ни живыхъ воспоминаній и новыхъ анекдотовъ, кромѣ такихъ развѣ, о которыхъ помина быть не можетъ передъ благопристойною аудиторіей.

Въ это утро Мари-Бланшъ де-Громмеленъ была разстроена одною изъ самыхъ непріятныхъ тревогъ, какія она испытывала въ жизни: она повздорила со своею старшею горничной, причесывавшею ее передъ трюмо въ уборной.

— Разъ я довольна тобой,— говорила хозяйка,— какое тебѣ дѣло до всего остального?

Она говорила *ты* этой дѣвушкѣ, которая служила ей совсѣмъ маленькой въ домѣ ея родителей.

— Нѣтъ,— ворчала горничная,— надо быть послѣднею изъ послѣднихъ, чтобы сносить такое обращеніе, какое графъ дозволяетъ себѣ со мной!...

Графиня де-Громмеленъ, пеньюаръ которой, точно мѣшокъ, закрывалъ красивыя формы ея тѣла, могла любоваться только прелестью своей головки. Съ легкими нервными вздрагиваніями она повертывала свою тонкую бѣлую шейку, чтобъ осмотрѣть спереди, сзади, справа и слѣва расположеніе косъ и волнистые изгибы своихъ блестящихъ каштановыхъ волосъ, на которые она наводила

отраженія ручного зеркала и большого трюмо. Она обращалась къ горничной съ короткими фразами, внимательно слѣдя глазами за тѣмъ, что та дѣлаетъ съ нею.

— Развѣ ты думаешь, что мой мужъ имѣетъ какіе-нибудь поводы сердиться на тебя?

Во взаимныхъ отношеніяхъ между госпожей и служанкой іерархическое разстояніе на почвѣ откровенностей опредѣлялось со стороны графини лишь отсутствіемъ словесныхъ и категорическихъ признаній. Въ качествѣ послѣдней ограды въ защиту своей гордости Мари-Бланшъ сохранила возможность сдѣлать видъ, будто ничего не понимаетъ въ томъ малоправдоподобномъ случаѣ, еслибы когда-нибудь обозленная горничная оскорбила ее прямымъ указаніемъ на ея поведеніе. У хозяйки оставалось въ рукахъ средство выгнать служанку за диффамацію съ такимъ высокомѣрнымъ негодованіемъ, которое можетъ иной разъ самую очевидность сдѣлать сомнительною въ глазахъ тѣхъ, на кого обрушивается гнѣвъ. Но графиня де-Громмеленъ никогда не стѣснялась тѣмъ, какія компрометирующія заключенія способна дѣлать служанка изъ тона приказаній и угрозъ, сопровождающихъ порученія отправлять и получать письма. Это довѣрялось исключительно первой камеристкѣ, да и многое другое не могло ускользнуть отъ ея вниманія.

— Конечно,— отвѣтила горничная,— графъ и долженъ сердиться, такъ какъ знаетъ, насколько велика моя преданность вамъ.

Отвѣтъ былъ остороженъ и не особенно успокоителенъ. Онъ затрогивалъ самое щекотливое мѣсто въ сознаніи графини: ея боязнь быть заподозрѣнной мужемъ и подвергнуться его придиркамъ. И тотчасъ же она принялась копаться въ своемъ мозгу, придумывая самые фантастическіе поводы для тревоги, начала приставать къ горничной съ разспросами, дошла до обвиненій ея въ какой-нибудь дурацкой неловкости: можетъ статься, что она плохо скрыла письмо, унося или принося, когда графъ былъ въ комнатѣ?... или двусмысленно отвѣтила про графиню ея мужу на вопросъ, заданный имъ самымъ невиннымъ образомъ?... Мари-Бланшъ получала только неопредѣленныя объясненія и лицемѣрныя увѣренія. Она раздражалась и страшно волновалась. Малѣйшая тревога по поводу ея супружеской безопасности повергала ее въ такой ужасъ, когда человѣкъ начинаетъ уже всего бояться.

Вдругъ она замолчала и, сразу рѣшившись на что-то, стала рыться въ ящикѣ изъ розоваго дерева, достала изъ него шприцъ для морфія, лежавшій тамъ вмѣстѣ съ черепаховыми шпильками,

цѣпочками, маленькими бриллiантовыми брошками для воротничковъ.

— А!—проговорила горничная,—еслибъ не мое уваженiе къ вамъ, я давно бы изломала эту мерзкую штуку.

Мари-Бланшъ молча приподняла свой пеньюаръ и, приложивши къ ногѣ золотое острiе, выбирала мѣсто для укола. Она закусила губу и закрыла глаза на короткое мгновенiе боли. Вслѣдъ затѣмъ, предвкушая уже съ улыбкой наступленiе блаженнаго состоянiя, она отвѣтила на продолжавшiеся уговоры служанки:

— Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ... Ну, прическа покончена... Чего же ты ждешь еще, не обуваешь?...

— Нѣтъ,—продолжала горничная, стоя на колѣняхъ и дѣлая свое дѣло,— вы, графиня, не знаете, какихъ бѣдъ можете себѣ нажить съ этимъ!... У меня была прiятельница, госпожа которой, навѣрное, уже умерла теперь. Отъ уколовъ, которые она себѣ тоже дѣлала, у нея все тѣло покрылось нарывами, оставлявшими слѣды не лучше, чѣмъ оспа. А что касается мыслей въ головѣ, такъ можно прямо сказать, что ихъ почти никогда уже не было. Подавали ей горячую воду, а она кричала, что холодна! А какiя глупости дѣлала, уму непостижимо у госпожи такой хорошей фамилiи!... Моя подруга не могла даже оставаться при ней, отказалась отъ мѣста...

Графиня пожимала плечами, кончая одѣваться къ завтраку.

Два года назадъ она сдѣлалась морфинисткой случайно изъ любопытства во время короткой связи съ однимъ кузеномъ своего мужа, секретаремъ посольства, отдавшимся этому пагубному пороку отъ скуки продолжительнаго пребыванiя въ Персiи. Этотъ ядъ, обманчивый и прiятный, опьяняющiй моментально, казалось, нарочно былъ выдуманъ для нея, чтобы давать искусственный покой и ложными представленiями смягчать житейскiя шероховатости, прикосновенiя которыхъ Мари-Бланшъ не выносила. Въ ея маленькой головкѣ не было мѣста для такихъ способностей, которыя помогаютъ человѣку предвидѣть, подчиняться обстоятельствамъ, терпѣливо сносить, ждать. Она умѣла только жалобно голосить изъ-за всякаго каприза, настоятельно требовать уступокъ и неотложнаго согласiя,—палочки феи для моментальнаго осуществленiя ея фантазiй. Во всю ея жизнь не было такой прихоти, которая не исполнялась бы тотчасъ же, и не было такого недовольства, за которое она не бросалась бы немедленно мстить или, будучи слишкомъ слабою для этого, выражать свое раздраженiе въ самой рѣзкой формѣ. Морфiй явился въ ея жизнь настоящею доброю феей. Получаемая

отъ него нервная иллюзія способствовала забвенію нежелательной ей дѣйствительности и давала ей крылья нестись беззаботно навстрѣчу воображаемому предмету ея желаній.

Когда Мари-Бланшъ, послѣ доклада метръ-д'отеля, направилась въ столовую, она нашла тамъ ждавшихъ ее мужа и двухъ сыновей, десяти и семи лѣтъ. Такъ заведено было, что, когда не оказывалось приглашенныхъ къ завтраку, гувернантка приводила мальчиковъ и оставляла ихъ кушать съ отцомъ и матерью. Ихъ присутствіе предупреждало нѣсколько возможность столкновеній между супругами.

— Ѣздили верхомъ сегодня?—спросила графиня, когда всѣ четверо сѣли за столъ.

Громмеленъ утвердительно кивнулъ головой и лишь немного погодя сказалъ:

— Лѣсъ былъ очень хорошъ.

Наступило опять молчаніе, послѣ котораго графиня проговорила:

— Кого видѣли изъ знакомыхъ?

— О, множество народа!

— Кого, однако?—настаивала она, желая заставить мужа немного развязать языкъ, чтобы въ тонѣ его голоса уловить, нѣтъ ли у него чего недобраго на умѣ.

— Ну, хорошо,— отвѣтилъ онъ.— Были тамъ... Эпернонъ, Ишельдорфъ... маркизъ де - Фе, Карогигало, Эліобо... маленькій Арколь...

Въ этомъ перечисленіи не было ни одного имени, по поводу котораго, относительно настоящаго или прошедшаго жены, Громмеленъ имѣлъ бы основаніе сдѣлать выразительную гримасу или измѣнить интонацію голоса. Никто изъ названныхъ никогда и ничѣмъ не былъ для графини, ни даже тѣмъ, что̀ она разумѣла подъ спеціальнымъ выраженіемъ «маленькій флиртъ».

Вертѣлся у Мари-Бланшъ на языкѣ вопросъ, не встрѣчался ли одинъ господинъ въ аллеѣ для верховой ѣзды. Но то было лишь дьявольское искушеніе, порочное побужденіе бросить мужу вызовъ, такъ какъ два часа спустя она будетъ имѣть полный досугъ узнать это отъ самого того господина. И точно вообразивши, что Громмеленъ сквозь ея лобъ можетъ прочесть вопросъ и имя, она поспѣшила сказать, думая сбить мужа:

— Вы видѣли папа̀?

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ графъ,—и удивленъ...

— Почему?

— Потому, что были мосьё и мадамъ д'Эксирейль.

Мари-Бланшъ улыбнулась. Этимъ она дѣлала пріятное мужу и выражала недоброжелательство къ тѣмъ, кого онъ назвалъ.

— Вотъ какъ!—добавила она.—У нихъ есть еще лошади?

Громмеленъ презрительно развелъ руками и съ равнодушнымъ видомъ приподнялъ плечи, сдѣлалъ такое движеніе, будто отстраняетъ кого-то отъ себя и даетъ имъ свободную дорогу отправляться куда имъ угодно и какъ придется.

Графъ де-Громмеленъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ правильнымъ и утомленнымъ лицомъ, съ маленькими свѣтлыми баками и такими же усиками. Его внѣшность,—при благопріятномъ для него политическомъ режимѣ,—принадлежала къ категоріи такихъ, которыя прямо указываютъ на дипломатическую карьеру, на оффиціальную кандидатуру, на мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ аристократическій типъ, оставленный за штатомъ учрежденіями теперешней Франціи, порядочно потускнѣлъ и выцвѣлъ на открытомъ воздухѣ, къ которому онъ не приспособленъ. Съ огрубѣвшею кожей, вылинявшею отъ непогодъ, люди этого сорта, совершенно праздно и на значительно расширенныхъ основаніяхъ, образовали новый видъ благородныхъ спортсменовъ. Графъ де-Громмеленъ былъ холоденъ и рѣзокъ. Обычно онъ казался способнымъ раздражаться только въ разговорахъ о политикѣ. И тогда, въ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ и людяхъ нынѣшняго правительства, съ его губъ сразу выливалась самая ожесточенная терминологія. Подъ гладко-прилизанными рѣдкими волосами его сѣрые глаза искрились въ то время, какъ онъ задыхался отъ отвращенія и не находилъ достаточно крѣпкихъ словъ для того, чтобы разносить всѣ мнѣнія, несогласныя съ его взглядами. Неизбѣжныя во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ ошибки, случаи безнравственности, которые онъ встрѣчалъ въ обществѣ, примѣры преступленій въ народной массѣ, разныя катастрофы и даже сообщенія о задавленныхъ собакахъ, вычитанныя имъ въ газетахъ,—все выводило его изъ кажущейся и напускной апатіи какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ усматривалъ въ этомъ слѣдствія ненавистнаго ему порядка вещей и черты настоящаго времени.

— *Эхо* сегодняшняго утра,—продолжалъ онъ высокомѣрнымъ тономъ,—содержитъ въ себѣ статью, превозносящую организацію охоты, которую завелъ у себя вашъ отецъ.

— Да?—отозвалась жена такъ же небрежно, предчувствуя, что по этому поводу послѣдуетъ злобная выходка, довольно обычная, впрочемъ.

— Какъ же!... расписано множество подробностей... Говорится, что распоряжается охотой второй зять барона Сафра, господинъ Оливье Бреганъ, очень извѣстный спортсменъ... Да, нашлось и для меня милое словечко: сказано далѣе, что баронъ не рискуетъ попасть въ затруднительное положеніе, такъ какъ можетъ ввѣрить свою стаю въ добрыя руки другого зятя, имѣющагося въ запасѣ. И по этому поводу статья прославляетъ мою компетенцію.

Мари-Бланшъ воспользовалась ничего ей лично не стоившимъ случаемъ, чтобы выказать себя болѣе преданною женой, чѣмъ любящею дочерью, и тотчасъ же приняла сторону мужа.

— Я, кажется, достаточно ясно говорила вамъ, что папà въ этомъ случаѣ поступилъ съ вами дурно.

— Вамъ слѣдовало бы сказать это ему... — живо возразилъ Громмеленъ.—И говорить надо было очень рѣзко!... Вы его дочь и имѣете право говорить!

— Папà и слушать меня уже не хочетъ...

— А почему, позвольте узнать?

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ у васъ вышли съ нимъ непріятности и вы обращаетесь съ нимъ холодно, онъ подозрительно относится къ моимъ замѣчаніямъ, думаетъ, будто они внушены вами, такъ какъ вы лишили себя возможности высказывать ихъ сами.

Громмеленъ выслушалъ отвѣтъ жены съ враждебнымъ вниманіемъ, подумалъ съ минуту, какъ бы выбирая изъ множества доводовъ наиболѣе подходящій для возраженія. Онъ рѣшилъ ограничиться выраженіемъ презрѣнія:

— Должно быть, вашъ зять Оливье родовитый, кровный охотникъ. Честное слово! Такъ и напечатано. Я все время объ этомъ думаю!... Родовитый?... Очевидно это значитъ, что у него въ роду были псари или что онъ прямой потомокъ выжлятниковъ!

Мари-Бланшъ вздохнула свободно, предвидя, что на этотъ разъ гроза покончилась благополучно, разразилась только зарницами.

— Да, — говорила графиня, — папà неправъ, кругомъ неправъ!... Но вы хорошо понимаете, что этимъ баловствомъ Оливье папà хочетъ заплатить Жульенѣ за снисхожденіе къ его слабостямъ...

— А! Вотъ что!... Ля-ля-ля!...

Эти восклицанія, подкрѣпленныя высокомѣрною мимикой Громмелена, въ переводѣ на общепонятный языкъ могли имѣть такое значеніе: «Моя ли вина въ этомъ? Развѣ я препятствую вамъ дѣлать то же, что дѣлаетъ ваша сестра? Чему я мѣшалъ когда-либо?

Когда ваша мать не выходитъ по болѣзни изъ комнаты, не давалъ ли я вамъ полную свободу приглашать папашу, угощать его обѣдами съ госпожею д'Эксирёйль сколько его душѣ желательно, или съ княгиней Нажаръ, если ему больше нравится, или со всѣми женами Великаго Могола, если это вамъ на-руку?»

Мальчики сидѣли по обѣ стороны стола другъ противъ друга и молчали, зная, что говорить не дозволяется, да и не имѣя къ тому ни малѣйшей охоты. Уткнувши носы въ тарелки и погруженные въ свои дѣтскія думы, они лишь изрѣдка поднимали свои свѣтлые глаза, чтобы взглянуть на того изъ собесѣдниковъ, который говорилъ въ данную минуту. И вотъ такимъ-то образомъ, согласно правилу давать дѣтямъ нѣкоторое участіе въ семейной жизни, на чемъ, по традиціи, настаивалъ графъ де-Громмеленъ, дѣти получили возможность въ это утро, подъ руководствомъ папеньки и маменьки, пріобрѣсти начатки опредѣленныхъ мнѣній о ихъ дядѣ Оливье, о ихъ теткѣ Жюльенѣ и о добромъ своемъ папашѣ.

По окончаніи завтрака, дѣти были отпущены, а ихъ родители перешли въ сосѣдній салонъ, гдѣ былъ приготовленъ кофе.

Это была маленькая гостиная, наполненная китайщиной XVIII вѣка, въ стилѣ помпадуръ Востока,—изобрѣтеніе Тарсюля, который, по стульчику да по столику, по куклѣ да по болванчику, ухитрился собрать обстановку комнаты и сгруппировать ее какъ слѣдуетъ. Восхищавшимся этимъ чудомъ Громмеленъ охотно говорилъ съ видомъ основательно раскошелившагося человѣка:—«Надо меня спросить, я знаю, сколько это стоитъ!»—Это было не совсѣмъ точно и слишкомъ опредѣленно; зналъ онъ доподлинно лишь то, во сколько обошлось это ему лично. Впрочемъ, никто не зналъ ничего вѣрнаго о таинственныхъ платежахъ, и только немногіе обвиняли Тарсюля въ томъ, что онъ подводитъ къ такимъ платежамъ членовъ семьи Сафра, незамѣтно для нихъ самихъ, на изящномъ пути рѣдкостныхъ находокъ и дорогихъ затѣй, на которомъ онъ былъ ихъ привилегированнымъ вожакомъ. Большинство ограничивалось тѣмъ, что приписывало ему *патрикотажи* *), выражаясь фамильярно и настолько же неправильно, насколько не корректно самое дѣяніе, опредѣляемое этимъ словомъ. Какъ бы ни было, всѣ признавали Тарсюля «менѣе дорогимъ», чѣмъ баронъ де-Ньефанъ у Гаппарсгеймовъ и графъ де-Жирліа, руководитель вкуса у Жедрука.

---

*) *Patricotage*—непереводимое слово, которымъ обозначается, собственно, маленькая интрига, небольшое плутовство, въ данномъ случаѣ—стачка посредника съ продавцомъ въ ущербъ покупателю, „темныя“ коммиссіонныя получки съ торговцевъ.

Мари-Бланшъ полулежала на какой-то мебели изъ золоченаго дерева и нѣжныхъ тоновъ шелка, настолько фантастической и легкой формы, что казалось, будто штука эта предназначалась не для сидѣнья, а для посмотра. Графиня украдкой посматривала на Громмелена, пившаго кофе маленькими глотками, стоя у окна и не обращая никакого вниманія на жену.

Неодолимая нервность побуждала графиню удостовѣриться тотчасъ, была она или нѣтъ замѣшана въ тѣ неизвѣстныя провинности, которыя вызывали недовольство хозяина дома противъ горничной, по словамъ этой дѣвушки. Но въ ту же минуту Мари-Бланшъ сообразила, какъ затруднительно для нея будетъ теперь всякое супружеское объясненіе и насколько неудобно даже приступить къ нему. Съ нѣкотораго времени мужъ неизмѣнно держалъ себя далеко отъ нея, что лишало ее средства дуться на него и заставить такимъ образомъ выпытывать у нея разспросами то, что ей всего болѣе желательно сказать. Оказывалось, что у нея отнятъ самый практическій и самый вѣрный аргументъ женщины, дѣлающій ее въ концѣ-концовъ всегда правою. И все-таки, чтобы пустить въ дѣло единственное моральное оружіе, которымъ владѣть она умѣла, Мари-Бланшъ принимала самыя кокетливыя позы и самыя очаровательныя мины, несмотря на то, что Громмеленъ, стоя къ ней спиной, не могъ видѣть этихъ упражненій, которыя въ честь его она продѣлывала.

Вынужденная невниманіемъ мужа первая начать переговоры, молодая женщина приступила къ нимъ робко.

— Моя горничная,—начала она,—очень разстроена тѣмъ нерасположеніемъ къ ней, которое она ошибочно, вѣроятно, приписываетъ вамъ... Неужели вы имѣете достаточный поводъ дѣлать ей тяжелою службу у меня и навлекать на меня ея іереміады?

Громмеленъ проворчалъ нѣсколько невнятныхъ словъ, все еще не оборачиваясь къ женѣ.

— Я очень дорожу ею, по старой привычкѣ,— хитро продолжала графиня.—Но, разумѣется, я ничего не буду имѣть противъ... если вы имѣете... основанія быть ею недовольнымъ.

— Дня два назадъ,— отвѣтилъ онъ, стараясь не смотрѣть на жену,—я слышалъ, какъ она болтала громче, чѣмъ это пристойно, съ комнатнымъ лакеемъ, съ выѣзднымъ, съ цѣлымъ ихъ кружкомъ, и потѣшала ихъ дурацкими и мерзкими исторіями о нашемъ домѣ...

— Что же она говорила?— быстро спросила Мари-Бланшъ съ подлою смѣлостью, которая складывается изъ надежды вывернуться и изъ сознанія необходимости не выказать своего страха.

— О, оставимъ это!... Къ тому же, эта ли, другая ли — всѣ онѣ другъ друга стоятъ. Держите ее. Лучше ужъ не пускать въ домъ новую...

— Однако имѣю же я право узнать...

— Было это очень гадко! — проговорилъ Громмеленъ, вмѣсто отвѣта, и направился къ двери.

Прежде чѣмъ уйти, онъ закончилъ свое сужденіе указаніемъ на самое худшее, по его мнѣнію, въ ряду непріятностей и гадостей, которыя люди могутъ вамъ надѣлать:

— И, въ особенности, это было слишкомъ громогласно! — добавилъ онъ, просунувши голову между двумя половинками двери, которую потомъ затворилъ за собой.

Графиня де-Громмеленъ просидѣла съ минуту подавленная невозможностью разобраться въ предположеніяхъ о томъ, что удалось подслушать ея мужу и какія онъ могъ вывести изъ того заключенія. Она рѣшила выяснить это разспросами служанки, если только сможетъ добиться отъ нея чего-нибудь опредѣленнаго. А впрочемъ, всѣ эти вопросы начинали ее уже меньше безпокоить: наступало нѣчто подобное тому, что испытываетъ человѣкъ, не забывающій о своей зубной боли и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не прибѣгающій къ ея лѣченію въ интервалахъ между припадками. Къ тому же часы показывали четверть третьяго, и оставалось какъ разъ столько времени, сколько графинѣ нужно было, чтобы приготовиться къ исчезновенію изъ дома.

Скоро она вышла черезъ одну изъ низкихъ дверей отеля, которая вела въ улицу Васко-де-Гама и предназначена была исключительно для помѣщенія въ антресолѣ, занятомъ дѣтьми графа и ихъ гувернанткой. Это былъ обычный путь Мари-Бланшъ, когда она уходила пѣшкомъ; когда же она отправлялась въ экипажѣ, то выѣзжала въ ворота на улицѣ Клебера.

Дойдя до угла, она повернула въ первую улицу, удостовѣрилась быстрымъ взглядомъ, что никто не слѣдитъ за нею, и сѣла въ стоявшій по близости фіакръ. Отправлялась она, впрочемъ, весьма не далеко. Квартирка, на-скоро устроенная Рожеромъ д'Іанси для ихъ свиданій, находилась въ нижнемъ этажѣ только-что отстроеннаго дома въ одной изъ ближайшихъ улицъ, которыя спускаются отъ Іенскаго проѣзда къ Сенѣ. А потому, какъ кліентка, знающая точно, сколько надо заплатить извозчику за привычный для нея путь, она дала ему всего тридцать су, ничего не прибавивши на выпивку. Потомъ она быстро повернула ключъ, оставленный въ замкѣ нарочно для того, чтобы ускорить исчезновеніе посѣтительницы.

Рожеръ явился лишь нѣсколькими минутами раньше, да и то вырвался на самое короткое время, такъ какъ былъ дежурнымъ въ этотъ день. Въ мундирѣ и въ шпорахъ онъ ждалъ графиню въ квартиркѣ, состоящей изъ крошечной гостиной и маленькой комнатки, обтянутой краснымъ ситцемъ и обставленной по-гусарски, кое-какою мебелью, распространявшей простой ароматъ сосны.

— Представь себѣ,—заговорила Мари-Бланшъ,—сейчасъ была минута, въ которую я подумала, что мужъ все знаетъ!...

— Пфю!—отозвался Рожеръ, снимая съ нее вуаль, шляпку, кофту и перчатки.

Онъ привыкъ относиться съ беззаботностью красавца и здоровяка-офицера къ такимъ угрожающимъ сообщеніямъ, съ которыми довольно часто влетала въ комнату молодая женщина. Она, впрочемъ, и не настаивала на этомъ, спѣша перейти скорѣй къ тому, что каждый изъ нихъ успѣлъ подмѣтить на вчерашнемъ пикникѣ въ ресторанѣ относительно одного изъ участниковъ и княгини Нажаръ.

— Правда?—допрашивала Мари-Бланшъ.—Ты думаешь, что пустяки это?

Рожеръ уклонился отъ прямого выраженія своего мнѣнія.

— Знаешь,—продолжала она,—ваша княгиня Нажаръ такая особа, которой я не довѣрила бы мою собаку!

— Про нее, однако, никто не можетъ сказать что-нибудь дурное...

— А по-моему, чтобы знать ей цѣну, достаточно взглянуть на ея рыжую гриву, на ея большіе, глупые глаза, которые Себре называетъ глазами газели... И, вправду, вспоминаешь, что ихъ выраженіе встрѣчалось гдѣ-то... въ зоологическомъ саду.

— Это не мѣшаетъ ей быть очень хорошенькою.

— Это не мѣшаетъ также полюбопытствовать, почему она бросила мужа.

Рожеръ возразилъ увѣреннымъ тономъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, мужчина отстаиваетъ нравственное достоинство женщины.

— Очень просто, потому что у него не осталось ни сантима.

— А въ такомъ случаѣ, кто же платитъ за квартиру княгини... За ея туалеты... за пару лошадей и карету, въ которую засѣли мой мужъ и ты, чтобы ѣхать въ Фоли-Бержеръ, запаковавши Мишелину и меня съ Люсьеромъ и толстымъ увальнемъ Себре въ мой экипажъ?

— О! весьма вѣроятно, что у нея остались средства, лично ей принадлежащія...

— Еще бы! Я отсюда вижу, какъ она распоряжается своими личными средствами!—воскликнула Мари-Бланшъ, заливаясь смѣхомъ и откидываясь къ спинкѣ кресла, на которомъ она сидѣла.

Рожеръ опустился на колѣни и приблизилъ свое лицо къ лицу графини. Она жестомъ отстранила его.

— Нѣтъ, поговоримъ!—командовала она.—Вотъ ты не хотѣлъ вѣрить, что Реневъ ухаживаетъ за женой моего брата, Катериной. Такъ я тебѣ скажу, что ухаживаетъ онъ отчаянно!... Онъ доходилъ до настоящаго бѣшенства на вечерѣ у папà отъ того, что она должна была занимать принца. На слѣдующій день ему необходимо было уѣхать во Флоренцію недѣли на двѣ, но онъ былъ такъ возмущенъ этимъ, такъ жестоко разозленъ, что... не поѣхалъ!

— Го-го!

— Нѣтъ, нѣтъ... Въ данномъ случаѣ я головой поручусь за то, что ничего нѣтъ.

— Это почему?

— Сама не знаю... не умѣю объяснить... но я глубоко убѣждена въ этомъ. Дѣло чутья!... Совсѣмъ другое дѣло...—и пошла переборка по косточкамъ друзей, пріятельницъ, знакомыхъ, до горничной графини включительно.

— А, да, между прочимъ,—сказалъ вдругъ Рожеръ,—я не сообщилъ тебѣ, что меня хотятъ женить!...

Мари-Бланшъ подумала, что онъ шутитъ.

— Ты что это, посмѣяться вздумалъ?—проговорила она слегка обиженнымъ голосомъ.

— Нисколько. Повидимому, дѣло принимаетъ очень серьезный оборотъ.

— Какъ? Все у васъ тамъ налаживалось, а ты это скрывалъ отъ меня!... И у тебя хватаетъ безстыдства говорить мнѣ это въ лицо!...

Рожеръ, порядочно смущенный, пытался оправиться, принимая тонъ задушевной откровенности.

— А, вздоръ какой!—шепталъ онъ.—Ты же очень хорошо знаешь, что къ тебѣ первой я обратился бы за совѣтомъ, какъ только оказалось бы, что это не пустая болтовня... Все это оборудовала моя мать и только сегодня утромъ объявила мнѣ, что все устраивается по ея желанію и даже зашло уже далеко...

Мари-Бланшъ молчала, раздосадованная, обозленная грубостью пріема больше, чѣмъ самымъ фактомъ, смутно представлявшимся ей тоже очень непріятнымъ.

— Хочешь, чтобъ я сказалъ, о комъ идетъ рѣчь?

Графиня отвѣтила движеніемъ, которое обозначало, что ей это рѣшительно все равно, но что говорить она ему не мѣшаетъ.

Рожеръ назвалъ мадемуазель де-Латерранку.

— Латерранку-Гроэмъ?—спросила Мари-Бланшъ, широко раскрывая глаза.

— Нѣтъ, Латерранку-Воклюзъ.

— Меньшая дочь герцогини, стало-быть?

— Она самая.

Мари-Бланшъ была ошеломлена необычайною важностью для него такой партіи. Графинѣ достаточно извѣстны были свѣтскіе обычаи для того, чтобы сразу понять, насколько такое дѣло, какъ вступленіе въ родство съ герцогомъ Латерранку, не подлежитъ обсужденію, принимается безъ разговоровъ, при случаѣ, не видавши въ глаза невѣсту, какъ иногда устраиваются политическіе браки... Она потребовала тотчасъ же разсказа во всѣхъ подробностяхъ, какъ велось дѣло, желая убѣдиться въ томъ, что оно уже не можетъ разстроиться... Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сознавала, что не рискуетъ испытать ни малѣйшаго униженія въ глазахъ людей своего круга, такъ какъ слово «брошенная» въ немъ уже не существовало для случаевъ подобнаго рода, передъ которыми всякому оставалось только преклониться, и когда считалось даже большимъ шикомъ такъ же поступить тому, кому приходилось сдѣлать это въ частности и завѣдомо для всѣхъ... Мари-Бланшъ прониклась волненіемъ и съ особенною нѣжностью проговорила:

— А все же два съ половиной года мы съ тобой!...

Она едва ли не искренно отказалась бы допустить, что разнообразила это время «маленькими флиртами», не совсѣмъ безгрѣшными, но скромными и незамѣтными, какъ фіалки. Рожеръ поцѣловалъ ее. Она уже не сопротивлялась, растроганная воспоминаніями и совершенно ослабѣвшая отъ возникшей въ ея головѣ сумятицы. Она уже видѣла въ общихъ чертахъ выпадавшую на ея долю трудную роль, тонкую и отвѣтственную, первоклассную роль, для которой туалеты довольно отчетливо рисовались въ ея воображеніи и по милости которой она вдругъ становилась на одну свѣтскую сцену съ Латерранку-Воклюзами...

...Рожеръ спохватился, какъ бы подчиняясь инстинкту, и взглянулъ на часы. Ему уже давно слѣдовало быть на службѣ.

— До вечера!—говорила Мари-Бланшъ, пока онъ съ нею торопливо прощался.—Ты не забылъ, надѣюсь, что обѣдаешь у насъ сегодня?

— А потомъ что дѣлаемъ?

— Видно будетъ. Толстый Себре взялся привезти ложу для шестерыхъ.

Оставшись одна, Мари-Бланшъ попыталась на минуту задуматься, чтобы разобраться въ путаницѣ своихъ чувствъ, насколько это было для нея возможно.

Какъ ближайшее будущее, удовлетворяющее ея жизненные запросы, какъ первая перспектива, влекущая ее къ себѣ, ей представилось то, что вечеромъ они будутъ въ театрѣ Варьете, или Пале-Ройяля, или Буффъ. Во всякомъ случаѣ, княгиня Нажаръ тамъ не будетъ, такъ какъ она приглашена на большой обѣдъ въ посольствѣ ея отечества. Въ качествѣ женщины, старая виконтеса д'Аринжье въ счетъ не идетъ, хотя Мари-Бланшъ никогда не пропускаетъ случая заявить, что ей она тоже не довѣрила бы свою собаку. Изъ этого для молодой женщины явствовало, что она будетъ царить между четырьмя мужчинами, изъ которыхъ одинъ былъ, правда, ея мужемъ. А затѣмъ, можно ли было относиться къ Ліонелю де-Форманъ какъ къ мужчинѣ?... Совсѣмъ юный, чуть не ребенокъ, хотя очень хорошенькій, онъ не смѣлъ даже говорить съ женщинами. Изъ желанія быть ближе къ Мари-Бланшъ,—онъ влюбленъ въ нее, она убѣждена въ этомъ,—Ліонель будетъ занимать разговорами Громмелена, бѣдный мальчикъ! Остается для виднаго мѣста слишкомъ предпріимчивый Себре, серьезное достоинство котораго въ томъ, что онъ необыкновенно смѣшитъ женщинъ, а онѣ за то не сердятся на его смѣлыя выходки. Наконецъ, въ довершеніе всего, у Мари-Бланшъ будетъ рядомъ съ нею, на виду всей публики, Рожеръ д'Іанси, ея Рожеръ, которому предстоитъ завтра сдѣлаться героемъ изящнѣйшихъ перипетій будущей великолѣпной женитьбы. И молодая женщина сіяла отъ тщеславія, оправляя передъ зеркаломъ свою прическу.

Эта необычайная парижская новость, захватившая всѣ помыслы графини де-Громмеленъ, подѣйствовала на нее благотворно и на нѣкоторое время замѣнила собой впрыскиваніе морфина. Мари-Бланшъ волновалась отъ нетерпѣливаго желанія испытать на комъ-нибудь эффектъ секрета, по милости котораго сама она такъ хорошо себя чувствовала. Къ тому же ей надо было занять чѣмъ-нибудь время, остававшееся до обѣда.

Она попудрила лицо, надѣла вуалетку, вышла изъ дому, снова взяла фіакръ и отправилась къ своей невѣсткѣ Катеринѣ. Она жила въ улицѣ Вано, въ старинномъ отелѣ Вальдреновъ, купленномъ барономъ Сафромъ для своего сына Артура въ то время, какъ ему же отдавали въ жены дѣвушку, выросшую въ этомъ домѣ.

Графиня де-Громмеленъ была увѣрена въ неизмѣнно любезномъ пріемѣ со стороны жены брата. Между двумя молодыми женщинами никогда не существовало настоящей интимной короткости. Но полнѣйшее различіе характеровъ обѣихъ устраняло всякую возможность столкновеній между ними.

— Я заѣхала узнать,—сказала Мари-Бланшъ,—не расположены ли вы прокатиться со мной къ портнихамъ.

То была отличнѣйшая почва для взаимно-милыхъ отношеній обѣихъ молодыхъ женщинъ. Катерина беззаботно относилась къ нарядамъ, что свойственно нѣкоторымъ женщинамъ, сознающимъ свою неоспоримую красоту, но любила иногда встряхнуться подъ чужимъ вліяніемъ, способнымъ увлечь и ее. А Мари-Бланшъ была въ такихъ экскурсіяхъ отличной спутницей, живой и забавной своею опытностью въ кокетствѣ и виртуозностью по части туалетовъ.

Въ то время, какъ Катерина одѣвалась и запрягали лошадей, Мари-Бланшъ не выдержала и, послѣ нѣкоторыхъ предисловій, подъ секретомъ сообщила о событіи, подготовляющемся въ большомъ свѣтѣ.

— Да неужели?—воскликнула Катерина, не сдерживая выраженія наивнаго удивленія передъ тѣмъ, что лицо графини, объявляющей объ этомъ бракѣ, не имѣетъ похороннаго вида.

Мари-Бланшъ и бровью не повела. Никакой надобности не было ей выяснять характеръ своихъ отношеній къ Рожеру, ни становиться въ смѣшное, разумѣется, положеніе, пускаясь въ ни на что ненужныя увѣренія объ ихъ полной невинности. Въ сущности, ей очень нравилось представляться загадочною и умѣющею держать себя безукоризненно въ такомъ туманно-деликатномъ и важномъ дѣлѣ, въ которомъ она, — по ея убѣжденію, — занимаетъ столь лестное для нея мѣсто.

— Я душевно рада,— продолжала она,— такой удачѣ Рожера, такъ какъ онъ добрый, очень дорогой мнѣ другъ.

Катерина возражала, что для поручика Рожера д'Іанси слишкомъ уже большой шагъ попасть, ни съ того, ни съ сего, въ семью де-Латерранку. Мари-Бланшъ вступилась за него, прижимая руку къ сердцу:

— Я всегда знала Рожера за человѣка самаго возвышеннаго образа мыслей... Онъ не способенъ былъ жениться иначе, какъ на дѣвушкѣ, у которой все есть: громкое имя, высокое положеніе, огромное состояніе!

Во все время путешествія молодыхъ женщинъ по магазинамъ, графиня де-Громмеленъ не проявляла своего обычнаго и безко-

рыстнаго усердія, съ которымъ она прежде всего и почти исключительно хлопотала о нарядахъ Катерины. На этотъ разъ Мари-Бланшъ думала только о своемъ дѣлѣ, присматривалась къ такимъ туалетамъ, наиболѣе подходящимъ къ ея положенію, въ которыхъ она могла, соблюдая должный тактъ, блистать на свадьбѣ своего любовника...

Въ одинъ изъ переѣздовъ изъ магазина въ магазинъ она вдругъ вспомнила о мужѣ.

— Скажите, мой братъ влюбленъ въ васъ по-прежнему?—обратилась она къ своей спутницѣ.

— Не знаю... — отвѣтила Катерина, смѣясь. — Онъ не считаетъ нужнымъ повторять мнѣ это каждый день... Почему вы задали мнѣ такой вопросъ?

— Потому, что мой мужъ... А! я имѣю достаточно поводовъ для того, чтобъ оскорбляться его отношеніемъ ко мнѣ. Въ сущности, я только смѣюсь надъ этимъ, а человѣкъ онъ, все-таки, грубый!...

Она смолкла, раздумывая, въ виду возможныхъ случайностей, объ испытанномъ ею въ это самое утро неудобствѣ такого положенія, которое лишаетъ ее возможности прибѣгать къ супружескимъ нашептываніямъ, при помощи которыхъ можно вывернуться, при нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

— Прямо скажу, — продолжала она, — вы очень обязали бы меня, еслибы, какъ-нибудь половчѣе, поставили ему это на видъ. Я предоставляю вамъ полное право дать ему понять, что вамъ доподлинно извѣстно его обращеніе со мной, отнюдь неспособное укрѣпить мое уваженіе къ его правамъ. Вы будете добры, возьметесь исполнить мою просьбу?

Катерина Сафръ продолжала смѣяться, но уже съ видомъ маленькаго недовольства.

— Обѣщаете? — настаивала Мари-Бланшъ.

— Пожалуй, обѣщаю...

Карета остановилась передъ магазиномъ. Ливрейный лакей отворилъ дверцу, и молодыя женщины вошли еще въ одинъ безплатный музей модъ, которымъ онѣ рѣшили закончить свои дневные визиты портнихамъ...

III.

Оливье Бреганъ.

Тарсюль вошелъ въ ложу Бреганювъ до ихъ пріѣзда въ оперу. Въ ожиданіи ихъ появленія онъ равнодушно усѣлся, откладывая

осмотръ залы до того времени, когда будетъ на что и на кого посмотрѣть. Выпятивши губы, онъ дышалъ на свой монокль, протиралъ его платкомъ, дѣйствуя обѣими руками и разсѣянно слушая начальную партію перваго акта.

Дверь ложи отворилась, и въ ней появилась голова княгини Нажаръ, взглядъ которой чернымъ блескомъ сверкалъ изъ-подъ осыпаннаго бриллiантами шлема рыжихъ волосъ.

— А!—проговорила она,—вы здѣсь за хозяина?...

Тарсюль поспѣшилъ снять съ нея огромныхъ размѣровъ и необычайно расшитый плащъ, напоминавшiй безобразную ювелирную коробку, изъ которой вдругъ появилась чудная вещица—очаровательная женщина. И появленiе было такъ внезапно, что отъ него, вмѣстѣ съ ароматомъ духовъ, повѣяло чѣмъ-то непристойнымъ. Хотя Тарсюль видалъ уже виды по этой части, но и онъ не сдержался, и у него вырвалось замѣчанiе, когда онъ взглянулъ на эту стройную, нарядную, отчаянно декольтированную фигурку:

— Го-го!... Вы собрались, должно быть, весь мiръ покорить?

— О! вы человѣкъ, котораго общество считаетъ такимъ умнымъ, сдѣлайте же мнѣ честь не говорить глупостей!—отвѣтила она, осматривая себя въ зеркало ложи и перебирая пальцами тройной рядъ жемчуга на своей шеѣ.

— Нѣтъ, успокойтесь, надоѣдать не буду. Я очень точно знаю себѣ цѣну, на которую могу разсчитывать въ вашихъ глазахъ.

— Это какъ надо понимать?—спросила она, садясь на маленькiй диванчикъ въ глубинѣ ложи.

Надъ нею было зеркало, въ которое смотрѣлъ на себя Тарсюль, разговаривая съ нею. Въ такомъ положенiи, имѣя передъ глазами отраженiе собственной особы, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что его обширныя способности не измѣнятъ ему. Долгiй опытъ привелъ этого наблюдательнаго человѣка къ заключенiю, что вызвать одобренiе тому, что вы говорите, и смѣхъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ вы смѣетесь, всего удобнѣе тогда, когда имѣешь передъ глазами выраженiе своего лица.

— Я такой человѣкъ,—началъ онъ объяснять,—котораго, въ ринципѣ, вы не пожелали бы имѣть даже дядюшкой, такъ какъ и іа эту должность я не гожусь, не имѣя возможности оставить наіѣдство. Но еслибы, послѣ усерднѣйшаго ухаживанiя, я на колѣıахъ сталъ умолять васъ почувствовать, хоть капельку, что вы ıожете быть... моею племянницей, быть можетъ, вы соблаговолили ı оказать мнѣ эту высшую милость, когда представится къ тому одходящiй случай... такой, напримѣръ, какъ сегодня, при выходѣ

изъ театра, вы могли бы опереться на мою руку, чтобы спуститься съ парадной лѣстницы и дойти до вашей кареты. Фигура у меня довольно видная, особенно на ступенькахъ, цвѣтокъ въ петлицѣ стараго шалуна доказываетъ мою заботу о своей внѣшности. Множество людей, очень хорошихъ, говорятъ мнѣ мимоходомъ: «Bonjour, Tarsul!» а я достаточно близорукъ для того, чтобы видѣть только тѣхъ, съ кѣмъ можетъ обмѣняться поклономъ кавалеръ, ведущій подъ руку даму, дорожащую извѣстными приличіями...

Говоря такимъ шутливымъ тономъ, Тарсюль крутилъ свои короткіе заостренные усы, которые, при малѣйшемъ хмуромъ движеніи верхней губы, принимали угрожающій видъ клыковъ. Онъ поглаживалъ себя также по узенькому ряду волосъ сѣро-желѣзнаго цвѣта, окаймлявшихъ совершенно голую голову...

— Вотъ все, чего вы, по моему убѣжденію, способны меня удостоить,—продолжалъ онъ.—Смѣю надѣяться, что вы не сочтете это за фатовство съ моей стороны?

— Конечно, нѣтъ,—согласилась княгиня,—и еслибъ когда-нибудь я поддалась слабости завести себѣ дядюшку, то обѣщаю вамъ, что дядюшкой будете вы... Скажите, однако, мосьё и мадамъ Бреганъ, повидимому, не знаютъ, что вѣжливость обязываетъ пріѣзжать во время.

— Что же тутъ подѣлаешь? Они живутъ не зная ни времени, ни часовъ, какъ и подобаетъ нѣжнымъ голубкамъ...

Княгиня сдѣлала гримасу, выражающую отвращеніе, и тихо проговорила:

— Можно ли быть голубкомъ съ такою слонообразною женой?

— Но-о! Оливье не изъ привередливыхъ. Онъ принадлежитъ къ наихудшему виду выскочекъ, къ тому, который не отесанъ трудомъ, не отполированъ борьбой, не утонченъ временемъ. Подумайте только, что долженъ представлять собою молодецъ, который, не имѣя оправданія ни въ родовитости, ни въ личныхъ достоинствахъ, ни въ любви, безстыднымъ образомъ женится на физически-уродливой персонѣ, которой съ своей стороны приноситъ только ботинки, требующія подметокъ, и бѣлье, нуждающееся въ починкѣ!... Положимъ, я никогда не находилъ ничего худого въ томъ, что царевны выходятъ замужъ за пастушковъ. Необходимо, однако, чтобы царевна была достаточно мила, дабы можно было съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ допустить возможность для нея идилліи съ очаровательнымъ и умнымъ пастушкомъ. А здѣсь ни о чемъ подобномъ нѣтъ и помина... Но все-таки толстѣйшее чудовище Жюльена, по всей справедливости, имѣетъ право требовать отъ мужа здоровья

и вѣрности супружескимъ обязанностямъ, за что она ему заплатила довольно дорого.

Княгиня спросила небрежно:

— Правда ли, что господинъ Бреганъ имѣетъ уже очень большое состояніе? Вѣдь, его жена не получила еще наслѣдства...

— Простите, я говорю не о каскадѣ милліоновъ, который попадетъ имъ когда-нибудь въ руки. Ихъ будущаго я не учитываю. Да это и невозможно, когда будущее зависитъ отъ барона Сафра, который забрался въ такой потокъ дѣлъ, гдѣ недостаточно уже быть сильнымъ пловцомъ, а надо еще имѣть увѣренность въ томъ, что никогда не сдѣлается судороги, что не налетитъ шквалъ... Что же касается настоящаго времени, то состояніе Брегановъ, какъ Громмеленовъ и Артура Сафра, можетъ быть названо очень крупнымъ.

— На сколько однако?

— О! Тутъ уже пришлось бы дѣлать цѣлое вычисленіе!...

— Не можете ли опредѣлить, хотя бы приблизительно?

Княгиня сдѣлала вдругъ такой видъ, будто слушаетъ доносящееся со сцены пѣніе съ большимъ вниманіемъ и съ восхищеніемъ, весьма противоположнымъ практическому характеру ея послѣднихъ вопросовъ. Тарсюль, про себя, замѣтилъ это и, подчиняясь желанію своей собесѣдницы, принялся высчитывать по пальцамъ:

— Два милліона приданаго наличными деньгами... Отель на Куръ-ла-Ренъ... Пожизненное пользованіе имѣніемъ въ Озерпи, дающимъ сотню тысячъ франковъ дохода... Подарки, на которые баронъ Сафръ бываетъ иногда щедръ въ моменты прилива великодушія... Какъ видите, мы дошли до такого положенія, когда можно считать обезпеченнымъ доходъ въ двѣсти тысячъ франковъ, по меньшей мѣрѣ...

— И мадамъ Бреганъ желаетъ быть любима мужемъ на всю эту сумму?

— Несомнѣнно... Когда явятся супруги, понаблюдайте за ея обращеніемъ съ мужемъ, посмотрите на ея круглые глаза, неизмѣнно устремленные на Оливье...

— Она должна быть страшно ревнива?—спросила княгиня съ недоброжелательною усмѣшкой.

— Представься къ тому случай, отъ нея, конечно, нельзя ждать пощады. Вотъ эта-то перспектива и сдерживаетъ Оливье, когда временами на него находитъ очень замѣтное искушеніе полакомиться болѣе вкуснымъ блюдомъ, чѣмъ его домашній потафё. Его, видимо, обуреваютъ завоевательные инстинкты красиваго малого, когда есть по близости хорошенькія женщины и когда его су-

пруга не присматриваетъ за нимъ. Но какъ только онъ смѣтитъ, что на него устремляются взоры жены,— прощайте,— онъ покидаетъ среди комнаты самую очаровательную женщину и съ виноватымъ видомъ бросается прочь, подальше отъ той, по чьей милости онъ могъ бы рисковать быть грубо выгнаннымъ на мостовую безъ всякаго багажа, кромѣ тощаго ручного мѣшка, съ которымъ онъ попалъ въ мужья...

Въ эту минуту дверь ложи отворилась для Бреганов. Онъ вошелъ, безукоризненно изящный, во фракѣ англійскаго покроя, сшитомъ первымъ портнымъ Лондона. На корректной дистанціи улыбка прорѣзала его церемонное лицо, на которомъ широкая, свѣтлая борода прикрывала грубую рѣзкость подбородка.

— Мы очень запоздали,—поспѣшила сказать Жюльена.—Это моя вина! Въ самую послѣднюю минуту я все-таки была вынуждена заняться моими бѣдняками, необходимо было написать добрѣйшей адмиральшѣ и послать маленькое сообщеніе въ пріютъ, который мадамъ де-Сентъ-Андошъ имѣла любезность поручить моему попеченію. Надо же отъ времени до времени посвящать себя заботамъ о несчастныхъ... Прошу васъ, княгиня, не сидите же тамъ, начался второй актъ, идите взглянуть, это моментъ, когда зала должна быть полна...

Мадамъ Бреганъ въ пышномъ красномъ платьѣ, съ краснымъ перомъ на черномъ шиньонѣ, съ багровымъ цвѣтомъ лица, усѣлась съ самоувѣреннымъ спокойствіемъ рядомъ съ княгиней на переднихъ стульяхъ ложи.

Оливье помѣстился позади дамъ и шепнулъ Тарсюлю:

— Люсьеръ пріѣдетъ, быть можетъ, я послалъ ему записку сегодня.

Тарсюль сдѣлалъ движеніе головой, далеко не выражавшее одобренія. Онъ ясно понималъ, что Оливье опять слишкомъ поторопился, увлеченный бѣшенымъ стремленіемъ занять видное положеніе въ свѣтѣ. Но что же подѣлаешь съ людьми, хронически не умѣющими различать оттѣнки? Тарсюль счелъ безполезнымъ разъяснять своему ученику, что онъ еще не добрался до возможности приглашать такихъ людей, какъ Люсьеръ, на что-либо, кромѣ завтрака, и куда-либо, кромѣ деревни.

Тарсюль занялся обзоромъ залы и остановилъ свой бинокль на ложѣ аванъ-сцены, которую занималъ баронъ Сафръ съ женой, сыномъ, снохой и супругами д'Эксирейль. Баронесса укрывалась отъ яркости свѣта въ полусумракѣ арьеръ-ложи, гдѣ едва видно было очертаніе ея блѣднаго лица. Жакъ д'Эксирейль на второмъ

планѣ, часто наклонялся къ барону, дѣлалъ ему, повидимому, какія-то короткія замѣчанія, но тотъ отвѣчалъ разсѣянно только знаками согласія. Такой зоркій наблюдатель, какъ Тарсюль, отлично замѣтилъ въ поведеніи д'Эксирейля больше торопливости и лихорадочной угодливости, чѣмъ то полагается между равными людьми одного круга. Ясно было, что Эксирейль держитъ себя неувѣренно, волнуется въ обязательномъ разговорѣ, сидитъ,—такъ сказать,— на кончикѣ стула. Что же касается Жизели д'Эксирейль, то она, неподвижно, смотрѣла прямо впередъ неопредѣленнымъ взглядомъ. На ея хорошенькомъ лицѣ застыло выраженіе усталости, напоминающее видъ человѣка, страдающаго безсонницей. Темныя полосы окружали ея большіе голубые глаза. А по серединѣ бѣлаго, гордо закрытаго, лифа кровавымъ пятномъ выдавались пурпуровыя розы, казавшіяся таинственнымъ символомъ «зарѣзанной голубки». Тарсюль всматривался въ Жизель съ упорствомъ развращеннаго человѣка, доискивающагося по внѣшности женщины той тайны, въ сокрытіи которой она заподозрѣна.

«Было или будетъ?... *That is the question!*»—подумалъ онъ, не рѣшаясь идти далѣе въ своихъ заключеніяхъ. Переходя къ Катеринѣ Сафръ, онъ нашелъ ее, какъ всегда, невозмутимо спокойною во всемъ блескѣ ея великолѣпной красоты. Два раза онъ видѣлъ ея взглядъ направленнымъ въ одну и ту же сторону, но опредѣлить не умѣлъ, случайно она туда смотрѣла или украдкой, такъ какъ быстро опущенныя рѣсницы придавали еще больше гордости неподвижнымъ чертамъ лица. Обращая, на всякій случай, свой бинокль по тому же направленію, Тарсюль увидалъ маркиза де-Реневъ, стоявшаго позади всѣхъ въ ложѣ герцогини де-Латерранку.

Въ эту минуту опустили занавѣсъ, по окончаніи втораго акта, и подъ шумъ апплодисментовъ Тарсюль пробормоталъ:

— Ага! Сегодня намъ показываютъ только-что помолвленныхъ.

На самомъ дѣлѣ, Рожеръ д'Іанси являлся теперь въ отправленіи своей должности объявленнаго жениха мадемуазель де-Латерранку, производившей довольно плачевный эффектъ своими обнаженными руками, худыми и смуглыми, своею ничтожною и ярко-розовою мордочкой ободранной кошки.

Жульена Бреганъ тоже съ минуту всматривалась въ молодого офицера и за тѣмъ наивно высказала свою затаенную мысль, причемъ никто изъ присутствующихъ и бровью не повелъ.

— Я предлагала,—объявила Жюльена,—моей сестрѣ де-Гром-

меленъ ѣхать со нами, но она простудилась немного, примѣривая подъ-рядъ три платья...

А Оливье обратился къ Тарсюлю:

— А, вы уходите?... Мнѣ надо было кое-что сказать вамъ... Нѣтъ, нѣтъ, идите! Мы успѣемъ поговорить серьезно, когда вы вернетесь.

Тарсюль пустился въ путь разносить свои поклоны въ опредѣленной, систематической послѣдовательности по не большому числу ложъ, гдѣ его появленіе служило ручательствомъ въ томъ, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ его престижъ останется на желательной ему высотѣ. Онъ началъ съ ложи Жигоровъ, въ разсчетѣ на неизмѣнный обычай, благодаря которому всякій посѣтитель, имѣющій доступъ въ ихъ домъ, могъ быть увѣренъ въ безукоризненной вѣжливости хозяевъ, съ которою они, по принципу, относились даже къ своимъ поставщикамъ. Но Тарсюль изловчился все-таки пофигурировать съ секунду на первомъ планѣ съ самимъ герцогомъ. Большого и не требовалось, такъ какъ онъ и забрался-то въ столь высокое мѣсто за тѣмъ, чтобы заручиться, такъ сказать, кредитомъ для дальнѣйшихъ странствованій. Оттуда онъ уже съ достаточнымъ правомъ направился къ Маренго, гдѣ молодая княгиня приняла его очень любезно, торопясь высказать что-то пріятное для герцогини де-Жигоръ, которую, при случаѣ, желательно было бы объ этомъ освѣдомить. По правиламъ свѣтской корректности и по политическимъ соображеніямъ, князь и княгиня вынуждены были держаться далеко отъ герцога и герцогини, но старались поддерживать съ ними сношенія посредствомъ «чрезвычайныхъ» говоруновъ и «полномочныхъ» льстецовъ для переговоровъ о признаніи за ними княжескаго достоинства. Къ баронессѣ Гаппарсгеймъ Тарсюль вошелъ уже, неся въ правой рукѣ все неоцѣнимое, что въ нее вложилъ рядъ аристократическихъ рукопожатій. По милости, такимъ образомъ, предъявленныхъ на показъ высокихъ знакомствъ, онъ являлся какъ бы осѣненнымъ ореоломъ въ глазахъ того общества, гдѣ тщеславіе каждаго любитъ смотрѣть на то, что стоитъ повыше. Наконецъ, когда онъ спустился до ложи аванъ-сцены Сафра, авторитетъ Тарсюля налегъ тамъ всею тяжестью, которая сложилась изъ соединеннаго вѣса трехъ верхнихъ ложъ первѣйшаго разбора, гдѣ побывалъ только что вошедшій посѣтитель. Въ силу этого, оцѣнка Тарсюлемъ достоинствъ шедшей въ этотъ вечеръ оперы была признана неподлежащею сомнѣнію Артуромъ Сафромъ, самимъ Сафромъ и Жакомъ д'Эксирéйль, только о томъ и думавшемъ, чтобы не разойтись во мнѣніяхъ съ могущественнымъ барономъ.

Баронесса Сафръ, съ своей стороны, молча и безучастно, выразила свое одобреніе, на искренность котораго Тарсюль, впрочемъ, никогда не могъ положиться. Только Катерина и Жизель отвѣтили на его поклонъ ничего не выражающими улыбками на безстрастныхъ лицахъ: первая изъ нихъ отдавалась, съ обычнымъ презрѣніемъ къ окружающему, своей всегдашней мечтательности; вторая была погружена въ мрачныя думы, отраженіе которыхъ, вмѣстѣ съ тѣнями длинныхъ рѣсницъ, лежало на ея тонкихъ чертахъ.

Когда Тарсюль вернулся въ ложу Бреганов ъ, то былъ удивленъ и даже немного раздосадованъ тѣмъ, что не оправдалось его предсказаніе, такъ какъ въ ложѣ оказался маленькій виконтъ де-Люсьеръ. Правда, виконтъ зашелъ лишь извиниться въ томъ, что не можетъ остаться, но, какъ бы ни было, а у Брегановъ онъ былъ. Ради чего?... Ужъ, конечно, не ради Жюльены и не ради Оливье!... Съ одного взгляда Тарсюль убѣдился въ томъ, что сдѣлано это и не ради княгини Нажаръ, такъ какъ милый маленькій Люсьеръ былъ, повидимому, все еще очень счастливъ своею связью съ мадамъ де-Люзюръ, которою и всѣ были довольны. Въ чемъ же штука? Зачѣмъ онъ явился?... Вѣдь, такой поступокъ Люсьера былъ равносиленъ цѣлой сплетнѣ на его счетъ. Выходило такъ, какъ еслибы сказали Тарсюлю: «Знаете, маленькій Люсьеръ, котораго вы считали совершенно довольнымъ своимъ положеніемъ, запутался въ денежныхъ дѣлахъ. Какъ? До этого добираться не стоитъ, и для васъ довольно того, что вы знаете». Тарсюль настолько убѣжденъ былъ въ вѣрности этого непредвидѣннаго событія, что не отказался бы подъ присягою свидѣтельствовать о немъ передъ судомъ человѣческимъ и на судилищѣ Божіемъ. «А въ доказательство,—добавилъ бы онъ,—могу представить то, что въ такой-то день и часъ Люсьеръ потрудился пріѣхать въ оперу, и былъ въ ложѣ г. и г-жи Бреганъ»

Вслѣдъ затѣмъ, Оливье увелъ Тарсюля въ маленькій салонъ въ глубину ложи.

— Дорогой мой,—заговорилъ Оливье тихо,—мнѣ необходимо знать ваше вполнѣ откровенное мнѣніе. Какъ вы полагаете, наступилъ или нѣтъ для меня моментъ баллотироваться въ *Rallye-Club*?

Тарсюль даже отшатнулся.

— Какъ?... Теперь-то? Въ нынѣшнемъ же году!... Ловко! Вы бы ужъ валили прямо въ *Steeple-Club*... или въ одинъ изъ клубовъ улицы Согласія... ну, хоть въ *Turf*?...

— Вы, стало быть, считаете это совершенно невозможнымъ?

— Слишкомъ рано, другъ мой... Нельзя такъ рано!... Не ближе,

какъ черезъ годъ или два, вы можете разсчитывать на какіе-нибудь шансы. Да и то вамъ придется за это время пережить жестокія хлопоты.

Оливье, немного сконфуженный, возразилъ:

— Я ужъ и такъ, кажется, довольно похлопоталъ. По вашему совѣту, я добился принятія въ *Cricket*, въ *Horse and Dog*, въ *Litle-Bar*,—словомъ, всюду, куда попасть легче, чѣмъ въ *Rallye-Club*, и гдѣ, все-таки, сходишься съ нѣкоторыми изъ его членовъ... И тамъ-то, именно, не одинъ, а десять человѣкъ предлагали рекомендовать меня...

— Залѣзете вы въ такое болото!...

— Какимъ это образомъ?

— Э-э! Трудно это объяснить!... Позвольте мнѣ въ данномъ случаѣ оперировать съ грубостью хирурга. Слушайте и не кричите, я вамъ добра желаю. Вамъ удалось заполучить большое состояніе, и вы, разумѣется, очень довольны тѣмъ, что каждый день, въ видѣ толстаго бумажника, роскоши и всѣхъ благъ земныхъ, держите въ рукахъ фактическій результатъ того, что вы сдѣлали. Большинство тѣхъ, кому судьба не дала такого счастья, утѣшаютъ себя тѣмъ, что смѣются надъ вами и что они, сплотившись противъ васъ, составляютъ группу людей, которые не сдѣлали того же, что вы, или не пожелали сдѣлать. Но въ этомъ для нихъ утѣшеніе, такъ сказать, отрицательнаго характера, свойства платоническаго. А настоящее удовольствіе, истинное наслажденіе они получатъ въ тотъ день, когда вы обратитесь къ нимъ и дадите имъ матеріальную возможность показать, какъ ихъ руки чисты отъ дѣяній, совершенно тождественныхъ съ вашими. И они заставятъ васъ поплатиться за вашъ успѣхъ въ жизни, и себя потѣшатъ отказомъ принять васъ въ свою компанію.

Оливье обладалъ достаточно покладистымъ терпѣніемъ, выработаннымъ старинною привычкой покорно сносить все отъ канцелярскаго начальства, а потому и разъясненія Тарсюля выслушалъ, нисколько не возмущаясь. Тѣмъ не менѣе, начиная уже зазнаваться отъ успѣховъ въ обществѣ и, быть можетъ, въ виду присутствія въ его ложѣ такихъ людей, какъ княгиня Нажаръ и виконтъ де-Люсьеръ, разговаривавшій въ эту минуту съ его женой, Бреганъ рискнулъ сдѣлать такое возраженіе:

— Вы-то, однако, состоите членомъ *Ralley Club*'а?

Смыслъ, очевидно, былъ таковъ, что при имени Тарсюля такъ же точно не было частицы *де*, какъ у Брегана, что ни про того, ни про другого не извѣстно было, откуда они явились, и что при

подобной неизвѣстности перевѣсъ всегда долженъ быть на сторонѣ богатаго.

— Это вѣрно,—сказалъ Тарсюль спокойно.—Только еслибъ я теперь явился, то меня прокатили бы на черныхъ еще чище, чѣмъ васъ, такъ какъ мнѣ уже совсѣмъ нечѣмъ прикрасить свою особу. Вы забыли, что я членъ-основатель!... А это почти единственное средство для людей моего сорта попасть въ кружокъ избранныхъ. Мы должны пользоваться началомъ дѣла, если хватаетъ умѣнья пристроиться къ первой группѣ, въ которую вступаютъ безъ баллотировки, а очень просто, отворивши только дверь какой-нибудь первостатейной кокотки или какого-нибудь кабинета ночного ресторана, гдѣ собралась блестящая компанія.

Передъ скромностью собесѣдника Оливье притихъ и продолжалъ уже нѣсколько заискивающимъ тономъ:

— Вы же обнадеживали меня, когда взялись купить годовиковъ завода де-Фонседрека. Вы завѣряли тогда, что избраніе мое окажется на три четверти обезпеченнымъ, въ особенности если я не постою за цѣной... Развѣ я скаредничалъ? Поступилъ я, кажется, съ отличнымъ шикомъ: безъ торга заставилъ все заплатить гестя... А теперь, послѣ такихъ-то затратъ, вы говорите, что мое дѣло не подвинулось ни на шагъ!

— Да нѣтъ же... очень подвинулось! И все это превосходно! Только вы не кончили еще сѣять, а хотите пожинать!

Оливье продолжалъ перечислять свои права на званіе клубмена высшаго сорта:

— Моя жена принимаетъ участіе во всѣхъ дѣлахъ благотворительности, а во всякомъ случаѣ во всѣхъ пожертвованіяхъ, да и отъ личнаго участія никогда не отказывается... Она постоянно возится съ адмиральшей де-Рикъ, съ мадемуазель де-Сентъ-Гюдуль...

— Браво! восхитительно! Были вы ничѣмъ, никакого значенія не имѣли. Теперь у васъ есть положеніе въ свѣтѣ, вы на пути къ вступленію въ высшее общество... Даже въ *Ralley Club*'ѣ я уже слышалъ, какъ говорили о васъ...

— А?... И вы мнѣ не сказали объ этомъ!...

— Тамъ держали пари о томъ, что вамъ никогда не бывать въ немъ. Ваша кандидатура представлялась большинству абсолютно невозможною. И это превосходно! Это огромный шагъ впередъ. Въ прошломъ году никто бы имени вашего тамъ не произнесъ, а еслибъ это случилось, то никто не подумалъ бы пускаться въ споры изъ-за такого повода.

— А псовая охота, изъ-за которой мнѣ придется претерпѣть

столько мученій, развѣ она ничего не прибавитъ къ правамъ, на которыя я могу опереться? Когда вы убѣждали меня заставить моего тестя пріобрѣсти имѣніе въ Озерпи, вы говорили, что огромное значеніе будетъ имѣть заполучить охотничьи мѣста маркиза де-Фе, съ давнихъ поръ излюбленныя high-lif'омъ, только о томъ и мечтающимъ, чтобъ опять тамъ охотиться. Сами же вы толковали о возможности воспользоваться моими правами для того, чтобы воспрепятствовать охотиться всѣмъ сосѣднимъ помѣщикамъ, если они вздумаютъ дѣлать мнѣ кислыя мины... А слѣдовательно, для Наржанси, для Сентъ-Беля, для Малю лучшее средство имѣть меня на своей сторонѣ нынѣшнею осенью заключается въ томъ, чтобъ оказать мнѣ поддержку въ ихъ клубѣ и подать весной свои голоса за меня.

— Вы не знаете этихъ господъ! — отвѣтилъ Тарсюль. — Вы представить себѣ не можете, съ какою энергіей, съ какимъ самоотреченіемъ способны они на нѣкоторое время отстаивать стѣны своихъ клубовъ. Кто видѣлъ, какъ они баллотировочными шарами, точно картечью, отражаютъ пытающихся туда попасть, тому ясно, что это ихъ послѣдняя цитадель!

— Нѣтъ, послушайте, Тарсюль, вы способны довести до отчаянія, вы ужасный пессимистъ!

— А вы—неисправимый оптимистъ!... Вы упрямо смотрите на мелочи, которыя приближаютъ васъ къ цѣли, и закрываете глаза передъ всѣмъ крупнымъ, что препятствуетъ вамъ добраться до нея... Во-первыхъ, въ *Rallye-Club*'ѣ вамъ подставляетъ ножку де-Громмеленъ, слова котораго имѣютъ большое значеніе, такъ какъ онъ вашъ своякъ. Во-вторыхъ, вы наталкиваетесь на антипатіи тѣхъ, чьи предки владѣли когда-то всѣмъ и кто высчитываетъ, насколько онъ былъ бы болѣе богатъ, еслибы не загребъ такъ много въ свои руки баронъ Сафръ. И съ этой стороны полезно было бы, чтобы рекомендующіе васъ клялись всѣми богами въ томъ, что сами вы знаете настоящую цѣну своему тестю и въ очень тѣсномъ кружкѣ отзываетесь о немъ, какъ о мошенникѣ. Это можетъ коекого предрасположить въ вашу пользу... Наиболѣе же враждебными вамъ оказываются тѣ изъ членовъ, чье участіе въ клубѣ наименѣе можетъ быть оправдано, кто забрался туда при помощи мерзкихъ интригъ, гаденькихъ снисхожденій, всякихъ пройдошествъ. Всѣ усилія выбранныхъ такимъ образомъ направлены къ тому, чтобы слѣдомъ за ними доступъ въ клубъ былъ затрудненъ, припертъ, прекращенъ, такъ какъ они-то уже тамъ сидятъ! Они не согласятся ни за что въ мірѣ впустить кого-либо, кто находится въ такомъ

же положеніи, въ какомъ они сами были и изъ котораго выбрались съ такими огромными усиліями. Они готовы иногда пріотворить дверь своего кружка только для настоящаго большого барина, чье присутствіе способно еще болѣе возвысить ихъ товарищество... А кромѣ того, вы до сихъ поръ не исполнили одной необходимой формальности. Съ первыхъ же дней я предупреждалъ васъ, что вамъ надо пріобрѣсти какой-нибудь титулъ или, по меньшей мѣрѣ, перемѣнить фамилію... Почему вы медлили сдѣлать это?

— Признаюсь, все какъ-то духа не хватало... Боялся насмѣшекъ!...

— Какихъ тамъ насмѣшекъ! Нынче всѣ передѣлываютъ свои имена въ той мѣрѣ, въ какой это имъ нужно. Посмѣются и перестанутъ... Очень скоро перестанутъ, такъ какъ большинство это продѣлало или предвидитъ, что принуждено будетъ продѣлать.

— Ну, да, да... и я поступлю также... только въ будущемъ году!... Не могу же я все такъ сразу....

Въ жалобномъ тонѣ этого восклицанія сказалось удручающее утомленіе отъ жестокаго пути къ снобизму. Послѣ годовъ, въ теченіе которыхъ Оливье Бреганъ широко пользовался возможностью ничего ровно не дѣлать, стремленіе къ high-lif'у сразу лишило его всякаго покоя. И онъ радъ былъ пріостановиться, хоть чуть-чуть отдышаться отъ непосильнаго труда за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ, когда ему пришлось нежданно-негаданно превращаться въ коннозаводчика и въ знатнаго охотника, въ «хорсмена», въ «хунтсмена» и почти въ джентльмена.

Нѣтъ! Тарсюль былъ рѣшительно безжалостенъ!...

Въ эту минуту маленькій виконтъ де-Люсьеръ прощался съ дамами и, пятясь задомъ, удалялся изъ ложи.

— Дѣло въ томъ еще, — совсѣмъ уже тихо говорилъ Тарсюль,—что мнѣ сдается, будто не хватаетъ вамъ самой простой щедрости, благодаря которой богатые люди могутъ пріобрѣтать многочисленныхъ друзей и налаживать очень важныя связи въ высшемъ обществѣ. Я подозрѣваю, что вы слишкомъ крѣпко придерживаете свой карманъ.

— Да что вы!—воскликнулъ Оливье.—Вы сами были бы поражены тѣмъ количествомъ денегъ, которыя я распустилъ, еслибы я показалъ тетрадку, въ которую я вписываю все то, что у меня занимаютъ...

— Вотъ, именно, такой-то тетрадки и не нужно!... Отъ васъ ждутъ благороднаго забвенія суммъ, данныхъ вами взаймы...

Люсьеръ, уходя, пожалъ руки обоимъ собесѣдникамъ и съ лю-

безною улыбкой сообщилъ имъ, что третій актъ давно уже начался. Оливье, ошеломленный всѣмъ, что онъ только-что выслушалъ, разсѣянно поблагодарилъ молодого виконта. Ихъ прощаніе вышло недостаточно сердечнымъ, въ немъ какъ будто не хватало чего-то неуловимаго, что не ускользнуло отъ Тарсюля въ то время, какъ Оливье провожалъ гостя до двери.

— Хотите знать мое мнѣніе?—заговорилъ Тарсюль, когда Бреганъ вернулся.—Въ случаѣ надобности, вы, разумѣется, не прочь «раскошелиться», какъ говорится. Но я не замѣчаю у васъ великаго искусства помогать стѣсненнымъ матеріально и стѣсняющимся нравственно обращаться къ чьей-либо помощи... А какъ, при нѣкоторомъ тактѣ и умѣньи одолжить человѣка, вы облегчили бы себѣ карьеру въ свѣтѣ, гдѣ не мало людей, изнывающихъ отъ нужды и рѣшительно не могущихъ дать замѣтить это! Я могу назвать вамъ дюжину людей самаго высшаго тона, неспособныхъ просить васъ объ одолженіи, неприступно гордыхъ, безгранично ненавидящихъ ваше богатство, но готовыхъ за сотню ловко предложенныхъ полуимперіаловъ становиться порою на вашу сторону, восхвалять васъ въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ сряду, пожалуй. Милый мой, надо быть щедрымъ, надо пошвыривать ваши денежки такъ, чтобы ихъ могли подбирать вокругъ васъ... Хотите, я научу васъ еще одной фокусной штучкѣ? Заявите себя смѣлымъ и крупнымъ игрокомъ... Да, да, сдѣлайте себѣ репутацію человѣка, мечущаго отвѣтный банкъ въ такихъ клубахъ, гдѣ васъ примутъ безъ малѣйшаго затрудненія. Я знаю людей, которыхъ брали тамъ подъ руки прямо изъ-за карточнаго стола и торжественно водворяли тотчасъ же въ *Rallye-Club*...

Во время послѣдней части этого совѣщанія, княгиня Нажаръ нѣсколько разъ оборачивалась въ сторону говорившихъ съ выраженіемъ недовольства тѣмъ, разумѣется, что ее оставили вдвоемъ съ мадамъ Бреганъ.

— Насъ требуютъ туда!—замѣтилъ Оливье, дѣлая шагъ впередъ.

— Послушайте,—зашепталъ ему Тарсюль, вдохновляясь какою-то фантазіей,—хорошо было бы, еслибы вы основательно заинтересовали княгиню въ вашемъ дѣлѣ. Черезъ свое родство въ посольствѣ она можетъ открыть вамъ нѣкоторыя, очень полезныя, двери и оказать вамъ ловкую помощь въ разныхъ салонахъ.

Бокъ-о-бокъ съ безобразною массой жены, Оливье Бреганъ видѣлъ княгиню, стройную, изящную, необыкновенно привлекательную въ довольно-таки вызывающемъ туалетѣ.

— Я думаю, что княгиня отличнѣйшій другъ для насъ!—лицемѣрно проговорилъ Оливье, тщательно скрывая волненіе, вызванное видомъ молодой женщины, на которую Тарсюль навелъ его вниманіе.

IV.

Жизель д'Эксирёйль.

Жизель дрожала отъ негодованія и ужаса, приложивши ухо къ двери курильной комнаты, гдѣ ея мужъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, который упорно и нахально требовалъ, чтобы его приняли... Съ нимъ вмѣстѣ въ этотъ домъ вошли и въ немъ разразились свирѣпость кредитора и бѣшенство его требованій. А тонъ, которымъ отвѣчалъ Жакъ д'Эксирёйль, не былъ тономъ должника, пропустившаго только срокъ платежа: въ безсвязныхъ словахъ, которыми онъ обѣщалъ расплатиться, слышались колебанія несчастнаго, который не умѣетъ, хотя и желалъ бы, отдѣлаться ложью.

Передъ Жизелью внезапно раскрылся весь ужасъ ихъ настоящаго положенія, въ первый разъ она взглянула на него прямои передъ нею оказалась пропасть. До сихъ поръ она думала, что произошли нѣкоторыя временныя затрудненія въ управленіи ихъ состояніемъ, и отнюдь не предполагала она, что состояніе это окончательно разстроено ея мужемъ. Недавно еще она была почти восхищена тѣмъ, что ей представился случай доказать свое благоразуміе, когда Жакъ сократилъ расходы на прожитіе, ссылаясь на уменьшеніе доходовъ съ ихъ имѣній. Она уклонилась отъ всякихъ разъясненій подробностей, какъ то и полагается такой взрослой дѣточкѣ, какою была она и которая не желаетъ, чтобъ ея головку тревожили исторіями о доходахъ и разсказами о конверсіи ренты. Потомъ она замѣчала конечно, что затрудненія Жака продолжались, повидимому, увеличились даже, судя по его рѣзкости въ разговорѣ, по его задумчивости, иногда и по какой-то нервной тревогѣ. Но тогда Жизель изъ нѣжной осторожности рѣшила не приставать къ мужу съ разспросами, чтобы не усиливать дурного расположенія духа, въ которое онъ часто впадалъ. Она думала только о томъ, чтобы развлечь его лаской, исполнять всѣ его желанія, ни въ чемъ не противорѣчить ему въ продолженіе всего этого тяжелаго времени. Для Жизели, какъ и для большинства женщинъ одного съ нею круга, денежныя дѣла представлялись чѣмъ-то такимъ, что само собою совершается помимо человѣческихъ усилій, на подобіе чередующейся съ неизмѣнною точностью смѣны одного сезона другимъ.

И вотъ вдругъ Жизель убѣждается въ томъ, что она и ея мужъ доведены до крайности!... Какъ случилось, что Жакъ, столь мало терпѣливый обыкновенно, столь щекотливый въ своемъ самолюбіи, выноситъ у себя оскорбительныя рѣзкости отъ какого-то невѣжды, навѣрное ростовщика, который требуетъ немедленной уплаты двадцати семи тысячъ франковъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ! Дольше-то ужъ не водите меня! — кричалъ грубый голосъ. — Довольно я походилъ за деньгами, которыя вы мнѣ должны!

Жакъ умолялъ объ отсрочкѣ, неузнаваемымъ голосомъ, очень тихимъ и жалкимъ, отъ котораго наполнились слезами глаза Жизели.

— Чего вы ждете?—продолжалъ кредиторъ.—Распродавайте, что можете... У меня вотъ нѣтъ лошадей. Начинайте съ продажи своихъ...

Жесткость этихъ словъ вывела изъ себя молодую женщину Къ тому же это было совсѣмъ несправедливо: пары лошадей уже не было. Бризъ согласился взять ихъ обратно, и если Жакъ и Жизель ѣздили на нихъ иногда верхами, то нанимали ихъ въ ожиданіи покупщика, который окончательно отберетъ этихъ милыхъ лошадокъ.

— Мнѣ это все равно,—слышался угрожающій голосъ,—если не уплатите, то на это есть судъ, и я просто отберу у васъ имущество!

Отберетъ!... Мебель... вещи... платья... И это дозволяется? Возможно, что придетъ кто-то съ улицы и начнетъ отнимать у васъ ваши вещи, къ которымъ вы привыкли, какъ къ членамъ собственнаго тѣла и съ которыми вы такъ сжились, что онѣ казались неотъемлемыми на всю вашу жизнь!... Дѣло, однако, въ томъ, что драпировщикъ Манифъ смѣнилъ недавно отдѣлку маленькаго салона и не получилъ еще ни сантима... а тутъ не оплаченъ еще счетъ Ноэлы за послѣднія платья... А шорникъ? а мебельщикъ? да еще булочникъ?... Всѣ явятся, всѣ потащутъ, какъ при разграбленіи...

Жизель слышала тихій голосъ мужа, говорившаго:

— Потерпите еще немного... Я очень скоро выйду изъ затруднительнаго положенія при посредствѣ одного крупнаго предпріятія, которое я уже наладилъ.

Эта фраза, точно клещи, схватила молодую женщину за сердце... А! на самомъ дѣлѣ, чудесное это предпріятіе,— съ его добрымъ другомъ Сафромъ, конечно,— на которое такъ разсчитываетъ

Жакъ!... Несчастный! Ничего онъ, стало-быть, не видитъ, ни о чемъ догадаться не умѣетъ, такъ какъ у самой-то у нея духу не хватило разстраивать его еще больше своимъ предупрежденіемъ, среди другихъ тревогъ, удручавшихъ его и безъ того слишкомъ жестоко, какъ оказалось теперь!... Да, по-истинѣ, хороши должны быть шансы на успѣхъ налаженнаго имъ предпріятія, послѣ того, какъ нѣсколько дней назадъ, тутъ же рядомъ въ большой гостиной, въ то время, какъ долго не подавали лампы, а съ визитомъ у нея былъ одинъ баронъ Сафръ, она доведена была до того, что оборвала звонокъ отъ негодованія и страха.

— Предпріятіе!—восклицалъ заимодавецъ.—Нужно мнѣ очень ваше предпріятіе! Не воображаете ли вы, что мнѣ есть время ждать, когда вамъ удадутся ваши дѣла? У меня есть свои, которыя не ждутъ!... Я не дамъ вамъ никакой отсрочки, если не буду имѣть въ виду чего-нибудь болѣе серьезнаго, осязательнаго...

И кредиторъ продолжалъ терзать Жака, стараясь выпытать у неисправнаго должника, на какія дѣйствительныя средства обезпеченія долга тотъ можетъ разсчитывать.

Среди упрашиваній объ отсрочкѣ и отчаянныхъ убѣжденій, вырывавшихся у мужа, Жизель съ растеряннымъ недоумѣніемъ разслышала, какъ онъ вдругъ началъ лгать о какой-то теткѣ, къ помощи которой онъ можетъ обратиться... Ни у него, ни у нея не было ни тетокъ, ни родителей. Давно супруги остались вдвоемъ на свѣтѣ и едва вспоминали о понесенныхъ утратахъ, безгранично довольные другъ другомъ. И тутъ только, услыхавши эту отчаянную и низкую ложь, Жизель поняла, въ какую пропасть скатывается Жакъ, увлекая ее за собой. Она не въ силахъ была выдерживать долѣе и слушать, какъ этотъ бѣдняга принялся врать о томъ, чего онъ ожидаетъ отъ придуманной имъ тетки, которую смягченный и обманутый кредиторъ уже величалъ «госпожа ваша тетушка».

Стыдъ болѣе еще, чѣмъ страхъ, заставилъ Жизель покинуть злосчастное мѣсто, съ котораго она подслушивала. Она упала въ кресло, совершенно потерянная, обезсиленная.

Когда Жакъ вошелъ, еще сильно разстроенный только-что выдержанною сценой, пытаясь состроить подходящую мину, онъ по лицу жены понялъ, что притворяться уже нѣтъ надобности. Онъ сразу увидалъ, что ударъ нанесенъ, что слишкомъ тонкая стѣна не оградила отъ него.

Жакъ остался даже доволенъ этимъ, предпочитая отвести душу жестокою откровенностью, чѣмъ изнывать, скрывая правду. Лихо-

радочно запуская пальцы въ черную шапку своихъ густыхъ волосъ, онъ вскричалъ:

— Отъ этого голову себѣ можно размозжить объ стѣну!... Сегодня этотъ, завтра другой! Силъ моихъ не хватаетъ! Я долженъ выбраться изъ такого положенія, все равно какъ!

Жизель пришла въ себя. Она бросилась навстрѣчу мужу, схватила его судорожно сжатые кулаки, раскрыла ихъ, обвила своими пальцами. И прижимаясь къ нему такимъ движеніемъ, которымъ люди хотятъ скрыть свое лицо, чтобы не видали его и чтобы самимъ не видать ничего, она подставила подъ его губы склоненную шею.

— О, милый мой, дорогой!—восклицала Жизель.—Жакъ мой, какъ ты могъ!...

И это былъ ея единственный упрекъ. Она почти тотчасъ же почувствовала на своей шеѣ слезы мужа.

— Бѣдная моя!—шепталъ онъ.—Я слишкомъ несчастенъ отъ того горя, которое причинилъ тебѣ!... А, видишь ли, вначалѣ у меня не хватало силы подвергать тебя лишеніямъ, когда необходимо было это сдѣлать. Какъ только стачки въ Бельгіи лишили насъ половины нашихъ доходовъ, мнѣ слѣдовало тотчасъ же измѣнить нашъ образъ жизни... И не сдѣлалъ я этого еще изъ самолюбія, изъ трусости передъ мнѣніемъ свѣта. А затѣмъ можно ли быть разсудительнымъ, когда обоимъ намъ такъ хорошо жилось, нельзя разрушать все окружающее, привычное, среди чего чувствуешь себя такимъ счастливымъ!...

— Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ? Неужели ты не полагался на мою любовь, не вѣрилъ, что я способна довольствоваться немногимъ?...

— Я хотѣлъ отстранить отъ тебя непріятности, избавить тебя отъ тревогъ, которыя ты испытала бы, при значительныхъ измѣненіяхъ въ нашихъ привычкахъ къ роскоши, относительной, конечно... Вначалѣ я дѣлалъ все возможное, мечтая поправить наши дѣла и не давая тебѣ замѣтить, что они временно пошатнулись. Такъ я увлекся помѣщеніемъ капитала на большіе проценты, что оказалось разорительнымъ... Но, вѣдь, не моя вина въ томъ, что наша жизнь сближала насъ, связывала съ людьми страшно богатыми. Состояніе наше все болѣе и болѣе разстраивалось. Каждый день мнѣ приходилось затыкать новыя дыры. Я сталъ играть въ клубѣ, пустился въ спекуляціи на биржѣ... Все обратилось противъ насъ! А всего ужаснѣе, всего хуже, быть-можетъ, то, что я чувствовалъ, какъ между нами разрастается тайна относительно

происходящаго и невозможность для меня разрушить твое спокойствіе...

Жизель спросила робко такимъ тономъ, въ которомъ слышался еще остатокъ иллюзіи:

— Развѣ мы дошли уже совсѣмъ до конца?... Неужели у насъ ничего не остается?

Жакъ не отвѣтилъ.

— О! Боже мой, Боже мой!—воскликнула она, закрывая лицо руками.

Сознаніе такого несчастья, въ большинствѣ случаевъ, долго остается не вполнѣ понятнымъ людямъ, которые вначалѣ не могутъ его представить иначе, какъ по частямъ. Жизель смутно чувствовала, что они приближаются къ разоренію, спускаются ниже, потомъ она была ошеломлена тѣмъ, что они скатываются въ пропасть, и теперь, очутившись на днѣ, она готова была допустить все на свѣтѣ, кромѣ того, что положеніе ихъ непоправимо.

— Въ такомъ случаѣ... что же будетъ? — простонала она жалобно.

Она имѣла молящій и безпомощный видъ тѣхъ женщинъ, которыя во время кораблекрушенія все еще ожидаютъ, что мужчины спасутъ ихъ, и продолжаютъ надѣяться на тѣхъ именно, по чьей милости онѣ сдѣлались жертвами бури.

Возгласъ жены заставилъ пріободриться Жака.

— Умоляю тебя, моя милая, не падай духомъ!... Да, положеніе наше очень критическое. Но я убѣжденъ, что мы изъ него выйдемъ непремѣнно. Быть-можетъ, сегодня же выходъ откроется для насъ.

Она посмотрѣла на него боязливо, но, въ то же время, съ страстнымъ желаніемъ узнать, на чемъ основана его надежда.

Жакъ взглянулъ на часы и, удостовѣрившись въ томъ, что до ухода изъ дому успѣетъ дать женѣ нѣкоторыя разъясненія, началъ передавать ей свой планъ, самъ увлекся имъ настолько, что почти совсѣмъ оправился:

— Мой проектъ вызывалъ у тебя гримасу всякій разъ, когда я пытался заговаривать о немъ... Да, это все то же! И, ради Бога, не вздумай опять останавливать меня на первыхъ же словахъ. Теперь ужъ не до ребячествъ... Слушай со вниманіемъ и сама согласишься съ тѣмъ, какая это великолѣпная идея. Отъ ничтожнаго обстоятельства зависитъ ея осуществленіе и передача дѣла въ мои руки... И черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ опять богаты, а теперь же всѣ долги будутъ отсрочены, кредитъ возстановленъ, по-

лучатся авансы для неотложныхъ надобностей. А потомъ разовьется кругомъ цѣлый рядъ выгоднѣйшихъ операцій въ товариществѣ съ крупнѣйшими капиталистами, съ которыми всѣ предпріятія удаются навѣрняка... Ты сейчасъ поймешь: во главѣ предпріятія стоитъ эрцгерцогъ Гаэтанъ. Какъ видишь, это не первый встрѣчный! Онъ сильно разстроилъ свое состояніе, поддавшись маніи строить дворцы, а такъ какъ ему нѣтъ еще и двадцати пяти лѣтъ, то его отправили путешествовать, чтобы немного охладить его увлеченіе. Во время путешествія онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ султана острова Минданао, и тотъ съ величайшею готовностью предоставилъ эрцгерцогу право на эксплуатацію сумака на всемъ островѣ. Слово это, конечно, не извѣстно тебѣ? Ты понятія не имѣешь, что такое сумакъ? Это такой видъ дерева, которое всѣ знаютъ подъ названіемъ японскаго лака. Изъ этого дерева извлекаютъ посредствомъ надрѣзовъ тотъ продуктъ, изъ котораго приготовляется лакъ... Понимаешь, какое громадное торговое значеніе это должно имѣть? И продуктъ этотъ все повышается въ цѣнѣ потому, что китайцы и японцы, повидимому, сильно истощили, обезсилили свои лаковыя деревья. Въ этомъ завѣряетъ самъ эрцгерцогъ, а онъ, разумѣется, долженъ знать, такъ какъ вотъ только что пріѣхалъ оттуда... И, на основаніи привезеннаго имъ договора, мы можемъ завтра же приняться за эксплуатацію лѣсовъ сумака, дѣвственныхъ лѣсовъ, покрывающихъ собой цѣлыя провинціи острова, уступленныхъ султаномъ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, по дружбѣ къ иноземному принцу...

Жакъ, увлекаясь все болѣе и болѣе, пустился въ объясненія разнообразныхъ примѣненій лака, придумывалъ наскоро такое для него употребленіе, о которомъ никто не мечталъ до этого, предвидѣлъ уже такое безграничное развитіе этого благодѣтельнаго промысла, при которомъ весь міръ начиналъ представляться лакированнымъ.

— Мы уже составили основную группу для этого дѣла,—продолжалъ Жакъ,—отлично составили, въ нее вошли пока только парижскіе друзья эрцгерцога, его клубные партнеры въ карты, когда онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ... Въ ней участвуютъ Эпернонъ, Мѣйль, Шалосе, маркизъ де-Фе...

Онъ назвалъ еще нѣсколько аристократовъ, изъ которыхъ одни были завѣдомо разорены, другіе путались въ долгахъ и принуждены были пускаться въ аферы...

— Весьма правдоподобно,—разсуждалъ онъ,—что изъ уваженія къ эрцгерцогу и къ людямъ высшаго круга, группирующимся

уже теперь вокругъ него, намъ помогутъ банкирскіе дома Гаппарсгеймовъ, Эліобо и другіе. Но только у одного человѣка я вижу достаточно иниціативы для того, чтобы поставить дѣло на ноги, образовать первый капиталъ, пустить дѣло въ ходъ, словомъ,—поддержать его, не откладывая въ долгій ящикъ... Я говорю о Сафрѣ!

Съ первыхъ словъ объясненій мужа Жизель предчувствовала, что будетъ произнесено это имя. Казалось, будто надъ всѣмъ господствуетъ престижъ этого человѣка и отовсюду ей угрожаетъ!... Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ безпощадно преслѣдуетъ ее своимъ ухаживаніемъ, злоупотребляя тѣмъ, что молодая женщина, изъ опасенія скандала, стѣсняется сказать объ этомъ мужу. Не далѣе, какъ вчера, на вечерѣ у Буа-Ревеновъ, баронъ имѣлъ дерзость напомнить ей о недавней сценѣ, приведшей Жизель въ неописуемый ужасъ въ ея собственномъ домѣ!

И, точно подъ вліяніемъ призрака этого безстыднаго человѣка, Жизель, сама того не сознавая, перестала говорить мужу «ты».

— О, нѣтъ,—убѣждала она,—не становитесь въ зависимость отъ Сафра! Вы сами знаете, что онъ пользуется репутаціей дѣльца, который никогда не пропускалъ случая съѣсть поочередно всѣхъ своихъ компаньоновъ...

— Мало ли что говорятъ, моя милая? Нельзя же вѣрить всякимъ недоброжелательнымъ толкамъ! Да кромѣ того, для насъ и выбора нѣтъ. Сафръ такой спеціалистъ, у котораго хватаетъ смѣлости на большія предпріятія, и онъ одинъ достаточно уменъ для того, чтобы сразу внести два или три милліона, которые нужны для широкой постановки дѣла. Кромѣ него я, впрочемъ, никого не знаю близко въ финансовомъ мірѣ. И, наконецъ, по отношенію къ нему, я и не совсѣмъ свободенъ, такъ какъ уже не разъ закидывалъ ему нѣсколько словъ на этотъ предметъ. Еслибы теперь я поддался нехорошему искушенію обратиться къ чьему-либо содѣйствію, помимо его, мы тотчасъ бы нажили непримиримаго врага. У него ужъ такой принципъ: кто не съ нимъ—тотъ противъ него, середины нѣтъ!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Жакъ, въ умѣ Жизели все съ большею ясностью сказывалось представленіе объ ужасающей тиранніи и о роковомъ могуществѣ барона.

Жакъ посмотрѣлъ опять на часы.

— Скоро я узнаю его окончательное рѣшеніе,—заговорилъ онъ снова.—Сафръ назначилъ мнѣ свиданіе сегодня послѣ полудня въ своей конторѣ въ улицѣ Шатодёнъ. Мнѣ пора даже отправляться.

Жизель встала, трепещущая, готовая все разсказать мужу про Сафра, совершенно растерянная, отъ сознанія, что въ свою оче-

редь она сдѣлается виновницей разоренія, такъ какъ отниметъ этимъ послѣднее средство къ спасенію.

Жакъ, изъ желанія быть точнымъ, вынулъ свои часы и свѣрялъ ихъ съ каминными. Онъ не замѣтилъ выразительнаго движенія жены, бросившейся порывисто загородить ему дорогу. Не поднимая головы, онъ сказалъ:

— Не желаю я долѣе томиться въ неизвѣстности. Если не удастся съ этой стороны, надо безотлагательно рѣшиться на другое...

— На что другое?—быстро спросила Жизель.

— О, тутъ выборъ короткій: или отправляться въ Австралію къ Чарлонду и Накеру, про которыхъ на дняхъ говорили въ клубѣ, что они удачно ведутъ тамъ скотоводство. Или же уѣхать съ Бопренгомъ, котораго синдикатъ золотопромышленниковъ посылаетъ на берега Мозамбика.

— О, да, да,—воскликнула Жизель,—это лучше, чѣмъ оставаться здѣсь, выносить жалость людей, которые насъ знаютъ,—уѣдемъ, милый мой, уѣдемъ скорѣй!...

— Какъ? Ты воображаешь, что я могу взять тебя съ собой? Да развѣ это мыслимо? Ты понятія не имѣешь, стало быть, что тамъ за жизнь... Спать на голой землѣ, ходить по болотамъ... Солнце, дожди, лихорадки, ядовитые гады, постоянный рискъ страдать отъ голода и жажды...

Въ глазахъ Жизели появилось выраженіе ужаса.

— Единственно, о чемъ нужно позаботиться, — продолжалъ Жакъ,—это пріискать для тебя между нашими родственниками какую-нибудь провинціальную кузину, которая согласилась бы пріютить тебя, продержать у себя во все время моего отсутствія, въ теченіе года или двухъ... можетъ быть трехъ лѣтъ.

Молодая женщина бросилась, рыдая, въ объятія мужа.

— Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой! Я всюду пойду за тобой... Хочу жить одной съ тобою жизнью!...

— Вѣдь, это же безуміе!—сказалъ онъ, закрывая ей ротъ рукой.—Не только я не желаю подвергать тебя всѣмъ случайностямъ такого скитальчества, но и со мной никто не станетъ разговаривать серьезно, не довѣритъ мнѣ никакого дѣла, какъ только узнаютъ, что я забираю съ собой жену, связанъ,—увы!—такою обузой... А затѣмъ, еслибы и тамъ оказались неудачи, если бы не подъ силу стало жить въ этомъ адскомъ краю...

Лицо Жака приняло мрачное выраженіе, голосъ звучалъ глубоко серьезно.

— А!—вскрикнула Жизель. —Что ты хочешь еще этимъ сказать?

— Какъ же быть? Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся, нельзя закрывать глаза на всѣ случайности, возможныя въ будущемъ. Я долженъ предвидѣть, что произойдетъ со мной, если, истомленный лишеніями, я доведенъ буду до сознанія полной безполезности дальнѣйшихъ усилій... Не понимаешь ты развѣ, что переносить страданія мнѣ было бы легче одному, такъ какъ я зналъ бы, что никого не обязанъ привезти обратно сюда, что я совершенно свободенъ и могу положить конецъ мученіямъ, еслибы они сдѣлались невыносимыми.

Жизель, подавленная ужасомъ, смотрѣла на него такимъ взглядомъ, будто уже навсегда разставалась со своимъ Жакомъ. И онъ чувствовалъ, что увлекся сверхъ мѣры, сказалъ то, чего говорить не долженъ былъ, и снова умолялъ простить его.

— О, прости меня, дорогая моя!—говорилъ онъ, лаская жену.—Я напрасно пустился въ нелѣпыя предположенія. Не теряй бодрости, надѣйся и вѣрь! Мы будемъ спасены, я все исправлю и ничто не разлучитъ насъ...

Она совершенно обезсилѣла и не могла выговорить ни слова. Жакъ утѣшалъ ее, пытался даже заставить улыбнуться, желая получить отъ нея этотъ знакъ одобренія, какъ амулетъ, передъ своимъ уходомъ.

— Подожди до вечера, и я привезу тебѣ добрыя вѣсти. Никуда мнѣ не придется уѣзжать... Пусть эрцгерцогъ Гаэтанъ отправляется за насъ въ эти далекія и гадкія путешествія. Скажи мнѣ только, что ничего ты не имѣешь противъ моихъ переговоровъ съ барономъ Сафромъ. Твое довѣріе и твое одобреніе принесутъ мнѣ счастье... Скажи мнѣ, что я хорошо дѣлаю, что я правъ и все удастся мнѣ... Такъ, вѣдь, это? Да?

— Да,—чуть слышно отвѣтила Жизель сквозь платокъ, смоченный слезами, которымъ она машинально сдавливала себѣ губы.

Боясь пропустить часъ, назначенный для переговоровъ, Жакъ торопливо простился съ женой прежде, чѣмъ она въ состояніи была пошевельнуться.

Несчастная женщина осталась одна разбитая нравственно, утратившая волю и желанія, въ конецъ обезсиленная физически. Она не могла отогнать отъ себя страшныхъ представленій о томъ, что ея Жакъ, затерянный въ невѣдомыхъ странахъ, измученный и одинокій, никогда уже не вернется къ ней въ этой жизни... Затѣмъ въ ея головѣ съ постепенно возрастающею ясностью складывалась

мысль о невозможности допустить, чтобы ея мужъ потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ спастись тѣмъ средствомъ, которое и она начинала признавать единственнымъ и надежнымъ. И сильнѣе, чѣмъ когда-либо, молодая женщина сознавала могущество того укротителя людей и вершителя дѣлъ, который въ данное время одинъ только былъ достаточно властенъ для того, чтобы уничтожить грозные призраки, наступающіе со всѣхъ сторонъ на нѣжно любящую женщину.

Таково было психическое состояніе Жизели д'Эксирѣйль, когда съ грубою неожиданностью прозвучалъ докладъ слуги о пріѣздѣ того, кѣмъ заняты были всѣ ея мысли въ эту минуту.

— Баронъ Сафръ! — повторила она въ изумленіи. — Баронъ Сафръ!...

И, чтобы не выказывать долѣе своего смущенія передъ лакеемъ, ждавшимъ приказанія, вытянувшись у двери, она проговорила:

— Просите!

Сказала она это такъ же безсознательно, какъ могла бы приказать не принимать посѣтителя. Но, именно, случайность то сама собою и роковымъ образомъ вмѣшивается въ судьбу людей, когда имъ измѣняютъ силы, необходимыя для того, чтобы поступать разумно.

Входя въ домъ, баронъ Сафръ понятія не имѣлъ о томъ, что тутъ произошло, но съ перваго взгляда почувствовалъ, что является во-время.

— Какъ очутились вы здѣсь,—заговорила хозяйка,—въ тотъ часъ, къ которому пригласили къ себѣ моего мужа?

Баронъ Сафръ отвѣтилъ тономъ безукоризненной вѣжливости:

— Я распорядился, чтобы попросили мосьё д'Эксирѣйль быть снисходительнымъ и соблаговолить дождаться моего возвращенія.

Съ достаточнымъ правомъ и въ такой формѣ, противъ которой ничего нельзя было возразить, баронъ далъ понять, какое разстояніе отдѣляетъ его отъ вчерашняго друга, превратившагося въ просителя и тѣмъ отказавшагося отъ правъ на равенство. Жизель видѣла, насколько затронуто достоинство ея мужа, насколько она сама унижена и ослаблена смѣлостью такой уловки, при помощи которой Сафръ пользуется Жакомъ д'Эксирѣйль для доказательства всей возможности своего произвола.

— Тяжелымъ бременемъ,—заговорилъ баронъ,—лежитъ у меня на сердцѣ потребность исправить то впечатлѣніе недовольства съ которымъ вы, какъ я видѣлъ, продолжаете относиться ко мнѣ.

Чувства моей преданности вамъ и моего восхищенія вами слишкомъ сильны для того, чтобъ я могъ примириться съ вашимъ нерасположеніемъ ко мнѣ.

Мадамъ д'Эксирёйль въ большомъ смущеніи укрылась въ полутѣни, сѣвши въ уголъ дивана, стоявшаго между окномъ и стѣной. Сафръ пододвинулъ кресло и сѣлъ противъ Жизели.

— Умоляю васъ,—говорилъ онъ, — не заблуждайтесь на мой счетъ и повѣрьте, что во мнѣ вы имѣете лучшаго друга. Доказательство этого я приношу вамъ въ эту минуту, и, если я здѣсь, то лишь за тѣмъ, чтобы прежде всего, выслушать ваши приказанія...

— Я не понимаю васъ,—прошептала Жизель.

— Это очень просто: мосьё д'Эксирёйль мечтаетъ о большихъ предпріятіяхъ и проситъ, чтобы я заинтересовался ими. Я хотѣлъ лично убѣдиться въ томъ, что его проекты не вызываютъ въ васъ безпокойства. Пускаться въ аферы тому, кто не имѣетъ привычки къ подобнымъ дѣламъ, настолько опасно, что я откажу себѣ въ удовольствіи облегчить вашему мужу доступъ къ нимъ, если такая попытка не представляется вамъ особенно желательною.

Жизель, послѣ короткаго колебанія, уклонилась отъ прямого отвѣта.

— О! Я ничего не понимаю въ этомъ,—сказала она,— и никакого мнѣнія имѣть не могу...

— Однако, еслибы серьезныя причины побуждали вашего мужа приняться за аферы, вы первая должны были бы знать объ этомъ... Я считаю своимъ долгомъ отклонить его отъ неблагоразумной попытки, но и очень охотно готовъ помочь ему, если вы находите это... необходимымъ... или въ какомъ-нибудь смыслѣ полезнымъ.

Послѣднюю фразу онъ проговорилъ, какъ бы не хотя, чтобы не выказать жадности своего желанія узнать, насколько стѣснены ихъ денежныя дѣла. Молодая женщина попробовала еще разъ увернуться отъ объясненій.

— Знаю я только, что въ послѣднее время Жакъ стремится къ дѣятельности съ такимъ увлеченіемъ, какого я никогда не замѣчала прежде... И, конечно, онъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ обратиться къ вамъ за совѣтомъ... прибѣгнуть къ вашей опытности...

За такимъ притворнымъ и слабо разыграннымъ равнодушіемъ она тщетно думала укрыться. Сафръ хотѣлъ все-таки допытаться, какое значеніе еще могутъ имѣть ея хитрости, въ томъ предполо-

женіи, казавшемся ему, впрочемъ, неправдоподобнымъ, — что оба супруга сговорились его эксплоатировать. Все умѣніе его вести дѣла, вся его прославленная ловкость основывалась всегда и во всемъ на его склонности всѣхъ подозрѣвать и предполагать непремѣнно худшее.

Восхищенный пришедшимъ ему на умъ подозрѣніемъ и побуждаемый имъ продолжать хитрую игру, въ которой онъ славился своимъ мастерствомъ, баронъ Сафръ тряхнулъ своею львиною головой и широко вздохнулъ полною грудью, какъ человѣкъ, несказанно обрадованный.

— Я очень доволенъ вашимъ отвѣтомъ,—сказалъ онъ.—Большая тяжесть свалилась съ моей груди, какъ только вы соблаговолили объяснить мнѣ, что не нужда побуждаетъ вашего мужа къ дѣятельности... Кого любишь, за того скорѣе начинаешь безпокоиться. И признаюсь, въ моей глубокой симпатіи къ вамъ я уже начиналъ тревожиться. Но теперь для меня совершенно ясны мотивы мосьё д'Эксирѣйля: это порывы свѣтскаго человѣка, которому въ данную минуту наскучила праздность, или которому досадно, что слишкомъ спокойно лежатъ его капиталы. И я теперь же пользуюсь случаемъ очень откровенно высказать вамъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ допускать вашего мужа увлекаться дальше его фантазіями. Не въ первый разъ въ моей жизни вижу я такія увлеченія у людей его круга. Они всегда опасны и часто бываютъ гибельны...

— Но мой мужъ лучше меня выяснитъ вамъ самъ свои настоящія цѣли, побуждающія его причины... Я ничего не знаю, объяснить ничего не умѣю... Мои слова никакого значенія не имѣютъ... Я ничего вамъ не сказала.

Она говорила безсвязно, совершенно сбитая съ толку ловкостью Сафра, съ которою онъ заранѣе отдѣлывался отъ того, что получить отъ него надѣялся Жанъ, въ ожиданіи рѣшенія, которое могло быть убійственнымъ. А баронъ, чтобы окончательно ошеломить молодую женщину, продолжалъ веселымъ тономъ:

— Видите ли, относительно большей части предпріятій, затѣваемыхъ свѣтскими людьми, мое убѣжденіе давно составлено очень крѣпко... Я могу даже сказать, что оно пересоставлено, — добавилъ онъ, смѣясь,—такъ какъ и самъ я на нихъ попадался отъ времени, до времени, по благодушію.

Его громкій смѣхъ раздавался грубо и поразительно неумѣстно въ маленькомъ салонѣ, гдѣ всего часъ назадъ разыгралась столь тяжелая сцена.

Жизель поблѣднѣла и отвѣтила:

— Жакъ не позволитъ себѣ предложить вамъ что-нибудь легкомысленно. Вы можете смѣло положиться какъ на его благородство, такъ и на искреннее желаніе работать...

— Несомнѣнно, мой дорогой другъ... Но, вѣдь, и всегда, при такихъ же отличныхъ рекомендаціяхъ, представляютъ люди порядочные и хорошо воспитанные свои предпріятія, отъ которыхъ скоро ничего не остается, кромѣ самыхъ печальныхъ воспоминаній. Припомните только исторію о Cap-Normand, o Fusion Universelle, о каналѣ des Nouvelles-Indes, если говорить только объ акціонерныхъ обществахъ, прославившихся своими банкротствами. А сколько другихъ, болѣе мелкихъ, тянули свои дѣла до окончательнаго истощенія и исчезли такъ же прискорбно, но лишь безъ шума. Во главѣ многихъ изъ предпріятій, о которыхъ я говорю, стояли отборнѣйшіе и опаснѣйшіе свѣтскіе люди съ хорошими именами, отлично воспитанные въ изящной и богатой средѣ. Вокругъ нихъ, въ ихъ правленіяхъ группировались лица лучшаго тона... И все это приводило дѣло прямо и неотвратимо къ ликвидаціи, если не къ банкротству и уголовному суду!

Жизель чувствовала, что послѣдняя надежда на спасеніе для ея мужа и для нея рушится окончательно передъ этою презрительною логикой.

— Могу завѣрить васъ, — говорилъ баронъ, — что у всѣхъ свѣтскихъ господъ есть одинъ порокъ, присущій ихъ общественному положенію. Почти всѣ они не умѣютъ ничего дѣлать сами, умѣютъ они только командовать, распоряжаться. Но дѣло-то въ томъ, что въ нашихъ предпріятіяхъ эти самыя слова выражаютъ совершенно иныя понятія, получили совсѣмъ особое значеніе. Командовать и распоряжаться — значитъ принять на себя тысячу заботъ, наложить на свои плечи безграничную отвѣтственность... Какъ же вы хотите, чтобы большіе господа справились съ этимъ? У нихъ всегда были слуги, которые готовили имъ платье и одѣвали ихъ, были родители, которые приготовили для нихъ состояніе, повѣренные и управляющіе изо-дня въ день готовили имъ доходы. Пока они проматывали наслѣдство, для нихъ подрастала дѣвушка, подготовлявшая имъ средства обѣдать на ея приданое, когда имъ къ тридцати годамъ не на что будетъ позавтракать. Да, но позднѣе наступаетъ время ужина, а подать его уже некому... Характеръ такихъ людей, привыкшихъ широко жить на готовомъ, не измѣняется, когда они устраиваются въ конторѣ, непремѣнно комфортабельной. Тутъ, чувствуя свое одиночество, они прежде всего оза-

бочены устройствомъ двадцати пяти звонковъ... И знаете, кто является неизбѣжно тѣмъ скорѣе, чѣмъ они чаще нажимаютъ пуговки? Плутоватый маклеръ, отбирающій у нихъ паи, молодецъ-шантажистъ, лишающій ихъ бодрости, судебный приставъ, описывающій у нихъ все, до платья и бѣлья включительно, и, наконецъ, очень не рѣдко — полицейскій коммиссаръ, забирающій ихъ самихъ, чтобъ отнять послѣдній остатокъ чести, если таковая еще имѣется въ наличности.

Онъ смолкъ потому, что Жизель встала и, задыхаясь, вскрикнула:

— Скажите, что вы нарочно меня мучаете?... Вѣдь, это все не правда?... Не отказываетесь же вы безповоротно отъ предложенія моего мужа, даже не выслушавши его?

Сафръ тоже поднялся съ мѣста, немного смущенный собственною жестокостью и вполнѣ увѣренный теперь въ совершенной искренности молодой, очаровательной и страдающей женщины.

— Разумѣется, да! — отвѣтилъ онъ лукаво. — Глубоко сожалѣю и отказываюсь. Всѣмъ попыткамъ этого рода — одна цѣна. Всегда это какая-нибудь утопія фантазирующей головы, превращающейся потомъ въ голову размозженную пистолетомъ!

Эта безпощадная фраза являлась повтореніемъ сказаннаго Жакомъ и какъ бы подтвержденіемъ возможности невыносимо страшной катастрофы.

— Мы погибли! — простонала Жизель, опускаясь па диванъ, запрокидывая голову и закрывая руками свое измученное лицо.

— Что съ вами, милое дитя мое? — заговорилъ Сафръ, садясь опять около нея. — Какъ можете вы погибнуть, когда я съ вами, готовъ защитить васъ отъ кого бы и отъ чего бы ни было?

Онъ схватилъ ея руки и старался отнять ихъ отъ прелестнаго лица, искаженнаго страданіемъ.

— Такъ правда, стало быть, что васъ постигла бѣда? — спросилъ онъ, сдерживая ея руки и зорко смотря ей въ глаза.

Она сдѣлала утвердительный знакъ, настолько рѣзкій, что на ея лицо упала прядь золотистыхъ волосъ, выбившаяся изъ ея прически. Тихое рыданіе сдавило ей грудь. Сафръ продолжалъ съ нѣжнымъ укоромъ:

— Неужели вы не раскаиваетесь въ томъ, что не довѣрились мнѣ съ самаго начала? Развѣ не сочту я за счастье во всякое время найти возможность все поправить, придумать такія средства, которыя прогонятъ горе съ этихъ чудныхъ глазъ?

Она сдѣлала попытку отстраниться отъ слишкомъ любезнаго

гостя, но обѣ ея руки очутились соединенными въ одной сильной и властной рукѣ барона Сафра.

— Необходимое я устрою быстро, даже немедленно,—объявилъ онъ,—такъ какъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше будетъ... не такъ ли?

Сафръ избѣгалъ произносить имя ея мужа, которое могло внести лишнее и нежелательное смущеніе въ эту минуту.

— Я готовъ дать ему дѣло у себя, заинтересовать въ моихъ предпріятіяхъ, крупныхъ и солидныхъ по настоящему!... Сколько хотите вы, чтобы онъ получалъ въ нынѣшнемъ году... съ этого же мѣсяца, для начала? Двадцать тысячъ франковъ? Тридцать тысячъ?... Скажите, сколько вамъ сейчасъ нужно...

— Нѣтъ,—говорила она, запинаясь,—это невозможно! *Онъ* не того хотѣлъ... *онъ* не согласится быть обязаннымъ вамъ. Его самолюбіе, его положеніе въ обществѣ не дозволятъ ему сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ служащаго у васъ...

Ея голосъ обрывался отъ невозможности возражать больше противъ того, что являлось теперь предметомъ ея пламенныхъ желаній, трусливыхъ и огромныхъ желаній спасти мужа,—желаній, доходящихъ до самоотреченія. Сафръ подавлялъ ее выраженіями своей заботливости о ней и въ то же время фамильярно игралъ ея волосами, отстраняя ихъ рукою со лба.

— Какъ, его самолюбіе, его положеніе помѣшаютъ ему сдѣлать то, на что идутъ очень многіе другіе, не менѣе родовитые?... Да наоборотъ, большая честь крупнымъ финансистамъ, что они устроили такого рода синекуры для многихъ людей знатныхъ фамилій, что обезпечиваетъ этимъ господинъ возможность жить широко и не подвергаетъ ихъ непріятности почувствовать, хотя бы разъ, что они состоятъ на жалованьи!... А, дорогая моя, милое дитя мое, выкиньте изъ вашей головки всякія пустыя возраженія. Я берусь успокоить самую раздраженную щекотливость. Положитесь въ этомъ на мою опытность, на мою преданность и на пылкость моихъ настояній...

И какъ бы воспламеняясь тѣми чувствами, которыя онъ перечислялъ, Сафръ становился все смѣлѣе.

Жизель, обезсиленная нравственно всѣми пытками, которыя вынесла она во время двухъ тяжелыхъ сценъ этого дня, какъ будто бы все еще прислушивалась къ доводамъ своего мучителя. Быть можетъ даже она начинала вѣрить, что на самомъ дѣлѣ, въ силу какого-то новаго закона, финансовые короли вправѣ отнынѣ держать у себя на жалованьи эскадронъ потомковъ благороднѣйшихъ рыцарей и одѣлять иногда своими деньгами тѣхъ женщинъ высша-

го круга, которыхъ они соблаговолятъ отличить въ своихъ салонахъ. Или же ей казалось, что позорный захватъ имущества, которымъ только что грозили ея мужу, долженъ начаться съ нея самой?...

...Въ нѣжныхъ словахъ глубоко взволнованнаго побѣдителя выливались трогательныя мольбы о прощеніи. Но Жизель, точно безумная или мертвая, не слыхала ихъ, имѣла такой видъ, будто не сознаетъ дѣйствительности, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ и ничему не въ состояніи вѣрить. И барону Сафру не удалось бы вызвать у нея ни малѣйшаго признака чувства, если бы, собираясь уходить, онъ не упомянулъ о томъ исключительномъ обязательствѣ, которое вынуждаетъ его разстаться съ нею такъ скоро. Молодая женщина вспомнила, куда онъ долженъ спѣшить и съ кѣмъ ему предстоитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу! Лицо Жизели д'Эксирѣйль исказилось отъ ужаса. Неистовымъ воплемъ пронеслась въ ея головѣ одна мысль, что случилось нѣчто такое, отъ чего нѣтъ исцѣленія, нѣтъ спасенія!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЧАЙКА.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.
Константинъ Гавриловичъ Треплевъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.
Петръ Николаевичъ Соринъ, ея братъ.
Нина Михайловна Заръчная, молодая дѣвушка, дочь богатаго помѣщика.
Илья Аѳанасьевичъ Шамраевъ, поручикъ въ отставкѣ, управляющій у Сорина.
Полина Андреевна, его жена.
Маша, его дочь.
Борисъ Алексъевичъ Тригоринъ, беллетристъ.
Евгеній Сергъевичъ Дорнъ, врачъ.
Семенъ Семеновичъ Медвъденко, учитель.
Яковъ, работникъ.
Поваръ.
Горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Сорина. Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

ДѢЙСТВІЕ I.

Часть парка въ имѣніи Сорина. Широкая аллея, ведущая (по направленію отъ зрителей) въ глубину парка къ озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашняго спектакля, такъ что озера совсѣмъ не видно. Налѣво и направо у эстрады кустарникъ. Нѣсколько стульевъ, столикъ. Только что зашло солнце. На эстрадѣ, за опущеннымъ занавѣсомъ, Яковъ и другіе работники; слышится кашель и стукъ. Маша и Медвѣденко идутъ слѣва, возвращаясь съ прогулки.

Медвѣденко.—Отчего вы всегда ходите въ черномъ?
Маша. —Это трауръ по моей жизни. Я несчастна.

Медвѣденко.—Отчего? (въ раздумьи) Не понимаю... Вы здоровы, отецъ у васъ хотя и не богатый, но съ достаткомъ. Мнѣ живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ вамъ. Я получаю всего 23 рубля въ мѣсяцъ, да еще вычитаютъ съ меня въ эмеритуру, а все же я не ношу траура. (садятся).

Маша.—Дѣло не въ деньгахъ. И бѣднякъ можетъ быть счастливъ.

Медвѣденко.—Это въ теоріи, а на практикѣ выходитъ такъ: я да мать, двѣ сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Вѣдь ѣсть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вотъ тутъ и вертись.

Маша (оглядываясь на эстраду).—Скоро начнется спектакль.

Медвѣденко.—Да. Играть будетъ Зарѣчная, а пьеса сочиненія Константина Гаврилыча. Они влюблены другъ въ друга, и сегодня ихъ души сольются въ стремленіи дать одинъ и тотъ же художественный образъ. А у моей души и у вашей нѣтъ общихъ точекъ соприкосновенія. Я люблю васъ, не могу отъ тоски сидѣть дома, каждый день хожу пѣшкомъ шесть верстъ сюда, да шесть обратно и встрѣчаю одинъ лишь индифферентизмъ съ вашей стороны. Это понятно. Я безъ средствъ, семья у меня большая... Какая охота идти за человѣка, которому самому ѣсть нечего!

Маша.—Пустяки. (нюхаетъ табакъ.) Ваша любовь трогаетъ меня, но я не могу отвѣчать взаимностью, вотъ и все. (протягиваетъ ему табакерку.) Одолжайтесь.

Медвѣденко.—Не хочется. (пауза.)

Маша.—Душно. Должно быть, ночью будетъ гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгахъ. По вашему, нѣтъ большаго несчастья, какъ бѣдность, а по моему въ тысячу разъ легче ходить въ лохмотьяхъ и побираться, чѣмъ... Впрочемъ вамъ не понять этого...

(Соринъ и Треплевъ входятъ слѣва).

Соринъ (опираясь на трость).—Мнѣ, братъ, въ деревнѣ какъ-то не того и, понятная вещь, никогда я тутъ не привыкну. Вчера легъ въ десять и проснулся сегодня утромъ въ девять съ такимъ чувствомъ, какъ будто отъ долгаго спанья у меня мозгъ прилипъ къ черепу и все такое. (смѣется.) А послѣ обѣда нечаянно опять уснулъ и теперь я весь разбитъ, испытываю кошмаръ въ концѣ концовъ...

Треплевъ.—Правда, тебѣ нужно жить въ городѣ. (увидѣвъ Машу и Медвѣденко.) Господа, когда начнется, васъ позовутъ, а теперь нельзя здѣсь. Уходите пожалуйста.

Соринъ (Машѣ).—Марья Ильинишна, будьте такъ добры, по-

просите вашего папашу, чтобы онъ распорядился отвязать собаку, а то она воетъ. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша.—Говорите съ моимъ отцомъ сами, а я не стану. Увольте, пожалуйста. (Медвѣденко.) Пойдемте.

Медвѣденко (Треплеву).—Такъ вы передъ началомъ пришлите сказать. (оба уходятъ.)

Соринъ.—Значитъ, опять всю ночь будетъ выть собака. Вотъ исторія, никогда въ деревнѣ я не жилъ, какъ хотѣлъ. Бывало, возьмешь отпускъ на 28 дней и пріѣдешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тутъ тебя такъ доймутъ всякимъ вздоромъ, что уже съ перваго дня хочется вонъ. (смѣется.) Всегда я уѣзжалъ отсюда съ удовольствіемъ... Ну, а теперь я въ отставкѣ, дѣваться некуда, въ концѣ концовъ. Хочешь не хочешь—живи.

Яковъ (Треплеву).—Мы, Константинъ Гаврилычъ, купаться пойдемъ.

Треплевъ.—Хорошо, только черезъ десятъ минутъ будьте на мѣстахъ. (смотритъ на часы.) Скоро начнется.

Яковъ.—Слушаю. (уходитъ.)

Треплевъ (окидывая взглядомъ эстраду).—Вотъ тебѣ и театръ. Занавѣсъ, потомъ первая кулиса, потомъ вторая и дальше пустое пространство. Декорацій никакихъ. Открывается видъ прямо на озеро и на горизонтъ. Поднимемъ занавѣсъ ровно въ половинѣ девятаго, когда взойдетъ луна.

Соринъ.—Великолѣпно.

Треплевъ.—Если Зарѣчная опоздаетъ, то, конечно, пропадетъ весь эффектъ. Пора бы ужъ ей быть. Отецъ и мачиха стерегутъ ее и вырваться ей изъ дому такъ же трудно, какъ изъ тюрьмы. (поправляетъ дядѣ галстукъ.) Голова и борода у тебя взлохмачены... Надо бы постричься, что ли...

Соринъ (расчесывая бороду).—Трагедія моей жизни. У меня и въ молодости была такая наружность, будто я запоемъ пилъ и все. Меня никогда не любили женщины. (садясь.) Отчего сестра не въ духѣ?

Треплевъ.—Отчего? Скучаетъ. (садясь рядомъ.) Ревнуетъ. Она уже и противъ меня, и противъ спектакля, и противъ моей пьесы, потому что ея беллетристу можетъ понравиться Зарѣчная. Она не знаетъ моей пьесы, но уже ненавидитъ ее.

Соринъ (смѣется).—Выдумываешь, право...

Треплевъ.—Ей уже досадно, что вотъ на этой маленькой сценѣ будетъ имѣть успѣхъ Зарѣчная, а не она. (посмотрѣвъ на часы.) Психологическій курьезъ моя мать. Безспорно талантлива, умна, способна рыдать надъ книжкой, отхватить тебѣ всего Некрасова

наизусть, за больными ухаживаетъ, какъ ангелъ; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенной игрой въ «La dame aux camelias» или въ «Чадѣ жизни», но такъ какъ здѣсь, въ деревнѣ, нѣтъ этого дурмана, то вотъ она скучаетъ и злится, и всѣ мы — ея враги, всѣ мы виноваты. Затѣмъ она суевѣрна, боится трехъ свѣчей, тринадцатаго числа. Она скупа. У нея въ Одессѣ, въ банкѣ, семьдесятъ тысячъ,—это я знаю навѣрное. А попроси у нея взаймы, она станетъ плакать.

Соринъ.—Горацій сказалъ: genus irritabile vatum! Ты вообразилъ, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все! Успокойся,—мать тебя обожаетъ.

Треплевъ (обрывая у цвѣтка лепестки).—Любитъ — не любитъ, любитъ — не любитъ, любитъ — не любитъ! (смѣется.) Видишь, моя мать меня не любитъ. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить свѣтлыя кофточки, а мнѣ уже 25 лѣтъ и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нѣтъ, ей только 32 года, при мнѣ же 43, и за это она меня ненавидитъ. Она знаетъ также, что я не признаю театра. Она любитъ театръ, ей кажется, что она служитъ человѣчеству, святому искусству, а по-моему современный театръ—это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святого искусства, изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки, когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль, мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ, когда въ тысячѣ варіацій мнѣ подносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же, то я бѣгу и бѣгу, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью.

Соринъ.—Безъ театра нельзя.

Треплевъ.—Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно. (смотритъ на часы.) Я люблю мать, сильно люблю; но она куритъ, пьетъ, открыто живетъ съ этимъ беллетристомъ, имя ея постоянно треплютъ въ газетахъ—и это меня утомляетъ. Иногда же во мнѣ просто говоритъ эгоизмъ обыкновеннаго смертнаго, бываетъ жаль, что у меня мать извѣстная актриса и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я былъ бы счастливѣе. Дядя, что можетъ быть отчаяннѣе и глупѣе положенія: бывало у нея сидятъ въ гостяхъ сплошь все знаменитости артисты и писатели, и между ними только одинъ я — ничто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? Что я? Вышелъ

изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакціи независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ ни гроша, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ. Мой отецъ вѣдь кіевскій мѣщанинъ, хотя тоже былъ извѣстнымъ актеромъ. Такъ вотъ, когда, бывало, въ ея гостиной всѣ эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое вниманіе, то мнѣ казалось, что своими взглядами они измѣряли мое ничтожество, я угадывалъ ихъ мысли и страдалъ отъ униженія.

Соринъ.—Кстати, скажи пожалуйста, что за человѣкъ ея беллетристъ? Не поймешь его. Все молчитъ.

Треплевъ.—Человѣкъ умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорокъ лѣтъ будетъ ему еще не скоро, но онъ уже знаменитъ и сытъ, сытъ по-горло... Теперь онъ пьетъ одно только пиво и можетъ любить только не молодыхъ. Что касается его писаній, то какъ тебѣ сказать? Мило, талантливо, но... послѣ Толстого или Золя не захочешь читать Тригорина.

Соринъ.—А я, братъ, люблю литераторовъ. Когда-то я страстно хотѣлъ двухъ вещей: хотѣлъ жениться и хотѣлъ стать литераторомъ, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленькимъ литераторомъ быть пріятно въ концѣ концовъ.

Треплевъ (прислушивается). Я слышу шаги. (обнимаетъ дядю.) Я безъ нея жить не могу... Даже звукъ ея шаговъ прекрасенъ... Я счастливъ безумно. (быстро идетъ навстрѣчу Нинѣ Зарѣчной, которая входитъ.) Волшебница, мечта моя...

Нина (взволнованно).—Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Треплевъ (цѣлуя ей руки).—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Нина.—Весь день я безпокоилась, мнѣ было такъ страшно! Я боялась, что отецъ не пуститъ меня... Но онъ сейчасъ уѣхалъ съ мачихой... Красное небо, уже начинаетъ восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. (смѣется.) Но я рада. (крѣпко жметъ руку Сорину.)

Соринъ (смѣется).—Глазки, кажется, заплаканы. Ге-ге! Не хорошо!

Нина.—Это такъ... Видите, какъ мнѣ тяжело дышать. Черезъ полчаса я уѣду, надо спѣшить. Нельзя, нельзя, Бога ради не удерживайте. Отецъ не знаетъ, что я здѣсь.

Треплевъ.—Въ самомъ дѣлѣ, уже пора начинать. Надо идти звать всѣхъ.

Соринъ.—Я схожу и все. Сію минуту. (идетъ вправо и поетъ). «Во Францію два гренадера». (оглядывается.) Разъ также вотъ я запѣлъ, а одинъ товарищъ прокурора и говоритъ мнѣ: «А у васъ, ваше пре-

восходительство, голосъ сильный»... Потомъ подумалъ и прибавилъ: «Но... противный». (смѣется и уходитъ.)

Нина.—Отецъ и его жена не пускаютъ меня сюда. Говорятъ, что здѣсь богема... боятся, какъ бы я не пошла въ актрисы. А меня тянетъ сюда къ озеру, какъ чайку... Мое сердце полно вами. (оглядывается.)

Треплевъ.—Мы одни.

Нина.—Кажется, кто-то тамъ...

Треплевъ.—Никого (поцѣлуй.)

Нина.—Это какое дерево?

Треплевъ.—Вязъ.

Нина.—Отчего оно такое темное?

Треплевъ.—Уже вечеръ, темнѣютъ всѣ предметы. Не уѣзжайте рано, умоляю васъ.

Нина.—Нельзя.

Треплевъ.—А если я поѣду къ вамъ, Нина? Я всю ночь буду стоять въ саду и смотрѣть на ваше окно.

Нина.—Нельзя, васъ замѣтитъ сторожъ. Трезоръ еще не привыкъ къ вамъ и будетъ лаять.

Треплевъ.—Я люблю васъ.

Нина.—Тссс!...

Треплевъ (услышавъ шаги).—Кто тамъ? Вы, Яковъ?

Яковъ (за эстрадой).—Точно такъ.

Треплевъ.—Становитесь по мѣстамъ. Пора. Луна восходитъ?

Яковъ.—Точно такъ.

Треплевъ.—Спиртъ есть? Сѣра есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло сѣрой. (Нинѣ.) Идите, тамъ все приготовлено. Вы волнуетесь?

Нина.—Да, очень. Ваша мама—ничего, ея я не боюсь, но у васъ Тригоринъ... Играть при немъ мнѣ страшно и стыдно... Извѣстный писатель... Онъ молодъ?

Треплевъ.—Да.

Нина.—Какіе у него чудесные разсказы!

Треплевъ (холодно).—Не знаю, не читалъ.

Нина.—Въ вашей пьесѣ трудно играть. Въ ней нѣтъ живыхъ лицъ.

Треплевъ.—Живыя лица! Надо изображать жизнь не такою, какъ она есть, и не такою, какъ должна быть, а такою, какъ она представляется въ мечтахъ.

Нина.—Въ вашей пьесѣ мало дѣйствія, одна только читка...

И въ пьесѣ, по-моему, непремѣнно должна быть любовь. (оба уходятъ за эстраду.)

(Полина Андреевна и Дорнъ входятъ).

Полина Андр.—Становится сыро. Вернитесь, надѣньте калоши.

Дорнъ.—Мнѣ жарко.

Полина Андр.—Вы не бережете себя. Это—упрямство. Вы докторъ и отлично знаете, что вамъ вреденъ сырой воздухъ, но вамъ хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидѣли вчера весь вечеръ на терасѣ.

Дорнъ (напѣваетъ).—«Не говори, что молодость сгубила»...

Полина Андр.—Вы были такъ увлечены разговоромъ съ Ириной Николаевной... Вы не замѣчали холода. Признайтесь, она вамъ нравится.

Дорнъ.—Мнѣ 55 лѣтъ.

Полина Андр.—Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинамъ.

Дорнъ.—Такъ что же вамъ угодно?

Полина Андр.—Передъ актрисой вы всѣ готовы падать ницъ. Всѣ!

Дорнъ (напѣваетъ).—«Я вновь предъ тобою»... Если въ обществѣ любятъ артистовъ и относятся къ нимъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, къ купцамъ, то это въ порядкѣ вещей. Это—идеализмъ.

Пол. Андр.—Женщины всегда влюблялись въ васъ и вѣшались вамъ на шею. Это тоже идеализмъ?

Дорнъ (пожавъ плечами).—Что-жъ? Въ отношеніяхъ женщинъ ко мнѣ было много хорошаго. Во мнѣ любили, главнымъ образомъ, превосходнаго врача. Лѣтъ 10—15 назадъ, вы помните, во всей губерніи я былъ единственнымъ порядочнымъ акушоромъ. Затѣмъ всегда я былъ честнымъ человѣкомъ...

Пол. Андр. (хватаетъ его за руку).—Дорогой мой!

Дорнъ.—Тише. Идутъ.

(Входятъ Аркадина подъ руку съ Соринымъ, Тригоринъ, Шамраевъ, Медвѣденко и Маша.)

Шамраевъ.—Въ 1873 году въ Полтавѣ на ярмаркѣ она играла изумительно. Одинъ восторгъ! Чудно играла! Не изволите ли также знать, гдѣ теперь комикъ Чадинъ, Павелъ Семенычъ? Въ Расплюевѣ былъ неподражаемъ, лучше Садовскаго, клянусь вамъ, многоуважаемая. Гдѣ онъ теперь?

Аркадина.—Вы все спрашиваете про какихъ-то допотопныхъ. Откуда я знаю! (садится).

Шамраевъ (вздохнувъ).—Пашка Чадинъ! Такихъ уже нѣтъ теперь! Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучіе дубы, а теперь мы видимъ одни только пни.

Дорнъ.—Блестящихъ дарованій теперь мало, это правда, но средній актеръ сталъ выше.

Шамраевъ.—Не могу съ вами согласиться. Впрочемъ, это дѣло вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil.

(Треплевъ выходитъ изъ-за эстрады.)

Аркадина (сыну).—Мой милый сынъ, когда же начало?

Треплевъ.—Черезъ минуту. Прошу терпѣнія.

Аркадина (читаетъ изъ *Гамлета*). — «Мой сынъ! Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души, и я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ, въ такихъ смертельныхъ язвахъ,—нѣтъ спасенья!»

Треплевъ (изъ *Гамлета*).—«И для чего-жъ ты поддалась пороку, любви искала въ безднѣ преступленья?»

(За эстрадой играютъ въ рожокъ.)

Треплевъ.—Господа, начало! Прошу вниманія! (пауза) Я начинаю. (стучитъ палочкой и говоритъ громко.) О, вы, почтенныя, старыя тѣни, которыя носитесь въ ночную пору надъ этимъ озеромъ, прошу, усыпите насъ и пусть намъ приснится то, что будетъ черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ!

Соринъ.—Черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ ничего не будетъ.

Треплевъ.—Такъ вотъ пусть изобразятъ намъ это ничего.

Аркадина.—Пусть. Мы спимъ.

(Поднимается занавѣсъ; открывается видъ на озеро; луна надъ горизонтомъ, отраженіе ея въ водѣ; на большомъ камнѣ сидитъ Нина Зарѣчная, вся въ бѣломъ.)

Нина.—Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ,—словомъ, всѣ жизни, всѣ жизни, всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли... Уже тысячи вѣковъ, какъ земля не носитъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь. На лугу уже не просыпаются съ крикомъ журавли и майскихъ жуковъ не бываетъ слышно въ липовыхъ рощахъ. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. (пауза) Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахѣ и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну... Общая міровая душа—это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней пьявки, во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь. (Показываются болотные огни.)

Аркадина (тихо).—Это что-то декадентское.

Треплевъ (умоляюще и съ упрекомъ).—Мама!

Нина.—Я одинока. Разъ въ сто лѣтъ я открываю уста, чтобы говорить, и мой голосъ звучитъ въ этой пустотѣ уныло, и никто не слышитъ... И вы, блѣдные огни, не слышите меня. Подъ утро васъ рождаетъ гнилое болото и вы блуждаете до зари, но безъ мысли, безъ воли, безъ трепетанія жизни. Боясь, чтобы въ васъ не возникла жизнь, отецъ вѣчной матеріи дьяволъ каждое мгновеніе въ васъ, какъ въ камняхъ и въ водѣ, производитъ обмѣнъ атомовъ, и вы мѣняетесь непрерывно. Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ. (пауза) Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой глубокій колодезь, я не знаю, гдѣ я и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... (пауза; на фонѣ озера показываются двѣ красныхъ точки.) Вотъ приближается мой могучій противникъ, дьяволъ. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина.—Сѣрой пахнетъ. Это такъ нужно?

Треплевъ.—Да.

Аркадина (смѣется).—Да, это эффектъ.

Треплевъ.—Мама!

Нина.—Онъ скучаетъ безъ человѣка...

Пол. Андр. (Дорну).—Вы сняли шляпу! Надѣньте, а то простудитесь.

Аркадина.—Это докторъ снялъ шляпу передъ дьяволомъ, отцомъ вѣчной матеріи.

Треплевъ (вспыливъ, громко).—Пьеса кончена! Довольно! Занавѣсъ!

Аркадина.—Что же ты сердишься?

Треплевъ.—Довольно! Занавѣсъ! Подавай занавѣсъ! (топнувъ ногой) Занавѣсъ! (занавѣсъ опускается.) Виноватъ! Я выпустилъ изъ виду, что писать пьесы и играть на сценѣ могутъ только немногіе избранные. Я нарушилъ монополію! Мнѣ... я... (хочетъ еще что-то сказать, но машетъ рукой и уходитъ влѣво.)

Аркадина.—Что съ нимъ?

Соринъ.—Ирина, такъ нельзя, матушка, обращаться съ молодымъ самолюбіемъ.

Аркадина.—Что же я ему сказала?

Соринъ.—Ты его обидѣла.

Аркадина.—Онъ самъ предупреждалъ, что это шутка, и я относилась къ его пьесѣ какъ къ шуткѣ.

Соринъ.—Все-таки.

Аркадина.—Теперь оказывается, что онъ написалъ великое произведеніе! Скажите, пожалуйста! Стало-быть, устроилъ онъ этотъ спектакль и надушилъ сѣрой не для шутки, а для демонстраціи... Ему хотѣлось поучить насъ, какъ надо писать и что нужно играть. Наконецъ, это становится скучно. Эти постоянныя вылазки противъ меня и шпильки, воля ваша, надоѣдятъ хоть кому. Капризный, самолюбивый мальчикъ.

Соринъ.—Онъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ удовольствіе.

Аркадина.—Да? Однако же, вотъ онъ не выбралъ какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставилъ насъ прослушать этотъ декадентскій бредъ. Ради шутки я готова слушать и бредъ, но, вѣдь, тутъ претензіи на новыя формы, на новую эру въ искусствѣ. А по-моему никакихъ тутъ новыхъ формъ нѣтъ, а просто дурной характеръ.

Тригоринъ.—Каждый пишетъ такъ, какъ хочетъ и можетъ.

Аркадина.—Пусть онъ пишетъ, какъ хочетъ и какъ можетъ, только пусть оставитъ меня въ покоѣ.

Дорнъ.—Юпитеръ, ты сердишься...

Аркадина.—Я не Юпитеръ, а женщина. (закуриваетъ.) Я не сержусь, мнѣ только досадно, что молодой человѣкъ такъ скучно проводитъ время. Я не хотѣла его обидѣть.

Медвѣденко.—Никто не имѣетъ основанія отдѣлять духъ отъ матеріи, такъ какъ, быть-можетъ, и самый духъ есть совокупность матеріальныхъ атомовъ. (живо Тригорину.) А вотъ, знаете ли, описать бы въ пьесѣ и потомъ сыграть на сценѣ, какъ живетъ нашъ братъ учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина.—Это справедливо, но не будемъ говорить ни о пьесахъ, ни объ атомахъ. Вечеръ такой славный! Слышите, господа, поютъ? (прислушивается) Какъ хорошо!

Пол. Андр.—Это на томъ берегу. (пауза.)

Аркадина (Тригорину).—Сядьте возлѣ меня. Лѣтъ 10—15 назадъ здѣсь на озерѣ музыка и пѣніе слышались непрерывно почти каждую ночь. Тутъ на берегу шесть помѣщичьихъ усадебъ. Помню, смѣхъ, шумъ, стрѣльба, и все романы, романы... Jeune premier'омъ и кумиромъ всѣхъ этихъ шести усадебъ былъ тогда вотъ, рекомендую, (киваетъ на Дорна) докторъ Евгеній Сергѣичъ. И теперь онъ оча-

рователенъ, но тогда былъ неотразимъ. Однако меня начинаетъ мучить совѣсть. За что я обидѣла моего бѣднаго мальчика? Я не покойна. (громко) Костя! Сынъ! Костя!

Маша.—Я пойду поищу его.

Аркадина.—Пожалуйста, милая.

Маша (идетъ влѣво).—Ау! Константинъ Гаврилычъ! Ау! (уходитъ.)

Нина (выходя изъ-за эстрады).—Очевидно, продолженія не будетъ, мнѣ можно выйти... Здравствуйте. (цѣлуется съ Аркадиной и Полиной Андреевной.)

Соринъ.—Браво! Браво!

Аркадина.—Браво! Браво! Мы любовались. Съ такою наружностью, съ такимъ чуднымъ голосомъ нельзя, грѣшно сидѣть въ деревнѣ. У васъ долженъ быть талантъ. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену.

Нина.—О, это моя мечта! (вздохнувъ) Но она никогда не осуществится.

Аркадина.—Кто знаетъ? Вотъ позвольте вамъ представить: Тригоринъ Борисъ Алексѣевичъ.

Нина.—Ахъ, я такъ рада... (сконфузившись) Я всегда васъ читаю...

Аркадина (усаживая ее возлѣ).—Не конфузьтесь, милая. Онъ знаменитость, но у него простая душа. Видите, онъ самъ сконфузился.

Дорнъ.—Полагаю, теперь можно поднять занавѣсъ, а то жутко.

Шамраевъ (громко).—Яковъ, подними-ка, братецъ, занавѣсъ! (занавѣсъ поднимается.)

Нина (Тригорину).—Не правда ли, странная пьеса?

Тригоринъ.—Я ничего не понялъ. Впрочемъ, смотрѣлъ я съ удовольствіемъ. Вы такъ искренно играли! И декорація была прекрасная. (пауза) Должно быть, въ этомъ озерѣ много рыбы!

Нина.—Да.

Тригоринъ.—Я люблю удить рыбу. Для меня нѣтъ больше наслажденія, какъ сидѣть подъ вечеръ на берегу и смотрѣть на поплавокъ.

Нина.—Но, я думаю, кто испыталъ наслажденіе творчества, для того уже всѣ другія наслажденія не существуютъ.

Аркадина (смѣясь).—Не говорите такъ. Когда ему говорятъ хорошія слова, то онъ проваливается.

Шамраевъ.—Помню, въ Москвѣ въ оперномъ театрѣ однажды басъ Сильва взялъ нижнее do. А въ это время, какъ на-

рочно, сидѣлъ на галлереѣ басъ изъ нашихъ синодальныхъ пѣвчихъ и вдругъ, можете себѣ представить наше крайнее изумленіе мы слышимъ съ галерки: «Браво, Сильва...» цѣлой октавой ниже... Вотъ этакъ... (низкимъ басомъ) Браво, Сильва... Театръ такъ и замеръ. (пауза.)

Дорнъ.—Тихій ангелъ пролетѣлъ.

Нина.—А мнѣ пора. Прощайте.

Аркадина.—Куда? Куда такъ рано? Мы васъ не пустимъ.

Нина.—Меня уже ждетъ папа.

Аркадина.—Какой онъ, право... (цѣлуются.) Ну, что дѣлать! Жаль, жаль васъ отпускать.

Нина.—Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело уѣзжать!

Аркадина.—Васъ бы проводилъ кто-нибудь, моя крошка.

Нина (испуганно).—О, нѣтъ, нѣтъ!

Соринъ (ей, умоляюще).—Останьтесь!

Нина.—Не могу, Петръ Николаевичъ!

Соринъ.—Останьтесь на одинъ часъ и все. Ну, что, право...

Нина (подумавъ, сквозь слезы). — Нельзя. (пожимаетъ руку и быстро уходитъ.)

Аркадина.—Несчастная дѣвушка въ сущности. Говорятъ, ея покойная мать завѣщала мужу все свое громадное состояніе, все до копейки, и теперь эта дѣвочка осталась ни съ чѣмъ, такъ какъ отецъ ея уже завѣщалъ все своей второй женѣ. Это возмутительно.

Дорнъ.—Да, ея папенька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Соринъ (потирая озябшія руки). — Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болятъ.

Аркадина. Онѣ у тебя, какъ деревянныя, едва ходятъ. Ну, пойдемъ, старикъ злосчастный. (беретъ его подъ руку.)

Шамраевъ (подавая руку женѣ).—Madame?

Соринъ.—Я слышу, опять воетъ собака. (Шамраеву) Будьте добры, Илья Аѳанасьичъ, прикажите отвязать ее!

Шамраевъ.—Нельзя, Петръ Николаичъ, боюсь, какъ бы воры въ амбаръ не забрались. Тамъ у меня просо. (идущему рядомъ Медвѣденко) Да, на цѣлую октаву ниже: «Браво, Сильва»... А вѣдь не пѣвецъ, а простой синодальный пѣвчій!

Медвѣденко.—А сколько жалованья получаетъ синодальный пѣвчій? (всѣ уходятъ, кромѣ Дорна).

Дорнъ (одинъ).—Не знаю, быть можетъ, я ничего не понимаю, или сошелъ съ ума, но пьеса мнѣ понравилась. Въ ней что-то есть.

Когда эта дѣвочка говорила объ одиночествѣ и потомъ, когда показались красные глаза дьявола, у меня отъ волненія дрожали руки. Свѣжо, наивно... Вотъ, кажется, онъ идетъ. Мнѣ хочется наговорить ему побольше пріятнаго.

Трепдевъ (входитъ).—Уже нѣтъ никого.

Дорнъ.—Я здѣсь.

Треплевъ.—Меня по всему парку ищетъ Машенька. Несносное созданіе.

Дорнъ.—Константинъ Гаврилычъ, мнѣ ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышалъ, и все-таки впечатлѣніе сильное. Вы талантливый человѣкъ, вамъ надо продолжать.

(Треплевъ крѣпко жметъ ему руку и обнимаетъ порывисто.)

Дорнъ.—Фуй, какой нервный! Слезы на глазахъ... Я что хочу сказать? Вы взяли сюжетъ изъ области отвлеченныхъ идей. Такъ и слѣдовало, потому что художественное произведеніе непремѣнно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Какъ вы блѣдны!

Треплевъ.—Такъ вы говорите—продолжать?

Дорнъ.—Да... Но изображайте только важное и вѣчное. Вы знаете, я прожилъ свою жизнь разнообразно и со вкусомъ, я доволенъ; но еслибы мнѣ пришлось испытать подъемъ духа, какой бываетъ у художниковъ во время творчества, то, мнѣ кажется, я презиралъ бы свою матеріальную оболочку и все, что этой оболочкѣ свойственно, и уносился бы отъ земли подальше въ высоту.

Треплевъ.—Виноватъ, гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ.—И вотъ еще что. Въ произведеніи должна быть ясная, опредѣленная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дорогѣ безъ опредѣленной цѣли, то вы заблудитесь и вашъ талантъ погубитъ васъ.

Треплевъ (нетерпѣливо).—Гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ.—Она уѣхала домой.

Треплевъ (въ отчаяніи).—Что же мнѣ дѣлать? Я хочу ее видить... Мнѣ необходимо ее видѣть... Я поѣду.

(Маша входитъ.)

Дорнъ (Треплеву).—Успокойтесь, мой другъ.

Треплевъ.—Но все-таки я поѣду. Я долженъ ѣхать.

Маша.—Идите, Константинъ Гаврилычъ, въ домъ. Васъ ждетъ ваша мама. Она непокойна.

Треплевъ.—Скажите ей, что я уѣхалъ. И прошу васъ всѣхъ, оставьте меня въ покоѣ! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорнъ.—Но, но, но, милый... нельзя такъ. Не хорошо.

Треплевъ (сквозь слезы). — Прощайте, докторъ. Благодарю. (уходитъ.)

Дорнъ (вздохнувъ).—Молодость, молодость...

Маша.—Когда нечего больше сказать, то говорятъ: молодость, молодость... (нюхаетъ табакъ.)

Дорнъ (беретъ у нея табакерку и швыряетъ въ кусты). — Это гадко! (пауза.) Въ домѣ, кажется, играютъ. Надо идти.

Маша.—Погодите.

Дорнъ.—Что?

Маша.—Я еще разъ хочу вамъ сказать... Мнѣ хочется поговорить... (волнуясь) Я не люблю своего отца... но къ вамъ лежитъ мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мнѣ близки. Помогите же мнѣ... Помогите, а то я сдѣлаю глупость, я насмѣюсь надъ своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше.

Дорнъ.—Что? Въ чемъ помочь?

Маша.—Я страдаю. Никто, никто не знаетъ моихъ страданій! (кладетъ ему голову на грудь; тихо) Я люблю Константина.

Дорнъ.—Какъ всѣ нервны! Какъ всѣ нервны! И сколько любви... О, колдовское озеро! (нѣжно) Но что же я могу сдѣлать, дитя мое? Что? Что?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Площадка для крокета. Въ глубинѣ направо домъ съ большою террасой, налѣво видно озеро, въ которомъ, отражаясь, сверкаетъ солнце. Цвѣтники. Полдень. Жарко. Сбоку площадки, въ тѣни старой липы, сидятъ на скамьѣ Аркадина, Дорнъ и Маша. У Дорна на колѣняхъ раскрытая книга.

Аркадина (Машѣ).—Вотъ встанемте. (обѣ встаютъ.) Станемъ рядомъ. Вамъ 22 года, а мнѣ почти вдвое. Евгеній Сергѣичъ, кто изъ насъ моложавѣе?

Дорнъ.—Вы, конечно.

Аркадина.—Вотъ-съ... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно въ суетѣ, а вы сидите все на одномъ мѣстѣ, не живете... И у меня правило: не заглядывать въ будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

Маша.—А у меня такое чувство, какъ будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волокомъ, какъ безконечный

шлейфъ... И часто не бываетъ никакой охоты жить. (садится.) Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить съ себя все это.

Дорнъ (напѣваетъ тихо).—«Разскажите вы ей, цвѣты мои»...

Аркадина.—Затѣмъ, я корректна, какъ англичанинъ. Я, милая, держу себя въ струнѣ, какъ говорится, и всегда одѣта и причесана comme il faut. Чтобъ я позволила себѣ выйти изъ дому, хотя бы вотъ въ садъ, въ блузѣ или не причесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефёлой, не распускала себя, какъ нѣкоторыя... (подбоченясь, прохаживается по площадкѣ.) Вотъ вамъ! Какъ цыпочка. Хоть пятнадцатилѣтнюю дѣвочку играть.

Дорнъ.—Ну-съ, тѣмъ не менѣе, я продолжаю (беретъ книгу). Мы остановились на лабазникѣ и крысахъ.

Аркадина.—И крысахъ. Читайте. (садится). Впрочемъ, дайте мнѣ, я буду читать. Моя очередь. (беретъ книгу и ищетъ въ ней глазами.) И крысахъ... Вотъ оно... (читаетъ:) «И разумѣется, для свѣтскихъ людей баловать романистовъ и привлекать ихъ къ себѣ такъ же опасно, какъ лабазнику воспитывать крысъ въ своемъ амбарѣ. А между тѣмъ ихъ любятъ. Итакъ, когда женщина избрала писателя, котораго она желаетъ заполонить, она осаждаетъ его посредствомъ комплиментовъ, любезностей, угожденій»... Ну, это у французовъ можетъ быть, но у насъ ничего подобнаго, никакихъ программъ. У насъ женщина обыкновенно, прежде чѣмъ заполонить писателя, сама уже влюблена по уши, сдѣлайте милость. Не далеко ходить, взять хоть меня и Тригорина...

(Идутъ Соринъ, опираясь на трость, и рядомъ съ нимъ Нина; Медвѣденко катитъ за ними пустое кресло.)

Соринъ (тономъ, какимъ ласкаютъ дѣтей).—Да? У насъ радость? Мы сегодня веселы въ концѣ концовъ? (сестрѣ) У насъ радость. Отецъ и мачиха уѣхали въ Тверь, и мы теперь свободны на цѣлыхъ три дня.

Нина (садится рядомъ съ Аркадиной и обнимаетъ ее). — Я счастлива. Я теперь принадлежу вамъ.

Соринъ (садится въ свое кресло).—Она сегодня красивенькая!

Аркадина. — Нарядная, интересная... За это вы умница. ѣлуетъ Нину.) Но не нужно очень хвалить, а то сглазимъ. Гдѣ Борисъ Алексѣичъ?

Нина.—Онъ въ купальнѣ рыбу удитъ.

Аркадина.—Какъ ему не надоѣстъ! (хочетъ продолжать читать).

Нина.—Это вы что?

Аркадина.—Мопассанъ «На водѣ», милочка. (читаетъ нѣсколько роиъ про себя.) Ну, дальше неинтересно и невѣрно. (закрываетъ книгу.)

Не покойна у меня душа. Скажите, что съ моимъ сыномъ? Отчего онъ такъ скученъ и суровъ? Онъ цѣлые дни проводитъ на озерѣ, и я его почти совсѣмъ не вижу.

Маша.—У него нехорошо на душѣ. (Нинѣ, робко) Прошу васъ, прочтите изъ его пьесы!

Нина (пожимая плечами).—Вы хотите? Это такъ интересно.

Маша (сдерживая восторгъ).—Когда онъ самъ читаетъ что-нибудь, то глаза у него горятъ и лицо становится блѣднымъ. У него прекрасный печальный голосъ, а манеры какъ у поэта.

(Слышно, какъ храпитъ Соринъ.)

Дорнъ.—Спокойной ночи.

Аркадина.—Петруша!

Соринъ.—А?

Аркадина.—Ты спишь?

Соринъ.—Нисколько. (пауза.)

Аркадина.—Ты не лѣчишься, а это не хорошо, братъ.

Соринъ.—Я радъ бы лѣчиться, да вотъ докторъ не хочетъ.

Дорнъ.—Лѣчиться въ 60 лѣтъ!

Соринъ.—И въ 60 лѣтъ жить хочется.

Дорнъ (досадливо).—Э! Ну, принимайте валеріановыя капли.

Аркадина.—Мнѣ кажется, ему хорошо бы поѣхать куда-нибудь на воды.

Дорнъ.—Что-жъ? Можно поѣхать. Можно и не поѣхать.

Аркадина.—Вотъ и пойми.

Дорнъ.—И понимать нечего. Все ясно. (пауза.)

Медвѣденко.—Петру Николаевичу слѣдовало бы бросить курить.

Соринъ.—Пустяки.

Дорнъ.—Нѣтъ, не пустяки. Вино и табакъ обезличиваютъ. Послѣ сигары или рюмки водки вы уже не Петръ Николаевичъ, а Петръ Николаевичъ плюсъ еще кто-то; у васъ расплывается ваше я, и вы уже относитесь къ самому себѣ, какъ къ третьему лицу—онъ.

Соринъ (смѣется).—Вамъ хорошо разсуждать. Вы пожили на своемъ вѣку, а я? Я прослужилъ по судебному вѣдомству 28 лѣтъ, но еще не жилъ, ничего не испыталъ въ концѣ концовъ, и, понятная вещь, жить мнѣ очень хочется. Вы сыты и равнодушны и потому имѣете наклонность къ философіи, я же хочу жить и потому пью за обѣдомъ хересъ и курю сигары и все. Вотъ и все.

Дорнъ.—Надо относиться къ жизни серьезно, а лѣчиться въ 60

лѣть, жалѣть, что въ молодости мало наслаждался, это, извините, легкомысліе.

Маша (встаетъ).—Завтракать пора, должно быть. (идетъ лѣнивою, вялою походкой). Ногу отсидѣла. (уходитъ.)

Дорнъ.—Пойдетъ и передъ завтракомъ двѣ рюмочки пропуститъ.

Соринъ.—Личнаго счастья нѣтъ у бѣдняжки.

Дорнъ.—Пустое, ваше превосходительство.

Соринъ.—Вы разсуждаете, какъ сытый человѣкъ.

Аркадина.—Ахъ, что можетъ быть скучнѣе этой вотъ милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не дѣлаетъ, всѣ философствуютъ... Хорошо съ вами, друзья, пріятно васъ слушать, но... сидѣть у себя въ номерѣ и учить роль куда лучше!

Нина (восторженно).—Хорошо! Я понимаю васъ!

Соринъ.—Конечно, въ городѣ лучше. Сидишь въ своемъ кабинетѣ, лакей никого не впускаетъ безъ доклада, телефонъ... на улицѣ извозчики и все...

Дорнъ (напѣваетъ). «Разскажите вы ей, цвѣты мои»...

(Входитъ Шамраевъ, за нимъ Полина Андреевна.)

Шамраевъ.—Вотъ и наши. Добрый день! (цѣлуетъ руку у Аркадиной, потомъ у Нины.) Весьма радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи. (Аркадиной.) Жена говоритъ, что вы собираетесь сегодня ѣхать съ ней вмѣстѣ въ городъ. Это правда?

Аркадина.—Да, мы собираемся.

Шамраевъ.—Гм... Это великолѣпно, но на чемъ же вы поѣдете, многоуважаемая? Сегодня у насъ возятъ рожь, всѣ работники заняты... А на какихъ лошадяхъ, позвольте васъ спросить?

Аркадина.—На какихъ? Почемъ я знаю—на какихъ?

Соринъ.—У насъ же выѣздныя есть.

Шамраевъ (волнуясь). —Выѣздныя? А гдѣ я возьму хомуты? Гдѣ я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговѣю передъ вашимъ талантомъ, готовъ отдать за васъ десять лѣтъ жизни, но лошадей я вамъ не могу дать!

Аркадина.—Но если я должна ѣхать? Странное дѣло!

Шамраевъ.—Многоуважаемая! Вы не знаете, что значитъ хозяйство!

Аркадина (вспыливъ).—Это старая исторія. Въ такомъ случаѣ сегодня же уѣзжаю въ Москву. Прикажите нанять для меня лошадей въ деревнѣ, а то я уйду на станцію пѣшкомъ!

Шамраевъ (вспыливъ).—Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ мѣста! Ищите себѣ другого управляющаго! (уходитъ.)

Аркадина.—Каждое лѣто такъ, каждое лѣтъ меня здѣсь оскорбляютъ! Нога моя здѣсь больше не будетъ! (уходитъ влѣво, гдѣ предполагается купальня; черезъ минуту видно, какъ она проходитъ въ домъ; за ней идетъ Тригоринъ съ удочками и съ ведромъ.)

Соринъ (вспыливъ).—Это нахальство! Это чортъ знаетъ что такое! Мнѣ это надоѣло въ концѣ концовъ! Сейчасъ же подать сюда всѣхъ лошадей!

Нина (Полинѣ Андреевнѣ).—Отказать Иринѣ Николаевнѣ! Знаменитой артисткѣ! Развѣ всякое желаніе ея, даже капризъ, не важнѣе вашего хозяйства? Просто невѣроятно!

Пол. Андр. (въ отчаяніи).—Что я могу? Войдите въ мое положеніе: что я могу?

Соринъ (Нинѣ).—Пойдемте къ сестрѣ... Мы всѣ будемъ умолять ее, чтобъ она не уѣзжала. Неправда ли? (глядя по направленію, куда ушелъ Шамраевъ.) Невыносимый человѣкъ! Деспотъ!

Нина (мѣшая ему встать).—Сидите, сидите... Мы васъ довеземъ. (она и Медвѣденко катятъ кресло.) О, какъ это ужасно!

Соринъ.—Да, да, это ужасно... Но онъ не уйдетъ, я сейчасъ поговорю съ нимъ. (уходятъ; остаются только Дорнъ и Полина Андреевна.)

Дорнъ.—Люди скучны. Въ сущности слѣдовало бы вашего мужа отсюда просто въ шею, а вѣдь все кончится тѣмъ, что эта старая баба Петръ Николаичъ и его сестра попросятъ у него извиненія. Вотъ увидите.

Пол. Андр.—Онъ и выѣздныхъ лошадей послалъ въ поле. И каждый день такія недоразумѣнія. Если бъ вы знали, какъ это волнуетъ меня. Я заболѣваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости. (умоляюще) Евгеній, дорогой, ненаглядный, возьмите меня къ себѣ! Время наше уходитъ, мы уже не молоды, и хоть въ концѣ жизни намъ не прятаться, не лгать... (пауза.)

Дорнъ.—Мнѣ 55 лѣтъ. Уже поздно мѣнять свою жизнь.

Пол. Андр.—Я знаю, вы отказываете мнѣ, потому что кромѣ меня есть женщины, которыя вамъ близки. Взять всѣхъ къ себѣ невозможно. Я понимаю. Простите, я надоѣла вамъ.

(Нина показывается около дома; она рветъ цвѣты.)

Дорнъ.—Нѣтъ, ничего.

Пол. Андр.—Я страдаю отъ ревности. Конечно, вы докторъ, вамъ нельзя избѣгать женщинъ. Я понимаю.

Дорнъ. (Нинѣ, которая подходитъ) Какъ тамъ?

Нина. — Ирина Николаевна плачетъ, а у Петра Николаича астма.

Дорнъ (встаетъ).—Пойти дать обоимъ валеріановыхъ капель...

Нина (подаетъ ему цвѣты). — Извольте.

Дорнъ.—Merci bien. (идетъ къ дому.)

Пол. Андр. (идя съ нимъ).—Какіе миленькіе цвѣты! (около дома, глухимъ голосомъ) Дайте мнѣ эти цвѣты! Дайте мнѣ эти цвѣты! (получивъ цвѣты, рветъ ихъ и бросаетъ въ сторону; оба идутъ въ домъ.)

Нина (одна).— Какъ странно видѣть, что извѣстная артистка плачетъ, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимецъ публики, о немъ пишутъ во всѣхъ газетахъ, портреты его продаются, его переводятъ на иностранные языки, а онъ цѣлый день удитъ рыбу и радуется, что поймалъ двухъ голавлей. Я думала, что извѣстные люди горды, неприступны, что они презираютъ толпу и своею славой, блескомъ своего имени какъ бы мстятъ ей за то, что она выше всего ставитъ происхожденіе и богатство. Но они вотъ плачутъ, удятъ рыбу, играютъ въ карты, смѣются и сердятся, какъ всѣ... Это кажется даже странными...

Треплевъ (входитъ безъ шляпы съ ружьемъ и съ убитою чайкой). Вы одни здѣсь?

Нина.—Одна.

(Треплевъ кладетъ у ея ногъ чайку.)

Нина.—Что это значитъ?

Треплевъ.—Я имѣлъ подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у вашихъ ногъ.

Нина.—Что съ вами? (поднимаетъ чайку и глядитъ на нее.)

Треплевъ (послѣ паузы).—Скоро такимъ же образомъ я убью самого себя.

Нина.—Я васъ не узнаю.

Треплевъ. — Да, послѣ того, какъ я пересталъ узнавать васъ. Вы измѣнились ко мнѣ, вашъ взглядъ холоденъ, мое присутствіе стѣсняетъ васъ.

Нина.—Въ послѣднее время вы стали раздражительны, причивы, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И тъ эта чайка тоже, повидимому, символъ, но, простите, я не онимаю... (кладетъ чайку на скамью.) Я слишкомъ проста, чтобы понимать васъ.

Треплевъ.—Это началось съ того вечера, когда такъ глупо ювалилась моя пьеса. Женщины не прощаютъ неуспѣха. Я все жегъ, все до послѣдняго клочка... Еслибъ вы знали, какъ я не-

счастливъ! Ваше охлажденіе страшно, невѣроятно, точно я проснулся и вижу вотъ, будто это озеро вдругъ высохло, или утекло въ землю. Вы только-что сказали, что вы слишкомъ просты, чтобы понимать меня. О, что тутъ понимать? Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновеніе, уже считаете меня заурядным, ничтожнымъ, какихъ много... (топнувъ ногой.) Какъ это я хорошо понимаю, какъ понимаю! У меня въ мозгу точно гвоздь, будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ моимъ самолюбіемъ, которое сосетъ мою кровь, сосетъ, какъ змѣя... (увидѣвъ Тригорина, который идетъ, читая книжку.) Вотъ идетъ истинный талантъ; ступаетъ какъ Гамлетъ и то же съ книжкой (дразнитъ.) «Слова, слова, слова»... Это солнце еще не подошло къ вамъ, а вы уже улыбаетесь, взглядъ вашъ растаялъ въ его лучахъ. Не стану мѣшать вамъ (уходитъ быстро.)

Тригоринъ (записывая въ книжку). — Нюхаетъ табакъ и пьетъ водку. Всегда въ черномъ. Ее любитъ учитель...

Нина.—Здравствуйте, Борисъ Алексѣичъ.

Тригоринъ.—Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились такъ, что, кажется, мы сегодня уѣзжаемъ. Мы съ вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мнѣ приходится не часто встрѣчать молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ и интересныхъ, я уже забылъ и не могу себѣ ясно представить, какъ чувствуютъ себя въ 18—19 лѣтъ, и потому у меня въ повѣстяхъ и разсказахъ молодыя дѣвушки обыкновенно фальшивы. Я бы вотъ хотѣлъ хоть одинъ часъ побыть на вашемъ мѣстѣ, чтобъ узнать, какъ вы думаете, и вообще что вы за штучка.

Нина.—А я хотѣла бы побыть на вашемъ мѣстѣ.

Тригоринъ.—Зачѣмъ?

Нина.—Чтобъ узнать, какъ чувствуетъ себя извѣстный талантливый писатель. Какъ чувствуется извѣстность? Какъ вы ощущаете то, что вы извѣстны?

Тригоринъ.—Какъ? Должно быть, никакъ. Объ этомъ я никогда не думалъ (подумавъ.) Что-нибудь изъ двухъ: или вы преувеличиваете мою извѣстность, или же вообще она никакъ не ощущается.

Нина.—А если читаете про себя въ газетахъ?

Тригоринъ.—Когда хвалятъ, пріятно, а когда бранятъ, то потомъ два дня чувствуешь себя не въ духѣ.

Нина.—Чудный міръ! Какъ я вамъ завидую, если бы вы знали! Жребій людей различенъ. Одни едва влачатъ свое скучное, незамѣтное существованіе, всѣ похожіе другъ на друга, всѣ несчастные, другимъ же, какъ, напримѣръ, вамъ,—вы одинъ изъ мил-

ліона,— выпала на долю жизнь интересная, свѣтлая, полная значенія. Вы счастливы.

Тригоринъ. — Я? (пожимаетъ плечами.) Гм... Вы вотъ говорите объ извѣстности, о счастьи, о какой-то свѣтлой, интересной жизни, а для меня всѣ эти хорошія слова, простите, все равно, что мармеладъ, котораго я никогда не ѣмъ. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. —Ваша жизнь прекрасна!

Тригоринъ.—Что же въ ней особенно хорошаго? (смотритъ на часы.) Я долженъ сейчасъ идти и писать. Извините, мнѣ некогда (смѣется.) Вы, какъ говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вотъ я начинаю волноваться и немножко сердиться. Впрочемъ, давайте говорить. Будемъ говорить о моей прекрасной, свѣтлой жизни! Ну-съ, съ чего начнемъ. Бываютъ насильственныя представленія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ; и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую,—пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ, каждое мгновеніе помню, что меня въ комнатѣ ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнетъ геліотропомъ. Скорѣе мотаю на усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера! Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодятся! Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ, или удить рыбу, тутъ бы и отдохнуть, забыться,—анъ нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро—новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу и надо спѣшить опять писать и писать. И такъ всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то въ пространство, я обираю пыль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу корни. Развѣ я не сумасшедшій? Развѣ мои близкіе и знакомые держатъ себя со мной какъ со здоровымъ? «Что пописываете? Чѣмъ насъ подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мнѣ кажется, что это вниманіе знакомыхъ, похвалы, восхищеніе, что все это обманъ, меня обманываютъ, какъ больного, и я иногда боюсь, что вотъ-вотъ подкра-

дутся ко мнѣ сзади, схватятъ и повезутъ, какъ Поприщина, въ сумасшедшій домъ. А въ тѣ годы, въ молодые, лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было однимъ сплошнымъ мученіемъ. Маленькій писатель, особенно, когда ему не везетъ, кажется себѣ неуклюжимъ, неловкимъ, лишнимъ, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродитъ онъ около людей причастныхъ къ литературѣ и къ искусству, не признанный, никѣмъ не замѣчаемый, боясь прямо и смѣло глядѣть въ глаза, точно страстный игрокъ, у котораго нѣтъ денегъ. Я не видѣлъ своего читателя, но почему-то въ моемъ воображеніи онъ представлялся мнѣ не дружелюбнымъ, недовѣрчивымъ. Я боялся публики, она была страшна мнѣ, и когда мнѣ приходилось ставить свою новую пьесу, то мнѣ казалось всякій разъ, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. Какое это было мученіе!

Нина.—Позвольте, но развѣ вдохновеніе и самый процессъ творчества не даютъ вамъ высокихъ, счастливыхъ минутъ?

Тригоринъ.—Да... Когда пишу, пріятно. И корректуру читать пріятно, но... едва вышло изъ печати, какъ я не выношу, я вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе, и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... (смѣясь) А публика читаетъ. «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но «Отцы и дѣти» Тургенева лучше». И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо, мило и талантливо—больше ничего, а какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: «Здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева».

Нина.—Простите, я отказываюсь понимать васъ. Вы просто избалованы успѣхомъ.

Тригоринъ.—Какимъ успѣхомъ? Я никогда, никогда не нравился себѣ. Я не люблю себя, какъ писателя. Хуже всего, что я въ какомъ-то чаду и часто не понимаю, какъ и что я пишу. Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но, вѣдь, я не пейзажистъ только, я, вѣдь, еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч., и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ,—и въ концѣ-кон

цовъ чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и фальшивъ до мозга костей.

Нина.—Вы заработались и у васъ нѣтъ времени и охоты сознать свое значеніе. Пусть вы недовольны собой, но для другихъ вы велики и прекрасны! Если бы я была такимъ писателемъ, какъ вы, то я отдала бы толпѣ всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ея только въ томъ, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колесницѣ.

Тригоринъ.—Ну, на колесницѣ... Агамемнонъ я, что ли? (оба улыбнулись.)

Нина.—За такое счастье, какъ быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близкихъ, нужду, разочарованія; я жила бы подъ крышей и ѣла бы только ржаной хлѣбъ, страдала бы отъ недовольства собой, отъ сознанія своихъ несовершенствъ, но за то бы ужъ я потребовала славы... настоящей, шумной славы... (закрываетъ лицо руками.) Голова кружится... Уфъ!

Голосъ Аркадиной (изъ дому). Борисъ Алексѣичъ!

Тригоринъ. — Меня зовутъ. Должно быть, укладываться. (оглядывается на озеро.) Ишь, вѣдь, какая благодать! Хорошо!

Нина.—Видите на томъ берегу домъ и садъ?

Тригоринъ.—Да.

Нина.—Это усадьба моей покойной матери. Я тамъ родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на немъ каждый островокъ.

Тригоринъ.—Хорошо у васъ тутъ! (увидѣвъ чайку.) А это что?

Нина.—Чайка. Константинъ Гаврилычъ убилъ.

Тригоринъ.—Красивая птица. Право, не хочется уѣзжать. Вотъ уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась (записываетъ въ книжку.)

Нина.—Что это вы пишете?

Тригоринъ. — Такъ, записываю... Сюжетъ мелькнулъ... (пряча книжку.) Сюжетъ для небольшого разсказа: на берегу озера съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка, такая, какъ вы; любитъ она озеро, какъ чайка, и счастлива и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку.

Нина (вздрагиваетъ). — Не надо такъ. (пауза.)

(Въ окнѣ показывается Аркадина.)

Аркадина.—Борисъ Алексѣичъ, гдѣ вы?

Тригоринъ.—Сейчасъ! (идетъ и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной.) Что?

Аркадина.—Мы остаемся.

(Тригоринъ уходитъ въ домъ.)

Нина (подходитъ къ рампѣ; послѣ нѣкотораго раздумья). — Сонъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Столовая въ домѣ Сорина. Направо и налѣво двери. Буфетъ. Шкафъ съ лѣкарствами. Посреди комнаты столъ. Чемоданъ и картонки; замѣтны приготовленія къ отъѣзду. Тригоринъ завтракаетъ; Маша стоитъ у стола.

Маша.—Все это я разсказываю вамъ, какъ писателю. Можете воспользоваться. Я вамъ по совѣсти: если бы онъ ранилъ себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вотъ взяла и рѣшила: вырву эту любовь изъ своего сердца, съ корнемъ вырву.

Тригоринъ.—Какимъ же образомъ?

Маша.—Замужъ выхожу. За Медвѣденко.

Тригоринъ.—Это за учителя?

Маша.—Да.

Тригоринъ.—Не понимаю, какая надобность.

Маша.—Любить безнадежно, цѣлые годы все ждать чего-то... А какъ выйду замужъ, будетъ уже не до любви, новыя заботы заглушатъ все старое. И, все-таки, знаете ли, перемѣна... Не повторить ли намъ?

Тригоринъ.—А не много ли будетъ?

Маша.—Ну вотъ! (наливаетъ по рюмкѣ.) Вы не смотрите на меня такъ. Женщины пьютъ чаще, чѣмъ вы думаете. Меньшинство пьетъ открыто, какъ я, а большинство тайно. Да. И все водку или коньякъ. (чокается.) Желаю вамъ. Вы человѣкъ простой, жалко съ вами разставаться (пьютъ.)

Тригоринъ.—Мнѣ самому не хочется уѣзжать.

Маша.—А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригоринъ.—Нѣтъ, теперь не останется. Сынъ ведетъ себя крайне безтактно. То стрѣлялся, а теперь, говорятъ, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыркаетъ, проповѣдуетъ новыя формы. Но, вѣдь, всѣмъ хватитъ мѣста, и новымъ и старымъ,—зачѣмъ толкаться?

Маша.—Ну, и ревность. Впрочемъ, это не мое дѣло (пауза.)

(Яковъ проходитъ слѣва направо съ чемоданомъ; входитъ Нина и останавливается у окна.)

Маша.—Мой учитель не очень-то уменъ, но добрый человѣкъ и бѣднякъ, и меня сильно любитъ. Его жалко. И его мать старушку жалко. Ну-съ, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Не поминайте лихомъ (крѣпко пожимаетъ руку.) Очень вамъ благодарна за ваше доброе расположеніе. Пришлите же мнѣ ваши книжки, непремѣнно съ автографомъ. Только не пишите «многоуважаемой», а просто такъ: Марьѣ, родства не помнящей, неизвѣстно для чего живущей на этомъ свѣтѣ. Прощайте! (уходитъ.)

Нина (протягивая въ сторону Тригорина руку, сжатую въ кулакѣ).—Четъ, или не четъ?

Тригоринъ.—Четъ.

Нина (вздохнувъ). — Нѣтъ. У меня въ рукѣ только одна горошина. Я загадала: идти мнѣ въ актрисы, или нѣтъ? Хоть бы посовѣтовалъ кто.

Тригоринъ.—Тутъ совѣтовать нельзя. (пауза.)

Нина.—Мы разстаемся и... пожалуй болѣе уже не увидимся. Я прошу васъ принять отъ меня на память вотъ этотъ маленькій медальонъ. Я приказала вырѣзать ваши иниціалы... а съ этой стороны названіе вашей книжки: «Дни и ночи».

Тригоринъ.—Какъ граціозно! (цѣлуетъ медальонъ.) Прелестный подарокъ!

Нина.—Иногда вспоминайте обо мнѣ.

Тригоринъ.—Я буду вспоминать. Я буду вспоминать васъ, какою вы были въ тотъ ясный день—помните?—недѣлю назадъ, когда вы были въ свѣтломъ платьѣ... мы разговаривали; еще тогда на скамьѣ лежала бѣлая чайка.

Нина (задумчиво). — Да, чайка... (пауза.) Больше намъ говорить нельзя,—сюда идутъ... Передъ отъѣздомъ дайте мнѣ двѣ минуты, умоляю васъ... (уходитъ влѣво; одновременно входятъ справа Аркадина, Соринъ во фракѣ со звѣздой, потомъ Яковъ, озабоченный укладкой.)

Аркадина.—Оставайся-ка, старикъ, дома. Тебѣ ли съ твоимъ ревматизмомъ разъѣзжать по гостямъ? (Тригорину) Это кто сейчасъ вышелъ? Нина?

Тригоринъ.—Да.

Аркадина. — Pardon, мы помѣшали... (садится.) Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригоринъ (читаетъ на медальонѣ). «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Яковъ (убирая со стола).—Удочки тоже прикажете уложить?

Тригоринъ.—Да, онѣ мнѣ еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яковъ.—Слушаю.

Тригоринъ (про себя). —Страница 121, строки 11 и 12. Что же въ этихъ строкахъ? (Аркадиной) Тутъ въ домѣ есть мои книжки?

Аркадина.—У брата въ кабинетѣ, въ угловомъ шкафу.

Тригоринъ.—Страница 121... (уходитъ.)

Аркадина.—Право, Петруша, остался бы дома.

Соринъ.—Вы уѣзжаете, безъ васъ мнѣ будетъ тяжело дома.

Аркадина.—А въ городѣ что же?

Соринъ.—Особеннаго ничего, но все же... (смѣется.) Будетъ закладка земскаго дома и все такое. Хочется хоть на часъ-другой воспрянуть отъ этой пескариной жизни, а то очень ужъ я залежался, точно старый мундштукъ. Я приказалъ подавать лошадей къ часу, въ одно время и выѣдемъ.

Аркадина (послѣ паузы).—Ну, живи тутъ, не скучай, не простуживайся... Наблюдай за сыномъ. Береги его. Наставляй (пауза.) Вотъ уѣду, такъ и не буду знать, отчего стрѣлялся Константинъ. Мнѣ кажется, главной причиной была ревность, и чѣмъ скорѣе я увезу отсюда Тригорина, тѣмъ лучше.

Соринъ.—Какъ тебѣ сказать? Были и другія причины. Понятная вещь, человѣкъ молодой, умный, живетъ въ деревнѣ, въ глуши, безъ денегъ, безъ положенія, безъ будущаго... Никакихъ занятій... Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и онъ ко мнѣ привязанъ, но все же въ концѣ-концовъ ему кажется, что онъ лишній въ домѣ, что онъ тутъ нахлѣбникъ, приживалъ... Понятная вещь, самолюбіе.

Аркадина.—Горе мнѣ съ нимъ! (въ раздумьи.) Поступить бы ему на службу, что ли...

Соринъ (насвистываетъ, потомъ нерѣшительно).—Мнѣ кажется, было бы самое лучшее, еслибъ ты... дала ему немного денегъ. Прежде всего ему нужно одѣться по-человѣчески и все. Посмотри, одинъ и тотъ же сюртучишко онъ таскаетъ три года, ходитъ безъ пальто... (смѣется.) Да и погулять малому не мѣшало бы... Поѣхать за границу, что ли... Это, вѣдь, не дорого стόитъ.

Аркадина.—Все-таки. Пожалуй, на костюмъ я еще могу, но чтобъ за границу... Нѣтъ, въ настоящее время и на костюмъ не могу. (рѣшительно.) Нѣтъ у меня денегъ!

(Соринъ смѣется.)

Аркадина.—Нѣтъ!

Соринъ (насвистываетъ.)—Такъ-съ. Прости, милая, не сердись... Я тебѣ вѣрю. Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина (сквозь слезы).—Нѣтъ у меня денегъ!

Соринъ.—Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы самъ далъ ему, но у меня ничего нѣтъ, ни пятачка. (смѣется.) Всю мою пенсію у меня забираетъ управляющій и тратитъ на земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадаютъ даромъ. Пчелы дохнутъ, коровы дохнутъ, лошадей мнѣ никогда не даютъ...

Аркадина.—Да, у меня есть деньги, но, вѣдь, я—артистка; одни туалеты разорили совсѣмъ.

Соринъ.—Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мной что-то того... (пошатывается.) Голова кружится. (держится за столъ.) Мнѣ дурно и все.

Аркадина.—Петруша! (стараясь поддержать его.) Петруша, дорогой мой... (кричитъ.) Помогите мнѣ! Помогите!

(входятъ Треплевъ съ темною повязкой на головѣ и Медвѣденко.)

Аркадина.—Ему дурно!

Соринъ.—Ничего, ничего... (улыбается и пьетъ воду.) Уже прошло... и все.

Треплевъ (матери). — Не пугайся, мама, это не опасно. Съ дядей теперь это часто бываетъ. (дядѣ) Тебѣ, дядя, надо полежать.

Соринъ.—Немножко, да... А все-таки въ городъ я поѣду... Полежу и поѣду... Понятная вещь. (идетъ, опираясь на трость.)

Медвѣденко (ведетъ его подъ руку).—Есть загадка: утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ.

Соринъ (смѣется). — Именно. А ночью на спинѣ. Благодарю васъ, я самъ могу идти.

Медвѣденко.—Ну вотъ, церемоніи! (онъ и Соринъ уходятъ.)

Аркадина.—Какъ онъ меня напугалъ!

Треплевъ.—Ему нездорово жить въ деревнѣ. Тоскуетъ. Вотъ еслибъ ты, мама, вдругъ расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-двѣ, то онъ могъ бы прожить въ городѣ цѣлый годъ.

Аркадина.—У меня нѣтъ денегъ. Я—актриса, а не банкирша. (пауза).

Треплевъ.—Мама, перемѣни мнѣ повязку. Ты это хорошо дѣлаешь.

Аркадина (достаетъ изъ аптечнаго шкафа іодоформъ и ящикъ съ перевязочнымъ матеріаломъ.) — А докторъ опоздалъ.

Треплевъ.—Обѣщалъ быть къ десяти, а уже полдень.

Аркадина.—Садись. (снимаетъ у него съ головы повязку.) Ты какъ въ чалмѣ. Вчера даже одинъ пріѣзжій спрашивалъ на кухнѣ, какой ты національности. А у тебя почти совсѣмъ зажило. Остались самые пустяки. (цѣлуетъ его въ голову.) А ты безъ меня опять не сдѣлаешь чикъ-чикъ?

Треплевъ.—Нѣтъ, мама. То была минута безумнаго отчаянія, когда я не могъ владѣть собой. Больше это не повторится. (цѣлуетъ ей руку.) У тебя золотыя руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сценѣ,—я тогда былъ маленькимъ,—у насъ во дворѣ была драка, сильно побили жилицу прачку. Помнишь? Ее подняли безъ чувствъ... ты все ходила за ней, носила лѣкарства, мыла въ корытѣ ея дѣтей... Неужели не помнишь?

Аркадина.—Нѣтъ. (накладываетъ новую повязку.)

Треплевъ.—Двѣ балерины жили тогда въ томъ же домѣ, гдѣ и мы... Ходили къ тебѣ кофе пить.

Аркадина.—Это помню.

Треплевъ.—Богомольныя онѣ такія была. (пауза.) Въ послѣднее время, вотъ въ эти дни, я люблю тебя такъ же нѣжно и беззавѣтно, какъ въ дѣтствѣ. Кромѣ тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачѣмъ, зачѣмъ между мной и тобой сталъ этотъ человѣкъ?

Аркадина.—Ты не понимаешь его, Константинъ. Это благороднѣйшая личность.

Треплевъ.—Однако, когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помѣшало ему сыграть труса. Уѣзжаетъ. Позорное бѣгство!

Аркадина.—Какой вздоръ! Я сама увожу его сегодня. Наша близость, конечно, не можетъ тебѣ нравиться, но ты уменъ и интеллегентенъ, я имѣю право требовать отъ тебя, чтобы ты уважалъ мою свободу.

Треплевъ.—Я уважаю твою свободу, но и ты позволь мнѣ быть свободнымъ и относиться къ этому человѣку, какъ я хочу. Благороднѣйшая личность! Вотъ мы съ тобой почти ссоримся изъ-за него, а онъ теперь гдѣ-нибудь въ гостиной, или въ саду смѣется надо мной и надъ тобой, развиваетъ Нину, старается окончательно убѣдить ее, что онъ геній.

Аркадина.—Для тебя наслажденіе говорить мнѣ непріятности. Я уважаю этого человѣка и прошу при мнѣ не выражаться о немъ дурно.

Треплевъ.—А я не уважаю. Ты хочешь, чтобъ я тоже считалъ его геніемъ, но, прости, я лгать не умѣю; отъ его произведеній мнѣ претитъ.

Аркадина.—Это зависть. Людямъ не талантливымъ, но съ претензіями ничего больше не остается, какъ порицать настоящіе таланты. Нечего сказать, утѣшеніе!

Треплевъ (иронически.)—Настоящіе таланты! (гнѣвно.) Я талант-

ливѣе васъ всѣхъ, коли на то пошло! (срываетъ съ головы повязку.) Вы, рутинеры, захватили первенство въ искусствѣ и считаете законнымъ и настоящимъ лишь то, что дѣлаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я васъ! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина.—Декадентъ!

Треплевъ.—Отправляйся въ свой милый театръ и играй тамъ въ жалкихъ, бездарныхъ пьесахъ!

Аркадина.—Никогда я не играла въ такихъ пьесахъ. Оставь меня! Ты и жалкаго водевиля написать не въ состояніи! Кіевскій мѣщанинъ! Приживалъ!

Треплевъ.—Скряга!

Аркадина.—Оборвышъ!

(Треплевъ садится и тихо плачетъ.)

Аркадина.—Ничтожество! (пройдясь въ волненіи.) Не плачь. Не нужно плакать... (плачетъ.) Не надо... (цѣлуетъ его въ лобъ, въ щеки, въ голову.) Милое мое дитя, прости... Прости свою грѣшную мать. Прости меня несчастную.

Треплевъ. (обнимаетъ ее). Еслибъ ты знала! Я все потерялъ. Она меня не любитъ, я уже не могу писать... пропали всѣ надежды.

Аркадина.—Не отчаивайся... Все обойдется. Я сейчасъ увезу его, она опять тебя полюбитъ. (утираетъ ему слезы.) Будетъ. Мы уже помирились.

Треплевъ (цѣлуетъ ей руку.) Да, мама.

Аркадина (нѣжно). — Помирись и съ нимъ... Не надо дуэли... Вѣдь, не надо?

Треплевъ.—Хорошо. Только, мама, позволь мнѣ не встрѣчаться съ нимъ. Мнѣ это тяжело... выше силъ. (входитъ Тригоринъ.) Вотъ... Я выйду... (быстро убираетъ въ шкафъ лѣкарства.) А повязку ужо докторъ сдѣлаетъ.

Тригоринъ (ищетъ въ книжкѣ).—Страница 121... строки 11 и 12... Вотъ... (читаетъ:) «Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

(Треплевъ подбираетъ съ полу старую повязку и уходитъ).

Аркадина (поглядѣвъ на часы).—Скоро лошадей подадутъ.

Тригоринъ (про себя). — Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Аркадина.—У тебя, надѣюсь, все уже уложено?

Тригоринъ (нетерпѣливо). — Да, да... (въ раздумьи). Отчего въ томъ призывѣ чистой души послышалась мнѣ печаль и мое сердце къ болѣзненно сжалось? Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя

жизнь, то приди и возьми ее. (Аркадиной.) Останемся еще на одинъ день!

(Аркадина отрицательно качаетъ головой.)

Тригоринъ.—Останемся!

Аркадина.—Милый, я знаю, что удерживаетъ тебя здѣсь. Но имѣй власть надъ собой. Ты немного опьянѣлъ, отрезвись.

Тригоринъ.—Будь ты тоже трезва, будь умна, разсудительна, умоляю тебя, взгляни на все это какъ истинный другъ... (жметъ ей руку.) Ты способна на жертву... Будь моимъ другомъ, отпусти меня.

Аркадина (въ сильномъ волненіи). — Ты такъ увлеченъ?

Тригоринъ.—Меня манитъ къ ней! Быть можетъ, это именно то, что мнѣ нужно.

Аркадина.—Любовь провинціальной дѣвочки? О, какъ ты мало себя знаешь!

Тригоринъ.—Иногда люди спятъ на ходу, такъ вотъ я говорю съ тобой, а самъ будто сплю и вижу ее во снѣ... Мной овладѣли сладкія, дивныя мечты. Отпусти!

Аркадина (дрожа).—Нѣтъ, нѣтъ... Я обыкновенная женщина, со мной нельзя говорить такъ... Не мучай меня, Борисъ! Мнѣ страшно.

Тригоринъ.—Если захочешь, ты можешь быть необыкновенной. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая въ міръ грёзъ—на землѣ только она одна можетъ дать счастье! Такой любви я не испыталъ еще... Въ молодости было некогда, я обивалъ пороги редакцій, боролся съ нуждой... Теперь вотъ она, эта любовь, пришла, наконецъ, манитъ... Какой же смыслъ бѣжать отъ нея!

Аркадина (съ гнѣвомъ).—Ты сошелъ съ ума!

Тригоринъ.—И пускай.

Аркадина. — Вы всѣ сговорились сегодня мучить меня. (плачетъ.)

Тригоринъ (беретъ себя за голову). — Не понимаетъ! Не хочетъ понять!

Аркадина.—Неужели я уже такъ стара и безобразна, что со мной можно, не стѣсняясь, говорить о другихъ женщинахъ? (обнимаетъ его и цѣлуетъ.) О, ты обезумѣлъ! Мой прекрасный, дивный... Ты послѣдняя страница моей жизни! (становится на колѣни.) Моя радость, моя гордость, мое блаженство... (обнимаетъ ему колѣни.) Если ты покинешь меня хотя на одинъ часъ, то я не переживу, сойду съ ума, мой изумительный, великолѣпный... мой повелитель.

Тригоринъ.—Сюда могутъ войти. (помогаетъ ей встать.)

Аркадина.—Пусть, я не стыжусь моей любви къ тебѣ! (цѣлуетъ ему руки.) Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... (смѣется.) Ты мой, ты мой... И этотъ лобъ мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковые волосы—тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучшій изъ всѣхъ теперешнихъ писателей, единственная надежда Россіи... У тебя столько искренности, простоты, свѣжести, здороваго юмора... Ты можешь однимъ штрихомъ передать главное, что характерно для лица, или пейзажа, люди у тебя какъ живые. О, тебя нельзя читать безъ восторга! Ты думаешь, это фиміамъ? Я льщу? Ну, посмотри мнѣ въ глаза... посмотри... Похожа ли я на лгунью? Вотъ и видишь, я одна умѣю цѣнить тебя, одна говорю тебѣ правду, мой милый, чудный... Поѣдемъ, да? Ты меня не покинешь?

Тригоринъ.—У меня нѣтъ своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный,—неужели это можетъ нравиться женщинѣ? Бери меня, увози, но только не отпускай отъ себя ни на шагъ.

Аркадина (про себя). — Теперь онъ мой! (развязно, какъ ни въ чемъ не бывало.) Впрочемъ, если хочешь, можешь остаться. Я уѣду сама, а ты пріѣдешь потомъ, черезъ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ, куда тебѣ спѣшить?

Тригоринъ.—Нѣтъ, ужъ поѣдемъ вмѣстѣ.

Аркадина.—Какъ хочешь. Вмѣстѣ такъ вмѣстѣ. (пауза.)

(Тригоринъ записываетъ въ книжкѣ).

Аркадина.—Что ты?

Тригоринъ.—Утромъ слышалъ хорошее выраженіе... «Дѣвичій боръ...» Пригодится. (потягивается.) Значитъ, ѣхать? Опять вагоны, станціи, буфеты, отбивныя котлеты, разговоры...

Шамраевъ (входитъ).—Имѣю честь съ прискорбіемъ заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ѣхать на станцію; поѣздъ приходитъ въ два и пять минутъ. Такъ вы же, Ирина Николаевна, сдѣлайте милость, не забудьте навести справочку: гдѣ теперь актеръ Суздальцевъ? Живъ ли? Здоровъ ли? Вмѣстѣ пивали когда-то... Въ «Ограбленной почтѣ» игралъ неподражаемо. Съ нимъ тогда, помню, въ Елизаветградѣ служилъ трагикъ Измайловъ, тоже личность замѣчательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минутъ еще можно. Разъ въ одной мелодрамѣ они играли заговорщиковъ и, когда ихъ вдругъ накрыли, то надо было сказать: «Мы попали въ западню», а Измайловъ: — «Мы попали въ запендю». (хохочетъ.) Запендю.

(Пока онъ говоритъ, Яковъ хлопочетъ около чемодановъ; горничная приноситъ

Аркадиной шляпу, манто, зонтикъ, перчатки; всѣ помогаютъ Аркадиной одѣться. Изъ лѣвой двери выглядываетъ поваръ, который немного погодя входитъ нерѣшительно.)

(Входятъ Полина Андреевна, потомъ Соринъ и Медвѣденко.)

Пол. Андр. (съ корзиночкой). — Вотъ вамъ сливъ на дорогу... Очень сладкія... Можетъ, захотите полакомиться.

Аркадина.—Вы очень добры, Полина Андреевна.

Пол. Андр.—Прощайте, моя дорогая. Если что было не такъ, то простите. (плачетъ.)

Аркадина (обнимаетъ ее.) — Все было хорошо, все было хорошо. Только вотъ плакать не нужно.

Пол. Андр.—Время наше уходитъ!

Аркадина.—Что же дѣлать!

Соринъ (въ пальто съ пелериной, въ шляпѣ, съ палкой выходитъ изъ лѣвой двери; проходя черезъ комнату.) Сестра, пора, какъ бы не опоздать въ концѣ-концовъ. Я иду уже садиться. (уходитъ.)

Медвѣденко.—А я пойду пѣшкомъ на станцію... проводить... Я живо... (уходитъ.)

Аркадина.—До свиданья, мои дорогіе... Если будемъ живы и здоровы, лѣтомъ опять увидимся. (Горничная, Яковъ и поваръ цѣлуютъ у нея руку.) Не забывайте меня. (подаетъ повару рубль.) Вотъ вамъ рубль на троихъ.

Поваръ.—Покорнѣйше благодаримъ, барыня. Счастливой вамъ дороги. Много вами довольны.

Яковъ.—Дай Богъ часъ добрый!

Шамраевъ.—Письмецомъ бы осчастливили! Прощайте, Борисъ Алексѣичъ!

Аркадина.—Гдѣ Константинъ? Скажите ему, что я уѣзжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихомъ! (Якову). Я дала рубль повару. Это на троихъ.

(Всѣ уходятъ. Сцена пуста. За сценой шумъ, какой бываетъ, когда провожаютъ Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами и опять уходитъ.)

Тригоринъ (возвращаясь).—Я забылъ свою трость. Она, кажется, тамъ, на террасѣ. (идетъ и у лѣвой двери встрѣчается съ Ниной, которая входитъ.) Это вы... мы уѣзжаемъ.

Нина.—Я чувствовала, что мы еще увидимся. (возбужденно). Борисъ Алексѣичъ, я рѣшила безповоротно, жребій брошенъ, я поступаю на сцену! Завтра меня уже не будетъ здѣсь, я ухожу отъ отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уѣзжаю, какъ и вы... въ Москву. Мы увидимся тамъ.

Тригоринъ (оглянувшись). — Остановитесь въ Славянскомъ Базарѣ... Дайте мнѣ тотчасъ же знать... Молчановка, домъ Грохольскаго... Я тороплюсь... (пауза.)

Нина.—Еще одну минуту...

Тригоринъ (вполголоса). — Вы такъ прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся! (она склоняется къ нему на грудь.) Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нѣжную улыбку... Эти кроткія черты, выраженіе ангельской чистоты... Дорогая моя... (продолжительный поцѣлуй.)

Занавѣсъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Одна изъ гостиныхъ въ домѣ Сорина, обращенная Константиномъ Треплевымъ въ рабочій кабинетъ. Направо и налѣво двери, ведущія во внутренніе покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кромѣ обычной гостинной мебели, въ правомъ углу письменный столъ, около лѣвой двери турецкій диванъ, шкафъ съ книгами, книги на окнахъ, на стульяхъ. Вечеръ. Горитъ одна лампа подъ колпакомъ. Полумракъ. Слышно, какъ шумятъ деревья и воетъ вѣтеръ въ трубахъ. Стучитъ сторожъ.

Медвѣденко и Маша входятъ.

Маша (окликаетъ).—Константинъ Гаврилычъ! Константинъ Гаврилычъ! (осматриваясь.) Нѣтъ никого. Старикъ каждую минуту все спрашиваетъ, гдѣ Костя, гдѣ Костя... Жить безъ него не можетъ.

Медвѣденко. — Боится одиночества. (прислушиваясь.) Какая ужасная погода! Это уже вторыя сутки.

Маша (припускаетъ огня въ лампѣ). На озерѣ волны. Громадныя.

Медвѣденко.—Въ саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали въ саду тотъ театръ. Стоитъ голый, безобразный, какъ скелетъ, и занавѣска отъ вѣтра хлопаетъ. Когда я вчера вечеромъ проходилъ мимо, то мнѣ показалось, будто кто въ немъ плакалъ.

Маша.—Ну, вотъ... (пауза.)

Медвѣденко.—Поѣдемъ, Маша, домой!

Маша (качаетъ отрицательно головой).—Я здѣсь останусь ночевать.

Медвѣденко (умоляюще). — Маша, поѣдемъ! Нашъ ребеночекъ небось голодаетъ!

Маша.—Пустяки. Его Матрена покормитъ. (пауза.)

Медвѣденко.—Жалко... Уже третью ночь безъ матери.

Маша.—Скучный ты сталъ. Прежде бывало хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенокъ, домой, ребенокъ, домой,—и больше отъ тебя ничего не услышишь.

Медвѣденко.—Поѣдемъ, Маша!

Маша.—Поѣзжай самъ.

Медвѣденко.—Твой отецъ не дастъ мнѣ лошади.

Маша.—Дастъ. Ты попроси, онъ и дастъ.

Медвѣденко.—Пожалуй, попрошу. Значитъ, ты завтра пріѣдешь?

Маша (нюхаетъ табакъ).—Ну, завтра. Присталъ...

(Входятъ Треплевъ и Полина Андреевна; Треплевъ принесъ подушки и одѣяло, а Полина Андреевна постельное бѣлье; кладутъ на турецкій диванъ, затѣмъ Треплевъ идетъ къ своему столу и садится.)

Маша.—Зачѣмъ это, мама?

Полина Андр.—Петръ Николаевичъ просилъ постлать ему у Кости.

Маша.—Давайте я. (постилаетъ постель.)

Полина Андр. (вздохнувъ).—Старый, что малый. (подходитъ къ письменному столу и, облокотившись, смотритъ въ рукопись; пауза.)

Мевѣденко.—Такъ я пойду. Прощай, Маша. (цѣлуетъ у жены руку.) Прощайте, мамаша. (хочетъ поцѣловать руку у тещи.)

Полина Андр. (досадливо).—Ну! Иди съ Богомъ.

Медвѣденко.—Прощайте, Константинъ Гаврилычъ. (Треплевъ молча подаетъ руку; Медвѣденко уходитъ.)

Полина Андр. (глядя въ рукопись).—Никто не думалъ и не гадалъ, что изъ васъ, Костя, выйдетъ настоящій писатель. А вотъ, слава Богу, и деньги стали вамъ присылать изъ журналовъ (проводитъ рукой по его волосамъ.) И красивый сталъ... Милый Костя, хорошій, будьте поласковѣй съ моей Машенькой!

Маша (постилая). — Оставьте его, мама.

Полина Андр. (Треплеву). —Она славненькая. (пауза.) Женщинѣ, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себѣ знаю.

(Треплевъ встаетъ изъ-за стола и молча уходитъ.)

Маша.—Вотъ и разсердили. Надо было приставать!

Полина Андр.—Жаль мнѣ тебя, Машенька!

Маша.—Очень нужно!

Полина Андр.—Сердце мое за тебя переболѣло. Я, вѣдь, все вижу, все понимаю.

Маша.—Все глупости. Безнадежная любовь—это только въ романахъ. Пустяки. Не нужно распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Разъ въ сердцѣ завелась любовь, надо ее вонъ... Вотъ обѣщали перевести мужа въ другой уѣздъ. Какъ переѣдемъ туда, все забуду... съ корнемъ изъ сердца вырву.

(Черезъ двѣ комнаты играютъ меланхолическій вальсъ.)

Полина Андр.—Костя играетъ. Значитъ, тоскуетъ.

Маша (дѣлаетъ безшумно два-три тура вальса). — Главное, мама, пе-

редъ глазами не видѣть. Только бы дали моему Семену переводъ, а тамъ, повѣрьте, въ одинъ мѣсяцъ забуду. Пустяки все это.

(Открывается лѣвая дверь; Дорнъ и Медвѣденко катятъ въ креслѣ Сорина).

Медвѣденко.—У меня теперь въ домѣ шестеро. А мука семь гривенъ пудъ.

Дорнъ.—Вотъ тутъ и вертись.

Медвѣденко.—Вамъ хорошо смѣяться. Денегъ у васъ куры не клюютъ.

Дорнъ.—Денегъ? За тридцать лѣтъ практики, мой другъ, безпокойной практики, когда я не принадлежалъ себѣ ни днемъ, ни ночью, мнѣ удалось скопить только двѣ тысячи, да и тѣ я прожилъ недавно за границей. У меня ничего нѣтъ.

Маша (мужу).—Ты не уѣхалъ?

Медвѣденко (виновато). — Что-жъ? Когда не даетъ лошади!

Маша (съ горькой досадой, вполголоса).—Глаза бы мои тебя не видѣли!

(Кресло останавливается; Полина Андреевна, Маша и Дорнъ садятся возлѣ, Медвѣденко, опечаленный, отходитъ въ сторону.)

Дорнъ.— Сколько у васъ перемѣнъ однако! Изъ гостиной сдѣлали кабинетъ.

Маша.—Здѣсь Константину Гаврилычу удобнѣе работать. Онъ можетъ, когда угодно, выходить въ садъ и тамъ думать.

(Стучитъ сторожъ.)

Соринъ.—Гдѣ сестра?

Дорнъ.—Поѣхала на станцію встрѣчать Тригорина. Сейчасъ вернется.

Соринъ.—Если вы нашли нужнымъ выписать сюда сестру, значитъ, я опасно боленъ. (помолчавъ.) Вотъ исторія, я опасно боленъ, а между тѣмъ мнѣ не даютъ никакихъ лѣкарствъ.

Дорнъ. — А чего вы хотите? Валеріановыхъ капель? Соды? Хины?

Соринъ.—Ну, начинается философія. О, что за наказаніе! (кивнувъ головой на диванъ.) Это для меня?

Полина Андр.—Для васъ, Петръ Николаичъ.

Соринъ.—Благодарю васъ.

Дорнъ (напѣваетъ). — «Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ»...

Соринъ.—Вотъ хочу дать Костѣ сюжетъ для повѣсти. Она должна называться такъ: «Человѣкъ, который хотѣлъ». «L'homme, qui a voulu». Въ молодости когда-то хотѣлъ я сдѣлаться литераторомъ и не сдѣлался; хотѣлъ красиво говорить—и говорилъ отвра-

тительно... (дразнитъ себя.) — и все, «и все такое, того, не того»... И бывало резюме везешь, везешь, даже въ потъ ударитъ; хотѣлъ жениться—и не женился; хотѣлъ всегда жить въ городѣ и вотъ кончаю свою жизнь въ деревнѣ и все.

Дорнъ.—Хотѣлъ стать дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и сталъ.

Соринъ (смѣется).—Къ этому я не стремился. Это вышло само собой.

Дорнъ.—Выражать недовольство жизнью въ 62 года, согласитесь, это не великодушно.

Соринъ.—Какой упрямецъ! Поймите, жить хочется!

Дорнъ.—Это легкомысліе. По законамъ природы всякая жизнь должна имѣть конецъ.

Соринъ.—Вы разсуждаете какъ сытый человѣкъ. Вы сыты и потому равнодушны къ жизни, вамъ все равно. Но умирать и вамъ будетъ страшно.

Дорнъ.—Страхъ смерти—животный страхъ. Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только вѣрующіе въ вѣчную жизнь, которымъ страшно бываетъ своихъ грѣховъ. А вы, во-первыхъ, невѣрующій, во-вторыхъ—какіе у васъ грѣхи? Вы 25 лѣтъ прослужили по судебному вѣдомству—только всего.

Соринъ (смѣется). —28 лѣтъ.

(Входитъ Треплевъ и садится на скамеечкѣ у ногъ Сорина; Маша все время не отрываетъ отъ него глазъ.)

Дорнъ.—Мы мѣшаемъ Константину Гаврилычу работать.

Треплевъ.—Нѣтъ, ничего. (пауза.)

Медвѣденко (Дорну). — Позвольте васъ спросить, докторъ, какой городъ за границей вамъ больше понравился?

Дорнъ.—Генуя.

Треплевъ.—Почему Генуя?

Дорнъ.—Тамъ превосходная уличная толпа. Когда вечеромъ выходишь изъ отеля, то вся улица бываетъ запружена народомъ. Движешься потомъ въ толпѣ безъ всякой цѣли, туда-сюда, по ломанной линіи, живешь съ ней вмѣстѣ, сливаешься съ ней психически и начинаешь вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ возможна одна міровая душа, вродѣ той, которую когда-то въ вашей пьесѣ играла Нина Зарѣчная. Кстати, гдѣ теперь Зарѣчная? Гдѣ она и какъ?

Треплевъ.—Должно быть, здорова.

Дорнъ.—Мнѣ говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь... Въ чемъ дѣло?

Треплевъ.—Это, докторъ, длинная исторія.

Дорнъ.—А вы покороче. (пауза.)

Треплевъ.—Она убѣжала изъ дому и сошлась съ Тригоринымъ. Это вамъ извѣстно.

Дорнъ.—Знаю.

Треплевъ.—Былъ у нея ребенокъ. Ребенокъ умеръ. Тригоринъ разлюбилъ ее и вернулся къ своимъ прежнимъ привязанностямъ, какъ и слѣдовало ожидать. Впрочемъ, онъ никогда не покидалъ прежнихъ, а по безхарактерности какъ-то ухитрялся и тутъ и тамъ. Насколько я могъ понять изъ того, что мнѣ извѣстно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорнъ.—А сцена?

Треплевъ.—Кажется, еще хуже. Дебютировала она подъ Москвою въ дачномъ театрѣ, потомъ уѣхала въ провинцію. Тогда я не упускалъ ея изъ виду и нѣкоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большія роли, но играла грубо, безвкусно, съ завываніями, съ рѣзкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Дорнъ.—Значитъ, все-таки, есть талантъ?

Треплевъ.—Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видѣлъ, но она не хотѣла меня видѣть и прислуга не пускала меня къ ней въ номеръ. Я понималъ ея настроеніе и не настаивалъ на свиданіи. (пауза.) Что же вамъ еще сказать? Потомъ я, когда уже вернулся домой, получалъ отъ нея письма. Письма умныя, теплыя, интересныя; она не жаловалась, но я чувствовалъ, что она глубоко несчастна: что ни строчка, то больной, натянутый нервъ. И воображеніе немного разстроено. Она подписывалась Чайкой. Въ *Русалкѣ* мельникъ говоритъ, что онъ воронъ, такъ она въ письмахъ все повторяла, что она Чайка. Теперь она здѣсь.

Дорнъ.—То-есть какъ здѣсь?

Треплевъ.—Въ городѣ, на постояломъ дворѣ. Уже дней пять, какъ живетъ тамъ въ номерѣ. Я было поѣхалъ къ ней, и вотъ Марья Ильинишна ѣздила, но она никого не принимаетъ. Семенъ Семенычъ увѣряетъ, будто вчера послѣ обѣда видѣлъ ее въ полѣ, въ двухъ верстахъ отсюда.

Медвѣденко.—Да, я видѣлъ. Шла въ ту сторону, къ городу. Я поклонился, спросилъ, отчего не идетъ къ намъ въ гости. Она сказала, что придетъ.

Треплевъ.—Не придетъ она. (пауза.) Отецъ и мачиха не хотятъ ее знать. Вездѣ разставили сторожей, чтобы даже близко не подпускать ея къ усадьбѣ. (отходитъ съ докторомъ къ письменному столу.)

Какъ легко, докторъ, быть философомъ на бумагѣ и какъ это трудно на дѣлѣ!

Соринъ.—Прелестная была дѣвушка.

Дорнъ.—Что-съ?

Соринъ.—Прелестная, говорю, была дѣвушка. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ былъ даже въ нее влюбленъ нѣкоторое время.

Дорнъ.—Старый ловеласъ.

(Слышенъ смѣхъ Шамраева.)

Полина Андр.—Кажется, наши пріѣхали со станціи.

Треплевъ.—Да, я слышу маму.

(Входятъ Аркадина, Тригоринъ, за ними Шамраевъ.)

Шамраевъ (входя).—Мы всѣ старѣемъ, вывѣтриваемся подъ вліяніемъ стихій; а вы, многоуважаемая, все еще молоды. Свѣтлая кофточка, живость... грація.

Аркадина.—Вы опять хотите сглазить меня, скучный человѣкъ!

Тригоринъ (Сорину).—Здравствуйте, Петръ Николаевичъ! Что это вы все хвораете? Не хорошо. (увидѣвъ Машу, радостно.) Марья Ильинишна!

Маша.—Узнали? (жметъ ему руку.)

Тригоринъ.—Замужемъ?

Маша.—Давно.

Тригоринъ. —Счастливы? (раскланивается съ Дорномъ и съ Медвѣденко, потомъ нерѣшительно подходитъ къ Треплеву.) Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гнѣваться.

(Треплевъ протягиваетъ ему руку.)

Аркадина (сыну).—Вотъ Борисъ Алексѣичъ привезъ журналъ съ твоимъ новымъ разсказомъ.

Треплевъ (принимая книгу, Тригорину). — Благодарю васъ. Вы очень любезны. (садятся.)

Тригоринъ.—Вамъ шлютъ поклонъ ваши почитатели. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ вообще заинтересованы вами и меня все спрашиваютъ про васъ. Спрашиваютъ: какой онъ, сколько лѣтъ, брюнетъ или блондинъ. Думаютъ всѣ почему-то, что вы уже не молоды. И никто не знаетъ вашей настоящей фамиліи, такъ какъ вы печатаетесь подъ псевдонимомъ. Вы таинственны, какъ Желѣзная Маска.

Треплевъ.—Надолго къ намъ?

Тригоринъ.—Нѣтъ, завтра же думаю въ Москву. Надо. То-

роплюсь кончить повѣсть, и затѣмъ еще обѣщалъ дать что-нибудь въ сборникъ. Однимъ словомъ, старая исторія.

(Пока они разговариваютъ, Аркадина и Полина Андреевна ставятъ среди комнаты ломберный столъ и раскрываютъ его; Шамраевъ зажигаетъ свѣчи, ставитъ стулья. Достаютъ изъ шкафа лото.)

Тригоринъ.—Погода встрѣтила меня не ласково. Вѣтеръ жестокій. Завтра утромъ, если утихнетъ, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати надо осмотрѣть садъ и то мѣсто, гдѣ—помните?—играли вашу пьесу. У меня созрѣлъ мотивъ, надо только возобновить въ памяти мѣсто дѣйствія.

Маша (отцу).—Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой!

Шамраевъ (дразнитъ).—Лошадь... домой... (строго.) Сама видѣла: сейчасъ посылали на станцію. Не гонять же опять.

Маша.—Но, вѣдь, есть другія лошади. (видя, что отецъ молчитъ, машетъ рукой.) Съ вами связываться...

Медвѣденко.—Я, Маша, пѣшкомъ пойду! Право...

Полина Андр. (вздохнувъ).—Пѣшкомъ въ такую погоду (садится за ломберный столъ.) Пожалуйте, господа!

Медвѣденко.—Вѣдь, всего только шесть верстъ... Прощай! (цѣлуетъ женѣ руку.) Прощайте, мамаша. (Теща не хотя протягиваетъ ему для поцѣлуя руку.) Я бы никого не безпокоилъ, но... ребеночекъ. (кланяется всѣмъ.) Прощайте. (уходитъ; походка виноватая.)

Шамраевъ.—Небось, дойдетъ. Не генералъ.

Полина Андр. (стучитъ по столу).—Пожалуйте, господа. Не будемъ терять времени, а то скоро ужинать позовутъ. (Шамраевъ и Дорнъ садятся за столъ.)

Аркадина (Тригорину).—Когда наступаютъ длинные осенніе вечера, здѣсь играютъ въ лото. Вотъ смотрите: старинное лото, въ которое еще играла съ нами покойная мать, когда мы были дѣтьми. Не хотите ли до ужина сыграть съ нами партію? (садится съ Тригоринымъ за столъ.) Игра скучная, но если привыкнуть къ ней, то ничего. (сдаетъ всѣмъ по три карты.)

Треплевъ (перелистывая журналъ).—Свою повѣсть прочелъ, а моей даже и не разрѣзалъ. (кладетъ журналъ на письменный столъ, потомъ направляется къ лѣвой двери; проходя мимо матери, цѣлуетъ ее въ голову.)

Аркадина.—А ты, Костя?

Треплевъ.—Прости, что-то не хочется... Я пройдусь. (уходитъ.)

Аркадина.—Ставка—гривенникъ. Поставьте за меня, докторъ.

Дорнъ.—Слушаю-съ.

Маша.—Всѣ поставили? Я начинаю. Двадцать два.

Аркадина.—Есть.

Маша.—Три!

Дорнъ.—Такъ-съ.

Маша.—Поставили три? Восемь! Восемдесятъ одинъ! Десять!

Шамраевъ.—Не спѣши.

Аркадина.—Какъ меня въ Харьковѣ принимали, батюшки мои, до сихъ поръ голова кружится!

Маша.—Тридцать четыре!

(За сценой играютъ меланхолическій вальсъ.)

Аркадина.—Студенты овацію устроили... Три корзины, два вѣнка и вотъ... (снимаетъ съ груди брошь и бросаетъ на столъ.)

Шамраевъ.—Да, это вещь...

Маша.—Пятьдесятъ.

Дорнъ.—Ровно пятьдесятъ?

Аркадина.—На мнѣ былъ удивительный туалетъ... Что-что, а ужъ одѣться я не дура.

Полина Андр.—Костя играетъ. Тоскуетъ бѣдный.

Шамраевъ.—Въ газетахъ бранятъ его очень.

Маша.—Семьдесятъ семь!

Аркадина.—Охота обращать вниманіе!

Тригоринъ.—Ему не везетъ. Все никакъ не можетъ попасть въ свой настоящій тонъ. Что-то странное, неопредѣленное, порой даже похожее на бредъ. Ни одного живого лица.

Маша.—Одиннадцать!

Аркадина (оглянувшись на Сорина). — Петруша, тебѣ скучно? (пауза.) Спитъ.

Дорнъ.—Спитъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Маша.—Семь. Девяносто.

Тригоринъ.—Еслибъ я жилъ въ такой усадьбѣ, у озера, то развѣ я сталъ бы писать? Я поборолъ бы въ себѣ эту страсть и только и дѣлалъ бы, что удилъ рыбу.

Маша.—Двадцать восемь.

Тригоринъ.—Поймать ерша или окуня — это такое блаженство!

Дорнъ.—А я вѣрю въ Константина Гаврилыча. Что-то есть. Что-то есть! Онъ мыслитъ образами, разсказы его красочны, ярки, и я ихъ сильно чувствую. Жаль только, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ задачъ. Производитъ впечатлѣніе и больше ничего, а, вѣдь, на одномъ впечатлѣніи далеко не уѣдешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у васъ сынъ писатель?

Аркадина.—Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша.—Двадцать шесть.

(Треплевъ тихо входитъ и идетъ къ своему столу.)

Шамраевъ (Тригорину.)—А у насъ, Борисъ Алексѣичъ, осталась ваша вещь.

Тригоринъ.—Какая?

Шамраевъ.—Какъ-то Константинъ Гаврилычъ застрѣлилъ чайку, и вы поручили мнѣ заказать изъ нея чучело.

Тригоринъ.—Не помню! (раздумывая.) Не помню!

Маша.—Шестьдесятъ шесть! Одинъ!

Треплевъ (распахиваетъ окно, прислушивается).—Какъ темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое безпокойство!

Аркадина.—Костя, закрой окно, а то дуетъ.

(Треплевъ закрываетъ окно.)

Маша.—Восемьдесятъ восемь!

Тригоринъ.—У меня партія, господа!

Аркадина (весело).—Браво! Браво!

Шамраевъ.—Браво!

Аркадина.—Этому человѣку всегда и вездѣ везетъ. (встаетъ). А теперь пойдемте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обѣдала сегодня. Послѣ ужина будемъ продолжать. (сыну). Костя, оставь свои рукописи, пойдемъ ѣсть!

Треплевъ.—Не хочу, мама, я сытъ.

Аркадина.—Какъ знаешь. (будитъ Сорина.) Петруша, ужинать! (беретъ Шамраева подъ руку.) Я разскажу вамъ, какъ меня принимали въ Харьковѣ. (Полина Андреевна тушитъ на столѣ свѣчи, потомъ она и Дорнъ катятъ кресло. Всѣ уходятъ въ лѣвую дверь; на сценѣ остается одинъ Треплевъ.)

Треплевъ (сидя за письменнымъ столомъ, собирается писать; пробѣгаетъ то, что уже написано).—Я такъ много говорилъ о новыхъ формахъ, а теперь чувствую, что самъ мало-по-малу сползаю къ рутинѣ. (читаетъ:) «Афиша на заборѣ гласила... Блѣдное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно. (зачеркиваетъ). Начну съ того, какъ героя разбудилъ шумъ дождя, а стальное все вонъ. Описаніе луннаго вечера длинно и изысканно. Григоринъ выработалъ себѣ пріемы, ему легко... У него на плотинѣ блеститъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса,—вотъ и лунная ночь готова, а у меня и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки рояля, замирающіе въ тихомъ, ароматномъ воздухѣ... Это мучительно. (пауза.) Да, я все больше и больше прихожу къ убѣжденію, что дѣло

не въ старыхъ и не въ новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ, не думая ни о какихъ формахъ, пишетъ, потому что это свободно льется изъ его души. (Кто-то стучитъ въ окно, ближайшее къ столу.) Что такое? (глядитъ въ окно.) Ничего не видно... (отворяетъ стеклянную дверь и смотритъ въ садъ.) Кто-то пробѣжалъ внизъ по ступенямъ. (окликаетъ). Кто здѣсь? (уходитъ; слышно, какъ онъ быстро идетъ по терасѣ; черезъ полминуты возвращается съ Ниной Зарѣчной). Нина! Нина!

(Нина кладетъ ему голову на грудь и сдержанно рыдаетъ.)

Треплевъ (растроганный.)—Нина! Нина! Это вы, вы?... Я точно предчувствовалъ, весь день душа моя томилась ужасно... (снимаетъ съ нея шляпу и тальму.) О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будемъ плакать, не будемъ...

Нина.—Здѣсь есть кто-то.

Треплевъ.—Никого.

Нина.—Заприте двери, а то войдутъ.

Треплевъ.—Никто не войдетъ.

Нина.—Я знаю, Ирина Николаевна здѣсь. Заприте двери.

Треплевъ (запираетъ правую дверь на ключъ; подходитъ къ лѣвой). — Тутъ нѣтъ замка. Я заставлю кресломъ. (ставитъ у двери кресло.) Не бойтесь, никто не войдетъ.

Нина (пристально глядитъ ему въ лицо). Дайте, я посмотрю на васъ. (оглядываясь.) Тепло, хорошо... Здѣсь тогда была гостиная. Я сильно измѣнилась?

Треплевъ.—Да... Вы похудѣли и у васъ глаза стали больше. Нина, какъ-то странно, что я вижу васъ. Отчего вы не пускали меня къ себѣ? Отчего вы до сихъ поръ не приходили? Я знаю, вы здѣсь живете уже почти недѣлю. Я каждый день ходилъ къ вамъ по нѣскольку разъ, я стоялъ у васъ подъ окнами, какъ нищій.

Нина.—Я боялась, что вы меня ненавидите. Мнѣ каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Еслибъ вы знали! Съ самаго пріѣзда я все ходила тутъ... около озера. Около вашего дома была много разъ и не рѣшалась войти. Давайте сядемъ. (садятся.) Сядемъ и будемъ говорить, говорить... Хорошо здѣсь, тепло, уютно... Слышите: вѣтеръ? У Тургенева есть мѣсто: «Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголъ». Я чайка. Нѣтъ, не то... (третъ себѣ лобъ.) О чемъ я? Да... Тургеневъ... «И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!» Ничего... (судорожно рыдаетъ.)

Треплевъ.—Нина, вы опять... Нина!

Нина.—Ничего, мнѣ легче отъ этого. Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечеромъ я пошла посмотрѣть въ саду, цѣлъ

ли нашъ театръ. А онъ до сихъ поръ стоитъ. Я заплакала въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ и у меня отлегло, стало яснѣе на душѣ. Видите, я уже не плачу. (беретъ его за руку.) Итакъ, вы стали уже писателемъ... Вы писатель, я актриса. Попали и мы съ вами въ круговоротъ. Жила я радостно, по-дѣтски,—проснешься утромъ и запоешь,—любила васъ, мечтала о славѣ, а теперь? Завтра рано утромъ ѣхать въ Елецъ, въ третьемъ классѣ... съ мужиками, а въ Ельцѣ образованные купцы будутъ приставать съ любезностями. Груба жизнь!

Треплевъ.—Зачѣмъ въ Елецъ?

Нина.—Взяла ангажементъ на всю зиму. Пора ѣхать.

Треплевъ.—Нина, я проклиналъ васъ, ненавидѣлъ, рвалъ ваши письма и фотографіи, но каждую минуту я сознавалъ, что душа моя привязана къ вамъ на вѣки. Разлюбить васъ я не въ силахъ, Нина. Съ тѣхъ поръ, какъ я потерялъ васъ и какъ началъ печататься, жизнь для меня невыносима, я страдаю... Молодость мою вдругъ какъ оторвало и мнѣ кажется, что я уже прожилъ на свѣтѣ девяносто лѣтъ. Я зову васъ, цѣлую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрѣлъ, всюду мнѣ представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая свѣтила мнѣ въ лучшіе годы моей жизни...

Нина (растерянно). — Зачѣмъ онъ такъ говоритъ, зачѣмъ онъ такъ говоритъ?

Треплевъ.—Я одинокъ, не согрѣтъ ничьей привязанностью, мнѣ холодно, какъ въ подземельи, и что бы я ни писалъ, все это сухо, черство, мрачно. Останьтесь Нина, умоляю васъ, или позвольте мнѣ уѣхать съ вами.

(Нина быстро надѣваетъ шляпу и тальму.)

Треплевъ.—Нина, зачѣмъ? Бога ради, Нина... (смотритъ, какъ она одѣвается. Пауза.)

Нина.—Лошади мои стоятъ у калитки. Не провожайте, сама дойду. (сквозь слезы.) Дайте воды.

Треплевъ (даетъ ей напиться.)—Вы куда теперь?

Нина.—Въ городъ. (пауза.) Ирина Николаевна здѣсь?

Треплевъ.—Да. Въ четвергъ дядѣ было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она пріѣхала.

Нина.—Зачѣмъ вы говорите, что цѣловали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. (склоняется къ столу.) Я такъ утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть. (подымаетъ голову.) Я—чайка... Не то. Я—актриса. Ну, да. (услышавъ смѣхъ Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потомъ бѣжитъ къ лѣвой двери и смотритъ въ замочную скважину.) И онъ

здѣсь... (возвращаясь къ Трепяеву.) Ну да... Ничего... Да. Онъ не вѣрилъ въ театръ, все смѣялся надъ моими мечтами и мало-по-малу я тоже перестала вѣрить и пала духомъ... А тутъ заботы любви, ревность, постоянный страхъ за маленькаго... Я стала мелочной, ничтожной, играла безсмысленно... Я не знала, что дѣлать съ руками, не умѣла стоять на сценѣ, не владѣла голосомъ. Вы не понимаете этого состоянія, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я—чайка. Нѣтъ, не то. Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для небольшого разсказа. Это не то. (третъ себѣ лобъ.) О чемъ я? Я говорю о сценѣ. Теперь ужъ я не такъ. Я уже настоящая актриса, я играю съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, пьянѣю на сценѣ и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здѣсь, я все хожу пѣшкомъ, все хожу и думаю, думаю и чувствую, какъ съ каждымъ днемъ растутъ мои душевныя силы. Я теперь знаю, понимаю, Костя, что въ нашемъ дѣлѣ,—все равно играемъ мы на сценѣ, или пишемъ,—главное не слава, не блескъ, не то, о чемъ я мечтала, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй. Я вѣрую и мнѣ не такъ больно, и когда я думаю о своемъ призваніи, то не боюсь жизни.

Треплевъ (печально).—Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь въ хаосѣ грезъ и образовъ, не зная, для чего и кому это нужно. Я не вѣрую и не знаю, въ чемъ мое призваніе.

Нина (прислушиваясь).—Тссс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большой артисткой, пріѣзжайте взглянуть на меня. Обѣщаете? А теперь... (жметъ ему руку.) уже поздно. Я еле на ногахъ стою... я истощена, мнѣ хочется кушать.

Треплевъ.—Останьтесь, я вамъ дамъ поужинать..

Нина.—Нѣтъ, нѣтъ... Не провожайте, я сама дойду. Лошади мои близко... Значитъ, она привезла его съ собой? Что-жъ, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего. Я люблю его. Я люблю его даже сильнѣе, чѣмъ прежде. Сюжетъ для небольшого разсказа. Люблю, люблю страстно, до отчаянія люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какія чувства, чувства, похожія на нѣжные, изящные цвѣты! Помните? (читаетъ) Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ,—словомъ, всѣ жизни, всѣ жизни, всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли... Уже тысячи вѣковъ, какъ земля не но-

ситъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь. На лугу уже не просыпаются съ крикомъ журавли, и майскихъ жуковъ не бываетъ слышно въ липовыхъ рощахъ... (обнимаетъ порывисто Треплева и убѣгаетъ въ стеклянную дверь.)

Треплевъ (послѣ паузы.)—Не хорошо, если кто-нибудь встрѣтитъ ее въ саду и потомъ скажетъ мамѣ. Это можетъ огорчить маму... (въ продолженіе двухъ минутъ молча рветъ всѣ свои рукописи и бросаетъ подъ столъ, потомъ отпираетъ правую дверь и уходитъ.)

Дорнъ (стараясь отворить лѣвую дверь.) — Странно... Дверь какъ будто заперта... (входитъ и ставитъ кресло на мѣсто). Скачка съ препятствіями.

(Входятъ Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яковъ съ бутылками и Маша, потомъ Шамраевъ и Тригоринъ.)

Аркадина.—Красное вино и пиво для Бориса Алексѣича ставьте сюда, на столъ. Мы будемъ играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андр. (Якову).—Сейчасъ же подавай и чай. (зажигаетъ свѣчи, садится за ломберный столъ.)

Шамраевъ (подводитъ Тригорина къ шкафу).—Вотъ вещь, о которой я давеча говорилъ... (достаетъ изъ шкафа чучело чайки.)—Вашъ заказъ.

Тригоринъ (глядя на чайку).—Не помню! (подумавъ.) Не помню!

(Направо за сценой выстрѣлъ; всѣ вздрагиваютъ.)

Аркадина (испуганно).—Что такое?!

Дорнъ.—Ничего. Это, должно быть, въ моей походной аптекѣ что-нибудь лопнуло. Не безпокойтесь. (уходитъ въ правую дверь, черезъ полминуты возвращается.) Такъ и есть. Лопнула склянка съ эѳиромъ. (напѣваетъ.) «Я вновь предъ тобою стою очарованъ»...

Аркадина (садясь за столъ).—Фуй, я испугалась. Это мнѣ напомнило, какъ... (закрываетъ лицо руками.) Даже въ глазахъ потемнѣло...

Дорнъ (перелистывая журналъ, Тригорину).—Тутъ мѣсяца два назадъ была напечатана одна статья... письмо изъ Америки, и я хотѣлъ васъ спросить, между прочимъ... (беретъ Тригорина за талію отводитъ къ рампѣ), такъ какъ я очень интересуюсь этимъ вопросомъ... (тономъ ниже, въ полголоса.) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гаврилычъ застрѣлился...

Занавѣсъ.

Антонъ Чеховъ.

СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА.

(Разсказъ).

Ежели вамъ случалось когда-нибудь, въ ожиданіи лошадей, сидѣть по нѣскольку часовъ на какой-нибудь захолустной почтовой станціи, то вы поймете, конечно, что именно переживалъ я, сидя на станціи Рамзай. Лошади были всѣ въ разгонѣ и приходилось ждать ихъ возращенія. Тоска была подавляющая. Отъ скуки я пилъ раза два чай, перечиталъ всѣ развѣшанныя по стѣнамъ предписанія, распоряженія и циркуляры, ложился на жесткій, обитый кожею, диванъ, познакомился съ семействомъ смотрителя, жившимъ тутъ же за перегородкой, пилъ и съ нимъ чай, а потомъ снова принимался за чтеніе циркуляровъ. Выйти на улицу было невозможно, ибо дождь лилъ какъ изъ ведра и грязь стояла непролазная. Этотъ дождь тоскливо стучалъ по небольшимъ окнамъ станціи, катился по стекламъ, словно слезы по щекамъ плачущаго, и нагонялъ хандру. Въ передней комнатѣ, въ которой помѣщалась канцелярія смотрителя, тоскливо тикали стѣнные часы, а подъ окномъ выла продрогшая собака. Это было въ концѣ іюля. Часы пробили девять часовъ вечера. Наконецъ, возвратилась какая-то тройка и добродушный смотритель, старичокъ лѣтъ пятидесяти, объявилъ мнѣ, что теперь «часочка черезъ три» онъ отпуститъ меня.

— Неужели черезъ три?

— А какъ же иначе то, сударь: надо накормить лошадокъ, напоить... Ближе трехъ невозможно. Извольте-ка взглянуть,—прибавилъ онъ, ласково поглядывая на меня посверхъ старинныхъ серебряныхъ очковъ, съѣхавшихъ на конецъ носа, указывая пальцемъ на одно изъ предписаній,—извольте-ка посмотрѣть, сколько на кормежку-то полагается.

Я повѣрилъ ему на слово и читать предписанія не сталъ. Наконецъ стемнѣло. Смотритель принесъ крошечную керосиновую

лампу и поставилъ ее на столъ передъ диваномъ. Мгновенно всѣ углы комнаты наполнились мракомъ, а на потолкѣ надъ лампой задрожало круглое свѣтлое пятно.

— Все веселѣе съ лампочкой-то, — проговорилъ смотритель и съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на меня, прибавивъ: — на грѣхъ и газеты всѣ порастаскали... Иной разъ сколько времени валяются.

— А много черезъ вашу станцію выписываютъ газетъ? — спросилъ я.

— Достаточно-съ... *Московскій Листокъ*, *Новости Дня*, а больше всего *Ниву*-съ и *Лучъ*. Этотъ самый *Лучъ* за послѣднее время очень ходко пошелъ. Всѣ одобряютъ.

Прошло еще съ полчаса. Я лежалъ вытянувшись на диванѣ, подложивъ подъ голову руки, и молча слѣдилъ за свѣтлымъ кругомъ на потолкѣ. За перегородкой кричалъ проснувшійся грудной ребенокъ и мать шишикала, стараясь его укачать. Вдругъ подъ окномъ станціи раздалось глухое теньтеньканье колокольчика и шлепанье по грязи нѣсколькихъ лошадиныхъ ногъ, а немного погодя чей-то хриплый голосъ кричалъ уже въ передней:

— Лошадей живо!...

— А гдѣ бы я ихъ взялъ, сударь? — послышался голосъ смотрителя, — всѣ въ разгонѣ-съ.

— Самъ запрягайся.

— Устарѣлъ, сударь, не вывезу, пожалуй.

— Ну-ну, не разговаривай!

— Я не разговариваю, а докладываю, что нѣтъ лошадей.

— Врешь.

— Одна тройка только что вернулась, да и ту давнымъ-давно ждетъ проѣзжающій по казенной надобности.

— Кто такой?

По шелесту бумаги я догадался, что смотритель показывалъ ему мою подорожную.

— Ба, ба, ба! — загремѣлъ голосъ пріѣхавшаго, и онъ быстро влетѣлъ въ комнату, въ которой я лежалъ на диванѣ. — Боже мой! — продолжалъ онъ, раскрывая объятія, — кого я вижу!... узнаешь?

Я вскочилъ съ дивана, но лампа освѣщала только туловище вошедшаго, тогда какъ лицо его тонуло во мракѣ.

— Узнаешь?

— Я лица не вижу.

Пріѣхавшій быстро подбѣжалъ къ лампѣ и снялъ съ нея колпакъ.

— Ну, узнаешь теперь? — спросилъ онъ, захохотавъ.

— Ардабьевъ! — вскрикнулъ я не безъ удовольствія, узнавъ въ пріѣхавшемъ своего знакомаго, съ которымъ давно не встрѣчался.

— Онъ самый.

И быстро подбѣжавъ ко мнѣ, онъ принялся обнимать меня.

— Какими судьбами? откуда? куда?—продолжалъ онъ, тиская меня въ своихъ объятіяхъ и пачкая меня грязью, покрывавшей его платье;—вотъ сюрпризъ-то! Ахъ, душа моя! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... И вдругъ гдѣ же?... Ну, разсказывай же... разсказывай же... Какъ живешь?... Какъ дѣла?

Но разсказывать мнѣ не пришлось, ибо, усадивъ меня на диванъ и помѣстившись рядомъ со мной, Ардабьевъ продолжалъ безостановочно говорить, похлопывая меня по плечу.

— Знаю, знаю, напередъ знаю!... Урожай отличный, превосходная рожь, овесъ, пшеница, просо, горохъ, а цѣнъ никакихъ и никакого спроса,—словно весь родъ людской пересталъ жрать и питается воздухомъ!... Одна и та же пѣсня повсюду. Проценты не внесены, пени, штрафы, публикаціи о продажѣ имѣній и прочія прелести въ этомъ родѣ. Мужики за землю не платятъ, пьянствуютъ, воруютъ... Правда, вѣдь, правда?... У тебя имѣніе заложено?... Ну да, да, конечно... Чего же я спрашиваю? У кого же теперь имѣется не заложенное имѣніе? Ха-ха-ха! Вѣдь, заложено?

— Заложено.

— Ну да, да. Вѣдь, я же знаю, душа моя, — энергически колотя себя въ грудь кулакомъ, продолжалъ Ардабьевъ,—очень хорошо знаю по себѣ всю эту канитель... Вѣдь, это общее бѣдствіе. Общій вопль истерзанныхъ душъ... Отняли крестьянъ и отняли кредитъ... Понимаешь ли—отняли!... Потому что опекунскаго совѣта давно не существуетъ... Но, Боже мой, гдѣ же нѣтъ ошибокъ?

И вдругъ, обратясь къ смотрителю, смиренно стоявшему у притолки и со вниманіемъ слушавшаго трескучую болтовню Ардабьева, вскрикнулъ:

— Такъ нѣтъ лошадей?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Когда же будутъ?

— Да Богъ знаетъ. Сами изволите видѣть, каковы пути-то... Всѣхъ лошадей порѣзали.

— Меня ты зарѣзалъ, а не лошадей—вотъ что, другъ любезный!—перебилъ его Ардабьевъ, вставая съ дивана.

— И радъ бы радостью, сударь...—бормоталъ смотритель.

— Ну, коли такъ,—кричалъ Ардабьевъ протягивая смотрите-

лю руку,—стаскивай съ меня пальто! Ну, тащи, тащи за рукавъ-то... Вотъ такъ, молодчина!... А теперь повѣсь это пальто гдѣ-нибудь поближе къ печкѣ и постарайся, чтобъ оно просохло.

— А самоварчикъ поставить прикажете, сударь?

— И думать не смѣй! Понимаешь ли, не смѣй! Потому что съ этого самаго чая у меня только животъ пухнетъ.

И обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Представь, не могу.

— Что же ты пьешь?—спросилъ я.

— Кофе, непремѣнно кофе, и затѣмъ все, кромѣ чернилъ. Кстати: не хочешь ли коньяку? Прелестный, старый коньякъ.

И, не дождавшись моего отвѣта, приказывалъ уже смотрителю принести коньякъ.

— Тамъ подъ козлами,—кричалъ онъ,—ты увидишь погребецъ, его и тащи сюда. Не могу, братецъ, — продолжалъ онъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ,—не могу... До сихъ поръ еще вожу съ собой погребецъ. Этотъ русскій традиціонный погребецъ, съ которыми ѣзжали наши добрые и богатые отцы и дѣды. Помнишь Сологубовскій «Тарантасъ»?... Да, да... хорошее было время, хорошее... И такъ: тащи сюда погребецъ!—командовалъ онъ смотрителю,—а за труды я дамъ тебѣ рюмку коньяку.

Смотритель направился было къ двери, но Ардабьевъ остановилъ его:

— Да!—воскликнулъ онъ,— постой!... И забылъ совсѣмъ: тамъ, въ тарантасѣ, у меня пьяный купецъ лежитъ. Такъ ты возьми двухъ мужиковъ и перетащи его куда-нибудь въ избу. Пусть проспится.

— Слушаю-съ.

— Онъ спитъ, но ты постарайся разбудить его.

— Слушаю-съ.

Смотритель вышелъ, Ардабьевъ опять подсѣлъ ко мнѣ и, свертывая папиросу, кричалъ на всю комнату:

— Нельзя, дружище, нельзя!... Прежде всего надо быть практичнымъ... Жаль только, что немножко поздно я уразумѣлъ это... Но,—прибавилъ онъ, закуривая папиросу:—лучше поздно, чѣмъ никогда. La pratique s'acquit par le temps et l'experience. Рано или поздно мы всѣ придемъ къ этой практичности. Практичность прежде всего... Это я по поводу этого пьянаго купца говорю,—пояснилъ онъ, дружески хлопая меня по плечу.—Цѣлый мѣсяцъ поилъ я его. Понимаешь ли—цѣлый мѣсяцъ!... И вотъ добился-таки: ..чялъ у него десять тысячъ... И вотъ теперь чувствую себя какъ

нельзя лучше. Положимъ, проценты анаѳемскіе, но я утѣшаю себя тѣмъ, что онъ никогда ихъ не получитъ—ни процентовъ, ни капитала. Ты, можетъ, скажешь, что я увеличу этимъ свой долгъ?

— Развѣ ты такъ нуждаешься въ деньгахъ?—спросилъ я.

— А ты развѣ въ нихъ не нуждаешься?—вскрикнулъ онъ, растопыривъ руки.—Голубчикъ, да ты мнѣ назови хоть одного человѣка, который бы не нуждался въ деньгахъ и который не былъ бы въ долгу... Помилуй! мужикъ въ долгу, купецъ въ долгу, про нашего брата-дворянина—нечего и толковать: наша пѣсенка спѣта... Села въ долгу, города въ долгу, да и само государство!

— Что же ты намѣренъ дѣлать съ этими деньгами?—перебилъ я его.

— Дѣла ликвидировать.

— А занимаешь?

— И еще займу,—подхватилъ Ардабьевъ, ударивъ кулакомъ по столу:—ежели подвернется какой-нибудь дуракъ, который повѣритъ мнѣ... Бумажникъ мой будетъ полонъ, а тогда—сдѣлайте милость продавайте все, что вамъ будетъ угодно. Я обезпеченъ... Ну, что же дѣлать? Вѣдь, надо же подчиняться необходимости... Понимаешь ли: il faut s'accommoder aux choses, quand les choses ne s'accommodent point à nous. Вещь извѣстная... Что же остается дѣлать? Сложить руки и умирать... Понимаешь ли! Застой повсюду. Все умерло и спитъ крѣпкимъ сномъ.

И вдругъ, какъ-то откинувшись на спинку дивана, онъ провелъ рукой по своимъ прекраснымъ чернымъ съ просѣдью волосамъ и, закрывъ глаза, прибавилъ:

— А помнишь нашу молодость? Нашу свѣтлую, идеальпую молодость? Сколько радужныхъ надеждъ, святыхъ вѣрованій, стремленій къ чему-то хорошему и честному... Да,—вскрикнулъ онъ, вздохнувъ:—жизнь меня надула самымъ ехиднѣйшимъ образомъ... Все пропало! И кто бы могъ это предвидѣть? По крайней мѣрѣ я самъ лично—никогда... Все мнѣ было дано: богатство, красивая наружность, происхожденіе, образованіе, родство, связи... И куда все это дѣвалось? Куда, куда? Даже жена... Вѣдь, ты зналъ ее, кажется?... Даже и эта святая безупречная женщина—и та улетучилась, какъ какое-то видѣніе, какъ какой-то сонъ, пролетѣвшій и исчезнувшій.

— Вѣдь, ты, кажется, развелся съ нею?

— Сохрани меня Богъ!... Въ наше время дѣйствительно всѣ разводятся... Это даже въ моду вошло, но я человѣкъ, поклоняющійся старымъ идоламъ, старымъ, надъ которыми теперь смѣют-

ся, какъ смѣются хамы надъ прежними своими господами... Нѣтъ, мы просто разошлись друзьями. Я до сихъ поръ люблю ее и до сихъ поръ готовъ молиться на нее... Да и нельзя не молиться, потому что это женщина святая, не отъ міра сего, мадонна. Именно мадонна, передъ которой надо стоять колѣнопреклоненнымъ и украшать цвѣтами и вѣнками, какъ украшаютъ мадоннъ въ Италіи... Я ничтожество передъ нею, грязное и жалкое ничтожество... И вотъ даже эта-то мадонна не спасла меня, какъ не спасли меня ни мои связи, ни мое родство, ни мое происхожденіе... Да, братецъ,— прибавилъ онъ,—жизнь передѣлываетъ людей по-своему: одного такъ, а другого иначе... Но я все-таки изрѣдка встрѣчаюсь съ женой. Она неподалеку отсюда живетъ, въ своемъ имѣніи, доставшемся ей отъ отца.

— А ты?

— А я въ своемъ, въ сосѣдней губерніи, въ селѣ Ардабьевѣ, которое я еще не успѣлъ прожить, какъ сумѣлъ прожить всѣ остальныя.

— И которое, конечно, проживешь?—замѣтилъ я.

— Никогда!—вскрикнулъ онъ.—Правда, имѣніе это малодоходное, но за то тамъ покоится прахъ моихъ родителей и дѣдовъ, а ихъ гробницы для меня дороже всего на свѣтѣ.

Однако, позвольте васъ познакомить съ Ардабьевымъ. Я зналъ его еще очень молодымъ человѣкомъ, только-что кончившимъ университетъ. Это былъ очень красивый и изящный юноша, образованный, воспитанный, говорившій по-французски, какъ французъ и по-нѣмецки, какъ нѣмецъ, недурно игравшій на фортепьяно, очень мило распѣвавшій чувствительные романсы и шикарно исполнявшій цыганскія пѣсни. Это былъ человѣкъ общественный, постоянно вращавшійся въ обществѣ. Служилъ онъ чѣмъ-то при губернаторѣ, но это не мѣшало ему состоять въ то же время секретаремъ въ какихъ-то благотворительныхъ дамскихъ комитетахъ. Дамы были въ восторгѣ отъ своего элегантнаго секретаря, а секретарь—отъ благотворительныхъ дамъ. Онъ постоянно участвовалъ въ благотворительныхъ концертахъ и спектакляхъ. На концертахъ онъ распѣвалъ, бывшіе тогда въ большой модѣ, романсы Пауфлера, а на спектакляхъ исполнялъ роль jeune premier, но могъ исполнять и комическія, ибо былъ въ то же время и хорошій комикъ. Правда, онъ очень подражалъ московскимъ артистамъ Малаго театра, но хорошее подражаніе нисколько не хуже слабаго творчества. Вообще Ардабьевъ былъ великій театралъ и, будучи еще студентомъ, очень часто посѣщалъ московскій театръ, былъ пріятельски

знакомъ съ нѣкоторыми артистами и артистками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль и въ средѣ этой считался какъ бы своимъ человѣкомъ. Онъ участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, бывшихъ въ то время въ большомъ ходу, и пытался изобразить даже Гамлета, серьезно изучилъ эту роль, много читалъ по этому поводу, пересмотрѣлъ всѣхъ лучшихъ исполнителей Гамлета, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, — но почему-то попытку эту въ исполненіе не привелъ; за то Хлестакова и Чацкаго исполнялъ неоднократно и съ большимъ успѣхомъ. Онъ былъ также великій танцоръ и на благотворительныхъ концертахъ, постоянно завершавшихся танцами, танцовалъ до упаду. Это былъ очень богатый молодой человѣкъ, почему и считался завиднымъ женихомъ. Однако, о женитьбѣ онъ, кажется, помышлялъ меньше всего, такъ какъ предпочиталъ водить дружбу съ наѣздницами цирка, съ кордебалетною мелюзгой, а въ особенности съ цыганками. Однажды онъ даже цѣлое лѣто провелъ въ цыганскомъ таборѣ и цѣлую зиму блуждалъ съ этимъ таборомъ по разнымъ городамъ и ярмаркамъ. Говорили даже, что эти скитанія обошлись ему очень дорого, но самъ Ардабьевъ никогда со мной объ этомъ не говорилъ. Разъ только, разболтавшись какъ-то подъ веселую руку, онъ довольно живо и характерно описалъ мнѣ прелести цыганской жизни и вообще увлекательность цыганскихъ обычаевъ и нравовъ. Почти каждое лѣто онъ ѣздилъ за границу, посѣщалъ всѣ модные курорты, купался въ разныхъ моряхъ, объѣдался устрицами и никакъ не могъ миновать Ниццы, а въ особенности Монте-Карло; онъ увѣрялъ, что чуть не сорвалъ тамошній банкъ, что выигралъ тамъ массу денегъ, но на повѣрку вышло, что онъ не только ничего не выигралъ, но даже проигрался настолько, что ему пришлось продать одно изъ своихъ имѣній.

Родителей своихъ онъ лишился рано, когда былъ въ университетѣ, почему надъ нимъ и было учреждено попечительство. Попечителя онъ выбралъ самъ по собственному желанію какого-то князя, фамилію котораго я забылъ, но помню хорошо, что какого-то промотавшагося. Попечительство это кончилось тѣмъ, что попечитель свои дѣлишки нѣсколько поправилъ, а дѣла Ардабьева ухудшились. Ардабьевъ былъ взбѣшенъ такимъ гнуснымъ поступкомъ, хотѣлъ было предать князя суду, но князь расплакался, и Ардабьевъ сжалился надъ нимъ и махнулъ на это дѣло рукой. Онъ только обругалъ князя и прервалъ съ нимъ всякое знакомство. Однако, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла, Ардабьевъ порѣшилъ лично отправиться въ свое село Ардабьево и заняться хозяйствомъ.

Хозяйство это началось съ того, что онъ выстроилъ предестный псарный дворъ, развелъ собакъ, какъ гончихъ, такъ и борзыхъ, накупилъ верховыхъ лошадей и нанялъ цѣлую ораву разныхъ борзятниковъ, выжлятниковъ и доѣзжачихъ, съ которыми и проохотился всю осень.

Въ одну изъ такихъ-то охотъ онъ какъ-то познакомился съ своимъ сосѣдомъ маіоромъ Купріяновымъ, мелкимъ землевладѣльцемъ и мелкотравчатымъ охотникомъ. Маіоръ этотъ очень понравился Адрабьеву, во-первыхъ,—потому, что былъ въ душѣ охотникъ, а, во-вторыхъ и потому, что маленькое имѣньице Купріянова бросалось въ глаза царившимъ въ немъ порядкомъ. И дѣйствительно маіоръ былъ хорошій хозяинъ: у него все было въ порядкѣ. Крошечный домикъ его о пяти окнахъ, крытый черепицей, смотрѣлъ такъ уютно и такъ привѣтливо, что на него любо было поглядѣть. Домикъ этотъ переднимъ своимъ фасадомъ былъ обращенъ въ садъ, а заднимъ на обширный дворъ, кругомъ обнесенный разными хозяйственными постройками. У маіора было примѣрное скотоводство, овцеводство и даже былъ маленькій конный заводъ. Садъ содержался въ большомъ порядкѣ: яблони были постоянно обмотыжены, окопаны, весь сушникъ вырѣзанъ, а про поля и говорить нечего. Поля эти постоянно удабривались, а земля раздѣлывалась такъ, какъ рѣдко раздѣлывается земля въ огородахъ. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что у маіора не было неурожаевъ, и что гумно его было всегда заставлено скирдами хлѣба.

Ардабьевъ довольно часто посѣщалъ маіора и, наконецъ, предложилъ ему принять въ свое завѣдываніе его имѣніе, но маіоръ и слышать не хотѣлъ: онъ ссылался на свою старость, на свое нездоровье; но, когда къ маіору пріѣхала его дочь, только что кончившая курсъ въ Смольномъ, дѣвушка лѣтъ семнадцати, моloденькая и хорошенькая, и когда Ардабьевъ, по уши въ нее влюбившійся, сдѣлалъ ей предложеніе, то дѣла приняли другой оборотъ: маіоръ благословилъ молодыхъ влюбленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и согласился управлять имѣніями Ардабьева.

Свадьбу они сыграли очень скромно, а послѣ вѣнца молодая чета тотчасъ же отправилась въ Италію. Тамъ они наняли очень скромную виллу возлѣ Сорента, наняли витурино, на которомъ и совершали свои экскурсіи по Италіи: побывавъ, конечно, въ Римѣ и въ Неаполѣ. Въ Римѣ они участвовали въ карнавалѣ, видѣли папу во время Пасхальнаго богуслуженія въ соборѣ Петра, осмотрѣли всѣ римскія достопримѣчательности: музеи, галлереи, библіотеки, побывали въ катакомбахъ, а серебряныя лунныя ночи непремѣн-

но проводили въ колизеѣ. Будучи въ Неаполѣ, они всходили на Везувій и чуть не у самаго кратера восхищались его изверженіемъ. Увидавъ все это, Клавдія Борисовна (такъ звали жену Ардабьева) пришла въ неописанный восторгъ:

— И всѣмъ этимъ,—говорила она, крѣпко пожимая руку мужу,—я обязана тебѣ, милый, дорогой мой, тебѣ одному...

Лѣто они провели на Рейнѣ въ Рюдесгеймѣ (тогда это было еще герцогство Нассауское), совершая безпрестанныя поѣздки то въ Висбаденъ, то въ Эмсъ, то въ Кёльнъ. У нихъ даже была своя лодка, на которой они и разъѣзжали вдвоемъ по Рейну. Они осмотрѣли всѣ рейнскія развалины, перечитали всѣ рейнскія легенды, побывали въ Шафгаузенѣ, обошли виноградники Іоханисберга, Нероталя и даже имѣли честь представляться герцогу Нассаускому во время его пребыванія въ его лѣтней резиденціи, Биберихѣ.

Молодая чета пришла въ восторгъ и отъ своего пребыванія на Рейнѣ. Они прожили тамъ до глубокой осени, а съ наступленіемъ зимы возвратились въ Россію—въ село Ардабьево, порѣшивъ будущее лѣто провести въ Швейцаріи, а зиму въ Италіи. Однако, привести въ исполненіе это рѣшеніе имъ не пришлось, такъ какъ Клавдія Борисовна, разрѣшившись отъ бремени сыномъ, пожелала сама кормить его и остаться въ Россіи. Ардабьевъ былъ въ восторгѣ. Онъ торжественнѣйшимъ образомъ отпраздновалъ крещеніе своего наслѣдника, и въ Ардабьевѣ чуть ли не цѣлый мѣсяцъ продолжались пиршества. Такъ прожили они въ деревнѣ года два, а на второй годъ у нихъ родился еще сынъ, котораго тоже принялась кормить сама Клавдія Борисовна. Появленіе на свѣтъ второго наслѣдника не было встрѣчено Ардабьевымъ такъ торжественно, какъ появленіе перваго, ибо пребываніе въ деревнѣ начинало уже надоѣдать Ардабьеву. Клавдія Борисовна переселилась въ дѣтскую, чтобы ближе быть къ дѣтямъ, и вся отдалась заботамъ о нихъ, а Ардабьева тянуло въ Парижъ, да въ Монте Карло. Его одолѣла тоска въ деревнѣ, и онъ не зналъ, куда отъ нея дѣться. Онъ обзавелся знакомствами, которыя состояли большею частью изъ холостой молодежи, любившей покутить и поиграть въ карты; началъ часто бывать въ губернскомъ городѣ, а чуть возвращался домой—снова принимался хандрить. Клавдія же Борисовна сидѣла себѣ въ дѣтской, сама дѣлала дѣтямъ ванны, чуть не сходила съ ума, когда кто-либо изъ нихъ заболѣвалъ, напѣвала имъ колыбельныя пѣсенки—и Ардабьеву все это опротивѣло.

Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. И вотъ, наконецъ, Ардабьевъ не вытерпѣлъ и началъ подъ разными предлогами довольно ча-

сто ѣздить-то въ Москву, то въ Петербургъ. Сперва во время этихъ отлучекъ Ардабьевъ чуть не каждую почту писалъ женѣ письма, описывая всѣ тѣ мнимыя хлопоты, которые будто бы мѣшали ему возвратиться въ деревню, но хлопоты эти на самомъ дѣлѣ состояли въ томъ, что онъ гдѣ-то сошелся съ какою-то наѣздницей цирка, на которую и тратилъ большія деньги. Писалъ онъ безпрерывно и своему управляющему, майору Купріянову, но письма эти состояли только изъ однихъ требованій высылки денегъ. Старикъ высылалъ ему по мѣрѣ возможности, а, наконецъ, заподозривъ что-то недоброе, рѣшился самъ побывать у Ардабьева и, по возможности, собрать о немъ подробныя свѣдѣнія. Поѣздка эта кончилась тѣмъ, что онъ, узнавъ всю подноготную, переѣхалъ въ село Борисовку, а отъ управленія имѣніями отказался, объяснивъ этотъ отказъ своимъ нездоровьемъ и усталостью. Дочери онъ слова не сказалъ про свои открытія, но, переѣздъ отца въ Борисовку, а главное, его пасмурный и суровый видъ, какъ нельзя лучше объяснили ей суть дѣла.

И вотъ съ этихъ-то поръ и начался тотъ семейный разладъ, на который намекалъ мнѣ Ардабьевъ, при встрѣчѣ на станціи. Все это могло бы, конечно, кончиться перемиріемъ, но когда Ардабьевъ возвратился изъ Петербурга въ сопровожденіи какой-то молодой и красивой француженки и объявилъ женѣ, что привезъ эту француженку въ качествѣ гувернантки къ дѣтямъ, то о примиреніи, конечно, нечего было и думать. Клавдія Борисовна была возмущена и порѣшила переѣхать съ дѣтьми къ отцу и разстаться съ мужемъ.

Разставанье это совершилось наискромнѣйшимъ образомъ. Клавдія Борисовна даже и вида не показала, почему именно она оставляетъ мужа. Она объявила только, что ѣдетъ погостить къ отцу, такъ какъ онъ совершенно одинъ, что прогоститъ у него недѣли двѣ, а потомъ возвратится домой. Она очень дружелюбно распростилась съ мужемъ и даже пожала руку выбѣжавшей проводить ее француженкѣ. Она такъ сумѣла скрыть свое горе, что никто не подозрѣвалъ о его существованіи, и отъѣздъ ея изъ села Ардабьева не породилъ никакихъ толковъ и не произвелъ никакой сенсаціи. Всѣ такъ и порѣшили: поѣхала погостить и только.

За то, когда Клавдія Борисовна пріѣхала въ домъ своего отца и когда вышла на балконъ, обращенный въ садъ и весь заросшій старыми кустами сирени и опустилась на диванчикъ, она закрыла лицо руками и тихо зарыдала. Выбѣжали на балконъ дѣти и, увидавъ рыдавшую мать, вскрикнули:

— Мамочка, ты плачешь!... Тебѣ скучно безъ папочки? Ты къ нему уѣдешь? Насъ оставишь?

— Никогда!... Никогда...—проговорила Клавдія Борисовна и, обнявъ дѣтей, принялась нѣжно цѣловать ихъ.

Однако перейдемъ къ прерванному разсказу.

Вошелъ смотритель съ погребцомъ въ рукахъ и, объявивъ, что пьяный купецъ выйти изъ тарантаса не желаетъ, спросилъ, куда Ардабьевъ прикажетъ поставить погребецъ.

— Неужто не желаетъ? Почему?

— Мнѣ, говоритъ, здѣсь много вольготнѣе; и вѣтеркомъ обдуваетъ, и дождичкомъ помачиваетъ,—отвѣтилъ смотритель, улыбаясь.—А въ избѣ-то у тебя,—продолжалъ онъ,—я, говоритъ, совсѣмъ задохнусь.

— Ну, чортъ съ нимъ!—вскрикнулъ Ардабьевъ.

И, приказавъ поставить погребецъ на столъ, налилъ смотрителю стаканчикъ коньяку.

— На, старикъ, выпей-ка! — И потомъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ:—послушай, знаешь ты госпожу Ардабьеву?

— Клавдію Борисовну?—спросилъ старикъ, выпивъ коньякъ и вытирая губы.—Какъ не знать... Оченно даже хорошо знаю. Вѣдь онѣ у меня здѣсь почту получаютъ.

— Здорова она?—вскрикнулъ Ардабьевъ,—здорова? Да говори же, братецъ, поскорѣе. Не видишь, развѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду твоего отвѣта?

— Слава Богу-съ. Онѣ даже и сейчасъ здѣсь у насъ въ селѣ.

— Гдѣ, гдѣ?... Какъ здѣсь?—кричалъ Ардабьевъ, схвативъ смотрителя за плечи и потрясая его изо всѣхъ силъ.

— Точно такъ... У нашего батюшки, о. Герасима, лошадей кормятъ.

— И ты не врешь?

— Зачѣмъ же-съ?... Мало того: сюда сейчасъ заѣдутъ... Горничную присылали, чтобы я, значитъ, имъ почту приготовилъ.

— Сюда!... сюда! — кричалъ восторженно Ардабьевъ. — Она заѣдетъ сюда, и я увижу мою Клоди, мою мадонну!...

И, круто повернувшись ко мнѣ, онъ продолжалъ:

— Нѣтъ, такого блаженства я не ожидалъ... Понимаешь ли: не ожидалъ и даже не смѣлъ ожидать... Я увижу ее... Увижу!... И вдругъ выкинувъ смотрителю пятирублевую бумажку, продолжалъ:

— Бери, старикъ, бери!... Это тебѣ на чай за то, что ты сообщилъ мнѣ такую радостную вѣсть.

Старикъ только было хотѣлъ положить пятишницу въ карманъ, какъ дверь изъ-за перегородки распахнулась, и въ комнату влетѣла жена смотрителя.

— Давай: я въ сундукъ запру,— проговорила она, вырвала бумажку, а затѣмъ, присѣвъ Ардабьеву, поблагодарила его за подарокъ.

— Очень мерси васъ,—сказала она и снова скрылась за перегородку.

Но Ардабьевъ даже не слушалъ смотрительшу, а продолжалъ приставать къ старику:

— Только смотри,—говорилъ онъ,—навѣрное ли ты знаешь, что она здѣсь? Не ошибаешься ли?

Но раздавшееся подъ окнами шлепанье лошадей и заревомъ озарившій окна станціоннаго дома фонарь подъѣхавшаго экипажа мгновенно измѣнили всю происходившую въ комнатѣ сцену. Смотритель бросился встрѣчать пріѣхавшую. Ардабьевъ, схвативъ себя за голову, немощно опустился на спинку дивана, а я поспѣшилъ освободить диванъ и отошелъ къ сторонѣ.

— Мадонна... мадонна,—шепталъ Ардабьевъ и, поспѣшно выхвативъ изъ кармана платокъ, вытеръ набѣгавшія слезы.

Скрипнула сѣнная дверь, ворвалась откуда-то кошка, бросилась опрометью на печку, съ печки за загородку, а въ канцеляріи послышались чьи-то шаги.

— Пожалуйте, сударыня, пожалуйте! — говорилъ смотритель.—Почту вашу я вамъ собралъ, завернулъ въ бумажку и даже веревочкой перевязалъ... А кстати,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—васъ какой-то господинъ желаетъ видѣть.

— Меня?—раздался грудной женскій голосъ.

— Точно такъ-съ... Оченно желаютъ-съ.

— Кто же это?—спросилъ тотъ же голосъ.

Но какъ только голосъ этотъ коснулся ушей Ардабьева, онъ вскочилъ съ дивана и проговорилъ:

— Я, Клоди, я...

Въ комнату вошла Клавдія Борисовна.

Это была довольно высокая и стройная женщина съ блѣдно-матовымъ лицомъ и большими глазами. Она была вся въ черномъ, даже гладко причесанные волосы были покрыты черной кружевной косынкой. Вошла она медленно, важно и, увидавъ мужа, протянула ему руку.

— Здравствуй, мой другъ,—проговорила она серьезнымъ тономъ,—насилу-то мы съ тобой встрѣтились.

Ардабьевъ принялся осыпать поцѣлуями протянутую ему руку и смутился до того, что даже не нашелся что отвѣтить на привѣтствіе жены. На него жалко было смотрѣть; между тѣмъ какъ она

стояла, словно мраморное изваяніе — и только большіе, темные глаза ея, устремленные на мужа, выражали не то грусть, не то сожалѣніе.

На меня, по крайней мѣрѣ, встрѣча эта произвела самое тяжелое впечатлѣніе, и я поспѣшилъ удалиться въ канцелярію смотрителя, откуда однако могъ все видѣть и слышать, что происходило въ комнатѣ для проѣзжающихъ.

Наконецъ, и сама Клавдія Борисовна какъ будто сжалилась надъ мужемъ и, незамѣтно смахнувши навернувшуюся на глаза слезу, подошла къ дивану, опустилась на него и жестомъ руки пригласила мужа сѣсть рядомъ съ нею.

— Ну, какъ поживаешь, мой другъ?... Здоровъ ли?

— Что мнѣ дѣлается, Клоди!... Мнѣ, прошедшему огонь, воду и мѣдныя трубы.—И онъ какъ-то отчаянно махнулъ рукой.—Скажи лучше, какъ тебѣ живется?... Какъ твое хозяйство? Не нуждаешься ли въ деньгахъ?

Едва замѣтная улыбка пробѣжала по губамъ Клавдіи Борисовны, но пробѣжала такъ быстро, что Ардабьевъ даже и не замѣтилъ ея...

— Спасибо, мой другъ, я въ деньгахъ не нуждаюсь.

И затѣмъ она сообщила ему, что живется ей недурно, хозяйство въ порядкѣ, что урожай у ней былъ хорошій, такъ что она безъ особаго стѣсненія внесла проценты за Борисовку, что продала за 1,600 рублей двухъ жеребчиковъ, что, благодаря этому, расплатилась съ кое-какими долгами и что теперь чувствуетъ себя какъ нельзя лучше.

— А управляющимъ у тебя все еще Прасковья? — спросилъ Ардабьевъ, улыбнувшись.

— Да... послѣ смерти отца она помогаетъ мнѣ, — отвѣтила Клавдія Борисовна, — я ею очень довольна. Это очень умная и распорядительная женщина... Впрочемъ, теперь я думаю сама жить въ Борисовкѣ, потому что дѣтей мнѣ удалось пристроить въ дворянскій пансіонъ, гдѣ за ними хорошій присмотръ и уходъ и гдѣ репетируютъ даже съ ними уроки, такъ что я совершенно теперь покойна за нихъ; даже покойнѣе, чѣмъ прежде, — прибавила она, улыбаясь,—потому что я сознаю сама, что баловала ихъ, чѣмъ и могла бы только повредить имъ.

— Вѣдь они въ гимназіи? — робко спросилъ Ардабьевъ и почему-то опустилъ глаза.

— Да. Боря перешелъ во второй классъ, а Коля поступилъ въ

приготовительный. Вотъ именно по этому-то дѣлу я и ѣздила въ городъ, откуда теперь и возвращаюсь.

— И, прощаясь съ дѣтьми, конечно, досыта наплакалась?— спросилъ Ардабьевъ, стараясь казаться веселымъ.

— Конечно, — отвѣтила она, вздохнувъ и, желая прекратить этотъ разговоръ, напоминавшій ей о дѣтяхъ, она спросила: — А ты, кажется, былъ нынѣшнее лѣто въ Остенде?

— Да, — отвѣтилъ коротко Ардабьевъ и тоже почему-то поспѣшилъ прекратить разговоръ объ этомъ.

Вошелъ смотритель съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ и блюдечко съ вареньемъ.

— Чайку не желаете ли? — проговорилъ онъ, ласково улыбаясь и посматривая на супруговъ. — Вареньице особенно рекомендую: домашнее, сама моя хозяйка варила...

Появленіе смотрителя было какъ нельзя болѣе кстати. Принялись за чай, а Клавдія Борисовна начала разспрашивать смотрителя, здоровы ли его жена и дѣтки. Добродушная улыбка смотрителя и его разсказы о своемъ семействѣ сразу измѣнили натянутое положеніе такъ внезапно встрѣтившихся супруговъ. Даже Ардабьевъ какъ будто оживился и, вспомнивъ про свой погребецъ, быстро вскочилъ съ дивана.

— Постой, Клоди, постой!...—говорилъ онъ, отпирая погребецъ.—У меня есть съ собой лимоны, печенье разное и персики... Не хочешь ли?—и онъ поставилъ погребецъ на столъ.—Не вольешь ли въ чай ложечку коньяку? Рекомендую,—коньякъ превосходный.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила она и влила коньяку себѣ въ чай.

Разговоръ принялъ совсѣмъ другой оборотъ. Ардабьевъ принялся даже разсказывать про свою поѣздку въ Остенде и даже подробно разсказалъ, какимъ способомъ производится тамъ ловля устрицъ и какія существуютъ тамъ на этотъ предметъ узаконенія...

— Тамъ,—говорилъ онъ,—не то, что у насъ на Волгѣ, гдѣ чуть ли не всю рыбу переловили... Нѣтъ, лови въ извѣстное время и болѣе извѣстнаго количества ловить не смѣй. Да и слѣдятъ за исполненіемъ этого закона не сквозь пальцы, а въ оба...

А Клавдія Борисовна разсказывала смѣшные анекдоты про своего управляющаго — Прасковью.

Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ, она встала.

— Однако, мнѣ пора и домой, — проговорила она и, обратясь

къ смотрителю, прибавила: — Ну, голубчикъ, несите мнѣ мою почту и прикажите подавать лошадей.

Смотритель поспѣшилъ исполнить приказаніе Клавдіи Борисовны и торопливо выбѣжалъ въ сѣни.

— Ну, до свиданія...— обратилась она къ мужу и снова протянула ему руку. Ардабьевъ опять принялся осыпать руку поцѣлуями, а Клавдія Борисовна на этотъ разъ гладила свободной рукой его волосы.

— Однако, мой другъ, — говорила она, грустно улыбаясь, — ты сѣдѣть начинаешь... Рано затѣялъ... Впрочемъ, — прибавила она, продолжая ласкать его волосы, — это обычная участь брюнетовъ, а вѣдь ты брюнетъ въ полномъ смыслѣ слова...

Въ это время снова за окномъ послышалось шлепанье лошадиныхъ ногъ и снова фонарь экипажа багровымъ заревомъ освѣтилъ окна станціоннаго домика.

— Ну, прощай, мой другъ!... Будь здоровъ...—и она хотѣла было обнять его, какъ вдругъ Ардабьевъ вскрикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Клоди, я провожу тебя, усажу въ экипажъ,— успѣемъ и тогда проститься...

И онъ бросился провожать жену. Комната опустѣла. Немного погодя экипажъ отъѣхалъ отъ станціоннаго домика, и въ комнату вошелъ Ардабьевъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? — вскрикнулъ онъ, увидѣвъ меня и растопыривая руки. — Куда ты дѣлся?

Я сказалъ, куда я уходилъ и почему.

— Да, братецъ, — проговорилъ онъ, проведя рукою по волосамъ.—Ты правъ, тысячу разъ правъ: встрѣча была дѣйствительно тяжелая...

И вдругъ, схвативъ себя за голову, онъ чуть не вскрикнулъ:

— И зачѣмъ она такая чистая, такая непорочная? Зачѣмъ она такая святая? Мнѣ было бы несравненно легче, еслибъ она походила на обыкновенныхъ женщинъ со всѣми тѣми слабостями и недостатками, которые вообще свойственны людямъ. Вѣдь она человѣкъ же... Не Мадонна же, въ самомъ дѣлѣ!... И вотъ эта-то чистота и смущаетъ меня, грязнаго и пошлаго человѣка.

И, проговоривъ это, онъ быстро налилъ себѣ стаканчикъ коньяку и залпомъ выпилъ его.

— Эй, смотритель! — крикнулъ онъ вдругъ.

Вошелъ смотритель.

— Что прикажете?

— А гдѣ мой пьяный купецъ? — спросилъ онъ его.

— Въ избу внесли, сударь. Не безпокойтесь, внесли-съ...

— Не проспался еще?

— Нѣтъ, сударь, не проспался, но начинаетъ бормотать что-то!

— А лошади есть теперь?

— Ежели ихъ благородіе уступятъ своихъ лошадей, — проговорилъ смотритель, указывая на меня рукой,—такъ мнѣ все единственно: и вамъ запрягу.

Я уступилъ свою очередь Ардабьеву, и онъ черезъ полчаса уѣхалъ, захвативъ съ собой и пьянаго купца, на котораго, къ великому удовольствію собравшихся ямщиковъ, вмѣсто картуза надѣлъ картонку отъ шляпы.

— Пошелъ! — крикнулъ онъ ямщику и, сдѣлавъ мнѣ ручкой, прибавилъ:—Ну, до свиданія... A rivedercі mio caro!

Ямщикъ свистнулъ, ахнулъ, тройка ринулась и въ ту же минуту канула во мракѣ ночи. Мелкій дождикъ продолжалъ моросить, а ямщики все еще продолжали хохотать и гоготать, но надъ кѣмъ они хохотали: надъ пьянымъ ли купцомъ, или Ардабьевымъ—неизвѣстно.

Я ушелъ въ комнату.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ... И вотъ мнѣ опять довелось какъ-то мѣнять лошадей на Рамзайской станціи. На ней все было по-прежнему: тотъ же старичокъ смотритель съ ласковою улыбкой на устахъ и серебряными очками на концѣ носа, тѣ же циркуляры и предписанія, развѣшенные по стѣнамъ, тотъ же кожаный диванъ и даже та самая кошка, снова ворвавшаяся въ комнату и снова махнувшая на печку, а съ печки за перегородку: только майскій день былъ ясный, теплый да въ лошадяхъ не было недостатка.

— Значитъ, не задержите меня на этотъ разъ?—спросилъ я смотрителя, сидѣвшаго за канцелярскимъ столомъ на томъ же самомъ стулѣ и въ той же самой позѣ, какъ тогда, словно онъ и съ мѣста не вставалъ съ тѣхъ поръ.

— Помилуйте... Зачѣмъ же, сударь, задерживать?

— Такъ прикажите, пожалуйста, запрягать.

— Слушаю-съ.

И, увидавъ подъ раствореннымъ окномъ старосту, приказалъ ему запрягать мнѣ лошадей.

— А тарантасикъ подмазать не прикажете, сударь?—спросилъ смотритель.

— Пожалуй.

Онъ распорядился и насчетъ подмазки.

— А что, не знаете ли, какъ поживаетъ Ардабьевъ?—спросилъ я.

При этомъ вопросѣ за перегородкой послышался шелестъ женскаго платья, тотчасъ же замолкнувшій. Можно было догадаться, что кто-то подошелъ къ перегородкѣ и сталъ прислушиваться.

— Вы про господина Ардабьева изволите спрашивать?—проговорилъ смотритель и мгновенно улыбка исчезла съ его лица и замѣнилась какимъ-то плаксивымъ выраженіемъ.—Плохо, сударь, очень плохо,—проговорилъ онъ.—Недавно какъ-то провезли его мимо моей станціи въ сельцо Борисовку.

— Какъ провезли?—удивился я.

— Да такъ, устроили въ коляскѣ что-то на манеръ постели,—говорилъ смотритель, объясняя жестами руки, какъ именно была устроена постель.—Положили его на эту постель вотъ такимъ маneромъ,—и смотритель закинулъ голову и сложилъ крестомъ на груди руки,—да такъ шажкомъ отъ города да до самой Борисовки и везли...

— Сама барыня, Клавдія Борисовна, ѣздила за нимъ,—подхватила жена смотрителя, вдругъ выскочившая изъ-за перегородки и видимо заинтересовавшаяся происходившимъ разговоромъ.—И барыня сопровождала его и докторъ,—прибавила она.

— Такъ онъ боленъ?—спросилъ я.

— Чуть живъ, сударь,—отвѣтилъ смотритель.

— Ударъ, говорятъ, съ нимъ былъ,—подхватила смотрительша,—и какъ есть всю лѣвую половину: и руку, и ногу, и глазъ, и языкъ, словно топоромъ отмахнуло... Такъ пластъ-пластомъ и лежитъ сердешный!...

— Увидалъ меня, сударь,—началъ было смотритель.

— И вовсе не тебя, а меня!—перебила его жена.

Смотритель какъ-то ощетинился, презрительно посмотрѣлъ на жену и что-то собрался было возразить, но, махнувъ рукой, отошелъ въ сторону и только покачивалъ головой, слушая болтовню жены.

— Увидалъ меня, посмотрѣлъ такъ-то жалостно, а изъ глазъ слезки-то такъ и текутъ, такъ и текутъ...

Смотритель опять ощетинился, но опять махнулъ рукой и насмѣшливо замоталъ головой, глядя на жену, а она продолжала:

— Забормоталъ что-то сердешный... Бормочетъ, а я стою и ничего разобрать не могу...

— Такъ вотъ что,—проговорилъ я и порѣшилъ ѣхать въ Борисовку и навѣстить Ардабьева.

Немного спустя, я уже сидѣлъ въ тарантасѣ и ѣхалъ въ Борисовку.

Какъ-то легко и отрадно сдѣлалось у меня на душѣ при видѣ усадьбы Клавдіи Борисовны.

Усадьба эта была расположена на отлогой возвышенности, спускавшейся къ небольшой рѣчонкѣ, и еще издали бросилась мнѣ въ глаза своими красными черепичными крышами, бѣлыми стѣнами строеній и веселой зеленью ветловой рощи, возвышавшейся по низамъ, вдоль рѣчонки. Почти противъ самой усадьбы рѣчонка эта была перепружена плотиной, образовавшей обширный прудъ, коегдѣ поросшій тальникомъ и камышомъ. Возлѣ самой плотины лѣпилась мельница, мимо которой мнѣ и предстояло проѣхать, чтобы попасть на усадьбу.

— А вонъ и усадьба Клавдіи Борисовны,—проговорилъ ямщикъ, улыбаясь. Вишь, какая веселенькая—любо посмотрѣть... Ужъ больно у нея все хорошо и все въ порядкѣ. Да и сама-то она барыня хорошая,—прибавилъ онъ,—на рѣдкость барыня.

— Хорошая?—спросилъ я.

— Надо бы лучше, да некуда: ласковая, обходительная... Пріѣдешь когда къ ней, такъ и лошадокъ накормитъ, и тебя накормитъ, а иной разъ даже чаемъ напоитъ... Не то что другіе прочіе господа, которые и не подумаютъ объ ямщикѣ да объ лошадяхъ...

— Ну, а каковъ самъ баринъ-то Ардабьевъ?—спросилъ я.

— Самъ-атъ?

— Да.

— Добрѣйшій-раздобрѣйшій! — крикнулъ ямщикъ, махнувъ рукой.—Ужъ такой-то баринъ, такой-то... Одно слово—рубаха!... Послѣднее готовъ отдать человѣку.—И что-то вспомнивъ, прибавилъ:—Однова вотъ какая была исторія, скажу я тебѣ... Ямщикъ у насъ цѣлую тройку утопилъ: попалъ, значитъ, въ полынью—и утопилъ... Да чего: и самъ-то еле-еле выползъ какъ-то... А тройка-то у ямщика была послѣдняя: только ею и кормился... Съ тоски захворалъ индо сердешный... Услыхалъ какъ-то про это баринъ Ардабьевъ, позвалъ къ себѣ ямщика этого, водки поднесъ ему да три радужныхъ и выкинулъ... На, говоритъ, не тужи!... Тотъ, какъ стоялъ, такъ и бултыхнулся ему въ ноги... Вотъ это какой баринъ! Только вотъ теперь захворалъ вишь... Жаль бѣднягу...

Недавно какъ-то я доктора къ нему привозилъ... Плохъ, говоритъ, пожалуй, не поправится.

Въ это самое время мы проѣзжали мимо мельницы; спугнули стайку утокъ, беззаботно кувыркавшихся въ водѣ, чуть было не задавили собаку, грѣвшуюся на солнышкѣ, и, наконецъ, миновавъ плотину, повернули направо и поѣхали вдоль сада, окопаннаго глубокимъ рвомъ, по валу котораго плотною стѣной возвышались подстриженная акація, а проѣхавъ садъ, подкатили къ крыльцу домика.

Клавдія Борисовна встрѣтила меня въ передней и, увидавъ меня, заплакала.

— Слыхали?—спросила она. Но, не дождавшись отвѣта, продолжала: — И кто бы могъ ожидать этого?... А я меньше всего. Вѣдь я въ городѣ была и мужъ былъ тамъ же... Въ этотъ вечеръ онъ былъ въ клубѣ, а я сидѣла дома и собиралась уже спать ложиться... Вдругъ слышу, какой-то экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу гостиницы... И въ ту же секунду поднялась какая-то суетня и бѣготня по коридору. Я выскочила въ коридоръ и вдругъ вижу: несутъ на простынѣ мужа... Со мной чуть дурно не сдѣлалось...

— Что же, ударъ съ нимъ былъ?—спросилъ я.

— Да, апоплексическій ударъ, парализовавшій ему всю лѣвую половину... Теперь сюда его привезла,— продолжала она: — здѣсь ему все-таки покойнѣе будетъ... Буду ухаживать за нимъ. Докторъ пріѣзжаетъ каждые три дня, а на-дняхъ жду доктора изъ Москвы.

— Что же, онъ лежитъ?

— Лежитъ большею частью, а теперь въ креслѣ на балконѣ сидитъ... Велѣли почаще его на воздухъ выносить... Такое-то горе!... Такое-то горе... Хотѣла въ Москву его везти, да разговорили...

— Почему же разговорили?

— Весна...—замѣтила Клавдія Борисовна.—А весной, говорятъ, доктора разъѣзжаются... Въ клиникѣ прекращаются занятія, а лѣчебницы, болѣе или менѣе извѣстныя, на лѣто закрываются, говорятъ... Ну, вотъ и порѣшила здѣсь остаться. Теперь жду изъ Москвы доктора... Что-то онъ скажетъ еще?... Электричествомъ лѣчить, говорятъ, рано еще, массажемъ тоже.

И сквозь слезы она прибавила:

— Ахъ, Боже мой! Не знаю, что и дѣлать... Голову потеряла. Такъ жаль смотрѣть на него... Бѣдный, несчастный... И всѣ-то,

всѣ-то его забыли и бросили... Да, только въ горѣ можно познавать людей...

И она разсказала мнѣ, что Ардабьевъ лишился имѣній, что село Ардабьево перешло во владѣніе того самаго пьянаго купца, котораго мы видѣли на станціи, а остальныя проданы съ аукціона разными банками.

— Такъ у него ничего не осталось?—удивился я.

— Ничего ровно,—отвѣтила она.—Вѣдь вы его хорошо знали... И знали, конечно, его характеръ и его привычки... Онъ не сумѣлъ сберечь копейки про черный день... А не сумѣлъ сберечь ее потому, что былъ слишкомъ добръ и довѣрчивъ.

— А можно его видѣть?

— Конечно, онъ будетъ очень, очень радъ васъ видѣть...

Немного погодя мы были уже на балконѣ и на томъ же балконѣ сидѣлъ въ большомъ креслѣ-каталкѣ Ардабьевъ.

На первыхъ порахъ я даже не узналъ его,—до того онъ измѣнился. Блѣдный, худой, съ перекосившимся немного лицомъ и какъ будто оловяннымъ глазомъ, одѣтый въ какое-то длинное бѣлое пальто и съ вытянутою лѣвою ногой, обутой въ шерстяной чулокъ, онъ имѣлъ видъ мертвеца, котораго только что на время подняли со смертнаго одра и посадили въ кресло.

Онъ посѣдѣлъ и прежде роскошные черные кудри теперь безпорядочно висѣли на его плечахъ. У меня даже сердце замерло при видѣ его... А онъ сидѣлъ и пристально всматривался въ меня. Всматривался онъ долго, словно припоминалъ, гдѣ и когда онъ видѣлъ меня. Наконецъ, вспомнилъ и хотѣлъ открыть мнѣ объятія, но поднялась только одна правая рука, а лѣвая, лежавшая дотолѣ на колѣняхъ, какъ-то метнулась, а затѣмъ безсильно свалилась на колесо каталки, а потомъ на его ступицу.

Клавдія Борисовна поспѣшила поднять эту руку и снова положила ее на колѣни.

Ардабьевъ смотрѣлъ на меня, и слезы градомъ катились изъ его глазъ. Онъ силился что-то сказать, но языкъ не повиновался ему, и онъ только протянулъ мнѣ правую руку и крѣпко-крѣпко пожалъ мою.

— Вотъ онъ какой!—чуть слышно прошептала Клавдія Борисовна.

Ардабьевъ молча взялъ ее руку, поднесъ къ губамъ и принялся осыпать ее поцѣлуями.

— Мао... мао—бормоталъ онъ, силясь что-то сказать, но, не

сладивъ съ языкомъ, жестомъ правой руки показалъ, чтобъ ему дали карандашъ и бумаги.

Клавдія Борисовна поспѣшила подать ему и то, и другое, и Ардабьевъ написалъ крупными буквами: «мадонна».

— Мао... мао...—опять забормоталъ онъ, но, будучи не въ силахъ выговорить задуманное слово, принялся тыкать пальцемъ по бумагѣ. «Мадонна»—хотѣлось ему произнести, догадался я, но увы... И онъ повернулъ лицо къ Клавдіи Борисовнѣ, посмотрѣлъ на нее, и крупныя слезы покатились изъ глазъ.

Полчаса спустя я сидѣлъ уже въ тарантасѣ и возвращался на станцію. Проѣзжая мимо мельницы, я встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей, возвращавшихся съ охоты. На одномъ изъ нихъ была студенческая фуражка, а на другомъ гимназическая. За плечами у нихъ были ружья и яхташи, наполненные разною дичью; впереди бѣжалъ довольно породистый сеттеръ.

При видѣ ихъ ямщикъ весело осклабился.

— Однако,—проговорилъ онъ, посматривая на яхташи,—ничего, ловко поохотились.

— Ничего, хорошо,—подтвердили молодые люди.

И они повернули по направленію къ усадьбѣ.

— Это кто-же?—спросилъ я ямщика.

— А барчуки молодые,—отвѣтилъ ямщикъ, а немного погодя прибавилъ:—Н-да, вотъ она какая барыня-то Клавдія Борисовна-то: обоихъ сыновей въ люди произвела!

Послѣ я узналъ, что старшій сынъ былъ въ университетѣ, а младшій кончалъ гимназію и тоже поступалъ въ университетъ.

А все говорятъ, что нѣтъ у насъ ни добрыхъ матерей, ни женъ. Слышать это мнѣ приходилось неоднократно... Нѣтъ, это неправда: онѣ есть, только ихъ не хотятъ замѣчать, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего бросающагося въ глаза и ничего рекламирующаго.

И. Саловъ.

Музѣ.

Ахъ, еслибы не ты, спасительница-муза,
Подъ жизненнымъ крестомъ я-бъ изнемогъ давно,
Но крѣпко цѣпь слита духовнаго союза—
И мнѣ свѣтло съ тобой, хотя вокругъ темно.
Въ минуты тяжкихъ думъ, когда мой духъ устало
Спѣшилъ огни надеждъ обманчивыхъ гасить,
Какъ часто ты ко мнѣ на скорбный зовъ слетала,
Уча меня прощать, уча меня любить.
Тяжка была борьба; въ постыдномъ утомленьи
Я прекращалъ ее, безсиленъ и унылъ,
Но голосъ твой звучалъ спасающе: «терпѣнье!»—
И, бодрый, я опять на звукъ его спѣшилъ.
Все злѣй, суровѣй все грозилъ житейскій холодъ,
Хотѣлъ онъ остудить надеждъ кипучій ключъ,
Но голосъ твой шепталъ: «ты молодъ, молодъ, молодъ —
Борись, пока еще ты юностью могучъ».
О, вдохновенный зовъ! Безсильная тревога,
Завистливо молча, бѣжала въ страхѣ прочь,
А предо мной вдали яснѣла вновь дорога,
И вновь разсвѣтъ смѣнялъ томительную ночь.
Подъ знаменемъ твоимъ, подъ знаменемъ свободы
Я сталъ въ ряду бойцовъ отважнѣйшимъ бойцомъ,
Готовъ я все терпѣть—лишенія, невзгоды,
Но только-бъ впереди звучалъ твой кличъ: «идемъ!»
Тобою я силёнъ; тьму жизни озаряя,
Горятъ благихъ надеждъ безсмертные лучи...
Пока они горятъ—я твой, а ты, святая,
Учи меня страдать и жить меня учи!

Мих. Гербановскій.

*
* *

Въ сіяніи снѣговъ, негаснущемъ отъ вѣка,
Таинственно плывутъ громады ледника,
И тамъ, гдѣ все мертво для взоровъ человѣка,
Змѣистой струйкою родилася рѣка.
Она росла чужой сѣдому исполину,
Ее манили вдаль волшебные края,
И съ облачныхъ высотъ въ цвѣтущую долину
Безпечно понеслась красавица-струя.
Ей дольній міръ сіялъ улыбкою привѣта,
Но не дано землѣ немеркнущихъ отрадъ,
И скоро знойный пиръ сверкающаго лѣта
Погасъ въ осенней мглѣ печали и утратъ.
На рѣку пала зыбь плакучаго ненастья,
Подъ лютымъ гнѣвомъ бурь запѣнился въ ней страхъ:
Мятежная волна звала тепло и счастье,
И тихій всплескъ рыдалъ о солнцѣ и цвѣтахъ.
Но тщетно... Смерть неслась своимъ безстрастнымъ бѣгомъ,
Застывшія струи завѣяла метель,
И въ ледяномъ гробу, зарытая подъ снѣгомъ,
Вдругъ вспомнила рѣка родную колыбель.

В. Полтавцевъ.

Очерки науки о языкѣ.

I.

Лингвистика и филологія.

Сравнительное языкознаніе или лингвистика есть наука, изучающая языкъ, какъ явленіе, и стремящаяся открыть законы, управляющіе этимъ явленіемъ. Для нея различные языки и нарѣчія земного шара служатъ такимъ же объектомъ изслѣдованія, какъ для физики—явленія физическія, для химіи — химическія, для ботаники или зоологіи — разнообразные виды растеній или животныхъ.

Этимъ сопоставленіемъ я хочу только сказать, что научныя стремленія лингвиста—чисто-теоретическія, отвлеченныя: онъ изучаетъ конкретные факты языка только для того, чтобы подняться надъ ними въ ту отвлеченную сферу мысли, которая называется обобщеніемъ, закономъ, гипотезой, теоріей.

Съ этой точки зрѣнія, научное языкознаніе должно быть строго отличаемо отъ утилитарнаго изученія языковъ, напримѣръ, для тѣхъ или другихъ практическихъ (житейскихъ) цѣлей или же въ качествѣ необходимаго пособія для знакомства съ исторіей или литературой того или другого народа.

Но отъ такого утилитарнаго изученія языковъ нужно въ свою очередь строго отличать то, которое называется *филологическимъ*. Въ дѣйствительности, «на практикѣ», оба отношенія къ языку, утилитарное и филологическое, могутъ совпадать, что̀ случается весьма нерѣдко, но они радикально отличаются другъ отъ друга—*въ принципѣ*.

Филологъ, занимающійся, напримѣръ, классическою древностью, можетъ, конечно, изучать греческій и латинскій языки *только какъ средство*—для изслѣдованія памятниковъ классической древности со стороны критики текстовъ, для изученія, по подлиннымъ документамъ, древностей, исторіи, литературы, искусства, религіи древнихъ грековъ и римлянъ. При этомъ онъ можетъ и вовсе не интересоваться самимъ языкомъ, какъ явленіемъ, не ставить себѣ цѣлью—изслѣдованія природы этого явленія, не стремиться

къ открытію законовъ, имъ управляющихъ. Въ большинствѣ случаевъ такъ и бываетъ. Оттуда—старое изреченіе, гласящее, что для лингвистики *языкъ* есть *цѣль*, а для филологіи онъ—*средство*.

Тѣмъ не менѣе истинное (принципіальное) отношеніе лингвистики къ филологіи и обратно вовсе не таково, чтобы оно могло быть правильно опредѣлено этимъ изреченіемъ.

Послѣднее остается въ силѣ только въ примѣненіи къ практикѣ ученаго труда: филологу, интересующемуся преимущественно древностями, искусствомъ, литературою и т. д., очень трудно, почти невозможно, быть въ то же время и лингвистомъ въ собственномъ смыслѣ, и по необходимости онъ пользуется языкомъ—какъ средствомъ. Это просто—результатъ неизбѣжнаго раздѣленія труда *). Но если мы оставимъ въ сторонѣ самую практику ученой дѣятельности и будемъ имѣть въ виду истинное (идеальное) отношеніе между обѣими науками, то дѣло представится намъ въ иномъ видѣ.

Изучая *исторію* науки сравнительнаго языкознанія, мы легко отмѣтимъ слѣдующее явленіе: эта наука выдѣлилась изъ филологіи и, достигши извѣстнаго пункта въ своемъ развитіи, вновь повернула въ сторону филологіи и въ настоящее время находится на пути къ сліянію съ нею.

Выдѣлившись (въ трудахъ Боппа и его сподвижниковъ, Вильгельма Гумбольдта, Якова Гримма, Потта, Бенфея и др.) изъ филологіи (преимущественно классической и восточной, въ частности санскритской, а также и германской), сравнительное языковѣдѣніе образовало особую отрасль знанія, представители которой стремились провести по возможности рѣзкую границу между своею наукой и филологіей. Тогда-то и было пущено въ оборотъ вышеприведенное опредѣленіе различія между обѣими науками, основанное на предполагаемомъ отношеніи ихъ къ языку,—одной—какъ къ *цѣли*, другой—какъ къ *средству*. Отношенія между представителями обѣихъ дисциплинъ нерѣдко становились весьма «натянутыми». Выдающіеся дѣятели различныхъ отраслей филологіи зачастую съ недовѣріемъ и ироніей взирали на успѣхи новой науки. Піонерамъ послѣдней приходилось доказывать ея право на существованіе. Крайнимъ выраженіемъ этого разлада была неудавшаяся попытка Шлейхера ввести во всеобщее сознаніе мысль о томъ, что сравнит. языковѣдѣніе лишь по недоразумѣнію причисляется къ разряду наукъ историко-филологическихъ, въ сущности же составляетъ часть *естествознанія*.

Весь этотъ разладъ, однакоже, въ дѣйствительности далеко не былъ столь серьезнымъ и значительнымъ, какъ это могло казаться со стороны. Онъ походилъ на «ссору между своими» и носилъ характеръ временныхъ недоразумѣній. На самомъ дѣлѣ тѣсныя и живыя связи—сотрудничества

*) На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и *Карлъ Бругманнъ*, одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей современнаго языкознанія. См., наприм., его *Griechische Grammatik*, помѣщенную въ „Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft“, Ив. Мюллера, 2-е изд., 9 стр.

и единства цѣли—никогда не прерывались между обѣими науками. Всякій новый успѣхъ въ одной благотворно отражался на другой. Исключеніе сравнительнаго языкознанія изъ числа наукъ филологическихъ и прикомандированіе его къ естествознанію было сдѣлано только «на словахъ» (а не на дѣлѣ), и самъ Шлейхеръ, по справедливому замѣчанію Дельбрюка, въ своихъ изслѣдованіяхъ оставался такимъ же *филологомъ*, какъ и другіе лингвисты *).

Чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе становилась истина, что если не всякій филологъ—лингвистъ, то всякій лингвистъ непремѣнно долженъ быть филологомъ. За послѣднія лѣтъ 20 совершенно ясно обнаружилась рѣшительная тенденція не только къ сближенію, но и къ полному сліянію лингвистики съ филологіей.

Мы поймемъ всю законосообразность этого движенія, всю необходимость сліянія обѣихъ дисциплинъ, когда съ одной стороны передъ нами раскроется подлинная природа языка, какъ явленія, а съ другой—когда познакомимся съ задачами и пріемами такъ называемыхъ *филологическихъ* изученій. Понятное дѣло,—и то, и другое возможно въ концѣ предпринятаго нами труда, а не въ началѣ его. По необходимости здѣсь, въ этой вступительной главѣ, приходится ограничиться общими соображеніями и предварительными (пропедевтическими) указаніями, намѣчающими ту философскую точку зрѣнія на языкъ и науку о немъ, которой придерживается пишущій эти строки.

Прежде всего займемся вопросомъ *классификаціи*, т.-е. постараемся опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ языкъ въ ряду другихъ явленій доступнаго познанію космоса, и наука о языкѣ—въ ряду другихъ наукъ.

Со временъ Конта принципъ убывающей общности и возростающей сложности принимается какъ наиболѣе раціональный и удобный для потребностей нашей мысли критерій въ дѣлѣ упорядоченія или классификаціи всѣхъ явленій космоса. Не придерживаясь буквы Контовской классификаціи, а только руководясь указаннымъ критеріемъ, мы расположимъ явленія въ слѣдующемъ порядкѣ: *механическія, физическія, химическія, біологическія* и *психическія*.

Къ какому же изъ этихъ разрядовъ отнесемъ мы *языкъ?*

Самый бѣглый взглядъ на общеизвѣстныя свойства языка заставитъ насъ отнести его къ отдѣлу явленій *психическихъ*.

Языкъ, т.-е. *рѣчь человѣческая*, состоитъ изъ *словъ*, группирующихся въ *предложенія*. И слово, отдѣльно взятое, и то цѣлое, которое слагается изъ сочетанія словъ и именуется *предложеніемъ*, суть одинаково проявленія человѣческой душевной дѣятельности, они принадлежатъ нашему внутреннему (субъективному) міру, а не находятся гдѣ-нибудь внѣ насъ: они

*) *Delbrück*: „Einleitung in das Sprachstudium“, стр. 54. Исторія этого „разла“ будетъ изложена съ нѣкоторыми подробностями въ особомъ отдѣлѣ нашего тру- посвященномъ исторіи науки сравн. языкознанія отъ Боппа до нашихъ дней.

суть психическія функціи или процессы, корни которыхъ, какъ корни всего психическаго, глубоко лежатъ въ сферѣ біологической (физіологической). Обнаружить ихъ, освѣтить ихъ скрытую подпочвенную работу—это одна изъ задачъ физіологіи. Изслѣдовать природу психическаго процесса въ его уже осуществленномъ, надфизіологическомъ видѣ,—это дѣло наукъ психологическихъ, наукъ о «духѣ».

Здѣсь будутъ не лишни нѣсколько словъ въ поясненіе той точки зрѣнія, съ которой авторъ этого труда относится къ философскому вопросу о «духѣ» и «матеріи».

Для метафизика *дуалиста* матерія и духъ это — двѣ основныя субстанціи, несводимыя одна къ другой. Для метафизика *мониста* это только—двѣ формы обнаруженія одного и того же начала, одной субстанціи. Монистъ въ свою очередь можетъ признавать обѣ формы несводимыми одна къ другой; но основная идея—единства субстанціи не позволяетъ монистическому воззрѣнію остановиться и успокоиться на этомъ пунктѣ и влечетъ его либо къ *матеріализму*, сводящему «духъ» къ «матеріи», либо къ *крайнему спиритуализму*, усматривающему въ «духѣ» первичное проявленіе или отраженіе основной субстанціи.

Такъ ставится вопросъ на почвѣ того философскаго мышленія, которое склонно приписывать объективное бытіе *понятіямъ* или *обобщеніямъ*, создаваемымъ умомъ человѣческимъ. Если бы моя мысль держалась этого пути (по моему убѣжденію, уже не удовлетворяющаго потребностямъ современнаго знанія и мышленія), то я примкнулъ бы къ одному изъ монистическихъ воззрѣній, ибо думаю, что идея единства всего сущаго есть великая идея, которой принадлежитъ будущее.

Но въ настоящее время философскія проблемы, въ томъ числѣ и монистическое міровоззрѣніе, должны ставиться и разработываться на почвѣ иныхъ пріемовъ мысли, воспитываемыхъ какъ общимъ прогрессомъ отвлеченнаго мышленія, такъ и успѣхами положительнаго знанія. Въ силу этого перевоспитанія умовъ, современный мыслитель сознаетъ, что идея «субстанціи» есть именно только—идея, форма его собственной мысли и, какъ и всѣ отвлеченія, существуетъ исключительно въ умѣ человѣческомъ, а не внѣ его. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ по возможности строго отличать ощущенія, простыя и сложныя, и конкретныя представленія, и ихъ комплексы съ одной стороны и понятія, идеи—съ другой. Первымъ въ объективной сферѣ всегда отвѣчаетъ *нѣчто* *), хотя бы оно въ дѣйствительности и не было такимъ, какимъ оно дано въ ощущеніи и представленіи; оно существуетъ, какъ причина ощущенія. Напротивъ всѣ обобщенія, начиная съ простыхъ понятій, суть исключительно продукты нашего ума и существуютъ только въ субъективной сферѣ. Сюда относятся, конечно, и тѣ отвлеченія, которыя служатъ формами апперцепціи для другихъ элементовъ и продуктовъ мысли,—я разумѣю идеи пространства, времени, мате-

*) Само собой разумѣется, галлюцинаціи въ счетъ не идутъ.

ріи, духа. Современный мыслитель долженъ помнить, что это только формы нашей мысли.

Это, во-первыхъ, воздержитъ его отъ попытки сразу же перенести эти формы мысли въ міръ объективный, гдѣ онѣ превратятся въ «субстанціи» или «начала», а, во-вторыхъ, приведетъ его къ сознанію необходимости заняться сперва критическимъ и историческимъ изслѣдованіемъ самихъ этихъ формъ мысли,—ихъ происхожденія, ихъ развитія, ихъ психологической природы. Такимъ образомъ современный мыслитель по необходимости становится адептомъ критической философіи, ведущей свое начало отъ Канта.

Критическое изслѣдованіе познавательныхъ процессовъ мысли (Erkenntnisstheorie) въ ихъ нынѣшнемъ statu quo не выполнитъ своей философской миссіи, если не перейдетъ въ историческое изученіе эволюціи этихъ процессовъ въ теченіе вѣковъ. Мыслитель критической школы долженъ быть эволюціонистъ. Эволюція познавательныхъ процессовъ мысли открывается намъ: 1) исторіей языковъ и 2) исторіей науки, философіи и искусства. Какъ ни мало разработаны пока данныя той и другой, но они уже теперь даютъ намъ понять, что въ умахъ человѣческихъ вѣками совершается не только изощреніе и обогащеніе мысли, но и измѣненіе ея основныхъ формъ, въ особенности тѣхъ, которыя служатъ орудіями апперцепціи. Формы мысли, называемыя «пространство», «время», «матерія», «духъ», у насъ уже не то, чѣмъ были онѣ для мыслителей древности. Это въ особенности ясно по отношенію къ категоріямъ пространства и времени: нѣкогда онѣ понимались какъ матеріальныя субстанціи, объективно существующія внѣ насъ,—какъ матеріальныя вмѣстилища вещей. Теперь онѣ мыслятся въ этомъ видѣ развѣ только на почвѣ обыденнаго, наивнаго мышленія, да и тамъ—въ качествѣ фикціи. Для развитой мысли онѣ—формы, въ которыя отливаются впечатлѣнія, онѣ принадлежатъ субъективной сферѣ, являясь продуктами психической, умственной дѣятельности субъекта. Подобному же превращенію подлежатъ и идеи матеріи и духа. Въ свое время, говоря о происхожденіи и развитіи понятія *субстанціи*, мы увидимъ, что пониманіе (апперцепированіе) матеріи и духа этой категоріей, унаслѣдованное отъ временъ миѳологическаго мышленія, идетъ на убыль, и что на нашихъ глазахъ происходитъ разложеніе понятія *матеріи* на понятія *силъ*, а *духа*—на *психическіе акты* или *процессы*. Современный мыслитель-естествоиспытатель отлично знаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ *силами*, а *матерія* есть только *отвлеченіе* отъ ощущеній, вызываемыхъ въ насъ дѣйствіемъ этихъ ілъ. Это отвлеченіе, именуемое матеріей, по старой памяти, все еще—въ ливномъ мышленіи—отливается въ форму субстанціи потому только, что но было сдѣлано (абстрагировано) еще тогда, когда все доступное ощуценію, изслѣдованію и познанію понималось не какъ *силы*, а какъ *вещи*, гда напримѣръ, *огонь* отражался въ сознаніи не какъ проявленіе силы, какъ *процессъ*—горенія, а какъ *вещь*, *предметъ*. Понятно, что отвлеіе отъ вещей и дало въ результатѣ категорію *отвлеченной вещи* или

матеріи—субстанціи, матеріальной сущности. Но въ настоящее время, когда въ сознаніи мыслящаго человѣчества уже почти завершилась эта эволюція—превращенія категоріи вещи въ категорію силы, а отъ «вещи» остались только незримые, гипотетическіе атомы, какъ точки приложенія силъ, старое отвлеченіе матеріи, какъ субстанціи, уже не годится и потому преобразуется въ мнимое, въ фикцію,—превращеніе, предвозвѣщающее его исчезновеніе въ сознаніи. Это тотъ процессъ, который Потебня называлъ «устраненіемъ въ мысли субстанцій, ставшихъ мнимыми». То же самое происходитъ и по отношенію къ «духу». Рядъ явленій, развивающихся на основѣ нервно-мозговыхъ процессовъ и открывающихся субъекту какъ ощущеніе, чувство, мысль, волевой актъ, обобщаются въ отвлеченномъ понятіи *духа* или *психіи*, которое, по старой памяти, все еще—въ наивномъ мышленіи—отливается въ форму субстанціи, но эта субстанція въ свою очередь готова стать фикціей, ибо самыя-то явленія, обобщеніемъ которыхъ она служитъ, уже не могутъ быть понимаемы какъ вещи, а разсматриваются какъ процессы, какъ дѣятельности.

Я счелъ нужнымъ привести здѣсь эти соображенія по вопросу о духѣ и матеріи, потому что въ трудѣ, подобномъ настоящему, не должны оставаться неразъясненными основныя точки зрѣнія автора, усвоенные имъ пріемы мышленія, способъ пониманія явленій.

Психическіе процессы весьма многочисленны и разнообразны и являются объектами цѣлаго ряда наукъ. Они могутъ быть классифицируемы, во-первыхъ, на 1) психію животную и 2) психію человѣческую и, во-вторыхъ, на 1) психію искусственно (для удобства изученія) изолированнаго, отвлеченнаго индивидуума, 2) психію индивидуума въ его отношеніяхъ къ виду и 3) психію группы. Оттуда—слѣдующая схема психологическихъ наукъ, изъ которыхъ нѣкоторыя еще и не организовались и находятся пока въ періодѣ собиранія матеріала:

Психологическія науки.

I. Зоологическая психологія.			II. Человѣческая психологія.		
1. Психологія животнаго вообще—въ противуположность человѣку.	2. Психологія видовъ.	3. Животная соціологія.	1. Индивидуальная психологія (абстрактнаго человѣка). Логика.	2. Психологія націй: *лингвистика*, *филологія*, *этнографія*.	3. Соціологія (общество, государство, семья, право, экономія, церковь и т. д.)

Ближайшее знакомство съ природою и развитіемъ языка покажетъ намъ, что изо всѣхъ психическихъ процессовъ индивидуально-національныхъ въ ближайшемъ сродствѣ съ языкомъ состоятъ процессы *умственные,—явленія мысли*. Въ свое время мы увидимъ, что языкъ, какъ процессъ психическій, есть простѣйшая форма или ячейка болѣе сложныхъ и высшихъ

процессовъ мысли, дифференцирующихся на два вида: на мысль отвлеченную (научно-философскую) и художественную.

Вотъ именно этими-то высшими явленіями мысли у разныхъ народовъ, въ связи съ языкомъ, религіей, культурою, и занимается *филологія*.

Уже отсюда понятно, что лингвистика могла выдѣлиться въ особую науку только изъ филологіи, а не изъ какой-либо другой области знанія. Съ другой стороны, внутренняя связь между обѣими науками, на которую мы указали выше и которая въ концѣ концовъ сводится къ единству объекта изученія, предвѣщаетъ неизбѣжность ихъ сліянія въ будущемъ въ одну науку—*психологію національныхъ процессовъ мысли*, проявляющихся въ языкахъ, литературахъ, искусствѣ, міровоззрѣніяхъ, научно-философской дѣятельности разныхъ народовъ.

Выраженіемъ «*національные* процессы мысли» я отмѣчаю чрезвычайно важную черту, одинаково отличающую какъ лингвистику, такъ и филологію и роднящую ихъ съ *этнографіею*. Языкъ есть явленіе въ одно и то же время индивидуальное (т.-е. принадлежащее личности, индивидууму) и *коллективное*, т.-е. принадлежащее группѣ индивидуумовъ, именно той группѣ, которая называется *націею* *). Языкъ есть важнѣйшій признакъ національности. Перемѣна языка для личности равносильна перемѣнѣ національности. Человѣкъ, родившійся отъ русскихъ родителей, но съ дѣтства воспитанный во французской средѣ—такъ, что французскій языкъ сталъ его роднымъ языкомъ, привычнымъ органомъ его мысли, уже не можетъ считаться русскимъ: онъ принадлежитъ французской національности, и для него, вмѣстѣ съ языкомъ, французскій складъ мысли и творчества сталъ своимъ, роднымъ, гармонирующимъ со всѣми тайными струнами его личности. Ему сродни будетъ поэзія Гюго и Мюссэ, между тѣмъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Салтыковъ, Тургеневъ, Толстой останутся для него писателями *иностранными*, которыхъ еще нужно умѣть понять.

Лингвистика можетъ быть опредѣлена какъ наука о *національныхъ помыслахъ мысли*, проявляющихся въ *языкахъ* различныхъ народностей.

Въ свою очередь и *филологія* имѣетъ дѣло именно съ *національностями*. Она, какъ извѣстно, всегда и дѣлилась по націямъ (или группамъ націй, состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ между собою): на греческую, латинскую, германскую, славянскую, русскую, индійскую, иранскую, семитическую и т. д., и можетъ быть опредѣлена, какъ *наука, изучающая національное самосознаніе различныхъ народовъ*.

Въ исторіи обѣихъ наукъ эта внутренняя, органическая связь между ними, неясная въ началѣ, становится все замѣтнѣе по мѣрѣ ихъ развитія: каждый новый шагъ впередъ содѣйствуетъ выясненію этой связи и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрытію ихъ истиннаго характера, ихъ значенія и призванія въ системѣ наукъ психологическихъ.

---

*) Эти двѣ стороны языка (индивидуальная и національная) въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ будутъ разсмотрѣны въ главѣ III-й.

II.

„Предложеніе".

Послѣ вступительныхъ соображеній, изложенныхъ въ первой главѣ, мы можемъ прямо перейти къ разсмотрѣнію основныхъ и характерныхъ признаковъ языка, какъ психическаго явленія,—признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ психическихъ явленій. Прежде всего мы остановимся на вопросѣ: что̀ такое *предложеніе?*

Всякій, учившійся школьной грамматикѣ, знаетъ, что «предложеніе есть мысль, выраженная словами». Не трудно видѣть, что это опредѣленіе (равно какъ и его варіаціи, напримѣръ, та, гдѣ вмѣсто «мысль» стоитъ «сужденіе») равно ничего не опредѣляетъ: оно есть родъ тавтологіи и неизбѣжно влечетъ за собою рядъ вопросовъ, оставленныхъ имъ безъ отвѣта: что же такое эта *мысль* (или *сужденіе*), *выраженная словами?* Какой психологическій процессъ за нею скрывается? Что такое мысль сама по себѣ—внѣ словеснаго выраженія—и что такое слово?

Прежде всего необходимо найти правильную, т.-е. отвѣчающую природѣ явленія, постановку вопроса. Мы ее найдемъ, если установимъ генетическую связь даннаго явленія съ другими, ему родственными, и опредѣлимъ подлинныя—психическія—ихъ отношенія другъ къ другу. Иначе говоря, дѣло идетъ о правильной классификаціи изучаемаго явленія. Вотъ этимъ-то мы и займемся прежде всего.

Предложеніе принадлежитъ къ числу *умственныхъ* процессовъ человѣческой психіи. Но умственные процессы весьма многочисленны и разнообразны: необходимо выдѣлить изъ нихъ тѣ, которые, по своей природѣ и свойствамъ, представляются особливо близкими къ предложенію. Искать недалеко: это 1) *психологическое сужденіе* и 2) *логическое сужденіе.* Сродство этихъ двухъ явленій съ предложеніемъ такъ велико, что прежде ихъ всегда смѣшивали съ послѣднимъ, къ великому ущербу для правильнаго пониманія всѣхъ трехъ. Въ особенности было распространено смѣшеніе предложенія съ логическимъ сужденіемъ, что приводило къ перенесенію въ грамматику понятій, взятыхъ изъ логики, и наоборотъ—къ перенесенію въ логику терминовъ и понятій грамматическихъ.

Всѣ три явленія (предложеніе, психологическое сужденіе, логическое сужденіе) не должны быть смѣшиваемы и отожествляемы; но ихъ нужно сопоставить—съ цѣлью выяснить различіе между ними и опредѣлить подлинную природу каждаго изъ нихъ.

Сопоставляя ихъ, мы прежде всего убѣждаемся въ томъ, что они могутъ и должны быть расположены въ порядкѣ генетическомъ и эволюціонномъ, въ видѣ трехъ стадій развитія, или, выражаясь образно, трехъ психическихъ напластованій. Первая стадія или нижній слой это—*психологическое сужденіе*, форма мысли, предшествующая языку и безъ него обходящаяся; вторая стадія или средній слой это—*предложеніе*, т.-е. психологическое сужденіе, уже переработанное и усовершенствованное тѣми

умственными процессами, которые обусловлены даромъ слова, рѣчью; третья стадія или верхній слой это—*логическое сужденіе*, процессъ отвлеченной мысли, созданный силою языка, т.-е. возникшій изъ предыдущей стадіи—какъ результатъ ея дальнѣйшаго усовершенствованія, ея переработки въ сторону наибольшей отвлеченности мышленія.

Разсмотримъ подробнѣе всѣ три стадіи.

Психологическое сужденіе, сказали мы, предшествуетъ языку: это, стало быть, та форма мысли, которая—*въ своемъ чистомъ видѣ*—свойственна высшимъ животнымъ и дѣтямъ въ раннемъ возрастѣ *). Давно извѣстно, что эта *мысль*—до языка—слагается изъ элементовъ совершенно конкретныхъ, т.-е. въ ней нѣтъ абстракцій, нѣтъ даже простыхъ *понятій* въ томъ элементарномъ видѣ, въ какомъ являются они у человѣка, орудующаго рѣчью,—ихъ мѣсто занято *представленіями*, образами конкретными или же у высшихъ прирученныхъ животныхъ—стоящими на перепутьи отъ полной конкретности къ первичной, едва намѣчающейся отвлеченности простѣйшихъ, еще очень несовершенныхъ, очень неясныхъ *понятій*. Однимъ словомъ, это то мышленіе, которое профессоръ *Сѣченовъ* въ своей рѣчи на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей (4 янв. 1894 г.) называетъ *предметнымъ*.

Здѣсь будетъ у мѣста припомнить сущность этой превосходной рѣчи нашего знаменитаго ученаго (она была напечатана въ январьской книгѣ *Русской Мысли* за 1894 г.).

Вопросъ о мышленіи,—говорилъ И. М. Сѣченовъ,—«чисто-психологическій», когда онъ «касается мышленія на всѣхъ ступеняхъ его развитія до отвлеченной или символической мысли включительно». Но задача автора иная: «мы будемъ разбирать,—говоритъ онъ,—лишь тѣ наипростѣйшія формы мысли, которыя возникаютъ у человѣка уже въ дѣтскомъ возрастѣ и свойственны въ извѣстныхъ предѣлахъ даже животнымъ». Рѣчь идетъ о *«мышленіи предметами внѣшняго міра»* (т.-е. конкретными представленіями, не возведенными еще на ту степень обобщенія, которая называется *понятіемъ*), «воспринимаемыми органами чувствъ, о томъ, изъ какихъ физіологическихъ элементовъ слагается предметная мысль, *прежде чѣмъ она облекается въ слово*, какіе органы участвуютъ въ ея образованіи». Предметныхъ мыслей больше чѣмъ самихъ предметовъ,—все это огромное разнообразіе должно быть подведено подъ одну или нѣсколько общихъ формулъ. «Къ счастью, такая формула существуетъ давнымъ давно. Это есть *трехчленное предложеніе, состоящее изъ подлежащаго, сказуемаго и связки»*.

*) Для удобства изложенія оставляю здѣсь въ сторонѣ вопросъ о психологическихъ сужденіяхъ у человѣка, уже владѣющаго рѣчью. Собственно говоря, всѣ три формы мысли у взрослаго человѣка существуютъ одновременно. Но психологическое сужденіе является у него уже не въ своемъ чистомъ видѣ, а въ той метаморфозѣ, которая вызвана фактомъ существованія и преобладанія грамм. предложенія и логическаго сужденія. Самый районъ психологическаго сужденія суженъ и ограниченъ у него. Вопросъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ въ III-й и IV-й главахъ, гдѣ онъ будетъ умѣстнѣе.

Здѣсь, въ интересахъ единства терминологіи, я замѣчу, что удобнѣе было бы эту «формулу» называть *психологическимъ сужденіемъ* (для отличія отъ словеснаго, грамматическаго, которому собственно и присвоено названіе *предложенія*), а его составныя части именовать *психологическимъ* подлежащимъ, *психологическимъ* сказуемымъ и *психологическою* связкою (въ отличіе отъ словесныхъ, грамматическихъ,—подобно тому какъ ниже мы будемъ отличать отъ нихъ и отъ психологическихъ подлежащее, сказуемое и связку (точнѣе связь, отношеніе предикативной связи) *логическія*).

Задача проф. Сѣченова состоитъ въ томъ, чтобы «подыскать физіологическіе эквиваленты всѣмъ тремъ частямъ предложенія» (т.-е. психолог. сужденія).

«Въ предметной мысли *подлежащему* и *сказуемому* всегда соотвѣтствуютъ какіе-либо реальные факты, воспринимаемые нашими чувствами изъ внѣшняго міра».

Иначе говоря, психологическое подлежащее и психологическое сказуемое всегда суть конкретныя представленія,—образы вещей. «Они суть продукты внѣшнихъ воздѣйствій на наши органы чувствъ».

Иное дѣло—*связка*. «Она выражаетъ собою отношеніе, связь, зависимость между подлежащимъ и сказуемымъ». Въ ней вся суть: «безъ нея подлежащее и сказуемое были бы два разъединенные объекта, съ нею же они соединены въ родъ осмысленной группы». Замѣчу здѣсь, что въ психологіи, грамматикѣ и логикѣ для обозначенія этихъ связей между сказуемымъ и подлежащимъ употребляютъ термины: *предикативность, предикативная связь, предикативное отношеніе. Связка* и служитъ психологическимъ или грамматическимъ (смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ психологическимъ сужденіемъ или же съ грамматическимъ предложеніемъ) моментомъ, выражающимъ это предикативное отношеніе.

Все разнообразіе связей, зависимостей и отношеній,—продолжаетъ проф. Сѣченовъ,—подводится подъ три главныя категоріи: *совмѣстное существованіе, послѣдованіе* и *сходство*. «Первой изъ этихъ формъ соотвѣтствуютъ пространственныя отношенія, а второй—преемство во времени». Какъ частный случай послѣдованія, приводится еще причинная зависимость.

Оттуда—слѣдующее опредѣленіе психологическаго сужденія:

«Предметная мысль (т.-е. психологическое сужденіе) представляетъ членораздѣльную группу, въ которой члены съ предметнымъ характеромъ могутъ быть связаны между собою на три разныхъ лада: сходствомъ, пространственнымъ отношеніемъ (какъ члены неподвижной пространственной группы) и преемствомъ во времени (какъ члены послѣдовательнаго ряда)».

Опредѣливъ такимъ образомъ психологическое сужденіе, проф. Сѣченовъ обращается къ разсмотрѣнію его *физіологическихъ* основъ.

«Мысли,—говоритъ онъ,—какъ членораздѣльной группѣ, соотвѣтствуетъ чувственное впечатлѣніе, въ которомъ представлены чувственно не только эквиваленты подлежащаго и сказуемаго, но и эквивалентъ связки. Физіологическимъ эквивалентомъ подлежащаго и сказуемаго служатъ раздѣльныя

реакціи упражненнаго органа чувствъ на внѣшнее воздѣйствіе». Каковъ же физіологическій эквивалентъ связки? «Со временъ Канта,—отвѣчаетъ проф. Сѣченовъ,— было сильно распространено мнѣніе, что для воспріятія пространственныхъ и преемственныхъ отношеній у человѣка есть особый органъ вродѣ внутренняго зрѣнія, дающій сознанію непосредственно свѣдѣнія объ отношеніяхъ того или другого рода. Мысль эта оказалась до извѣстной степени справедливой, потому что такой органъ дѣйствительно существуетъ и долженъ былъ бы носить имя *органа мышечнаго чувства*».

Такъ, наприм., «благодаря поворотамъ головы и глазъ, сложный зрительный образъ распадается на части, связанныя между собою пространственными отношеніями, и факторомъ, связующимъ зрительныя звенья въ пространственную группу, является мышечное чувство».

«*Итакъ, насколько мысль представляетъ членораздѣльную группу въ пространствѣ или во времени, связкѣ въ чувственной группѣ всегда соотвѣтствуетъ двигательная реакція упражненнаго органа чувствъ, входящая въ составъ акта воспріятія.* Помѣщаясь на поворотахъ зрительнаго, осязательнаго и другихъ формъ чувствованія, мышечное чувство придаетъ, съ одной стороны, впечатлѣнію членораздѣльность, съ другой—связываетъ звенья его въ осмысленную группу».

Затѣмъ, переходя къ процессу сопоставленія предметовъ *по сходству,* проф. Сѣченовъ указываетъ на *органы памяти,* какъ на главный факторъ этого процесса.

«... Когда у человѣка реальное впечатлѣніе отъ какого-либо предмета повторяется, скажемъ, въ тысячный разъ, въ сознаніи его являются рядомъ реальное впечатлѣніе данной минуты и воспоминаніе о немъ, происходитъ сопоставленіе по тождеству, и результатомъ является то душевное движеніе, которое мы называемъ *узнаваніемъ* предмета *). Это есть наипростѣйшая форма мысли, свойственная даже животнымъ,—форма, съ которой начинается умственная жизнь...

«Итакъ,—заключаетъ И. М. Сѣченовъ,—*элементами безсловесной предметной мысли* служатъ продукты воздѣйствія внѣшняго міра на наши органы чувствъ, а факторами, изъ коопераціи которыхъ мысль возникаетъ,—повторяющееся внѣшнее воздѣйствіе, упражненный органъ чувствъ и органы памяти. Что же касается процесса мысли, то, въ случаѣ когда она родится непосредственно изъ реальнаго впечатлѣнія, акту мышленія соотвѣтствуетъ физіологически рядъ раздѣльныхъ реакцій упражненнаго чувства на сложное внѣшнее воздѣйствіе. Когда же мысль является въ ıдѣ воспоминанія, то ея физіологическую основу составляетъ повтореніе режняго нервнаго процесса, но уже исключительно въ центральной нервой системѣ».

Эти выдержки изъ рѣчи проф. Сѣченова даютъ намъ сжатое и отчет-

---

*) Какъ увидимъ, *узнаваніе* есть одинъ изъ многихъ аналогичныхъ умственныхъ цессовъ, обнимаемыхъ терминомъ *апперцепція.*

ливое понятіе о *сущности* психологическаго сужденія, разсматриваемаго, такъ сказать, снизу вверхъ, съ точки зрѣнія *физіолога*, отправляющагося отъ *физіологическихъ* основъ мысли. Но, вѣдь, «предметная мысль», при всей своей элементарности, представляетъ собою *психическій* процессъ, котораго продукты или крайнія, верхнія точки уже довольно высоко поднимаются надъ физіологическими основами. И наблюдателю, взирающему на этотъ процессъ сверху, съ точки зрѣнія психолога, онъ по необходимости представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ особенности *связка* психологическаго сужденія въ своей послѣдней, если можно такъ выразиться, редакціи является психическимъ моментомъ особаго рода, уже не совпадающимъ съ его физіологическими эквивалентами. Объ этомъ ниже, а теперь у насъ на очереди вопросъ о *словесномъ* сужденіи или «предложеніи».

Словесное предложеніе, сравнительно съ психологическимъ сужденіемъ есть явленіе гораздо болѣе сложное и, въ то же время, болѣе совершенное, высшее. Оно есть психологическое сужденіе, осложненное рѣчью, переработанное силою языка. Въ этомъ преобразованіи психологическаго сужденія, въ этомъ возведеніи его на высшую ступень мысли языкъ участвуетъ всѣми своими свойствами. Поэтому полное и отчетливое пониманіе этой дѣятельности языка и всѣхъ вытекающихъ оттуда признаковъ предложенія, которыми оно отличается отъ психологическаго сужденія, возможно будетъ только послѣ того, какъ мы познакомимся со всѣми важнѣйшими свойствами рѣчи человѣческой. Здѣсь же по необходимости приходится «упростить задачу» и принять въ соображеніе лишь одно свойство языка, важнѣйшее и само по себѣ, и въ данномъ случаѣ (въ процессѣ преобразованія «предметной мысли» въ предложеніе) играющее первостепенную роль. Это именно — *грамматическія значенія словъ* или *грамматическая форма*.

Опредѣленію и объясненію происхожденія и эволюціи грамматическихъ формъ будетъ посвящена особая глава (VI), здѣсь же лишь мимоходомъ напомню читателю, что *грамматическое значеніе*—это такое свойство слова, въ силу котораго одно слово является *существительнымъ*, другое—*прилагательнымъ*, третье—*глаголомъ* и т. д., со всѣми формальными опредѣленіями ихъ, каковы *родъ, число, падежи, времена, лица, залоги* и проч. Всѣхъ этихъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, явленій нѣтъ ни въ психологическомъ сужденіи, ни въ логическомъ, ибо первое предшествуетъ языку, а второе надъ нимъ возвышается.

Называя грамматическую форму, какъ и другія черты, наблюдаемыя въ языкѣ, «свойствами слова», считаю не лишнимъ оговориться, что я выражаюсь такъ только для краткости: было бы весьма прискорбно, если бы кто-нибудь понялъ это буквально, т.-е. приравнялъ бы слово и его свойства ко внѣшнимъ предметамъ и ихъ свойствамъ, представляя себѣ, что слово есть какъ бы нѣчто объективное, вещь, предметъ, и что оно имѣетъ свои свойства или признаки, наприм. грамматическую форму, вродѣ

того, какъ, наприм., камень имѣетъ вѣсъ, плотность, цвѣтъ и пр. Въ дѣйствительности слово есть внутренній, психическій процессъ, состоящій въ соединеніи (ассоціаціи) членораздѣльныхъ звуковъ и артикуляціонныхъ движеній, ихъ производящихъ, съ извѣстными представленіями и понятіями, образующими (лексическія) *значенія* словъ, а также—съ *тѣми способами изображенія или пониманія* этихъ значеній, которыя мы называемъ *грамматическими формами*. Наприм. слово *домъ* есть психическій актъ, состоящій въ томъ, что членораздѣльные звуки *д-о-м* и производящая ихъ артикуляція ассоціированы (психологически) съ понятіемъ объ извѣстномъ предметѣ (наприм., домъ—жилище), такъ что, видя или вспоминая этотъ предметъ, я невольно вспоминаю и произношу или готовъ произнести данные членораздѣльные звуки; съ тѣмъ вмѣстѣ въ составъ ассоціаціи входитъ сознаніе *), что «домъ» есть предметъ, а не качество или дѣйствіе, т.-е. я отливаю сумму впечатлѣній отъ *дома* или мое понятіе о немъ въ форму умственной категоріи «вещи» (субстанціи),—процессъ, который кратко мы обозначаемъ терминомъ «имя существительное». Итакъ, всѣ эти «свойства» слова суть въ сущности психическіе—умственные—акты субъекта; эти акты совершаются, въ значительной долѣ, въ сферѣ безсознательной, частью же проявляются въ сознаніи; всѣ вмѣстѣ они образуютъ связную группу (ассоціацію) психическихъ моментовъ: эта ассоціація и есть *слово*.

Въ грамматическихъ формахъ («частяхъ рѣчи») представленія и понятія, составляющія лексическія значенія словъ, распредѣляются по извѣстнымъ рубрикамъ: въ *существительномъ* они квалифицируются какъ *вещи* (субстанціи), въ *прилагательномъ* — какъ *признаки, присущіе предметамъ* (*бѣлый* домъ), въ *глаголѣ* — какъ *признаки, производимые дѣятельностью предмета* (домъ *бѣлѣетъ*) и т. д. Все это, стало-быть, особые умственные процессы, представляющіе собою какъ бы родъ безсознательной, «натуральной» философіи,—это какъ бы природное словесное міросозерцаніе, вносящее порядокъ въ массу впечатлѣній, притекающихъ извнѣ и сохраняющихся въ памяти. Такъ вотъ именно эта умственная дѣятельность, кратко обозначаемая терминами *языкъ, рѣчь*, и есть та психическая сила или функція, которая прежде всего обнаруживается въ преобразованіи психологическаго сужденія въ словесное предложеніе.

Это преобразованіе выражается въ слѣдующихъ—важнѣйшихъ—результатахъ:

1. Каждый членъ психологическаго сужденія (подлежащее, сказуемое, связка) въ словесномъ предложеніи пріурочивается къ извѣстной категоріи и такимъ образомъ является какъ бы въ двойномъ видѣ. Именно, подлежащее психологическаго сужденія, превращаясь въ подлежащее словеснаго предложенія, наряжается въ форму имени существительнаго въ именитель-

*) Беру этотъ терминъ для сжатости. Въ гл. VI вопросъ объ отношеніи грамматической формы къ сознанію будетъ разсмотрѣнъ подробно.

номъ падежѣ. Оно уже не просто — сумма извѣстныхъ впечатлѣній, не просто образъ, но образъ квалифицированный, пріуроченный къ категоріи *вещи*, понятый, какъ предметъ или субстанція. Сказуемое въ свою очередь уже не только образъ, приведенный въ предикативную связь съ подлежащимъ, но опять-таки образъ упорядоченный, пріуроченный къ категоріи *вещи* или къ категоріи *признака*. Наконецъ, связка преобразуется въ ту болѣе или менѣе отвлеченную категорію отношенія, которая апперципируется такъ называемымъ «вспомогательнымъ глаголомъ» (есть, быть, являться и проч.). Для наглядности это различіе между психологическимъ сужденіемъ и словеснымъ предложеніемъ можно представить въ слѣдующихъ формулахъ, составленныхъ изъ знаковъ: S (subjectum, подлежащее), P (praedicatum, сказуемое), C (copula, связка) и n (nomen, имя—существительное, прилагательное, причастіе) и v (verbum, глаголъ). Получимъ:

Психологическое сужденіе: $S + C + P$.
Словесное предложеніе: $S^n + C^v + P^n$.

2. Психологическое сужденіе неподвижно или, точнѣе, измѣняется такъ медленно, что мы имѣемъ право считать эти измѣненія равными нулю и не принимать ихъ въ соображеніе *). Напротивъ, грамматическое предложеніе находится въ вѣчномъ движеніи, въ непрерывномъ процессѣ развитія, такъ же, какъ и образующія его грамматическія формы, что̀ и внушило покойному *А. А. Потебнѣ* мысль о безсодержательности, безплодности и ненужности общихъ опредѣленій предложенія и о необходимости доискиваться частныхъ опредѣленій, для каждой стадіи развитія отдѣльно. Ниже мы вернемся къ этой мысли лингвиста-филолога. Изъ измѣненій, свойственныхъ предложенію, отмѣтимъ здѣсь два, въ которыхъ, между прочимъ, рѣзко сказывается отличіе его отъ психологическаго сужденія: а) въ предложеніи связка отнюдь не обязательна,—она можетъ быть устранена, и тогда вся предикативность сосредоточивается въ сказуемомъ. Это и происходитъ, когда сказуемое выражается глаголомъ. Пояснимъ это примѣрами. Въ предложеніи «человѣкъ смертенъ» связка вовсе не отсутствуетъ: она только *не произнесена вслухъ;* но она мыслится, присутствуетъ въ сознаніи въ качествѣ особаго момента и, притомъ, отнюдь не отвлеченнаго отъ слова, — она мыслится въ формѣ вспомогательнаго глагола *есть*, что̀ видно изъ обязательнаго употребленія этого глагола въ прошедшемъ и будущемъ временахъ: «человѣкъ всегда *былъ* и *будетъ* смертенъ». Но въ предложеніи «человѣкъ умираетъ» уже нѣтъ связки, а есть только подлежащее (человѣкъ) и сказуемое (умираетъ): между ними нѣтъ— въ мысли — особаго связующаго момента, который былъ бы апперцепированъ извѣстной грамматической категоріей. Возьмемъ древне-русскій оборотъ: «послахъ отрока своего въ Печеру, люди, *иже суть данъ дающе*

*) Психологическія сужденія высшихъ и къ тому же воспитанныхъ прирученіемъ дрессированныхъ животныхъ должны быть совершеннѣе психологическихъ сужденій животныхъ, стоящихъ ниже и живущихъ въ дикомъ состояніи.

Новугороду» (Ипат. лѣтоп.). Здѣсь придаточное предложеніе заключаетъ въ себѣ подлежащее—*иже* (которые), связку—*суть* и сказуемое—*дающе* (причастіе — дающіе). На современномъ языкѣ уже нельзя такъ сказать: «которые суть дающіе дань...» Переводя старинный оборотъ посредствомъ тѣхъ, которые употребительны или, по крайней мѣрѣ, возможны въ настоящее время, мы скажемъ или: «которые суть данники Новгорода» (и это будетъ наиболѣе вѣрная передача), или: «которые даютъ дань Новгороду». Въ первомъ случаѣ сохраняется связка—*суть* (сказуемое—данники); во второмъ связки уже нѣтъ, не только въ выраженіи, но и въ сознаніи, и вся предикативность сосредоточена въ сказуемомъ, которое поэтому и выражено глаголомъ (даютъ).

Здѣсь необходимо сдѣлать одно поясненіе. Въ предложеніи *связка* вообще далеко не такъ самостоятельна, какъ въ психологическомъ сужденіи: въ предложеніи она входитъ въ составъ сказуемаго. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ: «человѣкъ (есть) былъ, будетъ смертенъ», «иже суть дань дающе...», «которые суть данники»,—сказуемыя состоятъ изъ двухъ словъ каждое: изъ *связки* (есть, былъ, будетъ, суть) и изъ сказуемаго въ тѣсномъ смыслѣ (смертенъ, дающе, данники). Въ этомъ видѣ оно называется *составнымъ сказуемымъ*. б) Въ предложеніи можетъ быть устранено и само подлежащее въ такъ-называемыхъ *безличныхъ* или, точнѣе, *безсубъектныхъ* предложеніяхъ («свѣтаетъ», «тошнитъ», «хочется»), о которыхъ будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ. Эти два явленія—устраненіе связки и упраздненіе подлежащаго, представляютъ большой интересъ съ точки зрѣнія эволюціи мысли человѣческой. Это станетъ намъ ясно, когда мы познакомимся съ результатами глубокихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что этотъ процессъ отнюдь не долженъ быть понимаемъ какъ упрощеніе, т.-е. преобразованіе болѣе сложнаго умственнаго процесса въ менѣе сложный. Два момента въ сознаніи (связка и сказуемое,—подлежащее и сказуемое) сводятся, правда, къ одному, но этотъ одинъ, какъ убѣдимся въ свое время, становится за то процессомъ болѣе интенсивнымъ, болѣе сложнымъ по своему внутреннему составу, чѣмъ тѣ два вмѣстѣ взятые. Мы не разъ будемъ встрѣчаться съ подобными явленіями въ языкѣ, которыя нѣкоторые изслѣдователи ошибочно принимали за упрощенія.

3. Третье отличіе грамматическаго предложенія отъ психологическаго сужденія состоитъ въ томъ, что, въ силу переработки подлежащаго и сказуемаго категоріями частей рѣчи, подлежащее, дотолѣ представлявшее собою цѣльный образъ, распадается на подлежащее въ собственномъ смыслѣ и его «опредѣленіе», а сказуемое, до тѣхъ поръ единое и нераздѣльное, превращается въ сказуемое въ тѣсномъ смыслѣ и его «дополненія» и «обстоятельства». Такимъ образомъ создаются, какъ отдѣльные моменты въ сознаніи, *второстепенныя части предложенія*, не существующія ни въ психологическомъ сужденіи, ни въ логическомъ. Напримѣръ, дословесное психологическое сужденіе: «эта черная птица летитъ быстро»—заключаетъ

въ себѣ только три момента: 1) подлежащее—образъ черной птицы, 2) сказуемое—ея быстрый полетъ и 3) связку—актъ приписанія, отнесенія этого полета къ подлежащему—птицѣ. Въ грамматическомъ предложеніи цѣльный образъ черной птицы распадается на моменты: *птица*—подлежащее и *эта* и *черная*—опредѣленія, а единое сказуемое, представленіе быстраго полета,—на моменты: *летитъ*—сказуемое въ тѣсномъ смыслѣ и *быстро*—обстоятельство. Подъ традиціонной грамматической номенклатурой (опредѣленіе, дополненіе, обстоятельство) нужно понимать особые моменты въ сознаніи, особые акты мысли, сущность которыхъ сводится все къ тому же *процессу мышленія грамматическими формами* (опредѣленіе мыслится въ формѣ прилагательнаго, причастья и существительнаго, когда оно образуетъ такъ-называемое «приложеніе», дополненіе въ формѣ существительнаго въ косвенномъ падежѣ, обстоятельство—въ формѣ нарѣчья).

Для нашей ближайшей цѣли—намѣтить различія между предложеніемъ и психологическимъ сужденіемъ—этихъ указаній пока достаточно. Другія характерныя черты предложенія раскроются сами собою, когда мы въ дальнѣйшемъ познакомимся обстоятельнѣе съ различными сторонами психической природы языка, какъ умственнаго процесса. Здѣсь же у насъ на очереди вопросъ объ отношеніи предложенія къ *логическому сужденію*.

Если движеніе отъ психологическаго сужденія къ грамматическому предложенію есть подъемъ изъ низшей умственной сферы въ высшую, то переходъ отъ грамматическаго предложенія къ логическому сужденію представляется дальнѣйшимъ восхожденіемъ, еще этажемъ выше. Это результатъ дальнѣйшаго усовершенствованія мысли въ направленіи большей *отвлеченности*, *сознательности* и *раціональности*. Мысль «предметная» и мысль грамматическая въ значительной степени безсознательны или полусознательны: въ большинствѣ случаевъ только конечная точка процесса, результатъ мысли, ярко выступаетъ въ сознаніи. Напротивъ того, логическое мышленіе сознательно или, по крайней мѣрѣ, стремится къ сознательности въ самомъ *процессѣ* своемъ, въ самомъ актѣ своего возникновенія. Мысль «предметная» и мысль грамматическая, коренясь и развертываясь по преимуществу въ безсознательной сферѣ, подчиняются *психологическимъ* законамъ ума, которые *ирраціональны* не менѣе законовъ чувства. Напротивъ, мышленіе логическое, возвышаясь надъ языкомъ и какъ бы суммируя всѣ результаты, имъ добытые, повторяетъ—по своему—процессъ созданія мысли въ новомъ, совершеннѣйшемъ видѣ, при свѣтѣ сознанія, и въ этой дѣятельности своей подчиняется уже не психологическимъ (въ тѣсномъ смыслѣ), а *логическимъ* законамъ ума, которые, по существу своему, *раціональны*.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ процессѣ преобразованія грамматической мысли въ логическую важнѣйшую роль играетъ *связка* или, точнѣе, *развитіе въ извѣстномъ направленіи понятія предикативной связи*.

Исходя изъ драгоцѣнныхъ указаній проф. Сѣченова, мы имѣемъ воз-

можность составить себѣ общую схему эволюціи связки, начиная отъ ея физіологическихъ эквивалентовъ, мышечнаго чувства и органовъ памяти, переходя черезъ связку психологическаго сужденія и грамматическаго предложенія и кончая—*логической*.

Но было бы крайне затруднительно изобразить эту схему сейчасъ же. Мы будемъ строить ее постепенно, по частямъ, по мѣрѣ того какъ все обстоятельнѣе и нагляднѣе будутъ раскрываться предъ нами различныя свойства языка вообще и грамматическаго предложенія въ частности. Дѣло въ томъ, что языкъ есть необходимый органъ нашей мысли, и предложеніе—ея привычная форма, отъ которой намъ очень трудно отрѣшиться. Здѣсь мы сдѣлаемъ только попытку немного, насколько это пока возможно, отвлечься отъ языка, отъ грамматическаго мышленія, чтобы сперва заглянуть внизъ, въ мысль «предметную», и потомъ вверхъ, въ сферу логическую, и такимъ образомъ составить себѣ предварительное, далеко не полное, понятіе объ эволюціи связки. Намъ придется пока оставить въ сторонѣ цѣлую половину этого процесса, именно—вопросъ объ *органахъ памяти*, какъ объ источникѣ *связки*; мы разсмотримъ, и то не по всѣмъ пунктамъ, только другую его половину, именно развитіе связки—поскольку она возводится къ другому источнику, *къ мышечному чувству*.

Возьмемъ предложенія, напримѣръ: «камень лежитъ», «птица летитъ»—и постараемся отрѣшиться отъ языка, отвлечься отъ грамматической природы этихъ предложеній, чтобы хотя приблизительно возстановить ихъ въ формѣ психологическаго сужденія. Отрѣшиться же отъ языка возможно, только зная его свойства; въ данномъ случаѣ нужно знать, что тотъ *типъ* предложенія, къ которому принадлежатъ взятые нами примѣры, не есть древнѣйшій. Сейчасъ у насъ будетъ рѣчь объ этомъ. Пока замѣчу, что психологическое сужденіе вообще не отливаетъ своихъ частей въ форму грамматическихъ категорій, но что въ немъ есть зародыши ихъ или, точнѣе, психическіе моменты, которые въ дальнѣйшемъ развитіи, на почвѣ мышленія языкомъ, явятся въ видѣ отправныхъ точекъ будущихъ грамматическихъ формъ, въ особенности частей рѣчи. Итакъ, въ психологическихъ сужденіяхъ «камень лежитъ», «птица летитъ» нѣтъ ни существительныхъ (камень, птица), ни глаголовъ (лежитъ, летитъ). Въ немъ есть только представленіе (образъ) лежащаго камня, летящей птицы. Разница между такимъ представленіемъ, возникшимъ въ видѣ одного, нерасчлененнаго цѣлаго, и психологическимъ сужденіемъ, ему отвѣчающимъ, сводится, къ тому только, что въ послѣднемъ такой образъ *расчлененъ* на три момента, и в три составляютъ связную, осмысленную группу. Эти три момента суть: 1 образъ предмета (камня, птицы), взятый самъ по себѣ, независимо отъ д наго состоянія его; 2) представленіе даннаго состоянія предмета (его л анія, его летанія) и 3) *связка*, т.-е. способъ соединенія въ мысли— в рого момента съ первымъ (сказуемаго съ подлежащимъ). Вотъ и пос мимъ, каковъ этотъ способъ.

либы субъектъ этихъ сужденій (т.-е. безсловесное существо, въ со-

знанiи котораго они возникли) могъ сознавать и выразить то, что въ немъ происходитъ, онъ повѣдалъ бы намъ приблизительно слѣдующее: «сперва я ощущаю ту *мышечную работу*, которую я произвожу (при поворотахъ головы и глазъ) для апперцепцiи пространственныхъ (и временныхъ) отношенiй между вещами,—и полученныя такимъ путемъ формы воспрiятiя я называю пространствомъ (и временемъ), различая покой и движенiе. Разъ эти формы мысли, хотя бы въ ихъ элементарнѣйшемъ видѣ, во мнѣ возникли,—я ими пользуюсь какъ готовыми и даже перестаю сознавать, какъ и откуда онѣ возникли. Всѣ предметы кажутся мнѣ заранѣе данными въ пространствѣ и времени, какъ въ своего рода вмѣстилищахъ, гдѣ всѣ они живутъ вмѣстѣ со мною.

Но то же самое мышечное чувство и другiя органическiя ощущенiя являются для меня источникомъ другого порядка умственныхъ формацiй. Мускульныя чувства различнаго рода, дающiя себя знать при всѣхъ проявленiяхъ моей самодѣятельности (при вставанiи, хожденiи, бѣганiи и т. д.), развиваютъ во мнѣ сознанiе моей способности къ *волевымъ актамъ*. Внутреннiй опытъ говоритъ мнѣ о томъ, что я—сосудъ разныхъ *хотѣнiй*. Онъ говоритъ мнѣ также о моей *одушевленности*. Эти представленiя,—одушевленности, хотѣнiй, волевыхъ актовъ и тѣсно связанныхъ съ ними мускульныхъ усилiй и чувствъ,—образуютъ психическую ассоцiацiю, которая такъ крѣпко сидитъ въ моемъ сознанiи, такъ окрашиваетъ собою мой внутреннiй мiръ, что я невольно переношу ее изъ себя на внѣшнiе предметы, приписывая имъ одушевленность, хотѣнiя, волю, и дѣлаю изъ нея для моей мысли то, что гг. психологи называютъ *связкою* психологическаго сужденiя. Поэтому, когда образы, напримѣръ, лежащаго камня или летящей птицы разлагаются въ моемъ сознанiи на соотвѣтственныя членораздѣльныя группы, т.-е. превращаются въ сужденiя, то въ качествѣ *связки* этихъ сужденiй я мыслю уже не пространственныя (или временныя) отношенiя an sich, а тѣ внутреннiе импульсы, которые я приписываю моимъ подлежащимъ,—камню—*хотѣнiе* «быть лежащимъ», волю и усилiя лететь—птицѣ».

Вотъ именно изъ этого-то эмбрiона—на высшей степени развитiя, т.-е. въ грамматическомъ предложенiи—и развилась *глагольная*, т.-е. первоначально *активная* и *волевая*, форма отношенiя между подлежащимъ и сказуемымъ. И многiя данныя историческаго языкознанiя уполномочиваютъ насъ предполагать, что *глаголъ* въ языкѣ впервые и появился именно *въ качествѣ грамматической связки*, т.-е. въ видѣ такъ-называемаго «вспомогательнаго глагола». Но, судя по нѣкоторымъ другимъ, очень вѣскимъ, указанiямъ *), слѣдуетъ думать, что этому появленiю глагола въ роли связки предшествовала эпоха, когда глагола совсѣмъ не было въ языкѣ, такъ что психологическая связка въ предложенiи не находила себѣ выраженiя, не была представлена особымъ словомъ. Но она, конечно, присутствовала въ сознанiи какъ особый моментъ, который мыслился,—какъ

*) Они будутъ приведены въ гл. IV-й.

представленіе волевого акта. Древнѣйшій, самый архаичный типъ предложенія былъ такой: «птица—летящая», «камень—лежащій», гдѣ только на мѣстѣ современныхъ причастій (лежащій, летящая) мы должны представить себѣ особую архаическую форму, потомъ исчезнувшую, т.-е. форму, которая служила представленіемъ предмета одушевленнаго, одареннаго волею и дѣйствующаго. Ее можно назвать *прото-причастьемъ* или *праименемъ*. Она и легла въ основу будущаго глагола, который изъ нея образовался черезъ присоединеніе личныхъ окончаній, нѣкоторыя изъ коихъ, вѣроятно, мѣстоименнаго происхожденія. Когда такимъ путемъ глаголъ возникъ изъ первобытнаго «причастья»,—онъ прежде всего и явился грамматическимъ выраженіемъ *связки*. Весьма вѣроятно, что первоначально всѣ глаголы могли быть связками, и что не было особаго разряда «вспомогательныхъ», къ этой роли спеціально приспособленныхъ глаголовъ *). И безъ всякаго сомнѣнія, значенія этихъ первобытныхъ глаголовъ—связокъ были очень конкретны и весьма далеко отстояли отъ той степени отвлеченія, на которой мы застаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ вспомогательные глаголы вродѣ нашихъ *есть*, *суть*, *быть*, лат. *sum*, греч. εἰμί, фр. *être*, нѣм. *sein*, *werden* и т. д. Первоначальное конкретное значеніе этихъ и подобныхъ глаголовъ (т.-е., точнѣе, не ихъ самихъ, а ихъ прототиповъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ) можетъ быть, съ большей или меньшей вѣроятностью, опредѣлено по нѣкоторымъ намекамъ, сохранившимся въ древнихъ языкахъ. Такъ, хотя санскритскій глаголъ *bhū* (быть, становиться, тотъ же корень, что̀ и въ нашемъ *быть*, въ лат. fui, futurus, въ нѣм. *bin*) имѣетъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ значеніе отвлеченное, но извѣстны такія его формы и такіе случаи его употребленія, изъ которыхъ видно, что первоначальнымъ его значеніемъ было *рости*, *прозябать*, а это въ свою очередь подтверждается греческими формами отъ того же корня: φύω—рождаю, произвожу и въ непереходномъ (среднемъ) значеніи *рождаться*, *рости* и сущ. φυτόν—растеніе. Относительно первобытнаго глагола, отъ котораго пошли санскрит. *asti* (есть), лат. est, греч. ἐστι, наше *есть* и т. д., возможно предположеніе, что онъ значилъ нѣкогда сперва *дышать*, потомъ *жить*, *быть въ силѣ* и т. п. Такимъ образомъ, въ эпоху появленія впервые глагола въ качествѣ связки, предложеніе «камень—лежащій» было преобразовано въ «камень *есть* лежащій», гдѣ связка *есть* еще не выражала той абстракціи, которую она стала обозначать впослѣдствіи, а значила, напримѣръ, *дышетъ* или *живетъ* («камень *живетъ* лежащій»)—вродѣ нашихъ народныхъ выраженій: «похвала *живетъ* человѣку пагуба», «деньга покатна *живетъ*», «женскій полъ пухолъ *живетъ*», гдѣ глаголъ *живетъ* есть *связка* и употребленъ вмѣсто отвлеченныхъ вспомогательныхъ глаголовъ *есть*, *бываетъ*, *становится* **).

*) Иначе говоря, всѣ глаголы были „вспомогательными“.

**) Такіе и другіе этого рода примѣры читатель найдетъ въ книгѣ Потебни Изъ записокъ по русск. грамматикѣ“, 2-е изд., стр. 166 (глаголы жить, рости, роиться, идти въ качествѣ связокъ).

Обращаясь теперь къ этимъ глаголамъ, служащимъ *связками* въ *современныхъ* языкахъ, мы видимъ, что число ихъ ограничено, и что всѣ они, въ большей или меньшей степени, *отвлеченны*. Но идя отъ современнаго состоянія языка по направленію къ древности, мы замѣчаемъ, что число глаголовъ-связокъ все растетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся *конкретнѣе* (кромѣ такихъ, какъ *есть*, *быть*, которые были конкретными во времена доисторическія и уже въ древнѣйшихъ памятникахъ являются съ отвлеченнымъ значеніемъ). Вотъ, напримѣръ, рядъ глаголовъ, которые въ древнерусскомъ и церковнославянскомъ служили связками (привожу ихъ изъ книги *Потебни*: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ»; втор. изд., стр. 126): *мнѣтися*, *творитися*, *повѣдатися*, *явитися*, *довьлѣти*, *съжалитися*, *убоятися*, *коньчати*, *прѣбыти*, *прѣстати*, *стати* и *стояти*, *сѣсти* и *сѣдѣти*, *лежати*, *вестися* и др. Чтобы читатель могъ, по возможности, ясно представить себѣ тотъ типъ мышленія, который характеризуется употребленіемъ подобныхъ глаголовъ въ качествѣ связокъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Возьмемъ сперва оборотъ, возможный и въ современномъ языкѣ: «этотъ домъ цѣлый годъ *стоитъ* пустой». Здѣсь связка *стоитъ* далеко не такъ абстрактна, какъ, напримѣръ, *есть* и т. п., она, кромѣ своей непосредственной функціи—выразить связь признака, даннаго въ сказуемомъ (пустой) съ подлежащимъ (домъ), выступаетъ также и въ своемъ *лексическомъ* значеніи, выражая извѣстное глагольное понятіе (стоять), могущее такъ или иначе характеризовать подлежащее. Если бы послѣднее обозначало какой-нибудь движущійся предметъ, то соотвѣтственная связка была бы выражена глаголомъ, обозначающимъ движеніе. Примѣровъ для этого послѣдняго (и аналогичныхъ) случаевъ можно бы найти въ старинномъ языкѣ очень много, но нелегко подыскать ихъ въ современномъ: уже изъ этого видно, что такіе обороты не въ духѣ современнаго языка, который вообще избѣгаетъ конкретныхъ, *знаменательныхъ* *) связокъ, замѣняя ихъ отвлеченными или же совсѣмъ ихъ устраняя. Въ качествѣ примѣра для связки, выражающей движеніе, приведемъ: «онъ цѣлый день *ходитъ* пасмурный». Эта фраза хочетъ сказать не то, что «онъ ходитъ» (т.-е. не сидитъ, не лежитъ), а то, что «онъ—пасмуренъ», и въ ней «*ходитъ*» есть связка (а не сказуемое). Въ старину такіе обороты употреблялись сплошь и рядомъ: говорили, напримѣръ, «конь *мчится быстрый*», что въ настоящее время невозможно,—мы скажемъ «мчится быстро», т.-е. превратимъ связку *мчится*, которая своею яркою конкретностью противорѣчитъ нашимъ стремленіямъ къ отвлеченности, въ настоящее сказуемое, а прежнее сказуемое (быстрый) переведемъ въ категорію обстоятельства (нарѣчье «быстро»). Такъ же точно и вышеприведенный примѣръ «домъ *стоитъ* пустой» можетъ быть замѣненъ оборотомъ: «домъ *пустуетъ*», и этотъ послѣдній больше перваго подходитъ къ нашимъ теперешнимъ привычкамъ мышленія. Первый же—«домъ *стоитъ* пу-

*) Т.-е. сохраняющихъ свое подлинное, лексическое значеніе.

стой»—все еще возможенъ только потому, что самый-то глаголъ *стоять*, употребляемый въ качествѣ связки, уже достигъ извѣстной степени отвлеченности, не столь значительной, какъ *есть*, *быть* и т. п., но, все-таки, достаточной для выраженія связи между сказуемымъ и подлежащимъ въ духѣ современныхъ стремленій мысли, т.-е. такъ, чтобы мысль могла безпрепятственно сосредоточиться на апперцепціи этой связи, не отвлекаясь въ сторону конкретнаго, лексическаго значенія глагола. То же самое можно сказать и о такихъ глаголахъ, какъ *ходить*, *сидѣть*, *лежать*, но не о такихъ, какъ, напримѣръ, *мчаться* (въ вышеприведенномъ примѣрѣ: «конь мчится быстрый»), или—такихъ, какъ *сжалиться*, *мьнѣти* (думать) и др., упомянутыхъ въ приведенномъ спискѣ старинныхъ связокъ. Наша современная мысль требуетъ для связки извѣстнаго минимума отвлеченности, которому эти глаголы не отвѣчаютъ. Этотъ минимумъ можетъ быть опредѣленъ именно по такимъ глаголамъ, какъ *ходить*, *лежать*, *сидѣть*, все еще появляющимся въ роли связки: онъ *ходитъ* угрюмый, я *сидѣлъ* ни живъ ни мертвъ, онъ *лежитъ* пьяный,—причемъ нужно только помнить, что эти глаголы въ роли связокъ отражаются въ нашемъ сознаніи не со всей полнотой ихъ лексическаго значенія, какъ это случилось бы, если бы они выступили въ роли сказуемыхъ, а не связокъ. Говоря «онъ *сидѣлъ* ни живъ ни мертвъ», «домъ *стоялъ* пустой», мы не держимъ въ сознаніи всей суммы признаковъ, связанныхъ съ лексическимъ значеніемъ глаголовъ *сидѣть* и *стоять*; для насъ важно то, что эти глаголы способны выразить принадлежность признаковъ, данныхъ въ сказуемыхъ (*ни живъ*, *ни мертвъ*, *пустой*), подлежащимъ *онъ* и *домъ*. Самый же способъ изображенія этой принадлежности насъ мало интересуетъ, т.-е. сознаніе наше не останавливается на той чертѣ, что «онъ» именно «сидѣлъ» (а не «лежалъ»), когда былъ ни живъ, ни мертвъ, и для насъ это *сидѣлъ* почти то же, что *былъ*. Не такъ было въ старину. Пристрастіе старинnaго языка къ конкретнымъ, знаменательнымъ связкамъ и самое обиліе и разнообразіе ихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что тогда самый типъ грамматическаго мышленія былъ иной, что связка и сказуемое отражались тогда въ сознаніи людей не такъ, какъ нынѣ. Для иллюстраціи нѣкоторыхъ типичныхъ чертъ старинnaго предложенія, важныхъ для постановки занимающаго насъ вопроса—объ эволюціи связки, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, взятыхъ мною изъ нашихъ лѣтописей (Лаврентьевской и Ипатьевской, изд. Археогр. ком.):

Лавр. л., стр. 279: Но и мы *мнимся* Бога *любяще;* но аще потщимся аповѣди его схранити, тогда *явимся* Бога *любяще*.

Чтобы понять строй этихъ предложеній, прежде всего нужно помнить, о форма *любяще* была *причастьемъ* (наст. вр., им. п., мн. ч., муж. р.); ало быть, тутъ мы имѣемъ дѣло съ составными сказуемыми. Вотъ *буквальный* (т.-е. на соврем. языкѣ невозможный) переводъ: «но и мы *считаемъ себя любящіе* Бога; но если мы постараемся соблюсти его заповѣди, въ такомъ случаѣ мы *явимся любящіе* Бога». Невозможность этого пе-

ревода обусловлена тѣмъ именно, что старинныя связки, здѣсь употребленныя, въ настоящее время уже не существуютъ въ языкѣ, т.-е. глаголы *считаться, явиться* не могутъ нынѣ играть роль связокъ. Поэтому въ переводѣ на современный языкъ мы принуждены передѣлать эти связки въ сказуемыя, а прежнія сказуемыя—въ дополненія. Мы скажемъ: «но и мы считаемъ себя *любящими* (творит. пад. вмѣсто именит., т.-е. дополненіе вмѣсто именного сказуемаго, согласуемаго съ подлежащимъ) Бога... мы явимся *любящими* Бога». Еще лучше (и яснѣе) мысль подлинника будетъ воспроизведена такъ: мы думаетъ о себѣ, что любимъ Бога; но только исполняя его заповѣди, мы докажемъ, что въ самомъ дѣлѣ любимъ его». Въ этой передачѣ яснѣе оттѣнено то противопоставленіе понятій *думать (считать себя)* и *явиться*, которое несомнѣнно имѣлъ въ виду древнерусскій лѣтописецъ. Онъ умышленно противопоставляетъ глаголу *мнимся* глаголъ *явимся*, стало быть эти глаголы важны для него не только по своей роли въ предложеніи, но и по своему непосредственному, лексическому значенію. И онъ, и его читатели должны были удерживать въ сознаніи эти значенія во всей ихъ лексической конкретности. Но, мы знаемъ, эти глаголы въ данномъ случаѣ играютъ роль *связокъ* (между подлежащимъ *мы* и сказуемымъ *любяще*). Итакъ, вотъ наглядный и яркій примѣръ *знаменательности* связки: она важна для мысли не только какъ таковая, какъ связующее звено, но и какъ слово съ опредѣленнымъ значеніемъ. Чтобы въ переводѣ спасти эти спеціальныя значенія, нужно превратить связки въ сказуемыя. Ибо современная мысль хочетъ, чтобы связка была только связка. Поскольку это стремленіе осуществляется въ языкѣ, постольку современная связка все удаляется отъ своего прототипа, связки психологической, и приближается къ своему идеалу, логической предикативной связи.

Ипат. л., стр. 259: *ради* съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ—«съ радостью (охотою) *идемъ* съ тобою изъ-за своихъ обидъ». Ипат. л., стр. 246 по князи своемъ *ради идемъ* *). Здѣсь *ради*—прилаг. множ. ч. им. пад., согласующееся съ подразумѣваемымъ подлежащимъ *мы*. Буквальный переводъ былъ бы: «мы идемъ радостные», что̀, конечно, уже невозможно. Но невозможное для современнаго языка было вполнѣ въ духѣ стариннаго. Обороты этого сорта вполнѣ обычны въ старыхъ текстахъ. Они характеризуются именно составнымъ сказуемымъ — изъ прилаг. или причастья и знаменательной связки. Въ данномъ примѣрѣ связкою служитъ глаголъ *идемъ*, а второю частью сказуемаго является прилаг. *ради*, согласующееся съ надлежащимъ въ род. числѣ и падежѣ. Связка *идемъ* столь же знаменательна, какъ и *мнимся* и *явимся* въ предыдущемъ примѣрѣ изъ Лавр. лѣт., т.-е. она не только связываетъ признакъ *ради* съ подлежащимъ *мы*, но кромѣ того вноситъ отъ себя извѣстный вкладъ въ положительное содержаніе сказуемаго, которое хочетъ сказать не только, что «мы—рады»,

---

*) Издатели лѣтописи въ этомъ мѣстѣ между *ради* и *идемъ* поставили запятую, которая портитъ фразу.

но что «мы» также и «идемъ». Такимъ образомъ здѣсь сказуемое является *составнымъ* не потому собственно, что оно выражено двумя словами, а потому, что эти два слова указываютъ на два признака, приписываемые подлежащему. Вотъ именно эта-то черта и исчезаетъ при переходѣ стариннаго оборота въ замѣнившіе его современные (или же менѣе архаическіе). Вмѣсто «рады идемъ» мы скажемъ «идемъ съ радостью (охотно)» или же «рады идти». Въ обоихъ случаяхъ произошло устраненіе изъ представленія о подлежащемъ (мы) одного изъ двухъ признаковъ, прежде выражавшихся двумя частями составного сказуемаго. Исключенный признакъ воспроизводится второстепенной частью предложенія (дополненіемъ или обстоятельствомъ), какъ въ оборотѣ «идемъ съ радостью, охотно», или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ (рады идти), причемъ этотъ послѣдній оборотъ, возникшій уже въ древности, отличается отъ перваго тѣмъ, что неопредѣленное наклоненіе очень тѣсно примыкаетъ къ сказуемому (рады) и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ какъ бы одну умственную единицу и съ этой точки зрѣнія можетъ считаться входящимъ въ составъ сказуемаго. Какой именно изъ двухъ признаковъ (одинъ—рады, другой—идемъ) будетъ исключенъ изъ представленія о подлежащемъ, это зависитъ отъ точки зрѣнія говорящаго. Если онъ считаетъ, наприм., признакъ «рады» не столь существеннымъ, какъ признакъ «идемъ», то онъ исключитъ именно первый, переведя его изъ сказуемаго во второстепенную часть предложенія, а признакъ «идемъ» сдѣлаетъ сказуемымъ (идемъ съ радостью). Если онъ сочтетъ оба признака необходимыми, но съ перевѣсомъ признака *рады*,— онъ удержитъ послѣдній въ качествѣ сказуемаго; а первый пристроитъ къ нему въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія (рады идти). Итакъ, очевидно, что оба оборота въ сравненіи съ болѣе древнимъ и архаическимъ (ради идемъ) являются знаменіемъ болѣе развитой и тонкой мысли, стремящейся квалифицировать признаки, данные въ сказуемомъ, оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія ихъ важности, взаимной связи или послѣдовательности. Повторяя удачное выраженіе Миклошича и Потебни *), мы сравнимъ старинный оборотъ съ рисункомъ безъ перспективы: онъ трактуетъ признаки, выраженные составнымъ сказуемымъ, какъ равносильные, и воспроизводитъ ихъ на одномъ планѣ.

Лавр. лѣт., стр. 286: Преставися Мстиславъ... и *сѣде* (связка) по немъ братъ его Ярополкъ *княжа* (прич., вторая часть сказуемаго) Кыевѣ— буквально: «умеръ Мстиславъ... и *сѣлъ* послѣ него братъ его Ярополкъ, *княжащій* въ Кіевѣ». Излишне пояснять, что такой переводъ невозможенъ, и я привожу его (какъ дѣлалъ и раньше) только, чтобъ оттѣнить характерныя черты стараго оборота. Къ нашимъ современнымъ привычкамъ мысли можно было бы приспособить этотъ послѣдній при одномъ условіи: взглянуть на причастье *княжа*, какъ на *дѣепричастье*, что̀ и сдѣлали, повидимому, издатели лѣтописи, поставивъ передъ этимъ словомъ запятую.

*) *Изъ зап. по русск. грамм.*

Они этимъ подновили фразу. Въ дѣйствительности же *княжа* было еще причастье и составляло часть сказуемаго, другой частью котораго была знаменательная связка *сѣде*. Въ подлежащемъ *Ярополкъ* было усмотрѣно два признака: одинъ—тотъ, что онъ сталъ княземъ, а другой — второстепенный—тотъ, что онъ «возсѣлъ» на княжескій «столъ»; послѣдній признакъ былъ только болѣе нагляднымъ, болѣе конкретнымъ способомъ изображенія перваго признака и употребленъ вмѣсто отвлеченной связки вродѣ *быть* (сталъ), которая была бы взята въ оборотѣ *быть княз* (сталъ княземъ). Современный языкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи другіе обороты: «сталъ княземъ», гдѣ, какъ мы уже знаемъ, сказуемое простое (не составное), т.-е. нѣтъ связки (княземъ—дополненіе), и «сѣлъ (сталъ) княжить», о которомъ пришлось бы повторить то, что мы только что говорили о «рады идти».

Если приведенные до сихъ поръ примѣры могутъ, съ большею или меньшею легкостью, вводить современнаго читателя въ искушеніе—подновлять («модернизировать») ихъ, подставляя, наприм., дѣепричастье вмѣсто прежняго причастья, то вотъ образчики старинной рѣчи, уже рѣшительно не поддающіеся такой операціи. Въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописи о покушеніи Владиміра на жизнь Рогнѣды маленькій Изяславъ, защищая мать, говоритъ отцу: «еда единъ мнишися ходя?» *). При буквальномъ переводѣ даже съ передѣлкой причастья *ходя* въ дѣепричастье, выйдетъ совершенная безсмыслица. Возьмемъ только «вольный» переводъ, воспроизводящій мысль подлинника и замѣняющій старинную конструкцію новою: «думаешь ли ты, что ты тутъ одинъ?» Постараемся, однако, вникнуть въ грамматическій смыслъ древняго оборота. Въ немъ сказуемое—составное: признакъ «думаешь» (считаешь себя, полагаешь о себѣ) взятъ въ качествѣ связки *мнишися*, которая, конечно, знаменательна; признакъ же *одинъ* образуетъ вторую (именную) часть сказуемаго; затѣмъ къ этому слову (одинъ), какъ бы для усиленія его предикативности (его значенія — сказуемаго), присоединено причастье *ходя* (ходящій), и вышло: «считаешь ли ты себя одинъ ходящій»! Полная невозможность такого оборота въ современномъ языкѣ показываетъ, какъ далеко ушли мы впередъ въ сферѣ грамматическаго мышленія, какую эволюцію пережило *предложеніе* въ теченіе вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ эпохи нашей древней лѣтописи. Въ ту эпоху мысль еще недостаточно была приспособлена къ апперцепціи отвлеченной предикативной связи. Она орудовала конкретными представленіями, выразителями которыхъ были знаменательныя связки въ предложеніи. Сказуемое проявлялось въ сознаніи въ видѣ двухъ или трехъ (какъ въ только что приведенномъ оборотѣ) моментовъ, расположенныхъ на одной линіи, «безъ перспективы», и признаки, составляющіе содержаніе этихъ моментовъ сознанія, оставались по необходимости недостаточно расчлененными,—оттѣнки ихъ взаимныхъ отношеній не были разработанными мыслью и не на-

*) Лавр. л., стр. 285.

ходили себѣ выраженія въ словѣ. Вотъ именно знаменіемъ такой разработки, явившейся позже, и было превращеніе одного цѣльнаго, независимаго предложенія въ два, главное и придаточное, какъ это мы видимъ въ современномъ переводѣ приведеннаго стариннаго оборота.

Закончу этотъ рядъ примѣровъ двумя слѣдующими, которые привожу изъ книги Потебни (*Изъ зап. по русск. грамм.*, 2-е изд., стр. 152). «Данило... *сожалиси отславъ* сына си Лва и воѣ» (Ипат.), буквально: «Данило *пожалѣлъ* (связка) *отославшій* (сказ.—причастье) своего сына Льва и воиновъ». Потебня поясняетъ, что это не значитъ «отославши, пожалѣлъ», а «пожалѣлъ, что отослалъ». Въ старомъ оборотѣ признаки «пожалѣлъ» и «отославъ» составляютъ части одного и того же сказуемаго, первый—въ качествѣ связки, причемъ онъ сохраняетъ всю свою знаменательность, второй—въ качествѣ именного (причастнаго) сказуемаго, относимаго къ подлежащему при посредствѣ перваго признака. Оба, стало быть, стоятъ рядомъ, оба одновременно усматриваются въ подлежащемъ, и мысль не схватываетъ, по крайней мѣрѣ грамматически, тѣхъ оттѣнковъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу и къ подлежащему, какія воспроизведены въ современномъ переводѣ. Этотъ послѣдній характеризуется тѣмъ, во-первыхъ, что въ немъ признакъ «пожалѣлъ» уже не играетъ (и не можетъ играть) роли связки — онъ слишкомъ конкретенъ для современной мысли, требующей отвлеченныхъ связокъ, и превращенъ въ сказуемое главнаго предложенія; далѣе вторая часть прежняго составного сказуемаго «отославшій» переведена, въ качествѣ самостоятельнаго сказуемаго, въ придаточное предложеніе, подчиненное главному союзомъ «что». Итакъ вмѣсто одного предложенія—два: мысль расчленена, и установлено извѣстное соотношеніе между ея частями.

«*Неубояшася* князя два *имуще*»—буквально: «не испугались имѣющіе двухъ князей», а значитъ это, какъ переводитъ Потебня: «не испугались того, что у нихъ было два князя». Послѣ сдѣланныхъ выше разъясненій читатель самъ оцѣнитъ разницу между старымъ оборотомъ и новымъ и всѣ преимущества послѣдняго съ точки зрѣнія расчлененности и гибкости мысли.

Теперь подведемъ итоги. Но сперва нѣсколько словъ во избѣжаніе могущихъ возникнуть у читателя-нефилолога недоразумѣній.

Приведенные мною примѣры старинныхъ русскихъ оборотовъ и сравненіе ихъ съ современными иллюстрируютъ ту мысль, что грамматическая связка въ русскомъ языкѣ развивалась въ направленіи *убывающей конкретности*, стало быть, *возрастающей отвлеченности*, и что весь строй предложенія измѣнялся въ сторону *глагольности сказуемаго* (замѣна составного сказуемаго изъ глагола—связки и прилагательнаго или причастья простымъ—изъ одного глагола, въ которомъ и сосредоточивается вся предикативность. Полное доказательство этого положенія составляетъ великую заслугу Потебни. Онъ прослѣдилъ этотъ процессъ въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, а также и литовско-латышскаго. Но, безъ

всякаго сомнѣнія, разсматриваемый порядокъ явленій отнюдь не ограничивается предѣлами той лингвистической области, въ которой работалъ Потебня. Всякій филологъ, будь онъ классикъ или оріенталистъ, германистъ или романистъ *), легко найдетъ въ языкахъ, которыми онъ занимается, массу фактовъ той же категоріи и того же значенія, какъ вышеприведенные образчики изъ исторіи русскаго языка. Нѣтъ сомнѣнія также, что семитологи съ своей стороны могли бы представить въ высшей степени важныя данныя по занимающему насъ вопросу — объ архаическомъ типѣ связки и сказуемаго. Пишущій эти строки дѣлалъ наблюденія надъ явленіями этого рода въ языкахъ санскритскомъ и древнееврейскомъ и могъ бы привести изъ этихъ языковъ не мало любопытныхъ образчиковъ архаической конструкціи предложенія и ея преобразованій въ направленіи, здѣсь указанномъ. Но это было бы неудобно въ популярномъ трудѣ, разсчитанномъ на большую публику.

Эволюція связки и сказуемаго, которую мы имѣемъ въ виду, можетъ быть кратко формулирована такъ: 1) На раннихъ ступеняхъ развитія связка *конкретна* и первоначально выражалась всѣми глаголами; послѣдніе въ этой роли сохраняли свои лексическія значенія. Такимъ образомъ связки были очень *знаменательны* и очень разнообразны; онѣ вызывали въ сознаніи конкретныя представленія извѣстныхъ признаковъ подлежащаго, преимущественно различныхъ волевыхъ актовъ, ему приписываемыхъ, и въ этомъ отношеніи подходили ближе къ типу *психологической* связки, чѣмъ къ типу *логической*, выражающей абстрактныя отношенія сказуемаго къ подлежащему. 2) Въ архаическую эпоху сказуемое было составное—изъ знаменательной связки и имени (сущ., прилаг., причастья). 3) Дальнѣйшее движеніе выразилось: а) въ постепенномъ ограниченіи числа глаголовъ, могущихъ служить связками; б) въ утратѣ глаголами-связками ихъ конкретныхъ значеній и пріобрѣтеніи абстрактныхъ и в) въ превращеніи составного сказуемаго въ простое, глагольное, причемъ связка совсѣмъ исчезаетъ и вся предикативность сосредоточивается въ сказуемомъ: это значитъ, что отъ прежней связки, нѣкогда составлявшей особый моментъ въ сознаніи, гдѣ она жила какъ представленіе конкретныхъ признаковъ, осталась только апперцепція предикативной связи, т.-е. умственный актъ отнесенія къ подлежащему того, что сказано въ сказуемомъ. Это уже почти то самое, что слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ «связки» *логическаго* сужденія. 4) Процессъ этотъ начался уже въ глубокой древности, но развивался исподволь, съ извѣстною постепенностью, повинуясь какому-то еще не выясненному закону эволюціи мышленія. Еще до раздѣленія индоевропейскихъ языковъ въ праязыкѣ, изъ котораго они возникли, система глагольныхъ формъ была готова, и эти формы уже были приспособлены для выраженія сказуемаго; съ тѣмъ вмѣстѣ было выдѣлено уже извѣстное число (конечно, все еще довольно значительное) глаголовъ-связокъ, и нѣкоторые изъ нихъ

*) Т.-е. ученый, спеціально изучающій романскіе языки.

(прототипы нашихъ *есмь, быть*) достигли сравнительно высокой (для того времени) степени отвлеченности. Но на-ряду съ глагольнымъ сказуемымъ все еще было живо сказуемое составное, и, повидимому, для тогдашняго состоянія мысли эта форма была удобнѣе; равнымъ образомъ рядомъ со связками абстрактными охотнѣе употреблялись конкретныя. Словно мысль, имѣя въ своемъ распоряженіи новую форму, не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобъ орудовать ею, и легко впадаетъ въ рецидивъ,—возвращаясь къ старой формѣ. Такой рецидивизмъ грамматическаго мышленія ярко обнаруживается въ исторіи всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, и старыхъ, и новыхъ. Но въ общемъ это мышленіе, все-таки, подвигалось впередъ въ направленіи все большей отвлеченности связки и глагольности сказуемаго. Въ нѣкоторыхъ языкахъ (санскритѣ, греческомъ, латинскомъ) эта эволюція уже въ древности совершила бо̀льшую часть своего пути, въ другихъ (славянскихъ, германскихъ, литовско-лотышскомъ) она запоздала, но за то въ теченіе послѣднихъ вѣковъ пошла ускореннымъ ходомъ и въ «новыхъ» языкахъ (соврем. нѣмецкомъ, романскихъ, англійскомъ, а также и въ русскомъ и другихъ славянскихъ) привела къ результатамъ, превосходящимъ все, что̀, въ смыслѣ глагольности строя рѣчи и связанной съ этимъ способности къ отвлеченному мышленію, было когда-либо достигнуто самыми развитыми и богатыми языками древности.

Подводя итогъ всему этому движенію, мы скажемъ такъ: логическое мышленіе зарождается въ нѣдрахъ грамматическаго и постепенно растетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ развитія этого послѣдняго въ направленіи все усиливающейся отвлеченности связки и возрастающей глагольности сказуемаго. Языкъ, развиваясь въ этомъ направленіи, какъ бы выдѣляетъ изъ себя отвлеченную мысль. Отовсюду, изо всѣхъ областей рѣчи, которыя мы въ послѣдовательномъ порядкѣ разсмотримъ въ этомъ трудѣ, подымаются, выражаясь фигурально, какъ бы испаренія логической мысли, образующей особый классъ умственныхъ процессовъ, уже въ извѣстной мѣрѣ освободившихся отъ гнета словесныхъ формъ. Они только пользуются словомъ, какъ привычнымъ орудіемъ, для своей фиксаціи въ логически-мыслящемъ умѣ и для передачи другому уму. Это освобожденіе логическаго мышленія отъ узъ грамматическаго совершалось постепенно въ теченіе многовѣковой эволюціи языка и мысли, начиная съ того момента, когда впервые, въ глубокой древности, прототипы глаголовъ *быть* и *есмь*, утративъ извѣстную часть своихъ лексическихъ, конкретныхъ значеній, выступили въ роли связки, являясь первыми, робкими попытками выраженія еще очень слабыхъ, очень несовершенныхъ понятій отвлеченнаго *бытья* и *сосуществованія*. Такимъ образомъ, логическое сужденіе существовало уже въ эпоху архаическую, но оно было тогда очень несовершенно и почти совпадало съ грамматическимъ предложеніемъ; это были только начатки будущаго логическаго мышленія, которое созидалось и развертывалось вѣками развитія по мѣрѣ того, какъ языкъ дѣлалъ свое дѣло — разработки и усовершен-

ствованія формъ мысли, возводя ихъ все выше и выше въ сферу отвлеченныхъ операцій ума.

Исходя изъ предложенной здѣсь генетической точки зрѣнія, т.-е. изъ взгляда на грамматическое предложеніе, какъ на форму мысли, занимающую въ генетическомъ порядкѣ промежуточную ступень между психологическимъ сужденіемъ и логическимъ, мы дадимъ ему слѣдующія два, другъ друга дополняющія, опредѣленія:

1) Словесное (грамматическое) предложеніе есть результатъ преобразованія (усовершенствованія) предметной (безсловесной, психологической) членораздѣльной группы, осуществляемаго силою апперцепціи частей психологическаго сужденія (подлежащаго, сказуемаго, связки) категоріями частей рѣчи, отчего сужденіе и его части уже возводятся на извѣстную степень отвлеченія.

2) Грамматическое (словесное) предложеніе есть такое соединеніе грамматически переработанныхъ представленій, которое можетъ быть претворено въ логическое сужденіе (или: которое можно, отвлекаясь отъ того, что спеціально вноситъ языкъ, и идя дальше въ направленіи отвлеченности, подготовленной грамматическою мыслью, вновь повторить въ абстрактной формѣ логическаго сужденія).

Преимущества такой формулировки станутъ ясны, если мы сопоставимъ ее съ формулою, предложенной *Германномъ Паулемъ* въ его извѣстной книгѣ *Principien der Sprachgeschichte*, стр. 99. Изд. 2-е. Вотъ опредѣленіе Пауля: «Предложеніе есть словесное выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго совершилось соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство для воспроизведенія въ душѣ слушающаго того же самаго соединенія тѣхъ же самыхъ представленій». Здѣсь прежде всего упущена изъ виду необходимость указать на отличіе того соединенія представленій, которое дано въ предложеніи, отъ всякаго другого, не могущаго образовать предложенія, наприм., случайной ассоціаціи представленій по сходству, по одновременности, по мѣсту и т. д.,—вообще такого, въ которомъ нѣтъ *предикативной связи*. Я могу, наприм., соединить цѣлый рядъ представленій вродѣ: «домъ, собака, носъ, лошадь, столъ», выразить эту ассоціацію словами и тѣмъ самъ вызвать таковую же въ умѣ слушающаго, но изъ этого ни у меня, ни у него *предложенія* не выйдетъ *). Предлагаемое мною опредѣленіе, выдвигающее впередъ возможность претворить предложеніе въ логическое сужденіе, этимъ самымъ указываетъ на предикативную связь между подлежащимъ и сказуемымъ, какъ на основной признакъ предложенія. Послѣднее не есть соединеніе представленій вообще, а

---

*) Дельбрюкъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ *Vergleichende Syntax der indogerm. Sprachen*, стр. 74—75, критикуя формулу Пауля, не отмѣчаетъ ея главнаго недостатка, а дѣлаетъ несущественныя возраженія и въ заключеніе предлагаетъ свое опредѣленіе, еще менѣе удовлетворительное: „Предложеніе есть произведенное артикулированною рѣчью выраженіе (Äusserung), которое говорящему и слушающему является какъ связное и законченное цѣлое“.

специально такое, въ которомъ одно (или одна группа) выступаетъ въ сознаніи въ качествѣ подлежащаго, а другое (или другая группа)—въ качествѣ сказуемаго. На вопросъ, почему же я не говорю такъ въ моемъ опредѣленіи, а вмѣсто того указываю на возможность претворить предложеніе въ логическое сужденіе, отвѣчу: указанный признакъ (наличность предикативной связи, выступленіе одного представленія въ роли подлежащаго, а другого — въ роли сказуемаго) одинаково принадлежитъ какъ грамматическому предложенію, такъ и психологическому и логическому сужденіямъ и, стало быть, не можетъ самъ по себѣ служить для опредѣленія перваго въ его отдѣльности, въ его отличіяхъ отъ двухъ другихъ, что однако же требуется отъ хорошей формулы.

Разумѣется, и моя формула не свободна отъ недостатковъ *), но она, по крайней мѣрѣ, правильно классифицируетъ опредѣляемое явленіе, указывая мѣсто, занимаемое предложеніемъ въ генетическомъ порядкѣ, между психологическимъ и логическимъ сужденіями.

Но, конечно, общая и сжатая формула не можетъ схватить хотя бы важнѣйшихъ признаковъ такого сложнаго и исторически-развивающагося явленія, какъ словесное, грамматическое предложеніе. Она только намекаетъ на нихъ. Выяснить же ихъ и раскрыть ихъ природу возможно будетъ только на почвѣ детальнаго анализа частей рѣчи и предложенія въ связи съ изслѣдованіемъ и другихъ свойствъ, присущихъ *слову*, какъ особому психическому процессу. Это и составитъ содержаніе слѣдующихъ главъ. Настоящую же главу закончимъ краткимъ разсмотрѣніемъ мнѣнія Потебни о ненужности и безплодности общихъ опредѣленій предложенія. Покойный лингвистъ-мыслитель, одинъ изъ самыхъ большихъ ученыхъ умовъ вѣка, обезсмертилъ въ исторіи науки свое имя открытіемъ *измѣняемости предложенія* и опредѣленіемъ того направленія, въ которомъ оно измѣняется. Его глубокія изслѣдованія по синтаксису были отвѣтомъ на вопросъ, который онъ самъ формулировалъ такъ: «какъ и куда развитіе языка ведетъ мысль человѣческую?» Весь погруженный въ изслѣдованіе *эволюціи* рѣчи и мысли, онъ скептически и отрицательно относился къ общимъ опредѣленіямъ, игнорирующимъ принципъ развитія и дающимъ общую и неподвижную формулу для явленія, которое измѣняется. Такая формула представлялась ему и малосодержательной, и ненужной. Вотъ сюда относящееся мѣсто въ его главномъ трудѣ *Изъ записокъ по русской грамматикѣ*, стр. 76—77: «... вообще въ языкѣ, не только говоря a priori («все течетъ»), не можетъ быть, но и a posteriori нѣтъ ни одной неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно предложеніе, подобно тому, какъ неизбѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ

*) Она, во-первыхъ, только издалека намекаетъ на важнѣйшій характерный признакъ предложенія — на совмѣщеніе въ немъ грамматической формы съ понятіями членовъ предложенія, а, во-вторыхъ, имѣетъ то неудобство, что предполагаетъ уже извѣстными понятія психологическаго и логическаго сужденій.

формы вещей (наприм., кирпичей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей. Кто опредѣлилъ бы предложеніе, наприм., русскаго языка, какъ словесное выраженіе психологическаго сужденія, сказалъ бы такъ же мало, какъ тотъ, который бы опредѣлилъ Сократа, какъ особь зоологическаго вида homo sapiens, или нынѣшнее государство, церковь и т. п. какъ человѣческое стадо. Конечно, малосодержательныя опредѣленія легче. Вниманіе останавливается преимущественно на такихъ чертахъ предложенія, которыя въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій кажутся неизмѣнными, и такимъ образомъ возникаетъ опредѣленіе, одинаковое для многихъ періодовъ даже не одного языка, а многихъ. Такое опредѣленіе можетъ быть вѣрно, но для историческаго языкознанія оно значитъ то же, что для исторіи вообще мнѣніе Экклесіаста: «что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ»... Интересъ исторіи именно въ томъ, что она не есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ основного взгляда на языкъ, какъ на измѣнчивый органъ мысли, слѣдуетъ, что *исторія языка*, взятаго на значительномъ протяженіи времени, *должна давать рядъ опредѣленій предложенія*».

Я вполнѣ раздѣляю эту точку зрѣнія Потебни и вмѣстѣ съ нимъ признаю общія формулы этого рода малосодержательными, но я не согласенъ съ покойнымъ мыслителемъ въ одномъ пунктѣ: я не могу считать малосодержательныя опредѣленія *ненужными*: и они могутъ пригодиться—въ особенности для цѣлей пропедевтическихъ. Всего нужнѣе они въ школьныхъ учебникахъ. Но и въ трудѣ, подобномъ настоящему, они имѣютъ свое значеніе, какъ попытка правильной классификаціи явленія и надлежащей постановки вопроса о немъ. Протестъ Потебни противъ общихъ и неподвижныхъ опредѣленій предложенія былъ внушенъ тѣмъ чувствомъ, которое заговорило бы, наприм., въ ученомъ зоологѣ-трансформистѣ, погруженномъ въ глубокія и захватывающія изслѣдованія измѣняемости видовъ,—еслибъ его вдругъ оторвали отъ этихъ изслѣдованій наивнымъ и, съ его точки зрѣнія, празднымъ вопросомъ: «а скажите-ка, профессоръ, что такое животное вообще?»

Быть можетъ, и этотъ зоологъ въ концѣ-концовъ призналъ бы полезнымъ, въ интересахъ пропедевтики и популяризаціи знанія, дать общее опредѣленіе животнаго, по возможности отвѣчающее современному состоянію зоологіи. Но, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ естествознаніи предварительныя общія опредѣленія далеко не имѣютъ того значенія, какое они имѣютъ въ наукахъ психологическихъ. Въ этихъ послѣднихъ чрезвычайно важно съ самаго начала отмежевать изучаемую область отъ другихъ, съ нею смежныхъ, потому что не только «профаны», но и ученые спеціалисты нерѣдко смѣшиваютъ явленія одной съ явленіями другой. Вотъ именно въ интересахъ такого размежеванія юристъ старается дать по возможности точное опредѣленіе права, государства и т. д., экономистъ—явленій экономическихъ, соціологъ—выработать понятіе со-

ціальнаго процесса вообще и его разновидностей въ частности. Для лингвиста чрезвычайно важно установить съ самаго начала правильныя отношенія его науки къ смежнымъ съ нею областямъ—къ психологіи мысли и къ логикѣ. Онъ и сдѣлаетъ это—выработавъ соотвѣтственную формулу предложенія. При современномъ состояніи психологіи, лингвистики и логики, гдѣ дѣло размежеванія не вполнѣ еще закончилось и остаются спорные участки, такая формула, по необходимости, принимаетъ характеръ нѣкоторой profession de foi лингвиста, ее выставляющаго. Такъ и моя формулировка имѣетъ, между прочимъ, цѣлью указать на то, что, по моему убѣжденію, пора уже окончательно покончить со старымъ заблужденіемъ, будто логическое сужденіе предшествуетъ предложенію, служа какъ бы основаніемъ всякой мысли. Истиннымъ основаніемъ всякой мысли являются тѣ физіолого-психическіе акты, на которые указываетъ проф. Сѣченовъ, какъ на источникъ «предметнаго мышленія». Но въ то же время моя формула указываетъ на необходимость, изслѣдуя граматическое предложеніе, *оглядываться* на предшествующее ему психологическое сужденіе и на слѣдующее за нимъ логическое. Ставя вопросъ такимъ образомъ и, такъ сказать, подчеркивая фактъ существованія генетической связи между грамматическимъ предложеніемъ и логическимъ сужденіемъ, я не могу согласиться съ мнѣніемъ Потебни, что «языкознаніе и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ» (*Изъ запис. по русск. граммат.*, 2-е изд., стр. 63). Это мнѣніе представляется мнѣ лишь крайнимъ выраженіемъ вполнѣ законнаго протеста противъ смѣшенія грамматики съ логикою. Какъ извѣстно, это смѣшеніе, возникшее еще въ древности и только сравнительно недавно, да и то не вполнѣ, устраненное, принесло много вреда обѣимъ дисциплинамъ. Оно основывалось на вышеупомянутомъ заблужденіи, будто логическія формы лежатъ въ основѣ всякаго мышленія, а, стало быть, и грамматическаго, такъ что предложеніе представлялось какъ бы снимкомъ съ логическаго сужденія.

Въ основаніи такого взгляда лежала одна весьма понятная и очень распространенная иллюзія, побуждающая думать, что высшіе продукты развитія, которые въ нашемъ сознаніи выступаютъ на первомъ планѣ, были въ началѣ, что отъ нихъ и пошло все развитіе. Въ силу такой иллюзіи, думали, наприм., что семья, которая въ настоящее время является одной изъ основъ общества, была будто бы исходнымъ пунктомъ, ячейкой соціальнаго процесса. Огромныхъ усилій стоило разрушить эту иллюзію и установить взглядъ на семью, какъ на общественное явленіе неисконное, не первичное, а явившееся въ качествѣ конечнаго результата очень долгаго процесса развитія. Еще не такъ давно нѣкоторые лингвисты утверждали, основываясь на той выдающейся роли, какую въ современныхъ языкахъ играетъ глаголъ, что корни словъ первоначально были глагольные и выражали общія понятія. Но теперь едва ли кто-нибудь (кро[illegible] развѣ Макса Мюллера) будетъ сомнѣваться въ томъ, что первоначальны

корни были скорѣе именные, чѣмъ глагольные *), и что во всякомъ случаѣ они выражали чувственныя воспріятія и конкретныя представленія, а уже никоимъ образомъ не понятія, которыя возникли изъ представленій путемъ долгаго процесса развитія.

Когда, наконецъ, былъ сознанъ весь вредъ, происшедшій отъ смѣшенія грамматики съ логикой, и вся несостоятельность попытокъ выводить грамматическія формы мысли изъ логическихъ, тогда въ лингвистикѣ возникло весьма понятное, въ смыслѣ реакціи, рѣзко отрицательное отношеніе ко всякимъ помысламъ о логическихъ процессахъ въ трудахъ, посвященныхъ языку. Противъ этой крайности, въ которую, какъ мы видѣли, впадалъ и Потебня, справедливо протестуетъ *Герм. Паулъ* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ оппозиціи противъ обычнаго прежде способа изучать языкъ, по которому всѣ грамматическія отношенія просто-на-просто выводились изъ логическихъ, пошли такъ далеко, что хотѣли бы совсѣмъ исключить всякую оглядку на логическія отношенія, которыя не находятъ себѣ выраженія въ грамматической формѣ. Этого нельзя одобрить. Насколько необходимо установить *различіе* между логической и грамматической категоріей, настолько необходимо съ другой стороны уяснить себѣ *отношеніе* между ними. Грамматика и логика не совпадаютъ прежде всего потому, что выработка и примѣненіе языка совершаются не путемъ строго-логическаго мышленія, но путемъ естественнаго, не взращеннаго школою движенія представленій, которое, смотря по одаренности и образованію, болѣе или менѣе слѣдуетъ или не слѣдуетъ логическимъ законамъ. Но, вѣдь, и съ настоящимъ движеніемъ представленій, съ ихъ то большей, то меньшей логической послѣдовательностью словесная форма выраженія не всегда согласуется. Вѣдь, и психологическая категорія не всегда равносильна грамматической. Отсюда слѣдуетъ, что лингвистъ долженъ различать ту и другую, но вовсе не то, что при анализѣ человѣческой рѣчи онъ не долженъ принимать въ соображеніе психическихъ процессовъ, которые происходятъ при актѣ рѣчи и пониманія, не проявляясь однако въ словесномъ выраженіи... Кто разсматриваетъ грамматическія формы изолированно внѣ ихъ отношенія къ индивидуальной душевной дѣятельности, никогда не достигнетъ пониманія развитія языка» (*Principien der Sprachgeschichte*, стр. 33—34).

Этими словами знаменитаго филолога-германиста и теоретика языковѣдѣнія мы и закончимъ эту главу. Наше дальнѣйшее изложеніе будетъ основано на наблюденіяхъ надъ различными свойствами и процессами языка—съ главнѣйшею цѣлью показать, какъ и въ какомъ направленіи языкъ перерабатываетъ мысль предметную и расчищаетъ путь мысли логической.

Д. Овсянико-Куликовскій.

---

*) Еще возможенъ, впрочемъ, взглядъ, что тѣ и другіе одинаково древни.

Соціологія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія, во Франціи.

I.

Основные вопросы соціологіи, т.-е. все, что касается строенія и функцій человѣческихъ обществъ, въ особенности же вопросы о причинной связи явленій общественной жизни и о закономѣрности этихъ явленій, всегда возбуждали живѣйшій интересъ въ каждомъ образованномъ человѣкѣ. Однако все, что до сихъ поръ было сдѣлано на этомъ поприщѣ, было далеко отъ цѣли, и чѣмъ интенсивнѣе дѣлались интересъ и стремленіе познать природу общества, тѣмъ, повидимому, затруднительнѣе становилось достиженіе этой цѣли. Послѣднее обстоятельство объясняется постепеннымъ развитіемъ сознанія и убѣжденія, что наука не располагаетъ для достиженія этой цѣли подходящими и соотвѣтствующими методами. Несмотря на существованіе и развитіе множества соціальныхъ наукъ, каковы, наприм., науки государственныя, экономическія, юридическія и т. д., ни одна изъ нихъ до сихъ поръ еще не встала на дѣйствительно научный базисъ, т.-е. ни одна не оперируетъ всѣми необходимыми въ каждой точной наукѣ методами и, слѣдовательно, ни одна не могла и не можетъ возвыситься до открытія соціальныхъ законовъ. Если таково положеніе отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, то тѣмъ болѣе еще затрудненій представляется для построенія и разработки соціологіи, какъ одной науки, къ которой бы какъ къ центру сводились всѣ отдѣльныя науки объ обществѣ. Пытливый человѣческій умъ, стремящійся во что бы то ни стало познать истину, не такъ, однако, легко мирится съ этимъ безотраднымъ положеніемъ; интересъ къ соціологическимъ изысканіямъ не уменьшается; по мнѣнію однихъ, частичное приложеніе методовъ точныхъ наукъ возможно и въ соціологіи; по мнѣнію другихъ, преимущество должно быть отдану методу дедуктивному; третьи хотятъ соединить тотъ и другой. Здѣсь важно и характерно то, что чрезмѣрная сложность научнаго объекта не только не уменьшаетъ рвенія изслѣдователя, но еще болѣе, повидимому, его возбуждаетъ.

Образчикъ усиленнаго подъема энергіи въ дѣлѣ соціологическаго изу-

ченія представляетъ намъ современная Франція, гдѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ образовалась, можно сказать, новая соціологическая школа, если не въ смыслѣ одинаковости научныхъ воззрѣній ея представителей, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ солидарности ихъ стремленій поставить соціологію, какъ науку, на болѣе или менѣе прочныя основанія. Страстность, съ которою французы всегда преслѣдуютъ достиженіе разъ намѣченной ими цѣли, не оставляетъ ихъ и здѣсь — въ дѣлѣ науки. Признавъ возможность научной разработки соціологіи, намѣтивши, пока лишь въ общихъ чертахъ, планъ этой разработки и пріемы дѣятельности, они стремятся внести это дѣло уже въ самую жизнь, пропагандировать и распространять въ обществѣ если не соціологическія истины, которыхъ пока еще немного, то соціологическія идеи, открывающія путь къ дальнѣйшему развитію науки. Однимъ изъ наиболѣе подходящихъ и удобныхъ способовъ распространенія соціологическихъ знаній и идей является, по ихъ мнѣнію, преподаваніе соціологіи въ высшихъ школахъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ мы и имѣемъ въ виду познакомить читателей съ тѣмъ, что̀ въ этомъ отношеніи сдѣлано и дѣлается во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ.

Не будетъ безынтереснымъ изложить предварительно нѣкоторыя данныя о научныхъ силахъ новой соціологической школы, о пріемахъ и формахъ ея дѣятельности и о самомъ пониманіи ею того, что за наука соціологія, каковъ предметъ ея изысканій и каковы ея основныя проблемы.

Первымъ актомъ и, можно сказать, важнымъ предпріятіемъ новѣйшихъ французскихъ соціологовъ было основаніе въ 1893 году соціологическаго журнала подъ именемъ *Revue internationale de sociologie*; руководителемъ этого изданія и однимъ изъ его наиболѣе ревностныхъ сотрудниковъ явился Ренэ Вормсъ, агреже философіи и докторъ правъ. Самое названіе журнала показываетъ, что онъ не имѣетъ узко-національнаго характера, что научныя силы всѣхъ странъ приглашаются принять участіе въ совмѣстной работѣ. Какъ въ первый годъ, такъ и теперь французскіе ученые представляютъ однако подавляющее большинство сравнительно съ числомъ сотрудниковъ отъ какой-либо другой отдѣльной страны и, можно сказать, половину общаго числа сотрудниковъ. Изъ французскихъ ученыхъ первое мѣсто въ численномъ отношеніи занимаютъ ученые и профессора высшихъ школъ Парижа. Сотрудничество ученыхъ, имѣющихъ громкую научную извѣстность, даетъ ручательство въ солидности предпріятія; достаточно указать на имена Летурно, Левассёра, Леббока, Тайлора, Бертильона, Эспинаса, Брентано, К. Менгера, чтобы проникнуться значительнымъ довѣріемъ къ истинно-научнымъ цѣлямъ предпріятія. Изъ русскихъ ученыхъ въ качествѣ сотрудниковъ журнала мы находимъ: М. Ковалевскаго, Лиліенфельда, Лучицкаго, Новикова, Виноградова, Трачевскаго. Главная задача журнала состоитъ въ томъ, чтобы разрабатывать соціологическую науку—это съ одной стороны, съ другой—идти au courant съ наиболѣе выдающимися фактами и идеями, господствующими въ каждый данный моментъ въ обще-

ственной жизни разныхъ странъ. Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ журналъ далъ цѣлую массу научныхъ статей по основнымъ вопросамъ соціологіи, изъ которыхъ значительное число посвящено вопросу о самомъ понятіи соціологіи и о преподаваніи ея въ высшихъ школахъ; другія статьи имѣютъ своимъ содержаніемъ весьма разнообразныя явленія общественной жизни—экономическія, религіозныя, юридическія, политическія, нравственныя и другія; во всѣхъ, однако, обнаруживается стремленіе авторовъ объяснять изучаемыя ими явленія съ точки зрѣнія міровой законосообразности.

Однако, идея солидарности и соединенія труда въ дѣлѣ разработки соціологической науки достигалась основаніемъ спеціальнаго соціологическаго журнала лишь весьма несовершеннымъ образомъ; правда, большинство соціологическихъ работъ направлялось въ этотъ журналъ, но самыя работы не имѣли и не имѣютъ между собою тѣсной связи; въ этомъ отношеніи *Revue internationale de sociologie* ничѣмъ не отличался отъ всякаго другого спеціальнаго органа печати; мало того, не будучи посвященъ разработкѣ какой-либо спеціальной научной отрасли, съ опредѣленнымъ содержаніемъ и болѣе или менѣе точно очерченными границами, новый соціологическій журналъ представлялъ еще меньше благопріятныхъ условій для достиженія единства и солидарности въ дѣлѣ научныхъ изысканій, нежели какой-либо другой спеціальный журналъ; если гдѣ и наблюдалось нѣкоторое единство, такъ развѣ только въ самой постановкѣ вопросовъ, въ стремленіи разрѣшать ихъ съ точки зрѣнія естественной закономѣрности; но, разумѣется, этого было недостаточно; надо было отыскать иные, болѣе совершенные, способы объединенія соціологическихъ работъ; для этого прежде всего требовалось сблизить научныя силы, привести ихъ, такъ сказать, въ непосредственное соприкосновеніе, что̀ и было дѣйствительно достигнуто учрежденіемъ Institut international de sociologie. Соціологическій институтъ есть не что иное, какъ общество съ международнымъ характеромъ своего личнаго состава, являющееся какъ бы центральнымъ и руководящимъ органомъ въ дѣлѣ разработки соціологическихъ вопросовъ. Статья первая устава этого общества гласитъ, что «международный институтъ соціологіи имѣетъ цѣлью сгруппировать соціологовъ различныхъ странъ, въ видахъ совмѣстнаго изученія соціологическихъ вопросовъ». Онъ образуется изъ ста членовъ и двухсотъ сотрудниковъ (associés), причемъ различіе между тѣми и другими не касается научной стороны дѣла, но состоитъ лишь въ томъ, что послѣдніе уплачиваютъ менѣе значительные членскіе взносы и не участвуютъ въ голосованіяхъ и выборахъ. Члены и сотрудники института ежегодно собираются на конгрессъ, долженствующій имѣть мѣсто послѣдовательно въ городахъ различныхъ странъ по избранію самого конгресса; въ немъ должны реферироваться и обсуждаться работы по соціологическимъ вопросамъ. Но для того, чтобъ институтъ являлся учрежденіемъ постоянно дѣйствующимъ, при немъ образовано особое бюро или канцелярія, состоящая изъ президента, четырехъ вице-президентовъ и генеральнаго се-

кретаря. Составъ бюро, по возможности, долженъ носить международный характеръ.

Таковъ собственно уставъ международнаго института соціологіи. Въ 1894 году, 1 октября, собрался, подъ предсѣдательствомъ Дж. Леббока, первый конгрессъ этого института, избравшій мѣстомъ своихъ засѣданій залъ антропологическаго общества въ Парижѣ. На конгрессъ явилось 20 членовъ и девять прислали свои рефераты; генеральный секретарь института, Ренэ Вормсъ, заявляетъ, что это даже превзошло всякія ожиданія; кромѣ того, онъ обращаетъ вниманіе на то сочувствіе, которое было выражено конгрессу со стороны президента республики, администраціи и общества. Формальная сторона конгресса дѣйствительно была обставлена удовлетворительно и согласно съ уставомъ; международный характеръ конгресса обрисовался какъ нельзя болѣе рельефно; конгрессъ имѣлъ мѣсто, какъ сказано, въ Парижѣ; былъ открытъ англичаниномъ и закрытъ русскимъ; въ немъ принимали участіе ученые различныхъ странъ. Но, само собою разумѣется, дѣло было не въ этой формальной обстановкѣ, а между тѣмъ въ погонѣ за разными внѣшними эффектами едва не позабыли главную цѣль конгресса—достиженіе единства и солидарности соціологическихъ работъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на содержаніе обсуждавшихся рефератовъ, то замѣтимъ то же отсутствіе единства и связи, какое характеризуетъ собою, какъ мы видѣли, *Revue internationale de sociologie*. Вмѣсто того, чтобы прямо и непосредственно завести рѣчь о самомъ главномъ, о способахъ и средствахъ къ достиженію возможно-большей солидарности въ дѣлѣ соціологическихъ изслѣдованій, предсѣдатель перваго конгресса открылъ его рѣчью о главныхъ соціальныхъ задачахъ нашего времени, предложивши въ то же время и рѣшеніе этихъ задачъ; такими задачами являются: устраненіе войнъ, классовой борьбы и преступности; рѣшеніе состоитъ по отношенію къ войнамъ въ установленіи международнаго посредничества; по отношенію къ классовой борьбѣ—въ образованіи примирительныхъ комитетовъ и въ отношеніи преступности — въ распространеніи народнаго образованія. Для всякаго очевидно, что все это было не ново и что самыя мѣры давно практикуются во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но характерно для научнаго соціологическаго конгресса было, однако, то, что первые же затронутые имъ вопросы входили въ область не соціальной науки, а соціальнаго искусства, вопреки заявленному французскими соціологами положенію, къ которому нельзя и не присоединиться, что соціологія есть наука, а не искусство.

Другіе референты были болѣе послѣдовательны, хотя, повторяемъ, между читавшимися и обсуждавшимися рефератами не было и тѣни какой-либо связи, которая указывала бы, что дѣло идетъ о достиженіи одной общей цѣли. Для доказательства приведемъ заглавія нѣкоторыхъ рефератовъ; таковы: Ковалевскаго—доисторическое состояніе Россіи,—собственно резюме работъ по антропологіи и этнографіи Россіи; Лиліенфельда—объ индуктивномъ или біологическомъ методѣ въ соціальныхъ наукахъ; Дугласъ-Галь-

тона—о вредѣ, наносимомъ дѣтямъ публичными школами; Гумпловича—резюме его работъ по соціологіи; М. Комбъ де-Лестрада (M. Combes de Lestrade)—о соціологіи и землевладѣніи; Е. Ферри—соціологія и соціализмъ, наука и искусство въ дѣлѣ соціологіи; Новикова—юстиція съ точки зрѣнія дарвинизма. Враунъ указывалъ на злоупотребленія психіатрическаго метода въ соціологіи и опровергалъ теорію М. Нордау о вырожденіи; Р. Вормсъ трактовалъ о хозяйственной жизни народовъ въ будущемъ и т. д. Этого достаточно, чтобы видѣть, что труды перваго соціологическаго конгресса не отличались единствомъ содержанія, что, впрочемъ, тогда же было замѣчено и признано и самимъ конгрессомъ; поэтому, во-первыхъ, было постановлено изучать параллельно всѣ порядки соціальныхъ фактовъ, слѣдуя при этомъ методамъ наблюденія, классификаціи и индукціи; во-вторыхъ, чтобы не слишкомъ разбрасываться въ изученіи соціальныхъ явленій, было впередъ опредѣлено, по какимъ вопросамъ должны быть представлены рефераты въ слѣдующій конгрессъ. Такими вопросами были: 1) различныя опредѣленія соціологіи (докладчикъ Р. Вормсъ); 2) матріархатъ (Вестермаркъ); 3) историческій переходъ отъ коллективной собственности къ индивидуальной (Ковалевскій); 4) существуетъ ли законъ эволюціи политическихъ формъ (М. Тардъ) и 5) преступленіе, какъ соціальное явленіе (Тоннисъ).

На второмъ соціологическомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто также въ Парижѣ, въ 1895 году, подъ предсѣдательствомъ М. М. Ковалевскаго, было разсмотрѣно гораздо большее число рефератовъ. Между ними мы замѣчаемъ уже гораздо болѣе внутренней связи, нежели то можно сказать о рефератахъ перваго конгресса: такъ, между прочимъ, разсматривались вопросы: о различныхъ пониманіяхъ соціологіи, о ея методѣ, языкѣ; другую группу вопросовъ составляли вопросы о развитіи семьи, о матріархатѣ, о формахъ брака, о развитіи формъ политическихъ и проч.

Для третьяго конгресса намѣчены были слѣдующія темы: графическій методъ въ соціологіи, общества животныхъ и доисторическія человѣческія общества, политическое представительство, индивидуализмъ и соціализмъ въ соціальной наукѣ и въ соціальномъ искусствѣ, связь экономической и политической эволюціи и другія. Послѣдняя тема представляется въ особенности интересной, такъ какъ раскрытіе связи между различными соціальными явленіями и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ соціологіи.

Изъ вышеизложеннаго можно составить себѣ общее представленіе о международномъ институтѣ соціологіи и его дѣятельности. Въ нашу задачу не входитъ изложеніе содержанія рефератовъ, разсматривавшихся на конгрессахъ; интересующіяся могутъ ознакомиться какъ съ этими рефератами, такъ и съ вызванными ими дебатами изъ Annales de l'institut international de sociologie, которыхъ вышло уже два тома, обнимающихъ своимъ содержаніемъ два первыхъ конгресса. Мы имѣли въ виду сдѣлать лишь общую характеристику международнаго института соціологіи, долженствующаго, какъ сказано, служить руководящимъ центромъ соціологическихъ изслѣдо-

ваній. До нѣкоторой, правда очень незначительной, степени за нимъ и можно признать такое значеніе; но мы будемъ гораздо болѣе близки къ истинѣ, если скажемъ, что международный институтъ соціологіи служитъ не столько руководящимъ органомъ, сколько центромъ живого обмѣна мыслей между соціологами различныхъ странъ, содѣйствующимъ въ то же время развитію соціологическихъ изслѣдованій. Что касается, наконецъ, института, какъ органа, объединяющаго соціологическую работу, установляющаго единство методовъ и цѣлей, то подобная роль, можно сказать, вовсе не удалась институту, что и побудило наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ новой науки искать иныхъ средствъ и способовъ для достиженія указанной цѣли.

На сколько французскіе соціологи, можно сказать, увлечены своей наукой, видно, между прочимъ, и изъ того, что на-ряду съ Institut international de sociologie, съ 1895 года функціонируетъ въ Парижѣ еще особое соціологическое общество, которое такъ и называется la société de sociologie de Paris; засѣданія его сравнительно часты, одинъ разъ въ мѣсяцъ; замѣчательно, что здѣсь принимаютъ дѣятельное участіе тѣ же представители соціологической науки, что и въ конгрессахъ международнаго института, и реферируются нерѣдко тѣ же самые вопросы; значительное вниманіе обращается на вопросы экономическіе, въ особенности на вопросы о природѣ труда и капитала.

Существующія общества и учрежденія, однако, не удовлетворяютъ французскихъ соціологовъ; въ нихъ все еще слишкомъ много разбросанности и разрозненности; въ нихъ нѣтъ правильности и систематичности работъ, нѣтъ того единства и той солидарности между научными силами, которые безусловно необходимы для разработки соціологіи; необходимо создать такое учрежденіе, которое удовлетворяло бы всѣмъ этимъ требованіямъ. Идея такого учрежденія и была изобрѣтена и разработана однимъ изъ ревностнѣйшихъ представителей соціологической науки, плодовитымъ писателемъ и постояннымъ участникомъ всѣхъ соціологическихъ конгрессовъ и обществъ, Рене Вормсомъ, о которомъ упоминалось уже и выше. Эта идея заключается ни болѣе, ни менѣе какъ въ учрежденіи соціологической лабораторіи.

На первый взглядъ всякому такая идея должна показаться абсурдной подъ лабораторіей мы привыкли понимать такое учрежденіе, въ которомъ устроены разнаго рода приспособленія для производства опытовъ: реторты, машины, трубки и склянки, вода, огонь, электричество, газы и т. д. вотъ, по общему представленію, орудія и средства производства опытовъ. Какъ же возможно все это примѣнить къ такому объекту научнаго изслѣдованія, какъ общество? И не всѣмъ ли давно извѣстно, что опытный методъ здѣсь вообще не приложимъ? Дѣло объясняется, однако, просто; для предлагаемаго учрежденія выбрано не вполнѣ соотвѣтствующее названіе; словомъ «соціологическая лабораторія» сказано слишкомъ много; болѣе правильно было бы сказать «соціологическій кабинетъ», какъ учрежденіе, предназначенное

для спеціальныхъ занятій, снабженное соотвѣтствующими средствами и приспособленіями, но не предполагающее непремѣнно производства опытовъ. Лабораторія Рене Вормса есть въ сущности нѣчто среднее между спеціальнымъ кабинетомъ, библіотекой и музеемъ; правда, самъ онъ, повидимому, полагаетъ, что употребляемое имъ названіе совершенно правильно, такъ какъ по его словамъ въ соціологіи приложимы тѣ же пріемы, что и въ біологіи и вообще естествознаніи, т.-е. наблюденіе, *опытъ*, классификація, индукція и дедукція; однако, изъ всей характеристики, какую даетъ Вормсъ своей лабораторіи, нигдѣ не видно, чтобы дѣло шло о производствѣ опытовъ въ собственномъ смыслѣ слова, такъ что если онъ говоритъ о примѣнимости опыта въ соціологіи, то понимаетъ его въ другомъ, болѣе обширномъ, смыслѣ.

Лабораторіи, подобныя соціологической, давно уже и существуютъ, по словамъ Вормса, въ отношеніи разработки по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ наукъ: такъ, въ Парижѣ существуютъ двѣ антропологическія лабораторіи, лабораторія экспериментальной психологіи; довольно аналогичны учрежденія по географіи, археологіи, этнографіи, палеографіи, исторіи религій. Почему же, спрашивается, не быть соціологической лабораторіи? Въ основаніи работъ такой лабораторіи, сообразно синтетическому характеру соціологіи, должна лежать идея объединенія и сближенія отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ; соціологическая работа не подъ силу изолированнымъ ученымъ; въ ихъ распоряженіи не имѣется въ достаточномъ количествѣ ни личныхъ, ни матеріальныхъ силъ и средствъ. Поэтому соціологическая лабораторія должна удовлетворять тремъ требованіямъ: 1) сконцентрировать личныя силы; 2) сконцентрировать матеріальныя средства; 3) оперировать при помощи научныхъ методовъ.

Соціологическая лабораторія,—говоритъ Вормсъ,—должна быть учрежденіемъ постояннымъ, объединяющимъ работу соціологовъ; здѣсь возможенъ постоянный, свободный и непосредственный обмѣнъ мыслей; професссора и вообще ученые и учащіеся могли бы работать совмѣстно,—одни самостоятельно, другіе по указаніямъ болѣе компетентныхъ; такая совмѣстная работа двухъ поколѣній могла бы имѣть весьма существенное научно-воспитательное значеніе. Та же самая лабораторія могла бы сдѣлаться мѣстомъ конференцій, гдѣ тѣ или другіе ученые дѣлали бы сообщенія о достигнутыхъ ими результатахъ; здѣсь же такіе научные рефераты могли бы и обсуждаться. Такимъ путемъ достигалась бы цѣль непрерывнаго и непосредственнаго обмѣна мыслей между научными силами, что̀ и должно было бы вести къ единству работы.

Что касается матеріальныхъ средствъ, то сюда относятся: во-первыхъ, книги, между которыми могутъ быть и такія, какихъ не найдешь ни въ одной библіотекѣ, и только лишь въ частныхъ рукахъ; книги должны быть расположены такъ, чтобы ими было удобно пользоваться и притомъ сообразно двумъ видамъ соціологіи—описательной и сравнительной; во-вторыхъ, графическіе матеріалы—географическіе атласы, статистическія таблицы, фо-

тографіи индивидуумовъ различныхъ расъ, планы ихъ домовъ и деревень, изображенія ихъ орудій и т. п.; въ высшей степени цѣннымъ было бы достаточное собраніе одеждъ, мебели, оружій, инструментовъ всякаго рода, которыми пользуются различныя націи.

Наконецъ, Вормсъ объясняетъ, въ чемъ должна заключаться работа въ лабораторіи. На первомъ планѣ должна стоять работа библіографическая; во-первыхъ, необходимо резюмировать все, что до сихъ поръ добыто соціологіей; во-вторыхъ, слѣдить за ея дальнѣйшимъ прогрессомъ; здѣсь, очевидно, имѣются въ виду работы соціологовъ, не участвующихъ въ лабораторіи. Далѣе должно стоять непосредственное собраніе и изученіе матеріаловъ, касающихся антропологическаго и демографическаго состава обществъ, всякаго рода соціальныхъ органовъ и тканей, городской и сельской жизни, учрежденій: религіозныхъ, научныхъ, юридическихъ, политическихъ и проч., однимъ словомъ, изученіе всего того, что входитъ въ описательную соціологію.

По отношенію къ синтетической работѣ лабораторія должна оказаться также весьма полезною. Чтобы достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, слѣдуетъ на время отказаться отъ общихъ синтезовъ, занимаясь построеніемъ синтезовъ частныхъ и держась ближе къ наблюдаемымъ фактамъ; изслѣдователи собираютъ факты, группируютъ ихъ сообразно двумъ видамъ соціологіи, сначала по странамъ, затѣмъ по характеру фактовъ и явленій, классифицируютъ, сближаютъ явленія и, благодаря всему этому, иногда, вѣроятно, можно будетъ достигнуть формулированія частныхъ законовъ. Вся эта работа должна быть расположена графически или въ таблицахъ, чтобы, путемъ сравненія такихъ данныхъ, изъ частныхъ законовъ можно было бы формулировать общіе.

Такова въ общихъ чертахъ соціологическая лабораторія, образованіе которой, по мнѣнію Рене Вормса, является для соціологической науки дѣломъ первой необходимости *).

Будетъ ли осуществлено предложеніе Рене Вормса относительно учрежденія соціологической лабораторіи, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ; но самая идея не заключаетъ въ себѣ ничего химеричнаго; въ сущности Рене Вормсъ предлагаетъ лишь сконцентрировать въ одномъ учрежденіи все то, что въ разрозненномъ видѣ давно уже существуетъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ недостатка ни въ библіотекахъ, ни въ кабинетахъ и музеяхъ, которые могли бы служить дѣлу разработки соціологической науки. Но именно концентрированіе личныхъ и матеріальныхъ силъ и средствъ и представляется въ данномъ случаѣ весьма желательнымъ. Самая слабая сторона проекта заключается, конечно, въ указаніяхъ о томъ, какъ должна производиться работа въ лабораторіи; эти указанія слишкомъ общи и кратки; между тѣмъ здѣсь-то какъ разъ и требуется всего больше пол-

---

*) *Revue internationale de sociologie*, 1895 г., № 9, стр. 777, статья René Worms'а подъ заглавіемъ *Un Laboratoire de Sociologie.*

ноты и опредѣленности. Автору цитированной статьи слѣдовало возможно детальнѣе разработать вопросъ о формахъ соціологическаго труда въ лабо раторіи,—вопросъ, въ сущности, о методахъ въ области соціологіи. Какъ бы то ни было, предложеніе Рене Вормса все же заслуживаетъ вниманія; на-ряду съ такими изданіями, какъ *Revue internationale de Sociologie*, съ такими учрежденіями какъ Institut international de Sociologie, на-ряду, наконецъ, съ другими соціологическими обществами, соціологическая лабораторія, хотя бы и въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Рене Вормсъ, могла бы, конечно, еще въ большей степени содѣйствовать дальнѣйшему развитію соціологіи.

II.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду, такъ сказать, формальную сторону дѣятельности французскихъ *) соціологовъ. Необходимо теперь уяснить воззрѣнія французскихъ ученыхъ на соціологію по самому существу дѣла, т.-е. по крайней мѣрѣ опредѣлить, что понимаютъ они подъ именемъ соціологіи, какое даютъ ей содержаніе, какія главнѣйшія проблемы выставляютъ на первомъ планѣ. Само собою разумѣется, что изложеніе этихъ вопросовъ можетъ носить здѣсь лишь самый общій характеръ, тѣмъ болѣе, что и сами соціологи не слишкомъ обстоятельны по этимъ кореннымъ вопросамъ.

Такъ какъ соціологія, какъ наука объ обществѣ и общественной жизни, со времени Огюста Конта почти не сдѣлала никакихъ успѣховъ, то и у французскихъ и другихъ соціологовъ новѣйшей формаціи дѣло идетъ не о какой-либо дальнѣйшей разработкѣ этой науки, но лишь о томъ, чтобы доказать, что такая наука возможна и должна существовать, дѣло идетъ лишь о построеніи системы этой науки, объ опредѣленіи ея связи съ другими науками,—однимъ словомъ, о созданіи новой науки. Нельзя не отдать справедливости представителямъ современной соціологической школы, что въ дѣлѣ построенія общихъ понятій и системъ между ними существуетъ значительное единодушіе. Чтобы быть вполнѣ опредѣленными и точными, мы остановимся, въ частности, на воззрѣніяхъ тѣхъ французскихъ соціологовъ, которые, со времени изданія *Revue internationale de Sociologie* и основанія Institut de Sociologie, успѣли болѣе или менѣе опредѣленно высказаться по вышеупомянутымъ общимъ вопросамъ соціологіи; къ числу ихъ принадлежатъ: Рене Вормсъ, Леонъ Дюгюи, Фернандъ Форъ, Марсель Берне и нѣкоторые другіе.

Воззрѣнія Рене Вормса на соціологію могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ. Дѣйствительная жизнь порождаетъ искусство, каковы—право, мораль, политика и т. п.; искусство порождаетъ науку, т.-е. изслѣдованіе самой жизни въ видахъ раскрытія закономѣрности соціальныхъ

*) Хотя предпріятія, о которыхъ говорилось, и носятъ формально международный характеръ, главными и наиболѣе активными дѣйствующими лицами выступаютъ въ нихъ все же французскіе ученые.

явленій; но и само оно, въ свою очередь, должно пользоваться данными соціальныхъ наукъ; послѣднія пока очень еще несовершенны и между ними не установлено надлежащей и истинной связи. Эта трудная задача должна быть возложена на особую науку—соціологію. Найти связь между соціальными науками,—значить раскрыть въ то же время свзязь и между соціальными явленіями и фактами. Требуется найти объединяющіе элементы—соціальные атомы, подобно тому какъ въ математикѣ найдено число, въ физико-химическихъ наукахъ—движеніе, въ біологіи—протоплазма. Только раскрытіемъ внутренней связи между соціальными фактами и явленіями можно будетъ объяснить себѣ, что такое общество. Итакъ, соціологія есть особая наука, отличная отъ наукъ соціальныхъ, хотя и пользующаяся ихъ матеріаломъ; ея задача заключается въ объединеніи соціальныхъ фактовъ и явленій. Вормсъ раздѣляетъ соціологію, какъ это дѣлалось и раньше, на описательную и сравнительную; та и другая находятся между собою въ неразрывной связи; одна безъ другой немыслимы, такъ какъ одна есть анализъ, другая—синтезъ; одна даетъ факты, другая—обобщенія. Изъ существующихъ соціальныхъ наукъ исторія, опираясь на этнографію, должна сдѣлаться центромъ сравнительной соціологіи; напротивъ, исторія цивилизаціи (?), сравнительная психологія, лингвистика, исторія религій и научные отдѣлы ученій о нравственности, правѣ, экономической жизни и политикѣ войдутъ въ сравнительную соціологію *). Соціологія описательная должна прослѣдить всѣ общества въ порядкѣ, опредѣленномъ родствомъ ихъ происхожденія и цивилизаціи, изучая каждое въ его формахъ и функціяхъ; сравнительная соціологія должна раскрыть, при помощи сравненія, эволюцію каждой формы и функціи **). Р. Вормсъ даетъ намъ и болѣе детальную классификацію соціальныхъ наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціологіи. Слѣдуетъ различить, подобно тому какъ и въ біологіи, соціальную анатомію и соціальную физіологію; первая занимается элементами, изъ которыхъ состоитъ общество, послѣдняя раскрываетъ самую жизнь общества; предметъ первой—общественная статика, послѣдней—общественная динамика. Общественная статика или анатомія заключаютъ въ себѣ не только все то, что касается строенія общества, но и описаніе и изученіе внѣшнихъ, физическихъ условій, среди которыхъ развивается общественная организація, какъ-то: воздуха, воды, почвы, минеральныхъ богатствъ, міра растительнаго и животнаго; все это можно было бы подвести подъ понятіе географіи въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. заключающей въ себѣ: метеорологію, гидрографію, орографію, геологію, минералогію, ботанику и зоологію въ ихъ отношеніяхъ къ соціологіи. Что касается изученія строенія человѣческихъ обществъ, то на первомъ планѣ должна стоять этнографія въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. антропологическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ психологическое и лингвистическое изученіе расоваго типа;

---

*) *R. Worms*: „La Sociologie"; въ *Revue internationale de Sociologie*. 1896, № 1.
**) *R. Worms*: „Une Faculté de Sciences Sociales", ibid, 1895, № 11.

далѣе слѣдуетъ демографическое изученіе общества—цифровое распредѣленіе населенія, плотность, рождаемость, смертность, браки, болѣзни и проч.; наконецъ, слѣдуетъ изученіе соціальныхъ группъ: семьи и рода, города и провинціи, профессій, соціальныхъ классовъ, всякаго рода ассоціацій; все это могло бы быть обозначено терминомъ соціальная гистологія. Соціальную физіологію или динамику Р. Вормсъ дѣлитъ на четыре группы явленій и соотвѣтствующихъ имъ направленій научной дѣятельности: экономическая соціологія, юридическая, интеллектуальная и политическая. Въ интеллектуальной слѣдуетъ различать соціологію эстетики, ума, нравственности и религіи. Политическая соціологія имѣетъ своимъ предметомъ государство и правительство; отношенія послѣдняго къ членамъ государства и къ другимъ государствамъ. Всѣ эти подраздѣленія разсматриваемый ученый приводитъ въ связь съ ранѣе установленными понятіями описательной и сравнительной соціологи, такъ что какъ соціальная анатомія, такъ и соціальная физіологія могутъ носить характеръ аналитическій и синтетическій *). Въ качествѣ научныхъ методовъ, приложимыхъ въ соціологіи, Р. Вормсъ указываетъ: наблюденіе, классификацію, индукцію и дедукцію, не давая, однако, никакихъ разъясненій относительно способовъ пользованія этими методами, за исключеніемъ немногихъ замѣчаній о наблюденіи соціальныхъ явленій.

Таковы, въ общихъ чертахъ, соціологическія воззрѣнія Р. Вормса, этого наиболѣе ревностнаго адепта соціологіи, какъ особой науки.

Какъ видимъ, все почти исчерпывается самыми общими понятіями и сравнительно болѣе детальными понятіями. Дѣло только въ томъ, что строить всякаго рода проекты, планы и системы гораздо легче, чѣмъ все это осуществлять; система же соціологіи, какъ отдѣльной науки, какъ синтеза всѣхъ соціальныхъ наукъ, выражаясь языкомъ самого Вормса, настолько сложна и можно сказать необъятна, что едва ли даже можно и думать о ея осуществленіи. Соціологія Вормса стремится обнять не только всѣ отдѣльныя соціальныя науки, но и почти всю область естествознанія на томъ основаніи, что среда, физическія условія вліяютъ на общественныя формы и функціи; мало того, задача соціологіи заключается въ объединеніи всего этого, при помощи отысканія соціальныхъ атомовъ. Ставить такую задачу—значитъ гоняться за призраками; французскіе соціологи любятъ сравнивать соціологію съ біологіей; но и послѣдняя не ставитъ такихъ цѣлей, сознавая полную невозможность ихъ достиженія; если протоплазма живого организма считается біологическимъ атомомъ, то никому еще не удалось, да врядъ ли когда-нибудь и удастся, свести къ единству, при помощи этого атома, все разнообразіе формъ и функцій, всю полноту живого существа съ его духовною и физическою природой. Тѣмъ болѣе неумѣстны и безцѣльны подобнаго рода стремленія въ соціологіи.

---

*) *R. Worms*: „Essai de classification des sciences Sociales въ *Revue internationale de Sociologie*, 1893, № 5. См. тамъ же его „Sur la définition de la Sociologie", № 2.

Въ виду этого, подъ именемъ соціологіи и слѣдуетъ разумѣть не отдѣльную и самостоятельную науку, какъ этого хочетъ Вормсъ и его единомышленники, но особый циклъ наукъ, совокупность всѣхъ соціальныхъ знаній. И біологія не есть самостоятельная наука, а только совокупность отдѣльныхъ наукъ о живомъ организмѣ; объединеніе наукъ біологическихъ, какъ и соціологическихъ, не можетъ составлять предмета особой науки, а должно входить лишь въ область философіи знаній.

Что касается деталей самой системы соціальныхъ наукъ, то и здѣсь далеко не всегда можно согласиться съ Вормсомъ. Такъ, наприм., ученіе о государствѣ или политическая соціологія у него входитъ лишь въ отдѣлъ соціальной физіологіи или динамики, не находя себѣ мѣста въ соціальной статикѣ. Это происходитъ, повидимому, оттого, что Вормсъ считаетъ предметомъ соціологіи именно государственное общество; поэтому вся его соціальная статика цѣликомъ обнимаетъ государство; все пріурочивается къ государственнымъ предѣламъ; среда, т.-е. міръ физическій, куда относятся климатъ, почва, минеральныя богатства, флора, фауна—все это въ предѣлахъ даннаго государства; то же самое касается этнографіи, демографіи; соціальныя группы—семьи, роды, города и провинціи, соціальные классы и проч.—всѣ эти отдѣльныя общественныя сферы онъ ставитъ не наряду съ государствомъ, но внутри его, такъ что предметомъ соціологическаго изученія является именно государство, прочія же общественныя группы, наряду со всѣмъ другимъ, должны служить лишь признаками или характерными чертами или свойствами государства. Такимъ образомъ, общество отождествляется съ государствомъ—положеніе, въ настоящее время никѣмъ уже не защищаемое. Къ непослѣдовательностямъ въ раздѣленіи соціальной динамики относится, наприм., помѣщеніе въ отдѣлъ интеллектуальной соціологіи, на ряду съ соціологіей ума, также соціологіи эстетики, морали и религіи: это значитъ не дѣлать различія между интеллектомъ и чувствомъ.

Вопросы методологіи, несомнѣнно, самые важные въ каждой наукѣ, почти вовсе не занимаютъ Р. Вормса, убѣжденнаго, что и въ соціологіи приложимы тѣ же методы, что и въ біологіи. Впрочемъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ трудовъ *), Р. Вормсъ является гораздо болѣе осторожнымъ, признавая всѣ методологическія преимущества въ соціологіи за наблюденіемъ и не отрицая всѣхъ тѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться въ особенности при опредѣленіи причинъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ явленій.

Леонъ Дюгюи, профессоръ юридическаго факультета въ Бордо, является также однимъ изъ горячихъ сторонниковъ соціологіи, хотя свои воззрѣнія онъ высказалъ лишь мимоходомъ, въ одной небольшой статьѣ **). Въ общемъ онъ согласенъ съ Р. Вормсомъ; соціальные факты и явленія,—гово-

---

*) *Réne Worms*: „De natura et methodo Sociologiae“. 1896.

**) *Léon Duguit*: „Un Seminaire de Sociologie“; въ *Revue internationale de Sociologie*. 1893. № 3.

рить онъ,—не произвольны и не зависятъ отъ одной частной воли, а слѣдовательно могутъ быть предметомъ науки; общество подобно живому организму, потому что состоитъ также изъ живыхъ клѣточекъ, и соціальныя явленія составляютъ результатъ акцій и реакцій этихъ клѣточекъ; поэтому, какъ есть научная біологія, такъ должна быть и научная соціологія. Свободная воля людей вполнѣ согласна съ универсальнымъ детерминизмомъ. Кромѣ того, человѣкъ сознательно и необходимо стремится освободить общество и соціальную жизнь отъ дѣйствія чуждыхъ и пертурбаціонныхъ причинъ. Что касается системы соціологіи, то она у Дюгюи является значительно упрощенною; всѣ соціальныя явленія относятся, по его мнѣнію, или къ питанію или къ взаимо-отношеніямъ; отсюда двѣ вѣтви соціологіи: политическая экономія и право; явленія той и другой категоріи должны быть изучаемы въ состояніи статики и динамики. Такимъ образомъ, Л. Дюгюи въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ утверждаетъ то, что еще требуетъ доказательствъ, а въ своей ксассификаціи слишкомъ уже прямолинеенъ; нельзя же всѣ человѣческія отношенія сводить къ понятію права.

Фернандъ Форъ, профессоръ юридическаго факультета въ Парижѣ, также лишь мимоходомъ высказалъ нѣкоторыя соображенія по поводу соціологіи, какъ науки *). Онъ соглашается съ Ворисомъ и другими, что соціологія имѣетъ своею задачей объединеніе соціальныхъ наукъ путемъ раскрытія ихъ взаимной связи. Въ соціологію входитъ изученіе законовъ образованія и развитія общества.

Гораздо болѣе обстоятельнымъ въ своихъ соціологическихъ воззрѣніяхъ является Марсель Берне, профессоръ филологическаго факультета въ Монпелье. Мы позволимъ себѣ остановиться на этихъ воззрѣніяхъ нѣсколько болѣе подробно.

Названный ученый въ обширной статьѣ, подъ заглавіемъ *Programme d'un cours de Sociologie générale* **), пытается отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) возможна ли наука объ обществахъ; 2) можно ли допустить существованіе общей соціологіи, отличной отъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ; 3) должна ли она по характеру своего объекта отличаться отъ прочихъ соціальныхъ наукъ; 4) какова должна быть система соціологіи и 5) каковы должны быть духъ и общій характеръ соціологическаго изслѣдованія.

Какъ и всѣ другіе соціологи, М. Берне рѣшаетъ первый вопросъ утвердительно, стараясь при этомъ примирить два противоположныхъ начала—свободу воли и универсальный детерминизмъ. Если допустить абсолютную свободу воли, то, разумѣется, невозможна никакая соціальная наука; благодаря абсолютной свободѣ воли, въ каждый моментъ должна возникать масса новыхъ дѣйствій и явленій, между которыми невозможно установить

---

*) *Fernand Faure:* „La Sociologie dans les facultés de Droit de France" въ *Revue* 1893, № 2.

**) *Revue internationale de Sociologie.* 1895, № 12; 1896, № 1.

никакой причинной связи; действительная жизнь убѣждаетъ насъ, однако, въ томъ, что человѣческая воля ограниченна и независима; всюду мы наблюдаемъ сходство соціальныхъ явленій, исторія состоитъ изъ фактовъ и явленій, слѣдующихъ одни за другими по естественнымъ законамъ; человѣческая свобода ограничена физическими условіями, наслѣдственностью и проч.; но Марсель Берне не хочетъ допустить и абсолютнаго детерминизма, исключающаго всякую свободу воли; послѣдняя относительна, она существуетъ въ предѣлахъ детерминизма; какъ свободную волю, такъ и детерминизмъ слѣдуетъ свести къ ихъ истинному смыслу; детерминизмъ выражаетъ данное явленіе, какъ совершившійся фактъ, какъ нѣчто объективное; свобода воли выражаетъ данное явленіе въ его движеніи, въ постоянномъ и отчасти неопредѣленномъ переходѣ отъ одного положенія къ другому, отъ дѣйствительности къ идеалу. Конечно, только такъ и можно было примирить непримиримое. Совершившійся фактъ есть выраженіе детерминизма, а совершающееся—выраженіе свободной воли; но лишь только совершающееся превратится въ совершившееся, и свободная воля превратится въ детерминизмъ; такимъ образомъ, свободной воли не существуетъ, вслѣдствіе чего и соціологія, какъ наука о закономѣрности общественной жизни, вполнѣ возможна. Таковъ выводъ изъ разсужденій автора, хотя онъ и старался ихъ нѣсколько затемнить вышеизложенными соображеніями въ пользу нѣкоторой свободы воли. Впрочемъ, и самъ онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія опредѣленно и категорически высказывается въ пользу признанія безусловнаго детерминизма.

По вопросу о томъ, должна ли существовать общая соціологія, какъ самостоятельная наука, отличная отъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, М. Берне высказывается совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и другіе французскіе соціологи, признавая, что общая соціологія должна установить связь между соціальными науками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и между соціальными явленіями. Но предметомъ соціологіи должно быть, въ особенности, отысканіе законовъ какъ солидарности, такъ и антагонизма между соціальными факторами. Такимъ образомъ, относительно воззрѣній М. Берне на задачу соціологіи, какъ отдѣльной науки, слѣдуетъ сказать то же самое, что было нами высказано выше относительно воззрѣній Р. Вормса; но М. Берне гораздо подробнѣе развиваетъ тему о томъ, что должно составлять предметъ соціологіи. Такимъ объектомъ должно быть само общество въ его цѣломъ, но не отдѣльные соціальные факты. Страннымъ и непослѣдовательнымъ, однако, является утвержденіе разсматриваемаго автора, что въ качествѣ объекта соціологіи должны выступать лишь общества, данныя самою природой, способныя къ безконечному развитію, а не тѣ, которыя образуются людьми для достиженія разнообразныхъ цѣлей; поэтому, напримѣръ, соединенія чисто-экономическаго характера не входятъ въ область общей соціологіи. Такое заявленіе странно, такъ какъ подобнаго рода исключенія изъ сферы изслѣдованія въ области соціальной статики, должны были бы весьма невыгодно отразиться на соотвѣтствующихъ отдѣлахъ

соціальной динамики; такъ, наприм., изученіе экономической жизни не можетъ быть понятнымъ и успѣшнымъ, если изъ области изслѣдованія будутъ исключены многочисленныя и разнообразныя экономическія ассоціаціи. Непослѣдовательнымъ на нашъ взглядъ такое заявленіе должно быть признано потому, что съ точки зрѣнія универсальнаго детерминизма, признаваемаго самимъ авторомъ, и всякаго рода общества, образуемыя для опредѣленныхъ цѣлей, будутъ имѣть также естественныя, т.-е. самою природой установленныя основанія.

Признавая соціологію самостоятельною наукой, Марсель Берне пытается опредѣлить и развить ея идею путемъ уясненія природы самого общества, какъ объекта ея изслѣдованій. Разсматривая главнѣйшія теоріи современной соціологіи, онъ старается указать, что въ нихъ заключается правильнаго и ошибочнаго, и, въ то же время, держась чисто-эклектическаго направленія, стремится примирить противоположныя соціологическія воззрѣнія. Онъ отмѣчаетъ, прежде всего, два главныхъ направленія въ дѣлѣ уясненія природы общества: одно объективистическое или натуралистическое, ставящее соціологію наравнѣ съ естествознаніемъ и признающее общество подчиненнымъ въ своемъ существованіи и развитіи непреложнымъ законамъ; другое — субъективистическое или идеалистическое, приближающее соціологію къ психологіи и смотрящее на общество какъ на произведеніе человѣческаго искусства, какъ на результатъ соглашенія людей. Объективистическое направленіе раздѣляется, въ свою очередь, на двѣ вѣтви: одну — усматривающую главный соціальный факторъ въ условіяхъ физической среды, какого воззрѣнія придерживались, наприм., Монтескьё и Бокль, другую — приравнивающую соціологію къ біологіи и стремящуюся объяснить природу общества съ біологической точки зрѣнія. Это біологическое направленіе, въ свою очередь, распадается на два: одно вполнѣ сближаетъ общество съ живымъ организмомъ, другое считаетъ общество несовершеннымъ организмомъ, имѣющимъ развиться въ будущемъ. Авторъ приводитъ разныя соображенія въ доказательство односторонности и, слѣдовательно, неправильности всѣхъ этихъ отдѣльныхъ направленій.

Такъ, если физическая среда и вліяетъ на общество, то послѣднее всегда не можетъ быть уравнено съ міромъ неорганическимъ, и этотъ факторъ, такимъ образомъ, не опредѣляетъ собою всѣхъ явленій соціальной жизни, а въ особенности тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ духовной природы человѣка. Біологическое направленіе, сближающее общество съ живымъ организмомъ, потому неправильно, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ полнаго сходства или соотвѣтствія: такъ, наприм., общество отличается гораздо большею продолжительностью своего существованія, нежели живой организмъ; смерть или разрушеніе общества дѣло только случая, между тѣмъ какъ въ отношеніи живыхъ существъ она необходимость; человѣческій индивидуумъ не можетъ быть приравненъ къ анатомическому элементу въ организмѣ, потому что онъ въ одно и то же время представляетъ собою и соціальную матерію и дѣйствующій факторъ. При этомъ наиболѣе

важнымъ оказывается стремленіе индивидуума составлять вмѣстѣ съ другими индивидуумами небольшія естественныя группы, которыя и слѣдуетъ считать составными частями каждаго общества. Принципъ общественной солидарности играетъ важную роль. Признаніе этого положенія приводитъ автора къ необходимости подвергнуть своему ближайшему разсмотрѣнію психологическое или идеалистическое направленіе соціологическаго изслѣдованія. Психологія въ отношеніи соціологіи является объективною и субъективною; на основаніи объективной психологіи всѣ явленія соціальной жизни зависятъ не отъ человѣческаго сознанія или разума, но отъ человѣческихъ чувствъ; авторъ оспариваетъ это положеніе, говоря, что невозможно провести строгую грань между чувствами и идеями; психологія субъективная основываетъ общество на свободномъ соглашеніи его членовъ, гдѣ главную роль играетъ не разумъ или чувство, но воля. По мнѣнію автора, общество является условіемъ существованія и развитія индивидуальности, поэтому актъ индивидуальной и свободной воли не можетъ уже обусловливать существованіе общества; кромѣ того, указывается на то, что общество существуетъ какъ нѣчто весьма устойчивое, чего не могло бы быть, еслибы существованіе зависѣло отъ свободной воли и соглашенія индивидуумовъ. Гораздо важнѣе,—говоритъ авторъ,—отмѣтить существующія въ людяхъ альтруистическія стремленія, установляющія связь между индивидуумомъ и обществомъ. Въ концѣ-концовъ, авторъ, вѣрный своему эклектическому направленію, старается примирить натуралистическое и психологическое направленіе въ разработкѣ соціологіи; природа общества въ одно и то же время и объективна, и субъективна; она есть вполнѣ опредѣлившаяся реальность и постоянное стремленіе впередъ къ неопредѣленному идеалу; только гармоническое сочетаніе того и другого объясняетъ истинную природу общества. Вотъ почему какъ объективистическое, такъ и идеалистическое или психологическое направленіе въ разработкѣ соціологіи должны идти рука объ руку.

Если предметъ соціологіи составляетъ общество въ его цѣломъ, т.-е. общественныя группы, если общественные факты служатъ предметомъ этой науки лишь постольку, поскольку они имѣютъ отношеніе къ цѣлому обществу, если, далѣе, природа общества въ одно и то же время объективна и субъективна, то требуется, однако, усыпить характеръ самой соціальной связи, т.-е. опредѣлить ближайшимъ образомъ, что же именно объединяетъ людей въ общества. Такъ какъ въ отношеніи каждаго общества и общественнаго состоянія можно говорить о его настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, то и опредѣленіе характера соціальной связи должно быть сдѣлано въ тѣхъ же трехъ направленіяхъ.

Наблюдая соціальныя явленія, можно въ нихъ самихъ находить указанія на соціальную связь; авторъ останавливается только на главнѣйшихъ изъ нихъ, каковы явленія экономической жизни, политической, юридической и нравственной. Онъ доказываетъ, что каждое изъ этихъ явленій, взятое въ отдѣльности, не можетъ служить основою общества или со-

ціальною связью и только взятыя во всей своей совокупности они могутъ служить такою связью. Соціологія должна исходить изъ идеи солидарности, какъ условія существованія сознанія и самой индивидуальности, принимая ее въ одно и то же время какъ нѣчто реальное и объективное, съ другой стороны—какъ нѣчто незаконченное и идеальное. Экономическая жизнь служитъ выраженіемъ этой солидарности, поскольку она реализована уже въ обществѣ въ его отношеніяхъ къ физической, матеріальной средѣ; политическая жизнь выражаетъ ту же солидарность въ дѣлѣ отношеній между индивидуумами или между цѣлыми общественными группами; право положительное и обычное представляетъ собою то, что превышаетъ среднее индивидуальное сознаніе и, выражаясь въ формѣ правилъ, обязываетъ каждаго къ опредѣленному поведенію. Правило идеальное есть наиболѣе совершенная форма отношеній, къ достиженію которой должно стремиться право положительное.

Что касается общественной эволюціи въ ея прошломъ, то задача соціологіи заключается въ томъ, чтобы разрѣшить вопросъ о возникновеніи общества, найти формальный законъ соціальной эволюціи и, наконецъ, законъ общаго и реальнаго направленія этой эволюціи. По первому вопросу авторъ указываетъ на двѣ гипотезы — моногенитическую и полигенитическую; первая предполагаетъ единство происхожденія и формъ соціальныхъ; вторая, напротивъ, разнообразіе; та и другая имѣютъ нѣчто за себя, но самый вопросъ оказывается празднымъ, такъ какъ не можетъ быть рѣшенъ, за слабостью и недостаточностью человѣческихъ знаній о прошломъ. По вопросу о формальномъ законѣ развитія представляются опять различныя гипотезы, сообразно моногенитическому или полигенитическому происхожденію общества; въ первомъ случаѣ формальный законъ есть диффренціація формъ, во второмъ—ассимиляція. По мнѣнію однихъ, соціальная эволюція есть результатъ постоянной борьбы (Прудонъ), по мнѣнію другихъ она имѣетъ мирный характеръ и борьба только случайна (Дуркгеймъ); М. Берне не берется рѣшать вопроса, говоря, что борьба не всегда содѣйствуетъ развитію, а теорія о мирномъ развитіи, взятая безусловно, оказывается чистымъ оптимизмомъ. Наконецъ, по вопросу объ общемъ и реальномъ направленіи соціальной эволюціи, Берне ограничивается приведеніемъ на этотъ счетъ мнѣній различныхъ соціологовъ и вообще лицъ интересовавшихся этимъ вопросомъ, таковы: Спенсеръ, Фулье, Тардъ, Гумпловичъ, Грифъ, Дуркгеймъ и др. Говоря о соціальномъ будущемъ, М. Берне могъ только сказать, что оно основано на прошломъ и настоящемъ; имѣя реальную основу, оно само по себѣ является идеальнымъ, т.-е. такимъ, къ какому люди стремятся сознательно и какъ бы согласно съ своей свободною волей. Здѣсь, такимъ образомъ, опять примиряется объективное съ субъективнымъ, реальное съ идеальныхъ, детерминизмъ съ свободною волей.

Такимъ образомъ, соціологія должна содержать въ себѣ прежде всего объясненіе современнаго состоянія соціальной жизни въ смыслѣ установленія идеи солидарности на почвѣ совокупнаго вліянія началъ — экономиче-

скаго, политическаго, юридическаго и нравственнаго. И такъ какъ идея солидарности вообще является элементомъ внутренняго духовнаго міра человѣка, то и вся эта область соціологіи можетъ быть обозначена какъ коллективная или соціологическая психологія.

Затѣмъ, изученіе прошлой жизни даетъ возможность уяснить относительное значеніе уже совершившихся соціальныхъ явленій, но съ точки зрѣнія той же солидарности; это составляетъ предметъ философіи исторіи или исторіи цивилизаціи.

Наконецъ, если соціальная жизнь состоитъ отчасти изъ элементовъ уже, такъ сказать, фиксированныхъ, то въ ней же находятъ мѣсто и разнаго рода стремленія, идеи, коллективныя желанія; солидарность не является вполнѣ опредѣлившеюся; она идеалъ, способный реализироваться въ будущемъ; общество находится въ процессѣ образованія и его будущее не все содержится въ прошедшемъ; соціологическій идеализмъ сохраняетъ свою относительную цѣнность, такъ что съ этой точки зрѣнія можно говорить о соціологической морали; послѣдняя хотя и тѣсно связана съ существующими реальностями, однако не можетъ быть сведена къ простому констатированію нравственности даннаго народа или данной эпохи.

Таковъ характеръ общества и общественной жизни, сообразно съ чѣмъ и соціологія является совершенно особенною наукой, тѣсно соединяя данныя объективныя и субъективныя, реальныя и идеальныя, теоретическія и практическія, и получая въ силу этого высокое философское значеніе.

Мы далеко не исчерпали соціологическихъ воззрѣній Марселя Берне, но изъ вышеизложеннаго видно, что эти воззрѣнія отличаются значительною оригинальностью и самостоятельностью; развитіе основной идеи строго логично; однако, примиреніе антитезъ, каковы объективизмъ и субъективизмъ, реальное и т. д., заставляетъ желать многаго; здѣсь авторъ покидаетъ научную основу и вступаетъ въ область философіи; не даромъ же онъ и соціологіи присвоиваетъ большое философское значеніе. Впрочемъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду критику соціологическихъ воззрѣній; мы желали лишь ознакомить читателя съ общимъ характеромъ этихъ воззрѣній. Мы не останавливаемся на воззрѣніяхъ другихъ французскихъ соціологовъ, изъ которыхъ многіе пріобрѣли своими соціологическими трудами извѣстность, каковы, наприм., Летурно, Тардъ и другіе, разработывавшіе спеціальные соціологическіе вопросы; для насъ было достаточнымъ, повторяемъ, изложить общій характеръ соціологическихъ воззрѣній лишь по основнымъ вопросамъ. Изъ всего вышеизложеннаго не трудно, во всякомъ случаѣ, усмотрѣть, что соціологія нашла во Франціи весьма благодарную почву; научная разработка соціологіи имѣетъ здѣсь цѣлую массу выдающихся представителей; дѣло, однако, и этимъ не ограничивается; несмотря на всю новизну и неразработанность этой отрасли знанія, французскіе соціологи, по примѣру соціологовъ нѣкоторыхъ другихъ странъ стремятся уже ее пропагандировать въ обществѣ, и не только при помощи печати, но и при помощи устнаго преподаванія въ высшихъ школахъ.

III.

Идея преподаванія соціологіи въ высшихъ школахъ нашла во Франціи достаточное число сторонниковъ и получила уже осуществленіе. Французскіе ученые соціологи убѣждены, что преподаваніе соціологіи въ университетахъ должно пріобрѣсти такое же право гражданства, какъ и другихъ наукъ. Примѣръ нѣкоторыхъ государствъ, гдѣ соціологія, хотя бы и въ видѣ только отдѣловъ, давно уже сдѣлалась предметомъ университетскаго преподаванія, еще болѣе побуждаетъ французовъ стремиться къ осуществленію излюбленной идеи. Вотъ нѣкоторыя данныя о преподаваніи соціологіи въ нѣкоторыхъ европейскихъ и американскихъ государствахъ.

Въ 1890 году открылъ курсъ соціологіи въ Гельсингфорсѣ проф. Е. Вестермаркъ, продолжавшій его по отдѣльнымъ вопросамъ и въ слѣдующіе годы. Въ 1895 году, съ 15 сентября по 1 декабря, онъ читалъ элементарный курсъ соціологіи, имѣя около 80 слушателей. Въ Бельгіи была образована высшая школа соціальныхъ наукъ, а съ 1893 года введены даже ученыя степени лиценціата и доктора соціальныхъ наукъ съ соотвѣтствующими экзаменами. Для полученія степени лиценціата требуется выдержать экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) экономической исторіи; 2) сравнительнаго изученія гражданскихъ учрежденій; 3) сравнительнаго законодательства о трудѣ; 4) политической экономіи; 5) финансовой науки и 6) по двумъ вопросамъ изъ той или другой науки по выбору экзаменующагося. Для полученія степени доктора требуется представленіе диссертаціи по одному изъ предметовъ, входящихъ въ составъ экзамена на лиценціата, и публичная ея защита. Курсъ соціологіи читается во многихъ высшихъ школахъ Америки: такъ, въ Бостонѣ—въ технологическомъ институтѣ, въ университетѣ Виргиніи подъ именемъ науки объ обществѣ (Science of Society), въ университетѣ Мичиганъ подъ именемъ соціальной философіи, въ Гартфордѣ (штатъ Коннектикутъ) не такъ давно открыта школа соціологіи (Collège de Sociologie), съ трехлѣтнимъ курсомъ для лицъ обоего пола; преподаваніе обнимаетъ соціологію въ обширномъ смыслѣ слова; по окончаніи курса выдержавшимъ экзаменъ дается дипломъ баккалавра соціологіи.

Но въ особенности быстро развивается преподаваніе соціологіи во Франціи какъ по отдѣльнымъ соціальнымъ наукамъ, такъ и въ отношеніи изложенія цѣлыхъ курсовъ или системъ соціологіи.

Съ 1889 года Леонъ Мартье читаетъ въ школѣ высшихъ наукъ (École des hautes études) курсы по вопросамъ религіи у нецивилизованныхъ народовъ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ въ филологическомъ факультетѣ въ Бордо ведетъ курсъ соціологіи Дюркгеймъ, въ томъ же факультетѣ въ Ліонѣ популярный курсъ соціологіи ведется А. Бертраномъ. Въ нѣкоторыхъ факультетахъ существуютъ даже соціологическіе семинаріи; тамъ, въ юридическомъ факультетѣ въ Бордо практическія занятія по соціологіи, устроенныя въ 1891 году проф. Дюгюи, состояли въ чтеніи и обсужденіи ре-

фератовъ по вопросамъ соціологіи. Л. Дюгюи, въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Un Séminaire de Sociologie* *), самъ сообщаетъ о характерѣ занятій въ его соціологическомъ семинаріи. На его предложеніе отозвалось только семь студентовъ и, несмотря на такую малочисленность, онъ занимался съ ними въ теченіе десяти семестровъ. Онъ сообщаетъ даже, какіе были разсмотрѣны вопросы; сюда относятся: 1) существуетъ ли соціологическая наука; 2) о началѣ всякаго соціологическаго знанія; 3) существуетъ ли, на-ряду съ соціологіей какъ наукой, соціальное искусство; 4) какъ раздѣляется соціологія и 5) что такое соціальное сознаніе. Вопросы, какъ видимъ, основные, и, по словамъ Дюгюи, ему удалось со своими слушателями придти въ совмѣстной работѣ къ опредѣленнымъ отвѣтамъ; при этомъ онъ излагаетъ въ общихъ чертахъ содержаніе рефератовъ и состоявшихся по нимъ преній.

Подобнаго же рода соціологическій семинарій былъ учрежденъ въ Тулузѣ проф. Горью (M. Hauriou), на-ряду съ чтеніемъ курса соціологіи, хотя нѣсколько раньше онъ и заявилъ себя противникомъ такого преподаванія **). Въ филологическомъ факультетѣ въ Монпелье курсъ соціологіи читалъ сначала Ляпужъ (Lapouge), а затѣмъ, съ 1894 г., M. Берне, соціологическія воззрѣнія котораго изложены выше. Первый годъ преподаванія былъ посвященъ имъ критическому введенію въ общую соціологію; болѣе подробно онъ остановился на вопросѣ о морали; впрочемъ, Берне, въ противоположность Дюгюи, остался недоволенъ своими слушателями: ихъ было не много, и они были мало подготовлены. Будучи профессоромъ филологическаго факультета, M. Берне признаетъ, однако, болѣе цѣлесообразнымъ пріурочить преподаваніе соціологіи къ юридическому факультету ***). Проф. Летурно, извѣстный своими многочисленными трудами по соціологіи, въ 1895 году открылъ курсъ соціологіи въ школѣ антропологіи (École d'Anthropologie de Paris) вопросомъ о воспитаніи въ различныхъ человѣческихъ расахъ; въ то же время, не менѣе извѣстный Габріэль Тардъ началъ чтенія въ свободной школѣ политическихъ знаній (École libre des Sciences politiques de Paris), по вопросу «объ элементахъ политической соціологіи», предполагая изложить основные принципы соціологіи и общее приложеніе ихъ къ политикѣ; чтенія продолжаются и въ 1896 году. Упомянемъ также о томъ, что въ концѣ 1895 года въ Парижѣ открылась «свободная школа соціальныхъ наукъ» (Collège libre des sciences sociales) подъ управленіемъ Функъ-Брентано; преподаваніе должно заключать въ себѣ отчасти методологію соціальныхъ наукъ, отчасти же изложеніе экономическихъ и соціалистическихъ доктринъ ****). Наконецъ, нельзя не упомянуть о соціологиче-

---

*) *Revue internationale de Sociologie*. 1893, № 3.

**) Réponse à „un docteur en droit“, sur la sociologie. *Revue internationale de Sociologie*. 1894, № 5, p. 390.

***) *M. Bernes*: „Quelques réflexions sur l'enseignement de la Sociologie. *Revue*. 1895, № 8, p. 629.

****) Въ текущемъ году здѣсь читались, между прочимъ, интересныя лекціи о соціологіи послѣ О. Конта; читалъ депутатъ докторъ Дэльбе.

скихъ лекціяхъ извѣстнаго Р. Ворнса, имя котораго не разъ упоминалось въ настоящемъ очеркѣ. Объявивши въ октябрѣ 1895 года курсъ соціологіи, онъ началъ съ введенія въ общую соціологію, спеціально останавливаясь на объектѣ, раздѣленіи, методѣ и исторіи этой науки. Въ первую лекцію онъ охарактеризовалъ положеніе преподаванія соціологіи въ различныхъ странахъ, разъяснилъ ту роль, какую могутъ играть это преподаваніе и сама соціологія для общаго прогресса цивилизаціи. Лекціи продолжаются и въ настоящемъ году, захватывая такіе интересные вопросы какъ элементы общества, опредѣленіе соціальнаго факта, различные порядки соціальныхъ функцій, методологія и проч.

Изъ сказаннаго видно, что преподаваніе какъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, такъ и соціологіи, въ качествѣ самостоятельной науки, развивается во Франціи довольно быстро. Французскіе соціологи, адепты такого распространенія соціологическихъ знаній путемъ преподаванія, далеко, однако, не довольны существующими порядками и желали бы создать особые факультеты соціальныхъ наукъ или, по меньшей мѣрѣ, ввести правильное преподаваніе соціологіи, пріурочивши его къ юридическому факультету. Такъ, этого послѣдняго мнѣнія держится Фернандъ Форъ, профессоръ юридическаго факультета въ Парижѣ *); правда, и онъ, въ концѣ концовъ, примыкаетъ къ первому мнѣнію, такъ какъ желаетъ присвоить юридическимъ факультетамъ соціологическій характеръ и даже переименовать ихъ въ факультеты соціальныхъ наукъ. Напротивъ, Р. Ворнсъ прямо высказывается за образованіе особыхъ факультетовъ соціальныхъ наукъ. Преподаваніе соціальныхъ наукъ и соціальныхъ искусствъ,—говоритъ онъ,—ведется почти уже во всѣхъ университетахъ, но отличается разрозненностью, неполнотой, отсутствіемъ правильности и опредѣленности. Курсы соціологіи не имѣютъ между собою никакой связи, будучи разсѣяны по разнымъ высшимъ школамъ; требуется объединить ихъ, создавши особый факультетъ. Пріуроченіе преподаванія этихъ наукъ къ юридическимъ факультетамъ Р. Ворнсъ считаетъ нецѣлесообразнымъ, такъ какъ духъ и направленіе преподаванія въ современныхъ юридическихъ факультетахъ имѣютъ, по его мнѣнію, мало научнаго; въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ объ искусствѣ и даже о практикѣ; комментированіе текста закона и разъясненіе правильнаго примѣненія его къ различнымъ случаямъ дѣйствительной жизни—вотъ забота профессоровъ, въ особенности гражданскаго или частнаго права. Ворнсъ находитъ это, впрочемъ, естественнымъ, такъ какъ подобное преподаваніе отвѣчаетъ практической потребности; главная цѣль современныхъ юридическихъ факультетовъ—подготовить практиковъ; но въ виду того, что соціологія не имѣетъ практическаго характера, и пріуроченіе преподаванія ея къ юридическимъ факультетамъ было бы нецѣлесообразно. Филологическіе факультеты также не отвѣчаютъ этой цѣли, имѣя свои особыя тра-

*) *Fernand Faure*: „La Sociologie dans les facultés de droit de France. *Revue*. 1893, № 2.

диціи и свое направленіе. Принципіально было бы наиболѣе правильно, по его мнѣнію, пріурочить преподаваніе соціальныхъ наукъ къ естественному факультету, но къ этому слишкомъ еще не подготовлены умы. Такимъ образомъ, единственнымъ правильнымъ исходомъ является образованіе особыхъ факультетовъ соціальныхъ наукъ. Что касается самой программы преподаванія, то она должна заключать въ себѣ всю совокупность соціальныхъ наукъ, классифицированныхъ сообразно съ двумя видами соціологіи—описательной и сравнительной; такимъ же путемъ должны быть распредѣлены и каѳедры. Для описательной соціологіи должны существовать не менѣе 11 каѳедръ, такъ какъ Вормсъ комбинируетъ народы, подлежащіе описанію, именно въ 11 группъ. По сравнительной соціологіи каѳедры распредѣляются опять сообразно двумъ видамъ этой соціологіи--статической и динамической. Въ первую группу входятъ каѳедры: по сравнительной географіи, сравнительной антропологіи, психологіи и филологіи, сравнительной демографіи, наконецъ, по соціальной органологіи и гистологіи. Во вторую группу наукъ входятъ каѳедры: по производству богатствъ, по ихъ распредѣленію, обмѣну и потребленію; для каждой, слѣдовательно, экономической отрасли по отдѣльной каѳедрѣ; размноженіе людей и жизнь семейная служатъ также предметами преподаванія, для чего могло бы быть образовано двѣ каѳедры; наконецъ, преподаваніе наукъ, имѣющихъ своею задачей уясненіе отношеній между людьми, требуетъ учрежденія нѣсколькихъ каѳедръ; сюда относятся каѳедры: по исторіи религій, по исторіи нравственности, искусствъ и наукъ, права и политическихъ учрежденій. Всѣхъ каѳедръ въ факультетѣ предлагается приблизительно 26, не считая еще особой каѳедры по общей соціологіи, какъ наукѣ, объединяющей путемъ синтеза всѣ отдѣльныя соціальныя науки. Помимо всего этого, должны быть организованы практическія занятія. Все это Р. Вормсъ считаетъ вполнѣ достижимымъ, такъ какъ въ научныхъ силахъ недостатка не будетъ, а требующіяся для осуществленія этого плана огромныя матеріальныя средства должны быть даны государствомъ *).

Будетъ ли осуществленъ подобнаго рода проектъ, сказать трудно; сомнѣваться же въ возможности такого осуществленія мы не имѣемъ никакихъ основаній. Правда, самая идея въ отношеніи ея практическаго приложенія требуетъ еще разработки; Р. Вормсъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи лишь первую попытку, которая, надо думать, заставитъ высказаться и другихъ. Выше мы видѣли, что преподаваніе соціальныхъ наукъ и даже соціологіи, какъ одной науки, находитъ уже свое примѣненіе не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ; идея объединенія такого преподаванія въ самостоятельныхъ школахъ или факультетахъ не заключаетъ въ себѣ ничего химеричнаго; отдѣльныя каѳедры по соціологіи начинаютъ уже появляться: такъ, декретомъ 22 іюня 1896 года, такая каѳедра обра-

---

*) *R. Worms*: „Une faculté des sciences sociales. *Revue internationale de Sociologie*. 1895, № 11.

зована въ филологическомъ факультетѣ въ Бордо и преподаваніе возложено на Дуркгейма. Это значитъ, что идея преподаванія соціологіи встрѣчаетъ уже сочувствіе въ правительствѣ. Въ матеріальныхъ средствахъ недостатка, конечно, не будетъ; Франція одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ на народное образованіе не жалѣютъ денегъ. Есть, однако, одно, на первый взглядъ, довольно важное соображеніе, подрывающее довѣріе къ пользѣ такого преподаванія. Говорятъ, соціологія, въ смыслѣ даже совокупности соціальныхъ знаній, а тѣмъ болѣе въ качествѣ самостоятельной науки, слишкомъ еще мало разработана, слишкомъ еще мало даетъ истинъ, чтобы сдѣлаться предметомъ преподаванія. На это слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ преподаваемыхъ наукъ однѣ разработаны больше, другія меньше, и нѣтъ ни одной вполнѣ законченной науки. Въ преподаваніи далеко не всегда излагаются одни только истины, а весьма часто гипотезы и мнѣнія ученыхъ. Правовѣдѣніе давно уже разрослось въ самостоятельную систему наукъ и давно пріобрѣло право гражданства въ университетскомъ преподаваніи, а между тѣмъ вопросъ о томъ, что такое право и до сихъ поръ вызываетъ разногласіе. Такихъ примѣровъ можно было бы представить множество. Все это, однако, не мѣшаетъ преподаванію; не можетъ и не должно оно препятствовать и преподаванію наукъ соціальныхъ. Послѣднія, не претендуя пока на названіе и значеніе наукъ точныхъ, не выдавая свои положенія за непреложныя истины, могутъ принести все же дѣлу общественнаго образованія огромную пользу. Имѣя въ виду одну конечную и великую цѣль—уясненіе закономѣрности общественныхъ явленій, чуждыя какого бы то ни было практическаго направленія, они могутъ, при всемъ ихъ несовершенствѣ, оказать благодѣтельное вліяніе на воспитаніе мышленія, дѣлая его болѣе серьезнымъ, заставляя смотрѣть на общественныя явленія не какъ на дѣло случая или произвола, но какъ на результатъ предшествовавшихъ и сосуществующихъ причинъ, какъ на видовое проявленіе и обнаруженіе началъ и законовъ, присущихъ всему мировому порядку. Такимъ образомъ, значеніе преподаванія соціологіи обнаруживается пока не столько въ строго-научномъ отношеніи, сколько въ воспитательномъ. Въ концѣ концовъ мы не можемъ не высказать, что всѣ соціологическія начинанія французскихъ ученыхъ, ихъ неустанная въ этомъ отношеніи энергія, ихъ стремленіе заставить возможно большее число лицъ интересоваться и заниматься вопросами соціологіи, ихъ усиленная дѣятельность въ видахъ обоснованія этой науки, что все это дѣлаетъ большую честь какъ самимъ ученымъ, такъ и тому обществу, которое ихъ создаетъ.

В. В. Ивановскій.

Мои воспоминанія объ Эрнесто Росси *).

VI.

Послѣдній пріѣздъ Росси въ Россію совпадалъ съ его 50-лѣтней сценической дѣятельностью. Онъ и рѣшилъ отпраздновать свой юбилей въ этой, столь любимой имъ Россіи, сначала назначивъ для того Москву, а затѣмъ (какъ онъ мнѣ потомъ признался, по совѣту одного изъ друзей, оказавшаго ему этимъ медвѣжью услугу),—перемѣнивъ на Петербургъ. Однако Москва, всегда болѣе чѣмъ Петербургъ отзывчивая на такія чествованія, приготовила артисту прекрасный праздникъ въ день его бенефиса, который такъ и остался его юбилейнымъ торжествомъ.

Шелъ Гамлетъ. Съ перваго появленія на сценѣ этого идеальнаго Гамлета, въ его печальной траурной одеждѣ, началось чествованіе великаго артиста, давшаго публикѣ столько высокихъ наслажденій! Масса вѣнковъ и простыхъ и серебряныхъ, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ артистовъ оперной и драматической труппы; подарки. Но самое торжественное чествованіе было послѣ 3-го акта, когда занавѣсъ, многократно поднимавшійся для восторженныхъ вызововъ артиста, снова поднялся и на сценѣ появились представители разныхъ депутацій, съ ихъ вѣнками, адресами и рѣчами **).

Когда, по окончаніи этихъ овацій, я въ тотъ антрактъ пошла въ уборную Росси, то едва могла пробраться сквозь толпу его окружавшую на сценѣ. Онъ, веселый, оживленный, направо и налѣво раздавалъ цвѣты, расхватываемые дамами, а его уборная тоже походила на цвѣтникъ, отъ массы вѣнковъ и цвѣтовъ, которыми была завалена. По окончаніи же спектакля его осыпали цвѣтами изъ ложъ. Нечего и говорить о томъ, *какъ* шелъ этотъ Гамлетъ: это было что-то такое вдохновленное, что даже мнѣ, столько разъ восхищавшейся имъ въ этой роли, казалось, что я еще никогда не видала ничего подобнаго!

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) Не буду описывать всѣхъ подробностей, о которыхъ много писали въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ того времени. Всѣ подарки и адресы мнѣ пришлось снова увидѣть въ артистическомъ музеѣ артиста на его виллѣ близъ Флоренціи.

На слѣдующей недѣлѣ, играя въ Отелло, онъ признался мнѣ (онъ не любилъ говорить о своемъ нездоровьи и всегда его скрывалъ), что наканунѣ не спалъ всю ночь, отъ стѣсненія въ груди; мѣшая ему лечь въ постель, оно заставило его прохаживаться по комнатѣ. А въ тотъ же вечеръ, послѣ *Отелло*, выйдя изъ театра, онъ не нашелъ своей кареты, кучеръ которой, справляя широкую масляницу, напился и гдѣ-то запропастился; и, вмѣсто того, чтобы послать за другой каретой, Росси отправился въ свой отель, отстоявшій далеко отъ театра, въ саняхъ, подъ снѣжною мятелью и при сильномъ морозѣ. Слѣдствіемъ этого и былъ кашель и другія проявленія, какъ позже оказалось, инфлуэнціи, на которыя онъ, несмотря на уговоры прибѣгнуть къ помощи доктора, не обратилъ тогда никакого вниманія, настаивая на томъ, что это кашель нервный, который скоро пройдетъ, какъ прошло, по его увѣренію, и то стѣсненіе въ груди, о которомъ онъ уже жалѣлъ, что сказалъ мнѣ, и что теперь онъ спитъ отлично. Но тотъ смертельный недугъ, что разразился позже, уже тогда пустилъ свои корни, начавъ проявляться въ разныхъ видахъ болѣзни, запущенной упорствомъ больного и поддерживаемой страшнымъ утомленіемъ, пересилить котораго, подконецъ, было уже не въ состояніи надорванное сердце.

Я уѣхала изъ Москвы въ субботу на масляницѣ, простившись съ Росси наканунѣ, въ театрѣ, гдѣ онъ снова далъ Гамлета, прошедшаго, кажется, еще лучше чѣмъ въ бенефисный спектакль и снова вызвавшаго восторженныя оваціи публики. Уже сильно утомленный, онъ игралъ еще два вечера подъ-рядъ и, пріѣхавъ въ Петербургъ въ четвергъ на первой недѣлѣ поста, совсѣмъ больной, съ невралгическими болями въ головѣ и сильною болью въ ухѣ, прямо слегъ въ постель въ своемъ «Hôtel de Paris». Здѣсь его навѣстилъ докторъ Бертенсонъ, который, самъ полубольной, былъ такъ любезенъ, что не могъ отказаться навѣстить Эрнесто Росси, таланту котораго поклонялся. Но не подѣйствовали на больного и уговоры доктора серьезно взглянуть на свое здоровье и не разстраивать его дальнѣйшимъ утомленіемъ. Слегка оправясь, онъ черезъ три дня уже началъ свои спектакли въ этомъ громадномъ сараѣ, театрѣ Акваріумъ, съ его отдаленностью отъ города и всѣми закулисными неудобствами, начиная съ отвратительнаго подъѣзда для артистовъ, которые изъ кареты попадали въ сугробы снѣга, а затѣмъ въ какой-то грязный чуланъ, изображавшій сѣни, за которыми шли невозможно грязная лѣстница и сквозной коридоръ. Ко всему этому нужно прибавить громадность залы, въ которой, несмотря на ея хорошую акустику, ему все же приходилось форсировать свой голосъ, чтобы были слышны слова драмы, что̀ опять-таки болѣзненно дѣйствовало на сердце.

Въ воскресенье утромъ, когда я пріѣхала его навѣстить, онъ еще такъ сильно страдалъ болями въ головѣ, что сталъ уговаривать меня не ѣздить вечеромъ на его спектакль, такъ какъ онъ будетъ «очень плохо играть». И кто бы изъ публики, наполнявшей въ этотъ вечеръ театръ, видя этого неподражаемаго *Короля Лира*, съ его геніально-тонкой психологической игрой,

что этотъ Лиръ-Росси все время страдалъ физически; что только колоссальная сила воли и любовь къ искусству заставляли его, выходя на сцену, забывать свои страданія! И это продолжалось цѣлую недѣлю,—цѣлую недѣлю труда физическаго и возбужденія нравственнаго, все болѣе разъѣдавшаго натуру, требовавшую покоя; и цѣлую недѣлю публика видѣла передъ собою все того же могучаго артиста, въ роляхъ *Іоанна Грознаго*, *Отелло*, *Макбета*, *Скупого рыцаря* и *Кардинала Ришелье*. Даже одинъ изъ свободныхъ вечеровъ этой недѣли—пятницу—великій артистъ пожертвовалъ на доброе дѣло, принявъ участіе въ вечерѣ въ пользу новаго женскаго «общества взаимопомощи». Еще передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, одна изъ моихъ знакомыхъ, членъ этого общества, обратилась ко мнѣ съ просьбой написать Росси, прося его содѣйствія въ задуманномъ вечерѣ, въ пользу «общества». Прежде чѣмъ отвѣтить на мое письмо письмомъ, онъ тотчасъ же телеграфировалъ мнѣ: «Распоряжайтесь мною для благотворительнаго вечера». И вотъ, въ этотъ-то вечеръ, совсѣмъ больной, онъ, съ свойственной ему геніальностью неподражаемаго декламатора, прочелъ по-итальянски *Послѣдніе часы Христофора Колумба*, давъ передъ тѣмъ, для особъ не знающихъ итальянскаго языка, небольшое поясненіе по-французски, а на восторженное «bis» публики уже по-французски продекламировалъ *Смерть Тампліера*.

Этотъ вечеръ былъ наканунѣ его бенефиса, который долженъ былъ стать его юбилейнымъ спектаклемъ, но который, однако, петербуржцы не сумѣли отпраздновать по-московски. Говоря, «петербуржцы», я не включаю сюда вообще петербургскую публику, кажется, введенную въ заблужденіе газетными утками, распространившими слухъ, что «для чествованія юбилея Эрнесто Росси составился особый комитетъ, что драматическіе артисты Императорскаго театра затѣяли поднести юбиляру какой-то грандіозный подарокъ, на который г-жа Савина первая, сразу, вложила *тысячу рублей*, а затѣмъ сумма эта возросла до девяти тысячъ». И вотъ публика, подъ обаяніемъ такихъ слуховъ, привыкнувъ къ тому, что у насъ даже такія невинныя вещи не становятся общими, а держатся втайнѣ, особнячкомъ,—ждала, въ самомъ дѣлѣ, чего-то монументальнаго; и даже многіе, желавшіе поднести юбиляру свою лепту, остановились передъ ея ничтожностью въ сравненіи съ этими тысячными подарками. Однако, гора,—что у насъ случается зачастую и съ нашими, петербургскими юбилеями въ особенности,—родила мышь, болѣе мизерную чѣмъ когда-либо.

Чествованія юбиляра всѣ, какъ и онъ самъ, ждали на этотъ разъ не столько отъ публики, всегда къ нему восторженной, а преимущественно отъ артистовъ, какъ его собратій по искусству, и отъ представителей прессы, столько воспѣвавшихъ его талантъ своимъ перомъ, что такъ достойно великаго артиста выказалось въ Москвѣ. Но какъ тѣ, такъ и другіе отнеслись съ равнодушіемъ къ многознаменательному юбилею артиста, столько лѣтъ послужившему высокому искусству, который могъ служить образцомъ для школы первыхъ, который оказалъ столько вниманія русской литера-

турѣ, введя драматическія произведенія ея поэтовъ въ свой репертуаръ и, такимъ образомъ, своей геніальной игрой познакомивъ съ ними заграничные театры; который, наконецъ, этой же Россіи оказалъ любезность, желая въ ней отпраздновать свой 50-лѣтній юбилей, давъ, притомъ, опять-таки, русское, никогда не дававшееся въ Россіи, произведеніе ея величайшаго поэта!

Но къ восторженнымъ привѣтствіямъ публики, при нѣсколькихъ скромныхъ вѣнкахъ и подаркахъ, поднесенныхъ тѣми почитателями геніальнаго таланта юбиляра, которыхъ не запугали тысячныя подношенія газетныхъ утокъ, не присоединилась ни одна депутація отъ артистовъ. Приготовлявшаяся депутація отъ русскихъ женщинъ, явившись въ театръ въ полномъ составѣ, съ своимъ адресомъ, за неимѣніемъ на-лицо другихъ депутацій, должна была остаться въ сторонкѣ, чтобы своимъ единичнымъ появленіемъ на сценѣ не возбудить неприличнаго смѣха; и адресъ этой, единственной депутаціи, въ портфелѣ русскаго стиля, былъ скромно переданъ на сцену изъ оркестра, также какъ вѣнокъ антрепренера Форкатти, пріѣхавшаго изъ Одессы на праздникъ, который онъ считалъ общебратскимъ въ дѣлѣ искусства.

Въ іюльскомъ нумерѣ берлинскаго журнала *Cosmopolis*, въ прекрасной статьѣ, посвященной критикомъ Шлехтеромъ памяти Эрнесто Росси, стоитъ такая фраза: «Самыхъ искреннихъ почитателей онъ находилъ между товарищами по искусству». И эти товарищи по искусству были: Альбертъ Ниманъ, Шарлота Вольтеръ, Зонненталь, Барнай! Вѣдь, и у насъ, въ первые пріѣзды къ намъ Росси, самымъ внимательнымъ посѣтителемъ его спектаклей былъ В. В. Самойловъ; вѣдь, и нынче, въ его московскій бенефисъ, одинъ изъ серебряныхъ вѣнковъ былъ ему поднесенъ отъ артистовъ «Малаго театра», съ еще особымъ лавровымъ вѣнкомъ отъ г-жи Ермоловой.

— Я не ожидалъ подарковъ, — говорилъ мнѣ Росси на другой день этого бенефиса, — у меня ихъ и безъ того много; но, признаюсь, я былъ увѣренъ, что артисты театровъ захотятъ почтить мой день теплымъ словомъ! Я всегда, прежде всего, думалъ о нихъ, интересовался ими; и нынче, какъ и прежде, пріѣхавъ сюда, далъ распоряженіе, чтобы для нихъ всегда были даровыя мѣста въ театрѣ. И я видѣлъ ихъ на этихъ мѣстахъ, — прибавилъ онъ, съ полуулыбкой,—но никто изъ нихъ не захотѣлъ почтить меня при такомъ многознаменательномъ для меня торжествѣ!

Онъ говорилъ это, какъ всегда, безъ негодованія, но съ примѣтной грустью.

— Я ничего не могу сказать о публикѣ,—продолжалъ онъ:—она, какъ всегда, съ большимъ сочувствіемъ отнеслась ко мнѣ; но я не ожидалъ такого равнодушія отъ артистовъ!

Я прочла ему мой переводъ статей газеты *Новости*, въ которыхъ *честили* равнодушіе къ великому артисту этихъ «артистовъ», стоющихъ только названія «актеровъ», неподвижныхъ въ своемъ мишурномъ олимпійскомъ величіи, изъ числа которыхъ нужно исключить г-жу Савину, большую поклонницу таланта Росси, бывшую въ то время въ отсутствіи—въ Варшавѣ.

На другой день этого грустнаго бенефиса былъ послѣдній въ Петер-

бургѣ (никто тогда не думалъ, что это будетъ именно *послѣдній*) спектакль Росси, давшаго *Кардинала Ришелье*—вещь слабую, не стоившую его могучаго таланта, но въ которой онъ все же, какъ вездѣ, явился великимъ артистомъ, тонко обрисовавъ типъ хитраго, но геніально - умнаго, всемогущаго кардинала. Нечего говорить о безконечныхъ вызовахъ, по окончаніи спектакля, публики, въ особенности молодежи, хотѣвшей подольше не разставаться съ любимымъ артистомъ, явившимся на этотъ разъ, хотя и мимолетно, но, все - таки, подбодрившимъ ея духъ, навѣявъ другія высокія мысли, среди безпорядочной сутолоки будничной жизни. И онъ выходилъ къ намъ больной, усталый, но величавый, въ своей алой кардинальской одеждѣ, съ доброй, но грустной улыбкой прощанія.

VII.

На другой день, въ понедѣльникъ, Росси, сильно страдая отъ увеличившейся боли въ щекѣ, все-таки, рѣшился выѣхать въ Харьковъ, чтобы, прибывъ туда въ среду, въ четвергъ начать свои тамъ гастроли. Какъ я уговаривала его бросить все, порвать контрактъ и прямо ѣхать къ себѣ, во Флоренцію, отдыхать, увѣряя, что всѣ его немощи—слѣдствія чрезмѣрной усталости! Онъ упорно стоялъ на своемъ, говоря, что съ перемѣной климата и мѣста это пройдетъ, что на сценѣ онъ забываетъ свою болѣзнь; что, наконецъ, онъ никогда не измѣнялъ своему слову и разъ заключивъ контрактъ, доведетъ дѣло до конца. Уговаривали его, по крайней мѣрѣ, отдохнуть здѣсь хотя бы одинъ день; докторъ спеціалистъ, осмотрѣвшій его щеку, совѣтовалъ ему сдѣлать небольшую операцію, могущую принести нѣкоторое облегченіе; но, разъ рѣшивъ пріѣхать въ Харьковъ наканунѣ назначеннаго уже тамъ спектакля, Росси не слушалъ ничего и никого и вечеромъ отправился въ путь.

Никогда эти проводы не были такъ грустны! Хотя я и не предчувствовала тогда, что не увижу его болѣе, но все же его больной, утомленный видъ производилъ глубокую грусть. Его провели прямо въ назначенное ему купэ, куда и приходили проститься съ нимъ, пріѣхавшіе проводить его, знакомые. Но изъ Харькова, вслѣдъ за телеграммой о благополучномъ туда прибытіи, я получила письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что усилившаяся въ дорогѣ боль въ щекѣ заставила его все же остановиться на сутки въ Москвѣ и сдѣлать ту операцію, которую онъ отвергъ въ Петербургѣ.

«Несмотря на боль,—писалъ онъ,—которую я вынесъ безъ малѣйшаго ой! какъ и подобаетъ человѣку выносить страданіе, я послѣ этой операціи почувствовалъ себя вновь ожившимъ и теперь дѣятеленъ и веселъ, какъ былъ 20 дней тому назадъ. Сегодня даю *Короля Лира*, и мѣста въ театрѣ уже всѣ расхватаны».

Затѣмъ началось это утомительное перекочевыванье изъ города въ городъ, безпрестанные переѣзды по желѣзной дорогѣ, которые и прежде раздражали ему нервы.

— Я не люблю переѣздовъ по желѣзной дорогѣ,—говорилъ онъ разъ при своемъ отъѣздѣ:—это такъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы, что я не могу ни говорить, ни ѣсть и дурно сплю. Къ тому же, привыкнувъ къ простору сцены, мнѣ такъ тѣсно въ купэ, что я мечусь въ немъ, какъ левъ въ клѣткѣ.

А далѣе: пріѣздъ въ новый городъ; новыя хлопоты, знакомство съ новою сценой; спектакли почти безъ отдыха и снова сборы въ путь, снова желѣзная дорога и такъ далѣе, въ продолженіе еще двухъ мѣсяцевъ до 2-го мая. Дѣятельность его за все это время была поразительна. Это было что-то лихорадочное, похожее на вспышки пламени передъ догараньемъ...

«Мои спектакли въ Харьковѣ, — писалъ онъ мнѣ отъ 1-го марта, — идутъ превосходно. *Король Лиръ*, *Иванъ*, *Отелло* и *Гамлетъ* были четыре торжества во славу искусства. Сегодня мой бенефисъ: *Скупой рыцарь* и два акта *Сюлливана*. Завтра послѣдній спектакль *Людовикъ XI*. Въ субботу ѣдемъ въ Ростовъ, гдѣ дадимъ 4 спектакля».

«Совершенно благополучно прибылъ я въ Ростовъ, прелестнѣйшій городъ на Дону,— писалъ онъ отъ 8-го марта.— Здѣсь энтузіазмъ публики еще шумнѣе, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ воскресенье, 10-го, ѣдемъ на одинъ спектакль въ Новочеркасскъ, откуда вернемся снова сюда, гдѣ пробудемъ 11, 12 и 13, а 14 и 15 дадимъ два спектакля въ Таганрогѣ».

Не удивительно, что такое страшное утомленіе тогда же отразилось на здоровьи; и, вслѣдъ за этимъ, нѣкоторое время не имѣя о немъ извѣстія, я получаю на Страстной недѣлѣ, именно 22 числа, отъ администратора труппы, Сальтарелли, по порученію Росси, письмо изъ Николаева, въ которомъ онъ пишетъ, что Росси чувствуетъ себя нехорошо вслѣдствіе нервныхъ болей въ спинѣ, мѣшающихъ ему спать лежа, заставляя его проводить ночи въ креслѣ. Далѣе Росси, на мои вопросы о его здоровьи телеграммами, отвѣчалъ тоже только телеграммами, смыслъ которыхъ былъ далеко не утѣшителенъ. Затѣмъ я получаю отъ него, изъ Николаева же, письмо отъ 28 марта, въ которомъ онъ объясняетъ, что если это послѣднее время онъ извѣщалъ меня о себѣ телеграммами, то это вслѣдствіе того, что, чувствуя себя нехорошо, не хотѣлъ огорчать меня болѣе подробнымъ описаніемъ своихъ недуговъ, прибавляя:

«Эта несчастная невралгія, захваченная мною въ Москвѣ и заставившая меня столько перестрадать, не оставила меня вполнѣ и до сихъ поръ, несмотря на мое серьезное лѣченіе. Но, несмотря на это, я силою своей воли не позволилъ себѣ ни разу измѣнить своему долгу, и мой импресаріо не только не пострадалъ, но продолжаетъ зарабатывать деньги. Завтра мы ѣдемъ въ Херсонъ, гдѣ дадимъ только два представленія: *Король Лиръ* и *Иванъ*, а затѣмъ въ Одессу.

Почеркъ этого письма былъ очень нетвердый и самъ онъ въ концѣ письма извинялся за безпорядочность его, прибавивъ: «Я еще не совсѣмъ хорошо себя чувствую и моя голова еще полна разныхъ безтолковыхъ мыслей».

Сильно обезпокоенная его положеніемъ, я на тѣхъ же дняхъ при свиданіи съ докторомъ Бертенсономъ разсказала ему о томъ, что изъ письма Сальтарелли знала о состояніи здоровья Росси, объ этихъ нервныхъ боляхъ въ спинѣ, мѣшающихъ ему спать лежа. Бертенсонъ тогда же взглянулъ на это очень серьезно.

— Это — опасная вещь, — проговорилъ онъ, — это должно быть отъ сердца, и, продолжая играть въ такомъ состояніи, онъ можетъ когда-нибудь совсѣмъ остаться на сценѣ!

Я въ тотъ же день послала Росси телеграмму такого содержанія:

«Докторъ Бертенсонъ совѣтуетъ полный отдыхъ, иначе грозитъ большая опасность».

На эту телеграмму онъ отвѣчалъ мнѣ телеграммой же:

«*Солдатъ не оставляетъ поля битвы*».

И затѣмъ въ письмѣ отъ 4 апрѣля, уже изъ Одессы, прибавляетъ слѣдующее: «Здоровье мое понемногу улучшается. Я не взялъ бы золота всего міра за то, чтобы прервать свои спектакли; я бы предпочелъ умереть на сценѣ, какъ храбрый воинъ, который смерть на полѣ брани предпочитаетъ бѣгству».

А между тѣмъ, какъ я позже узнала отъ его секретаря, въ это время уже вполнѣ развилась его смертельная сердечная болѣзнь, доведшая его до того, что его спектакли въ Одессѣ сопровождались постоянно сердечными припадками. Особенно силенъ былъ такой припадокъ во время представленія *Короля Лира*, когда онъ, едва дойдя до мѣста трупа Корделіи, самъ подъ конецъ почти трупомъ упалъ на сцену.

— Какъ жаль, что я не умеръ теперь!—проговорилъ онъ, когда его привели въ чувство:—умереть на сценѣ, и особенно съ роли короля Лира, было всегда моею мечтой!

Не зная тогда объ этихъ ужасныхъ подробностяхъ, но въ постоянной тревогѣ объ его здоровьи, я продолжала въ моихъ письмахъ уговаривать его бросить все и ѣхать отдыхать въ Италію, тѣмъ болѣе, что и погода этою весной на югѣ стояла холодная. Но онъ снова писалъ мнѣ (изъ Одессы, отъ 9 апрѣля):

«Здоровье мое довольно хорошо, хотя погода стоитъ мало для того благопріятная; и я не имѣю ни малѣйшей причины оставить сцену, нарушить контрактъ и уѣхать. Этого я не сдѣлалъ бы, хотя бы отъ того зависѣла моя жизнь. Какъ солдатъ умѣетъ умирать на полѣ битвы, такъ и артистъ не долженъ и не можетъ бѣжать со сцены, измѣнивъ своимъ обязанностямъ».

Далѣе онъ пишетъ, говоря о тѣхъ городахъ, которые только что посѣтилъ: «Я встрѣтилъ въ нихъ такую искреннюю, радушную, патріархальную гостепріимность, которая была противоположностью той холодности, съ которою отнесся ко мнѣ въ послѣдній разъ Петербургъ. Всюду я встрѣчалъ ту симпатію и гостепріимство, которымъ отличается русскій человѣкъ и отсутствіе которыхъ такъ меня поразило послѣдній разъ въ ар-

тистахъ и журналистахъ столицы имперіи. Но это всего болѣе падаетъ на нихъ самихъ, а не на меня! Я всегда былъ артистомъ, цѣлью котораго была пропаганда искусства повсюду, братски соединяя всѣ національности. Всего болѣе любя свое отечество, я всегда умѣлъ уважать и старался находить хорошее во всѣхъ другихъ странахъ. Если я избралъ Петербургъ мѣстомъ, гдѣ хотѣлъ справлять свой юбилей, то не для того, чтобы меня тамъ чествовали и подносили мнѣ подарки, но исключительно для того, чтобъ этимъ выказать мою признательность городу, гдѣ я столько разъ былъ принятъ съ гостепріимствомъ, и равнодушіе къ этому моихъ собратій по искусству глубоко меня огорчило; но нынче, въ Одессѣ, тѣ знаки расположенія, уваженія и энтузіазма, что мнѣ выказали какъ публика, такъ и артисты, заставили меня нѣсколько забыть невниманіе и холодность петербургскихъ артистовъ, къ которымъ я всегда относился сердечно».

Несмотря на болѣзненное состояніе въ Одессѣ, Росси все же поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ далъ нѣсколько спектаклей, играя по два и по три дня подъ рядъ, играя съ лихорадочнымъ жаромъ или, какъ мнѣ писалъ Сальтарелли, «съ горячностью юноши». Самъ же Росси написалъ мнѣ изъ Кіева, отъ 21 апрѣля, слѣдующее:

«Я въ настоящее время почти кончаю свои представленія и свои обязательства, которыя вынесъ съ честью, безъ всякихъ препятствій, такъ что мой импрессаріо вернется въ Москву веселый и довольный и съ мѣшкомъ, полнымъ рублями. Я же вернусь къ своей семьѣ во Флоренцію, поджидая тамъ посѣщенія друга изъ Россіи *). Эпилогъ: сегодня вечеромъ *Гамлетъ*, вторникъ—послѣдній въ Кіевѣ спектакль съ повтореніемъ *Ивана Грознаго*, затѣмъ возвращеніе въ Одессу только на два спектакля, именно 27 и 29 (вашего стиля) и оттуда сажусь на пароходъ и, съ Божьей помощью, отплываю въ Бриндизи, откуда по желѣзной дорогѣ во Флоренцію».

Это его письмо ко мнѣ было послѣднимъ!... Два спектакля въ Одессѣ: *Шейлокъ* и *Іоаннъ Грозный*, послѣ котораго его подняли почти полумертваго, окончательно подорвали его сердце. 3-го мая я получила отъ Сальтарелли письмо изъ Константинополя. Извѣщая меня объ ихъ благополучномъ туда прибытіи изъ Одессы, онъ, по порученію Росси, прибавлялъ, что онъ чувствуетъ себя лучше и, посылая мнѣ теперь свои сердечные привѣты, напишетъ мнѣ тотчасъ же по прибытіи во Флоренцію.

Но во Флоренцію, 27 мая (7 іюня), привезли изъ Пескары только его трупъ, который мнѣ, пріѣхавшей туда наканунѣ, пришлось проводить на кладбище San Miniato...

VIII.

Пріѣхавъ въ Бриндизи послѣ своего морского путешествія, Росси чувствовалъ себя настолько крѣпкимъ, что даже проѣхался въ коляскѣ по го-

*) Онъ зналъ, что лѣтомъ я собиралась навѣстить его во Флоренціи, и радовался случаю познакомить меня съ своею семьей и показать мнѣ свой домъ и виллу съ его артистическимъ музеемъ.

роду. Но затѣмъ перемѣна спокойнаго пароходнаго плаванья на быстрый экспрессъ желѣзной дороги, ѣзду по которой онъ и прежде не любилъ, такъ теперь подѣйствовала на его больное сердце, что, доѣхавъ до Пескары, Росси рѣшительно объявилъ, что дальше онъ не поѣдетъ, и остановился въ гостиницѣ «Risorgimento» (Воскресенія).

Приближенные его тотчасъ же дали знать телеграммой его женѣ и дочери во Флоренцію объ опасномъ положеніи больного, и онѣ немедленно пріѣхали въ Пескару. Окруженный ихъ нѣжнымъ уходомъ, десять дней могучая натура великаго артиста боролась со смертью, то заставляя его падать духомъ и говорить о неизбѣжности смерти, то снова подавая надежду на выздоровленіе и даже на будущую поѣздку въ Россію. За день до своей кончины онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что рѣшилъ дней черезъ пять отправиться къ себѣ во Флоренцію. Но это была послѣдняя вспышка того яркаго пламени, которымъ горѣло его артистическое сердце, и это сердце, переживавшее на сценѣ столько страданій и страстей своихъ героевъ, было уже не въ силахъ поддержать свою дѣятельность. Было выписано нѣсколько знаменитыхъ итальянскихъ докторовъ, но ихъ старанія не повели ни къ чему. Оставаясь до конца въ полной памяти, временами страдая, временами успокоиваясь и успокоивая своихъ, онъ тихо скончался на рукахъ жены и дочери 4 іюня (23 мая) въ 11 часовъ 45 м. утра.

Вѣсть о смерти великаго артиста поразила интеллигентный міръ Италіи и со всѣхъ сторонъ полетѣли сочувственныя телеграммы ко вдовѣ усопшаго. Въ день отпѣванія его въ Пескарѣ всѣ магазины города были закрыты и на дверяхъ ихъ виднѣлись карточки съ надписью: «Національный трауръ». Гробъ покрылся массой вѣнковъ и окружился депутаціями отъ разныхъ обществъ и народныхъ школъ. Вечеромъ того же дня онъ былъ отправленъ изъ Пескары во Флоренцію, ночью прибылъ въ Болонью, гдѣ былъ снова встрѣченъ депутаціями съ вѣнками и рѣчами, а въ 5 часовъ утра слѣдующаго дня прибылъ во Флоренцію и былъ перенесенъ въ часовню «Pura» при церкви Santa Maria Novella.

Цѣлый день толпился въ часовнѣ народъ, приходившій поклониться гробу великаго артиста; цѣлый день все являлись новые и новые вѣнки громадныхъ размѣровъ, все болѣе изъ живыхъ цвѣтовъ, — даръ «города цвѣтовъ,—и подъ конецъ наполнили всю часовню. Въ 6 часовъ вечера въ часовнѣ собрались многочисленные представители разныхъ депутацій, чтобы произнести рѣчи. Первою была рѣчь Томмасо Сальвини (представителя министра народнаго просвѣщенія):

«Министръ народнаго просвѣщенія,—такъ началъ Сальвини,—избралъ меня своимъ представителемъ при этой грустной церемоніи, прося передать послѣднее прости праху Эрнесто Росси отъ его имени, а также высказать то живое участіе, которое принимаетъ государство въ этомъ печальномъ событіи. Въ то же время, я долженъ выразить и скорбь «Общества вспоможенія драматическимъ артистамъ», потерявшаго нашего достойнаго члена. Не могу словами выразить сколь чувствительна эта потеря для того

общества, представителемъ котораго я теперь являюсь. Это истинное несчастье и въ моральномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Въ моральномъ— вслѣдствіе потери великаго артиста, въ матеріальномъ, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ всегда готовъ на помощь своихъ собратій по искусству. Изъ этихъ двухъ проявленій и должна составляться репутація артиста и безъ нихъ не мыслима его слава; эти проявленія — умъ и сердце. Избранная часть представителей драматическаго искусства (потому что я уважаю только тѣхъ избранныхъ, которые питаютъ благородныя чувства и относятся достойно къ настоящему событію) шлютъ тебѣ, Эрнесто, черезъ мои уста, свой послѣдній скорбный привѣтъ, который твой духъ приметъ съ братскою нѣжностью, ибо мы знаемъ, какъ ты любилъ всѣхъ тѣхъ, кто слѣдовалъ за тобой въ твоемъ артистическомъ странствованіи, какимъ любящимъ отцемъ былъ ты для нихъ. Боюсь, что столь понятное волненіе спутаетъ мои слова и мысли и не позволитъ мнѣ такъ бы, какъ я хотѣлъ, возвышенно обрисовать твои великія достоинства—какъ артистическія, такъ и моральныя; впрочемъ, всѣмъ понятно то глубокое горе, что сопровождаетъ мои слова, обращенныя къ твоему духу, Эрнесто, и тѣ чувства, что я питалъ къ твоимъ артистическимъ достоинствамъ. Весь цивилизованный міръ достойно оцѣнилъ тебя, великаго среди великихъ, и мои слова только будутъ эхомъ.

«Теперь же я обращаю мое искреннее сочувствіе къ тебѣ какъ къ другу, съ которымъ меня соединяло одно чувство любви къ искусству, не позволявшему среди насъ возродиться чувству зависти, почему мы всегда могли сказать одинъ про другого: «это мой собратъ», но никогда: «это мой соперникъ».

Къ этому-то искреннему другу теперь стремится скорбь моей души съ чувствомъ уваженія, преданности и любви. Прощай, Эрнесто, и въ этомъ мірѣ (какъ тяжко это слово!), прощай навсегда! Но если наши души встрѣтятся въ иномъ мірѣ, возобновимъ тамъ наше никогда не угасавшее братство!

«Въ тебѣ искусство теряетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ своей короны, который трудно замѣнить другимъ.

«Въ тебѣ Италія теряетъ одного изъ своихъ любимыхъ сыновей, который прославлялъ ея искусство въ чужеземныхъ странахъ, почему тотъ трауръ, которымъ одѣлась несчастная семья, безутѣшные друзья, преданные товарищи и тѣ сограждане, которые тебя любили, можетъ, по справедливости, назваться: національнымъ трауромъ!»

Вслѣдъ за Сальвини говорили представители городовъ Ливорно, Флоренціи и Пескары.

Вынесенный изъ часовни гробъ понесли высоко поднятый на плечахъ братья Misericordia, въ ихъ мрачномъ черномъ одѣяніи. Впереди шли пѣвчіе и оркестръ филармоническаго общества «Микель-Анджело Буанароти». По сторонамъ шли представители Ливорно и Флоренціи, а также Томассо Сальвини, представитель министра народнаго просвѣщенія, а за ними длинный рядъ представителей разныхъ академій и обществъ, артисты дра-

матическихъ труппъ, представители 28 журналовъ какъ тосканскихъ, такъ и другихъ, и толпа почитателей и поклонниковъ усопшаго. По всему пути до площади Duomo, по объимъ сторонамъ улицъ, стояли сплошныя массы народа, благоговѣйно склонявшагося при появленіи гроба, въ которомъ покоился великій артистъ, слава ихъ страны и города. Все было замѣчательно чинно и торжественно въ этой, всегда такой шумной и крикливой толпѣ, и среди этой тишины стройно гремѣлъ оркестръ, временами замолкая, чтобъ уступить пѣвчимъ, и торжественно двигалось шествіе, мягко озаряемое лучами заходящаго солнца.

Въ часовнѣ Misericordia,—противъ колокольни Duomo,—куда былъ внесенъ гробъ, было произнесено краткое заупокойное молебствіе; затѣмъ онъ былъ поставленъ на роскошную колесницу и за нимъ какъ провожатые въ экипажахъ, такъ и 12 ландо, наполненныхъ вѣнками, двинулись къ кладбищу S. Miniato. За позднимъ временемъ погребеніе было отложено до слѣдующаго дня. Гробъ поставили въ старинной церкви кладбища, снова красиво обложивъ главнѣйшими изъ вѣнковъ, а на другой день, въ 5 часовъ пополудни, перенесли для погребенія въ фамильную гробницу Росси, въ которой покоятся прахъ отца великаго артиста и его сына, юноши, умершаго 20 лѣтъ.

IX.

На другой день моего пріѣзда во Флоренцію, бывшаго, какъ я уже писала, кануномъ погребенія великаго артиста и замѣчательнаго человѣка, дружба съ которымъ оставила во мнѣ столько свѣтлыхъ воспоминаній, я познакомилась съ его женой, а позже и съ дочерью. Уже знакомыя со мной по разсказамъ усопшаго, онѣ встрѣтили меня какъ близкаго друга.

— Вы намъ не чужая, — говорила m-me Росси со слезами, обнимая меня. — Эрнесто столько говорилъ намъ о васъ, что мы давно привыкли васъ любить.

Три недѣли, проведенныя тогда мною во Флоренціи, дали мнѣ случай, часто видаясь съ этою симпатичною семьей, вполнѣ оцѣнить всѣхъ ея членовъ. M-me Росси (урожденная Паганини), красивая женщина, несмотря на свои 60 лѣтъ, съ чрезвычайно правильными чертами лица, темно-русыми волосами и прекрасными голубыми глазами, съ глубокимъ грустнымъ взглядомъ. Высокая, стройная, несмотря на полноту, держащая себя просто, но съ большимъ достоинствомъ, прекрасно образованная, съ большимъ умомъ и безпредѣльною любовью къ своему покойному мужу, она обожала его какъ человѣка, восторженно поклоняясь ему какъ артисту. Чтобъ оживить ее немного, нужно было только заговорить о немъ: сколько нѣжной любви появлялось тогда въ ея взглядѣ; какъ онъ вспыхивалъ, когда она начинала говорить о которой-нибудь изъ его ролей, которыя она, кажется, всѣ знала наизусть; вообще очень краснорѣчивая, она тогда начинала говорить еще красивѣе, и передъ вами картинно вырисовывался могучій образъ великаго артиста.

Изъ ихъ двухъ дѣтей теперь осталась только одна дочь (Эвелина, также какъ и мать), получившая прекрасное воспитаніе, говорящая чуть не на всѣхъ европейскихъ языкахъ; музыкантша и художница, милое граціозное созданіе, съ серьезнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, счастливая жена и мать, чрезвычайно моложавая, несмотря на то, что ея старшей дочери уже 16 лѣтъ. Мужъ ея, Модильяни, одинъ изъ флорентійскихъ богачей, чрезвычайно живой, любезный господинъ,—и ихъ трое дѣтей, составляютъ счастливую семью, живя другъ для друга и для дѣтей, которыхъ обожаютъ и которымъ даютъ серьезное образованіе. Старшая ихъ дочь, Аглая, изучающая даже латинскій и греческій языки, уже теперь, несмотря на свои юныя лѣта, прекрасно играетъ на скрипкѣ (быть можетъ, наслѣдственное достояніе знаменитаго предка со стороны бабушки). Живая, какъ огонь, она этотъ огонекъ вноситъ и въ свую игру, полную смысла и чувства. Любимая внучка дѣдушки, она утѣшала его своею талантливостью, и онъ уже мечталъ о томъ, чтобы года черезъ два сдѣлать съ нею tournée по Европѣ, показавъ ея талантъ и своей милой русской публикѣ. Братья ея, старшій Аларико, 12 лѣтъ, серьезный мальчикъ, отличный ученикъ классической гимназіи, и восьми-лѣтній Эрнесто, страстный любитель музыки, нынче, во время отсутствія дѣдушки, сюрпризомъ отъ него, въ два мѣсяца научившійся настолько, чтобы къ пріѣзду дѣдушки сыграть для него съ матерью пьеску въ 4 руки.

M-me Росси жила тогда въ своемъ небольшомъ, изящно отдѣланномъ домѣ, на улицѣ Lorenzo il Magnifico. Эта часть города, съ его широкими Viale (бульварами), обрамленными густыми платанами или липами, въ то время сильно благоухавшими, съ домами, занимаемыми собственниками и семейными пансіонами, безъ лавокъ и магазиновъ, съ садами, чистотой и тишиной, такъ рѣдко встрѣчаемыми въ другихъ частяхъ города, можетъ считаться наиболѣе элегантной и спокойной. Я помню, еще въ ноябрѣ 1891 года, Росси писалъ мнѣ: «Я переѣхалъ въ городъ и занялъ мой новый домикъ, который (скажу въ скобкахъ) мнѣ чрезвычайно нравится»... и далѣе: «весь занятый устройствомъ моего новаго жилища, я до сихъ поръ еще не отвѣчалъ на нѣсколько сдѣланныхъ мнѣ предложеній вернуться къ сценѣ»...

И точно, съ перваго же взгляда видно, что домъ отдѣлывался подъ руководствомъ артиста-художника, такъ все въ немъ, начиная съ небольшихъ, но красивыхъ салоновъ, до конюшенъ,—изящно и комфортабельно. Но еще болѣе заслуживаетъ вниманія загородная вилла Росси, Ла Мачине, на возвышенности Монтуги, — вилла, имѣющая длинное историческое прошлое, которое, думаю, можетъ представить интересъ въ краткомъ изложеніи:

Въ 1100 г. маркиза Вилла, пріобрѣтя эту мѣстность, дала ей названіе *Monte Hugonis*, въ честь своего сына маркиза Угоне, которому завѣщала помѣстье. Впослѣдствіи названіе это было сокращено въ народномъ говорѣ въ *Montui*, а въ литературномъ въ *Montughi* (Монтуги). Маркизъ Угоне завѣщалъ свои земли одному аббатству, послѣ котораго оно пере-

ходило изъ рукъ въ руки и тогда получило названіе *Ла Мачине* (La Macine) отъ слова *Macina*, *macinare*, т.-е. молоть зерно, такъ какъ вблизи дома, занимаемаго господами и слугами, была выстроена особаго рода мельница. Первыми послѣ того аристократическими владѣльцами Ла Мачине были Бони и Тозинги, первыми изъ которыхъ оно было куплено въ 1427 г. и затѣмъ, черезъ бракъ одной изъ Бони съ Тозинги, перешедшей къ этой фамиліи, единственной могущей соперничать величіемъ, блескомъ и популярностью съ фамиліей Медичи, которыхъ превосходила своимъ благородствомъ. Страдая бѣдствіемъ народнымъ, порабощеннымъ тираніей Медичисовъ, Франческо Тозинги нѣсколько разъ возставалъ противъ нихъ и, наконецъ, декретомъ папы Климента и его незаконнаго сына, великаго герцога Александра Медичи, былъ высланъ изъ Флоренціи и удалился въ Ла Мачине. Тогда въ стѣнахъ виллы часто раздавались патріотическія рѣчи вѣрныхъ сыновъ отечества, но враговъ фамиліи Медичи, которые и окрестили ихъ злоумышленниками, и эти злоумышленники были Данте да Кастилья, Строцци, Содерини, Корсини, Питти, Делла Стужа, Мартелли, Аламанни и проч.

Не желая покориться власти тиранновъ, Тозинги предпочелъ изгнаніе, оставивъ въ Ла Мачине жену, рѣшившуюся на разлуку съ нимъ изъ-за желанія сохранить свои имѣнія для дѣтей, которыхъ тамъ воспитала; но, узнавъ объ опасной болѣзни жены и желая еще ее увидѣть, Тозинги тайно вернулся въ Ла Мачине, былъ по дорогѣ узнанъ однимъ изъ слугъ Медичи и, не заставъ жену уже въ живыхъ, долженъ былъ снова бѣжать; но теперь уже всѣ его имѣнія, въ томъ числѣ Ла Мачине, были конфискованы и нѣкоторое время были мѣстомъ бивуаковъ гвардіи Медичей, производившей безпорядки, вырубавшей деревья и портившей стѣны, или мѣстомъ оргій наѣзжавшихъ Медичисовъ, послѣ того какъ въ 1556 г. она была подарена герцогомъ одному изъ своихъ приближенныхъ, Конти. Послѣ его наслѣдниковъ, родъ которыхъ пресѣкся, Ла Мачине снова была секвестрирована, пока въ 1615 г. не была куплена однимъ изъ Медичисовъ, Джіованни, на имя Ливіи Верканца.

Періодъ отъ 1615 до 1621 г. былъ поэтическимъ періодомъ любви Донъ-Джіованни Медичи и Ливіи, съ которой онъ могъ обвѣнчаться только въ 1619 г., по расторженіи ея перваго брака съ простымъ мастеровымъ; замѣчательная красавица, страстно любившая Донъ-Джіованни и подарившая ему двоихъ дѣтей: сына, рожденнаго еще до брака, и дочь. Узаконенный сынъ Донъ-Джіованни Медичи долженъ былъ унаслѣдовать и его имѣнія, что возбудило негодованіе другихъ Медичисовъ, разсчитывавшихъ на это наслѣдство и возмутившихся неравнымъ бракомъ члена ихъ семьи. Въ іюлѣ 1621 г. Донъ-Джіовани умеръ, какъ сказано въ лѣтописи, «послѣ кратковременныхъ, но сильныхъ страданій», что не могло не возбудить подозрѣнія въ отравленіи, столь обычномъ въ фамиліи Медичисовъ. Сынъ его былъ похищенъ у матери (малютка-дочь умерла), а сама она полубольная осталась въ Ла-Мачине, не покидая ее и подпавъ подъ вліяніе капуциновъ, дѣйствовавшихъ по волѣ

Медичисовъ. Насчитанные на нее долги Донъ-Джіованни заставили ее по немногу продать всѣ свои имѣнія. Когда же дѣло коснулось и послѣдняго ея прибѣжища Ла-Мачине, она попробовала обратиться къ защитѣ Рима. Но слѣдствіемъ этого было то, что въ одну ночь, въ августѣ 1623 года, Ливія была схвачена и заключена въ крѣпость Санъ-Миніато, а затѣмъ въ крѣпость Бельведере. Въ этомъ заключеніи, «лишенная воздуха и свѣта, несчастная женщина провела 16 лѣтъ. Въ это время Ла-Мачине переходило отъ одного Медичи къ другому. Въ 1639 году Ливія, имѣя всего 44 года, была изъ заточенія переведена сначала въ монастырь С. Онофріо, въ Фолиньо, а потомъ ей позволено было снова поселиться въ Ла-Мачине. Къ тоскѣ одиночества и воспоминаніямъ счастливаго прошлаго присоединилось еще горе о поведеніи сына, котораго она изрѣдка видѣла, воспитывавшагося съ такимъ чувствомъ ненависти къ матери, что разъ онъ даже покусился на ея жизнь, выстрѣливъ въ нее, но промахнувшись, что окончательно ихъ разъединило.

Въ это-то время Ливія приказала вырѣзать надъ воротами, ведущими въ главный дворъ виллы, снаружи:

Cosi men vivo in solitario chiostro
Saltar veggendo i capri snelli, e i cervi *)

а внутри:

La fredda simmetria stanca e rattrista **).

Надписи сохранились и по нынѣ.

Родившись въ 1590 г., Ливія умерла въ 1654 г., пожелавъ передъ смертью видѣть своего сына, простить его и проститься съ нимъ. Когда онъ пришелъ къ ней, она не произнесла ни слова, но благословила его и умерла.

Послѣ смерти матери онъ остался въ Ла-Мачине; но монахи уже при жизни матери поставившіе многіе затрудненія для владѣнія его имѣніемъ, не оставили въ покоѣ и его, тѣмъ болѣе, что Медичисы не признавали его законности и онъ долженъ былъ удалиться, а вилла Ла-Мачине, перепродаваемая изъ однихъ рукъ въ другія, попала къ Франческо Карди, сыну Лоренцо Карди да-Чиголи, извѣстному живописцу XVII вѣка. Сохраняя любовь къ искусству, новый владѣлецъ позаботился о томъ, чтобы возобновить или сохранить остатки тѣхъ произведеній искусства, которыя были заброшены или грубо замазаны. Имѣя трехъ дочерей, Карди одну изъ нихъ, въ 1690 г., выдалъ замужъ за сенатора Карло Строцци, давъ ей въ приданое и виллу Ла-Мачине. Извѣстный своими серьезными изученіями, Строцци, изъ любви къ своей молодой, блистательно образованной и умной, красавицѣ-женѣ, прилежно занялся украшеніемъ и увеличеніемъ ея виллы, которая была не только реставрирована по прежнему виду, но заново расписана и обогощена, перенесенными въ нее изъ его флорентійскаго палаццо, рѣдкими произведеніями искусства. Возобновлена была и та каппелла, что оставалась отъ временъ Медичи.

---

*) Такъ живу въ уединеніи монастыря, смотрю какъ прыгаютъ легкія козы и олени.
**) Холодная симметрія утомляетъ и наводитъ грусть.

Послѣ смерти Карло Строцци, въ 1781 г., вилла перешла во владѣніе его трехъ братьевъ, а послѣ послѣдняго изъ нихъ—къ сестрамъ, которыя, не любя этой мѣстности и затрудняясь средствами, продали виллу людямъ смотрѣвшимъ болѣе матеріально на собственность. Перепродаваемая отъ однихъ другимъ, интересовавшимся только выгодами даваемыми землей, но оставлявшими въ полномъ запущеніи самую виллу,—она была, въ 1881 г., куплена Эрнесто Росси, который съ рвеніемъ истиннаго художника, пригласивъ къ себѣ на помощь ученыхъ археологовъ, принялся копаться въ хламѣ запущенной виллы, чистить ее и реставрировать по древнимъ образцамъ, открытымъ въ лѣтописяхъ.

X.

Въ настоящее время вилла почти утратила свое старинное названіе и извѣстна просто подъ именемъ «Виллы Росси».

Въ очень близкомъ разстояніи отъ города,—со стороны Piazza Cavour и Ponte rosso,—дорога до воротъ имѣнья тянется между двухъ стѣнъ, ограждающихъ пригородныя виллы; а затѣмъ, за воротами, слегка поднимаясь, красиво извивается межъ плантацій, засаженныхъ виноградниками и фруктовыми деревьями къ саду, среди котораго стоитъ вилла, построенная въ стилѣ renaissance, съ фасадомъ украшеннымъ медальонами поэтовъ: Данте, Альфіери, Никколини и Шекспира.

Переступивъ порогъ дома, вы прямо очутитесь въ скульптурномъ музеѣ, среди этихъ древнихъ этрусскихъ урнъ, саркофаговъ, украшенныхъ горельефами, стѣнныхъ плитъ съ надписями, торсовъ и бюстовъ, болѣе или менѣе сохранившихся среди пролетѣвшихъ надъ ними вѣковъ и запустѣнія, запечатлѣнныхъ неувядаемою красотой древней скульптуры, всѣ эти сокровища, новѣйшія изъ которыхъ принадлежатъ къ эпохѣ Цезарей. Но перломъ между ними слѣдуетъ считать группу фавна, несущаго на плечѣ Вакха и приписываемую Фидію. Долго три музея, владѣвшихъ подобной же группой, оспаривали у этой ея оригинальность, пока профессоръ Гамуррини, королевскій коммиссаръ по отдѣлу тосканскихъ древностей, посѣтивъ виллу Росси, послѣ долгаго и тщательнаго изслѣдованія, ни призналъ, что находящаяся въ ней группа и есть настоящее произведеніе рѣзца Фидія, другія же три, вѣроятно, были скопированы съ нея лучшими учениками Фидія. Но, даже не зная о создавшемъ ее рѣзцѣ, вы сразу поражаетесь красотою и силой, которой дышетъ этотъ мраморъ. Кромѣ этой залы,—съ ея мраморнымъ поломъ и темно-красными стѣнами, въ нишѣ которыхъ стоитъ мраморный бюстъ устроителя музея, Эрнесто Росси,—многіе изъ стѣнныхъ плитъ, обломковъ и бюстовъ находятся и въ слѣдующей за этой залой, обширной полу-закрытой лѣтней столовой, составляющей часть внутренняго двора или Patio *). Надъ дверью, ведущею въ эту столовую, въ залѣ музея находится мраморная плита, съ вырѣзанною на ней надписью:

*) Всѣхъ предметовъ считается болѣе 300.

Pretiosa antiquitatis monumento
Temporum injuria et hominun incuria
Obruta
Ernestus Rossi
Artis amore preclarus
Recollegit disposint
Anno domini MDCCLXXXII.

Громадная столовая отдѣляется арками отъ Patio, полъ котораго выложенъ древней мраморною мозаикой; такою же мозаикой, вмѣстѣ съ выпуклыми украшеніями изъ разноцвѣтныхъ фруктовъ *), выложенъ и старинный фонтанъ, вдѣланный въ одну изъ высокихъ стѣнъ, окружающихъ дворъ. Въ стѣны эти тоже вдѣланы нѣкоторыя изъ плитъ съ надписями; въ противуположной столовой стѣнѣ находятся массивныя желѣзныя ворота, надъ которыми виднѣются горельефные гербы прежнихъ фамилій и та надпись Ливіи, о которой я уже говорила раньше.

Не буду подробно описывать всѣхъ комнатъ нижняго этажа, этихъ роскошныхъ салоновъ, съ массивной золоченой мебелью, зеркалами, изящно расписными потолками, современными мраморами и картинами, нѣкоторыя изъ которыхъ получили «Prix de Rome»—все это отдѣланное съ изяществомъ и вкусомъ. Уютную зимнюю столовую, съ рѣзною мебелью и дорогими маіоликами по стѣнамъ и буфетамъ. Другую столовую, болѣе обширную, расписную, какъ и прилегающая къ ней, длинная галлерея,—въ помпеевскомъ вкусѣ, прелестную, маленькую часовню, во имя «Святого креста», съ ризницей и пр. я не буду описывать, а поведу васъ, по бѣлой мраморной лѣстницѣ, во второй этажъ, прямо во «святая святыхъ», т.-е. «Артистическій музей» великаго артиста.

Комната эта не велика и освѣщается двумя окнами и стеклянной балконною дверью. Потолокъ красиво расписанъ, изображая генія искусствъ, парящаго въ облакахъ, а бордюръ потолка состоитъ изъ гербовъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ странъ, на сценахъ которыхъ подвизался великій трагикъ. Войдя въ комнату вамъ прямо бросается въ глаза, въ правомъ углу, такой же мраморный бюстъ артиста, какой мы видѣли внизу, въ его скульптурномъ музеѣ; по стѣнамъ стоятъ массивныя шкафы, изящной работы, изъ чернаго дерева съ золоченою оправой, на полкахъ которыхъ, подъ стекломъ, помѣщены всѣ эти предметы, дань уваженія таланту, расположенные съ большимъ вкусомъ, имѣя фономъ на спинкѣ шкафовъ вѣнки изъ искусственныхъ лавровъ и цвѣтовъ, красиво драпированные ихъ разноцвѣтными, часто очень роскошными, лентами, съ разнообразными на нихъ надписями. Нужно употребить нѣсколько часовъ, чтобы подробно разсмотрѣть только снаружи всѣ эти предметы, не говоря уже о внутреннемъ содержаніи множества разнообразно, художественно отдѣланныхъ портфелей и альбомовъ, содержащихъ рисунки знаменитыхъ художниковъ и

*) Работы Лука делла Робіа.

адресы разныхъ обществъ, съ художественными же виньетками. Вотъ цѣлые ряды атласныхъ или бархатныхъ подушекъ съ серебряными и золотыми вѣнками, различныхъ формъ, то массивныхъ дубовыхъ и лавровыхъ; то легкой серебряной филиграновой работы, или прозрачно сотканыхъ изъ золотыхъ нитей. Цѣлые сервизы изъ превосходнаго фарфора съ живописью *), или ажурно оправленнаго въ серебро. Массивныя вещи изъ серебра и золота, всевозможныхъ фасоновъ для различнаго употребленія, съ эмалью, съ вензелями изъ драгоцѣнныхъ камней; цѣлыя группы изъ серебра; русскіе жбаны, стопы и кубки; изящныя серебряныя вазы, роскошно оправленные ятаганы для роли Отелло, среди которыхъ дорогой ятаганъ, поднесенный артисту въ Тифлисѣ, и пр. и пр. Среди различныхъ вещей, поднесенныхъ въ Россіи, тутъ сохраняются и двѣ куклы, одѣтые въ русскіе боярскіе костюмы, а также расшитыя русскія полотенца.

Посреди комнаты стоятъ еще два небольшихъ шкафика—витрина, изящной работы, подъ стеклами которыхъ, въ одномъ находятся всѣ ордена артиста, числомъ 26, а въ другомъ болѣе мелкіе и наиболѣе дорогіе по цѣнѣ предметы, какъ, наприм., цѣлый ассортиментъ сигарочницъ изъ серебра и золота, съ его вензелями изъ брильянтовъ, съ тонкой живописью, изображающей артиста въ роляхъ Донъ-Жуана и Лира, съ эмалью и пр. Нѣсколько изящно награвированныхъ золотыхъ визитныхъ карточекъ, поднесенныхъ артисту въ разное время въ Америкѣ, отъ частныхъ лицъ и обществъ; небольшой ятаганъ, въ золотыхъ ножнахъ съ надписью «Otello» изъ рубиновъ и брильянтовъ,—изъ Ріо Жанейро; «бразильская роза»—брильянтовая звѣзда, окружающая вѣнокъ изъ миніатюрныхъ эмальированныхъ розъ, съ брильянтовымъ вензелемъ внутри. Цѣпь изъ окаменѣлыхъ жуковъ, съ іероглифами, вырѣзанными на обратной сторонѣ, находимыя на муміяхъ, — оправленные въ золото, и масса другихъ, столь же цѣнныхъ.

Нѣкоторые изъ адресовъ, поднесенныхъ артисту, висятъ по стѣнамъ въ рамкахъ. Такъ адресы: отъ нашихъ русскихъ художниковъ, съ ихъ красивой виньеткой; отъ русскихъ драматическихъ артистовъ, въ 1877 г.; отъ артистовъ британскихъ, съ сотнею подписей; съ подписью Ирвинга во главѣ «своему великому собрату по искусству», и тутъ же, подъ стекломъ, небольшой локонъ волосъ знаменитаго Тальма. А выше, по стѣнамъ, между вѣнками съ ихъ длинными лентами,—портреты, масляными красками, въ натуральную величину, по колѣно, изображающіе великаго артиста въ роляхъ: Макбета, Лира, Гамлета, Отелло и Людовика XI. А на небольшой этажеркѣ цѣлые переплетенные фоліанты, съ наклеенными въ нихъ рецензіями объ игрѣ великаго артиста во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ **).

*) Даръ покойнаго германскаго императора, съ видами главныхъ зданій Берлина.

**) Въ этомъ же музеѣ хранится костюмъ учителя Эрнесто Росси, знаменитаго трагика Густава Модены, въ роли „Гражданинъ Гента“.

Вблизи этого музея находится кабинетъ, большая комната, отдѣланная просто, главное богатство которой заключается въ книгахъ, помѣщенныхъ въ четырехъ громадныхъ шкафахъ чернаго дерева. Тутъ среди этихъ многочисленныхъ томовъ, въ роскошныхъ переплетахъ, современнаго образца, или въ старинномъ пергаментѣ, вы встрѣтите и исторію народовъ, и исторію искусствъ, и длинную лѣтопись искусства театральнаго. Всѣ сочиненія поэтовъ, какъ итальянскихъ, такъ и другихъ народностей, на ихъ собственныхъ языкахъ, или въ итальянскомъ и французскомъ переводѣ. Всевозможныя изданія Шекспира въ оригиналѣ, начиная съ древнѣйшихъ, и замѣтки его толкователей; книги научныя по всѣмъ отраслямъ, преимущественно историческія.

На одной стѣнѣ виситъ портретъ, масляными красками Іоанна Грознаго, на другой—небольшой рисунокъ Гамлета, съ черепомъ. Портретъ покойнаго сына. Нѣсколько хорошенькихъ картинъ; масса фотографій. Надъ диваномъ, на большомъ красномъ щитѣ, различное рыцарское вооруженіе; около небольшого письменнаго стола, съ изящной массивной серебряной чернильницей, корзину для бросанія бумагъ замѣняетъ опрокинутый рыцарскій шлемъ на треножникѣ.

Въ спальнѣ, надъ широкой, восточно-расшитой софой, увеличенный до натуральной величины, съ фотографіи, Гамлетъ съ черепомъ; а у кровати образъ Богоматери, греческой живописи, привезенный изъ Россіи.

Осмотрѣвъ подробно эти комнаты и обойдя другія, я вернулась снова въ артистическій музей, теперь еще болѣе освѣщенный растворенными дверями на широкую террасу, съ которой открывается чудный видъ на всѣ стороны. На югъ передъ вами лежитъ вся Флоренція, надъ которой царитъ темный куполъ ея Duomo и стройная, рѣзная Campanila. Къ востоку видѣнъ Фіезоле, потонувшій въ зелени своего холма. Къ сѣверу, въ двадцати миляхъ далѣе, виднѣется Пистойя, кажущаяся крошечной деревушкой; и все это въ массѣ зелени и мягкихъ лиловатыхъ тѣняхъ, облитое мягкими, предзакатными лучами солнца. Тѣ же мягкіе лучи робко проникали теперь въ музей, затронувъ нѣкоторые изъ его угловъ и весело играя на серебрѣ лавровыхъ вѣнковъ и золотѣ дорогихъ подарковъ. Сколько восторженныхъ криковъ слышали всѣ эти предметы, слабая дань великому артисту, за тѣ дивные часы, что заставлялъ онъ переживать! Какъ волновались мы съ этимъ Макбетомъ, что холодно глядитъ теперь съ полотна; какъ страдали съ этимъ Лиромъ, этимъ львомъ, укрощеннымъ страданьемъ; какъ негодовали передъ этимъ Людовикомъ, ханжой-королемъ; какъ сочувствовали этому Отелло, герою съ младенческой душой, и сколько мыслили съ этимъ Гамлетомъ, также анализируя, также не рѣшая вѣчнаго вопроса, теперь рѣшеннаго великимъ артистомъ:

Essere o non essere?... *)

С. Лаврентьева.

*) Быть иль не быть?

Международно-парламентскія конференціи 1889—95 гг.

Въ одно время съ общими съѣздами мира въ 1889 г. возникли собранія другого рода: депутатовъ различныхъ палатъ Европы—*международно-парламентскія конференціи* (Conférences interparlementaires). Вызванныя къ жизни тѣмъ же стремленіемъ народовъ къ миру и благодаря болѣе всего вліянію миролюбцевъ, эти конференціи происходятъ періодически въ тѣхъ же городахъ и почти одновременно со съѣздами, отъ которыхъ онѣ отличаются только болѣе скромною и практическою задачей, «заботясь о признаніи государствами принципа третейскаго суда и изучая иные вопросы публичнаго международнаго права съ цѣлью водворенія между ними мира». Для этого они хотятъ склонить въ свою пользу не только общественное мнѣніе, но и представительныя собранія Западной Европы, чтобы чрезъ послѣднія оказать непосредственное давленіе на руководящіе классы и на сами правительства. Мысль новая, смѣлая, но вполнѣ вѣрная. Пожеланія съѣздовъ, мысли писателей остаются одними теоретическими заявленіями; необходимо еще позаботиться о проведеніи ихъ въ жизнь, объ улучшеніи, сообразно съ ними, международной практики, а сдѣлать это могутъ только правительства, обладающія нужною для того властью. Но часто правительства, даже лучшія, слишкомъ остаются въ сторонѣ отъ потребностей управляемаго ими общества, или же бываютъ излишне связаны установившеюся рутиной и сложившимися предразсудками. Посредниками между ними и обществомъ въ великихъ вопросахъ мира и проводниками международной юстиціи въ жизнь естественно являются такимъ образомъ эти парламентскія конференціи *).

---

*) Главнымъ источникомъ для изученія ихъ дѣятельности представляется ихъ органъ *La Conférence interparlementaire*, выходящій ежемѣсячно съ 1 іюля 1893 г. (статьи Gobat). О первой конференціи (парижской 1889 г.) говорятъ: *Armstrong*: „Principes généraux de Droit international public". 1890. T. I, p. CLII—CLXIX (введенія) и 1—3, 89—90, 123—125. *Hetzel:* „Die Humanisirung des Krieges in den letzten hundert Jahren". S. 89—90. О первой и послѣдующихъ двухъ (лондонской 1890 г. и римской 1891 г.) см. *Revon:* „L'Arbitrage intern.", p. 226—236. Онъ ихъ назы-

Первымъ высказалъ о нихъ мысль французъ Tiaudière. По словамъ Moch, онъ еще въ 1878 г. предложилъ съѣзду мира, засѣдавшему тогда по случаю всемірной выставки въ Парижѣ, «устраивать ежегодныя собранія членовъ различныхъ палатъ (Congrès annuel parlementaires). Этимъ путемъ, быть-можетъ, удалось бы привить Европѣ, столь преданной рутинѣ и пріемамъ допотопной политики, тотъ принципъ федераціи, который одинъ въ состояніи дать ея народамъ прочный миръ» *). Лишь 10 лѣтъ спустя сдѣланъ былъ первый шагъ къ осуществленію этой глубокой мысли. 31 окт. 1888 г. состоялась въ Парижѣ подготовительная конференція изъ приблизительно 40 членовъ англійской и французской палатъ подъ руководствомъ Рандаль Кремера и Фред. Пасси. Она одобрила петицію, поданную годъ тому назадъ многими изъ ихъ товарищей, президенту Соедин. Штатовъ о заключеніи между ихъ странами договора о постоянномъ третейскомъ судѣ **) и рѣшила для распространенія этой идеи созвать на слѣдующій годъ въ Парижъ, на предполагавшуюся всемірную выставку, членовъ всѣхъ другихъ представительныхъ собраній. Такъ состоялось въ столицѣ Франціи, вслѣдъ за съѣздомъ мира, *первая парламентская конференція* (29—30 іюня и 1 іюля 1889 г.). Она носила уже вполнѣ международный характеръ: на нее явилось 98 депутатовъ отъ 10 палатъ—Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Даніи, Греціи, Венгріи, Соедин. Штатовъ и даже республики Либеріи. Открылъ ее рѣчью Жюль Симонъ, а потомъ предсѣдательское кресло по очереди занимали: Фред. Пасси (Франція), маркизъ Альфіери (вице-президентъ итальянскаго сената), Philip Stanhope (членъ англійскаго парламента) и Whiting (депутатъ Соедин. Штатовъ). Пренія происходили на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Конференція приняла слѣдующія шесть постановленій: 1) Она снова и настойчиво рекомендовала всѣмъ цивилизованнымъ правительствамъ заключеніе такихъ договоровъ, которые, не угрожая ихъ независимости и не вызывая вмѣшательства въ ихъ внутренній политическій строй, обязывали бы ихъ, однако, представлять на третейское рѣшеніе всѣ могущія возникнуть между ними несогласія ***). 2) Особенно тамъ, гдѣ обстоятельства тому благопріятству-

---

ваетъ „международнымъ ареопагомъ". *Dreyfus:* „L'arbitrage intern.", p. 224—231. *Rouard de Card*: „Les destinées de l'arbitrage intern. etc.", p. 35—43. *Mérignhac*: „Traité théorique et pratique de l'arbitrage intern.", 1895, p. 383—387 (касается и четвертой конференціи въ Гагѣ 1894 г.).

*) *Moch*: Autour de la Conférence interparlementaire", 1895, p. 9—10.

**) Въ 1887 г. 234 члена палаты и 36 членовъ палаты лордовъ подали президенту Соедин. Штатовъ просьбу о томъ, чтобъ онъ склонилъ англійское правительство къ подобному договору. Этотъ адресъ произвелъ сильное дѣйствіе въ Европѣ: вскорѣ затѣмъ 112 членовъ сдѣлали однородное предложеніе и во французской палатѣ. Въ началѣ 1895 г. радикальный членъ англійскаго парламента, Randal Cremer, снова повезъ въ Америку къ президенту Кливленду подобный адресъ, подписанный на этотъ разъ 354 членами нижней палаты. Еще въ 1887 г. Кливлендъ отвѣчалъ, что правительство Штатовъ вполнѣ согласно вступить на этотъ путь (*Mérignhac,* o. c. p. 382).

***) Это и есть принципъ такъ наз. arbitrage permanent въ отличіе отъ договора

ютъ, какъ въ сношеніяхъ Соедин. Штатовъ съ Франціей, съ Италіей и съ Испаніей, правительства и палаты не должны бы упускать ни одного случая для заключенія подобныхъ договоровъ. Примѣръ, разъ поданный, не останется безъ подражанія. 3) Но, между тѣмъ, пока не будутъ заключены такіе общіе договоры, простирающіеся на всякіе споры (traités permanents embrassants tous les cas) было бы полезно вводить въ спеціальные договоры: торговые, литературные и др. условіе о третейскомъ рѣшеніи споровъ, возникающихъ изъ ихъ толкованія и исполненія. 4) Въ виду того, что правительства въ своихъ дѣйствіяхъ все болѣе и болѣе принимаютъ въ соображеніе идеи и чувства своихъ гражданъ, послѣдніе призваны производить свои выборы такъ, чтобы направлять политику ихъ страны въ смыслѣ справедливости, права и братства народовъ. 5) Послѣдующія парламентскія конференціи должны происходить ежегодно въ одномъ изъ городовъ тѣхъ странъ, которыя имѣютъ въ нихъ своихъ представителей. Ближайшая конференція назначается въ Лондонѣ. 6) Комитетъ, составленный изъ членовъ каждаго государства, долженъ подготовить слѣдующую конференцію. Онъ разсылаетъ приглашенія, собираетъ подписку и въ промежуточное время всячески старается объ устраненіи возникшихъ недоразумѣній, для чего обращается за содѣйствіемъ къ общественному мнѣнію *). Конференція не высказала одобренія мысли нѣкоторыхъ депутатовъ провести въ своихъ палатахъ предложеніе объ одновременномъ и пропорціональномъ разоруженіи. Представитель Франціи заявилъ, что его отечество, побѣжденное въ послѣдней войнѣ и лишенное двухъ провинцій, не можетъ вступить на этотъ путь, пока Германія не подастъ первая къ тому примѣра. Съ тѣхъ поръ, однако, общественное мнѣніе во Франціи стало относиться и къ этой великой проблемѣ, неотложно требующей рѣшенія, съ гораздо меньшею враждебностью **).

Вторая парламентская конференція собралась въ *Лондонѣ* (22 и 23 іюля 1890 г.), въ предсѣдательствѣ лорда Herschell, бывшаго лорда казначейства. Присутствовало 116 депутатовъ почти отъ всѣхъ странъ Западной Европы (были и представители отъ Австріи, Швеціи и Норвегіи; послѣдняя даже какъ бы оффиціально признала конференцію, выдавъ своимъ делегатамъ путевыя издержки). Было получено до тысячи сочувственныхъ писемъ и въ томъ числѣ отъ Гладстона. При всей умѣренности и серьезности членовъ конференціи, политическія разногласія, такъ глубоко раздѣляющія кабинеты, сказались однако и на ней и едва не вызвали прискорбнаго случая: во время обсужденія вопроса объ учрежденіи при палатахъ особыхъ комитетовъ, которые ставили бы себѣ цѣлью мирное улаженіе возникающихъ международныхъ несогласій, депутаты Германіи оказ-

---

съ clause compromissoire, установляющаго третейское рѣшеніе лишь для опредѣленной категоріи споровъ.

*) *Rouard de Card.* Ibid., p. 226—227. *Armstrong,* ibid., p. 123—125.

**) Ср., наприм., интересную ст. *Souchon*: „La question du désarmement“ (*Revue gén. de dr. intern. public,* 1894, № 6, p. 513).

зались противниками этой мѣры. Французы, наоборотъ, ее отстаивали. Былъ сдѣланъ намекъ на Эльзасъ-Лотарингію и тогда Trarieux заявилъ, что «Франція никогда не откажется отъ своего сдержаннаго и холоднаго отношенія къ Германіи, пока эта область не будетъ нейтрализована». На это докторъ Dohrn возразилъ, что «Германія никогда не согласится на измѣненіе statu quo». Споръ грозилъ принять острый характеръ, еслибъ не вмѣшательство Пасси, который, съ обычнымъ тактомъ и умомъ, сумѣлъ быстро положить ему конецъ. Предложеніе, вызвавшее столько шума, было подъ конецъ принято съ небольшимъ измѣненіемъ *).

Въ числѣ восьми принятыхъ конференціею резолюцій, кромѣ повторенія прошлогоднихъ, слѣдуетъ отмѣтить: поздравленіе С. Штатовъ и панамериканскаго конгресса въ Вашингтонѣ за ихъ инииціативу въ дѣлѣ установленія для всего Новаго Свѣта своего рода обширной уніи мира; указаніе на необходимость статьи о третейской юрисдикціи во всякаго рода договорахъ; учрежденіе въ каждомъ государствѣ особыхъ парламентскихъ комитетовъ, охраняющихъ интересы мира; присоединеніе къ организаціоной коммиссіи еще центральнаго и объединительнаго органа (secrétariat général), который регулировалъ бы всю дѣятельность этихъ собраній **).

Мѣстомъ третьей парламентской конференціи былъ *Римъ* (4—8 ноября 1891 г.). Ей предшествовалъ инцидентъ, снова вызванный злополучнымъ эльзасъ-лотарингскимъ вопросомъ. Бонги, временный предсѣдатель итальянскаго парламентскаго комитета, не задолго передъ тѣмъ помѣстилъ въ одномъ журналѣ ***) статью *О положеніи Европы и мирѣ*, въ которой, между прочимъ, назвалъ: «присоединеніе Эльзаса Германіею вслѣдствіе войны 1870 г. столь насильственнымъ, что оно не можетъ и не должно продолжаться». Статья эта встрѣчена весьма враждебно въ Германіи. Делегаты ея объявили, что они не поѣдутъ на конференцію, если предсѣдателемъ останется Бонги, «призывающій болѣе къ войнѣ, нежели къ миру». Бонги подалъ въ отставку, а на мѣсто его предсѣдателемъ конференціи былъ Biancheri, президентъ нижней палаты. Присутствовало въ Римѣ около 90 депутатовъ. Всѣ страны Европы выслали своихъ представителей, за исключеніемъ лишь Сербіи, Черногоріи, да Россіи и Турціи. Эта конференція, однако, не можетъ быть отнесена къ удачнымъ: бурныя пренія, поглотившія ея время, не привели къ плодотворнымъ результатамъ. Несмотря на приглашеніе президента держаться только программы, представленной итальянскимъ комитетомъ, именно: изысканія наиболѣе практическаго способа для проведенія въ жизнь третейскаго суда и избѣгать всякихъ частныхъ случаевъ, могущихъ выйти изъ компетенціи собранія,—оно потратило много времени частью на посторонніе вопросы, частію на обсужденіе предложенныхъ еще предшествовавшею конференціей главнаго секретаріата и мѣст-

*) *Rouard de Card*, p. 40—41.

**) *Revon*, p. 232—233.

***) *Nuova Antologia*, сент. 1891 г

ныхъ парламентскихъ комитетовъ. И по этимъ пунктамъ окончательное рѣшеніе состоялось лишь на слѣдующемъ собраніи. Безплодность римской конференціи одинъ наблюдатель объясняетъ тѣмъ, что на ней сказалось какъ бы два теченія: правая и лѣвая сторона; кровь тевтонская и кровь латинская, итальянская и румынская. Интернаціонализмъ былъ у ея членовъ только на поверхности, въ плоти же и крови ихъ дѣйствовалъ лишь патріотизмъ, сознательно у однихъ, безсознательно у другихъ, но сильно и упорно именно у тѣхъ, которые любятъ придавать себѣ видъ, будто они уже отступились отъ него, какъ отъ предразсудка *). Тѣмъ не менѣе любопытно, что, по предложенію одного нѣмецкаго депутата, французскій языкъ объявленъ оффиціальнымъ языкомъ конференціи.

Впрочемъ, и съ конференціями повторилось то же, что и съ мирными съѣздами: опытъ научилъ ихъ бо̀льшей умѣренности и дѣльности. Это не трудно замѣтить на послѣдующихъ изъ нихъ: злобы дня прерываютъ подчасъ ихъ пренія, политическія страсти волнуютъ и разъединяютъ ихъ членовъ, но великія начала справедливости и мира постоянно руководятъ ими и придаютъ всему учрежденію все усиливающееся значеніе.

Какъ бы въ отвѣтъ на сцены, происходившія въ Римѣ, четвертая конференція, засѣдавшая въ *Бернѣ* въ 1892 г. подъ предсѣдательствомъ Numa Droz, бывшаго президента Швейцаріи, постановила: «устранить отъ своихъ занятій всякіе вопросы, представляющіе лишь теоретическій интересъ, а рѣшенія свои сосредоточивать только на такихъ, которые могутъ быть съ пользою проводимы въ различныхъ палатахъ членами, находящимися въ средѣ конференціи». Она повторила резолюцію о третейскомъ условіи въ торговыхъ, судоходныхъ, промышленныхъ, литературныхъ договорахъ и высказалась за принятіе Европою приглашенія С. Штатовъ относительно присоединенія къ постановленію панамериканскаго конгресса объ общемъ, постоянномъ третейскомъ судѣ. Но, главное, на мѣсто предполагавшагося общаго секретаріата, она создала *центральное бюро* (Bureau parlementaire pour l'arbitrage international), тоже постоянный органъ, который, пребывая въ Бернѣ, подобно своему товарищу бюро мира, долженъ служить для парламентскихъ конференцій объединяющимъ и направляющимъ ихъ учрежденіемъ. Члены его избираются ежегодно изъ парламентскихъ группъ всѣхъ національностей; одинъ изъ нихъ, принадлежа Швейцаріи, состоитъ по праву его президентомъ. Бюро это созываетъ конференціи, заботится объ исполненіи ихъ рѣшеній, хранитъ ихъ архивъ, содѣйствуетъ составленію внутри палатъ группъ изъ приверженцевъ мира и является посредникомъ между ними всѣми. Далѣе, оно собираетъ документы, относящіеся къ третейскимъ рѣшеніямъ, а равно къ успѣхамъ идеи мира въ жизни и вообще принимаетъ всѣ мѣры, способныя содѣйствовать цѣлямъ конференцій. Съ 1 іюля 1893 г. оно издаетъ ихъ спеціальный органъ *La Conférence interparlementaire*. Президентомъ бюро и редакторомъ этого журнала состоитъ

*) *Dreyfus*, p. 227—228.

Gobat, швейцарецъ, который и предложилъ назвать періодическіе съѣзды парламентарцевъ мѣткимъ именемъ «парламентарской уніи» (Union interparlementaire). Съ тѣхъ поръ онъ ведетъ дѣло бюро и журнала съ уменьемъ и успѣхомъ *).

Въ 1893 г. конференція не собиралась: ее хотѣли устроить въ Христіаніи, но частію матеріальныя препятствія, частію бездѣятельность норвежцевъ тому помѣшали. За то бюро собралось въ Брюсселѣ и выработало программу для слѣдующей, пятой конференціи, которая происходила въ *Гагѣ* (4—6 сент. 1894 г.) въ предсѣдательствѣ Rahusen, члена верхней палаты Нидерландъ. Присутствовало 150 депутатовъ, но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ члены ея записались всѣ депутаты нижней палаты въ Нидерландахъ и нѣкоторые члены верхней. Министръ внутреннихъ дѣлъ этой страны, van Houten, привѣтствовалъ отъ имени своего правительства собраніе въ самыхъ сочувственныхъ словахъ. Занятія этой конференціи отличались серьезнымъ, спокойнымъ характеромъ. Утверждены уставы какъ парламентскаго бюро, такъ и самихъ конференцій. Затѣмъ приняты резолюціи по шести пунктамъ: «1) Выслушанъ докладъ Stanhope, члена англійскаго парламента, въ которомъ онъ говоритъ, что введеніе постояннаго третейскаго суда составляетъ наиболѣе неотложную потребность современной международной жизни, равно какъ и изданіе международнаго кодекса.

Вслѣдствіе этого назначена коммиссія **), которой поручено составленіе проекта о такомъ судѣ къ ближайшей конференціи, причемъ въ руководство ей даны слѣдующія начала: 1) суверенитетъ государствъ не долженъ быть ограниченъ; 2) обращеніе правительствъ къ суду — добровольное; 3) всѣ государства предъ нимъ равны и 4) рѣшенія его хотя и не обезпечиваются матеріальною санкціей, но имѣютъ обще-европейскую обязательную силу ***).

2. Въ связи съ этимъ постановленіемъ высказано желаніе о созваніи правительствами конгресса, который спеціально занялся бы третейскимъ разбирательствомъ, какъ способомъ мирнаго рѣшенія споровъ между государствами ****). 3) Гиршъ, за отсутствіемъ Баумбаха, прочелъ записку о другой, также необходимой реформѣ въ международномъ правѣ: о признаніи частной собственности неприкосновенною на морѣ во время войны. Собраніе высказалось за соблюденіе правительствами этого принципа. 4) Байеръ (Данія) возбудилъ вопросъ о признаніи нейтральными тѣхъ государствъ, которыя того пожелаютъ. Это отложено до слѣдующей сессіи. 5. Депутаты Румыніи указали на желательность резолюціи относительно

*) *Merignhac*, p. 385—386.

**) Изъ Stanhope (Великобританія), Gobat (Швейцарія), Houzeau-Delehaie (Бельгія), Rahusen (Голландія), Trarieux, а позднѣе, когда онъ сдѣлался министромъ юстиціи, его замѣнилъ Labiche (Франція) и Hirsch (Германія).

***) *Les* jugements auront la force d'une sentence européenne.

****) По предложенію Trarieux (Франція) и Pandolfi (Италія).

уваженія правъ тѣхъ національностей, которыя въ данномъ государствѣ не одноплеменны съ господствующею народностью. Конференція уклонилась отъ вступленія на эту зыбкую почву, но по предложенію Трарьё и Пандольфи, она рекомендовала членамъ всѣхъ національностей, имѣющихъ представителей въ ея средѣ, руководствоваться во всѣхъ политическихъ дѣйствіяхъ высшими началами справедливости.

Это вполнѣ вѣрно, но еще въ большей степени должно быть обращено къ самимъ государствамъ, такъ часто нарушающимъ въ наши дни въ своей внутренней политикѣ эти «высшія начала». 6) Составленъ слѣдующій адресъ къ печати всѣхъ странъ: «Мы обращаемся къ разуму народовъ съ цѣлью убѣжденія ихъ въ томъ, что война не есть роковой законъ для человѣчества. Надъ проявленіями силы возвышается неизмѣнная справедливость, которая должна составлять верховную цѣль цивилизаціи и прогресса. Для достиженія этой великой задачи необходимы два условія: чтобы наши идеи проникали въ общество и чтобы ничто не извращало ихъ настоящій смыслъ. Мы васъ не просимъ забыть ваше прямое дѣло, заключающееся въ защитѣ каждымъ изъ васъ прежде всего интересовъ своего отечества, ибо рекомендуемое нами безпристрастіе ни въ чемъ не противорѣчитъ настоящему патріотизму, но все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы видѣть какъ зло, которое можно избѣжать, такъ и добро, могущее быть достигнутымъ и сообразно съ этимъ поступать всегда мудро и въ сознаніи лежащихъ на насъ обязанностей. Только лица, не вѣрящія въ существованіе международнаго права (droit public entre nations), могутъ оставить безъ вниманія нашъ призывъ».

Конференція наконецъ приняла къ свѣдѣнію съ особеннымъ сочувствіемъ постановленія послѣдняго мирнаго съѣзда въ Антверпенѣ *).

Самою плодотворною изъ разсматриваемыхъ нами конференцій была шестая, въ *Брюсселѣ* (13—15 авг. 1895 г.) **). Не изъ многочисленныхъ по составу (на нее явилось 80 депутатовъ и сенаторовъ, но отъ 15 государствъ), она отличалась дѣловымъ характеромъ своихъ занятій и рѣшеній, такъ что, по замѣчанію одного свидѣтеля, заслуживаетъ вниманія каждаго, интересующагося будущностью нашей цивилизаціи. Предсѣдательствовалъ бельгійскій сенаторъ Descamps. Нельзя не отмѣтить, что въ Брюсселѣ засѣдали даже лица оффиціальныя, четыре бельгійскіе министра, три бывшіе или настоящіе министры другихъ странъ и четыре настоящіе или прежніе предсѣдатели палатъ ***).

---

*) *Dreyfus*: „La conférence interparlementaire de la Haye et le mouvement pacifique" (La Paix par le droit, 1894; nov.—dec., p. 175—183). Revue générale de droit intern. public. 1894, № 5, p. 497—499. *Merignhac*, p. 386—387.

**) Revue génér. de droit intern. public 1895, № 5, p. 541—545. *Fréd. Passy*: „La conférence interparlementaire de Bruxelles" (La Paix par le Droit, 1895, № 8, p. 225—229). *Merignhac*: „La sixième conférence interparl". (Ibid., 1896 janv. fevr. et mars). *Moch*: „Autour de la conférence interparlem. 1895. Живая передача личныхъ впечатлѣній автора.

***) О личномъ составѣ собранія живо и хорошо у Мошъ (Ibid. p. 49—64).

Послѣ привѣтствія, обращеннаго къ собранію министромъ общественныхъ работъ въ Бельгіи (de Nyssens) говорилъ Descamps. Онъ проводилъ идею о пользѣ умноженія новѣйшихъ международныхъ органовъ (offices internationaux), характеризующихъ современныя уніи *). Представитель каждаго государства изложилъ о послѣднихъ успѣхахъ идей мира и третейскаго суда въ своей странѣ. Чрезъ эти сообщенія видимо проходила одна основная нота: необходимость для всѣхъ мира и уменьшенія финансовыхъ тяжестей, какъ послѣдствіе сокращенія военныхъ силъ. Стенгопъ напомнилъ, что большинство членовъ англійской палаты общинъ предложило президенту С. Штатовъ заключить съ ихъ отечествомъ договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ **). Гоба выразилъ сожалѣніе о медлительности Штатовъ въ заключеніи такого договора съ Швейцаріею, которая, какъ извѣстно, еще въ 1883 г. представила имъ проектъ трактата о постоянномъ третейскомъ судѣ и тѣмъ какъ бы уже тогда предупредила приглашеніе Штатовъ, обращенное къ Европѣ въ силу 19 ст. Вашингтонскаго договора 1890 г. ***). Гоба напомнилъ, что Швейцарія вноситъ нынѣ условія о третейскомъ разбирательствѣ въ заключаемые ею договоры ****). Замѣчанія его,—говоритъ Мериньякъ,—вполнѣ вѣрны: нельзя не дивиться этой косности С. Штатовъ въ дѣлѣ, которое они первые начали и которое впослѣдствіи привело ихъ къ заключенію акта, соединившаго весь Новый Свѣтъ въ своего рода мирную унію и знаменующаго громадный шагъ впередъ въ развитіи на международной почвѣ третейской юрисдикціи. Рахузенъ указалъ на происходившее въ то время третейское разбирательство одного спора между Нидерландами и Англіею и напомнилъ о третейскомъ условіи, помѣщенномъ въ голландско-португальской декларацій 5 іюля 1894 г. (ст. 7) *****).

Байеръ отъ имени датской группы обратилъ вниманіе собранія на пользу *нейтрализаціи государствъ*. Онъ полагалъ, что слѣдовало бы созвать дипломатическую конференцію, которая изучила бы вопросъ о госу-

---

*) Онъ напечаталъ объ этомъ интересную брошюру. *Descamps:* „Les offices internationaux et leur avenir 1894“.

**) Въ іюнѣ 1893 г. палата общинъ, съ согласія правительства, одобрила единогласно предложеніе объ этомъ, вызванное Randol Cremer и Lubbock, а въ іюнѣ 1894 г. внесъ Allison въ сенатъ С. Штатовъ предложеніе о такомъ же договорѣ съ Англіею на 25-ти лѣтній срокъ. 27 марта 1888 г. датскій фолькетингъ рекомендовалъ введеніе постояннаго третейскаго суда между тремя скандинавскими государствами, а 16 іюня 1890 г. испанскій сенатъ одобрилъ мысль Маркоарту о заключеніи договоровъ объ общихъ или спеціальныхъ третейскихъ судахъ со всѣми цивилизованными странами, признанными независимыми и дружественными (Rev. génér. de dr. intern. publ. 1895, № 4, p. 463—464).

***) Оба эти акта наиболѣе важные по вопросу о постоянномъ третейскомъ судѣ, помѣщены цѣликомъ въ прекрасной статьѣ *Descamps:* „Essai sur l'organisation de l'arbitrage international“ (Revue de dr. intern. 1896, p. 27—30).

****) Кромѣ Швейцаріи договоры съ этимъ условіемъ заключали еще: Бельгія, Италія, Испанія и друг. (См. *Descamps*, ibid).

*****) *Descamps*. Ibid. p. 31.

дарствахъ, имѣющихъ впредь быть объявленными навсегда нейтральными. По его мнѣнію, каждое государство имѣетъ право объявить себя нейтральнымъ, и тогда этотъ нейтралитетъ долженъ быть уважаемъ въ той же степени, какъ гарантированный совокупностью державъ. Вѣчный нейтралитетъ представляетъ безспорныя выгоды какъ для нейтрализованной страны, такъ и для прочихъ. Обезпечивая первой цѣлость ея территоріи, онъ освобождаетъ ее отъ непомѣрныхъ тратъ на военныя силы; что же касается до третьихъ государствъ, то умноженіе нейтрализованныхъ странъ является и для нихъ ручательствомъ болѣе прочнаго мира, ибо нейтральные, соединяясь между собою, могутъ сдерживать враждебныя столкновенія между великими державами и содѣйствовать мирному разрѣшенію ихъ споровъ.

Выше мы видѣли, что трудный, но столь важный для нашего времени вопросъ о *правахъ національностей* не разъ всплывалъ наружу въ преніяхъ этихъ конференцій и даже, угрожая произвести въ членахъ ихъ расколъ, былъ принципіально устраненъ постановленіемъ четвертой конференціи. Онъ не стоялъ и на очереди въ Брюсселѣ, но, несмотря на это, національности три раза возвысили свой голосъ на этой конференціи, и хотя послѣдняя воздержалась отъ прямого обсужденія представленныхъ ей фактовъ, но эти явленія сами по себѣ весьма поучительны.

Во-первыхъ, Лундъ, предсѣдатель норвежскаго лагтинга, въ согласіи съ своимъ товарищемъ Горстомъ, президентомъ одельстинга, прочелъ довольно обстоятельную записку о столкновеніи своей страны съ Швеціею *). Онъ указалъ на справедливость и необходимость требованія Норвегіи получить независимое отъ Швеціи дипломатическое и консульское представительство въ силу хотя бы уже того, что населеніе ея въ нашемъ столѣтіи удвоилось, а ея коммерческій флотъ сталъ вторымъ въ Европѣ послѣ англійскаго (шведскій же занимаетъ лишь седьмое мѣсто). Въ теченіе 1894 года пренія объ этомъ между обѣими сосѣдственными странами до того обострились, что война считалась неизбѣжною, и небогатая Норвегія видѣла себя вынужденною ассигновать на военныя издержки 40 м., составляющихъ половину всего ея бюджета. Авторъ въ заключеніе высказалъ, что событія послѣдняго времени показали, что унія между Норвегіей и Швеціей является препятствіемъ къ ихъ національному и мирному преуспѣянію, но останутся ли онѣ впредь въ соединеніи или разъединятся, онѣ всегда могутъ рѣшать всѣ свои споры не путемъ разорительныхъ вооруженій, а мирныхъ и дружественныхъ переговоровъ **).

Второй инцидентъ, гораздо болѣе острый, былъ вызванъ вопросомъ о назначеніи мѣста съѣзда для будущей конференціи. Еще въ 1894 г. венгерская группа предложила собраться въ 1896 г. въ Буда-Пештѣ, но тогда

*) Напечатана у Mérignhac (ibid., févr., p. 39—49).

**) Сравн. еще статью объ этой распрѣ недавно скончавшагося члена института междунар. права Обера: *Aubert*: „La Norvège devant le droit international“ (Revue de dr. intern. 1895, p. 529 et suiv; 1896, p. 75 et suiv).

же румыны заявили, что, съ ихъ стороны, принятіе этого приглашенія будетъ истолковано въ смыслѣ одобренія конференціею той насильственной политики, которой слѣдуютъ венгерцы по отношенію къ подвластнымъ имъ румынамъ. Тогда эта мысль оставлена, но въ Брюсселѣ это приглашеніе снова возобновлено венгерскою депутаціей, въ составѣ которой, между прочимъ, находились: поэтъ Іокай, глава національной партіи въ Венгріи, гр. Аппоньи и генералъ Тюрръ. Это приглашеніе имѣло тѣмъ большее значеніе, что въ 1896 г. предстояло празднованіе 1000-лѣтія существованія Венгріи и въ столицѣ ея готовилась по этому поводу выставка. Это вторичное приглашеніе и было принято, тѣмъ болѣе, что для съѣзда не было получено другого приглашенія, но для смягченія этого шага предсѣдатель Деканъ сдѣлалъ прямую оговорку, что «выборъ конференціей для своихъ занятій того или другого города вовсе не долженъ быть истолкованъ какъ вмѣшательство ея въ какіе-либо національные или международные вопросы, вызывающіе споры между отдѣльными группами ея членовъ. Единственный мотивъ, руководящій ею при выборѣ мѣста ея періодическихъ собраній, тотъ, чтобъ увеличить число ея приверженцевъ, распространить повсюду болѣе вѣрное пониманіе ея миролюбиваго дѣла и дать возможность членамъ различныхъ представительныхъ собраній проявить, по отношенію къ своимъ товарищамъ, входящимъ въ ея составъ, чувства взаимнаго гостепріимства и братства».

Это полное такта разъясненіе,—замѣчаетъ Мериньякъ,—должно бы было положить конецъ инциденту. Кто же будетъ порицать румынъ за ихъ сочувствіе къ «братьямъ по крови» и за возбужденіе въ пользу ихъ агитаціи? Цѣль, преслѣдуемая національною румынскою лигою, сумѣвшею завербовать въ свои ряды до 200 тыс. послѣдователей, весьма почтенна и не такими выходками, какъ обзываніемъ собранія представителей національностей не мадьярскихъ въ Венгріи «разрушительнымъ дѣломъ темныхъ агитаторовъ», можно убѣдить общественное мнѣніе въ неправотѣ румынъ. Но какъ бы ни были серьезны сами по себѣ требованія послѣднихъ, они заявили о себѣ передъ конференціею въ предосудительной формѣ: вмѣсто того, чтобы просто принять къ свѣдѣнію заявленіе Декана, что выборъ Буда-Пешта вовсе не обозначаетъ вмѣшательства въ румынскій вопросъ, румынскій делегатъ Urechia *), отъ имени товарищей, сдѣлалъ сейчасъ же возраженіе, что, въ силу даннаго имъ порученія, они не явятся въ Буда-Пештъ, если въ будущемъ году положеніе румынъ въ Венгріи значительно не улучшится. Ораторъ сдѣлалъ подъ конецъ намекъ, что улучшенія ...ого онъ ожидаетъ отъ гр. Аппоньи, если къ нему перейдетъ власть. Но ...поньи гордо и рѣзко разрушилъ эту надежду и лишь въ заключеніи за...тилъ шутливо, что до будущаго собранія еще 365 дней, онъ надѣется ... измѣненіе рѣшенія депутатовъ Румыніи и можетъ только ихъ увѣрить,

*) Сенаторъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія и президентъ вышеназванной лиги.

что въ Буда-Пештѣ они встрѣтятъ столь же радушный пріемъ, какъ и остальные представители,—даже болѣе радушный въ силу добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между Венгріею и Румыніею. Послѣ этого Лабишъ, делегатъ Франціи, поспѣшилъ предложить заключить пренія. Выборъ для будущей конференціи остановился на Буда-Пештѣ, а Урехіа съ товарищами молча вышли изъ залы засѣданія *). Чтобы понять этотъ эпизодъ, нужно имѣть въ виду, что передъ самою конференціей только что состоялся въ Венгріи вышеназванный съѣздъ представителей не-мадьярскихъ національностей, живущихъ въ этой странѣ. Венгерцы видѣли въ этомъ фактѣ первостепенное государственное преступленіе, направленное противъ цѣлости ихъ страны. Румыны напротивъ, и вполнѣ основательно, возражали противъ этого, что не-мадьярскія національности добивались отъ своихъ притѣснителей получить лишь то, что сами они прежде силою исторгли у Австріи и въ особенности послѣ пораженія ея при Садовѣ, а именно: политическое равенство, справедливую избирательную систему и свободу печати. «Гдѣ свѣтъ—тамъ и отечество,—сказалъ въ первой своей рѣчи Урехіа,—да возсіяетъ же свѣтъ для всѣхъ и въ Венгріи для того, чтобъ четыре милліона живущихъ въ ней румынъ могли видѣть въ ней свое любимое и чтимое отечество». Что можно возразить на это?—спрашиваетъ Мошъ **). Любопытна еще подробность: говорятъ, венгерское правительство хотѣло запретить этотъ съѣздъ, но уступило въ виду угрозъ румынъ довести все дѣло до свѣдѣнія конференціи.

Третій пунктъ въ вопросѣ о національностяхъ не оставилъ по себѣ слѣда въ оффиціальныхъ протоколахъ, но онъ запалъ въ память и душу присутствующихъ, представляя самъ по себѣ [illegible] скорбный интересъ: американскія общества мира препроводили въ конференцію во многихъ экземплярахъ брошюру о разрѣшеніи эльзасъ-лотарингскаго вопроса. Въ ней предлагается раздѣлить эту область между обоими соперниками такъ, чтобы западная ея часть, съ французскою рѣчью, была возвращена Франціи, а восточная, гдѣ населеніе говоритъ по-нѣмецки, осталось бы окончательно за Германіею. Проектъ неосуществимый,—восклицаетъ Мошъ.—Развѣ можно національныя чувства населенія ставить въ зависимость отъ языка? Американцы какъ будто упустили изъ виду, что, по отзывамъ даже нѣмцевъ, въ городахъ и въ хорошемъ обществѣ Эльзаса говорятъ по-французски. Это заставило Мошъ распространить между членами конференціи свой послѣдній этюдъ объ этомъ вопросѣ ***).

По этому поводу Мериньякъ замѣчаетъ: ни одинъ изъ предложенныхъ

*) Подробнѣе у *Moch*. O. c. p. 71 et suiv. О положеніи румынъ въ Венгр обстоятельно и хорошо. *Djuvara*: „La lutte des nationalités. Hongrois et Roumains" (Revue génér. de dr. publ. 1895, № 1, p. 5—83).

**) *Moch*, ibid., p. 73.

***) *Moch*: „Etudes sur la paix armée". I. *Alsace-Lorraine*. 1895. Раньше онъ и далъ подъ псевдонимомъ *Patiens* обстоятельное изслѣдованіе того же вопроса: *L'Alsac Lorraine devant l'Europe*. 1894.

досел способовъ рѣшенія этого вопроса не можетъ быть принятъ Франціей, за исключеніемъ плебисцита. Но онъ не хочетъ знать, что именно на послѣдній способъ не пойдетъ Германія, кромѣ самихъ спорящихъ государствъ въ немъ имѣютъ право голоса Европа и жители самихъ этихъ областей.

Какъ бы то ни было, но мы вполнѣ согласны съ названнымъ французскимъ авторомъ въ томъ, что вопросъ о національностяхъ вообще навязывается вниманію конференціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ свою обширную программу она включила всѣ проблемы мира, а столкновенія національностей представляютъ, безспорно, одинъ изъ серьезнѣйшихъ поводовъ къ войнѣ. Кромѣ того, конференція походитъ какъ бы на своего рода международный судъ, къ которому общественное мнѣніе естественно привлекаетъ дѣла всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ ставшихъ жертвами человѣческихъ страстей. Но чтобы проявить повсюду свое свободное и независимое вліяніе, чтобы пользоваться расположеніемъ правительствъ и оказать дѣлу мира дѣйствительныя услуги, ей нужно поступать съ большою осмотрительностію, не вмѣшиваться прямо въ эти пререканія національностей, но давать послѣднимъ возможность, въ умѣренной и вѣжливой формѣ, представлять свои жалобы и желанія. Уже это одно часто побудитъ правительство къ лучшему съ ними обращенію, а общественное мнѣніе, освѣдомленное о фактахъ, можетъ тогда выступить въ роли высшаго судьи и провести съ настойчивостью свои рѣшенія *).

Брюссельская конференція приняла четыре частныя постановленія и проектъ устройства постояннаго третейскаго суда. Остановимся сперва на первыхъ:

I. Парламентская конференція полагаетъ, что если какое-либо государство законодательнымъ путемъ объявитъ себя вѣчно нейтральнымъ, это должно быть признано державами. Члены ея обязаны употребить свое вліяніе для созыва дипломатической конференціи, которая разсмотрѣла бы этотъ принципъ.

II. Она съ своей стороны подтверждаетъ всю важность, съ точки зрѣнія цѣли, ею преслѣдуемой, тѣхъ конвенцій, которыя установляютъ международныя уніи и ихъ органы—бюро (offices internationaux). Она рекомендуетъ ихъ умноженіе; въ особенности же желаетъ она скорѣйшаго осуществленія международной уніи для изданія трактатовъ, одобряя предложенія, сдѣланныя въ предварительномъ проектѣ бельгійскихъ делегатовъ на дипломатической конференціи въ Бернѣ **).

III. Парламентская конференція выражаетъ полное сочувствіе тому, что французская палата депутатовъ единогласно постановила ***) обратиться къ

*) *Merignhac*, ibid., *fév.* Мошъ въ назв. брошюрѣ проводитъ хорошо мысль, что вопросъ о національностяхъ не внутренне-государственный только, но и международный (стр. 65—69).

**) О ней см. *Revue génér. de dr. int. public* 1895, № 2, p. 221—229 (тамъ помѣщенъ и бельг. проектъ). Конференція эта происходила 25 сент.—3 окт. 1894 г.

***) По предложенію Barodet 8 іюля 1895 г. Только одинъ членъ воздержался отъ подачи голоса. Еще 24 апр. 1888 г. Фред. Пасси дѣлалъ подобное же предложеніе.

своему правительству съ предложеніемъ, чтобъ оно заключило съ С.-Штатами договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ, и что она такимъ образомъ проявила единомысліе съ англійскимъ парламентомъ, преслѣдующимъ ту же цѣль.

IV. Конференція высказываетъ благодарность норвежскому стортингу за проявляемое имъ къ ней сочувствіе, сказавшееся какъ въ выдачѣ путевыхъ издержекъ депутатамъ его, поѣхавшимъ въ Брюссель, такъ и въ назначеніи 2,000 кронъ на содержаніе парламентскаго бюро.

Но наиболѣе важнымъ дѣломъ Брюссельской конференціи было разсмотрѣніе и одобреніе проекта о *постоянномъ третейскомъ судѣ между государствами*, выработаннаго коммиссіею по назначенію предшествовавшей конференціи. Докладчикомъ послѣдней былъ Houzeau-Delehaie. Въ средѣ коммиссіи было высказано относительно поставленной ей задачи три мнѣнія: Stanhope, Rahusen и Houzeau-Delehaie стояли за идею предварительнаго соглашенія между государствами о томъ, чтобы заключить имъ трактатъ о третейскомъ судѣ, но первые двое считали обращеніе къ такому суду вполнѣ факультативнымъ и желали подробности объ его устройствѣ предоставить на усмотрѣніе дипломатіи, между тѣмъ какъ Houzeau-Delehaie хотѣлъ обязать стороны съ самаго начала и даже предложить имъ подробный регламентъ третейскаго производства. Третье мнѣніе было высказано Gobat. Онъ думалъ рекомендовать простое соглашеніе лишь между Бельгіей и Швейцаріей, въ силу котораго каждая изъ нихъ назначила бы по пяти судей изъ лицъ выдающихся всѣхъ странъ. Въ случаѣ спора между двумя или нѣсколькими государствами, послѣднія обращались бы къ двумъ названнымъ странамъ, которыя и составили бы имъ судъ изъ пяти лицъ, взятыхъ изъ указанныхъ десяти. Въ коммиссіи одержало верхъ первое мнѣніе и на основаніи его составленъ ею слѣдующій *проектъ изъ 14 статей*, который, послѣ оживленныхъ преній, и одобренъ конференціею единогласно:

Проектъ постояннаго международнаго третейскаго суда.

Парламентская конференція на собраніи своемъ въ Брюсселѣ, принимая въ соображеніе часто встрѣчающіеся случаи третейскихъ рѣшеній споровъ между государствами, а равно большое число условій о компромиссахъ въ трактатахъ и желая, съ другой стороны, прочнаго утвержденія въ жизни международной юстиціи и юрисдикціи, поручаетъ своему президенту довести до благосклоннаго свѣдѣнія правительствъ цивилизованныхъ государствъ нижеслѣдующія постановленія, которыя могли бы послужить предметомъ обсужденія на дипломатической конференціи или войти въ спеціальныя конвенціи.

I. Договаривающіяся стороны учреждаютъ *постоянный международный третейскій судъ* (une Cour permanente d'arbitrage international) для рѣшенія споровъ, которые будутъ ему предъявлены. Въ случаѣ возникновенія несогласія между двумя или нѣсколькими сторонами онѣ рѣшаютъ, можетъ

ли этотъ споръ по природѣ своей быть представленъ въ судъ, не касаясь при томъ обязательствъ, могущихъ существовать между ними въ силу договоровъ.

II. Судъ пребываетъ въ *)... Онъ можетъ избрать для себя и другое мѣсто по рѣшенію большинства трехъ четвертей государствъ, приступившихъ къ акту объ его учрежденіи. Правительство страны, гдѣ судъ находится, обезпечиваетъ ему безопасность, а равно свободу его занятій и рѣшеній.

III. Каждое изъ договаривающихся или приступающихъ правительствъ назначаетъ въ судъ по два члена. Впрочемъ, два или нѣсколько государствъ могутъ избрать и сообща два члена. Эти лица назначаются на пятилѣтній срокъ; полномочія ихъ могутъ быть впослѣдствіи продолжены.

IV. Содержаніе члены получаютъ отъ назначившаго ихъ государства.

Расходы же на судъ падаютъ равными частями на всѣ признавшія его государства.

V. Судъ изъ своей среды избираетъ на одинъ годъ предсѣдателя и товарища его. Предсѣдатель можетъ быть избранъ вторично лишь по истеченіи пяти лѣтъ. Товарищъ замѣняетъ его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства. Судъ назначаетъ секретаря и другихъ служащихъ въ нужномъ для него числѣ. Секретарь живетъ въ городѣ, гдѣ находится судъ, и хранитъ его архивъ.

VI. Стороны могутъ по общему соглашенію предъявлять свой споръ въ судъ.

VII. Это дѣлается посредствомъ нотификаціи, представляемой секретарю. Послѣдній препровождаетъ ее немедленно къ предсѣдателю.

Если стороны не воспользовались правомъ непосредственнаго представленія ихъ несогласія въ судъ, предсѣдатель назначаетъ тѣхъ его членовъ, которые должны будутъ составить судъ въ первой его инстанціи.

По желанію одной изъ сторонъ, члены, имѣющіе составить этотъ судъ (tribunal), назначаются самимъ судомъ въ полномъ его составѣ (par la Cour elle-même).

Лица назначенныя тяжущимися государствами не входятъ въ составъ этого суда.

Тѣ, на которыхъ палъ этотъ выборъ, не могутъ отклонить его отъ себя.

VIII. Компромиссъ составляется самими спорящими правительствами; въ случаѣ ихъ несогласія по этому поводу, онъ составляется назначенною инстанціей или, если нужно, всѣмъ судомъ.

Суду можетъ быть предъявленъ и встрѣчный искъ (demande reconventionnelle).

---

*) Въ городѣ на который ему укажутъ державы. Въ средѣ коммиссіи раздавались голоса въ пользу Берна, Брюсселя, Лозаннь или Льежъ, но справедливо замѣчаетъ Мошъ, что наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для суда былъ бы Бернъ, „какъ естественный вѣнецъ цѣлаго ряда международныхъ бюро, составляющихъ украшеніе этого города и славу нашего времени“.

IX. Рѣшеніе суда мотивируется; оно постановляется въ двухмѣсячный срокъ по заключеніи преній и сообщается сторонамъ секретаремъ.

X. Каждая изъ сторонъ имѣетъ право апелляціи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ этого сообщенія. Обжалованіе это вносится въ судъ. Лица, назначенныя спорившими государствами, а равно составлявшія первую инстанцію, не входятъ въ составъ второй. Порядокъ дѣлопроизводства остается прежній. Постановленіе суда въ этомъ составѣ окончательное. Оно не подлежитъ оспариванію въ какой бы то ни было формѣ.

XI. Исполненіе рѣшеній суда предоставляется чести и добросовѣстности спорящихъ государствъ.

Судъ воспользуется конвенціями сторонъ, если онѣ, въ заключенномъ ими компромиссѣ, дадутъ ему возможность мирною санкціею подкрѣпить свое рѣшеніе.

XII. Назначенія, упоминаемыя въ ст. III, дѣлаются въ шестимѣсячный срокъ послѣ обмѣна ратификацій настоящей конвенціи. Они дипломатическимъ путемъ доводятся до свѣдѣнія уговорившихся государствъ.

Судъ считается установленнымъ и имѣющимъ право собраться въ мѣстѣ своего пребыванія мѣсяцъ спустя послѣ указаннаго срока, независимо отъ числа его членовъ. Онъ приступаетъ къ выборамъ предсѣдателя, товарища его, секретаря и къ составленію устава о порядкѣ дѣлопроизводства.

XIII. Договаривающіяся стороны вырабатываютъ для суда органическій уставъ, который составитъ часть настоящей конвенціи.

XIV. Государства, не принимавшія участія въ этомъ соглашеніи, могутъ приступить къ нему впослѣдствіи въ обычной формѣ.

Это приступленіе ихъ сообщается правительству той страны, гдѣ пребываетъ судъ, а послѣдній доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ остальныхъ присоединившихся государствъ.

Конференція поручаетъ своему президенту навести возможно точныя справки о томъ, не найдется ли два или нѣсколько правительствъ, склонныхъ выступить теперь же съ починомъ учрежденія суда для мирнаго рѣшенія ихъ взаимныхъ споровъ.

Брюссельская конференція, одобривъ настоящій проектъ, поручила своему предсѣдателю, Декану, препроводить его правительствамъ. Это побудило Декана написать *очеркъ объ устройствѣ международнаго третейскаго суда* *), въ которомъ онъ въ блестящей формѣ не только раскрываетъ сущность занимающаго насъ проекта, но и указываетъ на успѣхи идеи третейскаго суда въ жизни и въ теоріи. Эта работа должна быть признана одною изъ лучшихъ по этому вопросу вообще, столь излюбленному новѣйшими интернаціоналистами.

Менѣе, повидимому, доволенъ основнымъ принципомъ брюссельскаго проекта Мериньякъ, недавно посвятившій третейскому суду обстоятельное

---

*) *Descamps*: „Essai sur l'organisation de l'arbitrage international (въ Revue de dr. international" 1896, p. 5—74 и отдѣльною брошюрой).

изслѣдованіе *). Онъ собственно дѣлаетъ ему два главныхъ возраженія: проектъ создаетъ между государствами, хотя и въ третейской формѣ, но постоянное учрежденіе **) съ ограниченнымъ числомъ лицъ, дѣйствующихъ на подобіе судовъ между частными лицами. Правительства, по его мысли, не примутъ такое учрежденіе, какъ слишкомъ сложное, дорого стоющее и угрожающее ихъ независимости. Постояннымъ (permanent) долженъ быть сдѣланъ *принципъ* третейской юрисдикціи, а не ея *дѣйствіе*, сама эта юрисдикція, а не лица, которымъ она ввѣряется, ибо благоразуміе предписываетъ дѣлать какъ можно меньше нововведеній и лишь такія, которыя представляются абсолютно необходимыми. Авторъ опасается, чтобъ предлагаемый судъ не обратился въ своего рода верховное собраніе (сенатъ), опасное для свободы народовъ, и, кромѣ того, онъ, при существующихъ условіяхъ, не нашелъ бы для себя достаточно занятій. Его учрежденіе поэтому явилось бы для государствъ излишнимъ бременемъ, а вопросы о назначеніи и увольненіи его членовъ создали бы между ними новый источникъ осложненій и серьезныхъ споровъ. Поэтому авторъ полагаетъ, что вмѣсто постояннаго суда слѣдуетъ создать лишь международное жюри (jury international). Юрисдикція была бы постоянною, но лица ею облеченныя назначались бы для каждаго случая отдѣльно, какъ это дѣлается и понынѣ съ третейскими судьями.

Второе возраженіе Мериньяка касается дѣятельности суда. Компетенція его не имѣетъ общаго характера, а сами стороны по проекту опредѣляютъ, подлежитъ ли ихъ споръ, по своей природѣ, вѣдѣнію суда. Это условіе подрываетъ самый принципъ послѣдняго. Съ момента добровольнаго принятія государствами суда они будутъ уже обязаны подчинять ему всѣ свои споры, если не захотятъ лишить его всякаго авторитета. Государства добросовѣстныя и миролюбивыя при системѣ проекта легко стали бы жертвами тѣхъ, которымъ при зломъ умыслѣ всегда возможно было бы выставить какой-либо предлогъ для избѣжанія суда. Но, продолжаетъ авторъ, отстаиваемая нами мысль встрѣтится и съ двумя серьезными возраженіями теоретическаго и практическаго характера. Въ теоріи преобладаетъ мысль, что третейскій судъ недопустимъ по всѣмъ вопросамъ, затрогивающимъ честь и достоинство государства, его цѣльность и независимость. Мы же, напротивъ, полагаемъ, что третейскій судъ примѣнимъ ко всѣмъ случаямъ, если только къ нему обращаться съ начала и когда страсти, еще не разгоряченныя, дѣлаютъ возможнымъ мирное его улаженіе. Въ большинствѣ случаевъ подъ предлогомъ посягательства на честь, независимость страны скрываются другіе поводы къ войнѣ или честолюбивые замыслы. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Гольдшмидтъ и замѣтимъ, что вашингтонскій договоръ 1890 г., соединившій всѣ республики Америки въ

---

*) *Merignhac*: „Traité théorique et pratique de l'arbitrage international" 1895. Всесторонняя юридическая обработка этого вопроса.

**) Une magistrature internationale fixe et stable.

одну обширную мирную унію, не изъемлетъ отъ вѣдѣнія суда дѣла, связанныя съ честью и независимостью государствъ. Поэтому мы понимаемъ, что при господствующихъ воззрѣніяхъ конференція наткнулась бы на неустранимыя препятствія, если бы она пожелала обобщить принципъ компетенціи *). На практикѣ же тому препятствуютъ вооруженный миръ, среди котораго живетъ Европа, и причины несогласій, раздѣляющія ея государства. Никогда послѣднія не согласятся представлять всѣ свои споры суду, доколѣ будутъ существовать вопросы восточный и эльзасъ-лотарингскій.

Въ заключеніе Мериньякъ одобряетъ, что исполненіе третейскихъ рѣшеній по брюссельскому трактату предоставляется чести и добросовѣстности сторонъ и что онъ предусматриваетъ обжалованіе этихъ рѣшеній, отсутствіе чего составляетъ донынѣ существенный пробѣлъ въ организаціи третейскаго суда **).

Мы не можемъ вполнѣ стать на точку зрѣнія уважаемаго автора: его недоумѣнія и возраженія нашли себѣ прекрасное разъясненіе въ вышеназванной работѣ Декана. Послѣдній напоминаетъ, что, по брюссельскому трактату, обращеніе къ третейскому суду остается для правительствъ вполнѣ добровольнымъ и факультативнымъ: они сами рѣшаютъ, подлежитъ ли ихъ споръ вѣдѣнію предлагаемаго суда; поэтому они всегда могутъ либо избрать другіе способы рѣшенія ихъ спора, либо остановиться на иной, по ихъ мнѣнію, болѣе подходящей, третейской формѣ юрисдикціи, но великое значеніе разсматриваемаго проекта заключается именно въ томъ, что онъ дѣлаетъ для государства доступною ими созданную, постоянную юрисдикцію для устраненія ихъ несогласій. Превосходство подобной системы надъ существующею бросается въ глаза. Нынѣ трудно примѣнять третейскій судъ именно потому, что онъ не организованъ; все въ немъ случайно; при каждомъ спорѣ сторонамъ приходится отыскивать лицъ для врученія имъ третейской должности; сами эти лица часто не подготовлены къ тому. Какое обширное поприще для недоумѣній, недовѣрія и вообще для уклоненія отъ третейской юстиціи! Между тѣмъ потребность въ ней сознается все сильнѣе и число третейскихъ случаевъ растетъ съ каждымъ годомъ. Предлагаемый судъ, ни въ чемъ не посягая на суверенитетъ государствъ, стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ новѣйшими успѣхами международной жизни въ области управленія и юстиціи. Всюду тутъ пробиваются наружу начала *общенія и солидарности* народовъ, толкающія ихъ на путь *организаціи общихъ* имъ *интересовъ*. Дать удовлетвореніе этому стремленію на почвѣ третейской юрисдикціи и тѣмъ создать новую гарантію для общаго мира и пытается брюссельскій трактатъ, столь простой и практичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокій по своему принципу ***). По вѣрному

*) За расширеніе же этой компетенціи стоитъ, впрочемъ, и *Revon*: „L'arbitrage international, p. 496 et suiv“.

**) La Paix par le Droit. 1896, № 3, p. 77—83.

***) Деканъ въ назв. ст. останавливается подробно на препятствіяхъ, которы можетъ встрѣтить осуществленіе его на практикѣ, и выставляетъ благотворныя ег

замѣчанію Мошъ, факультативный третейскій судъ есть лишь переходная ступень къ настоящему обязательному международному суду. И нельзя не отмѣтить того факта, что, по словамъ газетъ, папа Левъ XIII постоянный сторонникъ разоруженія и мира, живо заинтересовался брюссельскимъ трактатомъ и приказалъ представить себѣ о немъ подробный докладъ. Существуетъ, съ другой стороны, основаніе полагать, что Бельгія и Швейцарія учредятъ между собою по предлагаемому образцу въ ближайшемъ будущемъ третейскій судъ, къ которому не преминутъ тогда присоединиться Данія, Норвегія и Нидерланды. Если къ этому прибавить, что С. Штаты и Франція, съ одной стороны, тѣ же Штаты и Великобританія, съ другой не замедлятъ, вѣроятно, заключить между собою трактаты о постоянномъ третейскомъ судѣ,—можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что не далеко то время, когда, наконецъ, и великія державы Европы, устыдясь своего современнаго варварства, приступятъ постепенно къ осуществленію идеи третейскаго суда. Этимъ онѣ, по предлагаемой имъ формѣ, мало въ чемъ ограничили бы свое полновластье, ибо отъ нихъ зависѣло бы, какіе споры вносить на судебное разсмотрѣніе, но важность полученнаго результата была бы все-таки велика, ибо этимъ достигнуто было бы главное: признаніе державами принципа какого бы то ни было третейскаго суда. Выгоды же таковового тогда для всѣхъ обнаружились бы съ полною очевидностью и не представлялось бы уже болѣе затрудненій со временемъ его еще улучшить и снабдить всѣми должными полномочіями *).

Мы возможно кратко ознакомились съ дѣятельностью международно-парламентскихъ конференцій и не можемъ не признать въ нихъ весьма полезнаго, именно съ практической стороны, органа мира. Въ ихъ составъ входятъ нынѣ 1,800 членовъ палатъ отъ 16 различныхъ государствъ. Они

послѣдствія какъ для второстепенныхъ государствъ, такъ и для великихъ державъ. Подробному анализу брюссельскій проектъ подвергаетъ также Мошъ (Ibid. p. 13—41). Достойно вниманія, что ассоціація международнаго права (до прошлаго года называвшаяся ассоціаціею для реформы и кодификаціи международнаго права) на своемъ 17 съѣздѣ въ Брюсселѣ (1—4 окт. 1895 г.) также разсмотрѣла и одобрила проектъ трактата о международномъ третейскомъ судѣ изъ 13 статей, въ которомъ собственно выставлены основныя начала третейскаго производства; къ слѣдующему съѣзду отнесенъ вопросъ о составленіи третейскаго суда. На ту же тему представилъ подробный проектъ изъ 42 статей Корси (Оба документа напечатаны въ „Revue génér. de dr. intern. public." 1896, № 4, p. 460 suiv.)

На Пасхѣ текущаго года католическіе архіепископы англійской рѣчи: Gibbons, балтиморскій, Logue, армагскій примасъ Ирландіи и Vaughan, вестминстерскій, въ пастырскомъ посланіи рекомендуютъ всѣмъ вѣрующимъ „содѣйствовать съ ихъ стороны распространенію въ общественномъ сознаніи убѣжденія въ необходимости созданія постояннаго между народами третейскаго суда, призваннаго замѣнить собою кровавую расправу оружіемъ. Много препятствій воздвигается на практикѣ къ осуществленію этой идеи, но всѣ они устранимы при искреннемъ и общемъ желаніи ихъ удалить" (Revue, ibid. № 3, p. 334—337).

*) *Moch.* Ibid. p. 83—85

съѣзжаются въ извѣстные сроки для того, чтобы совмѣстно, въ духѣ справедливости и мира, обсуждать такіе международные вопросы, которые наиболѣе требуютъ такого разсмотрѣнія, угрожая общему спокойствію. Помимо всякихъ непосредственныхъ результатовъ, практически не можетъ не быть крайне плодотворнымъ фактъ личныхъ знакомствъ и свободнаго обмѣна воззрѣній и желаній между членами этихъ собраній, близко стоящихъ къ политическимъ дѣламъ своей родины, съ одной стороны, и къ избравшимъ ихъ населеніямъ, съ другой. Это не мечтатели и безпочвенные агитаторы и не сборища представителей крайнихъ партій. Напротивъ, въ составъ ихъ входятъ сторонники всѣхъ теченій политической жизни нашего времени, начиная съ реакціи и кончая демагогіею, также представители всѣхъ вѣроисповѣданій и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, начиная съ лицъ, которыя въ монархіяхъ и въ республикахъ занимали высшіе посты министровъ и предсѣдателей законодательныхъ собраній. Само собою разумѣется, авторитетъ парламентскихъ конференцій чисто-нравственный, но тѣмъ не менѣе громадный. Сила его со временемъ можетъ только расти, если конференціи твердо и разумно пойдутъ къ намѣченной себѣ цѣли, лежащей, по словамъ бельгійскаго министра Nyssens, въ томъ, чтобъ «отодвигать все далѣе на задній планъ силу и расширять область господства права» *).

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) „Nous voulons faire reculer la force pour faire avancer le Droit“ (Moch, ib. p. 58).

Мѣстная юстиція и общіе суды.

Въ историческомъ развитіи нашего судоустройства мѣстная юстиція и общіе суды представляютъ собою два учрежденія, двѣ области, которыя съ давнихъ еще временъ никакъ не могутъ поладить между собою, полюбовно и честно размежеваться. То сходясь, то расходясь, то подпадая владычеству сопредѣльной администраціи, онѣ до сихъ поръ представляются какъ бы гостями на своей родинѣ, принятыми хозяиномъ на время, размѣстившимися какъ попало и чувствующими себя на походномъ положеніи. Было время, когда намѣчены были новыя границы, возобновлены запущенныя межи, поставлены четкіе межевые знаки, и мѣста прежнихъ вторженій охранялись бдительною стражей. Но время это очень скоро прошло, и мы снова наканунѣ «генеральнаго размежеванія».

Спорныя владѣнія переживаютъ новый кризисъ, и дай Богъ, чтобъ онъ окончился благополучно и разъ навсегда: пора.

Почвой для рѣшенія спора—рѣшенія первостепенной важности—можетъ быть только *принципіальная* постановка вопроса: никакой иной природа его не допускаетъ. Компромиссы, уклоненія, изъятія, временныя мѣры и соображенія такъ-называемаго практическаго свойства—здѣсь не только вовсе не умѣстны, но и совершенно не нужны, такъ какъ на этотъ разъ и принципіальная постановка вопроса и эти практическія соображенія не мѣшаютъ другъ другу, не исключаются взаимно, а, совершенно напротивъ, находятся въ полнѣйшемъ единеніи.

Гибельныя послѣдствія противуестественнаго судебно-административнаго союза, кажется, достаточно теперь сознаны и блистательно доказаны недавнимъ опытомъ. Не совсѣмъ такъ стоитъ дѣло по отношенію къ взаимодѣйствію между мѣстной юстиціей и общими судебными учрежденіями: освобождаемой отъ административнаго ига мѣстной юстиціи подыскивается новый сюзеренъ изъ болѣе, правда, порубежной, но далеко, однако, не родственной области общихъ судебныхъ установленій, тогда какъ мѣстная мировая юстиція имѣетъ всѣ права на возвращеніе дарованныхъ ей 20 ноября 1864 года свободы и независимости въ кругу подвѣдомыхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Долголѣтній, личный и непосредственный опытъ на службѣ въ мировыхъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ на пространствѣ трехъ обширныхъ и разнообразныхъ судебныхъ округовъ обязываетъ пишущаго эти строки подать свой, хотя и одинокій среди заявленныхъ проектовъ, голосъ въ защиту этой свободы и независимости, внѣ которыхъ, по его глубочайшему убѣжденію, мѣстная судебная власть, подъ какимъ бы названіемъ она ни учреждалась, не можетъ отвѣчать своему назначенію, не можетъ быть «близкою къ народу» не по мѣсту только, а и по характеру, не можетъ быть и «*мировою*» въ обширномъ смыслѣ этого термина, т.-е. вносящею миръ и правду не однимъ обрядовымъ склоненіемъ къ тому сторонъ, но и всею совокупностью своихъ рѣшеній и приговоровъ, всѣми личными качествами судьи-человѣка, всѣмъ образомъ своихъ дѣйствій и помысловъ, *примиряющихъ* законъ съ жизнею.

Къ сожалѣнію, въ новопроектируемомъ общеніи этого *мировою, единоличнаго* суда съ *общими коллегіальными* судебными установленіями, вмѣсто яснаго, устойчиваго пониманія, мы наблюдаемъ лишь рядъ нерѣшительныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, рядъ высказанныхъ мнѣній, одно другому противоположныхъ, и даже такихъ, въ которыхъ при сознаніи необходимости охранить самостоятельность мѣстныхъ органовъ правосудія рекомендуется подчиненіе ихъ высшей инстанціи общесудебнаго типа. Въ послѣдней категоріи наиболѣе часто отмѣчаетъ печать три новеллы: предсѣдательство члена окружнаго суда въ мировомъ съѣздѣ участковыхъ судей, апелляціонную инстанцію для подсудныхъ имъ дѣлъ въ окружномъ судѣ и совмѣщеніе въ лицѣ участковаго судьи судебной его функціи со слѣдственною.

Каждая изъ этихъ новеллъ въ отдѣльности, а того паче всѣ купно, будутъ имѣть въ своемъ непремѣнномъ итогѣ приниженіе значенія мѣстной судебной власти, отливъ свѣжихъ, полезныхъ и независимыхъ силъ изъ состава ея дѣятелей и поглощеніе жизненнаго народнаго начала, органически-присущаго идеѣ института, бюрократическимъ, формальнымъ элементомъ, чуждымъ и враждебнымъ этой идеѣ, и необезвреженнымъ въ данномъ случаѣ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которое уравновѣшиваетъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ встрѣчные интересы писанаго закона и живой правды.

Въ судьбѣ трехъ вышеназванныхъ областей: общесудебной, мировой и судебно-административной, наиболѣе страдательное положеніе занимаетъ мѣстная, мировая юстиція. Сопредѣльныя столкновенія вносятъ, каждое свое, чуждое и вредное начало въ ея великое, труднѣйшее и плодотворнѣйшее дѣло,—дѣло, въ которомъ дѣятели непосредственно соприкасаются съ народною жизнію, въ которомъ судъ стоитъ лицомъ къ лицу съ населеніемъ, считается со всѣми его индивидуальностями и своеобразіемъ и воздѣйствуетъ на него всѣмъ тройственнымъ значеніемъ своимъ: юридическимъ, воспитательнымъ и экономическимъ. Тутъ бы, казалось, и мѣсто для полнаго простора и ненарушимаго преуспѣянія, но тутъ-то и сходятся съ

двухъ противуположныхъ сторонъ посторонніе дѣлу вліянія: административная сфера одѣляетъ его произволомъ и личнымъ усмотрѣніемъ, общесудебная—рутиною, формой безъ содержанія, буквой безъ духа...

И, несмотря на все это, новѣйшія извѣстія, проникшія въ печать, обѣщаютъ усиленіе протектората: съѣздамъ мировыхъ судей предполагается дать въ предсѣдатели члена окружнаго суда, или въ окружномъ судѣ устроить для нихъ апелляціонную инстанцію и къ судебной функціи участковаго судьи присовокупить функцію слѣдственную. Съ принятіемъ этихъ предположеній отъ мирового института, учрежденнаго уставами 20 ноября 1864 г., не останется камня на камнѣ.

Противъ связи и общенія между мировыми и общими судами ничего, конечно, сказать нельзя, если эта связь и это общеніе являются дѣломъ совершенно свободнымъ, добровольнымъ, внѣ какой бы то ни было обязательной регламентаціи, и если единеніе касается области права, не затрогивая области процесса, регулируемой въ данномъ случаѣ такими жизненными и бытовыми условіями, съ которыми законодательству нельзя не считаться. Это послѣднее требованіе не перестанетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ рознь между городами и селами, между культурнымъ и экономическимъ уровнемъ ихъ населенія,—до тѣхъ, слѣдовательно, мечтаемыхъ поръ, пока не явится «едино стадо и единъ пастырь...»

Сфера, подсудная мѣстной юстиціи, до тѣхъ поръ останется сферою *глубоко и рѣзко* отграниченною отъ сферы, подсудной общимъ судебнымъ установленіямъ, и не по объему только, а и *по существу*, и главнымъ образомъ—по существу. «Мелкія» дѣла, «маловажныя» преступленія (я повторяю лишь условную терминологію, чтобы механически разграничить обѣ подсудныя сферы),—въ сущности дѣла и преступленія самоважнѣйшія: крупные иски рѣдки, еще рѣже тяжкія преступленія, и, уже по одному этому численному различію, легко понять, насколько мѣстная юстиція нужнѣе и вліятельнѣе для народныхъ массъ сравнительно съ общей, вѣдающей исключительныя, единичныя и, поэтому, *соціально* почти безразличныя явленія. Но, помимо этого численнаго превосходства, «маловажныя дѣла» являются самоважнѣйшими и по характеру своего воздѣйствія на первѣйшіе интересы населенія. Эксплуатація фабричнаго труда, закабаленіе сельскихъ рабочихъ, ростовщичество, конокрадство, побои—вотъ безбрежное, бушующее море, ничтожною капелькой въ которомъ является какой-нибудь многомилліонный искъ, или какое-нибудь звѣрское убійство. Морю нуженъ спасательный флотъ, материку—сухопутная стража, и единеніе этихъ двухъ задачъ будетъ дѣломъ явно несбыточнымъ.

Сфера, подсудная мировой юстиціи, кромѣ всего этого, разнообразнѣе, неизмѣримо труднѣе усвоеніемъ и шире сферы, подсудной общимъ судамъ. Она, затѣмъ, требуетъ обстоятельнаго знакомства съ мѣстными условіями, населеніемъ, даже съ отдѣльными личностями; непосредственно вливаясь въ народную жизнь, она взываетъ не столько къ юридическимъ, сколько къ общечеловѣческимъ свойствамъ судьи.

Вотъ почему мировыя судебныя установленія въ первомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года выдѣлены въ обособленную, самостоятельную и самоуправляющуюся группу. Выдѣленіе это составляетъ одно изъ тѣхъ *основныхъ началъ,* за нарушеніе которыхъ приходится теперь такъ дорого расплачиваться. Вопросъ мыслимъ лишь въ порядкѣ назначенія участковыхъ судей. Организація мѣстной судебной власти—дѣло, безспорно, очень трудное. Въ особенности трудно совмѣстить выборную систему назначенія и осѣдлость судьи съ требованіями высшаго образовательнаго ценза. Но нельзя, все-таки, сказать, чтобы трудности эти были неодолимы внѣ какихъ - либо отступленій отъ вышеуказаннаго основного начала; всего же менѣе можно ожидать успѣха въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ объединительныхъ стремленій, о которыхъ было говорено выше.

Членъ окружнаго суда, какъ предсѣдатель мирового уѣзднаго съѣзда участковыхъ судей, — homo novus въ этой коллегіи и навсегда останется для нея такимъ. Предназначенный вѣдать крупные иски и важныя преступленія, незнакомый съ мѣстными условіями, онъ будетъ, однако, импонировать своею принадлежностью къ высшей инстанціи, а пожалуй (по нѣкоторымъ предложеніямъ) и высшимъ классомъ должности. Коллегія, самостоятельность которой по изложеннымъ уже основаніямъ такъ необходима, окажется приниженною формально и морально; появится нежелательный антагонизмъ или еще менѣе желательное подчиненіе; шаблонъ и рутина завладѣютъ практикой новообразованнаго учрежденія, и живой, самостоятельный по идеѣ органъ мѣстнаго правосудія выродится въ подручное отдѣленіе далекаго народу окружнаго суда безъ присущихъ своей метрополіи гарантій.

Окружной судья всегда будетъ взирать съ высоты своего предсѣдательскаго кресла на засѣдающихъ по бокамъ его участковыхъ судей, а они всегда будутъ тяготиться своею зависимостью; если такія отношенія и не выйдутъ наружу, то всегда будутъ чувствоваться, сознаваться и неизбѣжно отражаться на служебномъ дѣлѣ самыми невыгодными для его нормальнаго хода послѣдствіями. Предсѣдателемъ мирового съѣзда можетъ быть только одинъ изъ членовъ его и по общему ихъ выбору. Только при этомъ признанномъ Судебными Уставами условіи можно разсчитывать на то, что коллегіальное присутствіе съѣзда сохранитъ компетентность и однородность своего состава вмѣстѣ съ необходимою ему независимостью и не превратится въ декоративное орудіе единоличной воли и единоличнаго усмотрѣнія. Въ такомъ условіи прежде всего нуждается мѣстный судебный органъ, стоящій близко къ народу и потому болѣе, чѣмъ всякій иной, обязанный считаться съ его свойствами и воззрѣніями. А нашъ народъ всего больше цѣнитъ въ судьѣ *человѣка*, простого, доступнаго и внимательнаго; онъ очень податливъ на добровольныя соглашенія; но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ чрезвычайно чутокъ къ независимости судьи; малѣйшее подозрѣніе, что судья дѣйствуетъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ, уже отнимаетъ въ немъ всякое къ нему довѣріе.

Въ съѣздѣ мировыхъ судей, учрежденномъ Судебными Уставами 20 ноября, единоличный судъ превращался въ коллегіальный, *не утрачивая своей однородности, своей связи съ подсудною территоріей*; каждый участковый судья зналъ, что онъ членъ первой инстанціи для себя и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ второй, апелляціонной инстанціи для сослуживцевъ; это возвышало его и въ собственныхъ глазахъ, и въ сознаніи народа. При этомъ онъ являлся *компетентнымъ* участникомъ въ рѣшеніи апелляціонныхъ вопросовъ, хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ, «свѣдущимъ лицомъ», такъ сказать. Теперь къ этому дѣлу хотятъ приставить двухъ хозяевъ, изъ которыхъ одинъ будетъ пришлымъ, наѣзжимъ и, тѣмъ не менѣе, начальствующимъ; предсѣдатель коллегіи преобразится въ командира, а управленіе ходомъ засѣданія—въ давленіе на суть. Судья долженъ руководиться только закономъ и убѣжденіемъ совѣсти; онъ не можетъ терпѣть надъ собою иного, а тѣмъ болѣе личнаго руководительства, чужой инстанціонной зависимости, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. А потому мировой судъ долженъ быть столько же независимъ и самостоятеленъ, какъ и судъ общій, окружной; онъ долженъ имѣть свою собственную апелляціонную инстанцію, своего собственнаго предсѣдателя, а въ кассаціонномъ порядкѣ подчиняться лишь сенату наравнѣ съ прочими судебными установленіями.

Чему обязанъ былъ упраздненный мировой судъ тѣмъ довѣріемъ населенія, тѣми отзывами въ оффиціальныхъ отчетахъ, которыми была увѣнчана его долголѣтняя дѣятельность? — Единственно своей самостоятельности, своей равноправности съ общими судами, своему самоуправленію и самоконтролю. Несказанно высокое наслажденіе доставляетъ судьѣ твердое и непререкаемое сознаніе, что единственными его руководителями и начальниками являются законъ и собственная совѣсть; это сознаніе ежедневно, ежечасно исполняетъ отрадою его тяжкій трудъ, подпимаетъ его нравственно и творитъ въ немъ, *внутри его*, отвѣтственную гарантію, несравненно могущественнѣйшую, нежели та, о которой заботится внѣшняя, бюрократическая субординація, пригодная лишь въ администраціи.

Вышеуказанныя характерныя особенности подвѣдомыхъ мѣстной юстиціи дѣлъ обусловливаютъ собою и особыя процессуальныя требованія для ихъ разрѣшенія какъ въ первой, такъ и во второй инстанціи. Торжественная обстановка судоговоренія, столь разумная и умѣстная въ окружныхъ судахъ, для мировыхъ судебныхъ установленій неизбѣжно будетъ отзываться напускною чопорностью, чѣмъ-то театральнымъ. И это вполнѣ естественно: передъ трибуналомъ общихъ судовъ фигурируютъ невѣдомыя имъ лица—«потерпѣвшій», «обвиняемый», «свидѣтели» и т. п. *роли* (emplois); въ мировомъ судѣ—все это *живыя*, давно знакомыя *лица*, съ собственными, а не нарицательными именами и физіономіями. Мировой судья можетъ обращаться къ нимъ то съ совѣтомъ, то съ упрекомъ, то съ ободряющимъ, а подчасъ и съ острымъ словцомъ; все это ничуть не коробитъ его судебнаго авторитета,—напротивъ, очень нравится и сторонамъ, и публикѣ. Наиболѣе вліятельными и излюбленными судьями, какъ въ столицахъ,

такъ и въ уѣздахъ, были именно тѣ, которые поступались чопорностью ритуала ради общечеловѣческихъ обиходныхъ отношеній между судящимъ и судимыми.

Все это вполнѣ умѣстно и естественно въ силу того *коренного* различія между объектами мировой и общесудебной юрисдикціи, на которое было указано выше: передъ первой дефилируетъ весь народъ въ своемъ бытовомъ, своеобразномъ, пестромъ правовомъ обликѣ, передъ второю — только особи, движущіяся преимущественно въ крупныхъ, шаблонныхъ очертаніяхъ.

Это коренное, самою жизнью поставленное различіе обусловливаетъ собою и такое же различіе въ системѣ назначенія личнаго состава обоихъ судостроительныхъ типовъ, также сознанное и принятое Судебными Уставами 20 ноября, опредѣлившими выборное назначеніе для мировыхъ учрежденій и назначеніе отъ правительства для членовъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Въ свое время было заявлено не мало протестовъ по поводу выборнаго начала; протестовалъ, между прочимъ, и пишущій эти строки. Но время это давно прошло, и съ тѣхъ поръ многое успѣло измѣниться. Современное земство далеко не то, какимъ было прежде, лѣтъ 10—12 тому назадъ. Единодушныя ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, заботы о развитіи народнаго просвѣщенія и стойкая охрана своихъ полномочій ярко и убѣдительно свидѣтельствуютъ о совершившемся оздоровленіи прежней избирательной среды. Печальныя явленія, часто знаменовавшія во время оно порядокъ избранія мировыхъ судей, врядъ ли будутъ возможными теперь. Повысился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умственный уровень избирателей-крестьянъ, благодаря вышеупомянутымъ стараніямъ мѣстныхъ земствъ, и теперь врядъ ли съ прежнимъ успѣхомъ можно будетъ устраивать послушныя и соблазнимыя избирательныя группы—безгласныя орудія въ рукахъ властвующаго меньшинства. Наконецъ, всѣ уже слои мѣстнаго населенія выучились многому новому, пройдя сквозь суровое «горнило опыта», открытое дѣятельностью судебно-административныхъ органовъ съ 1889 года.

Затѣмъ, еслибъ подобныя утвержденія показались слишкомъ оптимистичными, возможно выборную систему назначенія мѣстныхъ участковыхъ судей организовать на иныхъ началахъ, не пріурочивая ее къ вѣдомству земскихъ собраній, въ которыхъ малочисленность избирательной группы (по закону достаточно было 12 гласныхъ) давала возможность легко орудовать ею немногимъ поборникамъ партійнаго интереса и не представляла собою общей воли всего населенія, подсуднаго избираемому.

Мировой судья долженъ избираться на *специально созываемомъ для того* всесословномъ съѣздѣ и, притомъ, избирателями даннаго *мирового участка,* а не всего *уѣзда,* какъ было прежде. Этимъ порядкомъ устранится всякая возможность образованія въ средѣ немногочисленнаго земскаго собранія главенствующей партіи, благополучно прошмыгивающей изъ трехлѣтія въ трехлѣтіе и заправляющей всѣми дѣлами уѣзда. Избираемый такимъ порядкомъ судья не будетъ знать, кому изъ своихъ избирателей

обязанъ онъ своимъ мѣстомъ; для сохраненія его ему не будетъ предстоять ни малѣйшей надобности мирволить властвующей партіи въ ущербъ остальному населенію; онъ будетъ чувствовать свою независимость, служить дѣлу, а не лицамъ, и прежнимъ злоупотребленіямъ выборнымъ правомъ уже не найдется мѣста.

Равнымъ образомъ можетъ быть обойдено и другое неудобство выборнаго назначенія—трудность найти въ мѣстной средѣ кандидатовъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

На первое трехлѣтіе участковые судьи будутъ, положимъ, назначены отъ правительства изъ лицъ, обладающихъ этимъ образовательнымъ цензомъ. Ко второму трехлѣтію они станутъ уже мѣстными обывателями, знакомыми съ мѣстными условіями своего участка и, обладая высшимъ юридическимъ образованіемъ, совмѣстятъ въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ должности. На второе трехлѣтіе они должны подвергнуться избранію вышеуказаннымъ порядкомъ; прослужившіе по выбору два трехлѣтія могутъ быть избираемы на 6 лѣтъ, чѣмъ устранится опасеніе въ недостаткѣ желающихъ занять должность съ краткими избирательными сроками. На случай невозможности избрать потребное число судей долженъ быть всегда на-лицо резервный фондъ, комплектуемый двумя путями: 1) указаніями избирательному собранію за три мѣсяца до выборовъ министерскихъ кандидатовъ по постоянно ведомымъ спискамъ и 2) предоставленіемъ каждому мѣстному обывателю права держать въ испытательной коммиссіи государственный экзаменъ на должность участковаго судьи по сокращенной программѣ университетскаго курса.

При выше изложенныхъ условіяхъ трудность комплектованія мирового института избирательнымъ порядкомъ и юристами значительно утрачиваетъ свое прежнее значеніе, и наличная дѣйствительность такъ или иначе—путемъ ли избранія въ земскихъ собраніяхъ, путемъ ли спеціальнаго всесословнаго выбора—очень убѣдительно высказывается за предпочтеніе избирательной системы назначенію отъ короны.

То же коренное различіе, которое органически существуя между сферами юрисдикцій—мѣстной, мировой и общесудебной, обусловливаетъ собою однородность состава первой и второй инстанціи и требуетъ особой системы назначенія участковыхъ судей,—то же различіе опредѣляетъ и порядокъ обжалованія ихъ дѣйствій и рѣшеній. Безразличное въ кассаціонной инстанціи, вѣдающей всеобщіе вопросы права, а не факты, оно рѣзко выступаетъ въ инстанціи апелляціонной, имѣющей дѣло съ существомъ и *немыслимой внѣ тождественнаго съ первой инстанціей критерія* въ оцѣнкѣ бытовой и психической обстановки обсуждаемаго событія.

Критерій этотъ у мирового судьи шире, жизненнѣе, эластичнѣе, въ окружномъ судѣ—уже, формальнѣе, неподвижнѣе—таковъ профессіональный результатъ ихъ разнородной практики. Отсюда понятно, что одно и то же дѣло въ двухъ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего разсмотрѣнія будетъ трактоваться и цѣниться въ каждой на свой собственный ладъ; въ итогѣ

получится не пересмотръ рѣшенія въ апелляціонномъ порядкѣ, а два рѣшенія одного и того же дѣла, то совпадающія, то расходящіяся и одинаково требующія апелляціонной провѣрки, которой въ сущности, при раздвоенномъ критеріи, и быть не можетъ,—она пройдетъ, такъ сказать, мимо, не коснувшись ни факта, ни оцѣнки, ни жалобы, не *провѣритъ* перваго рѣшенія, но лишь *измѣнитъ* его по формѣ, а не по внутренней правдѣ, съ какою бы добросовѣстностью послѣдняя ни отыскивалась апелляціоннымъ судомъ. Повторится, однимъ словомъ, то общеизвѣстное безвыходное положеніе, какое такъ затрудняетъ теперь уѣздные съѣзды при апелляціонномъ разбирательствѣ дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами, или жалобъ на приговоры волостного и сельскаго схода,—дѣлъ и жалобъ, рѣшаемыхъ поэтому, «какъ Богъ на душу положитъ», съ мотивами неизвѣстными самимъ рѣшающимъ.

Помимо всего этого, съ учрежденіемъ апелляціонной инстанціи въ окружномъ судѣ,—слѣдовательно, въ губернскомъ (за весьма немногими исключеніями) городѣ,—пользованіе ею окажется доступнымъ только для лицъ состоятельныхъ, имѣющихъ деньги на проѣздъ и проживаніе въ губернскомъ городѣ и время для продолжительной отлучки.

Не менѣе затруднительнымъ, а зачастую и невозможнымъ, окажется доступъ и къ первой инстанціи, если проектъ о совмѣщеніи судебной и слѣдственной функцій въ одномъ лицѣ мирового судьи получитъ свое осуществленіе. На капитальныя неудобства такого совмѣщенія уже не разъ указывалось и въ общей и въ юридической печати; неудобства эти кромѣ того достаточно выяснены и практикою Кавказа, не имѣющаго, благодаря имъ, ни судей, ни слѣдователей. Будетъ, поэтому, излишнимъ останавливаться на этомъ предметѣ въ настоящей статьѣ. Столь же излишними окажутся и возраженія противъ проектированнаго сохраненія на-ряду съ мировыми судьями и земскихъ начальниковъ съ сокращенною лишь юрисдикціей, о чемъ говорено было еще больше, а вопіющія указанія практики должны были бы, казалось, рѣшить вопросъ безповоротно. Объ этихъ двухъ проектахъ мы упоминаемъ здѣсь лишь «для полноты картины», рисующей передъ нами уже не детальный «пересмотръ» существующихъ законоположеній, а совершенно самобытное творчество, не имѣющее ничего общаго съ основными началами судоустройства, завѣщанными величайшимъ памятникомъ отечественнаго законодательства,—Судебными Уставами Императора Александра II.

П. Обнинскій.

Европа и Турція въ армянскомъ вопросѣ *).

Труднѣйшіе вопросы политики утрачиваютъ свой острый и загадочный характеръ, какъ скоро съ ясностью установлены цѣли и стремленія заинтересованныхъ сторонъ. Чего болѣе всего должна бы домогаться Россія въ случаѣ распаденія Турціи, и что болѣе всего отвѣчало бы нашимъ интересамъ? Едва ли можно утверждать, что обладаніе восточною Анатоліей должно составить цѣль нашихъ національныхъ стремленій. Въ этомъ случаѣ ни одна европейская держава, не исключая самой Англіи, не подумала бы поставить малѣйшую преграду къ такому пріобрѣтенію. Вѣрно разсуждаютъ тѣ, кто усматриваетъ даже въ англійской дипломатіи сокровенное побужденіе направить русскую оккупацію въ эти мѣстности и ограничить ея участіе въ богатомъ наслѣдствѣ полудикими горными пространствами Арменіи съ бродячими по ней разбойничьими шайками курдовъ и черкесъ. Но достигается ли черезъ то высокая историческая задача славянской державы? Прибавляется ли черезъ это хоть что-либо къ политическому могуществу Русской имперіи и какое преимущество обезпечивается за нею сравнительно съ тѣми выгодами, какія перепадутъ ея европейскимъ соперницамъ? Россія менѣе всего нуждается въ полуразоренныхъ мѣстностяхъ, требующихъ долговременной культуры. И безъ этихъ горныхъ кряжей и ущелій достаточно богаты мы стратегическими пунктами и неприступными твердынями. Обладаніе ими, сверхъ Закавказья, можетъ явиться скорѣе ослабленіемъ, нежели укрѣпленіемъ нашего географическаго и политическаго положенія.

Существенные интересы Россіи въ передней Азіи опредѣляются явственно сами собой, не подлежатъ никакому сомнѣнію: свободный и обезпеченный выходъ изъ Чернаго моря слѣдуетъ признать какъ неотъемлемое достояніе наше. Съ другой стороны, если ходъ историческихъ событій будетъ призывать насъ къ Южному океану, то кратчайшій доступъ къ нему открываютъ не горные кряжи Арменіи. Знаменитое междурѣчье Тигра и Эфрата и прилегающія къ Тигру восточныя земли—вотъ наиболѣе отвѣчающій на-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

шимъ цѣлямъ путь движенія къ Южному океану. Слѣдовательно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ часть турецкихъ владѣній, именуемая Арменіею, не можетъ явиться для Россіи приманкою. Препятствіемъ могла бы сдѣлаться только Турція, которая искорененіемъ христіанскихъ подданныхъ въ Малой Азіи готовитъ себѣ полное господство и новое могущество, и будетъ въ дальнѣйшей своей политикѣ руководствоваться, конечно, не чувствомъ признательности къ Россіи за оказываемую ей въ настоящее время поддержку, а скорѣе чувствомъ мести за громадныя прежде понесенныя утраты, да личными выгодами, толкающими ее всегда въ рѣшительныя минуты въ лагерь противниковъ Россіи.

Что армянская автономія не можетъ противорѣчить здраво понятымъ интересамъ русскимъ, свидѣтельствуется уже и политикою нашего правительства послѣ побѣдоносной войны нашей при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора. Извѣстная статья этого договора, касающаяся турецкихъ армянъ, сулившая имъ освобожденіе, преисполнила ихъ глубокою благодарностью Русскому Монарху. Благодаря только иниціативѣ Россіи, не забыта была такимъ образомъ и армянская народность въ числѣ христіанскихъ племенъ, за которыхъ былъ поднятъ ею побѣдоносный мечъ. Ареопагъ европейскихъ дипломатовъ на берлинскомъ конгрессѣ долженъ былъ усвоить человѣколюбивую мысль гуманнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ, который предусматривалъ, что съ уходомъ изъ предѣловъ Турціи грозной арміи беззащитное армянское населеніе, показавшее русскимъ воинамъ столько искренняго сочувствія и посильной помощи, сдѣлается жертвой мести безпощаднаго властелина. Но злополучный Берлинскій трактатъ, принесшій самой Россіи такъ мало радости, сдѣлался для армянъ не освободительною эрой, но началомъ ихъ систематическаго гоненія, а потомъ и избіенія. Получившая печальную славу 61 статья не только превратилась въ мертвую букву, но въ настоящій моментъ стала насмѣшкой и укоромъ для всей Европы.

Въ петиціи, поданной конгрессу отъ имени константинопольскаго патріарха, указывались съ достаточною опредѣленностью тѣ области, гдѣ армянскій элементъ имѣлъ несомнѣнное преобладаніе и гдѣ могли бы безъ ущерба для кого-нибудь, не исключая самой Турціи установиться миръ и безопасность, зацвѣсти культура, если бы только Порта возымѣла намѣреніе честно выполнить свои обязательства или еслибъ европейскій концертъ оказался вѣрнымъ охранителемъ своихъ собственныхъ постановленій. Границы этой территоріи еще и теперь не утратили своего значенія, хотя фанатическое правительство въ теченіе истекшихъ двадцати лѣтъ старательно перемѣщало обитателей, нагоняло магометанъ туда, гдѣ ихъ было мало или не было вовсе, обращало насильственно въ исламъ христіанскихъ подданныхъ, выживало ихъ путемъ крови и насилій, разоряло исконныя ихъ мѣста жительства. Въ проектѣ органическаго устройства турецкой Арменіи, приложенномъ къ петиціи армянскаго патріарха, указывались слѣдующія земли, долженствовавшія составить армянскую территорію: вилайеты Эрзерумскій и Ванскій, сѣверная часть Діарбекирскаго, то-есть Хартумъ съ западною границей по Эф-

рату, санджакъ Аргана и сѣверная часть санджака Сегертъ съ выходомъ къ Черному морю при гавани Ризэ, между Трапезундомъ и Батумомъ. Но Россія, какъ справедливо замѣчаетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ извѣстная наша соотечественница О. К., столь близко знакомая со всѣми извилинами англійской политики, явилась разрушительницею на конгресс этого плана, имѣвшаго цѣлью предупредить тѣ ужасы и обильное пролитіе крови, которыхъ безучастными свидѣтелями является Европа въ настоящее время. Бѣдствія эти всею тяжестью лежатъ на совѣсти радѣтелей объ эфемерной цѣлости Османской державы. Только нынѣ, черезъ два десятилѣтія, принуждены они сознать свое безсиліе остановить естественный ходъ событій, должны видѣть, какъ одна изъ христіанскихъ народностей, просуществовавшая тысячелѣтія, отдана на поголовное избіеніе врагу, для котораго пролитіе христіанской крови есть заслуга передъ Богомъ и открываетъ путь къ вѣчному блаженству въ загробной жизни.

По несчастію для армянъ, усилившееся соперничество двухъ величайшихъ державъ міра, Россіи и Англіи, рѣзко измѣнило наше отношеніе къ армянскому вопросу. Запоздалое, шумное, но бездѣятельное заступничество англичанъ, возвѣщенное съ прошлаго года англійскимъ правительствомъ и всею страною, возбудило въ Европѣ подозрѣніе не одной Россіи,—и послѣдняя отступилась отъ воззрѣній севастопольскаго договора.

Если такимъ образомъ въ результатѣ всего вышеизложеннаго должно явиться убѣжденіе, что автономія турецкой Арменіи ни мало не противорѣчитъ политическимъ видамъ и интересамъ Россіи, то посмотримъ, не можетъ ли она въ самомъ дѣлѣ повлечь за собою немедленное распаденіе Турецкой имперіи, не можетъ ли затѣмъ вызвать кровавое столкновеніе соперничествующихъ державъ. Это столкновеніе—словно страшный призракъ носится надъ политическимъ горизонтомъ Европы, а расшатанность Турціи открываетъ поле ко многоразличнымъ притязаніямъ внутри самой страны, не говоря о любостяжаніяхъ европейскихъ державъ. Поэтому, исходя именно съ точки зрѣнія сохраненія всеобщаго мира, является безусловною необходимостью успокоенія страдальческаго населенія Арменіи дарованіе ей надежныхъ гарантій для дальнѣйшаго безопаснаго существованія. Затянувшіяся здѣсь смуты, разжигая народныя страсти повсемѣстно, отнимаютъ всякую надежду на мирный исходъ турецкихъ безпорядковъ. Безнаказанное истребленіе христіанъ, опустошеніе обширныхъ земель даютъ пищу и толчокъ къ броженію во всѣхъ углахъ разслабленнаго государства. Мы и видимъ, что пожаръ уже охватилъ всѣ части разлагающагося организма, а вмѣшательство Европы, не принося ни малѣйшей пользы угнетеннымъ, встрѣчаетъ лишь ироническій отпоръ султана и его ловкихъ сотрудниковъ. Тѣмъ рѣшительнѣе и увѣреннѣе ведутъ они свое разрушительное дѣло, чѣмъ яснѣе и крѣпче убѣждаются въ безсиліи взаимнопротиводѣйствующихъ европейскихъ державъ, сотый разъ обращающихся къ Портѣ черезъ своихъ представителей съ дружественными совѣтами. Однако природа вещей сильнѣе человѣческихъ соображеній, и какую бы дикую

энергію ни обнаруживали турецкіе воители противъ своихъ повсемѣстныхъ инсургентовъ и мирнаго, но сочувствующаго возстанію населенія, турецкому владычеству въ концѣ-концовъ предстоитъ неизбѣжная альтернатива—либо погибнуть безслѣдно, либо даровать своимъ христіанскимъ подданнымъ ту или другую форму автономнаго устройства и, удерживая надъ ними верховную власть, продлить еще на долгіе годы свое политическое существованіе. Другой исходъ невозможенъ уже потому, что сліяніе мусульманскихъ и христіанскихъ обитателей въ общую единую народность, приблизительная ихъ ассимиляція находится въ рѣзкомъ внутреннемъ противорѣчіи какъ основнымъ началамъ ислама, такъ и христіанскихъ вѣрованій. Существованіе автономіи Ливана съ 60-хъ гг. нашего столѣтія не нанесло ни малѣйшаго ущерба могуществу Оттоманской Порты. Даже образованіе на Балканскомъ полуостровѣ маленькихъ самостоятельныхъ государствъ, подъ турецкимъ главенствомъ, мало уронило престижъ власти повелителя правовѣрныхъ. Почему же автономная Арменія, при вышеотмѣченной незначительной территоріи, лишенная всякихъ политическихъ тенденцій, не тяготѣющая какъ Критъ или Македонія къ какой-либо метрополіи и легко могущая примириться съ верховною властью султана, какъ скоро обезпечены ея самоуправленіе и неприкосновенность,—почему, спрашиваемъ, такая автономная территорія можетъ расшатать или опрокинуть все еще обширное зданіе мусульманской имперіи? Громадныя пространства Малоазіатскаго полуострова, Сиріи, Аравіи являются слишкомъ непропорціонально великими для немногочисленнаго кореннаго магометанскаго населенія, съ каждымъ поколѣніемъ притомъ уменьшающагося въ числѣ. Привольно и широко можетъ оно размѣститься въ этихъ предѣлахъ, даже съ болѣе осязательною пользою для себя самого и для общихъ интересовъ азіатскаго материка. Только тогда утратитъ магометанская Турція своеобразный и неприглядный характеръ постояннаго военнаго лагеря. Еслибы сознаніе общаго блага разноплеменныхъ подданныхъ своихъ, о чемъ многорѣчиво и величаво возвѣщалось не разъ въ султанскихъ хатти-шерифахъ и хатти-гумайюнахъ, могло когда-нибудь дѣйствительно сдѣлаться руководящимъ правиломъ турецкихъ повелителей, то не имѣли бы мѣста злоупотребленіе мечомъ и кровавое гоненіе христіанъ съ цѣлью дать просторъ безжизненному мусульманскому элементу. Автономія армянскихъ областей ни въ какомъ отношеніи не можетъ вызвать обезсиленія Турціи; но, являясь однимъ изъ залоговъ успокоенія всей азіатской имперіи султана, будетъ скорѣе содѣйствовать ея укрѣпленію. При недостаткѣ, къ сожалѣнію, здравой государственной политики въ турецкомъ правительствѣ, при отсутствіи въ немъ всякихъ примирительныхъ стремленій въ отношеніяхъ съ христіанскою райею, при возгорѣвшемъ съ новою силою мусульманскомъ фанатизмѣ, армянскій вопросъ можетъ ожидать своего рѣшенія только отъ вмѣшательства европейскихъ державъ, но вмѣшательства твердаго, искренняго, солидарнаго. Возможно ли это?

VI.

Надо съ горечью въ сердцѣ сознаться, что политическое созвѣздіе Европы слагается въ настоящее время не въ пользу благополучнаго рѣшенія этого вопроса. Всѣ сферы, могущія руководить этимъ рѣшеніемъ, сурово отрекаются отъ него. Дипломаты съ невозмутимымъ спокойствіемъ считаютъ вопросъ малозначущимъ; сильныя правительства устремили сочувственный взоръ на Турцію; націи глухи и безучастны къ воплямъ и стонамъ гибнущихъ въ ней жертвъ; религіозный пылъ магометанства ожилъ и усилился въ такой же мѣрѣ какъ христіанская мораль и чувство братолюбія ослабѣли среди европейскихъ обществъ; своекорыстная политика и національное властолюбіе сдѣлались господствующими чертами современнаго человѣчества. Такимъ образомъ значительное большинство власть имущихъ людей, движимыхъ практическою мудростью или прикрываясь мотивами высшаго порядка, твердитъ въ одинъ голосъ слѣдующее: «армяне повинны сами въ своихъ бѣдствіяхъ, они навлекли на себя гнѣвъ законнаго правительства и должны нести послѣдствія своего неразумія». Никому нѣтъ дѣла до неопровержимыхъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ оффиціальными агентами самихъ европейскихъ правительствъ *), желавшихъ узнать правду, прежде чѣмъ начать рѣшительныя дѣйствія. Никого не смущаетъ, наконецъ, естественная и самая простая мысль: отчего эти самые зловредные и бунтливые армяне, въ немаломъ числѣ состоящіе въ подданствѣ Персіи, не питаютъ ни малѣйшей вражды или духа неповиновенія къ такому же мусульманскому правителю, каковъ султанъ турецкій? Почему никакая иностранная или своя собственная агитація не находитъ здѣсь никакой пищи? Почему также армяне—подданные Русскаго Царя, какъ ни клевещутъ на нихъ наши туркофилы, какъ ни хотятъ армяноненавистники уронить ихъ въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ правительства, невзирая также на вышеуказанныя неблагопріятныя обстоятельства, одушевлены къ Россіи непоколебимою преданностію. Есть же, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь органическій недугъ въ турецкомъ режимѣ, отъ котораго такъ охотно, постепенно, періодически отпадаютъ то та, то другая христіанская народность, подвластная султанамъ? Почему вмѣнять армянамъ въ преступленіе, что они предъявляютъ такъ же, какъ и другіе, право на существованіе, ищутъ безопасности и неприкосновенности для своихъ дѣтей, женъ и добытаго трудомъ достоянія? За что же винить ихъ, если они, усматривая неизбѣжную свою погибель, все равно, будутъ ли покорны султану или возстанутъ противъ него, предпочитаютъ умирать съ оружіемъ въ рукахъ, нежели оставаться безучастными очевидцами избіенія и истребленія всего, что человѣку на землѣ дорого и священно? Въ безысходномъ своемъ положеніи они тщетно озираются кругомъ, взывая о

*) См. *Martyrologe Arménien*. Tableau official des massacres d'Arménie par le P. F. Charmetrut.

помощи. Нѣтъ у нихъ надежныхъ покровителей, какіе оказались въ свое время у грековъ, ливанцевъ, румынъ, сербовъ и болгаръ. Впрочемъ, ошибаемся: у армянъ также нашлись покровители, но какъ бы для того, чтобы привнести элементъ комизма въ ихъ трагическое положеніе. Это—покровители платоническаго направленія. Газеты сообщаютъ, что Америка и папа римскій несомнѣнно сочувствуютъ армянамъ. Но правительство Соединенныхъ Штатовъ, глубоко соболѣзнуя объ ихъ участи, выражаетъ сожалѣніе, что ничего не можетъ предпринять въ пользу ихъ по принципу невмѣшательства въ европейскія дѣла. Папа Левъ XIII готовитъ уже дружеское посланіе султану, благоразумно совѣтуя облегчить положеніе армянъ, и нѣтъ сомнѣнія, что глава ислама не замедлитъ столь же дружественно успокоить главу католической церкви, что въ своей безграничной благости онъ уже озаботился объ участи своихъ христіанскихъ подданныхъ.

Итакъ, рокъ судилъ армянамъ отъ начала ихъ исторической жизни по настоящій день проходить черезъ всѣ испытанія и невзгоды, но при этомъ стойко сохранить свою народную самобытность, свою духовную физіономію и отличительныя черты. Удастся ли имъ и на этотъ разъ, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ, отстоять свою національность, или предопредѣлено ей погибнуть въ концѣ XIX столѣтія, на глазахъ просвѣщенной Европы, философски трактующей о высокихъ принципахъ человѣчности, но не исполняющей самыхъ элементарныхъ нравственныхъ требованій,—это будетъ лежать исключительно на совѣсти современной дипломатіи.

Ясно до очевидности, что европейская дипломатія, руководящая міровыми вопросами, болѣетъ не менѣе Блистательной Порты нравственнымъ недугомъ, проистекающимъ отъ глубокаго, затаеннаго, взаимнаго соперничества державъ. Нѣтъ почти ни одной категоріи вопросовъ по отношенію къ Турціи, на который могъ бы согласиться европейскій концертъ. При отсутствіи солидарности вся Европа безсильна принять такое положеніе, которое своей силою и значеніемъ равнялось бы одному властному слову, раздавшемуся двадцать лѣтъ тому назадъ съ высоты русскаго престола, чтобъ остановить кровопролитіе и спасти славянскія племена отъ истребительнаго меча враговъ христіанства. Но это отсутствіе единодушія всей Европы съ успѣхомъ замѣнилось въ настоящее время,—какъ увѣряетъ французская оффиціозная печать,—совмѣстнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ державъ по разнымъ возникающимъ спорнымъ вопросамъ. Теперь дѣйствуетъ consortium державъ, увѣряетъ газета *Le Temps* *). Такъ въ китайскомъ вопросѣ совмѣстно выступили Франція, Россія и Германія; въ армянскомъ—Россія, Англія, Франція; въ критскомъ—Франція, Россія, Австро-Венгрія. Указывая на это новое многознаменательное явленіе европейской политики, вышеназванная газета, одна изъ наиболѣе распространенныхъ, приписываетъ не безъ самодовольствія его инициативу французскому правительству и доставляетъ себѣ слабое утѣшеніе въ эпоху утраты того вѣса

*) См. № 12813, 29 іюля 1896 г

и вліянія, которыми дѣйствительно обладала эта рыцарская страна до постигшихъ ее несчастій.

Неопровержимъ лишь одинъ фактъ: въ настоящее время не можетъ состояться ни одного рѣшенія по дѣламъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи безъ активнаго участія Россіи.

Роль остальныхъ европейскихъ государствъ опредѣлилась съ достаточною ясностью. Члены тройственнаго союза умышленно и старательно чуждаются всего, что имѣетъ отношеніе къ событіямъ Арменіи и Малой Азіи, дѣлая видъ, что надо признавать за ними значеніе только мѣстное, а не общеевропейское. Тѣмъ не менѣе они являются весьма зоркими, хотя безучастными, наблюдателями всего совершающагося тамъ.

Извѣстный афоризмъ Бисмарка грубо, но мѣтко илюстрируетъ политику и образъ дѣйствій Германіи въ армянскомъ вопросѣ: «Германія не пожертвуетъ костьми и одного померанскаго солдата за весь болгарскій вопросъ». Судьбу же армянской народности она, конечно, цѣнитъ еще дешевле. Борьба за общечеловѣческіе принципы, заступничество за слабыхъ и угнетенныхъ во всѣ времена считалось въ глазахъ практическаго германскаго племени безплодною сантиментальностью,—въ настоящее же время менѣе чѣмъ когда-нибудь такія дѣйствія отвѣчаютъ цѣлямъ и видамъ Германіи или Австро-Венгріи. Для послѣдней является уже необычнымъ и тотъ шагъ, который она допустила, давъ разрѣшеніе почтенному главѣ армянскаго братства мхитаристовъ въ Вѣнѣ открыть публичный сборъ пожертвованій въ пользу турецкихъ армянъ, умирающихъ отъ голода и турко-курдскихъ хищничествъ. Но и этотъ актъ человѣколюбія никакъ нельзя признать продуктомъ австрійской политики: онъ проистекаетъ отъ личной воли маститаго монарха, извѣстнаго всему міру высокими качествами своей души. Руководящимъ началомъ для обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ служитъ ревнивое оберeганіе собственныхъ интересовъ и властолюбивыхъ стремленій.

Ни одна европейская держава не испытываетъ, можетъ быть, столь жгучей боли въ виду совершающихся событій, какъ Франція. У нея на Востокѣ есть своя традиціонная вѣковая политика; съ Востокомъ связаны многія воспоминанія ея славы и величія, успѣховъ и господства. Всякій разъ, какъ колесо событій выдвигало на первый планъ вопросъ о восточныхъ христіанахъ, голосъ Франціи раздавался громче и авторитетнѣе, дѣйствія ея были рѣшительнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ державъ. Какъ народный характеръ, всегда отзывчивый къ страданіямъ угнетенныхъ, такъ и мотивы законнаго славолюбія великой націи, двигали ее впередъ, и она горделиво, отважно выступала, чтобы возстановить нарушенное право, защитить слабаго, дать торжество цѣлямъ прогресса и цивилизаціи. Еще и теперь, скованная въ своихъ движеніяхъ роковою силою событій, рвется она изрѣдка оживлять въ своей памяти дни служенія великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ и устами передовыхъ людей своихъ вѣщаетъ во всеуслышаніе, что Франціи слѣдуетъ стремиться туда, гдѣ дѣло

идетъ о великодушныхъ идеяхъ и полезныхъ для человѣчества планахъ. Но это минувшее величіе рыцарской націи разбивается нынѣ о суровую дѣйствительность, созданную рукою желѣзнаго канцлера. Она обречена на вынужденную сдержанность, на осмотрительное и робкое вмѣшательство въ дѣла внѣшней политики. Успѣвъ счастливо заручиться отъ новыхъ ударовъ судьбы франко-русскимъ союзомъ, она и не можетъ, еслибъ желала, ступить на тотъ путь, которымъ шествовала многіе вѣка, во дни своего политическаго преобладанія. Теперешняя пассивная роль великой страны хорошо сознается лучшими изъ ея собственныхъ государственныхъ людей, и вѣрно замѣчаетъ герцогъ Брольи, что «несчастія отнимаютъ у націи вмѣстѣ съ возможностью и *право* быть великодушнымъ» *). Но, болѣя сердцемъ и припоминая славное минувшее, онъ тутъ же прибавляетъ: «судьба христіанъ на Востокѣ—это наше старинное и трогательное достояніе. Нельзя требовать, чтобы мы отъ него отреклись». Усматривая, однако, теперешнее безсиліе своего отечества къ выполненію этой высокой миссіи, умудренный опытомъ государственный человѣкъ красноречиво, но меланхолически изливаетъ свои сѣтованія въ такихъ выраженіяхъ: «нравственный прогрессъ коснулся лишь поверхности общественныхъ слоевъ современнаго человѣчества, не проникнувъ въ самую глубь, и событія часто доказываютъ, что нація, какъ и отдѣльный человѣкъ, это—пылинка, гонимая порывистымъ вѣтромъ силы и фортуны».

Такимъ образомъ, по сознанію самихъ французовъ, не отъ Франціи можно ожидать руководящей и рѣшительной политики въ дѣлѣ умиротворенія Анатоліи. Не ей произнести вѣское слово въ пользу измученныхъ армянъ. Не ей добыть для растерзанныхъ армянскихъ областей самоуправленіе и спокойствіе. Но, вѣрная своимъ историческимъ преданіямъ, эта человѣколюбивая и рыцарственная держава будетъ всегда находиться въ томъ лагерѣ, гдѣ правда и справедливость найдутъ себѣ мощныхъ защитниковъ.

Съ самаго начала армянскихъ смутъ ни одна изъ европейскихъ державъ не заговорила о насиліяхъ турокъ надъ армянами такъ рѣшительно и громко, какъ Англія. Къ ея голосу привыкли всегда прислушиваться съ большимъ вниманіемъ какъ ея противники, такъ и сторонники; но англійская политика обыкновенно возбуждаетъ подозрительность всѣхъ, слыветъ эгоистическою, внушаетъ недовѣріе. Эпитетъ коварнаго Альбіона безпрерывно слышится изъ устъ какъ тѣхъ, кому приходилось вникать въ ходъ ея могучей исторической дѣятельности, такъ и тѣхъ, кто имѣетъ поверхностное сужденіе о событіяхъ ея исторіи. Едва ли можетъ, однако, кто-нибудь объяснить, почему англійская политика по преимуществу ославлена *эгоистическою*. Если подъ эгоизмомъ разумѣть чуткое обереганіе собственныхъ интересовъ, то въ этомъ грѣхѣ повинны всѣ государства. Вѣрно замѣчаютъ иные изъ французскихъ публицистовъ, дѣлая характеристику

---

*) См. *Revue des Deux Mondes*, 1 juillet 1896.

англійскаго народа: въ основныхъ своихъ чертахъ онъ неуловимъ и необъяснимъ; онъ не поддается общепринятымъ формуламъ опредѣленія, не подходитъ подъ обычныя тѣсныя классификаціи. Онъ совмѣщаетъ въ себѣ самыя противурѣчивыя свойства: практиченъ и склоненъ къ реализму, но въ то же время идеалистъ и доступенъ увлеченію. Онъ своекорыстенъ, но онъ же великодушенъ и щедръ. Всего же поразительнѣе умѣнье его государственныхъ людей соединять самыя возвышенныя и безкорыстныя стремленія съ традиціонною своею національною политикою.

Нужно сверхъ того замѣтить, что на почвѣ европейской политики выросла та особая наука, которую величаютъ дипломатіею. Она обладаетъ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ, выработала не только особые пріемы и искусство, но и свои спеціальныя представленія о многихъ явленіяхъ нравственнаго порядка. Она не обинуясь называетъ похвальными такія движенія души и такія дѣйствія, которыя въ человѣческомъ обиходѣ получаютъ противуположную оцѣнку. Для нея не существуетъ общечеловѣческихъ интересовъ; она не признаетъ участія къ другимъ безъ личныхъ мотивовъ; отвергаетъ чувство признательности за оказанныя услуги. Все это клеймится ею нелестнымъ наименованіемъ сантиментальности. У ней имѣется свой отдѣльный кодексъ нравственныхъ правилъ и мудрыхъ сентенцій, свой языкъ, своя терминологія, свой лексиконъ. Она учитъ дѣйствіямъ вродѣ слѣдующихъ: бери себѣ все что хорошо и выгодно, оставляй другимъ тебѣ не нужное; создавай свою силу на уничиженіи другихъ; не упускай минуты, когда можешь занести ударъ на другого и поразить его на смерть, и т. д. Вотъ въ сферѣ какихъ понятій вращается и изощряется современная дипломатія. Можно ли винить Англію за то, что она не хуже другихъ изучила эту полезную науку, а частое въ ней упражненіе доставляетъ ей и пальму первенства въ Европѣ?

Другое обвиненіе, взводимое на Англію, не менѣе тяжкаго свойства: она любитъ захваты и не разборчива на средства. Всемірная исторія представляетъ не одинъ примѣръ колоссальнаго развитія политическаго могущества. Когда языческій Римъ путемъ безпрерывныхъ войнъ покоряетъ народы и страны, когда магометанскій повелитель истребительнымъ мечомъ вторгается въ чужія владѣнія, когда Наполеонъ или какой-либо другой вождь во главѣ воинствующей націи стремится подчинить себѣ весь міръ, то эти явленія вполнѣ противорѣчатъ общечеловѣческимъ интересамъ, идеѣ справедливости и человѣколюбія. Такой порядокъ вещей вызываетъ проклятіе народовъ, ибо конечная цѣль этихъ кровавыхъ и насильственныхъ захватовъ заключается въ порабощеніи матеріальномъ и духовномъ, въ искорененіи народной самобытности, въ принудительной ассимиляціи побѣжденныхъ съ побѣдителями. Англія чужда такихъ захватовъ. Колоссальное развитіе торгово-промышленной жизни, необычайно мощный полетъ духа предпріимчивости, гигантское расширеніе мирной дѣятельности по необъятному пространству отдаленныхъ морей и океановъ вынуждаютъ Англію искать себѣ тѣ или другіе рынки, тѣ или другія сферы для воздѣйствія или

утвержденія своего вліянія, для своего торговаго преобладанія, для своихъ культурныхъ задачъ. Англичанамъ нужна та или другая страна—не какъ распространеніе ихъ государственной области, а какъ театръ ихъ коммерческихъ предпріятій; имъ нуженъ не подвластный народъ, но обитающее въ странѣ населеніе въ качествѣ кліентовъ-потребителей. Вторженіе Англіи обыкновенно знаменуетъ лучшую для подчиненныхъ земель эру, — эру лучшихъ условій существованія, лучшей общественной и политической организаціи, подъема самобытныхъ силъ страны и ея народностей. Если англійское владычество бываетъ тягостно для страны и народа, то лишь временно, до тѣхъ поръ, пока они не воспрянутъ подъ ея же импульсомъ и не вступятъ въ конкурренцію съ нею самою. Англійскому владычеству нѣтъ дѣла до того, какимъ языкомъ говоритъ подвластный ему народъ, какую вѣру онъ исповѣдуетъ, какъ отправляетъ свое богослуженіе, какими народными обычаями и нравами руководствуется, какими преданіями дорожитъ. Оно воздвигаетъ гоненіе только на то, что въ мѣстныхъ нравахъ и общественномъ устройствѣ противорѣчитъ началамъ нравственности и общественнаго блага, но оно же способствуетъ всему, что клонится къ умственному и нравственному подъему обитателей страны. Самъ англичанинъ съ охотою и любознательностью изучаетъ языкъ, преданія, обычаи, исторію, древности, этнографію подвластныхъ народовъ; самъ бережно охраняетъ отъ забвенія и исчезновенія все, что составляетъ отличительную физіономію покоренной народности. Покоренная или населенная Англіею земля сама превращается со временемъ въ самостоятельное государство и вступаетъ въ конкурренцію съ метрополіею. Таковы Соединенные Штаты. Случается и такъ, что само англійское правительство добровольно уступаетъ захваченныя владѣнія тому народу, съ которымъ они связаны національными узами. Таковы Іоническіе острова. Англійскіе захваты основаны большею частію столько же на правѣ сильнаго, сколько на правѣ высшей цивилизаціи, высшихъ общественныхъ и нравственныхъ порядковъ. Этими захватами разносятся и насаждаются сѣмена культуры въ невѣдомыхъ и недоступныхъ углахъ вселенной; ими притягиваются различные концы міра къ средоточію европейской цивилизаціи; ими создается и двигается впередъ общій прогрессъ человѣчества.

Слѣдовательно, англійская колонизація и англійское владычество, при своемъ всемірно-историческомъ значеніи, столь же законны и естественны, какъ культурное движеніе Россіи въ средне-азіатскія ханства, какъ голландское господство на островахъ Тихаго океана, какъ вторженіе европейцевъ на Африканскій континентъ. Едва ли поэтому есть основаніе подвергать англичанъ строгой, а тѣмъ менѣе пристрастной, критикѣ, какъ это встрѣчается повсюду, а у насъ въ особенности.

Англія признается у насъ заклятымъ врагомъ Россіи. Наши публицисты утверждаютъ, что Англія только и помышляетъ нанести намъ какъ можно больше вреда, всегда и повсюду дѣйствуетъ намъ наперекоръ, агитируетъ противъ насъ во всѣхъ случаяхъ, строитъ намъ козни и ставитъ прегра-

ды, затрудненія на всѣхъ пунктахъ. Но то же самое могла бы сказать про Англію Германія на африканской почвѣ, Франція—въ Китаѣ и Остъ-Индіи, Соединенные Штаты въ Южной Америкѣ, всѣ морскія державы на всѣхъ океанійскихъ островахъ и на всей поверхности водныхъ пространствъ вселенной. То же самое могла бы сказать всякая держава о каждомъ изъ своихъ антагонистовъ и соперниковъ. Такая вражда не носитъ, такъ сказать, органическаго характера, а является лишь временною и условною. Предѣломъ для нея служитъ тотъ моментъ, когда уяснились животрепещущіе интересы внѣшней политики, когда исчезла опасность столкновеній, когда существенные интересы соперниковъ удовлетворены.

Азіатскій материкъ есть та арена, на которой всего живѣе чувствуется и проявляется соперничество англичанъ съ нами, всего чаще сталкиваются стремленія обѣихъ державъ. Много спорныхъ вопросовъ на этой почвѣ разъединяютъ эти двѣ величайшія въ мірѣ имперіи. Вотъ и теперь мы видимъ рѣзкое проявленіе взаимнаго между ними недовѣрія по новому вопросу—*армянскому*. Разность воззрѣній на этотъ вопросъ становится особенно рельефною при ретроспективномъ взглядѣ на его происхожденіе. Уже извѣстно, что мысль о реформахъ въ Арменіи и о внутреннемъ самоуправленіи была выдвинута Россіею; но она не нашла должной поддержки именно со стороны Англіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Разногласіе по этому предмету не могло ускользнуть отъ зоркаго вниманія турецкихъ дипломатовъ и печальной памяти 61-я статья Берлинскаго договора превратилась въ пустой звукъ,—надъ армянами разразились неслыханныя бѣдствія. Россія имѣла полное основаніе негодовать на систематическое противодѣйствіе ей по всѣмъ пунктамъ со стороны какъ Англіи, такъ и солидарныхъ съ нею государствъ. Неудивительно поэтому, что при самомъ возникновеніи теперешнихъ замѣшательствъ въ Арменіи неожиданно пробудившееся къ ней сочувствіе англичанъ вызвало недовѣріе русской дипломатіи. Неудивительно, что это шумное участіе получило видъ искусственной агитаціи, что усматривались въ этомъ явленіи замаскированные планы, что самые толки о турецкихъ насиліяхъ и звѣрствахъ показались чрезмѣрно преувеличенными. Однако ближайшее разслѣдованіе положенія дѣлъ черезъ собственныхъ дипломатическихъ агентовъ убѣдило державы въ противномъ и подтвердило печальную истину этихъ толковъ, доказало, что англійскія свѣдѣнія вполнѣ точны и достовѣрны, несмотря на безпрестанныя оффиціальныя ихъ опроверженія турецкимъ правительствомъ.

Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, произошла въ англійской политикѣ такая рѣзкая перемѣна? Почему она такъ внезапно, какъ казалось, перемѣнила фронтъ по отношенію къ дружественной дотолѣ Турціи и вступилась за беззащитныхъ и гонимыхъ армянъ? Допуская въ англійской дипломатіи какія угодно темныя стороны, нельзя отрицать въ ней двухъ выдающихся качествъ: зоркости и бдительности. До русско-турецкой войны, пока центръ тяжести османскаго владычества опирался на Балканскій полуостровъ, мало-азіатскія владѣнія Турціи находились въ тѣни, а населенныя армянами

области представляли собою terra incognita. Затоптанная здѣсь пятою жестокаго властителя, христіанская райя не выказывала признаковъ жизни, а глава правовѣрныхъ задался благочестивою мыслью совсѣмъ стереть съ лица земли этихъ собакъ, чтобы подготовить почву для будущаго полнаго своего господства въ Малой Азіи. Усилившійся нестерпимый гнетъ, насильственное совращеніе армянъ въ магометанство, превращеніе прежнихъ случайныхъ курдскихъ набѣговъ въ организованное хищничество не могли укрыться отъ вездѣсущихъ англійскихъ агентовъ. А между тѣмъ, съ другой стороны, ближайшее знакомство съ Азіатскою Турціей разсѣяло давнишнюю иллюзію, что можно поддержать дальнѣйшее существованіе османскаго владычества, влить въ него новый элементъ силы, здоровья и прогресса. Многолѣтнее энергическое врачеваніе оказалось безсильнымъ дать жизнь одряхлѣвшему тѣлу. Политическая роль турецкаго государства оказалась спѣтою, османское владычество являлось анахронизмомъ, его полное разрушеніе сдѣлалось вопросомъ времени. Но это распаденіе, открывая поле для честолюбивыхъ столкновеній, грозило потрясеніями ужасающихъ размѣровъ. Предупрежденіе этихъ кровопролитій и водвореніе нормальной, спокойной жизни въ азіатскихъ провинціяхъ вполнѣ отвѣчали личнымъ видамъ Англіи, какъ и всѣхъ заинтересованныхъ странъ. Политика въ этомъ направленіи была тѣмъ раціональнѣе, что она диктовалась и человѣколюбіемъ по отношенію къ одной изъ древнѣйшихъ христіанскихъ народностей, отличавшейся всегда мирнымъ характеромъ, трудолюбіемъ, способностью къ самоуправленію и сохранившей полную національную самобытность. Образованіе автономной Арменіи тѣмъ менѣе могло казаться Англіи невѣроятнымъ, что оно прямо вытекало изъ санъ-стефанскаго договора, прямо диктовалось великодушною мыслью русскаго правительства, заинтересованнаго не менѣе Англіи обезпечить судьбу христіанъ и имѣть возлѣ своей границы территорію благоустроенную, спокойную, съ населеніемъ христіанскимъ, ему преданнымъ и благодарнымъ за дарованіе жизни, свободы и неприкосновенности.

Англія столько же азіатская держава, сколько европейская. Огромный ея интересъ, соединенный съ индійскими владѣніями, обязываетъ ее быть въ высшей степени осмотрительною и дальновидною. Опаснѣйшаго врага она усматриваетъ себѣ на азіатской почвѣ въ Россіи. Приближеніе наше къ границамъ ея азіатской имперіи, вмѣстѣ съ нерѣдко раздающимися въ нашей печати шовинистическими угрозами по адресу Индостана, дѣлаютъ опасенія Англіи еще болѣе тревожными. Вотъ основная пружина всѣхъ англійскихъ дѣйствій! Вотъ источникъ того глубокаго недовѣрія, которое раздѣляютъ обѣ великія націи. Но въ тотъ день, когда будутъ точно и опредѣленно разграничены сферы вліянія и господства двухъ могущественныхъ соперницъ, исчезнетъ всякій поводъ ко взаимной враждѣ, и Россія спокойно и величаво отдастся плодотворной внутренней работѣ посреди своихъ необъятныхъ владѣній. Нельзя упускать изъ виду, что при неудержимо и быстро возрастающемъ въ нашъ вѣкъ умственномъ прогрессѣ, го-

раздо важнѣе матеріальныхъ или территоріальныхъ пріобрѣтеній мощное развитіе духовныхъ силъ Россіи. Разграниченіе сферъ вліянія въ передней Азіи между Россіею и Англіею является для послѣдней насущнымъ вопросомъ. Гигантскій кряжъ горъ въ самой сердцевинѣ азіатскаго материка, возрожденная Персія, умиротворенная и обновленная Малая Азія съ свободными христіанскими общинами — вотъ, повидимому, естественная грань этихъ двухъ сферъ, удовлетворяющая законнымъ интересамъ обѣихъ державъ. Нѣтъ сомнѣнія, что автономная Арменія и является, въ глазахъ англичанъ, однимъ изъ звеньевъ этой разграничительной линіи, отвѣчая въ то же время человѣколюбивой политикѣ двухъ могущественнѣйшихъ въ наше время державъ. Можетъ ли однако этотъ планъ согласоваться съ турецкими стремленіями?

VII.

Государство это въ настоящій моментъ объято броженіемъ во всѣхъ своихъ частяхъ: Арменія задавлена, но не усмирена и не умиротворена; критское возстаніе въ полномъ разгарѣ; въ Горанѣ кипитъ открытая война; Македонія не спокойна и представляетъ тѣмъ большую опасность, что на ея почвѣ сталкиваются интересы и соперничество трехъ Балканскихъ государствъ; Аравія также готова схватиться за оружіе и само мусульманское населеніе, сплоченное когда нужно истреблять христіанъ, обнаруживаетъ внутреннюю рознь. Блистательная Порта однако ни мало не расположена слушаться совѣтовъ своихъ европейскихъ друзей, ведетъ свою особую, *національную*, политику и, надо отдать ей справедливость, болѣе тонкую и рѣшительную, чѣмъ политика Европы. Сближаясь временами съ каждою изъ европейскихъ державъ, она одинаково враждебна всѣмъ имъ и одинаково сильно ненавидитъ всѣхъ. Благосклонно пользуясь услугами то той, то другой изъ нихъ, она съ своей стороны не выказываетъ никакой уступчивости европейскимъ требованіямъ. Уступая лишь силѣ, да и то когда таковая выступаетъ противъ нея во всеоружіи, она не признаетъ другихъ аргументовъ. Добровольныя уступки, сознаніе законныхъ потребностей времени, забота о благѣ своей страны и подданыхъ, клонящіяся къ общей пользѣ своевременныя мѣропріятія суть понятія, недоступныя для правительства султана. Этотъ намѣстникъ пророка остается и по сей день неизмѣнно вѣренъ тѣмъ основнымъ воззрѣніямъ Корана, которыя руководили мечомъ мусульманскихъ завоевателей въ эпоху ихъ господства надъ Азіей. Онъ—тотъ же властелинъ надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ-рабовъ, онъ — тотъ же непримиримый врагъ христіанъ, которымъ надлежитъ для своего спасенія сдѣлаться правовѣрными, либо погибнуть отъ меча. Съ другой стороны, христіанская Европа никогда не выказывала своего безсилія такъ рельефно, какъ въ настоящую минуту. Никогда еще не являлась она столь безучастною зрительницей кровавой расправы фанатической орды съ христіанскою народностью. Никогда еще турецкія вла-

сти такъ безнаказанно и самоувѣренно не изводили часть своихъ подданныхъ, чтобы возсоздать свое владычество. Торжествующая турецкая дипломатія знаетъ, что Европа пуще всего не желаетъ войны, что она боится войны, что всѣ державы страшатся другъ друга, стоя вооруженныя съ головы до ногъ, толкуя о необходимости мира и его благодѣяніяхъ. Долженъ же, однако, наступить когда-нибудь моментъ, когда долготерпѣливая Европа произнесетъ свой правдивый, свой неподкупный приговоръ. Нужны ли еще новыя доказательства полнаго политическаго банкротства Блистательной Порты? Нужно ли еще отлагательство, чтобы покрыть Малую Азію новыми развалинами христіанскихъ церквей и монастырей и обагрить армянскія области новыми потоками крови?

Между тѣмъ мирное рѣшеніе послѣдняго фазиса восточнаго вопроса никогда не являлось, кажется, столь возможнымъ, какъ теперь. Оно могло казаться труднымъ и невозможнымъ безъ русско-турецкой войны 1877 года и ея плодотворныхъ послѣдствій. Великая историческая заслуга Россіи заключается въ томъ, что она открыла и указала наиболѣе правильный исходъ этой исторической загадкѣ. Обширное мало-азіатское плоскогорье представляетъ поразительную аналогію Балканскому полуострову, какъ въ географическомъ, такъ въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Сама природа страны напрашивается на раздѣльное существованіе извѣстныхъ ея народныхъ группъ; такой порядокъ освященъ въ то же время и историческою давностью; онъ же подкрѣпляется и оправдывается фактами изъ области этнографіи и лингвистики. Этихъ характеристическихъ чертъ не смогло сгладить даже всенивелирующее воздѣйствіе торжествующаго въ теченіе стольких вѣковъ мусульманскаго владычества. Если отдѣльныя части, изъ коихъ слагается Мало-Азійскій полуостровъ, не такъ рѣзко очерчены сравнительно съ Балканскимъ и не такъ обширны своими размѣрами, то историческія и этнографическія права ихъ на обособленное существованіе выступаютъ не менѣе ярко, чѣмъ тамъ. Создать такую форму политическаго существованія, чтобы каждая народная группа нашла себѣ полное удовлетвореніе, столь же удобоисполнимо здѣсь, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, но здѣсь это еще естественнѣе, такъ какъ владычествующее теперь мусульманское населеніе можетъ найти разъ навсегда соотвѣтствующее размѣщеніе, уже не дерзая впредь причинять обиды и страданія христіанскимъ народностямъ, съ которыми связана ихъ историческая судьба, не будетъ болѣе вызывать періодически никакихъ болѣзненныхъ явленій въ странѣ, обладающей всѣми естественными условіями процвѣтанія.

Подготовленіе почвы для рѣшенія восточнаго вопроса въ этомъ смыслѣ является какъ неотложная необходимость. Но всего болѣе нуждаются въ скоромъ обезпеченіи своей неприкосновенности армянскія области, какъ наиболѣе ускользающія по своему географическому положенію отъ европейскаго надзора и заступничества и какъ лишенныя всякихъ способовъ самообороны. Дать возможно скорѣе шести армянскимъ вилайетамъ въ Ма-

лой Азіи всѣ условія внутренняго самоуправленія, точно опредѣлить предѣлы этой армянской территоріи, предоставить армянскому движенію сюда свободный приливъ, обезпечить насильственно обращеннымъ въ исламъ армянамъ право возвращенія въ лоно своей христіанской церкви, организовать способъ національной самообороны отъ курдскихъ и турецкихъ хищничествъ, принять Арменію подъ охрану европейскихъ державъ—вотъ, повидимому, задачи, которыя диктуются не однимъ человѣколюбіемъ, но и благоразуміемъ, такъ какъ этотъ актъ явится началомъ постепеннаго мирнаго разрѣшенія возникшихъ въ турецкихъ провинціяхъ смутъ, чреватыхъ страшными кровопролитіями и переворотами.

Очевидно, однако, къ прискорбію, что разногласіе и индифферентизмъ европейскихъ державъ будутъ служить главнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію единодушія Европы. Но первостепенная важность вопроса и должна бы побудить наиболѣе заинтересованныя державы: Россію, Англію и Францію—образовать тотъ consortium, о которомъ горделиво возвѣщаетъ французская дипломатія, присвоивая себѣ и честь его изобрѣтенія.

А.

Торольдъ Роджерсъ объ экономической исторіи Англіи *).

Въ экономической исторіи Англіи нѣтъ болѣе интереснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало изслѣдованнаго вопроса, какъ вопросъ о локализаціи богатствъ. Еслибъ мы располагали точными данными по этому вопросу,— говоритъ Роджерсъ,—мы могли бы дать себѣ болѣе ясный отчетъ о зарожденіи и развитіи англійской промышленности, о состояніи земледѣлія въ различныхъ мѣстностяхъ королевства, могли бы констатировать, какое вліяніе имѣло законодательство на промышленность и общественное благосостояніе, могли бы вычислить количество, густоту и группировку населенія.

Но даже и теперь, при современномъ состояніи статистики, довольно трудно съ точностью рѣшить этотъ вопросъ. Густота населенія въ извѣстной мѣстности вовсе еще не указываетъ на ея процвѣтаніе: примѣромъ тому можетъ быть Ирландія, которая населена очень густо, а между тѣмъ ея населеніе изнываетъ отъ нищеты. Наименѣе ошибочными показателями служатъ таблицы по разверсткѣ подоходнаго налога, *income taxe*, и оффиціальная оцѣнка имуществъ, на основаніи которой взимаются налоги.

Но, впрочемъ, ни то, ни другое не гарантируетъ насъ отъ ошибокъ. Законодатели очень часто поручали оцѣнку имуществъ представителямъ магистратуры, которые не были лишены партійныхъ интересовъ, и потому ихъ данныя не заслуживаютъ особеннаго довѣрія.

Что же качается *income taxe*, то случалось и такъ, что заводъ, находящійся въ одномъ графствѣ, составлялъ богатство промышленника, живущаго въ другомъ мѣстѣ. Доходъ съ каждаго графства не даетъ еще вѣрной картины распредѣленія производительныхъ предпріятій, въ особенности, для такихъ городовъ, какъ Лондонъ, гдѣ классъ тратящихъ больше класса производящихъ. Іоркширъ и Ланкаширъ несомнѣнно богаче графствъ Middlesex и Surrey, а между тѣмъ въ статистическихъ спискахъ послѣднія фигурируютъ впереди ихъ.

Для извѣстнаго періода среднихъ вѣковъ задача менѣе сложна. Здѣсь

*) *Русская Мысль*, кн. X.

мы обладаемъ неоцѣнимымъ источникомъ — кадастромъ *Domesday*; онъ перечисляетъ всѣ богатства въ каждой данной мѣстности, указываетъ на рессурсъ каждой сеньоріи, каждаго прихода, каждаго феодальнаго зàмка, приводитъ количество собственниковъ и жителей, опредѣляя въ то же время характеръ ихъ повинностей.

Это документъ не только замѣчательный, но единственный въ своемъ родѣ, какого не встрѣчается въ архивахъ ни у одной изъ націй. Но, несмотря на это, онъ никогда не былъ изслѣдованъ съ точки зрѣнія статистики и интересующаго насъ вопроса; а между тѣмъ этотъ вопросъ не былъ такъ сложенъ въ тѣ времена, потому что общество состояло изъ болѣе однородныхъ элементовъ, которые находились въ непосредственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Въ ту отдаленную эпоху почти всѣ, за исключеніемъ мельника и государственнаго чиновника, занимались земледѣліемъ. Прялка и ткацкое ремесло процвѣтали подъ каждою крышей; крестьяне сами ткали матерію для своей одежи. Даже шерсть дѣлилась на два сорта: одна выдѣлывалась на продажу, а другая—для домашняго обихода.

На-ряду съ этимъ домашнимъ производствомъ, разсѣяннымъ по всему королевству, существовало нѣсколько льняныхъ и шерстяныхъ мануфактуръ, которыя были сконцентрированы въ Норфолькѣ, несмотря на неблагопріятныя условія климата для тканья и пряденія шерсти. Это объяснялось близостью Норфолька къ Франціи; въ тѣ времена онъ былъ богаче и населеннѣе, чѣмъ теперь.

Обыкновенно преувеличиваютъ цифру народонаселенія въ средневѣковой Англіи, ссылаясь на количество большихъ церквей, которыя были выстроены въ эту эпоху. Но не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена церковь являлась общественною залой прихода, куда стекались прихожане обсуждать свои дѣла и куда подчасъ они складывали дорогіе припасы, вродѣ зерна или шерсти. Религіозная идея церкви, предназначавшейся для культа, ведетъ свое начало со временъ Лода и XVII в. Въ Оксфордѣ до тѣхъ поръ церковь Св. Маріи служила академическою залой, гдѣ защищались диссертаціи, выдавались дипломы и собирался университетскій совѣтъ.

Но вернемся къ показаніямъ *Domesday*. Центральныя, восточныя и южныя графства на-ряду съ Кантономъ были самыми богатыми, благодаря обилію луговъ и пахатныхъ земель; Девонширъ же, Корнваллисъ, западныя графства по сосѣдству съ Валлисомъ и сѣверныя—самыми бѣдными, бѣдность которыхъ увеличивалась еще больше, вслѣдствіе набѣговъ шотландцевъ и жителей Валлиса. Іоркъ занималъ подчасъ второе мѣсто среди городовъ королевства, фигурируя рядомъ съ Лондономъ, но остальная часть сѣверной Англіи находилась въ запустѣніи и была скудно населена. Тамъ встрѣчались иногда укрѣпленные зàмки и богатые монастыри, но не было большихъ городовъ. Манчестеръ и Ливерпуль представляли собою большія села, а восточная часть Іоркшира состояла изъ пустырей и болотъ. Грубые нравы жителей внушали страхъ и отвращеніе сосѣдямъ южной полосы. Для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса о локализаціи богатствъ, главнымъ

и почти единственнымъ источникомъ являются assessements, т.е. списки о распредѣленіи податей, которые составлялись парламентомъ каждый разъ, какъ вводился новый налогъ. Самыми обычными налогами въ это время были прямые,—десятая или пятнадцатая часть съ имущества. Раскладка ихъ носила постоянный характеръ и была въ началѣ справедлива, но съ теченіемъ времени утрачивала это качество. Такихъ assessements имѣется одиннадцать, но ни одинъ изъ нихъ не относится къ концу XVI в.—эпохѣ особенно интересной, вслѣдствіе уничтоженія монастырей, перемѣны въ способахъ землевладѣнія и прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта.

Четыре изъ этихъ assessements, составленные на протяженіи 162 лѣтъ (1341—1503) позволяютъ намъ сдѣлать оцѣнку относительнаго богатства англійскихъ городовъ и графствъ на основаніи данныхъ наиболѣе компетентныхъ современниковъ. По цифрѣ податного обложенія графство Middlesex, не исключая отсюда Лондона, превосходитъ всѣ остальныя графства. Безъ Лондона оно заняло бы девятое мѣсто, несмотря на то, что столица Англіи не переступала до половины XVI вѣка за предѣлы своихъ старыхъ границъ и изобиловала большими садами и обширными пустырями. Ея населеніе не превышало 50,000 душъ; но лондонскіе купцы и промышленники были и тогда уже богаче, чѣмъ въ другихъ городахъ королевства. Въ первомъ assessements Норфолькъ фигурируетъ во второмъ ряду; Оксфордъ много позади его, тогда какъ въ остальныхъ трехъ онъ опережаетъ Норфолькъ. Послѣдній былъ обязанъ своимъ преобразованіемъ не развитію агрикультуры, такъ какъ земля тамъ бѣдна, а цвѣтущему состоянію промышленности, перенесенной туда изъ Фландріи. По статистикѣ *income taxe* въ 1869 г. Норфолькъ занялъ среди тридцати семи графствъ, обложенныхъ въ 1341 г., двадцать пятое, а Оксфордъ—семнадцатое мѣсто. Высокое обложеніе Оксфордшира не трудно объяснить; онъ обладалъ прекрасными пахатными землями, которыя почти сплошь подвергались разработкѣ; главною причиной его процвѣтанія были великолѣпные пастбищные луга, простиравшіеся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Оксфорда. Ланкаширъ, Кумберландъ и Нортумберландъ находились въ концѣ списка. Акръ земли въ Оксфордскомъ графствѣ былъ оцѣненъ въ десять разъ дороже, чѣмъ въ этихъ трехъ графствахъ. Минеральныя богатства Стаффордшира таились подъ землею, а современные центры богатствъ представляли голыя и пустынныя мѣстности. Брадфордъ и Лидсъ скромно торговали сукнами; Шеффильдъ фабриковалъ грубое оружіе изъ стали. Что касается остальныхъ, они были данниками балтійскихъ провинцій, Фландріи и Испаніи.

Въ 1341 г. податное обложеніе Лондона, при введеніи налога на шерсть, составляло четвертую часть обложенія Норфолька, тогда какъ въ 1453 г. онъ поднялся выше Норфолька. Быстрое развитіе Лондона совершилось въ первой половинѣ XV в., о чемъ свидѣтельствуютъ архивы, уцѣлѣвшіе отъ пожара 1665 г.

Что распредѣленіе налоговъ производилось довольно правильно, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1453 г. Лондонъ былъ обложенъ втрое больше Оксфордшира, тогда какъ въ 1503 г. послѣ эпидеміи горячки и страшнаго пожара, уничтожившаго часть его зданій, онъ былъ обложенъ только на половину по сравненію съ Оксфордширомъ.

За періодъ отъ 1503 по 1636 г. не имѣется никакихъ данныхъ относительно локализаціи богатствъ, а между тѣмъ это самый интересный періодъ: онъ былъ свидѣтелемъ уничтоженія монастырей, упадка городовъ и агрикультуры, развитія овцеводства и шерстяной промышленности, подделки монетъ, религіозныхъ войнъ, разоренія Фландріи и образованія республики въ Нидерландахъ.

Эти событія несомнѣнно повліяли на распредѣленіе богатствъ. Въ Норфолькѣ, опустошенномъ возстаніемъ Кета, промышленность стала падать и перемѣстилась въ другіе пункты, Дорсетъ и Эссекъ.

Когда въ 1636 г. былъ введенъ налогъ на морскіе суда, Норфолькъ, Оксфордъ и Кембриджъ спустились гораздо ниже, чѣмъ прежде, а Мидльсексъ, Бедфордъ, Беркъ, Лейчестеръ и нѣкоторыя другія графства стали фигурировать въ первыхъ рядахъ, вѣроятно, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, замѣчаетъ авторъ. Кумберландъ, Ланкаширъ, Вестморладъ, Дюргамъ и Нортумберландъ заняли послѣдніе ряды. Обложеніе акра земли въ Мидльсексѣ было въ 141 разъ больше, чѣмъ въ Кумберландѣ. Assessement 1641 г. при разверсткѣ 400,000 фунтовъ стерлинговъ между графствами Англіи и Валлиса, даетъ совершенно неожиданныя перемѣщенія: Норфолькъ, Кентъ, Суффолькъ, Эссекъ и Surrey выступаютъ во главѣ списка, тогда какъ Рютландъ, Нортгаутсъ и Лейчестеръ отодвинуты на задній планъ.

Assessement отъ 25 марта 1649 г. представлявшій разверстку 90,000 фунт. стерл., которые должны были взиматься ежемѣсячно въ теченіе полугода на содержаніе арміи, нѣсколько исправилъ ошибки предыдущаго распредѣленія, хотя на него такъ же мало можно полагаться, какъ и на первый.

Девонширъ и Surrey спустились внизъ, а Эссекъ, Кембриджъ и Суссекъ поднялись выше. Для послѣдняго, впрочемъ, переходъ съ двадцать третьяго на девятое мѣсто объясняется развитіемъ чугунно-плавильныхъ заводовъ и кузницъ, которые процвѣтали въ ту эпоху и пришли въ упадокъ, когда были уничтожены лѣса въ этой мѣстности.

Въ декабрѣ того же 1649 г. парламентъ обнародовалъ новый assessement, который, по его словамъ, былъ составленъ съ величайшею тщательностью. Графство Middlesex появилось опять во главѣ, а за нимъ слѣдовали Суффолькъ, Surrey, Herts, Кентъ, Эссекъ, Бетфордъ, Рютландъ, Норфолькъ и Кембриджъ. Восточныя и сосѣднія съ Лондономъ графства пострадали меньше всего отъ войны; шерстяное производство снова развилось въ Эссекѣ и торговля съ континентомъ стала опять процвѣтать. Суссекъ спустился ниже на двадцать пятое мѣсто.

Въ пятнадцати графствахъ, слѣдовавшихъ за Middlesex, обложеніе акра

земли рознилось очень мало, и относительное положеніе бѣдныхъ графствъ было сохранено въ томъ же порядкѣ. Тяжелѣе всего война отразилась на Нортумберландѣ, такъ что тамъ даже было пріостановлено добываніе угля.

Съ 1649 по 1672 г. мы видимъ кое-какія перемѣны: Сомерсетъ, благодаря развитію шерстяного производства, переходитъ изъ четырнадцатаго въ восьмой рядъ. Эссекъ, шестой въ 1649 г., становится седьмымъ, вслѣдствіе основанія мануфактуры шерстяныхъ тканей въ Кольчестерѣ, а Норфолькъ съ девятаго мѣста спускается на двѣнадцатое. Въ общемъ относительное положеніе графствъ почти не измѣнилось, но податное обложеніе менѣе богатыхъ изъ нихъ нѣсколько увеличилось. Послѣдній налогъ, вотированный парламентомъ послѣ революціи 1688 г., долженъ былъ принести казнѣ около двухъ милліоновъ. Шестая часть этой суммы выпадала на долю Лондона и графства Middlesex. Но такъ какъ коммисары по распредѣленію назначались не парламентомъ, а мѣстными властями, то не безъ основанія предполагаютъ, что тутъ были допущены кое-какія погрѣшности: впрочемъ, сторонники революціи дѣйствовали вполнѣ добросовѣстно, тогда какъ партизаны Стюартовъ обложили свои имущества ниже ихъ дѣйствительной цѣны. Распредѣленіе этого налога долго оставалось неизмѣннымъ, а черезъ сто лѣтъ Питтъ Младшій утвердилъ его на вѣчныя времена. По этому распредѣленію Surrey занялъ второе мѣсто, Hertford—третье, Buck—четвертое, Будфордъ, Беркъ и Эссекъ—пятое, шестое и седьмое, Кентъ—девятое, Суффолькъ—десятое, а Сомерсетъ—тринадцатое. Обвиненіе въ неправильномъ распредѣленіи, замѣчаетъ Роджерсъ, кажется, справедливо, хотя оцѣнка земли не разнится слишкомъ сильно въ центральныхъ и сѣверныхъ графствахъ: такъ, напримѣръ, въ Суффолькѣ она не вдвое больше, чѣмъ въ Shropschire, и не втрое, чѣмъ въ Іоркширѣ.

На этихъ послѣднихъ данныхъ мы и остановимся. До конца XVI в. населеніе Англіи и Валлиса не превышало двухъ съ половиной милліоновъ, а временами было даже ниже этой цифры. Къ концу же XVII в. оно разрослось до пяти—пяти съ половиной милліоновъ. О густотѣ населенія въ эту пору можно судить по переписи жилищъ и дворовъ въ 1690 г. Въ Вестморландѣ и Кумберландѣ приходилось по одному жилищу на 70,55 и 63,66 акра земли, тогда какъ въ Middlesex и Surrey—по одному на 1,619 и 11,79 акра. Въ графствахъ Дюргамѣ и Нортумберландѣ населеніе было гуще, чѣмъ въ Дорсетѣ, Линкольширѣ и Гампширѣ, но пропорціональное отношеніе дворовъ къ числу жилищъ гораздо меньше, какъ и въ сѣверныхъ графствахъ. Жизнь на сѣверѣ была тяжелѣе, хотя населеніе тамъ довольно быстро разрослось послѣ умиротворенія шотландской границы и развитія ткацкой промышленности. Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на относительное распредѣленіе налоговаго обложенія въ пользу бѣдныхъ въ концѣ царствованія Карла II. Maximum приходился на Middlesex, Норфолькъ и графства, не пострадавшія отъ гражданской войны; minimum—на сѣверную часть Англіи и графства, гдѣ она свирѣпствовала особенно сильно. Отсюда можно заключить

что часть населенія эмигрировала изъ этихъ мѣстъ на югъ, въ болѣе мирныя страны. Вѣроятно, для того, чтобъ остановить эту эмиграцію, и былъ изданъ законъ du domicile de secours paroissial, который утратилъ свою силу на сѣверѣ, когда вѣкъ спустя развитіе промышленности привлекло туда излишекъ разросшагося населенія юга.

Начало пауперизма слѣдуетъ отнести приблизительно къ первой половинѣ XVI вѣка. Когда въ XIV вѣкѣ землевладѣльцы попробовали впервые понизить уровень заработной платы законодательнымъ путемъ, они не достигли желанныхъ результатовъ. Но фіаско было полное, когда въ 1495 г. законъ установилъ тарифъ заработной платы, который вполнѣ удовлетворялъ рабочихъ, оказавшихся господами рабочихъ. Гильдія, къ которой они принадлежали, была для нихъ передъ уніономъ обществомъ взаимопомощи. Многіе изъ нихъ владѣли землею, и крупные собственники знали, что наемный работникъ, который имѣетъ свою землю, не такъ легко уступитъ ихъ требованіямъ.

Разореніе рабочихъ началось со времени поддѣлки монеты. Выпускъ фальшивыхъ денегъ является со стороны правительства тяжелымъ преступленіемъ и особеннымъ бременемъ ложится на бѣдные классы. За нимъ послѣдовала конфискація недвижимыхъ имуществъ цеховъ и фондовъ различныхъ обществъ взаимопомощи; а затѣмъ повышеніе цѣнъ на жизненные припасы, которое окончательно доканало рабочихъ. Заработная плата осталась на томъ же уровнѣ, тогда какъ цѣны поднялись на 275% и обладатель 16,6 шиллинговъ не сталъ богаче того, кто прежде обладалъ 6. Въ довершеніе же всего, какъ разъ въ это время былъ изданъ Елизаветой законъ, который предоставлялъ мировымъ судьямъ устанавливать высоту заработной платы и налагать тяжкія наказанія. Этотъ знаменитый парламентскій актъ, разорившій въ конецъ рабочихъ, представлялъ собою въ сущности только сводъ прежнихъ законовъ; но моментъ былъ слишкомъ неблагопріятный, слабые и беззащитные рабочіе принуждены были уступить. Этотъ актъ отнялъ у нихъ всѣ права на жизнь. Тогда-то пришлось прибѣгнуть къ общественной благотворительности въ широкихъ размѣрахъ, чтобы не дать умереть имъ съ голоду.

Первая попытка законодательства въ этой сферѣ относится къ 1541 г., но изданный тогда законъ ни къ чему не обязывалъ общество, всякій былъ воленъ давать или не давать въ пользу бѣдныхъ. Со времени этого закона до 1601 г. насчитывалось двѣнадцать парламентскихъ актовъ, регулирующихъ общественную благотворительность. Всѣ они необыкновенно интересны, какъ иллюстрація экономической исторіи Англіи. Законодатели надѣялись, что частная благотворительность покроетъ недочетъ низкой заработной платы, но они не знали того, что никакая благотворительность, даже самая активная, не въ состояніи устранить общественнаго зла, причины котораго лежатъ гораздо глубже.

Законодатели начали со скромныхъ призывовъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ, но вскорѣ эти призывы обратились въ настоящія требова-

нія. Сперва они взывали ко всему обществу, затѣмъ только къ богатымъ, увѣщевая ихъ пожертвовать часть своего излишка; но когда тѣ не проявили особенной готовности, то прибѣгли къ принужденію. Богачей, увернувшихся отъ взносовъ въ пользу бѣдныхъ, заточали въ тюрьму, облагали ихъ имущество налогомъ и кончили тѣмъ, что взвалили бремя общественной благотворительности на плечи всѣхъ собственниковъ и владѣльцевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Въ одномъ изъ приходовъ распредѣленіе налога совершалось такимъ образомъ: всякій, кто имѣлъ до десяти акровъ земли, обязанъ былъ платить по одному пенни въ годъ съ акра и по два пенни тотъ, кто владѣлъ имуществомъ отъ десяти до тридцати акровъ. Предполагаемый же дефицитъ долженъ былъ покрываться изъ взносовъ прихожанъ, имѣвшихъ свыше тридцати акровъ земли.

Законъ 1601 г., изданный Елизаветой, имѣлъ только временную силу, но онъ былъ возобновляемъ въ каждую парламентскую сессію. Мудрено было разсчитывать на уменьшеніе народной нищеты, если принять во вниманіе общее повышеніе цѣнъ и регламентацію заработной платы. Во времена реставраціи этотъ законъ былъ утвержденъ навсегда и продержался до 1835 года. Законъ du domicile paroissial былъ изданъ при реставраціи. Этотъ законъ создалъ различіе между приходами, раздѣлилъ ихъ на закрытые и открытые, къ счастью, это различіе отошло уже въ область историческихъ преданій. Въ первыхъ приходахъ вся земля принадлежала одному собственнику; ему ничего не стоило выгнать всѣхъ бѣдняковъ, и выдавать пособіе изъ общественныхъ суммъ только своимъ нуждающимся работникамъ. Во-вторыхъ, земля была раздѣлена между нѣсколькими собственниками, и это препятствовало подобному образу дѣйствія. Чтобъ устранить вышеупомянутое зло, былъ изданъ законъ, извѣстный подъ названіемъ *Gilbert's Act*, который предписывалъ соединеніе нѣсколькихъ приходовъ въ одно; но конецъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ въ этой сферѣ былъ положенъ только въ 1835 г.

Послѣ революціи положеніе трудящихся классовъ вовсе не улучшилось. XVII вѣкъ былъ для нихъ вѣкомъ безпрерывной нищеты. Хотя заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ нѣсколько и повысилась, но, благодаря начавшемуся огораживанію земель, уничтоженію мелкаго фермерства и домашняго производства, пришлось увеличить налогъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій.

Отрываемый все больше и больше отъ земли, сельскій рабочій бѣднѣлъ и пополнялъ ряды голодной арміи. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ изобилія, низкихъ цѣнъ и повысившейся заработной платы, нѣсколько улучшилъ положеніе трудящихся классовъ. По словамъ Артура Юнга, налогъ въ пользу бѣдныхъ не былъ такъ обременителенъ, какъ прежде. Но это длилось только до 1775 г., послѣдняя четверть вѣка явилась свидѣтельницей высокихъ цѣнъ, низкой заработной платы и такой нищеты, что она пробудила вниманіе общества.

Въ Беркширѣ былъ изданъ *Speenhamland Act*, который устанавливалъ minimum заработной платы, достаточный, по этому акту, для со-

держанія семьи изъ трехъ душъ. Если же семья была многочисленнѣе, то рабочему выдавалась на каждаго ребенка добавочная сумма изъ доходовъ, поступавшихъ въ пользу бѣдныхъ. Съ теченіемъ времени обложеніе въ открытыхъ приходахъ сдѣлалось безпощаднымъ; собственники оказались разоренными, благодаря своему собственному изобрѣтенію. Тогда обратились къ другимъ мѣрамъ, которыя были санкціонированы закономъ 1835 г. Послѣдній давалъ право отказывать здоровымъ нищимъ, вынуждая ихъ тѣмъ поступать въ работный домъ.

Эта эгоистическая политика, по словамъ Роджерса, повела къ зарожденію чартизма и сослужила службу консервативной партіи, придавъ ея политической программѣ quasi-соціалистическую окраску. Нѣкоторые изъ пунктовъ этой программы, какъ, напримѣръ, законы въ сферѣ фабричнаго труда (*Factory acts*), которые прошли, благодаря поддержкѣ рабочихъ и ихъ вожаковъ, заслуживали полнаго вниманія. Но, съ другой стороны, консерваторы были такъ слѣпы, когда противились отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ подъ предлогомъ, что свободная торговля понизитъ уровень заработной платы. Они думали, что искусственное повышеніе цѣнъ въ состояніи удержать ее на высокомъ уровнѣ.

Однако пора обратиться къ англійской промышленности. Англійскій народъ, какъ говоритъ Роджерсъ,—долгое время не могъ похвастаться своими изобрѣтеніями въ области техники и индустріи. А между тѣмъ Англія въ средніе вѣка пользовалась такими преимуществами, какихъ не имѣли фламандскія городскія общины. Англичане жили въ сторонѣ отъ иностранныхъ вторженій и англійская знать охотно оставляла свой мечъ для серпа. Внутри самой Англіи царилъ миръ, даже тогда, когда англійскіе короли воевали съ Франціей. Но, несмотря на эти преимущества, англичане довольствовались тѣмъ, что разводили овецъ и продавали шерсть своимъ сосѣдямъ фламандцамъ, которые успѣли прославиться на всю Европу ткацкимъ искусствомъ. Они же и научили англичанъ ткать шерсть, но нужно замѣтить, что послѣдніе были довольны неспособными учениками и не такъ скоро научились этому ремеслу. Единственное, что тогда процвѣтало въ Англіи, была выдѣлка бумаги и фабрикація оконныхъ стеколъ.

Добывающая промышленность въ концѣ XIII и началѣ XIV в. не ушла здѣсь дальше обрабатывающей. Англичане не умѣли пользоваться ни своими рудниками, ни соляными копями, какъ не умѣли выдѣлывать кирпичей,—искусство, доведенное римлянами до совершенства. Только въ концѣ XV и началѣ XVI в. кирпичи вошли во всеобщее употребленіе. Эта инертность англійскаго народа тѣмъ болѣе странна, что другіе германскіе народы очень рано заявили себя въ сферѣ открытій и изобрѣтеній. Книгопечатаніе было перенесено съ береговъ Рейна въ Англію только черезъ тридцать лѣтъ послѣ его изобрѣтенія.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что англичане среднихъ вѣковъ были далеко не изобрѣтательнымъ народомъ, который даже довольно туго воспринималъ различныя нововведенія.

Въ Англіи издавна существовало прядильное и ткацкое ремесло въ состояніи домашняго производства. Оно до того было распространено среди женщинъ до половины послѣдняго вѣка, что еще до сихъ поръ называютъ незамужнихъ женщинъ «пряхами» (spinsters). Но сбытъ былъ слишкомъ ограниченъ, семья не могла существовать однимъ своимъ заработкомъ, и ремесленникъ принужденъ былъ въ то же время заниматься обработкой земли. Законы о земледѣльцахъ давали право привлекать ихъ насильно къ земледѣльческому труду во время жатвы. Впрочемъ, почти всѣ тогда въ Англіи занимались земледѣліемъ. Когда наступали каникулы, государственные люди и доктора спѣшили въ деревню. По окончаніи парламентской сессіи, королевскій указъ съ безсознательной ироніей предоставлялъ депутатамъ общинъ вернуться къ своимъ полямъ, а лордамъ—къ развлеченіямъ.

Норфолькъ, какъ было уже сказано, былъ колыбелью ткацкой промышленности. Онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Нидерландами и по его рѣкамъ сплавлялись товары на ярмарку въ Стурбриджъ, — недалеко отъ Кембриджа, — главный рынокъ южной Англіи. Счетныя книги не говорятъ о происхожденіи проданныхъ суконъ и полотенъ, но весьма возможно, что добрая часть ихъ фабриковалась на мѣстѣ и сходила за иностранный товаръ. Впрочемъ, тонкія полотна и сукна, въ которыя одѣвались богатые классы, получались изъ Фландріи, а бархатъ и шелкъ—изъ Генуи и Венеціи. Шелковая мануфактура была основана въ Лондонѣ только въ XV вѣкѣ.

Инертность англичанъ въ сферѣ промышленности объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Англія въ ту эпоху была по преимуществу земледѣльческой страной. Она имѣла только одинъ большой городъ—Лондонъ—съ 30,000—40,000 жителей. Деревенское населеніе въ четырнадцать разъ превышало городское, а торговлей и промышленностью занималось только послѣднее.

Въ деревняхъ каждый былъ замкнутъ въ своемъ приходѣ. Обычай не допускать иностранцевъ въ общину и организація мѣстной юстиціи способствовали изолированности деревень другъ отъ друга. Эта замкнутость, оторванность отъ большихъ городовъ парализовала развитіе и предпріимчивость англійскаго народа. Деревенскіе жители посѣщали только сосѣднія ярмарки, вывозя на рынокъ излишекъ скота, хлѣба и шерсти, который имъ не удавалось сбыть мѣстнымъ купцамъ. Рынки до того нерегулярно снабжались товарами, что колледжи: Этонскій, Винчестерскій и др.—принуждены были обращаться въ отдаленныя мѣста, чтобъ ихъ нѣсколько пополнить. Они функціонировали только въ дни ярмарокъ и въ какихъ-нибудь три недѣли здѣсь совершалось больше дѣлъ, чѣмъ за все остальное время года. Такъ какъ сбытъ былъ ограниченъ и нерегуляренъ, никому не приходило въ голову изыскивать средства, чтобъ удешевить производство или увеличить количество продуктовъ, въ особенности послѣ черного мора, когда цѣна рабочихъ рукъ поднялась такъ высоко. Если сравнить Англію съ Фландріей въ царствованіе Карла Смѣлаго (1467—1477 гг.),

когда она достигла блестящаго расцвѣта въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, мы видимъ поразительную разницу: все побережье Фландріи было усѣяно большими цвѣтущими городами. Торговля Запада съ Востокомъ сосредоточивалась въ Брюгге, а всѣ торговыя сдѣлки совершались черезъ Антверпенъ. Фландрія имѣла монополію суконнаго производства; она была такъ густо населена, что не могла удовлетворять сама насущнымъ потребностямъ своихъ жителей и вывозила огромныя партіи ячменя изъ Норфолька. У фламандцевъ былъ обширный рынокъ для сбыта товаровъ и никакіе протекціонные тарифы не были въ состояніи остановить ввоза фламандскаго сукна, такъ какъ ихъ легкія барки, сновавшія въ бухтахъ, ускользали отъ всякаго надзора.

Когда Фландрія была разорена религіозными войнами, масса ткачей эмигрировала въ Англію и Францію, въ особенности послѣ 1567 г.; Брюгге и Антверпенъ уступили мѣсто Амстердаму. Но, несмотря на устраненіе фламандской конкурренціи, англійская промышленность продолжала оставаться въ прежнемъ состояніи неподвижности. Международныя войны разоряли Англію. Въ военное время останавливается всякій прогрессъ какъ политическій, такъ и экономическій.

Республика не принесла мира, но въ эпоху протектората Англія заняла первое мѣсто въ Европѣ. Въ половинѣ XVII вѣка были найдены новые способы добыванія желѣза, которые значительно удешевили его цѣну. Иммиграція французскихъ гугенотовъ способствовала развитію шелковаго производства и помогла сражаться Англіи съ торговой политикой Кольбера.

Но главнымъ событіемъ второй половины XVII в. была торговля съ Индіей, послужившая импульсомъ для развитія шерстяного производства и пріостановившая туда ввозъ суконъ изъ Испаніи. Англія, наконецъ, поняла, насколько благопріятенъ ея сѣрый и равномѣрный климатъ для тканья и пряденія шерсти, а впослѣдствіи хлопчатой бумаги.

Восемнадцатый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ какъ для англійской агрикультуры, такъ и для англійской промышленности. Со второй половины XVIII в. она стала быстро развиваться и вскорѣ достигла блестящаго расцвѣта. Политическое положеніе Европы помогло Англіи стряхнуть ея вѣковую неподвижность. Цивилизованный міръ увлекся завоеваніемъ рынковъ для своего исключительнаго пользованія, но къ чему привела его теорія торговой монополіи, можно судить по состоянію Европы до Парижскаго мира 1763 г.

Франція лишилась почти всѣхъ своихъ владѣній въ Индіи и Америкѣ. Семилѣтняя война объединила американскія колоніи и дала имъ возможность предпринять войну за независимость. Испанія и Скандинавія почти перестали существовать; Германія изнывала подъ бременемъ династической войны, еще не оправившись отъ религіозныхъ войнъ; Голландія была разорена Вильгельмомъ V Оранскимъ; Италія переживала агонію. Одна Англія вышла побѣдительницей изъ всеобщаго погрома. Она сдѣлалась царицей міра и госпожей величайшаго рынка, который простирался отъ береговъ

Новой Шотландіи до Флориды и достигалъ Индіи; только Англія имѣла здѣсь право разгружать и нагружать свои суда и она широко пользовалась этимъ правомъ. Англійскіе купцы и промышленники прекрасно поняли, что техническія изобрѣтенія въ сферѣ промышленности, увеличивающія производительность труда, предвѣщаютъ имъ крупную наживу; тогда-то открылось поле для дѣятельности Аркрайтовъ, Кромптоновъ и Уаттовъ. Отложеніе Сѣверо-Американскихъ колоній, конечно, сильно сузило англійскій рынокъ, но Англія оказалась на высотѣ практической изобрѣтательности и создала себѣ новое, еще болѣе могучее, господство въ колоніальномъ мірѣ.

Толчокъ, сообщенный англійской промышленности, продолжалъ дѣйствовать; изобрѣтательность въ этой сферѣ росла и росла; промышленники, боясь утратить завоеванную почву, изощряли всѣ свои способности. Непромышленныя націи туго поддаются движенію впередъ; промышленныя же не сворачиваютъ назадъ. Европа не могла конкуррировать съ Англіей. Немного спустя на континентѣ вспыхнули кровавыя войны, и французы наводнили Европу отъ Гибралтара до Москвы. Англія была тоже заражена военной горячкой, но это не помѣшало ей сдѣлаться великой международной фабрикой и царицей морей. Наполеонъ, этотъ кумиръ неразумной толпы, думалъ уничтожить англійскую промышленность берлинскими и миланскими декретами, но, вопреки всему, онъ принужденъ былъ во время московскаго похода одѣть своихъ солдатъ въ англійское сукно.

Европейскій миръ отъ сраженія при Ватерлоо до Крымской войны былъ результатомъ всеобщаго истощенія. Европа устала отъ восемнадцатилѣтнихъ кровопусканій, дойдя до раззоренія. Этотъ періодъ ознаменовался проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и удешевленіемъ транспорта. Этимъ Европа была обязана Англіи, такъ какъ одна она обладала достаточными капиталами для осуществленія такой грандіозной затѣи.

Крымская и Сѣверо-Американская войны были непродолжительны, но жестоки. Первая изъ нихъ не оказала вліянія на англійскую промышленность, но отразилась на агрикультурѣ. Россія была главною поставщицей хлѣба для Англіи, и когда она прекратила его ввозъ, арендная плата сильно повысилась, а это повело къ упадку англійской агрикультуры.

Сѣверо-американская война была крайне разорительна; штаты вошли въ страшные долги. Послѣ ея окончанія спросъ на европейскіе товары и преимущественно англійскіе сталъ до того великъ, что давалъ возможность игнорировать запретительныя пошлины, которыя были очень тягостны для населенія и выгодны для правительства.

Со времени послѣдней франко-прусской войны въ Европѣ водворился миръ,—но что это за миръ! Онъ пагубнѣе отражается на экономическомъ положеніи общества, чѣмъ открытая, но скоропроходящая война. За это время не поколебалось, однако, господство Англіи въ промышленномъ мірѣ, и этимъ она не мало обязана свободной торговлѣ, которая не подавляетъ иниціативы и изобрѣтательности ея народа.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія англійской промышленности.

Теперь остается узнать, каково было положеніе англійскихъ рабочихъ въ длинный періодъ ея развитія.

Въ средніе вѣка ремесленные рабочіе были организованы въ цехи; они издавали свои уставы и регламентировали условія труда. Эти цехи или гильдіи часто получали оффиціальное признаніе, но многіе изъ нихъ существовали еще задолго до того, какъ имъ были даны хартіи. Хартіи лондонскихъ цеховъ идутъ съ XIV вѣка, а между тѣмъ, какъ говорятъ, мѣсто подъ «Домомъ ювелировъ» принадлежало имъ еще до нормандскаго завоеванія.

Цехи обладали правомъ издавать свои регламенты; но Генрихъ VI нѣсколько сузилъ это право, подвергнувъ ихъ регламенты просмотру и утвержденію мировыхъ судей. Парламентскій актъ, изданный имъ, констатировалъ, что рабочія ассоціаціи распространились не только въ городахъ, но и деревняхъ. Плотники и каменщики, несмотря на законъ Эдуарда III, провозглашавшій, что «союзы плотниковъ и каменщиковъ недѣйствительны», послѣдовали общему примѣру и также сплотились въ ассоціаціи. Впослѣдствіи эти ассоціаціи были объявлены преступленіемъ. Сельскіе рабочіе примкнули къ своимъ городскимъ собратьямъ и, какъ утверждаютъ, почти всѣ сдѣлались въ концѣ XIV в. членами рабочихъ союзовъ, прочно организованныхъ и хорошо дисциплинированныхъ. Для того, чтобъ устоять въ борьбѣ съ хозяевами, на сторонѣ которыхъ былъ законъ, рабочіе союзы должны были обладать извѣстными денежными средствами. Крестьяне основали кассу взаимопомощи, покрывая изъ членскихъ взносовъ штрафы, которые налагались на ихъ товарищей. Это помогало имъ бороться съ существующимъ порядкомъ. Для этой же цѣли ремесленники ввели систему обученья. Адамъ Смитъ строго критикуетъ ее, предполагая, что она имѣла въ виду искусственное повышеніе заработной платы и препятствовала свободному приложенію труда, закрывая доступъ остальнымъ рабочимъ. Но въ дѣйствительности вопросъ о высотѣ заработной платы,—замѣчаетъ Роджерсъ,—не рѣшается такъ легко. Его рѣшеніе находится въ связи съ изученіемъ спеціальныхъ причинъ, обусловливающихъ вознагражденіе труда, и тѣхъ законовъ, которые регулируютъ цѣны продуктовъ.

Система обученія возникла благодаря тому, что ремесленные цехи стремились сохранить за собою навсегда свои профессіональныя льготы, которыя достались имъ съ такимъ трудомъ. На практикѣ ученичество существовало еще задолго до того, какъ оно было признано и даже предписано закономъ. Но не всѣ ремесленные цехи практиковали систему обученія,—обычай допускалъ исключенія. Срокъ обученья длился почти всегда семь лѣтъ; иногда онъ былъ указанъ закономъ. Пріемъ въ члены цеха совершался по цеховымъ правиламъ. Первымъ условіемъ пріема было предварительное обученье. Можетъ быть, представители цеховъ, ставя это условіе, руководились чисто-матеріальными соображеніями, можетъ быть, они стремились сузить поле конкурренціи, создавая преграды на самомъ по-

рогѣ своей профессіи, и, наконецъ, можетъ быть, желали поддержать свое искусство на прежней высотѣ.

Въ средніе вѣка заработная плата искусныхъ ремесленниковъ превышала на 50% плату земледѣльческихъ рабочихъ. Это объяснялось тѣмъ, что ремесленники должны были постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто и, благодаря этому, жизнь стоила имъ дороже, чѣмъ земледѣльческимъ рабочимъ. Когда ремесленникъ призывался для постройки храма или монастыря, онъ принужденъ былъ покинуть свою семью и жить на два дома, что составляло лишніе расходы. Разумѣется, онъ требовалъ болѣе высокаго вознагражденія за свой трудъ и не двинулся бы съ мѣста, еслибъ не удовлетворили его требованій, въ особенности когда спросъ на рабочія руки былъ великъ. Высокая заработная плата въ Лондонѣ обусловливалась тѣми же причинами: спросъ превышалъ предложеніе, а жизнь здѣсь была дороже, чѣмъ въ деревнѣ или маленькихъ провинціальныхъ городкахъ. Каменщикъ въ Оксфордѣ получалъ 440 лѣтъ тому назадъ сравнительно лучшую плату, чѣмъ теперь въ Лондонѣ, и работалъ всего 8 часовъ въ сутки, вмѣсто 56 час. въ недѣлю. Правда, средневѣковые ремесленники были настоящими художниками. Каковы бы ни были недостатки средневѣковой системы обученья—говоритъ Роджерсъ—нужно ей отдать справедливость, что она способствовала развитію искусства и усовершенствованію самаго качества ремесленнаго труда.

Городскія и деревенскія гильдіи спасли средніе вѣка отъ пауперизма, сообщили извѣстную устойчивость заработной платѣ и послужили связующимъ звеномъ между различными рабочими ассоціаціями, которыя преслѣдовали тѣ же цѣли, что и современные тредсъ-уніоны.

Удивительно, что эти ассоціаціи—замѣчаетъ Роджерсъ—стремившіяся главнымъ образомъ улучшить положеніе рабочихъ, такъ мало привлекали вниманіе экономистовъ. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что ихъ исторія тонетъ въ глубинѣ вѣковъ и только въ новѣйшее время стали заниматься ею.

Я не стою за государственное вмѣшательство,—говоритъ Роджерсъ,—я нахожу, что оно должно быть строго ограничено; но если я отрицаю его, когда оно направлено на защиту рабочаго, то тѣмъ болѣе отрицаю его, когда оно отстаиваетъ интересы имущихъ классовъ. Если законъ санкціонируетъ привиллегіи однихъ, то другіе вправѣ требовать ограниченія рабочаго времени законодательнымъ путемъ. Въ XV в. рабочимъ удалось добиться восьмичасового рабочаго дня только благодаря своимъ объединительнымъ усиліямъ, и предприниматели первые нашли въ этомъ выгодную сторону.

Доктрина *laissez faire*, высказанная впервые физіократами во Франціи, получила примѣненіе въ Англіи въ двадцатыхъ годахъ этого вѣка. Успѣхъ ея былъ полный: свобода въ сферѣ экономической жизни восторжествовала и протекціонизмъ уступилъ мѣсто свободной конкурренціи. Но, несмотря на этотъ быстрый успѣхъ, вскорѣ спохватились, что *laissez faire* вовсе

не панацея, способная исцѣлить всѣ соціальные недуги. Многіе изъ нихъ представляютъ слѣдствіе тѣхъ причинъ, вредное вліяніе которыхъ пережило ихъ самихъ. Регламентація заработной платы мировыми судьями, хлѣбные законы и т. д. нанесли рабочему такія раны, отъ которыхъ онъ не можетъ оправиться при доктринѣ *laissez faire*; нужно искоренить послѣдствія прежнихъ дурныхъ законовъ путемъ новаго законодательства.

Доктрина *laissez faire* особенно не выдерживаетъ критики, когда дѣло идетъ о рабочихъ классахъ. Экономическая исторія показываетъ намъ, что ихъ вопіющая нищета явилась слѣдствіемъ прежняго законодательства, и трудно улучшить положеніе рабочихъ свободною конкурренціей, предоставивъ ихъ на произволъ судьбы.

Отрицая вмѣшательство государства въ ограниченіе рабочаго дня для взрослыхъ, я апплодировалъ,— говоритъ авторъ,— когда прошелъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей, такъ какъ онъ уничтожалъ собою прежнія возмутительныя постановленія въ этой сферѣ. Я протестую противъ государственнаго вмѣшательства,—продолжаетъ онъ,—не потому, что отрицаю за нимъ способность исправить бѣды прошлаго, но потому, что считаю болѣе дѣйствительнымъ средствомъ сознательную борьбу самихъ заинтересованныхъ лицъ. Въ XV в., вопреки существующимъ законамъ, рабочіе добились восьмичасового дня, и пусть они завоюютъ его теперь своими собственными усиліями.

Что далъ рабочимъ протекціонизмъ? Хотя современные его защитники и говорятъ, что онъ представляетъ собою покровительство національному труду, т.-е. рабочему и капиталисту, поскольку тотъ является производителемъ, но въ дѣйствительности было не такъ: протекціонизмъ сводился только къ покровительству имущихъ классовъ. Бѣглый взглядъ на прошлое ясно покажетъ намъ, что сдѣлалъ онъ для настоящаго рабочаго; протекціонная политика никогда не была благопріятна для трудящихся массъ.

Никто не станетъ оспаривать, что покровительственная система имѣетъ цѣлью путемъ закона поднять цѣну извѣстныхъ продуктовъ въ данной странѣ. Разумѣется, отъ этого страдаютъ потребители, и такъ какъ чаще всего стараются поднять цѣну тѣхъ предметовъ, которые находятся во всеобщемъ употребленіи, то вполнѣ естественно, что это отражается очень тяжело на неимущихъ классахъ. Сторонники протекціонной системы говорятъ: налагая пошлины на иностранный товаръ, мы хотя и повышаемъ цѣны продуктовъ, но взамѣнъ покровительствуемъ нашей промышленности и даемъ работу безработнымъ. Предположимъ, что новая протекціонная система получила бы признаніе, что на пищевые продукты, на хлопчатую бумагу, шерсть и ленъ наложены запретительныя пошлины, тогда случилось бы слѣдующее: рабочему пришлось бы платить за фунтъ хлѣба столько же, сколько онъ платилъ раньше за полтора; но такъ какъ онъ не могъ бы обойтись безъ хлѣба, то былъ бы принужденъ урѣзать себя на другихъ предметахъ, на одеждѣ и обуви. Спросъ на эти предметы сократился бы, а тогда нечего было бы и думать о расширеніи производ-

ства, и армія безработныхъ не только бы не уменьшилась, но, наоборотъ, увеличилась бы, а заработная плата упала.

Не слѣдуетъ забывать, что нація, практикующая систему покровительства, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Даже рѣшивъ ничего не покупать у другихъ странъ, она принуждена имъ продавать; она платитъ вдвое за свои покупки дома, тогда какъ при свободномъ обмѣнѣ могла бы покупать по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Аграріи, громко требующіе покровительства, слѣпы,—имъ бы слѣдовало, прежде всего, заняться улучшеніемъ своего хозяйства. Развѣ дешевый кормъ, который потребляетъ ихъ скотъ, не вполнѣ вознаграждаетъ дешевизну земледѣльческихъ продуктовъ?

Европа, клонящаяся все больше и больше къ протекціонизму, такъ же сильно заражена милитаризмомъ, и ни для кого не тайна, что большинство европейскихъ бюджетовъ на пути къ банкротству. Государства влѣзаютъ въ долги и покрываютъ ихъ, вводя новые налоги и пошлины на иностранные товары. Но такъ такъ прямые налоги довольно опасная вещь, потому что здѣсь заинтересованы богатые классы, то они всею своей тяжестью обрушиваются на потребителя.

Англія, отказавшаяся отъ протекціонной системы, достигла блестящихъ успѣховъ: она сдѣлалась торговымъ центромъ всего міра и кредиторомъ всѣхъ народовъ. Вывозъ англійскихъ товаровъ всегда привлекалъ вниманіе англійскихъ экономистовъ и государственныхъ людей. Давно уже поняли, что ввозъ долженъ вознаграждаться вывозомъ, хотя теорія торговаго баланса стремилась обезпечить англичанамъ барышъ, реализированный въ звонкой монетѣ. До тѣхъ поръ, пока англійская торговля ограничивалась Севильей и Балтійскимъ моремъ, мало занималась принципами, на которыхъ основывалась эта теорія. Но когда развилась торговля съ Индіей, явилась необходимость изучить ихъ поближе, такъ какъ сдѣлалось яснымъ, что она будетъ требовать постояннаго вывоза англійскихъ денегъ. Индія ничего не производила сама, а только ввозила; да, и кромѣ того, ни одинъ изъ тогдашнихъ англійскихъ товаровъ не могъ быть обмѣненъ на ея продукты. Вывозъ денегъ изъ Англіи въ Индію былъ разрѣшенъ; его оправдывали тѣмъ, что Индія, вывозя привозные товары, вернетъ Англіи съ избыткомъ то количество денегъ, которое вышло изъ ея кассъ. Подобное соображеніе,—замѣчаетъ авторъ,—примѣнимо ко всякому международному обмѣну, но правители XVII и XVIII вв. допускали его только въ исключительномъ случаѣ — въ сношеніяхъ Англіи съ Индіей. Всѣ путались въ вопросѣ о вывозѣ и ввозѣ, предсказывая неизбѣжную гибель странѣ, если она будетъ болѣе ввозить, чѣмъ вывозить.

А между тѣмъ вопросъ о вывозѣ и ввозѣ прекрасно объясняется системой займовъ и погашеній, существующихъ между странами. Англія щедро снабжаетъ другихъ своими капиталами, у нея векселей болѣе чѣмъ на два милліарда стерлинговъ, какъ утверждаютъ; но эта колоссальная цифра не представляетъ даже всего долга колоній. Англійскіе капиталы разлились по всей поверхности земного шара, во всѣхъ частяхъ міра основались англій-

скіе банки, доходы которыхъ выражены въ ежегодныхъ римесахъ, отсылаемыхъ въ Англію. Эти займы и римесы создаютъ кажущуюся путаницу въ статистикѣ международнаго обмѣна. Займы высылаются не звонкою монетой, а товаромъ. Если нѣсколько займовъ совершилось подъ-рядъ въ небольшой промежутокъ времени, вывозъ страны - заимодавца быстро повышается, ея индустрія процвѣтаетъ, торговля оживляется. Но тогда какъ вывезенные товары фигурируютъ въ столбцахъ вывоза, долговыя обязательства, полученныя взамѣнъ, не помѣщаются въ столбцахъ ввоза. Если же страна, какъ, наприм., Англія, продолжаетъ давать взаймы въ теченіе многихъ лѣтъ, скопившіеся проценты по старымъ долгамъ, которые она получаетъ ежегодно, начинаютъ превосходить сумму новыхъ займовъ, совершенныхъ въ этотъ промежутокъ времени. А такъ какъ эти проценты уплачиваются товаромъ, то, несомнѣнно, ея ввозъ будетъ превышать вывозъ. Въ данномъ случаѣ излишекъ ввоза надъ вывозомъ свидѣтельствуетъ не о томъ, что страна даетъ больше, чѣмъ получаетъ, а какъ разъ наоборотъ, что она получаетъ больше, чѣмъ даетъ.

Если государство расходуетъ больше, чѣмъ на это можетъ удѣлить національное производство, оно принуждено дѣлать долги. Система государственныхъ займовъ съ гарантіей уплаты процентовъ и долга была позаимствована Европой у Нидерландовъ.

Европа многимъ обязана Голландіи: послѣдняя преподала ей науку земледѣлія и сообщила тайны кредита; она научилась въ голландской школѣ искусству навигаціи, взяла у нея первые уроки международнаго права, физики, механики, раціональной медицины и юриспруденціи. Голландія преподала ей принципы налоговой системы. Эта маленькая страна, изощривъ въ борьбѣ съ Испаніей всѣ средства, чтобы добыть необходимые рессурсы, довела эту науку до совершенства. Голландцы рѣшились прибѣгнуть къ займу только тогда, когда были истощены всѣ другія средства. При режимѣ налоговъ, которому не предвидѣлось конца, въ силу необходимости уплачивать проценты по сдѣланнымъ займамъ, все въ Голландіи было подвергнуто обложенію. Но голландцы никогда не считали возможнымъ облагать въ свою пользу чужія націи, они прекрасно знали, что торговля можетъ процвѣтать лишь тогда, когда она свободна.

Націи имѣютъ несомнѣнное право пускать въ ходъ всевозможныя средства, чтобъ избѣжать гибели или пріостановки дальнѣйшаго прогресса. Но не увлекаются ли онѣ подчасъ безразсудными предпріятіями, поощряемыя легкостью займа? Онѣ не должны забывать, что въ конечномъ итогѣ всякій заемъ падаетъ всей своей тяжестью на трудящіеся классы, такъ какъ влечетъ за собою введеніе новыхъ налоговъ. Портеръ въ своей книгѣ о *Прогрессѣ націи* прекрасно показалъ, что расходы по большой континентальной войнѣ отразились главнымъ образомъ на промышленныхъ рабочихъ. Все было тогда обложено въ Англіи. Трудящіеся классы не имѣли голоса въ парламентѣ и ихъ жалобы потонули въ пустомъ пространствѣ. Если вводятся новые налоги, отъ этого страдаетъ больше всего бѣднякъ.

Намъ остается упомянуть еще о роли государства, въ качествѣ предпринимателя. Правительства имѣютъ склонность,—говоритъ Роджерсъ,—подавлять все больше и больше частную иниціативу.

Посмотримъ,—замѣчаетъ авторъ,—какъ дѣйствуетъ англійское правительство въ качествѣ предпринимателя. Почта была создана въ Англіи Кромвелемъ парламентскимъ актомъ 1657 г. въ интересахъ торговли и удобства полиціи. Этотъ актъ былъ утвержденъ при реставраціи и почта сдѣлалась однимъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Защитники государственной монополіи утверждаютъ, что правительство прекрасно справляется со своею задачей; англійская почта функціонируетъ съ такою быстротой и пунктуальностью, какую трудно встрѣтить при частной конкурренціи. Публика и государство отъ этого только выигрываютъ, такъ какъ,—съ одной стороны,—цѣны умѣренныя, а съ другой—доходы, поступающіе въ государственную казну, значительнѣе. Но достоинства англійской почты,—говоритъ авторъ,—объясняются вовсе не рвеніемъ правительства, а главнымъ образомъ критикой публики.

Совсѣмъ другой примѣръ представляетъ выкупъ государствомъ телеграфовъ. Прежде всего, онъ наглядно покажетъ намъ, на какія препятствія натыкается правительство всякій разъ, когда оно думаетъ выступить въ качествѣ предпринимателя. Когда правительство вступило въ переговоры съ различными компаніями, послѣднія запросили неслыханную цѣну. Проще было бы создать новое предпріятіе и вступить съ ними въ конкурренцію. Но покупка состоялась. Потому-то нигдѣ отправка телеграммъ не стóитъ такъ дорого, какъ въ Англіи, а доходы едва покрываютъ проценты съ выкупной суммы. Что же касается англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, то онѣ представляютъ вполнѣ дѣло частной антрепризы, и нужно замѣтить, что нигдѣ, ни въ одной цивилизованной странѣ, не организована такъ хорошо перевозка пассажировъ и транспортъ кладей, какъ въ Англіи. А, между тѣмъ, и здѣсь поговариваютъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ. Есть кое-какія соображенія за; но, съ другой стороны, разъ государство не будетъ нести той же отвѣтственности, какой оно подчинило желѣзнодорожныя компаніи, не опасно ли подвергать случайностямъ имущество и жизнь пассажировъ? Компаніи, боясь огромныхъ вознагражденій за несчастные случаи, въ своихъ же интересахъ принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, тогда какъ чиновники, не участвуя въ дивидендахъ, не будутъ руководиться подобными соображеніями. Да и, кромѣ того, развѣ опытъ не показываетъ намъ, что, наоборотъ, нужно сужать, а не расширять кругъ правительственныхъ полномочій? Централизація развилась до того, что парламентъ не въ состояніи выполнить всѣхъ взятыхъ на себя обязательствъ. Выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ розовьетъ еще больше бюрократію, которая и безъ того уже сильна.

Да и, наконецъ, развѣ компаніи согласятся уступить государству свое предпріятіе за умѣренную цѣну? Не потребуютъ ли онѣ такого же громад-

наго вознагражденія, какъ при продажѣ телеграфовъ? А отъ этого пострадаетъ опять англійскій народъ, на котораго обрушится вся тяжесть налоговъ.

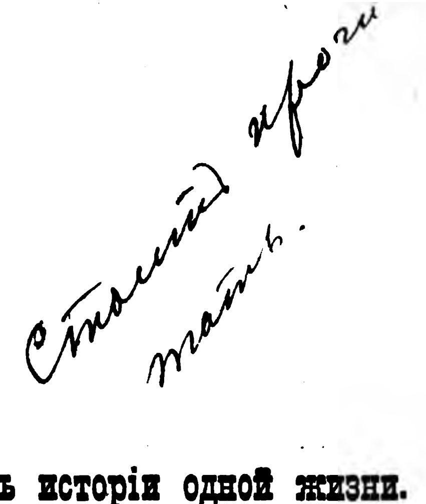
Остается сказать еще нѣсколько словъ о предпринимательской роли государства въ сферѣ промышленности. Я не буду касаться,—замѣчаетъ Роджерсъ,—той его роли, какую возлагаютъ на него нѣкоторыя соціалистическія группы, предлагая ему выступить въ качествѣ единственнаго и универсальнаго предпринимателя, регулирующаго всѣ виды промышленности и распредѣляющаго продукты на основаніи строгой справедливости; я разсмотрю его другую, менѣе широкую роль, когда оно выступаетъ въ качествѣ обыкновеннаго предпринимателя, конкурирующаго съ другими въ поставкѣ различныхъ предметовъ, и покажу, какъ оно справляется съ своей задачей.

Послѣ того, какъ англійскій парламентъ вотировалъ субсидіи для морскихъ сооруженій, корона основала верфи и морскіе арсеналы. Долгое время королевскіе арсеналы были единственными поставщиками военныхъ кораблей, но съ развитіемъ техники у нихъ явились конкурренты, которые были въ состояніи выдерживать съ ними конкурренцію, благодаря введенію различныхъ усовершенствованій, вродѣ навѣсовъ для защиты отъ бомбъ большого калибра. Иностранныя державы стали поручать имъ свои заказы. Но, несмотря на это, правительство продолжало развивать государственную индустрію и предприняло даже фабрикацію ружей и холоднаго оружія, сосредоточивъ на своихъ заводахъ изготовленіе всѣхъ военныхъ снарядовъ, для національной обороны.

Конечно, все это обходилось ему гораздо дороже, чѣмъ частнымъ предпринимателямъ, такъ какъ въ цѣну производства приходилось включать еще расходы по администраціи, но оно упрямо стояло на своемъ. Кромѣ того, здѣсь открывался широкій просторъ для различнаго рода злоупотребленій и фаворитизма. Случалось не разъ, что техники и изобрѣтатели, часто довольно неспособные, стоявшіе во главѣ администраціи, закрывали доступъ своимъ конкуррентамъ извнѣ, а государственная казна должна была платиться за ихъ неудачныя попытки въ сферѣ изобрѣтеній.

Нація будетъ рукоплескать намъ,—говоритъ въ заключеніе Роджерсъ,—когда мы разоблачимъ всѣ тайны злоупотребленій, которыми окутана она.

И. Г.

Совѣсть въ исторіи одной жизни.

I.

Никогда, кажется, въ теченіе всей человѣческой исторіи такъ часто и настойчиво не произносилось слово *скучно*, какъ въ наши дни. Оно, повидимому, замѣнило собой множество самыхъ разнообразныхъ понятій—философскаго, художественнаго и практическаго характера. Больше не говорятъ: это разсужденіе „нелогично, литературное произведеніе — дурного направленія и слабаго таланта, человѣкъ держится сомнительныхъ убѣжденій. Нѣтъ: будь то книга или личность,—достаточно бросить—*скучно*,—и эти два слога покроютъ собой и логику, и талантъ, и принципы.

Всегда, конечно, имѣлся обширный разрядъ людей, спеціально преданныхъ скукѣ. Во всѣ времена существовали и будутъ существовать одряблѣвшіе пошляки, едва обладающіе способностью реагировать на простѣйшія физіологическія впечатлѣнія и по необходимости все, кромѣ этихъ впечатлѣній, клеймящіе эпитетомъ—*скучно*. Не мало также было и будетъ лукавыхъ глупцовъ и находчивыхъ невѣждъ, искусно прикрывающихъ неразуміе и ограниченность многозначительнымъ скучающимъ видомъ. Все это—обычные отбросы цивилизаціи и ради нихъ не стоило бы тратить словъ.

Но нашему времени выпало на долю измѣнить исконную картину скучающаго человѣчества. Удручающій вздохъ или даже злобный крикъ — *скучно*—слышится изъ устъ благородныхъ и мудрыхъ пожалуй даже чаще, чѣмъ изъ низкихъ и неразумныхъ. Стóитъ присмотрѣться къ современной литературѣ, чтобы почувствовать всю необъятность царства скуки надъ человѣкомъ конца XIX вѣка.

Еще не особенно давно на литературной сценѣ разыгрывались изумительно шумныя и яркія зрѣлища, происходили настоящія генеральныя сраженія—на жизнь и смерть той или другой школы, художественной идеи, или просто—одного избраннаго таланта. Откройте газеты или журналы, все равно иностранные или русскіе, — положимъ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ,—вы сразу очутитесь будто въ другомъ мірѣ... И изъ-за чего, скажете вы, эти люди портили столько крови, выходили изъ себя изъ-за какой-то философской или эстетической Гекубы, писали такія длинныя и

основательныя статьи — въ проповѣдническомъ или даже азартно-трибунскомъ тонѣ... Изъ-за чего? Не все ли равно, — внукамъ этихъ наивныхъ воиновъ пришлось скучать и какъ отъ огня спасаться отъ основательности и краснорѣчивѣйшей убѣдительности.

Все это намъ не по силамъ. Мы не станемъ ничего доказывать и никакой вѣры не намѣрены распространять. Хорошо, если нашего вниманія хватитъ на летучія *импрессіонистскія* отмѣтки, если мы за одинъ разъ пробѣжимъ двѣ - три страницы коротенькихъ, бойкихъ фразъ, набросанныхъ авторомъ отнюдь не для выясненія идеи или—упаси Боже—системы, а просто — съ цѣлью подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніями минуты. Вѣдь только еще впечатлѣнія могутъ быть не скучны, а мысли, доказательства — все это будто свинцовыя тучи гнетутъ надорванную грудь и безкровный мозгъ современнаго интеллигента.

Писатели быстро смекнули, чего отъ нихъ требуется, и принялись забавляться—s'amuser: это ихъ собственное выраженіе:—забавляться и забавлять. Когда-то, напримѣръ, сборники критическихъ статей назывались: *опыты, этюды, изслѣдованія*,—теперь на красивыхъ и по возможности «удобныхъ» томикахъ читаются: *впечатлѣнія, наброски, эскизы;* прежніе термины говорили о трудѣ, продуманности, извѣстныхъ усиліяхъ мозга,—новѣйшіе—о молніеносной быстротѣ пера и своевольныхъ зигзагахъ воображенія. Фельетонная спѣшная и до самозабвенія игривая болтовня во всей неприкосновенности поступаетъ въ книгу и разсчитываетъ, слѣдовательно, на прочное господство у современниковъ и у потомства.

И посмотрите—какихъ предѣловъ достигаетъ эта власть! Когда-то французская академія Дидро считала не достаточно солиднымъ, Руссо—слишкомъ безразсуднымъ, а Виктора Гюго—прямо лишеннымъ здраваго смысла, чтобы наградить ихъ «безсмертьемъ». Друзья величайшаго французскаго поэта вынуждены были доказывать академикамъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, что авторъ *Кромвеля* не такая ужъ бездарность и не совсѣмъ еще годится въ кліенты сумасшедшаго дома... Такою строгостью и щепетильностью отличалась почтенная корпорація на памяти нашихъ отцовъ! А теперь,—она увѣнчиваетъ *Впечатлѣнія* какого-нибудь Леметра, замѣчательныя тѣмъ, что — при тождествѣ предметовъ — никогда не походятъ одно на другое, — а потомъ и самого автора вводитъ въ свое святилище. И совершается это послѣ того, какъ «критикъ» доказалъ или старался доказать невозможность какой бы то ни было опредѣленности критическихъ взглядовъ и идей, т.-е. вообще литературной критики! Существуютъ только случайныя минутныя нервныя ощущенія, ихъ можно уловить и закрѣпить словами, но въ слѣдующую минуту они исчезнутъ, смѣнятся другими, можетъ быть совершенно противоположными,—и статья тогда получится такого содержанія: средина будетъ отрицать начало, а конецъ—опровергнетъ и то и другое. Общаго вывода никакого не получится, но читатель, несомнѣнно, развлечется, а главное—ни на единый моментъ не почувствуетъ утомленія и необходимости сдѣлать умственное усиліе.

Мы отнюдь не шутимъ и не преувеличиваемъ. Каждый по собственному опыту можетъ убѣдиться въ прелестяхъ новѣйшей критики по самымъ моднымъ произведеніямъ, и для этой цѣли даже не требуется прибѣгать къ иностраннымъ источникамъ. Мы давно извѣстны за очень понятливыхъ учениковъ, и отечественные газетные гаеры и профессіональные увеселители вполнѣ оправдываютъ эту славу. Конечно, явленіе остается по качеству тѣмъ же, какимъ оно было и во времена злополучнѣйшихъ Иванушекъ, т.-е. грубымъ до циничности и карикатурнымъ до уродства.

Все равно, какъ западный символизмъ на русской почвѣ превратился въ шарлатанство и истерическое фиглярство,—импрессіонизмъ вылился въ откровеннѣйшую форму всяческой безпринципности и нравственнаго отупѣнія. Именно у насъ расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ импрессіонистская публицистика, т.-е. такая же неуловимость и прихотливость «впечатлѣній» въ области общественныхъ вопросовъ, какими щеголяютъ западные авторы—въ художественной критикѣ. Именно у насъ, будто ползучая сорная трава, заполонилъ періодическую печать особый жанръ фельетоннаго ухарства, вдохновляющій обязательныхъ поставщиковъ веселаго матеріала на всевозможныя предпріятія, лишь бы только они лежали внѣ сферы уголовнаго кодекса.

Въ этомъ отношеніи исторія иного «политическаго» русскаго изданія и біографія литературнаго критика могли бы представить едва ли не самый забавный импрессіонистскій фельетонъ, какой только мыслимъ въ концѣ скучающаго столѣтія. Но публикѣ нѣтъ дѣла до подобныхъ соображеній. Ей даже пріятнѣе читать веселое произведеніе, написанное спеціально веселымъ авторомъ. Читатель начинаетъ улыбаться, еще не зная содержанія написаннаго, а только прочитавъ знакомую подпись: заслуженный авторъ не выдастъ своихъ друзей и выполнитъ свою роль цѣной какой угодно истины и всего своего человѣческаго достоинства.

Всякіе лавры всегда не даютъ спать кому-нибудь,—и газетное раёшничество быстро образовало цѣлую школу. Появились органы, будто сплошь состоящіе изъ однихъ набросковъ и фельетончиковъ, готовые прыгать выше собственной головы, лишь бы читатель не встрѣтилъ ни одной «скучной» строки. А такъ какъ всякое литературное направленіе не только предварительно отвѣчаетъ на запросы публики, но съ теченіемъ времени создаетъ и свою публику,—въ результатѣ импрессіонизмъ и шутовство грозятъ прямо съѣсть литературу и публицистику, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ распоряженіи дѣйствительно неотразимое оружіе.

Позвольте напомнить одну изъ эффектнѣйшихъ шекспировскихъ сценъ. Происходитъ она между героями, олицетворяющими двѣ противоположныхъ натуры, два непримиримыхъ міросозерцанія. На полѣ битвы встрѣчаются принцъ Генрихъ и Фольстафъ. Принцъ весь поглощенъ серьезностью положенія и величіемъ момента, охваченъ благороднымъ жаромъ борьбы; Фольстафъ здѣсь же, рядомъ съ принцемъ, но у него ни единый нервъ не отзывается на волненія царственнаго товарища и драматизмъ совершающихся событій. Вмѣсто оружія онъ протягиваетъ принцу бутылку съ виномъ...

Вотъ безсмертная картина пошлости и благородства въ ихъ стихійныхъ столкновеніяхъ на общественной сценѣ! И какъ часто именно намъ приходится видѣть торжествующихъ Фольстафовъ, и какъ рѣдко въ отвѣтъ на ихъ дары слышится негодующая рѣчь и крикъ отвращенія! Намъ *скучно,* а что же легче и пріятнѣе прогоняетъ скуку, какъ не замѣна мысли и дѣятельности хмѣльнымъ напиткомъ, будь то даже чисто-желудочное зубоскальство наемнаго потѣшника.

Мы нѣсколько увлеклись своими горькими чувствами по поводу новѣйшихъ литературныхъ явленій, имѣя въ виду собственно не эту тему. Мы только хотѣли подчеркнуть всѣмъ очевидное настроеніе современнаго читателя, безпомощно захваченнаго сѣтями повальной скуки. У насъ нѣтъ никакихъ поучительныхъ намѣреній: нѣтъ ничего безцѣльнѣе и трагикомичнѣе, какъ читать мораль скучающимъ людямъ. Намъ уже давно и краснорѣчиво разъяснили, что литература разъ навсегда должна отказаться отъ былыхъ просвѣтительныхъ цѣлей. Мы не герои и не святые,—писалъ французскій критикъ,—и не желаемъ состоять на амплуа Донъ-Кихота. Достаточно было опытовъ со всякими просвѣтителями: жизнь неизмѣримо выше идеи и инстинктъ сильнѣе принципа. Это совершенно очевидно изъ перемѣны декорацій на сценѣ, когда-то видѣвшей «литературную республику» во всемъ блескѣ «великой державы»... Если такъ полагаютъ наслѣдники единственнаго въ мірѣ идейнаго богатства, что же остается намъ, «позднимъ пришельцамъ»? Намъ, въ качествѣ таковыхъ, уже психологически естественно чувствовать страхъ и трепетъ оказаться въ смѣшномъ, отсталомъ положеніи и разыграть роль несовершеннолѣтнихъ идеологовъ. И мы не только не отстаемъ и не проявляемъ наивности и донъ-кихотства, а даже можемъ подчасъ изумить своихъ учителей. Какой-нибудь Верлэнъ или Лемэтръ могли бы со стыда сгорѣть предъ прогрессомъ декаданса и импрессіонизма на нашей скиѳской почвѣ.

Въ результатѣ, французскій писатель еще можетъ отважиться вернуться къ старымъ литературнымъ преданіямъ, хотя эта рѣшимость приходитъ, очевидно, очень рѣдко. По крайней мѣрѣ, французская литературная и общественная исторія за послѣднія десятилѣтія представляетъ совершенно неожиданное зрѣлище для культурной страны. Французскіе критики совсѣмъ перестали интересоваться прошлымъ, и Лемэтръ даже возвелъ въ правило критическое репортерство, полное забвеніе *историческихъ* явленій и именъ. Только то, что въ данную минуту предъ глазами, должно сосредоточивать наше вниманіе, а все *бывшее* пусть остается въ рѣкѣ забвенія. И если бы вамъ вздумалось изучать французскую литературу XIX вѣка, вы именно среди французовъ не нашли бы ни историковъ, ни руководителей. На ваше изумленіе и, пожалуй, отчаяніе французскій писатель отвѣтилъ бы: «у насъ ежедневно совершается столько событій, что намъ некогда заниматься исторіей, въ пору считаться съ настоящимъ...»

И считаться, конечно, импрессіонистскимъ способомъ, т.-е. литературой, по быстротѣ и внутреннему достоинству стоящей на уровнѣ «событій».

Вотъ какое направленіе, несомнѣнно, талантливѣйшей и вліятельнѣйшей западной литературы влечетъ насъ и простираетъ свою власть на неопредѣленно-далекое будущее. Трудно при такихъ условіяхъ отважиться на бесѣду объ очень старомъ и почти забытомъ писателѣ,—да, кромѣ того, еще писателѣ совсѣмъ не современнаго типа во всѣхъ смыслахъ. А у насъ, кромѣ того, и еще одно затрудненіе. Годовщины, новыя изданія сочиненій или новыя работы объ авторѣ—вполнѣ резонные поводы вести разговоръ о писателѣ какого угодно времени. Предъ нами нѣтъ ни одного подобнаго оправдательнаго обстоятельства, и мы принуждены обратиться къ неособенно, можетъ быть, убѣдительнымъ соображеніямъ, чтобъ объяснить нашъ выборъ.

Мы сказали, нашъ писатель не похожъ на нашихъ современниковъ, и это будетъ видно дальше, но у него есть одна и, притомъ, самая существенная черта, приближающая къ намъ его личность и дѣятельность. Онъ—тоже импрессіонистъ, всю жизнь писалъ только о своихъ впечатлѣніяхъ и не выходилъ изъ ихъ круга во имя какихъ бы то ни было идей и внѣшнихъ цѣлей. Здѣсь его сила и слабость, и онъ ни на минуту не старался дѣйствительную слабость подмѣнить кажущеюся силой при помощи очень распространеннаго и доступнаго средства--красивой и величественно-послѣдовательной теоріи. Перомъ писателя водила исключительно дѣйствительность въ самомъ простомъ, прозаическомъ смыслѣ слова, т.-е. различныя происшествія въ личной и современной общественной жизни. Они, конечно, далеко не всегда отличались возвышеннымъ характеромъ, и писатель вслѣдъ за страницами благороднѣйшаго лиризма и величественныхъ идей набрасывалъ строки разочарованія и жалобъ. Онъ не старался геройствовать и вытягиваться во весь ростъ ни для собственнаго удовольствія, ни на удивленія публики. Онъ—живая лѣтопись своей эпохи и драматическій хоръ совершавшейся на его глазахъ исторіи.

Правда, эта исторія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла въ самомъ патетическомъ тонѣ и колебала основы государства, церкви и общества. Но буря улеглась, и тѣмъ безцвѣтнѣе и безжизненнѣе казалась наставшая тишина!...

Нашъ писатель принималъ живѣйшее участіе въ бурѣ, не бросилъ пера и въ покоѣ. Трудно даже сказать, когда его рѣчь дышала болѣе увлекательнымъ одушевленіемъ — одновременно ли съ общимъ подъемомъ страстей, или въ періодъ общаго малодушія и страха.

Вотъ здѣсь и скрывается великая разница между «впечатлѣніями» нашего героя и современныхъ публицистовъ и критиковъ импрессіонистскаго направленія. Скука, со всѣхъ сторонъ налегающая на насъ, не является ни силой, ни даже значительнымъ историческимъ фактомъ. Разсказываютъ же очевидцы французской революціи и позже еще болѣе тяжкихъ временъ—осады Парижа прусскими войсками—о философахъ, ни на минуту не прерывавшихъ обычнаго хода своихъ дѣлишекъ изъ-за общественныхъ бѣдствій.

Какой-нибудь обыватель предмѣстья правильно совершалъ ежедневныя путешествія въ центръ города за любимыми пирожками, уличныя торговки каждое утро являлись на перекрестки со всякою мелочью и равнодушно обходили лужи крови, стоявшія на парижскихъ улицахъ во дни сентябрьскихъ убійствъ, беззаботные франты подъ шумъ гражданской войны обдѣлывали интрижки и еще съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ обыкновенное время... Такъ могла пронестись одна изъ величайшихъ всемірно-историческихъ бурь, и между тѣмъ у иного современника осталось въ памяти нѣсколько дней безъ пирожковъ и какая-то странная назойливая уличная суета. И можно даже назвать не мало записокъ и историческихъ разсказовъ, написанныхъ какъ разъ по этой программѣ. Всегда въ человѣчествѣ сохранится типъ того англійскаго джентльмена, который не удостоилъ вниманіемъ рѣчи Кромвеля, такъ какъ у оратора были не совсѣмъ свѣжи манжеты, и того французскаго церемоніймейстера, который затруднился пропустить къ его величеству министра въ моментъ государственной опасности, такъ какъ у министра башмаки оказались безъ пряжекъ.

Во всякую эпоху можно быть и пошлякомъ, и героемъ, весь вопросъ— *какъ* относиться къ своему времени и на какихъ впечатлѣніяхъ останавливаться. Одно и то же время создало Тацита и тьму поэтовъ, тождественныхъ съ нашими декадентами по теоріи и практикѣ «творчества». Первые мученики христіанства жили и страдали рядомъ съ чудовищнѣйшими представителями «римскихъ пороковъ».

Общій ходъ человѣческихъ дѣлъ можно сравнить съ очень сложнымъ спектаклемъ. Среди толпы зрителей одинъ заинтересуется смысломъ пьесы, другой—игрою артистовъ, третій—декораціями, а четвертый—даже не сценой, а только зрительною залой, вопросомъ, кто изъ его знакомыхъ въ театрѣ.

Точно такъ же и въ исторіи. Нѣтъ періода, изъ котораго нельзя было бы извлечь великихъ истинъ, нѣтъ общества, которое не представило бы наблюдателю поучительнѣйшаго психологическаго и нравственнаго зрѣлища, нѣтъ, наконецъ, положенія, кромѣ развѣ одиночнаго заключенія, когда человѣкъ имѣлъ бы право изнывать въ безысходной тоскѣ и безпомощно или озлобленно бороться съ неизбывнымъ томленіемъ духа.

Одни и тѣ же факты у разныхъ людей вызываютъ часто совершенно противоположные душевные процессы: это—явленіе самое заурядное, но оно получаетъ великій смыслъ на исторической и общественной почвѣ. Возьмемъ опять литературный примѣръ.

Гамлетъ и Лаэртъ приблизительно въ сходныхъ драматическихъ положеніяхъ: оба потеряли своихъ отцовъ и оба должны мстить за ихъ смерть. Точки отправленія почти совпадаютъ, но какая разница въ путяхъ! У принца фактъ вызываетъ страшную, небывалую драматическую борьбу, до самыхъ основъ колеблетъ его нравственный міръ, порождаетъ нескончаемую цѣпь вопросовъ и думъ,—и независимо отъ какихъ бы то ни было великихъ событій, даже безъ всякихъ событій, предъ нами развертывается одна изъ самыхъ сложныхъ и захватывающихъ трагедій.

А Лаэртъ? У него, осиротѣлаго сына и брата, оказывается въ распоряженіи нѣсколько громкихъ фразъ, грозныхъ жестовъ и въ заключеніе всего—подлый умыселъ. Ни драмы, ни борьбы, ни единаго проблеска человѣческой души,—и мы, присутствуя равнодушно при кончинѣ шумнаго рыцаря, вмѣстѣ съ датскимъ принцемъ хоронимъ будто свою «лучшую часть».

И мы правы. Эта «лучшая часть»—*совѣсть*, *сознаніе*. Самъ принцъ считаетъ его источникомъ всѣхъ своихъ мученій, но оно именно и ставитъ героя на неизмѣримую высоту предъ окружающимъ міромъ, въ сущности оно только и сообщаетъ драматическій интересъ и нравственный смыслъ внѣшнему положенію принца и какимъ бы то ни было эпизодамъ. Говорятъ, міръ не существовалъ бы, если бы не было въ немъ самосознающаго наблюдателя,—вся красота и мощь мірозданія—результатъ нашего духа. Въ этомъ духѣ заключено все, что есть великаго и возвышеннаго на всемъ необъятномъ океанѣ жизни. Такъ и на ограниченной общественной сценѣ и въ существованіи отдѣльной личности.

Всего полвѣка назадъ ни одинъ самый просвѣщенный читатель не могъ представить, чтобы поэзія—«дитя небесъ»—могла снизойти до подлой мелкой жизни и даже извлекать отсюда «перлы». Но вотъ является творческій геній, одаренный чудною властью; за мелочами и пошлостями прозрѣвать тайныя слезы, наслѣживать здѣсь исконныя общечеловѣческія страданія и радости и какъ разъ въ исторіяхъ особенно ничтожныхъ и незамѣтныхъ людей вскрывать сущность «земной юдоли»—несравненно правдивѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ это дѣлалось по поводу самыхъ пышныхъ и величественныхъ героевъ. И писатель самъ съ совершенной точностью объяснилъ тайну своего искусства: она въ *душевной глубинѣ* поэта-наблюдателя. Это то же самое, что *совѣсть* датскаго принца, это—исключительное нравственное богатство личности, творящее чудеса изъ самаго, повидимому, неблагодарнаго и низкаго матеріала, блещущее отвѣтными искрами на призывы, для другихъ нѣмые или пустые значеньемъ. Когда Гамлетъ весь трепещетъ отъ актерскаго монолога, а Полоній жалуется на скуку и не желаетъ слушать безсмысленныхъ для него рѣчей,—намъ представляется вѣчная картина скучающаго внутренне-опустошеннаго человѣчества и немногихъ избранниковъ, неотвратимыми одинокими муками сердца и мысли искупающихъ человѣческое достоинство. Они—эти избранники, по своей *душевной глубинѣ*, по своей *совѣсти*—не могутъ просто и дешево отдѣлаться отъ самой сѣрой дѣйствительности, слово *скучно* не утолитъ ихъ «болѣзни сердца», какъ выражается Глѣбъ Успенскій, и они—продолжаетъ тотъ же писатель,—примутся размышлять и фантазировать, основываясь на своей внутренней сердечной тоскѣ.

И вотъ въ наше-то время будто окончательно вывѣтрилась эта внутренняя сердечная тоска и исчезла вмѣстѣ съ тѣмъ «болѣзнь совѣсти». Мы слишкомъ покорно и легко идемъ во слѣдъ пошлякамъ, хотя во вкусахъ и средствахъ литературы они ни на шагъ не ушли дальше своихъ отда-

леннѣйшихъ предковъ. «Имъ нужна или непристойная интермедія, или скандальная сказка,—иначе они спятъ». О комъ изъ новѣйшихъ литературныхъ весельчаковъ нельзя повторить этой старой рѣчи шекспировскаго героя!...

Мы сознаемъ всю безцѣльность «гражданскихъ» изліяній и,—снова повторяемъ,—не имѣемъ въ виду никакихъ нарочитыхъ поученій. Мы только желаемъ противоставить одной дѣйствительности другую, отвлечь на нѣкоторое время вниманіе читателя отъ неотразимой фигуры современнаго существователя, безнадежно скучающаго, или назойливо игриваго и вызвать изъ прошлаго живой образъ, исполненный *душевной глубины* и *совѣсти*. Это прошлое сравнительно далеко отъ насъ; но сущность не въ безусловномъ совпаденіи жизненныхъ явленій, а въ ихъ общемъ смыслѣ и въ отраженіи ихъ на личномъ духовномъ мірѣ человѣка. А эти вопросы, при какихъ угодно внѣшнихъ частностяхъ, во всѣ времена подлежатъ сравненію и относительной оцѣнкѣ. Она для насъ тѣмъ естественнѣе, что отъ стараго писателя мы услышимъ немало самыхъ новыхъ истинъ, и врядъ ли кто-нибудь другой могъ бы краснорѣчивѣе убѣдить насъ, что источникъ великихъ идей и уроковъ заключается не въ яркости или безцвѣтности эпохи, а въ нашемъ личномъ отношеніи къ ней, въ степени нашей душевной чуткости и высотѣ нашего нравственнаго сознанія.

II.

Мы до сихъ поръ не назвали нашего героя, подражаемъ будто тонкоразсчитанному пріему драматурговъ, выпускающихъ на сцену главное лицо не раньше третьяго акта и послѣ самыхъ интригующихъ разговоровъ о таинственномъ незнакомцѣ. Къ сожалѣнію, мы не находимся въ такомъ выгодномъ положеніи: *имя* нашего героя, навѣрное, извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ. Каждый, по крайней мѣрѣ слышалъ о *Потерянномъ раѣ* и что̀ особенно любопытно—слышалъ даже въ томъ случаѣ, если во всю жизнь ему не суждено было прочесть ни одного иностраннаго литературнаго произведенія. Поэма Мильтона издавна очень распространена среди русскихъ исключительныхъ любителей «божественнаго» и совершенно равнодушныхъ и даже враждебныхъ къ «свѣтскимъ» книгамъ. Ни одно западно-европейское поэтическое произведеніе не переводилось и не издавалось въ Россіи столько разъ, сколько *Потерянный рай*, и не пользовалось такими, можно сказать, *непримиримыми* правами на авторитетъ. Замоскворѣцкій читатель, упивающійся исторіей райской жизни прародителей и ихъ грѣхопаденія, непремѣнно пришелъ бы въ ужасъ отъ нашихъ представленій о Сатанѣ и счелъ бы ихъ клеветой на автора. Противорѣчіе—единственное въ литературной исторіи, но тѣмъ болѣе любопытное, что возникло и существуетъ вполнѣ основательно.

Мы не намѣрены писать трактата ни о Мильтонѣ, ни объ его поэмѣ, и между тѣмъ, разсчитываемъ сдѣлать нѣчто большее—показать поэта въ возможно полномъ и подлинномъ свѣтѣ. Мильтонъ—авторъ поэмы—только

часть этой удивительной личности, и притомъ не самая характерная для насъ, для нашего времени не самая любопытная. Какъ это ни странно, но мы рѣшаемся утверждать: поэму можно прочесть со всѣмъ вниманіемъ только ради другого—*не поэтическаго*—Мильтона, а понять ее во всѣхъ подробностяхъ рѣшительно невозможно безъ этого условія. Въ результатѣ, *популярный* Мильтонъ очень далекъ отъ настоящаго, историческаго человѣка и писателя. Судьба въ сущности сыграла дурную игру съ его великимъ именемъ, наградивъ какой-то половинчатой славой, чуть ли не осудивъ быть усладителемъ созерцательныхъ или чисто-художественныхъ досуговъ,—его, энергичнѣйшаго поборника общественной *мысли* и *жизни*, какихъ только знаетъ классическая родина такихъ дѣятелей!...

Мы менѣе всего склонны приходить въ восторгъ отъ практической или умственной энергіи во имя ея самой. Мы знаемъ, для нашего—ни холоднаго, ни горячаго—времени не убѣдительна самая эффектная картина какихъ бы то ни было подвиговъ—дѣла и слова только потому, что это—подвиги. Ни благородные разбойники, ни радикальные маркизы—вродѣ Карла Мора или Позы—не потрясутъ нашихъ душъ и хорошо, если удостоятся простой терпимости, уйдутъ отъ насъ, не сопровождаемые улыбками насмѣшки и пренебреженія. Въ виду этого мы не рѣшились бы и заговорить о Мильтонѣ, если бы онъ въ жизни былъ поэтомъ, а въ поэзіи идеологомъ, т.-е. громилъ презрѣнную, но невѣдомую ему дѣйствительность съ высоты благороднаго, но недосягаемаго идеала и мнилъ «духа земли» одолѣть «пѣснями ангеловъ». Такихъ героевъ не мало въ человѣческой исторіи и біографіи и личности ихъ—часто обильнѣйшій источникъ для трогательныхъ впечатлѣній и очень основательныхъ мыслей. Но, пожалуй, именно въ этой области современный скучающій человѣкъ представилъ бы намъ серьезнѣйшую опасность, и мы заранѣе гарантируемъ его отъ чувствительныхъ и спеціально-идеальныхъ мотивовъ.

Съ первыхъ же шаговъ предъ нами—два болѣе чѣмъ прозаическихъ положенія, понятныхъ самому обыкновенному смертному: Мильтонъ—питомецъ школьной схоластики и Мильтонъ—жертва легкомысленной супруги.

Оба эти выраженія мы должны понимать въ самомъ простомъ, если угодно, современномъ смыслѣ. Схоластика—не что иное какъ древній классицизмъ въ формѣ грамматики и стилистики, семейная исторія—бѣгство веселой молодой жены отъ скучнаго и слишкомъ солиднаго мужа. Темы—вполнѣ пригодныя для самой живой передовой статьи и пикантнаго романа даже въ концѣ XIX вѣка. Отчасти въ этомъ направленіи они и разработаны самимъ Мильтономъ.

Болѣе совершеннаго «классика», чѣмъ нашъ поэтъ, врядъ ли когда-либо знала самая образцовая классическая школа. Прилежаніе, эта высшая добродѣтель для завоеванія цицероновской латыни и демосѳеновскаго аттицизма, у Мильтона граничило съ фанатизмомъ. Дѣтство Мильтона такое: мальчикъ жадно пожираетъ классическую словесность,—днемъ и ночью, отецъ тщетно борется противъ болѣзненнаго пристрастія, ребенок-

засыпаетъ въ непреодолимой усталости надъ рѣчами Цицерона и поэмами Гомера, и семья принуждена нанять особую прислугу — для наблюденій надъ ночными бдѣніями преждевременнаго ученаго. Они, конечно, жестоко отражаются на его здоровьѣ, головныя боли грозятъ навсегда подорвать неокрѣпшій организмъ,— удивительный ребенокъ пережидаетъ припадки и при первой же возможности снова набрасывается на книги. Воздухъ классной комнаты, повидимому, замѣняетъ ему самый роскошный просторъ полей и соблазнительнѣйшій шумъ столичной улицы. Что можетъ выйти изъ подобнаго ученика?

Мы привыкли думать,—книжный труженикъ, покорный слуга почтенныхъ авторитетовъ, герой среди фоліантовъ и безпомощный экзотическій страдалецъ въ дѣйствительной жизни—своего рода Вагнеръ, знающій единственное на землѣ солнце — ночную лампаду и высшее счастье—десятки, сотни прочитанныхъ томовъ ради самаго чтенія. А потомъ—возможны ли сильныя самостоятельныя умственныя способности у человѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ забивающаго свою память словами, цитатами, фактами ископаемой жизни?...

Отвѣтъ—извѣстный. Принято даже считать за правило,—усерднѣйшіе ученики въ школѣ большею частью оказываются очень посредственными учеными и совершенно заурядными дѣятелями, напротивъ—школа, да еще классическая—пробный *отрицательный* камень оригинальныхъ личныхъ талантовъ.

И намъ кажется столь законнымъ и естественнымъ, когда въ біографіяхъ знаменитыхъ историковъ и естествоиспытателей разсказывается исторія о мужественной *инстинктивной* борьбѣ даровитаго ученика съ школьною рутиной и когда побѣдоносные борцы впослѣдствіи сами присоединятъ свой голосъ къ нашимъ чувствамъ. Да, но именно потому что слишкомъ естественно,— протестующій голосъ и не производитъ на иныхъ скептиковъ всего впечатлѣнія.

Конечно, ученые труды Бокля и Грота отличаются большими достоинствами, открытія Дарвина могутъ быть названы геніальными,—но какая жалость, что Бокль и Гротъ не прошли систематической школы, Дарвинъ не изучилъ основъ естествознанія обычнымъ путемъ, подъ руководствомъ учителей,—тогда у знаменитыхъ историковъ было бы меньше публицистики и романтическихъ увлеченій, и Дарвинъ дошелъ бы до своихъ обобщеній скорѣе и легче...

Такъ безпрестанно толкуютъ настоящіе ученые о разныхъ, хотя бы и геніальныхъ, дѣятеляхъ, — и замѣтьте, толкуютъ уже послѣ того, какъ слава непризванныхъ, по ихъ мнѣнію, жрецовъ науки установилась безъ ихъ вѣдома и участія. А посмотрѣли бы вы, какъ цеховой педантизмъ встрѣчаетъ «непосвященныхъ», т.-е. не воспринявшихъ на свои рамена ихъ «методовъ», «пріемовъ», «научныхъ аппаратовъ»—всего, что съ такимъ достоинствомъ и даже эффектомъ маскируетъ отсутствіе оригинальной мысли и дѣйствительно-научнаго таланта!

Попробуйте заявить этимъ монополистамъ ума и знанія протестъ противъ ихъ сокровищъ,—они непремѣнно предварительно справятся о вашемъ школьномъ цензѣ и вашей участи на поприщѣ мертвой рутины и священныхъ традицій. Горе вамъ, если вы безъ особеннаго блеска прошли обязательный тернистый путь: всѣ ваши доводы утратятъ всякую убѣдительность и получатъ видъ личной мести, самолюбиваго озлобленія на идеалъ, оказавшійся для васъ непосильнымъ.

Но вотъ предъ нами человѣкъ, прямо исключительный именно по своей *школьной* учености, настоящій рыцарь и герой въ неизмѣнно побѣдоносной борьбѣ съ хитрѣйшими задачами вѣковой схоластики, добросовѣстнѣйшая жертва всѣхъ наставническихъ опытовъ. Латинскій и греческій языки становятся для него родными, одно изъ нелѣпѣйшихъ изобрѣтеній англійскаго школьнаго классицизма—стихотворство на древнихъ діалектахъ—у Мильтона превращается почти въ классическую поэзію: такъ легко и изящно изображаетъ онъ разныя солидныя чувства величественной латынью Виргилія и нѣжныя волненія юнаго сердца—игривой музыкой Горація! Даже больше. Давно замершіе звуки какимъ-то чудомъ возвращаютъ себѣ всю былую свѣжесть и жизненность для слуха нашего классика, и онъ до конца дней, будто второй Аттикъ, не можетъ выносить невѣрныхъ и грубыхъ удареній на латинскихъ словахъ.

Такой тонкости и разносторонности врядъ ли достигали самые отчаянные маленькіе цицероны, не видѣвшіе спасенія ни въ нынѣшней, ни въ будущей жизни внѣ грамматической стилистики.

Что же вышло съ Мильтономъ?

Въ университетъ онъ явился съ запасомъ подавляющей учености и въ то же время съ какимъ-то неожиданнымъ настроеніемъ. Вмѣсто того, чтобы и дальше одерживать побѣды надъ школьной мудростью и логически превратиться въ магистра, доктора, профессора,—молодой студентъ вдругъ мѣняетъ фронтъ и начинаетъ вести убійственную аттаку противъ схоластики и всякаго нереальнаго, практически-безцѣльнаго знанія.

Откуда этотъ поворотъ? Вы скажете—результатъ богато одаренной натуры, поэтическаго огня, отъ начала горѣвшаго въ душѣ образцоваго классика?... Всего этого было бы недостаточно: вѣдь, не помѣшали же поэтическіе инстинкты цѣною безсонныхъ ночей и физическихъ страданій—одолѣвать словари древнихъ и новыхъ языковъ и сочинять латинскія поэмы. Если бы вопросъ зависѣлъ отъ поэтическаго таланта,—Мильтонъ, вѣроятно, совсѣмъ не сталъ бы годы самой пылкой впечатлительности тратить на вагнеровскій искусъ. Нѣтъ, въ студентѣ заговорила не муза поэзіи, а самое простое человѣческое *сознаніе*, настоятельная стихійная потребность благороднаго организма—отдавать себѣ строгій отчетъ въ каждомъ явленіи жизни.

И Мильтонъ-юноша прежде всего разсчитался съ своими школьными опытами. Онъ воспользовался обычаемъ англійскихъ университетовъ—на высшемъ курсѣ произнесъ нѣсколько публичныхъ рѣчей, обязательныхъ вообще для всѣхъ студентовъ, но—совершенно на своеобразныя темы.

Рѣчи дышатъ чисто-юношеской искренностью, ораторъ будто исповѣдывался передъ публикой, скорѣе взывалъ къ ея сочувствію, чѣмъ стремился убѣдить холодною логикой. Этотъ пріемъ,—задушевной, откровенной бесѣды съ читателями или слушателями,—останется у Мильтона навсегда,—все равно, какой бы вопросъ ни подлежалъ его обсужденію. Онъ старался прежде всего завоевать *души* и *сердца* въ пользу своихъ идей, отлично сознавая, что безъ *любви* всякая идея мертва, безъ одушевленія и энтузіазма благороднѣйшее предпріятіе становится коснымъ и безплоднымъ.

Какую удручающую перспективу развертывалъ многоученый студентъ предъ своими наставниками и почетными гостями университета! Перспективу тѣмъ болѣе внушительную, что каждая подробность была переиспытана и прочувствована самимъ ораторомъ. Онъ будто предвосхищалъ монологъ Фауста, путемъ безжизненной и безрадостной учености дошедшаго до отчаянія, до страстной тоски о смерти. Слова Мильтона выходили еще, пожалуй, безнадежнѣе: юноша свидѣтельствовалъ, какъ послѣ книжной схоластики мысль слабѣетъ, утрачиваетъ отзывчивость на всякій живой предметъ, человѣкъ теряетъ нравственную энергію и желаніе быть полезнымъ обществу.

Ораторъ такъ разсказывалъ о собственномъ опытѣ:

«Я часто по необходимости долженъ былъ изслѣдовать вдоль и поперекъ тонкости схоластической премудрости, послѣ цѣлаго дня чтенія у меня тупѣлъ разсудокъ и уставали глаза. Я прерывалъ занятія, чтобы минуту передохнуть и почувствовать жалкое утѣшеніе, окинувъ взоромъ свою работу. Мнѣ всякій разъ казалось, что въ сущности я ничего не сдѣлалъ и мнѣ еще безъ конца осталось работать. Тогда я готовъ былъ скорѣе вычистить авгіевы конюшни, чѣмъ возиться съ этими глупостями, и считалъ Геркулеса счастливымъ, потому что Юнона, по своему милосердію, не возложила на него подобной работы...»

Юношѣ казалось, онъ совершилъ путешествіе по какому-то проклятому безплодному краю, гдѣ не на чемъ остановить взора, гдѣ не было ни единаго слѣда высшихъ человѣческихъ дарованій, ни поэзіи, ни истиннаго знанія,—нѣтъ, сказалъ бы Фаустъ, ни жизни, ни счастья.

И не только рѣчи гётевскаго героя слышатся намъ въ краснорѣчіи молодого студента,—онъ не уступитъ Руссо стремительными и безпощадными нападками на эгоизмъ и бездушіе книжныхъ педантовъ. Онъ не побоится предъ ученѣйшей аудиторіей доказывать, что какія угодно познанія далеко не рѣшаютъ вопроса о человѣческомъ назначеніи. Наука должна идти рядомъ съ неустанною силой воли, быть не мертвымъ внѣшнимъ украшеніемъ человѣка, а вдохновительницей его практической дѣятельности. Пусть просвѣщенная мысль сольется въ совершенной гармоніи съ жизнью людей, и возможное счастье водворится на землѣ.

Можно подумать, ораторъ понималъ схоластику и педантизмъ въ слишкомъ устарѣломъ смыслѣ, для насъ уже не интересномъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ. У Мильтона нѣтъ ни одного слова, которое не вызвало бы самаго сочувственнаго отголоска въ сердцѣ современнаго человѣка. Университет-

скія рѣчи — только начало, впослѣдствіи въ особомъ сочиненіи Мильтонъ напалъ на мучительные призраки своей первой молодости.

Прочтите эти страницы—вамъ врядъ ли случалось слышать болѣе убѣдительную и, главное, болѣе компетентную рѣчь противъ грамматической филологіи, прошедшей побѣдоносно даль вѣковъ вплоть до нашихъ дней.

Мильтонъ не станетъ вамъ толковать о переутомленіи, о нервныхъ разстройствахъ: онъ, пожалуй, счелъ бы недостойнымъ прибѣгать къ доводамъ отъ человѣческой *слабости* въ пользу какой бы то ни было истины. Онъ перенесетъ вопросъ на почву исторіи и психологіи и покажетъ вамъ, какіе ущербы потерпѣла цивилизація отъ словесной учености, какіе изъяны наносятся ежедневно нравственному міру отдѣльныхъ жертвъ «чистою филологіей». Онъ съ самоувѣренностью и энергіей личнаго опыта заклеймитъ всю безплодность, все удручающее тунеядство грамматиковъ и риторовъ и поставитъ ихъ ниже самыхъ обыкновенныхъ ремесленниковъ. Впослѣдствіи насмѣшки Мефистофеля не прибавятъ ничего новаго къ этой непреодолимой атакѣ ученѣйшаго филолога противъ ученаго шарлатанства и глубокомысленнаго буквоѣдства. А по значительности и внутреннему смыслу нечего, конечно, и сравнивать игривую иронію скептическаго чорта съ благороднымъ негодованіемъ мыслителя и гражданина.

И не только мыслителя, а, кромѣ того, и геніальнаго поэта: у него идея немедленно вызываетъ образъ, разсужденіе заканчивается картиной, теорія—по существу своему сухая и безличная—подъ перомъ этого человѣка живетъ и искрится юнымъ вдохновеніемъ и искреннѣйшимъ чувствомъ.

Но это не значитъ, будто авторъ ради эффекта обходитъ неблагодарныя подробности и стремится налечь преимущественно на нервы и воображеніе читателя,—нѣтъ. Посмотрите, съ какою тщательностью высчитываетъ Мильтонъ годы, даромъ растрачиваемые молодежью на латинскія и греческія упражненія, съ какою основательностью слѣдитъ за непоправимо-тлетворными результатами классической школы: она не научаетъ своихъ питомцевъ правильно писать и логически думать ни на какомъ языкѣ, даже на родномъ, она не развиваетъ въ нихъ ни общечеловѣческихъ, ни гражданскихъ инстинктовъ, воспитываетъ или нетерпимыхъ, надутыхъ невѣждъ, или безпринципныхъ карьеристовъ. И все потому, — прибавляетъ Мильтонъ,—что въ молодости мы учимся только словамъ или такимъ вещамъ, какихъ лучше бы не знать.

Взамѣнъ крайне вредной оффиціальной программы образованія у Мильтона есть своя, въ высшей степени подробная, оригинальная, не утратившая интереса до нашего времени.

Школа должна воспитывать гражданъ: это—исходный, основной принципъ. Всевозможный «грамматическій и софистическій вздоръ» слѣдуетъ рѣшительно устранить и весь путь образованія приспособить къ цѣлямъ жизни и общественной дѣятельности.

Какъ же это сдѣлать?

Мильтоновскій проектъ отнюдь не поблажка слабымъ способностямъ

учащихся, вообще какому бы то ни было преднамѣренному «либерализму»,—напротивъ, програма Мильтона несравненно отвѣтственнѣе и въ вопросахъ умственнаго развитія труднѣе, чѣмъ казенная. Авторъ—горячій поклонникъ классической литературы и не забываетъ рекомендовать всѣхъ главнѣйшихъ писателей античной древности. Предварительно, конечно, необходимо знакомство съ грамматикой. Оно не должно являться своего рода карой и искусомъ для молодежи,—пусть учитель сумѣетъ грамматическія правила представить въ формѣ возможно интересныхъ объясненій и разсказовъ, пусть скроетъ отъ учащихся терніи и сосредоточитъ ихъ вниманіе на однѣхъ розахъ.

Достигнуть этого въ совершенствѣ, конечно, трудно, но за то дальнѣйшія занятія. безусловно будутъ проникнуты дыханіемъ живой мысли, и тамъ, гдѣ подъ руками педантовъ безъ конца плодятся безцѣльныя и безсмысленныя теоріи, зазеленѣетъ древо жизни—вѣчно цвѣтущее и прекрасное.

Напримѣръ, начните читать Катона и Варрона не съ грамматическими, чисто-словесными цѣлями, а ради предмета и содержанія,—съ какимъ успѣхомъ вы пріохотите учащихся къ удовольствіямъ сельскаго хозяйства, пробудите въ нихъ любовь къ природѣ, и—тогда знакомство съ античными естествоиспытателями прямымъ путемъ проведетъ вашу юную авдиторію къ положительной истинно-жизненной наукѣ. Напримѣръ, книги Аристотеля по естествознанію написаны самымъ простымъ и яснымъ языкомъ,—сколько поводовъ могутъ онѣ представить для увлекательнѣйшихъ бесѣдъ!

Правда, для этого и учителя должны обладать неизмѣримо-высшимъ развитіемъ и болѣе обширными свѣдѣніями, чѣмъ чистые филологи и грамматическіе классики. Мало того. Учитель долженъ стоять на высотѣ рѣшительно всякаго предмета, съ какимъ ему приходится встрѣчаться въ античной литературѣ. Естественникъ для аристотелевской физики, онъ обязанъ быть политикомъ, общественнымъ мыслителемъ, тонкимъ знатокомъ морали и психологіи, — для другихъ важнѣйшихъ произведеній великаго философа. Ни единый часъ классныхъ занятій не долженъ пропадать даромъ для духовнаго совершенствованія учащихся: вѣдь, въ каждомъ прожитомъ моментѣ,—говоритъ Мильтонъ библейскимъ тономъ,—мы отдадимъ отчетъ Богу!...

И посмотрите, какая безграничная и въ то же время манящая перспектива человѣческаго прогресса рисуется подъ перомъ этого оригинальнаго человѣка, то озаряющаго свой путь неожиданными искрами поэтическаго восторга, то поднимающаго свою рѣчь на высоту благороднѣйшей религіозной проповѣди, то разбивающаго своихъ темныхъ противниковъ, невѣждъ и педантовъ, тонкой и въ то же время величественной, ироніей! Никто еще не пользовался столь разнообразнымъ оружіемъ и никто не соединялъ въ такой степени публицистическаго таланта съ поразительными литературными и научными познаніями.

Но и на этомъ рѣдкостномъ соединеніи не кончаются достоинства сочи-

неній Мильтона. Стиль можетъ быть въ высшей степени изящнымъ, художественнымъ, филиграннымъ, ученость — глубокой и даже практически-осмысленной, — но отнимите у этихъ великихъ силъ обаяніе личности писателя, лишите блестящія и поучительнѣйшія страницы того, что Гоголь называлъ *участіемъ* и *сочувствіемъ,* отдѣлите отъ литературной работы писателя исторію его души, — и вы будто солнце устраните съ неба и великолѣпнѣйшій пейзажъ превратите въ царство молчанія и смерти.

У Мильтона это солнце не сходитъ съ горизонта и при самыхъ, повидимому, объективныхъ, строго-логическихъ разсужденіяхъ, мы чувствуемъ напряженный личный интересъ автора: все, что онъ опровергаетъ или доказываетъ, его *былое,* фактъ его біографіи и выводы изъ его опытовъ. Это одинаково справедливо, — идетъ ли вопросъ объ общихъ принципахъ образованія или частныхъ и мелкихъ статьяхъ програмы, вродѣ музыки и пѣнія. Они, по мнѣнію Мильтона, необходимы даже для нравственнаго развитія молодежи. Когда мы читаемъ восхваленіе музыки, напоминающее знаменитый шекспировскій дифирамбъ тому же искусству, — мы знаемъ, — такъ могъ говорить только лично искусный музыкантъ и пѣвецъ, поэтической душой воспринявшій всѣ чары гармоніи.

Пристрастіе Мильтона къ реальному, точнѣе жизненно-содержательному и значительному просвѣщенію росло, повидимому, съ годами. Можетъ-быть, онъ пошелъ даже слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. Лучшіе зрѣлые годы, потраченные на страстную политическую борьбу, будто еще больше озлобили Мильтона на безплодную науку, — и онъ могъ бы подать руку самымъ послѣдовательнымъ позитивистамъ. Для него гипотезы, широкія обобщенія въ области естествознанія кажутся безплодною работой празднаго тщеславнаго ума. Въ *Потерянномъ раѣ* онъ смѣется надъ хитросплетенными, но крайне неустойчивыми «предположеніями» астрономовъ. Мильтонъ — современникъ Галилея, слѣдовательно — новой міровой системы... Идея о ней, очевидно, безпокоитъ и волнуетъ мозгъ поэта. Онъ заставляетъ Адама и ангела вести подробную бесѣду на эту тему, приводитъ не мало убѣдительныхъ доводовъ противъ центральнаго, привилегированнаго положенія земли, и все-таки не рѣшается высказаться рѣшительно за Коперника или Птоломея, предпочитаетъ — оставить вопросъ открытымъ, даже совсѣмъ устранить его со сцены. Онъ принадлежитъ области непостижимаго, а желаніе познать непостижимое — «чадъ и дымъ, безслѣдно теряющіеся въ пространствѣ».

Послушайте дальше — и не забудьте — предъ вами рѣчь поэта на склонѣ лѣтъ, публициста и государственнаго дѣятеля, ослѣпшаго отъ неустанной работы мысли и слова: вы оцѣните неистощимо-юношескую ясность философскаго разума и здраваго смысла.

«Всѣ силы своего ума мы должны направлять на то, чтобы хорошенько познать все окружающее насъ ежедневно. Въ одномъ этомъ наша прямая польза, а все остальное только прахъ и тлѣнъ суеты, только безполезно мучащіе насъ вопросы, мѣшающіе намъ познавать то, что знать намъ не-

обходимо, и доводящіе насъ до прискорбныхъ ошибокъ и заблужденій, такъ какъ, гоняясь за излишнимъ и за неосуществимымъ, мы только теряемъ драгоцѣнное время, и намъ его уже не будетъ доставать, чтобы заручиться дѣйствительно полезными и необходимыми знаніями. Итакъ, не лучше ли будетъ намъ спуститься съ заоблачныхъ высотъ и обратиться къ окружающимъ предметамъ».

Нельзя, конечно, однимъ какимъ угодно здравомыслящимъ разсужденіемъ пресѣчь неразрѣшимые вопросы: Гамлетъ — безсмертенъ и въ этомъ фактѣ, можетъ-быть, законнѣйшее право человѣка претендовать на «вѣнецъ созданія». Только пусть подобные вопросы останутся личнымъ достояніемъ каждаго мечтателя и философа, *его* истиной, *его* вѣрой, и интересъ ими предоставленъ на нашу добрую волю. Что не можетъ быть доказано общеубѣдительными неотразимыми доводами, то и не должно разсчитывать на общеобязательное признаніе. Метафизика обязана окончательно утратить значеніе науки и очистить поприще положительному изслѣдованію общедоступныхъ явленій. Такова мысль Мильтона, и она особенно краснорѣчива въ устахъ писателя, свободнаго отъ всякой рѣзко-раціоналистической тенденціи. Мильтонъ съ одинаковой охотой черпалъ факты и доказательства изъ Св. Писанія и античной литературы,— часто даже, какъ истый пуританинъ, отдавалъ преимущество Библіи предъ эллинскою мудростью. Такого ученаго не могъ увлекать партійный азартъ! Вопросъ шелъ о строго взвѣшенныхъ результатахъ крайне разносторонней умственной работы и обширнаго личнаго опыта. Всѣ надежды Мильтона были и сосредоточились на просвѣтительной, просто учительской дѣятельности и разныхъ поэтическихъ планахъ. Его не манила широкая житейская сцена, онъ мечталъ о тихомъ семейномъ счастьѣ и мирныхъ радостяхъ воспитателя юношества и питомца музъ.

Но бури поджидали его у самаго входа въ укромное святилище: первая—и самая чувствительная—разразилась надъ сердцемъ мужа.

III.

Представьте себѣ необыкновенно красиваго, почти женственно изящнаго молодого человѣка, одареннаго блестящимъ даромъ слова, съ чудными глубокими глазами и роскошными кудрями, одинаково побѣдоноснаго и въ ученомъ спорѣ, и въ свѣтской импровизированной бесѣдѣ, притомъ поэта, отъ природы чуткаго къ красотѣ и ежеминутно готоваго загорѣться благороднымъ огнемъ увлеченія... Развѣ не чудное соединеніе даровъ природы въ одномъ человѣкѣ?

Таковъ Мильтонъ въ тридцать лѣтъ. Онъ только-что совершилъ путешествіе, побывалъ въ Италіи, въ Парижѣ, всюду оставляя впечатлѣніе блестящей талантливости, не разъ привлекая восторженные взоры женщинъ. Но «чары Цирцеи» не нашли пути къ его сердцу, и онъ вернулся на родину все такой же мужественный и рѣшительный. У него будетъ свой

небольшой домикъ, непремѣнно съ садомъ, съ молодой хозяйкой, и пусть тогда цѣлая жизнь пройдетъ среди труда, безъ блеска и шума! Пройдетъ въ строгомъ цѣломудренномъ отшельничествѣ труженика, собирающаго свои награды съ плодовъ своей работы, счастливаго ненарушимой гармоніей своей пуритански-строгой совѣсти!

Но какъ разъ одинъ самый существенный параграфъ программы—молодая хозяйка—и разбилъ мечты Мильтона...

Сколько разъ психологи, моралисты, поэты принимались разрѣшать вопросъ о любви, и до сихъ поръ покрывало Изиды остается на своемъ мѣстѣ. И даже можно думать, лучше его и не поднимать. Какой можно прочесть отвѣтъ, удовлетворительно объясняющій множество прискорбнѣйшихъ недоразумѣній, настоящихъ драмъ, въ жизни безусловно лучшихъ представителей человѣческаго рода! Какъ примирить побѣдоносную исторію Донъ-Жуана,— несомнѣнно, одно изъ самыхъ жизненныхъ и глубокихъ литературныхъ достояній человѣчества,— и жалкіе эпизоды въ біографіяхъ геніевъ мысли и искусства!

Когда Мольеръ воспользовался безсмертной легендой для облегченія своего растерзаннаго сердца, когда въ лицѣ севильскаго обольстителя осыпáлъ укоризнами и проклятіями разрушителей своего личнаго семейнаго счастья, онъ повторялъ вѣчную исторію безнадежной борьбы ума и сердца съ какой-то темною властью *мужчины* надъ природой женщины. Какъ жалокъ и смѣшонъ этотъ безгранично влюбленный мужъ въ глазахъ своихъ счастливыхъ соперниковъ, и какъ чуждъ и даже ненавистенъ той, кому онъ принесъ свой геній и свою славу! И такихъ подлинныхъ исторій можно бы набрать безчисленное множество. Но мы не имѣемъ въ виду ни рѣшать, ни даже обсуждать вопроса: мы желаемъ только напомнить одно изъ самыхъ заурядныхъ и, въ то же время, трагическихъ явленій человѣческой жизни. Пусть психологи отвѣтятъ, какой злой рокъ влекъ и продолжаетъ влечь людей исключительныхъ умственныхъ силъ къ женщинамъ чисто инстинктивной натуры, безъ единаго проблеска высшихъ стремленій, съ первобытнымъ нравственнымъ развитіемъ? Почему Фаустъ и Гамлетъ идутъ рядомъ съ Маргаритой и Офеліей, почему Мольеръ, Расинъ, Руссо, Пушкинъ связываютъ свою жизнь съ женщинами, не отдающими себѣ ни малѣйшаго отчета ни въ умѣ, ни въ талантахъ своихъ мужей? Идеальная фантазія нѣмецкаго поэта о сродствѣ идеальныхъ душъ осуществляется развѣ только какъ чудо, рѣдкостный капризъ дѣйствительности, между тѣмъ какъ вопли Шекспира на недостойную, но непреодолимую страсть слышатся безпрестанно,—и къ элегіямъ этой благороднѣйшей изъ жертвъ Мильтонъ присоединилъ свой негодующій голосъ, своей фигурой умножилъ и безъ того обширную галлерію «великихъ силъ», безнадежно лежавшихъ у женскихъ ногъ.

Мильтонъ отнюдь не страдалъ наклонностью—занимать публику своими дѣлами и особенно огорченіями. Напротивъ, это изумительный образецъ самодовлѣющаго нравственнаго сознанія, гордаго и неприступнаго—именно

въ личныхъ испытаніяхъ. Но приключеніе съ женой возмутило, очевидно, всю его душу,—и онъ, изливъ первое горе въ публицистическомъ разсужденіи, не забылъ о печальномъ опытѣ молодости до склона лѣтъ, перенесъ его и въ свою поэзію.

Собственно, драмы особенной не произошло. Молодая, красивая женщина, привыкшая къ разсѣянной веселой жизни въ родной семьѣ, полагавшая назначеніе женщины—въ искусствѣ нравиться и побѣждать, быстро соскучилась съ мужемъ, не могла вынести его упорнаго умственнаго труда и ни на одну минуту не задумавшись надъ смысломъ и цѣлями подобнаго времяпрепровожденія, бѣжала къ родителямъ... Можно представить чувства Мильтона! Вмѣсто семейныхъ радостей, ему пришлось медовый мѣсяцъ употребить на первый трактатъ о разводѣ,—и, легко повѣрить, краснорѣчіе и ученость отнюдь не служили идеализаціи женщины, вообще женской природы. За первымъ трактатомъ слѣдовалъ рядъ другихъ, все болѣе страстныхъ и рѣзко враждебныхъ церковному браку. Они не могли пройдти даромъ, поднялась цензура, находившаяся въ рукахъ духовенства. Мильтонъ именовался вождемъ еретиковъ,—тогда онъ отвѣтилъ небольшой, но едва ли не самой блестящей своей рѣчью—въ защиту свободы слова. Это—*Ареопагитика*, облетѣвшая всю Европу и донесшая до нашихъ дней всю свѣжесть и практическую цѣлесообразность своего содержанія.

Слѣдовательно, и у Мильтона, какъ у большинства поэтовъ, музой оказалась женщина,—на этотъ разъ только вызванныя чувства были гнѣвомъ или горькой жалобой, а не лиризмомъ счастья и восторга. Человѣчество отнюдь не проиграло отъ подобной замѣны мотивовъ: невольное одиночество, неудовлетворенныя сердечныя стремленія должны были направить всю энергію Мильтона на общее дѣло. Но самъ онъ все-таки являлся жертвой, потому что врядъ ли когда слава могла примирить кого бы то ни было съ тяготой *личнаго* существованія.

Публика видѣла совершенно ясныя доказательства этой истины въ тѣхъ же трактатахъ Мильтона. Бракъ долженъ быть гражданскимъ договоромъ,— писалъ онъ, — потому что на каждомъ шагу онъ можетъ быть плодомъ ошибки, слѣпого увлеченія.

Какъ легко потерпѣть неудачу въ выборѣ жены! И неудача тѣмъ естественнѣе, чѣмъ благороднѣе, нравственнѣе, идеальнѣе юноша, выбирающій невѣсту. Именно у такихъ менѣе всего опыта въ страстяхъ и искушеніяхъ. Онъ готовъ всякую минуту кажущееся принять за дѣйствительное, полную умственную безпомощность молодой дѣвушки смѣшать со скромностью и нарисовать въ своихъ мечтахъ неистощимыя сокровища души тамъ, гдѣ одна лишь грубая ограниченность. И представьте его участь, когда неразрывныя связи прикуютъ его къ подобному существу и онъ быстро убѣдится, что у него съ подругой всей его жизни не можетъ быть нравственнаго единенія, что пути ихъ никогда не сойдутся. Это значитъ — живую душу приковать къ трупу.

Какая тогда можетъ быть рѣчь о плодотворной дѣятельности, о выполненіи нравственнаго долга предъ обществомъ? Никакая политическая тираннія, по мнѣнію Мильтона, не можетъ до такой степени угнетать государство, какъ семейное несчастье—семью. Проститесь со всѣми надеждами на развитіе государственнаго порядка, пока вы не устраните семейныхъ бѣдствій. Семья—источникъ самыхъ могущественныхъ вліяній на взрослыхъ и на воспитаніе дѣтей. Ея власть одинаково тяготѣетъ надъ всѣми поколѣніями,—и въ каждомъ семейно-несчастномъ человѣкѣ государство теряетъ свободнаго энергичнаго гражданина.

Очевидно, и здѣсь, какъ и въ педагогическихъ сочиненіяхъ, громко говорило личное чувство автора,—и здѣсь даже еще громче. Доказывать необходимость развода, едва ставъ мужемъ—положеніе исключительное, и, естественно, Мильтонъ не щадитъ женской лукавой любви, преувеличиваетъ безпомощность идеальныхъ молодыхъ людей и собственною неутомимой, героически-мужественною дѣятельностью опровергаетъ мысль о неограниченномъ значеніи семейныхъ условій во всѣхъ направленіяхъ человѣческой жизни. Но сущность идей и фактовъ, какъ непосредственно почерпнутая изъ пережитаго и выстраданнаго, остается правдивой. Мильтонъ переноситъ ее въ поэму,—и передъ нами—такой знатокъ женской психологіи, тонкій наблюдатель женской природы, что впослѣдствіи спеціальные пѣвцы любви, разочарованій и обольщеній съ большой для себя честью могли назваться только учениками нашего поэта.

Женщина часто является истинной карой для человѣка, но это не мѣшаетъ ей быть воплощеніемъ красоты и поэзіи, и однимъ своимъ существованіемъ животворить и счастливить все, что ни есть подъ солнцемъ.

Посмотрите, какъ преображается самый рай, что творится съ его блаженнымъ населеніемъ, со всей его роскошной природой, — лишь только, по волѣ Господа, Адаму даруется подруга! Будто солнце восходитъ надъ мертвымъ дотолѣ пейзажемъ и тепло начинаетъ литься обильными волнами на охолодѣвшую было земную тварь.

Да, Мильтонъ умѣлъ цѣнить чары женщины, не хуже своего соотечественника, талантливѣйшаго пѣвца Донъ-Жуана, могъ схватывать малѣйшія проявленія этихъ чаръ и проникать въ самую глубь человѣческой души, взволнованной чувствомъ восторга предъ женскими совершенствами. Можетъ быть, именно, эта чуткость, дивная, истинно поэтическая способность поддаваться неотразимому дѣйствію красоты — и вызвали у Мильтона столь горькія укоризны въ минуты разочарованія. Повторялась вѣчная исторія благородной натуры: сліяніе любви и ненависти, — и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, по рѣчамъ Мильтона трудно распознать, гдѣ больше любви—въ воплях ли негодованія, или въ лирическихъ идилліяхъ *Потеряннаго рая*.

А эти идилліи безспорно—драгоцѣннѣйшія личныя впечатлѣнія автора, любовно взлелѣянныя имъ въ «долинѣ лѣтъ преклонныхъ».

Въ настоящее время существуетъ школа художниковъ-символистовъ.

Они ищутъ тончайшихъ ощущеній—всюду, въ человѣкѣ, въ пейзажѣ, даже въ мертвой природѣ. Они мучаются надъ задачей—выразить образами сокровеннѣйшія движенія идеально-поэтической души, отразить едва уловимыя настроенія отрѣшеннаго отъ земли служителя чистой красоты—даже на самыхъ грубыхъ реальныхъ предметахъ, — и нашъ бѣдный міръ преобразить въ таинственный сверхчувственный храмъ неизглаголанныхъ наслажденій, доступныхъ избраннымъ... Но,—увы!—на землѣ нѣтъ мѣста для подобнаго святилища, и не призваннымъ жрецамъ остается терзать безъ конца и результата лишь свое бѣдное воображеніе.

А между тѣмъ какая благодарная тема для символическаго изображенія красоты дана безусловно реальнымъ поэтомъ! Лишній разъ доказана истина, что безъ земли нѣтъ для насъ неба, — мы хотимъ сказать: безъ дѣйствительности безпомощна и безплодна самая пылкая фантазія и всѣ мечты о прекрасномъ рискуютъ разлетѣться прахомъ или даже извратить прекрасное, если онѣ исходятъ не отъ осязательной живой красоты.

Ева только-что появилась на свѣтъ и открыла глаза на пространный міръ. Для нея все тайна, все загадка, полная неизъяснимаго значенія. Она идетъ по Эдему съ восторженно-открытыми очами, съ замирающимъ сердцемъ: невольный трепетъ и непреодолимое любопытство борятся въ ея дѣвственной груди. Она подходитъ къ прозрачному озеру: предъ ней въ его глубинѣ опрокинутый небесный сводъ и какой-то невѣдомый образъ, съ ласковой улыбкой, со взорами полными любви... Это ея отраженіе; она, не отдавая себѣ отчета, впервые ощущаетъ смутное волненіе при видѣ *человѣка*. Волненіе становится яснѣе и властнѣе, когда она слышитъ голосъ Адама: «Ты взяла часть моей души, и я стремлюсь къ тебѣ, отыскивая второй своей половины».

И какимъ обаяніемъ мужества, силы и разума звучитъ для Евы голосъ мужчины: ей инстинктивно открывается сущность женской природы—сердце и красоту безраздѣльно, съ покорнымъ восторгомъ, отдавать за великую нравственную мощь мужчины.

Но и красота—сила! Она будто устраняетъ всякую матеріальную преграду между влюбленными. Въ присутствіи любимой женщины мужчина ощущаетъ подъемъ своихъ духовныхъ силъ. Его разумъ становится зорче, слово—увлекательнѣе, энергія—неистощимой. «Вліяніе твоихъ чудныхъ глазъ,—говоритъ Адамъ,—пробуждаетъ въ моей груди всевозможныя добродѣтели». За то и для женщины нѣтъ высшаго умственнаго наслажденія, чѣмъ ею самой вдохновленныя рѣчи. Ева не хочетъ слушать даже разсказовъ ангела, удаляется во время его бесѣды съ Адамомъ, предпочитая наединѣ разспросить мужа о тайнахъ, какія повѣдаетъ ему Рафаилъ. Для нея Адамъ гораздо болѣе увлекательный разсказчикъ, чѣмъ даже небожитель!

«Его разсказы переполнены бывали частыми и чудными отступленіями, въ которыхъ краснорѣчиво прорывалась его страстная любовь къ ней, и онъ не разъ своими горячими супружескими ласками дѣлалъ ей понятнымъ даже то, что, быть-можетъ, было темно для него самого.

«Она любила внимать звукамъ его мужественнаго и, въ то же время, мягкаго голоса, когда у властителя ея сердца не было иныхъ слушателей, кромѣ нея самой, такъ какъ внимала, она не однимъ только слухомъ, но и всѣмъ своимъ существомъ, и каждое его даже самое незначительное слово глубоко западало ей въ душу...»

Это—высшее на землѣ счастье—такое единеніе мужа и жены, и поэтъ разсказъ о жизни Адама и Евы заключаетъ пламеннымъ гимномъ въ честь супружеской любви, «драгоцѣннаго источника ни съ чѣмъ несравнимыхъ семейныхъ радостей». Онѣ ничѣмъ не могутъ быть замѣнены, онѣ выше мимолетныхъ увлеченій, одуряющихъ страстей и даже юныхъ восторговъ первой любви. Поэтъ вступаетъ въ страстную полемику съ «лицемѣрами», отрицавшими «обряды супружеской любви» у первыхъ людей до грѣхопаденія, и гнѣвъ его на неразумное усердіе чередуется съ настоящими брачными пѣснями, равными по красотѣ и искренности чувства знаменитой эпиталамѣ шекспировской Джульетты...

Но блаженство веронскихъ героевъ быстро перешло въ трагедію—«печальнѣйшую на свѣтѣ исторію»,—такъ въ нашемъ мірѣ происходитъ и съ семейными радостями.

Ева—чистая, благородная, безконечно-любящая—таитъ въ своей природѣ едва замѣтныя, но обильныя плодами сѣмена паденія и раздора. Она инстинктивно чувствуетъ силу своей красоты: вѣдь, отъ ея взгляда,—увѣряетъ поэтъ,—даже цвѣты, кажется, растутъ быстрѣе, подъ ея легкой стопой роскошнѣе распускается зелень и ея дѣвственно-граціозная фигура всюду вноситъ гармонію чистоты и свѣта, даже въ среду безсловесныхъ и неразумныхъ звѣрей. Она невольно сознаетъ себя царицей окружающаго міра, и самъ Адамъ не можетъ скрыть отъ ангела головокружительной власти красоты Евы надъ всѣмъ его существомъ. Ему кажется,—Богъ, создавая Еву, взялъ изъ груди мужчины больше, чѣмъ ребро,—отнялъ у него часть его души,—и очарованный мужъ, при взглядѣ на плодъ своихъ костей, готовъ забыть всѣ несовершенства женской воли и разума.

«Я начинаю находить, что не можетъ быть существа умнѣе, добрѣе, добродѣтельнѣе, милѣе ея... Вся земная мудрость въ ея присутствіи обращается въ ничто, теряя не только свое обаяніе, но и весь блескъ свой, такъ что рядомъ съ красотою моей подруги начинаетъ казаться уже не мудростью, а безуміемъ. Кажется, будто она сотворена не второю, и не случайно, а первою, и что все остальное создано только для того, чтобы служить, чтобы поклоняться ей какъ божеству. Она является какъ бы вѣнцомъ творенія, въ которомъ слились и высшій разумъ, и высшая добродѣтель. Она принадлежитъ не къ человѣческой, а къ ангельской породѣ, къ которой надо стремиться не иначе, какъ съ сердечнымъ трепетомъ и съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ...»

Ангелъ напрасно будетъ въ отвѣтъ хмурить брови и съ величайшимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностью доказывать Адаму всю неосновательность его чувствъ, объяснять его несомнѣнныя преимущества надъ Евой, изобра-

жать настоящую возвышенную любовь и преступную страсть, и самъ Адамъ можетъ сколько угодно соглашаться съ ангеломъ,—красота Евы одержитъ верхъ надъ разсудкомъ и моралью.

И чѣмъ побѣдитъ она? Преступленіемъ, открытымъ порокомъ, тонко-разсчитаннымъ обманомъ и соблазномъ?—Отнюдь нѣтъ. Все тою же неотразимой граціей и всемогущею дѣвственностью.

Развѣ преступно, неестественно красавицѣ желать нравиться, развѣ у нея можно вырвать наивное, невольное ощущеніе счастья и торжества, когда она видитъ кругомъ безмолвный восторгъ и преклоненіе? Вѣдь этотъ восторгъ—прямая дань самому виновнику столь обаятельнаго созданія. И, вѣроятно, самъ здравомыслящій ангелъ не остается безучастнымъ къ чарамъ царицы рая... Недаромъ она, оставляя Адама бесѣдовать съ небеснымъ гостемъ, не уходитъ совсѣмъ съ ихъ глазъ,—она знаетъ, насколько увлекательнѣе и поэтичнѣе будетъ бесѣда, когда «цѣлый рой одной ей свойственныхъ чаръ» не перестанетъ носиться надъ человѣкомъ и ангеломъ...

Итакъ, Ева, именно въ силу своихъ совершенствъ, безсознательно, съ дѣтскимъ простодушіемъ, жаждетъ все новыхъ побѣдъ, хочетъ безъ конца упиваться поклоненіемъ и обожаніемъ. Она—красавица, не можетъ не желать нравиться, она, ежеминутно созерцающая восторги Адама, привыкаетъ къ этому наркотическому напитку, и сердце ея становится доступнымъ лести, слѣдовательно обману и соблазну. Правда, холодный разсудокъ, житейская опытность могли бы спасти Еву отъ наивной довѣрчивости и растлѣвающихъ рѣчей поддѣльнаго или преступнаго увлеченія. Но еслибъ одновременно съ красотой Ева была одарена и великими нравственными силами, логикой и волей мужчины, не утратила ли бы она тогда женственности, именно того таинственнаго, но неотразимаго очарованія слабости, предъ которымъ склоняется мужество Адама?

Теперь онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ просвѣщаетъ неопытный, несамостоятельный умъ Евы, въ ея почти дѣтскихъ взорахъ черпаетъ высшую усладу своему самолюбію наставника и руководителя, и немыслимо представить себѣ все безчисленное множество мелкихъ случайностей, совершенно, повидимому, незначительныхъ фактовъ, словъ, впечатлѣній, когда именно духовная и практическая безпомощность женщины вызываетъ у мужчины нѣжнѣйшія волненія мужа и защитника. Какъ зналъ эту тайну величайшій сердцевѣдецъ-поэтъ и, можетъ-быть, единственный во всей европейской поэзіи философъ женскаго сердца! Вы помните, какъ тщательно старается Шекспиръ подчеркивать *женственную* природу у своихъ самыхъ *мужественныхъ* героинь, и трогательнѣйшіе моменты на его сценѣ, несомнѣнно, тѣ, когда отважнѣйшая Имогена чувствуетъ себя несчастной даже въ костюмѣ мужчины, Віола, играющая роль юноши, дрожитъ при одномъ взглядѣ на оружіе, Розалинда падаетъ въ обморокъ при видѣ крови, и сама римлянка—супруга Коріолана—не можетъ вынести мысли о боевыхъ ранахъ...

Отсюда—вѣчная дилемма: подняться женщинѣ до полнаго совпаденія ея

духовной природы съ мужской и этимъ разрушить, — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ,—вполнѣ реальный источникъ многихъ отнюдь не чувственныхъ и унизительныхъ радостей мужчины, или сохранить несовершенства ума и неустойчивость воли и безъ конца повторять драму своей прародительницы?

Мы ставимъ дилемму безъ всякаго намѣренія рѣшать ее: мы только хотимъ ввести читателя въ необычайно тонкую и глубокую психологію событій, разсказываемыхъ Мильтономъ. Сущность ея до такой степени полна и типична, что исторія Евы, Сатаны и Адама можетъ быть признана образцовымъ романомъ, безсмертной любовною драмой, предвосхитившей рѣшительно всѣ мотивы въ извѣстной области.

Прочтите сначала сонъ Евы. Она еще невинна, но въ глубинѣ ея природы уже готовы всѣ *стихійныя* данныя согрѣшить и пасть. Евѣ такъ естественно заснуть съ неотвязной мыслью о своей чудной красотѣ, о счастьѣ на каждомъ шагу испытывать ея власть надъ всѣмъ живущимъ. Что̀ еще недоступно этой власти? Есть одинъ мучительно-терзающій предметъ, потому что онъ *тайна,* и притомъ скрытая даже отъ Адама. Какимъ бы наслажденіемъ было разгадать ее: вѣдь тогда не останется ни единой преграды видѣть все существующее подъ обаяніемъ своихъ чаръ, тогда, дѣйствительно, можно чувствовать себя «царицей міра». Правда, Адамъ—«мужъ и господинъ», но если будетъ разгадана тайна, можетъ быть она, Ева, станетъ сильнѣе и выше Адама,—не затѣмъ, конечно, чтобы злоупотреблять своей силой,—о, нѣтъ!—а затѣмъ, чтобъ еще нѣжнѣе любить своего мужа и быть достойнѣе его любви. Потому что нѣтъ совершеннаго счастья тамъ, гдѣ нѣтъ полнаго равенства. И какъ впослѣдствіи оказался находчивъ лермонтовскій Демонъ, когда пѣлъ Тамарѣ: «И будешь ты *царицей міра»*, и называлъ ее *подругой*, и рисовалъ ей необъятную перспективу—величественнаго бытія, выше всего земного, въ недоступномъ царствѣ небесныхъ пространствъ. Еще Ева могла оцѣнить эти обѣщанія, еще у нея—въ ночныхъ мечтахъ—духъ захватывало отъ какой-то манящей, таинственной дали. И отъ нея такъ же, какъ и отъ Тамары, близка возможность—стать равной богамъ. Древо познанія—только одинъ изъ безчисленныхъ мотивовъ, одинаково дѣйствующихъ на женскую природу. Замѣните его какимъ угодно другимъ, столь же загадочнымъ и многосулящимъ,—и вы измѣните только частную черту въ исторіи,—содержаніе и смыслъ останутся тѣ же.

Многимъ Евамъ ничего не снится похожаго на сонъ праматери человѣческаго рода, но онѣ за то неустанно грезятъ на яву о такихъ же рѣчахъ молитвеннаго восхищенія, о такомъ же блескѣ ихъ побѣдоносной красоты, о недосягаемой власти подъ замирающимъ отъ восторга—міромъ. Не всякой Евѣ также является Сатана или Демонъ,—въ жизни даже величайшія трагедіи совершаются просто и естественно, безъ нарушенія обычныхъ законовъ природы и логики. Но даже и самый маленькій и слабый претендентъ на демоническій соблазнъ говоритъ намѣченной жертвѣ языкомъ мильтоновскаго падшаго ангела и повторяетъ его лукавые напѣвы.

Да,—міръ удивительно старъ и бѣденъ творческимъ геніемъ: милліоны разъ повторялась на землѣ исторія грѣхопаденія и ее до послѣднихъ дней можно читать со всѣми краснорѣчивѣйшими подробностями въ *Потерянномъ раѣ*.

Представьте, немедленно послѣ сна, или послѣ первыхъ легкихъ искушеній наяву, Евѣ нужно свиданіе. Съ неподражаемой находчивостью женскаго инстинкта убѣдитъ она Адама, что имъ необходимо разстаться на этотъ разъ: совмѣстная работа не спорится, ласки, поцѣлуи, безконечные разговоры мѣшаютъ успѣшному ходу дѣла.

Адамъ, напротивъ, увѣренъ, что именно присутствіе Евы облегчаетъ ему трудъ и оживляетъ энергію,—Ева также думала раньше,—но теперь сонъ не даетъ ей покоя, что-то новое, неизвѣданное чуется ей вдали отъ мужа,—и она съ зарумянившимся лицомъ, еще болѣе чарующая и полная сдержанной страсти, скрывается въ тѣни райскаго сада.

И дальше—эта единственная въ своемъ родѣ сцена съ Сатаной! Поэтомъ, кажется, не забыто ни единой мелочи, схвачены всѣ оттѣнки въ тонѣ и пріемахъ соблазнителя, затронуто все, что̀—искони вѣковъ—туманило слухъ и взоръ женщины. Впослѣдствіи, въ началѣ нашего вѣка, когда наука страсти нѣжной переполнила поэзію мотивами разочарованія, когда поэтамъ понадобились основательнѣйшіе анализы такъ называемыхъ демоническихъ натуръ и ихъ подвиговъ,—каждый стихъ Мильтона, кажется, разросся до объема цѣлой поэмы, и Сатана будто разсыпался миріадами искръ,—все съ самыми громкими романтическими именами: Ренэ, Чайльдъ-Гарольдъ, Демонъ и, необозримый рядъ «мелкихъ божествъ», съ Онѣгинымъ и Печоринымъ во главѣ. И если когда отыщется историкъ одного изъ любопытнѣйшихъ психологическихъ и культурныхъ явленій европейскаго общества,—въ первую главу своей исторіи онъ долженъ помѣстить всю девятую пѣсню *Потеряннаго рая*.

И заключеніе этой пѣсни столь же безсмертно и реально, какъ и ея драматичнѣйшіе моменты. Соблазнъ совершился, паденіе ничѣмъ незагладимо,—возникаетъ вопросъ о возмездіи, сначала о неизбѣжномъ нравственномъ слѣдствіи. Надъ бѣдной грѣшницей собирается гроза и, вмѣсто власти надъ міромъ, ей грозитъ участь его жалчайшей твари—мольбы о состраданіи безъ права на него. Тогда въ послѣдній разъ просыпается снова истинно-женское чувство, жалость къ себѣ и желаніе отыскать вину въ другомъ. Зачѣмъ Адамъ отпустилъ ее, зачѣмъ довѣрилъ ей, такой слабой и неопытной? Правда, всего нѣсколько часовъ тому назадъ она необыкновенно краснорѣчиво доказывала свою самостоятельность, слезно жаловалась на недовѣріе къ ней и такъ резонно убѣждала, что тамъ нѣтъ счастья, гдѣ—вѣчный страхъ утратить его. Но теперь все позабыто,—и виноватъ одинъ онъ—сильнѣйшій и разумнѣйшій.

Не знаемъ, испыталъ ли Мильтонъ лично подобныя столкновенія и приходилось ли ему, по примѣру Адама, тщетно доказывать свою правоту и обличать женское малодушіе и эгоизмъ. Во всякомъ случаѣ, поэтъ тща-

тельно изучилъ и горе, и счастье, вносимыя женщиной въ нашу жизнь. Трудно рѣшить, чего больше,—и на этотъ вопросъ, неизвѣстно, какъ отвѣтилъ бы и самъ Мильтонъ.

Онъ съ изумительной энергіей изобразилъ бѣдствія неудачныхъ браковъ, а въ уста Адама вложилъ даже пророчество,—будто случайность, ошибка будутъ всегда играть рѣшительную роль въ брачныхъ союзахъ и любовь мужчины и женщины, достойныхъ другъ друга, не увѣнчается счастьемъ. Зачѣмъ Господь создалъ «эту красивую ошибку природы?» Такъ взываетъ раздраженный Адамъ, но поэтъ могъ бы сообщить ему о себѣ: Я былъ женатъ три раза и, слѣдовательно, находилъ долю счастья даже съ «ошибкой природы». Доля эта была невелика, но, очевидно, и поэтамъ, какъ и обыкновеннымъ смертнымъ, легче знать недостатки женщины, чѣмъ ненавидѣть ихъ, и спасаться отъ соблазна въ одиночествѣ.

Во всякомъ случаѣ, у Мильтона оказался обширный опытъ для поэзіи, не менѣе, чѣмъ для педагогіи. Дѣтство и молодость принесли обильную жатву его мысли,—и онъ естественно стремился извлечь плоды. Но уже супружеское приключеніе порвало мирныя будни и заставило поэта лиру промѣнять на перо публициста. А вскорѣ несравненно болѣе повелительная сила окончательно разстроила идиллическіе планы Мильтона,—и ему пришлось ждать, по крайней мѣрѣ, двадцать лѣтъ, чтобы вернуться къ музамъ и припомнить тогда многое, пережитое въ злополучный медовый мѣсяцъ перваго брака.

Теперь не до стиховъ, не до женской психологіи и даже не до педагогіи. Мильтона звалъ другой, неизмѣримо болѣе обширный міръ. Поэтъ могъ бы не откликнуться на призывъ. Во всѣ эпохи онъ оказался бы далеко не единственнымъ любителемъ покоя и величественнымъ философомъ гордаго равнодушія къ толпѣ и людской суетѣ. Найти укромный уголокъ всегда возможно, но при единственномъ условіи — всепоглощающей заботѣ о личномъ благополучіи и завидной способности, при случаѣ въ своемъ «я» заключить и родину, и человѣчество. Это, конечно, будетъ эгоистическій обманъ зрѣнія, но именно искусство лгать предъ самимъ собой и самодовольство отождествлять съ мудростью самосознанія, надежнѣйшее оружіе мелкихъ натуръ въ непосильной борьбѣ съ великими запросами жизни. Мильтонъ не обладалъ подобнымъ счастьемъ и олимпійскимъ высотамъ самодовлѣнія и безучастія предпочелъ низины одной изъ самыхъ жестокихъ свалокъ, какія только знаетъ новая европейская исторія. Во имя чего это произошло, объяснилъ онъ самъ, по обыкновенію, и здѣсь, изъ фактовъ своей біографіи извлекая высокій нравственный смыслъ вообще для человѣческой дѣятельности.

IV.

Мильтонъ вернулся изъ путешествія въ августѣ 1639 года. Двумя мѣсяцами раньше окончилось возстаніе въ Шотландіи Бервикскимъ миромъ,

но смута не прекратилась. Карлъ I не хотѣлъ уступить Шотландіи трехлѣтніе парламенты и независимые выборы. Война грозила со дня на день. Съ весны слѣдующаго года начался рядъ безплодныхъ опытовъ англійскаго правительства—и въ результатѣ 3 ноября собрался пятый парламентъ царствованія Карла, получившій наименованіе *Долгаго*. Ровно черезъ семь мѣсяцевъ вышелъ первый политическій трактатъ Мильтона *О Реформаціи*. Это было началомъ общественной и государственной дѣятельности поэта,—окончилась она памфлетомъ противъ реставраціи Стюартовъ—за три мѣсяца до вступленія Карла II въ Лондонъ. По этимъ даннымъ можно судить о мотивахъ и необыкновенной энергіи публициста.

Англійская революція—прежде всего церковный переворотъ, борьба умиравшаго католичества съ реформаціей. Оффиціальная реформа церкви, произведенная Генрихомъ VIII, весьма близко подходила къ католическому культу и римскимъ догматамъ. Англиканство—наскоро устроенная сдѣлка между двумя враждебными и по существу непримиримыми теченіями. Стюарты всѣми силами старались уничтожить компромиссъ и вернуть католичество въ прежней полнотѣ и блескѣ. Въ народѣ, наоборотъ, реформаціонныя идеи продолжали жить и развиваться даже въ самыхъ крайнихъ формахъ, вродѣ индепендентства, исповѣдуемаго и нашимъ поэтомъ.

Неминуемо должно было произойти столкновеніе и логически разгорѣться въ государственный переворотъ. Роль Мильтона опредѣлялась заранѣе его религіозными убѣжденіями, т.-е. роль безусловно оппозиціонная и радикальная,—но трудно даже въ эту эпоху найти еще такой же примѣръ энтузіазма и самоотверженія, повидимому, совершенно не политической натуры какъ разъ на поприщѣ политическаго журналиста.

Мильтонъ будто хотѣлъ разсѣять недоумѣнія публики и поспѣшилъ предложить ей вполнѣ откровенное объясненіе своего образа дѣйствій. Уже во второмъ трактатѣ—также о вопросахъ церкви—Мильтонъ разсказываетъ читателямъ о литературныхъ планахъ своей молодости, перечисляетъ намѣченныя темы будущихъ произведеній и даетъ—единственную по силѣ и благородству—характеристику поэта и поэзіи. Для насъ, она тѣмъ любопытнѣе, что въ устахъ Мильтона звучатъ завѣты нашихъ даровитѣйшихъ художниковъ слова,—иногда до буквальнаго совпаденія выраженій и образовъ.

Поэтическое созданіе не должно быть плодомъ юношескихъ порывовъ, любовныхъ увлеченій, легкомысленнаго разума. Оно создается не будничными искушеніями и страстями, а вдохновляется благочестивою молитвой къ вѣчному Духу, ниспосылающему серафима съ священнымъ огнемъ отъ небеснаго алтаря, чтобы прикоснуться къ устамъ избранника и освятить ихъ. Истинный поэтъ готовится къ своему творчеству путемъ продолжительнаго искуса,—научныхъ занятій, пристальныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью, изученія всего прекраснаго и благороднаго, что создаетъ жизнь и искусство.

И авторъ мечталъ пойти этимъ путемъ, но теперь нѣтъ мѣста его

мечтамъ, онъ принужденъ отсрочить свои планы и вступить на иную дорогу, неблагодарную и трудную.

Не прихоть и не случайность внушили ему рѣшеніе,—нѣкая высшая сила заставила его «покинуть спокойное милое уединеніе и пуститься въ бурное море ожесточенной борьбы, отказаться отъ яснаго, чистаго воздуха и художественныхъ наслажденій и погрузиться въ удушливую пыль ученыхъ фоліантовъ». Поэзія не можетъ процвѣтать подъ гнетомъ рабства,—и надо предварительно поработать на пользу гражданской свободы, а потомъ отдаться вдохновенному досугу.

Поэтъ рѣшилъ призвать на помощь безкорыстный энтузіазмъ, безстрашную юношескую рѣчь съ твердою надеждой, что эта рѣшимость будетъ величайшимъ сокровищемъ и утѣшеніемъ въ его старости. Совѣсть—этотъ голосъ Господа—не перестаетъ нашептывать ему такія рѣчи:

«Когда твоихъ друзей постигнетъ неудача,—ты принужденъ будешь раскаиваться въ своей трусости и страхѣ, будешь жалѣть, почему ты не принесъ въ помощь согражданамъ ни одной мысли изъ всего, что ты зналъ, и они должны были работать въ потѣ лица, пока ты на досугѣ занимался личными дѣлами. Ты обладалъ талантомъ, краснорѣчіемъ, могъ при случаѣ одушевить свою рѣчь поэтическимъ огнемъ—и ты остался нѣмъ какъ животное».

«А если на долю друзей выпадетъ побѣда, они тебѣ скажутъ: лѣнивый, непотребный рабъ! свобода, наконецъ, завоевана, но тебѣ нѣтъ въ ней части. Ты не имѣешь права раздѣлить радость ея истинныхъ слугъ и друзей. Что̀ ты сдѣлалъ ради побѣды? Все, что̀ ты теперь станешь говорить и писать, будетъ только милостыней, поданной тебѣ другими людьми дѣятельнаго знанія и общественнаго мужества. Не пытайся теперь загладить свою прежнюю трусость смѣлыми рѣчами. Вся твоя отвага будетъ постыдной эксплуатаціей чужихъ заслугъ. То, что раньше было твоимъ преступленіемъ, теперь твой долгъ—оставаться отверженцемъ, лишеннымъ чести».

И Мильтонъ съ этого момента отдаетъ лучшіе годы своей жизни на неутомимую защиту свободы совѣсти и государства. Можно изумляться, какъ у писателя хватило времени и силъ бросать въ публику одинъ трактатъ за другимъ, отнюдь не чисто-публицистическаго, летучаго содержанія. Напротивъ, Мильтонъ имѣетъ дѣло съ читателями, привыкшими къ богословскимъ и юридическимъ спорамъ, совершенно легко прочитывающими цѣлые томы основательнѣйшихъ догматическихъ и историческихъ изслѣдованій. Цитаты для нихъ—вполнѣ естественная и удобоваримая пища, и чѣмъ больше текстовъ, тѣмъ, значитъ, справедливѣе дѣло писателя.

И трудно представить, какой арсеналъ учености Мильтонъ двинулъ противъ враговъ реформаціи и народныхъ вольностей. Нѣтъ, кажется, ни одной священной книги, ни одного древняго политика и поэта, который не принесъ бы своей доли въ эту необъятную сокровищницу фактовъ и мыслей. Не легко современному читателю справиться съ подобной литературной артиллеріей, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія политическія разсужденія

Мильтона написаны на латинскомъ языкѣ. Даже въ спеціальной ученой литературѣ вы не встрѣтите достойной оцѣнки мильтоновскихъ не-поэтическихъ трудовъ, и истинный смыслъ его двадцатилѣтней дѣятельности остается въ какомъ-то непроницаемомъ туманѣ. Боролся этотъ человѣкъ противъ Стюартовъ, защищалъ республику и англійскій народъ въ его процессѣ съ династіей Стюартовъ,—здѣсь будто и конецъ. А между тѣмъ неудобочитаемые трактаты Мильтона — самая полная энциклопедія политическихъ идей новаго времени, Мильтонъ — законнѣйшій предшественникъ всей общественной философіи XVIII вѣка, и сравнительно съ отдѣльными писателями просвѣтительной эпохи—тоже, что громадное озеро и вытекающіе изъ него ручьи и рѣчки.

Это не значитъ, будто Монтескьё, Мабли, Руссо сами читали сочиненія Мильтона и будто Вольтеръ въ войнѣ противъ *l'infâme* вдохновился трактатами *О реформаціи* и *О сущности церковнаго управленія*. Но, вѣдь, идеи только весьма рѣдко передаются изъ устъ въ уста учителемъ своимъ талантливѣйшимъ и популярнѣйшимъ ученикамъ. Онѣ часто долго носятся будто въ пространствѣ, изрѣдка попадая въ ту или другую голову, пока ими не овладѣетъ исключительно-сильный умъ и изъ *membra disjecta* не создастъ цѣльнаго живого организма. Въ результатѣ почти всегда крайне трудно рѣшить, откуда собственно полученъ счастливымъ творцомъ матеріалъ для его творческой работы. Можно указать на несомнѣнно прочитанную имъ книгу, но вѣдь это—не источникъ идеи, это только одна изъ станцій ея многообразнаго и сложнаго странствія.

Такъ и относительно философовъ XVIII вѣка.

Ни для кого не тайна, что они, въ большинствѣ случаевъ, компиляторы англійскихъ писателей, — имена Гоббса и Локка стоятъ во главѣ списка *политическихъ* учителей. Но эта слава не ихъ по праву: надъ ними слѣдуетъ написать еще одно имя. Педагогическія идеи Локка давно отысканы у Мильтона,— слѣдуетъ пойти еще дальше, извлечь отсюда также политику,— не только Локка, а вообще непосредственныхъ родоначальниковъ новой политической мысли. Мы, съ своей стороны, должны только пожалѣть, что въ журнальной статьѣ не можемъ сдѣлать этого даже съ приблизительною полнотой и принуждены ограничиться наиболѣе популярными идеями прошлаго вѣка.

Прежде всего мы и здѣсь должны подтвердить существенную разницу между Мильтономъ и французскими философами: всѣ идеи и теоріи Мильтона — прямыя внушенія современной ему дѣйствительности, не болѣе какъ логическія обобщенія фактовъ. Это одинаково справедливо и относительно частныхъ улучшеній въ строѣ культурнаго общества и самыхъ широкихъ и смѣлыхъ построеній въ области политики.

Два первенствующихъ политическихъ писателя XVIII вѣка стоятъ во главѣ двухъ основныхъ идей: Руссо — пророкъ естественнаго человѣка и договорнаго происхожденія общества, Монтескьё — основатель теоріи свободнаго государства. Эти два открытія—политическій контрактъ и раздѣ-

леніе властей—господствуютъ надъ умами законодателей революціи и являются исходными точками хартій и фактовъ великаго переворота. Можно съ перваго же взгляда указать практическіе источники политики Руссо и Монтескьё. Одинъ идею троевластія, несомнѣнно, почерпнулъ изъ англійской конституціи, другому ненависть къ цивилизаціи и восторги предъ первобытнымъ золотымъ вѣкомъ были подсказаны личною судьбой и личною психологіей. Естественно было человѣку, не обладавшему способностями къ научному образованію и лишенному инстинкта культурнаго общежитія, возставать противъ наукъ и общества.

Но, въ то же время, также достовѣрно, что Монтескьё не понялъ англійскаго государственнаго строя и усмотрѣлъ двѣ независимыя другъ отъ друга власти—законодательную и исполнительную—тамъ, гдѣ въ дѣйствительности была одна рѣшающая власть—народнаго представительства. Другой философъ, Руссо, впалъ въ безысходное противорѣчіе, то сначала воспѣвая естественное состояніе—во второй диссертаціи, то—въ *Общественномъ договорѣ*—восторженно провозглашая переходъ изъ естественнаго состоянія въ гражданское—нравственнымъ и общественнымъ прогрессомъ.

Мильтонъ подробно раскрылъ обѣ теоріи, сливъ ихъ въ совершенной гармоніи, и избѣгъ всякихъ противорѣчій и недоразумѣній съ фактами.

Откуда могла прійти идея естественнаго состоянія образованнѣйшему человѣку своего времени и какъ авторъ ученѣйшихъ трактатовъ могъ предвосхитить чистую поэзію женевскаго мечтателя?—Очень просто. Историческая дѣйствительность пришла къ собственному отрицанію и вполнѣ послѣдовательно привела мысль наблюдателя *отъ жизни* къ одной изъ самыхъ отвлеченныхъ *теорій*.

Послѣ второго сверженія Стюартовъ, конвентъ,—собраніе, засѣдавшее вмѣсто парламента, въ промежутокъ между изгнаніемъ Іакова II и воцареніемъ Вильгельма III, — долженъ былъ законодательнымъ путемъ рѣшить вопросъ о происхожденіи государственной власти. Нижняя палата большинствомъ 55 голосовъ противъ 46 признала первоначальный договоръ между государемъ и народомъ. Это происходило въ февралѣ 1689 года. Ровно за сорокъ лѣтъ Мильтону, въ виду низложенія династіи, настояло рѣшить тотъ же вопросъ. Обыкновенно, Локка считаютъ теоретикомъ англійской конституціи, какою она вышла изъ періода смутъ. На самомъ дѣлѣ теорія была установлена раньше и именно въ самый разгаръ переворота.

Логически ясно, съ чего Мильтону приходилось начать вопросъ. Всѣ юридическія и традиціонныя основы государственной власти были подорваны или уничтожены, оставалось искать принципа власти за предѣлами законовъ и преданій. Человѣкъ, какъ гражданинъ, оказывался въ естественномъ состояніи не въ силу фантастическихъ представленій, а вслѣдствіе дѣйствительнаго исчезновенія гражданскаго строя. Приходилось начинать построеніе новаго порядка съ общихъ *естественныхъ* положеній, съ *прирожденныхъ* свойствъ человѣческаго нравственнаго міра. Точка отправленія здѣсь неминуемо предрѣшала и самый выводъ.

Историческая дѣйствительность, только-что отвергнутая самою жизнью, казалась сплошь пропитанной одними отрицательными свойствами. Природа, противоположная и единственная спасительная сила, должна была явиться во всемъ блескѣ идеала. Мысль Мильтона идетъ глубже, чѣмъ у Руссо. У писателя XVIII вѣка *человѣкъ*—идеальное существо отъ природы, у Мильтона—сама *природа* совершенна. Онъ отождествляетъ природу съ разумомъ, какъ мыслитель, со священнымъ писаніемъ, какъ сектантъ, съ нравственностью, какъ моралистъ. Природа—нѣжнѣйшая мать, все, создаваемое ею, безусловно прекрасно. Эта истина впослѣдствіи будетъ вложена въ уста самого Бога въ *Потерянномъ раѣ*.

Первый даръ природы — свобода. Въ поэмѣ будетъ доказана свобода воли, а въ трактатахъ безчисленное число разъ будетъ повторяться: человѣкъ свободенъ какъ членъ общества. А такъ какъ законы природы и заповѣди Бога—тождественны,—свобода также даръ Бога. У Мильтона есть и нравственное доказательство врожденной свободы человѣка.

Нравственное совершенство само по себѣ неразрывно съ свободой. Разъ люди рождены добрыми, справедливыми, они этимъ самымъ уже одарены свободой. Рабство приходитъ одновременно съ утратой духовной красоты, вмѣстѣ съ пороками и развратомъ. Для дурныхъ людей истинная свобода—немыслима, она превращается въ распущенность.

При такомъ представленіи *естественный человѣкъ* Мильтона неизмѣримо выше и разностороннѣе той же идеи Руссо. У женевскаго философа онъ—животное съ добрами инстинктами, существо стихійное, лишенное сознанія и мышленія, какъ свойствъ *противоестественныхъ*. *Духовная* природа человѣка—смертельный недугъ, корень несчастій и паденій,—и Руссо жестоко обрушится на разумъ и философію. Но, вѣдь, и разумъ—одна изъ *естественныхъ* силъ,—слѣдовательно человѣкъ фатально не можетъ остаться нравственнымъ и свободнымъ, и природа, создавъ его прекраснымъ, сама же и губитъ свое созданіе.

У Мильтона нѣтъ противорѣчій. Рабство является плодомъ извращенія природы, злоупотребленія нравственною свободой. Но почему же возникаетъ общество? Является ли оно также естественнымъ актомъ?

Руссо рѣшилъ вопросъ, просто измѣнивъ своимъ раннимъ взглядамъ, Монтескьё остался на распутьи. Онъ призналъ идеальныя свойства естественнаго человѣка и врожденное ему стремленіе къ обществу,—но именно въ обществѣ и открылъ перваго виновника всѣхъ бѣдствій. Люди, соединяясь въ общественный союзъ, утрачиваютъ наклонность къ миру и гуманности, потому что перестаютъ считать себя слабыми. Начинается состояніе войны и какъ результатъ ея—различныя правовыя установленія. Выходитъ, человѣкъ отъ природы—кротокъ и гуманенъ, но въ силу той же природы—склоненъ къ общественной организаціи, слѣдовательно къ несправедливости и насиліямъ. Это одно изъ многочисленныхъ недоразумѣній и неразрѣшимыхъ противорѣчій, переполняющихъ *Духъ законовъ*—

этотъ идеальный образчикъ адвокатскаго крючкотворства и чиновничьихъ компромиссовъ.

Мильтонъ вышелъ изъ затрудненія, установивъ ученіе о свободѣ воли рядомъ съ природой. Можно, конечно, остаться неудовлетвореннымъ послѣ краснорѣчивыхъ разсужденій о *злоупотребленіи* свободой,—но, по крайней мѣрѣ, англійскій писатель ясно понималъ трудность вопроса и совершенно правильно перенесъ его на психологическую почву. Будто безсознательно набросанныя фразы Монтескьё и вдохновенныя превращенія Руссо кажутся не болѣе какъ легкой салонной petit jeu сравнительно съ неизмѣнно благородной и вдумчивою рѣчью пуританскаго философа.

Возникновеніе общества неминуемо привело къ организаціи власти, т.-е. къ гражданскому порядку. Власть и право самозащиты, которыми раньше отъ природы владѣлъ каждый,—теперь въ интересахъ спокойствія и ради того, чтобы каждый не являлся пристрастнымъ въ собственномъ дѣлѣ,—перенесли на одну личность или нѣсколькихъ, выдающихся мудростью и нравственными достоинствами. Они вовсе не предназначались быть господами и владыками, а только представителями и уполномоченными народа и въ силу довѣренной имъ власти обладали такими же правами, какими отъ природы и на основаніи договора владѣлъ каждый гражданинъ отдѣльно.

Идея договора, ясно высказанная въ этомъ разсужденіи, была новостью въ англійской литературѣ. *Левіаѳанъ* Гоббса, гдѣ та же идея положена въ основу политической системы, вышелъ двумя годами позже трактата: *The Tenure of kings and Magistrates—Основы власти королей и правителей*,—излагавшаго только-что приведенную теорію. Восемнадцатый вѣкъ усвоилъ понятія договора въ *мильтоновской* формѣ. Это—существенный фактъ, совершенно неизвѣстный англійскому біографу Руссо—Морли, или непонятый имъ.

Договоръ у Гоббса—*единичный* актъ, отказъ множества людей отъ власти въ пользу одного лица, у Мильтона въ договорѣ—*два* момента—согласіе образовать *общество* и учредить *правительство*. Локкъ буквально заимствовалъ это представленіе у Мильтона, и оно тщательно было сохранено Руссо.

Разница въ практическомъ выводѣ—громадная. *Двойной* договоръ безусловно гарантируетъ свободу личности. Не только само общество, учредившее правительство, можетъ перемѣнить его,—и каждый членъ общества можетъ выйти изъ его состава, разъ договоръ нарушается. Руссо не избѣгъ обычныхъ противорѣчій и въ этомъ случаѣ. Разъ договоръ с- стоялся,—личность совершенно и на всю жизнь порабощается, т.-е., і чисто-якобинской софистикѣ, въ случаѣ неповиновенія—принуждается бы свободной всѣмъ обществомъ. Въ результатѣ, послѣ перваго же догово[ра] у Руссо исчезала свобода—политическая и религіозная, и его сувере[нъ] совершенно логически могъ превратиться въ какое угодно чудовище, н[и] чѣмъ не уступающее идеалу Гоббса. Недаромъ изъ нѣдръ якобинс[кой]

вышелъ сначала Робеспьеръ, а потомъ тѣ же якобинцы привѣтствовали Бонапарта.

У Мильтона идея личной свободы проведена съ неуклонною послѣдовательностью. Въ трактатахъ, написанныхъ во время революціи, нѣтъ отвѣта,—какой выходъ для личности въ случаѣ нарушенія договора *самимъ обществомъ?* Если нарушается второй договоръ, устанавливающій правительство,—Мильтонъ узаконяетъ всеобщее возстаніе—идея, во всей полнотѣ усвоенная Локкомъ. Но и первый вопросъ рѣшается у Мильтона, хотя и косвенно.

Въ самый разгаръ агитаціи въ пользу Стюартовъ Мильтонъ выпустилъ послѣдній политическій трактатъ, возсталъ противъ теченія, охватившаго громадное большинство его согражданъ. Помимо Стюартовъ, жестокой критикѣ подвергалась почти вся нація, и Мильтонъ не останавливался предъ самыми презрительными эпитетами... Авторъ, очевидно, лично порывалъ съ окружавшимъ его обществомъ. Такъ *практически* рѣшался вопросъ для Мильтона.

Впослѣдствіи одинъ изъ просвѣтителей XVIII-го вѣка, Кантъ, возведетъ это поведеніе въ теорію, будетъ доказывать, что всякое культурное явленіе—плодъ личной *Ungeselligkeit*, т.-е. временнаго возстанія личности, личной совѣсти противъ общественныхъ условій и общепринятыхъ идей. Въ результатѣ этихъ единичныхъ возстаній является, наконецъ, гражданскій правовой порядокъ.

При опредѣленіи этого порядка Мильтонъ впервые на англійской почвѣ установилъ теорію двухъ властей — законодательной и исполнительной *), причемъ вторая лишена права *veto*. Судебную власть Мильтонъ соединяетъ съ законодательной, Локкъ считаетъ ее одной изъ функцій исполнительной, Монтескьё видитъ въ ней самостоятельный элементъ конституціи,—и въ этой мысли едва ли не единственная сколько-нибудь оригинальная заслуга автора *Духа законовъ*.

Но Мильтону недостаточно было *опредѣлить* власти,—условія времени требовали подробнаго и тщательнаго *описанія* властей, т.-е. народа и короля. Характеристика послѣдняго не представляетъ для насъ интереса: она почти цѣликомъ подсказана ожесточенной борьбой съ защитниками Стюартовъ, и Мильтону пришлось собственно изображать не государя вообще, а государя извѣстнаго типа, тиранна. За то идеи о народѣ, какъ политической силѣ, въ высшей степени любопытны.

Мильтонъ, при всей своей глубокой ненависти къ правительству Стю-

---

*) Въ виду полнаго пренебреженія историковъ политическихъ идей къ этому факту приводимъ подлинныя слова Мильтона изъ его отвѣта на книгу Сальмазія противъ англійской націи въ защиту Карла I: „Ut summatim dicam quod re sest Parliamentum est supremum gentis consilium ad hoo ipsum a populo plane libero constitutum et potestate plena institutum, ut de summis rebus in commune consulat; rex leo erat creatus ut de consilio et sententia illorum ordinum consulta omnia exsequenda uraret" (cap. IX).

артовъ, не менѣе глубокое отвращеніе питалъ и къ демагогіи. Слова—*толпа, плебсъ*—на его языкѣ звучатъ искреннимъ презрѣніемъ. Онъ—горячій поклонникъ Аристотеля вообще, но особенно дорога должна быть для него одна идея аристотельской политики—идея *третьяго сословія*. Среди многочисленныхъ и не всегда ясныхъ опредѣленій лучшей политической формы Аристотель называетъ, между прочимъ, и ту, гдѣ власть принадлежитъ среднему классу гражданъ. Мильтонъ въ этомъ случаѣ не ссылается на Аристотеля: для него политическая неправоспособность толпы и государственное самосознаніе и свобода мысли средняго сословія—аксіомы. Даже больше. Въ философскихъ идеяхъ Мильтонъ съ теченіемъ жизни становился постепенно либеральнѣе, изъ индепендента выросъ деистъ,—но въ политикѣ—энергичнѣйшія нападки на человѣческое стадо, невѣжественную толпу, принадлежатъ именно послѣднему трактату. Мильтонъ низшіе слои народа считалъ главной силой въ возвращеніи Стюартовъ,—готовъ былъ сузить избирательныя права населенія, потому что, писалъ онъ, «будетъ справедливѣе и разумнѣе, если меньшинство принудитъ большинство сохранить свободу, чѣмъ если большинство заставитъ меньшинство раздѣлить рабство». Вся надежда Мильтона на людей среднихъ. «Богачамъ—роскошь и приверженность къ матеріальнымъ благамъ, а бѣднымъ нужда и лишенія мѣшаютъ быть мужественными и вдумчивыми въ общественныхъ дѣлахъ».

Но не буржуа говоритъ устами нашего политика! Мильтону тяжело испытывать чувства негодованія и презрѣнія, и онъ всѣми силами души желалъ бы не знать больше толпы. А путь къ этому идеалу одинъ—безграничное распространеніе образованія. Вопросъ о народномъ просвѣщеніи—одна изъ вѣчныхъ темъ Мильтона. Онъ предлагаетъ самыя рѣшительныя мѣры—лишить духовенство земельныхъ имуществъ и обратить ихъ на школы и публичныя библіотеки. Эту идею Мильтонъ умѣлъ внушить Кромвелю, и только государственныя смуты помѣшали протектору осуществить возможно широкій планъ всенароднаго образованія.

Мы видимъ, какъ далеко стояла мысль Мильтона отъ партійныхъ пристрастій и слѣпыхъ увлеченій. Онъ, весь проникнутый священнымъ долгомъ защищать свой народъ противъ навѣтовъ внутреннихъ и внѣшнихъ друзей Стюартовъ,—не впалъ ни въ демагогію, ни въ фантастическій республиканизмъ. Монархія можетъ быть такимъ же естественнымъ политическимъ явленіемъ, какъ и республика: все зависитъ отъ нравственныхъ и историческихъ условій среды...

Среди людей такой горячей общественной борьбы мало примѣровъ такого благороднаго сознанія своей силы при полной искренности поведенія такой непоколебимой вѣры въ побѣду только во имя правоты убѣжденій Это—дѣйствительно чудо самосознанія, высшее практическое проявленіе—думами и опытами выработанной—совѣсти.

Самымъ тягостнымъ испытаніемъ для нея былъ, несомнѣнно, послѣдній актъ революціонной драмы—возстановленіе Стюартовъ. Вся многолѣтняя

дѣятельность Мильтона, казалось, рушилась и безслѣдно исчезала съ возвращеніемъ на британскій тронъ завѣдомыхъ враговъ политической и религіозной свободы. Мильтонъ ни на одну минуту не могъ увѣровать въ перерожденіе Стюартовъ и сдѣлалъ послѣднее усиліе, написалъ трактатъ объ «опасностяхъ возстановленія королевской власти». Это было крайне опаснымъ шагомъ, и онъ могъ стоить Мильтону жизни. Мы точно не знаемъ, что и какъ спасло писателя; разсказываютъ, будто его друзьямъ пришлось распространить слухъ объ его смерти и даже устроить похороны. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Мильтона—сначала публициста въ защиту англійскихъ вольностей, потомъ государственнаго секретаря республики—должна была кончиться разъ навсегда, и теперь настало время—выполнить планы молодости.

Но какая пропасть легла между идиллическими мечтами юноши и вынужденнымъ досугомъ политическаго бойца! Будетъ ли это мирная, беззаботная бесѣда съ музой, возможно ли лирически-ясное, счастливое вдохновеніе на склонѣ лѣтъ, въ концѣ столь шумнаго, хотя и славнаго жизненнаго пути? Сердце, привыкшее въ теченіе десятковъ лѣтъ, горѣть гнѣвомъ и страстью гражданина, будетъ ли доступнымъ безоблачному чистому лиризму? И потомъ великій рыцарь свободы проститъ ли страшную обиду, нанесенную его личности и дѣлу всей его жизни, примирится ли съ торжествомъ порядка, воплощавшаго въ его глазахъ насиліе и рабство?

Двухъ отвѣтовъ не можетъ быть на эти вопросы. Мильтонъ вернется къ поэмѣ на *библейскую* тему, напишетъ драму изъ *еврейской* исторіи,—но повсюду, до послѣдняго дыханія, останется все тѣмъ же «человѣкомъ дѣятельнаго знанія и общественнаго мужества».

V.

Мы видѣли, сколько эффектнѣйшихъ мотивовъ демонизма предвосхитилъ Мильтонъ, его Сатана—истинный прародитель крупныхъ и мелкихъ демоновъ, первый герой соблазнительнѣйшей всеевропейской исторіи—о безпомощной борьбѣ женскаго сердца съ подавляющею страстью «сильнаго организма»... Но существуетъ и громадная разница между соблазнителемъ Евы и его потомками.

Поэзія обладаетъ изумительной чудесной силой—украшать и даже облагороживать по существу мелкіе и отнюдь не возвышенные предметы. Сумѣла, напримѣръ, она возвести въ перлъ созданія Донъ-Жуана, и въ конецъ смутить даже не поэтовъ и превратить ученыхъ и критиковъ въ усерднѣйшихъ и простодушныхъ адвокатовъ «отважнаго блондина». Тотъ же самый фокусъ она совершила и съ демонами—разновидностью Донъ-Жуана, облекла ихъ въ необычайно внушительные сверхъестественные уборы, головокружительные чувственные инстинкты возвела на исключительный героическій пьедесталъ и въ вопляхъ физической страсти: «люби меня»—заставила юныхъ читателей и особенно читательницъ слышать «райскіе напѣвы», даже больше—чуть ли не вѣчный крикъ мірового страданія...

Да,—поэзія своего рода фея, во мгновеніе ока изъ лягушки создающая обольстительно-прекрасную принцессу...

Мильтонъ не могъ допустить подобныхъ метаморфозъ уже по самому строю своей натуры—и въ образъ Сатаны вложилъ совершенно особенную стихію, предъ которой позднѣйшіе демоны кажутся прахомъ и пепломъ.

Поэты, взводившіе демоновъ и Донъ-Жуановъ въ ликъ героевъ, дѣлали это за свой счетъ, т.-е. просто смотрѣлись будто въ зеркало на своихъ Ренэ и Чайльдъ Гарольдовъ. Исторія донжуанства и демонизма—это «правда и поэзія», автобіографическія упражненія самихъ авторовъ. Въ какомъ же отношеніи находится Мильтонъ къ своему герою?

Сатана—падшій ангелъ, совратитель человѣческаго рода,—однимъ словомъ, библейскій преступникъ, и поэтъ не смягчаетъ его злодѣяній и, конечно, не трепещетъ отъ восторга предъ его побѣдоносною аттакой на сердце и воображеніе Евы,—какъ это происходило со всѣми пѣвцами демонизма. Но вглядитесь, если сможете, въ эту мрачную, дышущую зломъ фигуру... *Если сможете*,—говоримъ мы,—потому что поэзія ни раньше, ни позже не создавала такихъ грандіозныхъ чертъ, не поднималась на такую высоту личнаго самосознанія и непоколебимой гордости своимъ *я*, на какой остается Сатана—побѣжденный и сожженный небесными молніями.

Эгоизмъ—эта гордость, тупая самоувѣренность злодѣя, или нѣчто другое? Любопытнѣйшая психологическая задача—прослѣдить два параллельныхъ чувства въ душѣ поэта: искреннее негодованіе на черные замыслы духа зла,—и будто невольное удивленіе предъ его ненарушимой энергіей. Вамъ невольно припоминается такая же двойственность впечатлѣній по поводу совершенно реальнаго историческаго героя—Ричарда III, и что особенно интересно—двойственность не только *поэтическихъ* настроеній въ драмѣ Шекспира, но также *историческихъ*—въ сужденіяхъ англійскихъ ученыхъ о королѣ.

Прочитайте у Мильтона изображеніе внѣшняго облика Сатаны. Это—въ высшей степени типичное мѣсто *Потеряннаго рая*, можно сказать,—спеціально-англійскій пріемъ говорить о злодѣяхъ, но злодѣяхъ *герояхъ*, о преступленіи, но нераздѣльномъ съ *несокрушимою волей*. Это будто невольное національное чувство уваженія къ громадной духовной силѣ, даже если она—сила разрушительная.

«Въ его глазахъ, грозно глядѣвшихъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, читалась жестокость, но въ нихъ за то свѣтилась необузданная отвага; въ выраженіи лица, правда, отражалась неумолимая жажда мести, но оно было такъ гордо, такъ величаво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полно глубокой скорби, вызванной упреками совѣсти, что не трудно было не только имъ залюбоваться, но даже почувствовать къ нему состраданіе»...

Неправда ли,—единственная въ своемъ родѣ борьба свѣта и тѣней, и вы понимаете, сочувствіе автора не безусловно на сторонѣ свѣта, пожалуй напротивъ.

И дальше, эти величественнѣйшія картины—Сатаны-оратора, Сатаны-воина, онъ говоритъ: «переполненный царственною гордостью, безъ малѣйшаго признака волненья», онъ передъ боемъ похожъ на «блестящую комету, раскинувшую по сѣверному небу свою громадную гриву, съ которой сыпались на міръ войны, моровая язва и прочія бѣдствія»... А эти рѣчи: «сознаніе собственной слабости всегда постыдно»; «разумъ въ самомъ себѣ находитъ подобающее ему мѣсто и можетъ сдѣлать изъ ада рай, а изъ рая адъ. Не все ли равно, гдѣ бы я ни жилъ, когда я остаюсь и буду оставаться такимъ же, какимъ былъ и какимъ долженъ быть, хотя-бы и казалось, будто я стою ниже Того, кто побѣдилъ меня своими громами»; «тотъ, кто побѣдилъ только силою, побѣдилъ врага только на половину»...

Развѣ въ этихъ рѣчахъ одно зло, одна сатанинская гордость? И развѣ самъ поэтъ—брошенный теперь въ уединеніе ненавистнымъ рабскимъ потокомъ жизни—не вложилъ своихъ задушевнѣйшихъ чувствъ въ этотъ гимнъ самодовлѣющей свободной личности? И, можетъ быть, эти столь естественныя движенія его теперь одинокаго сердца гражданина заставили даже въ груди Сатаны открыть проблески любви, нѣжности, поэтическаго увлеченья. Все это, будто молнія, пронизываетъ духа зла, когда онъ приближается къ обаятельной и еще дѣтски-довѣрчивой царицѣ рая...

Наши вопросы могутъ быть смѣлѣе. Поэтъ, ослѣпшій отъ непосильнаго труда, одинокій въ своей семьѣ, осужденный на физически-недужную старость, но создавшій за собой великое прошлое,—развѣ не могъ проникнуться сочувствіемъ къ этому «обожженному молніей» лицу, но все еще прекрасному и полному мысли и воли! У Мильтона было многое, о чемъ стоило вспомнить,—и предъ нами оказался бы совершенно невѣроятный случай—поэтъ съ такой блестящей *правдой*—безъ *личной поэтической* біографіи!... Мильтонъ раскрывалъ нравственный смыслъ *своей* жизни—до послѣднихъ дней. Въ драмѣ *Самсонъ-борецъ*—тотъ же величавый, побѣжденный, но непобѣдимый образъ,—и здѣсь уже вполнѣ ясно могучая личность поставлена рядомъ съ мятущимся бѣднымъ человѣчествомъ и гнѣвная, въ то же время скорбная рѣчь израильскаго *слѣпца*—подлинный отголосокъ думъ самого поэта...

Мы не только не воспроизвели этихъ думъ во всей ихъ полнотѣ и глубинѣ,—мы даже не могли коснуться многихъ краснорѣчивѣйшихъ фактовъ въ личной исторіи Мильтона, мы не показали, напримѣръ, съ должной рельефностью—только намекнули—основного принципа его духовной жизни—непрестаннаго и ничѣмъ невозмутимаго прогресса въ области философской мысли. Старость, всевозможныя разочарованія не вызвали у Мильтона—мы не говоримъ—упадка духа,—это было бы прямо *неестественно* въ этой натурѣ,—а даже временныхъ сомнѣній и колебаній. Годы шли, организмъ слабѣлъ, а мысль пребывала такой же ясной, какими по капризу болѣзни оставались совершенно ослѣпшіе глаза... Но, мы думаемъ, намъ удалось,—безъ всякихъ нарочитыхъ освѣщеній и подчеркива-

ній,—представить, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало изученное и даже мало извѣстное, по-истинѣ героическое проявленіе человѣческой совѣсти. Оно, по существу, совершенно просто, какъ и все великое въ нравственномъ мірѣ. Оно, можно сказать, съ элементарной общедоступностью охарактеризовано самимъ Мильтономъ, сначала въ одномъ изъ раннихъ разсужденій—*Ареопагитикѣ*—и потомъ въ послѣдней публицистической брошюрѣ. Обѣ рѣчи интересны не какъ цитаты изъ книгъ знаменитаго писателя, а какъ личная, *практически* оправданная исповѣдь человѣка. И надо помнить, въ первый разъ она произносилась, когда противникъ былъ еще у власти, во второй разъ—наканунѣ его полнаго торжества. Слова, какія вы сейчасъ прочтете, не потребуютъ никакихъ поясненій и толкованій. Ихъ давно истолковали соотечественники Мильтона,—истолковали въ лицѣ Вордсворта, одного изъ благороднѣйшихъ людей и поэтовъ новаго времени, взывавшаго къ тѣни Мильтона, какъ самой яркой путеводной звѣздѣ родины—«въ дни паденія».

Именно смыслъ этого неумирающаго нравственнаго путеводительства и раскрывается въ рѣчахъ Мильтона, тождественныхъ въ началѣ и концѣ его политической дѣятельности.

«Я не могу,—писалъ онъ въ *Ареопагитикѣ*,—высоко цѣнить ту добродѣтель, которая убѣгаетъ въ келью и запирается тамъ, не подвергая себя никакимъ испытаніямъ, никогда не вступаетъ въ открытую борьбу, не становится лицомъ къ лицу съ противникомъ, а незамѣтно покидаетъ жизненную арену, гдѣ нельзя снискать желанный вѣнецъ безсмертія, не испачкавшись и не обжегшись».

Послѣднія слова имѣли въ виду другихъ, менѣе сильныхъ и, можетъ быть, менѣе счастливыхъ борцовъ, менѣе счастливыхъ не по личнымъ дарованіямъ, а по сценѣ борьбы... Только *незапятнанный, не обжегшійся* человѣкъ могъ въ концѣ пути обращаться съ такимъ заявленіемъ къ публикѣ не одной только Англіи:

«Я предпринялъ опасное дѣло—сказать своимъ согражданамъ то, что считаю своимъ долгомъ и во-время предостеречь ихъ. Это все то же доброе старое дѣло, которое я уже давно защищаю. Въ настоящую минуту моя защита можетъ показаться не своевременной, но я не перестану говорить деревьямъ и камнямъ, восклицая вмѣстѣ съ пророкомъ: о земля! о земля!... буду говорить ей все, чего не хотятъ слышать ея вѣроломныя дѣти... Я продолжалъ бы дѣйствовать такъ, даже еслибы моя рѣчь была послѣдними словами угасающей свободы»...

Ив. Ивановъ.

Не въ очередь.

Намъ приходилось много разъ указывать, что мнимо самобытныя идеи и національныя будто бы особенности оказывались нерѣдко «переживаніями». Такія же особенности находились и у другихъ народовъ въ разную пору ихъ развитія. Истинно-національнымъ и благодатнымъ можетъ быть лишь плюсъ къ общечеловѣческому; наши лже-самобытники получаютъ свое національное, вычитая изъ общественнаго достоянія русскаго народа то, что составляетъ славу и достоинство человѣка. Не говоря уже о разныхъ «букѣевскихъ» (орда такая есть) публицистахъ, приходится отмѣтить, какъ выдающіеся, но мрачно настроенные умы впадаютъ въ преувеличенія и парадоксы, горько или грозно осуждая либеральныя теченія. Иногда и тутъ оказывается, что подобные суровые приговоры, несмотря на всю ихъ своеобразность, сходны съ сужденіями, которыя внушались пессимистическимъ же настроеніемъ на Западѣ. Приведемъ весьма поучительный примѣръ. Намъ доставлена статья о *Московскомъ Сборникѣ* К. П. Побѣдоносцева. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что нѣкоторыя изъ разсужденій сборника *о великой лжи* напоминаютъ парадоксы объ *условленной лжи* Макса Нордау. Приводимъ выдержки изъ *Die conventionellen Lügen der Kulturmenschheit*, по изданію 1893 года, и изъ *Московскаго Сборника* по второму изданію.

Wenn aber alle verbreiteten Blätter des Landes mit Ausdauer einem gewissen Ziele zustreben, wenn sie nicht zu konkrete, sondern etwas allgemein ausgedrückte Gedanken unermüdlich durch Monate, durch Jahre wiederholen, ihre Leser immer wieder auf ihren Gesichtspunkt führen, so gibt es schlechterdings nichts, was sie nicht schliesslich durchsetzen können, so gibt es die Regierung, das Gesetz, die Sitte, ja die Weltanschauung nicht, die ihnen widersteht (S. 317).	Нѣтъ правительства, нѣтъ закона, нѣтъ обычая, которые могли бы противустоять разрушительному дѣйствію печати въ государствѣ, когда всѣ газетные листы его изо дня въ день, въ теченіе годовъ, повторяютъ и распространяютъ въ массѣ одну и ту же мысль, направленную противъ того или другого учрежденія (стр. 58).
Sie ist eine kritische Ueberwacherin der Tagesvorfälle, sie nimmt es auf	Печать ставитъ себя въ положеніе судящаго наблюдателя ежедневныхъ явленій·

sich, die Handlungen, ja auch die Worte und selbst die unausgesprochenen Absichten der Menschen zu beurtheilen, diese zu brandmarken oder zu preisen, sie zu ermuthigen oder zu bedrohen, sie der Gesammtheit zur Liebe und Nachahmung zu empfelen oder als Gegenstand des Abscheus und der Verachtung zu bezeichnen; sie verköpfert in sich die öffentliche Meinung, sie legt sie deren Recht bei, sie übt deren Strafgewalt bis zu ihrer furchtbarsten Form, der Aechtung und moralische Vernichtung... (S. 318).

она обсуждаетъ не только дѣйствія и слова людскія, но испытуетъ даже невысказанныя мысли, намѣренія и предположенія, по произволу клеймитъ ихъ или восхваляетъ, возбуждаетъ однихъ, другимъ угрожаетъ, однихъ выставляетъ на позоръ, другихъ ставитъ предметомъ восторга и примѣромъ подражанія. Во имя общественнаго мнѣнія она раздаетъ награды однимъ, другимъ готовитъ казнь, подобную средневѣковому отлученію... (стр. 58).

Въ Сборникѣ говорится, что «любой уличный проходимецъ, любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта, имѣя свои или доставъ для наживы и спекуляціи чужія деньги, можетъ основать газету» и т. д.; почти то же самое говоритъ и Нордау: «Der erste beste Mensch von der Strasse, ein Lastträger, ein verbummeltes Genie, ein Spekulant, kann, wenn er Geld hat, oder eine Erbschaft macht, oder Kommanditäre findet, eine Zeitung grösten Styls gründen», etc.

Могутъ сказать: именно сходство въ утвержденіяхъ столь по всему противоположныхъ писателей и свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ правильности. Я этого не думаю. Если вглядѣться попристальнѣе въ книгу Нордау и въ *Московскій Сборникъ*, нельзя, дѣйствительно, не убѣдиться, что ихъ раздѣляетъ, по умонастроенію авторовъ, непереходимая пропасть. Но въ сужденіяхъ о печати русскій писатель поддался мнительности, которая не въ русскомъ характерѣ. *Національное* пониманіе значенія печати у насъ ярко выразилось въ ученіи славянофиловъ. «Мысль, слово—это не *прерогатива*, а неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное» (*И. С. Аксаковъ*, *Сочиненія*, V, 11—12). *Московскій Сборникъ* и къ славянофиламъ относится неблагосклонно. Совершенно иное отношеніе къ нимъ встрѣчаемъ мы въ сборникѣ статей другого высокопоставленнаго лица, Т. И. Филиппова *). Сборникъ этотъ посвященъ *Непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго*. «Онъ былъ,—говоритъ Т. И. Филипповъ,—надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности». Авторъ заявляетъ, что онъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго, но къ этому прибавляетъ: «Считаю однако нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ. Ни! но и худшій пса, сказалъ бы я такому охранителю, который своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣданіе».

Авторъ, конечно, съ полнымъ правомъ надѣется, что даже недоброжелательно относящіеся къ его направленію судьи не обидятъ его смѣшеніемъ съ такими охранителями. Т. И. Филипповъ всегда отстаивалъ одно и

*) *Сборникъ Т. Филиппова*. Спб. 1896.

то же міровоззрѣніе, какъ въ тѣ времена, когда въ нашемъ обществѣ господствовали иныя теченія мысли, находившія сочувствіе и въ правительствѣ, такъ и въ послѣдніе годы, когда, по выраженію автора, появилось столько Савловъ, выжидавшихъ лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобъ объявить себя *внезапно* (курсивъ подлинника) обращенными Савлами.

Первая статья, помѣщенная въ сборникѣ,--рѣчь Т. И. Филиппова, тогда, въ 1854 году, преподавателя русскаго языка и словесности, *О началахъ русскаго воспитанія.* Въ этой рѣчи мы должны отмѣтить мысль, и до сихъ поръ почти не осуществленную въ отношеніяхъ между русскою школою и обществомъ. Молодой учитель словесности сорокъ два года тому назадъ настаивалъ на необходимости въ дѣлѣ воспитанія дружнаго, согласнаго дѣйствія школы и общества. Онъ справедливо говорилъ, что всякій, любящій отечество, «не можетъ остаться равнодушнымъ къ ходу пароднаго образованія и не рѣшится сложить съ себя всѣ заботы о немъ, предоставивъ ихъ исключительно тѣмъ, кому оно поручено правительствомъ».

Т. И. Филипповъ сильно стоялъ за усиленіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія родного языка и словесности. Увы! Это и теперь лишь благочестивое желаніе, и охранительныя мнѣнія автора звучатъ оппозиціей. Родителямъ, собравшимся на торжественномъ актѣ первой московской гимназіи, авторъ развивалъ обстоятельный и весьма интересный планъ преподаванія русскаго языка и словесности. Родному языку и литературѣ посвящены и многія другія статьи сборника. Т. И. Филипповъ въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ, онъ любовно относился всегда и къ народной пѣснѣ, и къ великимъ нашимъ писателямъ. С. В. Максимовъ говоритъ въ этой же книжкѣ *Русской Мысли*, какъ много обязанъ былъ автору *Сборника* покойный Горбуновъ. Тѣсная дружба связывала Т. И. Филиппова съ Островскимъ, литературные интересы всегда были дороги ему.

Само собою разумѣется, что во многомъ и многомъ мы несогласны со *Сборникомъ.* Возьмемъ, напримѣръ, статью о драмѣ Островскаго: *Не такъ живи, какъ хочется.* Авторъ жестоко и, по моему мнѣнію, односторонне нападаетъ на Жоржъ-Зандъ и черезчуръ идеализируетъ русскую народную семью, утверждая, что всѣ семейныя отношенія у насъ обсуждаются «совершенно сообразно съ ученіемъ церковнымъ». Не могу я раздѣлять и благоговѣйнаго отношенія автора къ проповѣди сплошного терпѣнія и смиренія и къ такимъ основамъ семейной жизни, которыя высказываются въ слѣдующихъ словахъ народной пѣсни:

„*Мужъ жену не любитъ*, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, *тебя не минуетъ*".

Я не читалъ прежде этой статьи Т. И. Филиппова. Она въ первый разъ была напечатана давно, въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г. Меня нѣсколько удивило, что авторъ придаетъ огромное значеніе въ художественномъ произ-

веденіи мысли, намѣренію. Онъ высоко цѣнитъ то, что «*цѣль* (названной) драмы—возстановленіе разлаженныхъ семейныхъ отношеній». Въ другомъ мѣстѣ той же статьи Т. И. Филипповъ говоритъ: «Сверхъ драматическаго своего достоинства, задача этой драмы замѣчательна въ высшей степени и по отношенію къ жизненному смыслу, въ ней заключенному: здѣсь предлагается художественное рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ» (стр. 20). Двумя страницами раньше мы встрѣчаемъ однако мнѣніе, не гармонирующее съ приведеннымъ: тамъ авторъ говоритъ, что писатели, которые дѣлаютъ свои произведенія орудіемъ для рѣшенія общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ, нарушаютъ этимъ основный законъ самобытности искусства.

Отмѣчу мимоходомъ одно выдающееся по своей политической проницательности мнѣніе Т. И. Филиппова, высказанное имъ еще въ 1862 году. Дѣло идетъ объ аббисинцахъ и шойцахъ. «Для предпріимчиваго русскаго путешественника, говорилось въ статьѣ о несторіянахъ, мало болѣе заманчивыхъ задачъ, какъ посѣщеніе этого мало извѣстнаго и столь любопытнаго народа».

Да, *Сборникъ* Т. И. Филиппова написанъ дѣйствительно человѣкомъ охранительнаго направленія, которое охраняетъ и достоинство человѣка. Встрѣчаются два-три черезчуръ рѣзкихъ отзыва о людяхъ несимпатичнаго автору направленія, но и они почти не выходятъ изъ предѣловъ литературной полемики. Вотъ у г. Розанова, одного изъ духовныхъ вождей-охранителей второго разряда, встрѣчаются такія полемическія красоты, которыя невозможно читать безъ глубочайшаго отвращенія. Я не стану, разумѣется, пачкать *Русскую Мысль* подобными выдержками, но совѣтую всѣмъ не утратившимъ стыда охранителямъ прочесть въ статьѣ г. Розанова *Вѣчная память* (*Русское Обозрѣніе*, октябрь), страницу 660, украшающую этотъ журналъ. Тамъ рѣчь идетъ о гг. Михайловскомъ и Карѣевѣ. Вотъ къ такимъ писателямъ, какъ г. Розановъ, и къ такимъ журналамъ, гдѣ они пишутъ, вполнѣ примѣнимы горькія слова въ *Московскомъ Сборникѣ* К. П. Побѣдоносцева. Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь,—такая это гадость.

По поводу *Московскаго Сборника* появилось нѣсколько статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ одной изъ нихъ, привѣтствуя третье (меньше, чѣмъ въ годъ) изданіе этой книги, газета видитъ въ этомъ фактѣ много утѣшительнаго: русскій читатель эмансипировался отъ руководительства журналовъ и газетъ. Но не замѣчаютъ ли *Московскія Вѣдомости*, что своимъ утвержденіемъ они опровергаютъ одну изъ основныхъ мыслей *Сборника?* Вѣдь побѣда книги надъ газетой свидѣтельствуетъ о томъ, что печать вовсе не великая ложь, — съ точки зрѣнія *Московскаго Сборника*: какая же это сила, которая отступаетъ передъ сборникомъ статей? Если убѣжденное и талантливое слово имѣетъ такое значеніе, то именно въ интересахъ его нравственныхъ достоинствъ и просвѣтительнаго вліянія необходимо предоставить просторъ и мысли иного направленія, независимому

лову вообще. Т. И. Филипповъ утверждаетъ, что господство у насъ въ шестидесятыхъ годахъ того направленія, которое онъ называетъ ложно-либеральнымъ, «было естественнымъ послѣдствіемъ ложной системы, налагавшей тяжкія узы на всякое свободное проявленіе общественной мысли» (стр. 240).

Въ заключеніе нѣсколько словъ *pro domo sua*. Довольно извѣстный публицистъ, г. Иловайскій, напечаталъ въ тридцатомъ изданіи своего очень плохого и поверхностнаго учебника русской исторіи между прочимъ и собственныя разсужденія и приговоры о современной русской печати. Литературные нравы *Голоса* и *Новаго Времени*, — читаемъ мы на страницѣ 335-й названнаго учебника—и вообще нашей ежедневной печати, — «нерѣдко страдали грубостью и неуваженіемъ къ личности». Принимая въ соображеніе, что г. Иловайскій давно уже пишетъ и въ *Новомъ Времени*, и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и въ другихъ газетахъ, нельзя не признать въ его словахъ нѣкоторой доли правды. Къ сказанному онъ прибавляетъ: «Нѣкоторые органы столичной печати проявили, сверхъ того, легкомысленное противонаціональное направленіе, несогласное съ отечественнымъ строемъ и русскими интересами (напримѣръ, въ Петербургѣ, журналъ *Вѣстникъ Европы*, издаваемый Стасюлевичемъ, а въ Москвѣ *Русскія Вѣдомости*, редактируемыя Соболевскимъ и Постниковымъ, *Русская Мысль*, редактируемая Лавровымъ и Гольцевымъ. *Голосъ* былъ закрытъ. Нѣкоторымъ его продолженіемъ явилась газета Нотовича *Новости*)».

Полемизировать съ г. Иловайскимъ мы, конечно, не станемъ. Что наше направленіе несогласно съ отечественнымъ строемъ и русскими интересами *по Иловайскому*,—это несомнѣнно и насъ глубоко радуетъ. Но неужели г. Иловайскій, достигнувъ столь преклоннаго возраста на служеніи—такъ или иначе — наукѣ и литературѣ, не понимаетъ всего неприличія своего поступка? *) Мы дадимъ ему совѣтъ: пусть онъ вычеркнетъ приведенныя слова изъ своего учебника въ слѣдующемъ изданіи. Г. Иловайскій, напечатавъ ихъ, поступилъ... не глубокомысленно: для многихъ и многихъ изъ гимназистовъ, которые имѣютъ несчастье учиться по его учебнику (увы, и я, — человѣкъ почтеннаго-таки возраста, — по нему учился), эти слова прозвучатъ какъ приглашеніе познакомиться съ названными изданіями.

В. Гольцевъ.

---

*) Не говорю уже о томъ, что г. Иловайскому неизвѣстно, кто, кромѣ оффиціальнаго редактора-издателя, участвуетъ въ редактированіи *Русской Мысли*, и потому называть меня онъ не имѣлъ права.

Очерки провинціальной жизни.

Современная организація народнаго хозяйства покоится на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ. Эти системы суть: *частно-хозяйственная* или индивидуалистическая, *общественно-хозяйственная*, главными представителями которой являются хозяйства государственное и земское, и система *благотворительная*. Благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденіяхъ, представляется необходимой для облегченія недостатковъ и погашенія пробѣловъ частно-хозяйственной и общественно-хозяйственной системъ. Извѣстно, что частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ прибыль на капиталъ; какъ ни была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть оплачено нуждающимися, она останется не удовлетворенною. А потому частно-хозяйственная система не обезпечиваетъ удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, обезпеченіи участи малолѣтнихъ, стариковъ и инвалидовъ.

По мѣрѣ распространенія сознанія крупныхъ недостатковъ современной частно-хозяйственной системы увеличивается число учрежденій благотворительной системы. А такъ какъ сознаніе золъ частно-хозяйственной системы распространяется совмѣстно съ образованіемъ, то понятно совпаденіе роста благотворительныхъ учрежденій у насъ въ провинціи съ умноженіемъ числа образованныхъ людей въ ней. Намъ приходилось уже говорить о томъ, что самое крупное изъ положительныхъ явленій послѣдняго времени въ нашемъ отечествѣ заключается въ культурномъ ростѣ провинціи. По развитію интереса къ общественнымъ дѣламъ, современная провинція имѣетъ мало сходнаго съ провинціей лѣтъ тридцать назадъ. Усилившаяся числомъ и возросшая значеніемъ интеллигенція въ провинціи успѣла уже проявить себя многими благотворными дѣлами. Сообразно задачамъ дѣятельности мѣстная интеллигенція дѣйствуетъ и союзами, и одиночку. Среди одиночекъ мы встрѣчаемъ людей съ самымъ разнообр-

нымъ соціальнымъ положеніемъ. Здѣсь землевладѣльцы, врачи, народные учителя, техники, агрономы и люди разныхъ другихъ профессій. Рѣдкій день не найдешь въ той или другой изъ провинціальныхъ газетъ сообщенія о работѣ кружка или отдѣльнаго лица на пользу окружающаго населенія. По размѣрамъ нашихъ очерковъ нѣтъ возможности останавливаться на всѣхъ этихъ явленіяхъ; изъ обширнаго матеріала мы выбираемъ факты или наиболѣе крупные наиболѣе интересные, или представляющіе собою починъ новаго дѣла. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ въ послѣдней почтѣ *Саратовскій Листокъ* о дѣятельности Г. Н. Минха для мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Бывшій профессоръ Кіевскаго университета по каѳедрѣ патологической анатоміи, Г. Н. Минхъ годъ тому назадъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку и всецѣло посвятилъ себя деревнѣ, интересамъ крестьянскаго населенія, для котораго онъ жертвуетъ временемъ, большими деньгами и своими познаніями. Живетъ Г. Н. въ своемъ имѣніи при деревнѣ Безсоновкѣ, верстахъ въ трехъ отъ Новыхъ Бурасъ, но вся его дѣятельность сосредоточена именно на Бурасахъ. Подъ его вліяніемъ и при крупномъ пожертвованіи съ его стороны, сельское общество рѣшило построить образцовую въ губерніи школу, какой нѣтъ и въ Саратовѣ. Школа строится общая для мальчиковъ и для дѣвочекъ, типа обыкновенной земской школы, но при ней будетъ министерскій второй классъ и ремесленное, а также сельско-хозяйственное отдѣленія. Для школы вырабатывается особый уставъ, съ тою цѣлью, чтобы сохранить вліяніе на школу со стороны учредителей ея и земства. Школа разсчитана на 200 человѣкъ; для всѣхъ учащихся обязательны занятія въ ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ отдѣленіяхъ. Помѣщеніе для школы строится образцовое, даже роскошное, которое обойдется около 20,000 руб. Мѣсто для зданія, сада и огорода при немъ куплено у крестьянъ въ центрѣ села (двѣ десятины) за 2,000 руб. На постройку школы сельское общество ассигновало 8,000 руб., уѣздное земство—3,000 руб., Г. Н. Минхъ уже пожертвовалъ 4,000 руб., но расходуетъ и еще много своихъ денегъ. Содержаніе школы обезпечивается слѣдующими источниками: общество передаетъ тѣ деньги, которыя оно теперь тратитъ на двѣ существующія въ селѣ школы и кромѣ того—половину всѣхъ доходовъ отъ базаровъ и ярмарки; земство даетъ около 900 р., которыя теперь ассигнуются на двѣ школы, и обѣщаетъ назначить дополнительный кредитъ. Зданіе для этой интересной по своему типу школы строится каменное въ 18 саж. дл. и 9 шир. Это будетъ замѣчательно красивое въ архитектурномъ отношеніи зданіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ школьной гигіены: обширное и высокое, съ обиліемъ свѣта, прекрасною вентиляціей, съ обширнымъ заломъ для рекреацій и народныхъ чтеній. Дѣятельность г. Минха въ интересахъ крестьянскаго населенія не ограничивается однимъ народнымъ просвѣщеніемъ. Онъ состоитъ предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства, попечителемъ образцовой народной библіотеки и вообще входитъ во всѣ интересы и нужды мѣстнаго на-

селенія, помогая ему своимъ представительствомъ, совѣтами и деньгами Мѣстные крестьяне относятся къ Г. Н. Минху чрезвычайно любовно. Интересуется дѣятельностью его и учащаяся молодежь; въ каникулярное время студенты нерѣдко посѣщаютъ своего бывшаго профессора и знакомятся съ его практическою дѣятельностью, направленной на благо окрестнаго сельскаго населенія.

Въ числѣ благотворительныхъ союзовъ, возникающихъ за послѣднее время, чаще и чаще стали организоваться союзы, преслѣдующіе святую и крайне важную общественную задачу—призрѣніе заброшенныхъ дѣтей, дѣтей, обреченныхъ на безысходную нужду, холодъ, голодъ и преступленія. Организація пріютовъ для дѣтей вылилась у насъ пока въ два главныхъ типа: городскіе, въ которыхъ дѣти, отроки и юноши получаютъ начальное образованіе и обучаются различнымъ ремесламъ, и земледѣльческія колоніи. Нѣкоторыя изъ земледѣльческихъ дѣтскихъ колоній, устроенныхъ мѣстной интеллигенціей, настолько внушительно дали почувствовать свою надобность для мѣстнаго населенія, что послѣднее добровольно обложило себя сборами для расширенія дѣлъ пріюта. Такъ, недавно сообщалось о постановленіи 19 сельскими обществами Шадринскаго уѣзда мірского приговора, облагающаго ежегоднымъ 3 копеечнымъ сборомъ каждую душу въ пользу организованнаго здѣсь, въ селѣ Бѣлоярскомъ, земледѣльческаго пріюта. Въ числѣ завѣдующихъ пріютомъ находятся и выборные крестьяне. Главная задача пріюта—обучать призрѣваемыхъ дѣтей обоего пола необходимымъ въ крестьянскомъ быту занятіямъ и ремесламъ, веденію полевого хозяйства, огородничеству, кустарнымъ производствамъ. По отзывамъ пріютской администраціи, отроки выполняютъ посильныя для нихъ полевыя работы съ большою охотой.

Обширный земледѣльческій пріютъ для взрослыхъ и дѣтей устраивается подъ Петербургомъ. М. М. Стасюлевичъ внесъ на это дѣло въ городскую думу 150,000 руб. отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными. Основными занятіями пріюта-колоніи будетъ сельское хозяйство во всѣхъ возможныхъ его формахъ: хлѣбопашество, траворазведеніе, скотоводство, огородничество, плодоводство, пчеловодство, молочное хозяйство, птицеводство, лѣсоразведеніе и т. п. Въ зимнее время, когда всѣ эти работы пріостанавливаются, призрѣваемые занимаются различными ремеслами и изготовленіемъ разныхъ предметовъ какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, такъ и на продажу, для чего устраиваются мастерскія, плотническія, столярныя, плетенія корзинъ, слесарныя, кузнечныя, портняжныя, сапожныя, сукновальни, гончарныя, для изготовленія деревянной посуды и других хозяйственныхъ принадлежностей, для дубленія кожъ и проч. При образцовой школѣ учреждается читальня, въ которой по праздникамъ будутъ устраиваться развлеченія, какъ, напримѣръ, пѣніе, музыка, танцы, спектакли, гимнастическія упражненія и другія игры. Попечительство пріюта-колоніи образуется изъ лицъ, избранныхъ въ равномъ числѣ земствомъ и городомъ, по пяти съ каждой стороны.

Изъ вновь открывающихся учрежденій для призрѣнія заброшенныхъ дѣтей мы имѣемъ свѣдѣнія о «дѣтскомъ работномъ домѣ» въ Ельцѣ и дѣтскомъ пріютѣ» въ Калугѣ. Дѣтскій работный домъ въ Ельцѣ, по сообщенію *Орловскаго Вѣстника,* устроенъ при Лучковской безплатной столовой, стараніями предсѣдательницы столовой В. Н. Бахтеяровой и съ помощью другихъ лицъ, предложившихъ безвозмездно свой трудъ и время. Надо замѣтить, что Лучковская столовая находится на окраинѣ города, гдѣ ютится страшная бѣдность, грязь и несчастье. По словамъ газеты, образъ жизни этихъ бѣдняковъ ужасенъ, но еще ужаснѣе положеніе дѣтей. Постоянно одни, такъ какъ матери и отцы или на работѣ, или въ кабакѣ, окруженныя всегда развратомъ, несчастныя дѣти мало-по-малу теряютъ все дѣтское, становятся нравственными уродами. Среди нихъ не услышишь ни рѣзваго дѣтскаго смѣха, ни игръ, ни шалостей, такъ присущихъ ихъ возрасту. Если они играютъ, то въ этихъ играхъ вы увидите пьянаго отца, бьющаго мать и дѣтей, и услышите тѣ же ругательства. Это тѣ дѣти, которыя на улицахъ по окраинамъ города осыпаютъ прохожаго ругательствами, насмѣшками и швыряютъ камнями. В. Н. Бахтеярова часто видѣла у себя въ столовой такихъ дѣтей, приходящихъ за обѣдомъ вмѣсто матерей. В. Н. вздумала просить матерей отпускать дѣвочекъ въ столовую, гдѣ они будутъ плести кружева, а ночевать уходить домой. Матери согласились. Вначалѣ было десять дѣвочекъ. Ихъ начали учить плетенію кружевъ, что, какъ извѣстно, составляетъ главный заработокъ елецкихъ женщинъ. Разсказали объ этомъ дѣлѣ одному, другому. Тотъ башмаки прислалъ, другой—ситцу, третій—табуретки, четвертый—керосину—и вотъ дѣти обуты, одѣты, въ теплѣ и свѣтѣ, сидятъ за работой, слышатъ ласковое слово, видятъ хорошее отношеніе,—и маленькія сердечки отогрѣваются и всѣми силами стараются заслужить одобреніе тѣхъ, кто съ ними занимается.

Началось это маленькое дѣло съ февраля нынѣшняго года, и теперь образовалось цѣлое учрежденіе. Всѣхъ дѣвочекъ 35. Раздѣлены онѣ на 2 отдѣленія: 1) кружевное—15 кружевницъ и 2 вышивальщицы по полотну. Ихъ учатъ и рисованію, необходимому для плетенія и вышиванія. 2) отдѣленіе швейное. Дѣвочекъ учатъ шить и вязать. Дѣти въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ. Всѣхъ ихъ учатъ грамотѣ. Кромѣ того дѣтей учатъ церковному пѣнію, такъ какъ помощникъ попечителя Лучковской столовой, казначей вновь строющейся церкви за Лучкомъ, имѣетъ надежду организовать изъ дѣвочекъ хоръ для новой церкви. Въ виду того, что дѣти готовятся къ жизни полной труда и лишеній, администрація дѣтскаго рабочаго дома требуетъ отъ дѣтей, чтобъ они сами слѣдили за чистотой, мыли полы, окна, двери и помогали по хозяйству. Все это организовано такъ, чтобы не утомлять дѣтей. И вотъ, вмѣсто несчастныхъ дѣтей, каждый, входящій въ пріютъ, встрѣчаетъ здѣсь дѣтей здоровыхъ, веселыхъ и уже вовсе не похожихъ на звѣрьковъ. Въ сентябрѣ посѣтилъ это учрежденіе извѣстный дѣятель по устройству домовъ трудолюбія баронъ Буксгевденъ.

Онъ очень внимательно осмотрѣлъ учрежденіе, работы, прослушалъ пѣніе, остался всѣмъ очень доволенъ и обѣщалъ, если понадобится, матеріальную поддержку для расширенія дѣла.

Надняхъ было собраніе организующагося попечительства, для помощи безпріютнымъ и бѣднымъ дѣтямъ въ Калугѣ. Въ собраніи былъ выработанъ уставъ и посланъ на утвержденіе. Одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого дѣла, попечитель существующаго уже въ Калугѣ Малютинскаго дѣтскаго пріюта, д-ръ И. И. Дубенскій, прочелъ въ собраніи обстоятельный докладъ о крайней нуждѣ въ учрежденіи попечительства. Сообщивъ собранію образчики страшной нищеты и безпомощности, докладчикъ имѣлъ полное основаніе сказать: «Намъ, служащимъ въ пріютѣ, часто приходится скорбѣть душой, отказывая въ пріемѣ дѣтямъ въ полномъ смыслѣ безпріютнымъ». Изъ собранныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣтей въ Калугѣ, нуждающихся въ призрѣніи, таковыхъ оказалось 1,150 человѣкъ. Какъ широко, слѣдовательно, должна развиться дѣятельность попечительства, чтобы призрѣть всѣхъ этихъ несчастныхъ дѣтей. Общество обязано помочь такимъ дѣтямъ, дать имъ кровъ, хлѣбъ, соотвѣтствующее воспитаніе и сдѣлать полезными работниками. Какъ справедливо говорилъ въ своей рѣчи докладчикъ, общество должно сдѣлать это изъ христіанской любви къ своему ближнему, а также ради своихъ интересовъ, своего спокойствія. Во Франціи, напримѣръ, сдѣланъ выводъ, что содержаніе бродяги, который большую часть своей жизни проводилъ въ тюрьмахъ, *обходится втрое дороже воспитанія честнаго человѣка*. А большинство заброшенныхъ дѣтей суть кандидаты на бродягъ и преступниковъ.

Какихъ крупныхъ результатовъ могутъ достигать общественные союзы, выступившіе на борьбу съ темными сторонами соціальной жизни, примѣромъ служатъ этическія общества въ Англіи. За десять лѣтъ эти общества помѣстили въ пріюты 63 тысячи дѣтей, лишенныхъ надзора, около 13 тысячъ маленькихъ бродягъ были подобраны на улицахъ и устроены, $4^1/_2$ тысячи были вырваны изъ безнравственной среды, болѣе 3 тысячъ были отняты у странствующихъ акробатовъ и проч. И рядомъ съ этимъ преступность за то же десятилѣтіе упала на 8%, если даже не считать прироста населенія. Но особенно сильно уменьшилась преступность среди малолѣтнихъ. Еще въ 70-хъ годахъ въ Англіи на каждыя 100,000 населенія приходилось по 44 малолѣтнихъ преступниковъ (до 16 лѣтъ), а въ 90-хъ годахъ ихъ приходится всего 13. Слѣдовательно за четверть вѣка преступность въ дѣтскомъ возрастѣ уменьшилась болѣе чѣмъ втрое.

Безпризорныя, заброшенныя дѣти составляютъ, по преимуществу, зло городовъ, и на обязанности городскихъ управленій было бы позаботиться о возможномъ уменьшеніи этого зла. Но въ этомъ дѣлѣ, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, городскія общественныя управленія заслуживаютъ большого упрека. Они почти совершенно не обращаютъ вниманія на это большое соціальное бѣдствіе. Случается, что они не даютъ себѣ даже труда отвѣтить па просьбу почтеннаго учрежденія о содѣйствіи этому дѣлу. Такъ,

напримѣръ, калужскій Малютинскій пріютъ обратился въ мѣстную городсвую думу съ просьбой объ увеличеніи штата призрѣваемыхъ дѣтей; и вотъ въ теченіе *двухъ лѣтъ* дума никакъ не можетъ собраться дать какой-нибудь отвѣтъ на это ходатайство. То же безучастіе проявляютъ городскія управленія и по отношенію къ народному образованію. Исключеніемъ здѣсь являются лишь нѣсколько большихъ городовъ, гдѣ составъ купечества просвѣщеннѣе. Извѣстно, что число народныхъ школъ въ деревняхъ значительно превосходитъ число ихъ въ городахъ не только абсолютно, но и относительно численности населенія и дѣтей школьнаго возраста. Если взять во вниманіе только школы, содержимыя на счетъ города, то окажется не мало городовъ, въ которыхъ учащіеся составляютъ одну шестую, а иногда и одну десятую часть общаго числа дѣтей. Главными причинами жалкаго, а въ лучшихъ случаяхъ лишь посредственнаго городского хозяйства являются недостатки выборной системы Гордового Положенія, отдающей кормило общественной власти въ невѣжественныя и своекорыстныя руки. Система эта, какъ извѣстно, устраняетъ все образованное населеніе города, разъ оно не имѣетъ здѣсь недвижимости.

Городское хозяйство идетъ крайне плохо даже въ такомъ большомъ, бойкомъ и у всѣхъ на виду городѣ, какъ Нижній. Санитарное состояніе города, благотворительныя учрежденія, медицина, учебная часть—все это находится въ самомъ печальномъ положеніи. Городъ тратитъ *сотни тысячъ* на показное благоустройство, на мишуру, въ то время какъ самыя настоятельнѣйшія нужды массы населенія остаются совершенно неудовлетворенными. Нижегородская дума выбрала себѣ и соотвѣтствующаго представителя. Не любитъ дума свѣта, гласности, печати; не любитъ всего этого и городской голова, баронъ Дельвигъ. Мы имѣли уже случай говорить объ его угрозахъ жаловаться на мѣстную печать за оцѣнку его дѣятельности, и жаловаться не въ судъ, а въ другое извѣстное барону учрежденіе, гдѣ будто бы, по выраженію барона, «стоитъ сказать лишь нѣсколько словъ». Теперь *Волжскій Вѣстникъ*, въ № 222, сообщаетъ о новомъ свойствѣ городского головы: оказывается, что г. баронъ любитъ драться. Въ думѣ ожидали одно высокопоставленное лицо, и въ виду этого было отдано приказаніе привести лѣстницу и залъ думы въ самый праздничный видъ. Сторожъ по оплошности за одной изъ дверей позабылъ прибрать какой-то соръ; увидѣвъ это, голова, въ присутствіи многихъ гласныхъ, явившихся для встрѣчи, ударилъ сторожа по шеѣ.

Въ настоящее время во многихъ думахъ обсуждается вопросъ о квартирномъ налогѣ въ пользу городовъ и, въ связи съ этимъ, вопросъ о томъ, желательно или нѣтъ привлеченіе квартиро-нанимателей къ участію въ городскомъ управленіи. При рѣшеніи этихъ вопросовъ,—говоритъ *Смоленскій Вѣстникъ*,—разыгрываются прехарактерныя бытовыя сценки. Напримѣръ, въ саратовской думѣ одинъ изъ гласныхъ купцовъ прямо испугался разрѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ: «помилуйте!—воскликнулъ онъ,—тогда въ думу *нахлынетъ орда образованныхъ людей*,

не имѣющихъ ничего общаго съ интересами нынѣшнихъ гласныхъ». Полная младенческая чистота и откровенность,—замѣчаетъ газета. Теперь въ большинствѣ думъ дѣла рѣшаются «по-простецки», по душѣ, по свойству и родству, а тогда что? Вотъ бѣда—образованные придутъ!

Образчиковъ просвѣщенности нынѣшнихъ гласныхъ городскихъ думъ и ихъ головъ можно было бы привести множество. Вотъ, напримѣръ, записки двухъ самарскихъ обывателей, имѣющихъ честь состоять гласными мѣстной думы, напечатанныя въ самарскихъ газетахъ, съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія. «Вдуму явица на собранье быть не могу посемейному обязательствамъ. И. П.» «Посименнымъ объ стоятельствы Но Севоднишнимъ Собраніи быть нимогу. П.». И съ такимъ образованіемъ гласные имѣются не въ какомъ-либо небольшомъ городкѣ, а въ Самарѣ, въ городѣ съ 80-тысячнымъ населеніемъ. Не удивительно послѣ этого, что Самара по части заботъ о народномъ образованіи, городскомъ и санитарномъ благоустройствѣ представляетъ ту же картину, какъ и большинство прочихъ россійскихъ городовъ.

Въ газетахъ появилось извѣстіе о намѣреніи правительства предпринять въ недалекомъ будущемъ ревизію городскихъ хозяйствъ. Желательно, чтобы такая ревизія состоялась возможно скорѣе. Она съ очевидностью укажетъ необходимость дать въ городскомъ самоуправленіи преобладаніе цензу образовательному надъ цензомъ имущественнымъ.

Если удовлетворительное веденіе городского хозяйства думами является исключеніемъ, то въ земскомъ хозяйствѣ исключеніемъ является плохое веденіе дѣлъ. И это потому, что образовательный цензъ и умственное развитіе земскихъ гласныхъ несравненно выше и шире, чѣмъ гласныхъ городскихъ думъ. Однимъ изъ такихъ печальныхъ исключеній въ земскомъ хозяйствѣ есть дѣятельность тверской земской управы. У всѣхъ еще въ памяти славная работа тверского земства, служившая яркимъ образцомъ для многихъ другихъ земствъ. Вновь назначенная управа дѣлаетъ все, чтобъ заставить еще болѣе сожалѣть о сошедшей со сцены выборной управѣ. Читатель знаетъ уже, въ какое состояніе приведена новой управой психіатрическая Бурашевская колонія, считавшаяся образцовой авторитетами медицинской науки у насъ и за границей. Тѣ же неурядицы, а подъ часъ и незаконныя дѣйствія царятъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, порученныхъ закономъ земству. Объ этомъ мы уже говорили и приводили достаточно фактическихъ свидѣтельствъ. Подъ вліяніемъ такихъ новыхъ порядковъ стали возможны въ тверскомъ земствѣ вотъ какіе факты, продѣлываемые съ цѣлью отдѣлаться отъ дѣятельнаго гласнаго, пользующагося большимъ уваженіемъ въ обществѣ и вліяніемъ въ земскомъ собраніи. Прошлымъ лѣтомъ,—сообщаетъ тверской корреспондентъ *Новаго Времени*,—однимъ изъ служащихъ въ уѣздной управѣ были экстренно образованы земельныя владѣнія гг. Петрункевичей, Дьякова и Юрлова, представляющія собою болѣе 900 десятинъ. На основаніи экспертизы г. Михайлова, управа совершила переоцѣнку принадлежащей г. Петрункевичу земли, а его недвижимое иму-

щество—домъ въ Твери почему-то оцѣнила уже не по городской расцѣнкѣ въ 16 т., а по какой-то особой—въ 5 т., послѣдствіемъ чего явилось значительное сложеніе числящихся на Петрункевичѣ окладныхъ земскихъ повинностей, а затѣмъ и немедленное исключеніе его, какъ не имѣющаго должнаго имущественнаго и земельнаго ценза, изъ числа земскихъ гласныхъ. Съ того времени внезапно подвергнутый остракизму гласный не приглашался уже управой ни въ засѣданія экстренныхъ собраній, ни въ санитарный совѣтъ и никакихъ докладовъ и протоколовъ для свѣдѣнія къ предстоящему земскому собранію ему, конечно, также не было доставлено. Когда же собравшаяся 30 сентября ревизіонная коммиссія выбрала (какъ это дѣлалось и въ предшествовавшіе годы) своимъ предсѣдателемъ М. И. Петрункевича, то В. Н. Трубниковъ (по распоряженію котораго была произведена «ревизія») категорически отказалъ коммиссіи въ выдачѣ подлежащихъ ревизіи управскихъ книгъ и документовъ. На дѣйствія управы была принесена жалоба въ уѣздное земское собраніе. Г. Петрункевичъ настаивалъ, чтобы земское собраніе, признавъ всѣ дѣйствія управы по отношенію къ нему незаконными, поставило на обсужденіе вопросъ о преданіи управы суду за превышеніе власти. Земское собраніе единогласно, за исключеніемъ В. Н. Трубникова, постановило: признать дѣйствія управы по отношенію М. И. Петрункевича недѣйствительными, а права его, какъ гласнаго,—неприкосновенными. Вопросъ же о преданіи управы суду за превышеніе власти остался открытымъ.

Къ счастью, предосудительныя дѣйствія въ земской жизни представляются явленіями исключительными. Въ общемъ земская дѣятельность отличается энергіей, посильнымъ служеніемъ общественнымъ интересамъ и вызываетъ глубокую симпатію всѣхъ благомыслящихъ людей. Только что окончившіяся уѣздныя земскія собранія исполнили то, чего ожидало отъ нихъ общество. Вполнѣ назрѣвшій вопросъ о всеобщемъ обученіи, не только былъ выдвинутъ на первый планъ, но было не мало сдѣлано и въ направленіи приближенія къ его рѣшенію. Въ зависимости отъ состоянія бюджетовъ, одни земства нашли возможнымъ на собственныя средства ввести въ недалекомъ будущемъ всеобщее обученіе, путемъ ежегоднаго увеличенія числа школъ, другіе постановили ходатайствовать передъ правительствомъ объ отпускѣ земству изъ государственныхъ средствъ ежегодной субсидіи или объ открытіи самимъ правительствомъ потребнаго количества новыхъ министерскихъ школъ. На ряду съ этимъ не были забыты и другіе способы къ распространенію и укрѣпленію знаній среди народа: въ отчетахъ о земскихъ собраніяхъ постоянно приходилось встрѣчать постановленія объ устройствѣ народныхъ читаленъ, школьныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, повторительныхъ и воскресныхъ классовъ и пр. Были также сдѣланы постановленія, касающіяся собственно учителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увеличено ихъ содержаніе, приняты мѣры къ обезпеченію ихъ пенсіей, учреждены центральныя библіотеки для учителей, рѣшено организовать для нихъ педагогическіе курсы и т. д. Въ результатѣ земскихъ постановленій ны-

нѣшняго года надо ждать значительнаго увеличенія въ качественномъ и количественномъ отношеніи средствъ начальнаго обученія.

Въ послѣднее время въ печати все чаще и чаще появляются любопытныя и чрезвычайно отрадныя иллюстраціи вліянія школы на жизнь крестьянскаго населенія. Иллюстраціи эти получаютъ тѣмъ большее значеніе, когда онѣ основываются на массовыхъ изслѣдованіяхъ. Мы уже сообщали объ одномъ изъ такихъ изслѣдованій, сдѣланномъ по Воронежской губерніи, подъ руководствомъ извѣстнаго статистика Ф. А. Щербина, и данныя котораго помѣщены въ изданіяхъ воронежскаго губернскаго земства. Вотъ резюме названной работы о вліяніи школы на жизнь населенія. Школа сильно вліяетъ на развитіе любви къ чтенію книгъ, на вѣжливое обращеніе съ посторонними лицами, на ослабленіе суевѣрій, предразсудковъ и проч. Грамотные нерѣдко съ большою неподкупностью и сознаніемъ относятся къ общественнымъ дѣламъ, почему, при выборахъ на тѣ или другія сельскія должности, предпочитаются неграмотнымъ. Бывали случаи, когда группа грамотныхъ крестьянъ оказывала рѣшающее вліяніе на измѣненіе того или другого освященнаго вѣками порядка въ общинно-экономической жизни. Замѣчено также, что иногда даже учащіеся оказываютъ то или другое вліяніе на старшихъ членовъ семьи. Вообще вліяніе со стороны дѣтей на ослабленіе тѣхъ или другихъ предразсудковъ въ средѣ населенія несомнѣнно, хотя бы даже въ томъ смыслѣ, что многіе крестьяне стыдятся признаться въ своихъ предразсудкахъ. Въ то же время изъ года въ годъ замѣчается увеличеніе учащихся дѣвочекъ, чему, помимо другихъ условій, способствуютъ сами матери, прежде учившіяся въ школѣ: онѣ стараются обучить грамотѣ и своихъ дочерей, разучиваютъ съ ними знакомыя имъ басни и стихотворенія, передаютъ знанія, какія сами вынесли изъ школы. Замѣтно также, что грамотныя дѣвочки чище одѣваются, держатъ себя приличнѣе и въ обращеніи болѣе вѣжливы. Разъ выучившись грамотѣ, отцы учатъ и дѣтей своихъ грамотѣ. Грамотные обращаются гуманнѣе въ семействѣ, любятъ украшать свои избы картинами, приличною мебелью и, вообще, держатъ свой домъ опрятнѣе, чѣмъ неграмотные. На сходахъ такіе люди относятся толковѣе къ дѣламъ, стараются сдержать крикъ и обсудить всесторонне подлежащее дѣло. Сами родители не скрываютъ, что учащіяся дѣти, подъ вліяніемъ всей школьной учебы, дѣлаются почтительнѣе, нравственнѣе и, вообще, замѣтно выдѣляются по сравненію съ тѣми дѣтьми, которыя не посѣщали школы. Таковы выводы обширнаго массоваго изслѣдованія.

Недавно *Петербургскія Вѣдомости* напечатали также весьма интересную замѣтку на тему о вліяніи народной школы на населеніе. Матеріаломъ для газеты послужили собственноручные отвѣты бывшихъ учениковъ начальныхъ училищъ нѣсколькихъ губерній на цѣлый рядъ вопросовъ, предложенныхъ именно для выясненія объема и качества школьнаго вліянія. Изъ этихъ отвѣтовъ въ большинствѣ случаевъ видно, что даже и при томъ непродолжительномъ курсѣ, какой существуетъ въ народныхъ шко-

лахъ, учащіеся успѣваютъ прочно усвоить грамоту, развиваютъ въ себѣ потребность къ расширенію и углубленію познаній, полученныхъ въ школѣ по разнымъ предметамъ, дѣлаются способными къ самостоятельному продолженію образованія посредствомъ чтенія книгъ и дѣйствительно усердно занимаются самообразованіемъ, если имѣютъ возможность достать цѣльныя книги. Замѣчательно,—говоритъ газета,—что никто изъ приславшихъ отвѣтъ не жалуется на недостатокъ времени для чтенія. Читаютъ большею частью по субботамъ и въ осенніе и зимніе вечера; иногда чтеніе слушаетъ вся семья, а иногда послушать чтеніе книжки или газеты собираются и сосѣди. Къ школѣ у всѣхъ сохранилось самое теплое отношеніе. Въ отвѣтахъ на вопросъ: «хорошо ли было въ школѣ»?—всѣ бывшіе ученики единодушно утверждаютъ, что время, проведенное въ школѣ, было самымъ счастливымъ временемъ ихъ жизни, и всѣ жалѣютъ, что время это очень коротко.

Да, святое и великое дѣло выполняютъ народные учителя. И вотъ, несмотря на то, что едва ли можно найти должность болѣе трудную и менѣе благодарную, чѣмъ должность сельскаго учителя, несмотря на тяжелую матеріальную обстановку, отсутствіе надежды на лучшее положеніе въ будущемъ, отсутствіе гарантій отъ голодной смерти въ старости или даже въ молодыхъ лѣтахъ въ случаѣ болѣзни,—несмотря на все это, святость предстоящаго дѣла настолько притягательна для чистой души, что, по общимъ отзывамъ, контингентъ большинства сельскихъ учителей и учительницъ въ земскихъ школахъ состоитъ изъ преданныхъ дѣлу людей и работа ихъ даетъ благотворные результаты. Прекрасная оцѣнка контраста между жизненнымъ положеніемъ народнаго учителя и его высокимъ общественнымъ значеніемъ сдѣлана орловскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства М. А. Стаховичемъ. По поводу перехода г. Стаховича изъ уѣздныхъ предводителей въ губернскіе предводители сельскіе учителя и учительницы Елецкаго уѣзда поднесли ему адресъ, въ которомъ выразили глубокую благодарность за массу добра, сдѣланнаго имъ для народной школы, и сожалѣніе, что лишаются въ немъ просвѣщеннаго и дѣятельнаго предсѣдателя училищнаго совѣта. На это привѣтствіе г. Стаховичъ отвѣчалъ слѣдующей, заслуживающей вниманія, рѣчью:

«Милостивыя государыни и милостивые государи!

«Обратившіеся ко мнѣ съ такой оцѣнкою не сомнѣваются, что я не могу не быть благодарнымъ за намѣреніе обрадовать и наградить меня и тронутъ тѣми сердечными выраженіями, въ которыя вы сумѣли облечь ваше доброе чувство. Поэтому я не стану развивать своей признательности, ни отстаивать дѣйствительность, указывая на незаслуженность вашихъ похвалъ. Самое преувеличеніе ихъ для меня радостно, какъ свидѣтельство расположенія ко мнѣ. Но больше всего мнѣ льститъ одобреніе и ободреніе въ той именно отрасли многосложной предводительской службы, которую я всегда считалъ и теперь, конечно, считаю самой важной и высокой изо всѣхъ. Я нахожу, что важнѣе народнаго просвѣщенія нѣтъ

дѣла, настоятельнѣе не можетъ быть заботы ни у цѣлаго земства, ни у отдѣльныхъ лицъ, ни у предводителей, ни у министровъ, ни у священниковъ, ни у русскаго Государя. Потому что это самая большая нужда интеллигенціи и народа.

«Ближе всего къ этому дѣлу стоите вы, милостивые государыни и государи, вамъ первымъ даны книги въ руки. Поэтому, заговоривъ о народномъ образованіи, я не могу не коснуться вашей роли, какъ она мнѣ представляется.

«Не подумайте, что я собираюсь отплачивать вамъ похвалами заслуженными за незаслуженную, только-что мною выслушанную. Я буду обращаться, такъ сказать, не къ вамъ лично, даже не къ совокупности моихъ сослуживцевъ за 12 лѣтъ моего участія въ елецкомъ училищномъ совѣтѣ, а говорю обо всей корпораціи народныхъ учителей въ Россіи.

«Прежде всего, я съ глубокимъ убѣжденіемъ говорю, что, на мой взглядъ, нѣтъ учрежденія, которое я болѣе бы уважалъ, а потомъ ни одно другое не заслужило, на мой взглядъ, одновременно такой зависти къ себѣ и такого состраданія. Зависти—за то, что оно даетъ и дѣлаетъ, состраданія—за то, что ему даютъ и съ нимъ дѣлаютъ.

«Вспомните только, что въ среднемъ за 15 рублей въ мѣсяцъ народная учительница или учитель въ глуши чужой деревни, въ темной, тѣсной, часто холодной избѣ, день за днемъ оставляетъ свои молодыя силы, здоровье, свою жажду жизни, свою вѣру въ счастливую жизнь, т.-е. именно то, что дѣлаетъ человѣка въ молодости такимъ сильнымъ. Остается въ этой избѣ все, что не уносится въ могилу, иногда такую раннюю. Вспомните при этомъ одиночество учителя, вызываемое не высотою занимаемаго положенія, а обособленностью его... Волостныя и сельскія власти склонны скорѣе отдавать ему приказанія, чѣмъ слушать его распоряженія. Вспомните, наконецъ, какой упорный трудъ требуется отъ народнаго учителя самимъ дѣломъ, которому онъ служитъ. Итакъ, вотъ пассивъ учителя: за 15 руб. въ мѣсяцъ—эта каторжная работа, эти безпрерывныя лишенія, эти безцѣнныя жертвы.

«Всякому ясно, что это жалованье не оцѣнка службы, а выраженіе ужасной невозможности для платящихъ заплатить больше. Скептики обыкновенно добавляютъ: и тоже невозможность для получающихъ получить больше. Это—близорукое сужденіе. Еслибъ это была только вынужденная служба, ярмо, надѣтое крайностью, его и несли бы съ ненавистью и проклятіемъ, уныло опустивъ внизъ голову. Среди такихъ служащихъ не встрѣчались бы любящіе свое дѣло, бодро шагающіе по своей жесткой дорогѣ съ поднятой кверху головой.

«При перечисленныхъ выше условіяхъ учительское дѣло уже не служба, не дѣятельность, а прямой гражданскій и духовный подвигъ. Этимъ и объясняется, почему рядомъ съ состраданіемъ корпорація народныхъ учительницъ и учителей достойна высшей зависти. Въ ея рукахъ самое большое русское дѣло, потому что съ обученіемъ всегда связано начальное просвѣ-

щеніе. Недаромъ еще Ярославъ Мудрый и его преемники, собираясь вводить въ область христіанство, сперва строили школы, а уже черезъ нѣкоторый срокъ—церкви. То, что вы вспашете умомъ и знаніемъ своимъ, вы же засѣете душою и чувствомъ. Ни одна нива не возвращаетъ такихъ урожаевъ. Народный учитель—это зерно, которое за 15 лѣтъ при 40—50 ученикахъ возраждается самъ-250! Народный учитель—это рабъ, который въ счетный день представитъ Господу сторицею порученный ему одинъ талантъ живого слова.

«Вслѣдъ за нравственнымъ значеніемъ идетъ государственное значеніе сословія. Вы, навѣрное, слышали изреченіе князя Бисмарка, котораго никто еще не упрекалъ въ идеализмѣ, но отказать которому въ авторитетѣ трудно, что, разгромивъ Францію, создали великую Германскую имперію не онъ, не Мольтке, не Вильгельмъ I со своими солдатами, а создалъ это великое народное дѣло германскій школьный учитель. А я нахожу,—и не принимайте это за софизмъ или преувеличеніе,—что русскому народному учителю предстоитъ та же задача соединенія въ одно великой родины. Меня спросятъ: развѣ Россія не такъ же едина, какъ она единодержавна? Да, конечно, въ политической жизни и въ часъ борьбы съ врагомъ внѣшнимъ или внутреннимъ. Но въ мирное время, во внутренней жизни и государственномъ ростѣ этого единенія нѣтъ и не можетъ быть, покуда масса народа отдѣлена отъ руководящей частицы того же народа невозможностью понимать другъ друга и жить одной гражданскою жизнью. Въ нашъ вѣкъ сильнѣе разнородности, сильнѣе разносословности, сильнѣе даже разнобогатства и разноязычія сближаютъ и раздѣляютъ людей образованіе и неразрывно связанное съ нимъ развитіе. Непонимающимъ другъ друга людямъ можно обитать вмѣстѣ, внутри одной границы, можно заразъ воевать и вмѣстѣ платить подати, но нельзя устраивать гражданскую жизнь страны, сообща исполнять государственную задачу, какъ не могутъ дѣлать общее дѣло нормальный человѣкъ съ глухо-слѣпымъ.

«Не подумайте, что я мечтаю объ одномъ для всѣхъ гражданъ уровнѣ образованія. Но необходима безпрерывная постепенность, одна безъ разрыва линія отъ мальчонка, въ первый разъ шагающаго въ сельское училище, до самаго образованнаго, мудраго совѣтчика Царя. Если эта нитка порвана, въ ростѣ и жизни государства не можетъ быть единства, не можетъ быть общей созидательной работы. Какъ ни вытягивай шеи, одной головой не придашь движенія всему организму. Разрывъ образованнаго класса отъ массы народа—это то же, что оторванный отъ поѣзда локомотивъ. Онъ можетъ убѣжать впередъ легче и быстрѣе, но, вѣдь, вся суть, т.-е. смыслъ и цѣль поѣзда, въ тѣхъ груженыхъ вагонахъ, которые безпомощно стоятъ на пути, покуда ихъ не погонитъ случайнымъ вихремъ. И тогда, налетѣвъ на первую встрѣченную преграду, они разнесутъ ее и искалѣчатъ другъ друга и надолго могутъ испортить путь, созданный упорнымъ трудомъ и глубокою мыслью. Вѣдь, нельзя же не признать отсутствія единенія и общаго постепеннаго развитія среди русскихъ гражданъ? Взаимное непони-

маніе и незнаніе быта другъ у друга очевидны для самаго оптимистическаго наблюдателя.

«Развѣ можно черезъ 1800 лѣтъ послѣ Христа и девять вѣковъ послѣ водворенія христіанства на Руси безъ содроганія читать и четыре раза перечитывать процессъ, въ которомъ человѣческое жертвоприношеніе является спорнымъ, но язычество установлено внѣ сомнѣнія. Не магометанство даже, а самое первообразное многобожіе. Мнѣ скажутъ, что это было въ Вяткѣ, гдѣ-то на сѣверѣ... Ну, а среди насъ развѣ тысячи суевѣрій и народныхъ обрядовъ, начиная съ вѣры въ порчу и до молебновъ Царю-Граду и въ Барышъ-День, далеки отъ язычества и ближе къ исповѣданію Единаго Истиннаго Бога, Которому поклоняться слѣдуетъ ни на той горѣ, ни на этой, а въ духѣ и истинѣ? Еще примѣръ, недавно пережитый и живой въ нашей памяти. Можемъ ли мы безъ ужаса, отвращенія и стыда вспомнить, какъ четыре года тому назадъ, при надвинувшемся на Россію государственномъ бѣдствіи, одна часть русскихъ кинулась на самоотверженную борьбу съ заразою, а другая часть русскихъ, этотъ самый народъ, нуждавшійся въ спасеніи, сталъ жечь выстроенныя больницы, бросать въ пожаръ самоотверженныхъ врачей, предпочитая умирать въ корчахъ, валяясь беззащитнымъ по улицамъ? Мы это можемъ понять? Или они въ этотъ важный часъ насъ поняли и помогли въ общемъ государственномъ дѣлѣ борьбы съ эпидеміей?

«А продѣлывалъ все это тотъ русскій народъ, который такъ смиренно живетъ и величаво умираетъ, что мы дивимся и поклоняемся его духовной силѣ. Но пониманіемъ своимъ онъ внѣ условій современнаго склада жизни. И на все есть одинъ отвѣтъ: онъ во власти тьмы, потому что не развитъ, неграмотенъ. Дѣйствительно, неграмотенъ. Недавно, въ одномъ изъ уголковъ нижегородской выставки, на этомъ торжествѣ промышленно-торговой Россіи, министерство народнаго просвѣщенія выставило показатель грамотности Россіи. Онъ меньше 4, если взять всю Россію. На 114½ милл. населенія, посѣщающихъ школу 3,990 тыс. Въ Европейской Россіи % грамотныхъ около 10. Это не ужасно? и не стыдно? И при этомъ возможны для всѣхъ гражданъ общая жизнь и государственное служеніе, въ которомъ—не какъ въ ханствѣ, а какъ въ государствѣ—всѣми признаваемое правительство можетъ разсчитывать не на одно повиновеніе, но и на содѣйствіе, не только на исполнительность, но и на созидательное творчество гражданъ?

«Мнѣ кажется, что въ русскомъ обществѣ начинаетъ пробуждаться сознаніе, что неграмотность—несчастье для необученныхъ, но также грѣхъ и стыдъ для ихъ грамотныхъ согражданъ, что обученіе народа грамотѣ—государственная задача.

«Образованіе народа—государственный долгъ, отъ котораго никто не свободенъ. Кто можетъ и смѣетъ,—иди, самъ преподавай. Кто не можетъ столь многаго, остальные всѣ: художники, литераторы, государственные люди, богатые и незажиточные, свободные и занятые,—помогайте разви-

тію дѣла и сочувствуйте, главное—сочувствуйте ему. Заводите школы сельскія, городскія, воскресныя, библіотеки, чтенія, волшебные фонари, народные театры, комитеты грамотности. Сочувствуйте и жертвуйте всему, что прямо и косвенно служитъ этому дѣлу, подымая уровень и число учителей, распространяя полезныя знанія, приближая книгу къ народу. При этомъ надо помнить, что дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія—не жертва, не заслуга, даже не убѣжденіе, а исполненіе прямой обязанности, мелкая уплата стараго долга, по долготерпѣнію кредитора, запущеннаго до безобразія, что гордиться исправностью можетъ только тотъ, кто отдается ему весь, ничего не оставляя для личной своей жизни, какъ большинство народныхъ учительницъ и учителей...

«Въ отвѣтъ на ваше обращеніе я заговорилъ съ вами обо всемъ этомъ, потому что, видѣвъ 12 лѣтъ, какъ вы умѣете отдавать себя цѣликомъ на служеніе разумному, доброму, вѣчному, видѣвъ, какъ вы просто, даже безсознательно, можетъ быть, обрѣли самое высокое философское разрѣшеніе жизненной задачи—*своимъ настоящимъ создавать будущее другихъ людей*,—мнѣ захотѣлось подѣлиться съ вами радостной мыслью, что, кажется, мы переживаемъ не вечернія сумерки, а предразсвѣтные часы... Блѣднѣетъ ночь, край неба заалѣлъ. Задача, о которой я говорилъ, переходитъ, кажется, изъ общественной совѣсти въ его сознаніе. А когда изъ ощущенія перешли къ пониманію, не далеко уже и до осуществленія. Если мы вспомнимъ одно стихотвореніе Пушкина, въ которомъ поэтъ-патріотъ тосковалъ о царящихъ въ Россіи рабствѣ и темнотѣ, мы можемъ съ радостью сказать себѣ, что рабство уже пало и, кажется,

Что надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ же, наконецъ, желанная заря!

«....Съ этими убѣжденіями,—закончилъ г. Стаховичъ,—съ этими ожиданіями давайте жить и работать.»

Въ рѣчи о школьномъ дѣлѣ нельзя не обратить вниманія на важное ходатайство черниговскаго дворянскаго собранія о реформѣ системы средняго образованія. Прежде изложенія сущности этого ходатайства, замѣтимъ, что оно не является первымъ. Въ прошломъ году въ засѣданіяхъ курскаго дворянскаго собранія обсуждался уже проектъ преобразованія нашей классической школы. Эти факты не что иное какъ отраженіе вполнѣ созрѣвшаго общественнаго мнѣнія о крупныхъ недостаткахъ существующаго обученія въ гимназіяхъ. Жизненный опытъ накопился уже въ мѣрѣ слишкомъ достаточной, недостатки системы стали очевидны, въ извѣстной степени они даже признаны оффиціально. Такимъ образомъ ходатайства дворянъ являются вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительнымъ запросамъ жизни. Въ черниговскомъ дворянскомъ собраніи докладчикомъ по вопросу о реформѣ средней школы былъ бывшій предсѣдатель черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковъ. Докладъ его сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

Ходатайствовать о рѣшительномъ измѣненіи системы преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ въ виду того, что тѣ немногіе воспитанники, которымъ удается, надорвавъ здоровье въ преодолѣніи непосильныхъ трудностей классицизма, окончить курсъ гимназіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказываются слабыми не только въ знаніи отечественнаго языка, но также исторіи, литературы, естествовѣдѣнія и новыхъ языковъ. Необходимо поэтому ограничить преподаваніе древнихъ языковъ и расширить преподаваніе указанныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Собраніе приняло это предложеніе съ тѣмъ добавленіемъ разсматривавшей его коммиссіи, что и существующія реальныя училища также мало способствуютъ развитію ума и не даютъ сколько-нибудь основательныхъ знаній тѣхъ же общеобразовательныхъ предметовъ. Послѣ оживленныхъ преній по данному вопросу дворянское собраніе постановило возбудить передъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы вообще всѣ среднія учебныя заведенія, не предрѣшая спеціальнаго назначенія учащихся, давали прежде всего надлежащія разностороннія знанія и развитіе, въ какомъ смыслѣ и должны быть преобразованы.

Второй пунктъ предложенія докладчика говоритъ о тѣснотѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, служащей причиною большого числа отказовъ въ пріемѣ желающихъ учиться, почему неодходимо ходатайствовать объ открытіи новыхъ среднеучебныхъ заведеній или открытіи параллельныхъ классовъ въ существующихъ уже школахъ. Третій и четвертый пункты доклада заключаются въ томъ, чтобы ходатайствовать о допущеніи оканчивающихъ реальныя училища къ поступленію на соотвѣтствующіе спеціальные факультеты университетовъ и объ учрежденіи въ разныхъ районахъ Россіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ таковыхъ у насъ въ настоящее время крайне незначительное число и на десятки вакансій всегда имѣются сотни кандидатовъ. Триста человѣкъ, присутствовавшихъ въ собраніи, приняли всѣ эти предложенія *единогласно* и передали ихъ въ редакціонную коммиссію, съ цѣлью дать имъ окончательную формулировку. Затѣмъ, собраніе просило губернскаго предводителя дворянства гр. Милорадовича повергнуть докладъ коммиссіи на благоусмотрѣніе Государя Императора.

Въ средѣ русской интеллигенціи, какъ и среди интеллигенціи другихъ народовъ, однимъ изъ самыхъ почтенныхъ сословій по своей общественной дѣятельности являются врачи. Уже самый характеръ ихъ профессіи, заключающійся въ томъ, чтобъ оказывать людямъ непрестанныя, ежедневныя услуги, добро, воспитываетъ въ нихъ альтруистическія чувства, чуткость къ интересамъ другихъ, къ общественнымъ интересамъ. О врачахъ, о их дѣятельности въ большинствѣ случаевъ приходится говорить много хорошаго. Но въ семьѣ не безъ урода. Недавно профессора-медики Казанскаг университета удалили изъ своей среды проф. Кузьмина за его некрасивы поступки. Теперь на судъ общества отдается поведеніе иркутскаго врачеб наго инспектора, г. Маковецкаго, оповѣщенное въ *Сибирскомъ Вѣстник*

Оглашеніе въ печати неодобрительныхъ поступковъ лицъ, занимающихъ общественное положеніе, имѣетъ и то полезное значеніе, что способствуетъ устраненію такихъ лицъ отъ общественныхъ должностей, во время пребыванія на которыхъ деморализующее ихъ вліяніе, естественно, усиливается. Поводомъ сибирской газетѣ къ ознакомленію публики съ г. Маковецкимъ послужило годичное засѣданіе общества врачей Восточной Сибири. Происходило оно 2 сентября въ помѣщеніи музея географическаго общества. Въ программѣ засѣданія стоялъ выборъ предсѣдателя общества. На засѣданіе собралось человѣкъ двадцать членовъ общества и человѣкъ двадцать-двадцать пять публики, для которой главный интересъ заключался въ выборѣ предсѣдателя. Кончился срокъ служенія въ этой должности врача Маковецкаго и были всѣ данныя ожидать выбора новаго предсѣдателя. По прочтеніи отчета стоявшихъ въ программѣ сообщеній оставалось разсмотрѣть кассовый отчетъ и приступить къ вскрытію и подсчету избирательныхъ бюллетеней, а затѣмъ провозгласить результатъ выборовъ. Г. Маковецкій нашелъ почему-то болѣе удобнымъ произвести все это при закрытыхъ дверяхъ и, обратившись къ публикѣ, предложилъ ей оставить залъ засѣданія. На другой день интересовавшіеся результатомъ выборовъ узнали, что предсѣдателемъ остался врачъ Маковецкій, получившій 13 голосовъ изъ 30.

При такомъ положеніи дѣла,—говоритъ газета,—причины, побудившія удалить публику изъ залы засѣданія, становятся понятными. Г. Маковецкій имѣлъ основанія опасаться не быть избраннымъ въ предсѣдатели общества, и опасенія его оказались не напрасными. Онъ въ дѣйствительности не избранъ. Какое же это избраніе—13 голосами изъ 30? Счесть это за избраніе можно только тогда, когда дѣло происходитъ келейно; при публикѣ пришлось бы отъ чести такого избранія отказаться. И это тѣмъ болѣе, что даже въ тѣхъ 13 голосахъ, которые высказались за г. Маковецкаго, большинство принадлежитъ не врачамъ, а той категоріи членовъ общества, которые, какъ фармацевты, зубные врачи, ветеринары, управляющіе аптеками и аптекарскими складами, находятся въ довольно тѣсной зависимости отъ того же г. Маковецкаго, какъ мѣстнаго врачебнаго инспектора. Далѣе надо сказать, что и денежный отчетъ общества не слѣдовало разсматривать при закрытыхъ дверяхъ. Обществу, которое принимаетъ пожертвованія, не подобаетъ закрывать двери, когда разсматривается его денежная отчетность. Чѣмъ болѣе гласно и публично производится разсмотрѣніе кассовыхъ отчетовъ и повѣрка суммъ того или другого учрежденія, нуждающагося въ поддержкѣ мѣстнаго общества, тѣмъ лучше и выгоднѣе для самого отсчитывающаго учрежденія. Но г. Маковецкій — убѣжденный противникъ гласности, контроля и ревизіи въ дѣлахъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Въ прошломъ году, занимая должность предсѣдателя иркутскаго общества вспомоществованія переселенцамъ, онъ предлагалъ общему собранію этого общества усвоить практику многихъ иркутскихъ филантропическихъ учрежденій, утверждающихъ, по его словамъ, отчеты своихъ исполнительныхъ органовъ безъ провѣрки и ревизіи, а когда

это предложеніе не было принято и для повѣрки отчета комитета переселенческаго общества собраніемъ была избрана ревизіонная коммиссія, то г. Маковецкій отказался отъ должности предсѣдателя общества. Имъ же въ слѣдующемъ общемъ собраніи общества произнесена была грозная филиппика противъ одного изъ членовъ этой ревизіонной коммиссіи, чиновника государственнаго банка Атшева, настаивавшаго на предъявленіи коммиссіи казначеемъ общества Посохинымъ наличности кассы. «Дѣятельность комитета, — говорилъ г. Маковецкій, — безупречна, и за тѣ труды, которые ему пришлось понести, онъ заслуживаетъ благодарности». Это говорилось въ то самое время, когда предшественникъ г. Посохина, казначей переселенческаго общества г. Сивковъ, сидѣлъ въ иркутской тюрьмѣ по обвиненію въ растратѣ суммъ переселенческаго общества и цѣломъ рядѣ подлоговъ, совершенныхъ съ цѣлью покрытія этой растраты, за что онъ и былъ черезъ два мѣсяца послѣ рѣчи г. Маковецкаго о безупречной дѣятельности комитета приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Въ расцвѣтѣ силъ и таланта погибъ предсѣдатель вятской земской управы Авксентій Петровичъ Батуевъ. Истинная скорбь овладѣла вятскимъ обществомъ и всѣми знавшими А. П. лично или по его дѣятельности при извѣстіи о его трагической и нелѣпой смерти. Онъ погибъ,— говоритъ *Вятскій Край*,—въ то время, когда голова полна была благородныхъ замысловъ и широкихъ плановъ о благѣ общественномъ, когда въ сердцѣ клокоталъ избытокъ горячей любви къ народу, когда, наконецъ, въ жилахъ чувствовался богатый приливъ силъ. Погибъ въ самый разгаръ кипучей общественной дѣятельности, погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, не достигнувъ даже 35 лѣтъ, и, что обиднѣе всего, съ чѣмъ человѣческій умъ и сердце не можетъ мириться,—погибъ ни за что и отъ руки какого-то полоумнаго человѣка, врядъ ли понимавшаго то, что онъ дѣлалъ... Сошло со сцены лицо, представлявшее собою общественную силу и нравственно богатый капиталъ. Много теряютъ со смертію А. П. наши общественныя учрежденія и, прежде всего, та масса общественныхъ установленій, которая объединяется подъ именемъ двухъ земствъ,—вятскаго губернскаго и малмыжскаго уѣзднаго. Беззавѣтная преданность А. П. общественному служенію, въ строгой гармоніи съ высокимъ идеаломъ, вынесеннымъ имъ еще съ университетской скамьи, и была той магической силой, которая такъ обаятельно дѣйствовала и сплочивала вокругъ него всѣхъ, въ комъ также не угасли общественные идеалы и кто также стремился внести ихъ въ жизнь и свою дѣятельность. И не мудрено, что друзья у него были среди общественныхъ дѣятелей всевозможныхъ положеній; не мудрено, что кромѣ мѣстныхъ, онъ имѣлъ друзей и среди лучшихъ представителей столичной печати, профессуры, адвокатуры. Трудно даже перечесть все, что по инициативѣ А. П. сдѣлано губернскимъ земствомъ для Вятской губерніи и въ особенности для ея крестьянскаго населенія. Но во всякомъ случ

самый высокій монументъ создастъ ему народная память за прошлогоднее постановленіе губернскаго земства объ открытіи въ губерніи новыхъ 600 начальныхъ школъ при субсидіи отъ губернскаго земства. Этотъ еще на прошлогоднемъ экстренномъ собраніи маловѣроятный проектъ нынѣ дѣлается уже болѣе чѣмъ на половину осуществимымъ: около 200 школъ уже открыто и, кромѣ того, болѣе чѣмъ о 200 еще новыхъ школахъ состоялись постановленія уѣздныхъ собраній. Далѣе, учрежденныя по его иниціативѣ 3,000 библіотечекъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ губерніи, ассигновка 50-тысячнаго капитала, проценты съ котораго идутъ на безплатную раздачу книгъ народу, устройство въ селахъ при пособіи губернскаго земства воскресныхъ народныхъ чтеній съ туманными картинами, учрежденіе въ г. Вяткѣ земскаго книжнаго склада съ отдѣленіями въ уѣздахъ, основаніе *Вятской Газеты,* ходатайство объ учрежденіи въ Вяткѣ правительственнаго техническаго училища,—всѣ эти постановленія губернскаго собранія, касающіяся народнаго образованія въ краѣ, состоялись уже во время предсѣдательства покойнаго и почти всѣ по его иниціативѣ. И въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства при немъ сдѣлано также не мало: учрежденіе въ городѣ Вяткѣ кустарнаго музея съ отдѣленіями съ уѣздахъ, устройство во многихъ уѣздахъ учебныхъ мастерскихъ по разнымъ кустарнымъ производствамъ, расширеніе дѣятельности агрономическаго института, учрежденіе нѣсколькихъ учебныхъ сельско-хозяйственныхъ фермъ, покупка въ степяхъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ лошадей и раздача ихъ въ ссуду безлошаднымъ крестьянамъ — таковы были главнѣйшія изъ экономическихъ мѣропріятій для крестьянскаго населенія губерніи.

По словамъ одного изъ близко знавшихъ Батуева, къ нему вполнѣ подходило геніальное выраженіе Шекспира: «человѣкъ онъ былъ».

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Причины оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. — Важность суд присяжныхъ для правообразованія.—Внѣшняя торговля Россіи въ 1895 году.—Изъ хроники переселеній. — Кустарная промышленность на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ.—Народное образованіе. — Правительственное сообщеніе.

Нападки на судебныя учрежденія, какъ они созданы закономъ 20 ноября 1864 года, становятся особенно ожесточенными, когда извѣстные органы нашей печати касаются суда присяжныхъ. Негодность суда присяжныхъ, по мнѣнію его противниковъ, всего лучше доказывается многочисленностью оправдательныхъ приговоровъ. Причиной послѣднихъ служитъ и дурное производство предварительнаго слѣдствія, и неосновательное преданіе суду, и главное—способность только коронныхъ судей вѣрно оцѣнить вину подсудимаго и оправдать его лишь въ томъ случаѣ, когда очень вѣскіе доводы говорятъ въ пользу его невиновности или же склоняютъ къ его оправданію.

Г. Кобцевъ въ своей статьѣ *Къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ* (*Журналъ Петербургскаго Юридическаго Общества*, 1896 г., ноябрь) освѣщаетъ нѣкоторыя условія, затрудняющія присяжнымъ во всѣхъ подробностяхъ познакомиться съ дѣломъ и произнести приговоръ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы требованіямъ правосудія. Эти причины могутъ быть группированы такимъ образомъ: 1) Воспрещеніе закономъ чтенія въ судебныхъ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ актовъ, которые такимъ образомъ остаются для присяжныхъ тайною. 2) Уклоненія, допускаемыя при производствѣ судебныхъ слѣдствій введеніемъ въ нихъ обстоятельствъ, которыя, не имѣя прямого отношенія къ дѣлу, не должны быть предметомъ сужденія для присяжныхъ. 2) Резю... предсѣдательствующаго, которое всегда имѣетъ на присяжныхъ больш вліяніе, а иногда даже рѣшающее значеніе. 4) Воспрещеніе объясня присяжнымъ о наказаніи, которое грозитъ подсудимому; присяжные, пре полагая, что наказаніе чрезмѣрно строго, нерѣдко только потому произн сятъ оправдательные приговоры.

Показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи обвиняемымъ,

рѣдко имѣютъ очень большое значеніе, а между тѣмъ ихъ нельзя читать на судѣ. Многіе изъ присяжныхъ указываютъ, что хотя нѣкоторые изъ даннаго состава знаютъ образъ жизни подсудимаго, его привычки, характеръ, положеніе въ обществѣ; все это, сопоставленное съ объясненіями на предварительномъ слѣдствіи, можетъ дать указанія, способныя помогать надлежащему рѣшенію дѣла. И разъ первоначальныя показанія обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи неизвѣстны, то всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не можетъ быть дана общая оцѣнка, и воля присяжныхъ засѣдателей колеблется при рѣшеніи вопроса о винѣ или невиновности подсудимаго.

Главнымъ, а часто и исключительнымъ основаніемъ для приговоровъ присяжныхъ слѣдуютъ свидѣтельскія показанія, особенно при томъ положеніи дѣла, когда подсудимый, не признавъ себя виновнымъ, пользуется правомъ молчанія. Между тѣмъ присяжнымъ остаются иногда неизвѣстными по рѣшаемому дѣлу и показанія свидѣтелей, вслѣдствіе невызова ихъ на судъ или непрочтеніе показаній, данныхъ ими на предварительномъ слѣдствіи.

Но особенное вліяніе имѣетъ на присяжныхъ неизвѣстность наказанія, которое грозитъ подсудимому. Законодатель, налагая такой запретъ, имѣлъ въ виду, что присяжные не должны смущаться строгостью наказанія и совершенно свободно постановлять приговоръ согласно со своимъ убѣжденіемъ. А на практикѣ законъ этотъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Присяжные опасаются, какъ бы наказаніе не было слишкомъ строго, несоразмѣрно винѣ, и имѣютъ наклонность смягчать свои приговоры.

Мы въ общемъ согласны съ г. Кобцевымъ, полагаемъ, однако, что эти условія не могутъ быть отнесены къ главнымъ причинамъ слишкомъ мягкихъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. Тѣ дѣла, которыми свидѣтельскія показанія, данныя на судебномъ слѣдствіи, рѣзко отклоняются отъ показаній на предварительномъ слѣдствіи, и тѣмъ болѣе противорѣчатъ имъ, должны быть отнесены къ исключеніямъ. Если, что бываетъ чаще, особенно тогда, когда дѣло доходитъ до суда чрезъ много мѣсяцевъ по совершеніи преступленія, нѣкоторые свидѣтели успѣли забыть подробности дѣла, то обыкновенно есть другіе, память которыхъ удерживаетъ всѣ мелочи того, что они видѣли. Однако, всѣ эти обстоятельства, направляющія вердиктъ присяжныхъ, могутъ быть регулированы такъ, что ихъ вліяніе на судъ присяжныхъ можетъ быть сведено къ наименьшимъ размѣрамъ. Стóитъ закону расширить предѣлы, въ которыхъ на судѣ можно было бы пользоваться данными предварительнаго слѣдствія, стóитъ постановить, чтобы заключительная рѣчь предсѣдателя цѣликомъ заносилась въ протоколъ засѣданія—и неудобства, отмѣченныя выше, будутъ значительно смягчены; неполность судебнаго слѣдствія будетъ восполняться свидѣтельскими показаніями, данными на предварительномъ слѣдствіи, а предсѣдатели суда будутъ гораздо больше обдумывать свои резюме и воздерживаться отъ проведенія въ заключительныхъ рѣчахъ своихъ взглядовъ, которые могутъ подчинить волю присяжныхъ засѣдателей.

Гораздо чаще оправдательные приговоры присяжныхъ являются слѣдствіемъ того, что жизнь обыкновенно идетъ впередъ закона, и присяжные, знакомые съ условіями жизни, не находятъ преступленія тамъ, гдѣ его признаетъ законъ. И не слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ смотрѣть на присяжныхъ засѣдателей какъ на людей, которые относятся къ закону пренебрежительно и оправдываютъ или смягчаютъ приговоръ для того только, чтобъ оттѣнить недостаточное уваженіе къ закону; нѣтъ, больше основаній считать въ этихъ случаяхъ законъ какъ общую формулу, поспѣшнымъ обобщеніемъ явленій, изъ которыхъ многія могутъ только насильственно быть втиснуты въ рамки, установленныя закономъ. Припомнимъ, наприм., о томъ, насколько положеніе закона о кражѣ со взломомъ неприменимо ко многимъ случаямъ такой кражи, совершаемой въ нашемъ отечествѣ. Положенія нашего уголовнаго уложенія заимствованы съ Запада. А на Западѣ не только въ городахъ, но, большею частью, и въ деревняхъ зданія устраиваются преимущественно изъ камня и желѣза, имѣютъ хорошіе замки, запоры, засовы, и взломъ, который сопутствуетъ кражѣ, требуетъ значительныхъ усилій. Наши законовѣды, заимствовавшіе лѣствицу наказаній и характеристику преступленій изъ западно-европейскихъ сводовъ, всегда жили въ городахъ, въ прочныхъ каменныхъ зданіяхъ, съ двойными оконными рамами и англійскими замками у наружныхъ и внутреннихъ дверей. Не зная деревенской Россіи, а еще чаще не вспоминая о ней во время своихъ работъ надъ проектами законовъ, эти люди и находятъ кражу со взломомъ повсюду, гдѣ употребляется извѣстное насиліе, чтобы проникнуть въ домъ или иное хранилище похищеннаго имущества. Дабы проникнуть чрезъ крышу въ домъ, гдѣ-нибудь на Тверской или Ильинской, нужно не только употребить довольно большое усиліе, но имѣть и хорошее желѣзное орудіе, а для того, чтобы пробраться въ крестьянскій амбаръ, крытый соломой, и украсть нѣсколько пудовъ зерна или муки, нужны нерѣдко самыя ничтожныя усилія, гораздо меньшія даже чѣмъ для того, чтобъ отворить незапертую дубовую дверь въ парадномъ входѣ богатаго дома на Невскомъ или Морской. И вотъ, когда на судѣ торжественно обвиняютъ такого-то, что онъ совершилъ кражу со взломомъ на сумму менѣе 300 рублей, а присяжные, узнавъ, что взломъ въ данномъ случаѣ былъ только раздвинутіемъ на крышѣ полусгнившей соломы, а объектомъ кражи—пара телячьихъ кожъ, стоющихъ 2 рубля, оправдываютъ его, такъ какъ считаютъ наказаніе слишкомъ тяжелымъ сравнительно съ маловажностью преступленія. Какой приговоръ произнесли бы по такому дѣлу судьи-чиновники? Въ среднемъ приговоръ былъ бы болѣе суровымъ, нежели приговоръ присяжныхъ засѣдателей и, притомъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Средній судья-чиновникъ, какъ и вообще средній русскій человѣкъ, проникнутъ убѣжденіемъ, что въ русской деревнѣ есть большая наклонность къ воровству и что строгій приговоръ относительно каждаго проступка противъ права собственности имѣетъ воспитательное значеніе. 2) Судья-чиновникъ, живущій въ городѣ и мало знакомый съ сельскимъ бытомъ,

большею частью, не имѣлъ бы представленія о томъ, что проникновеніе въ запертыя помѣщенія въ деревнѣ часто не связано съ усиліями, которыя и даютъ право говорить о взломѣ. 3) Наконецъ, средній судья-чиновникъ, припоминая, какъ профессоръ уголовнаго права внѣдрялъ ему въ голову понятіе о кражѣ со взломомъ, о гораздо болѣе злой волѣ, отличающей людей, которые совершаютъ такую кражу, по сравненію съ людьми, которые совершаютъ простую кражу, о томъ, что въ каждой литературѣ есть много монографій о кражѣ со взломомъ и цѣлыя главы этихъ монографій посвящены перечисленію и описанію орудій взлома,— произнесъ бы обвинительный приговоръ. А присяжные засѣдатели, не отрываясь отъ дѣйствительной жизни, хорошо знаютъ, что усилія для совершенія взлома ветхой соломенной крыши часто бываютъ меньше, нежели сила, съ которой простой человѣкъ ласково потреплетъ жену,— и оправдываетъ подсудимаго.

Возьмемъ другой проступокъ: мать оставляетъ безъ помощи своего незаконнорожденнаго ребенка, вслѣдствіе чего онъ погибаетъ. Уголовный законъ караетъ за это очень строго: виновная лишается нѣкоторыхъ правъ и ссылается на житье въ Сибирь или заключается въ тюрьму на срокъ до $2^1/_2$ лѣтъ. Судья-чиновникъ въ большинствѣ случаевъ и даже всегда признавалъ бы такую подсудимую виновною. Онъ припоминалъ бы, что въ городахъ,—а именно городская жизнь и кладетъ печать на всѣ его воззрѣнія,—есть акушерки, которыя принимаютъ къ себѣ беременныхъ отъ внѣбрачной связи, есть родильные пріюты, есть воспитательные дома для незаконнорожденныхъ. На судѣ же обнаруживаются факты, которые переносятъ насъ совсѣмъ въ иной міръ, и присяжные засѣдатели, близко знакомые съ жизнью, произносятъ по такимъ дѣламъ оправдательные приговоры. На судѣ является юная крестьянка, не достигшая 20 лѣтъ, неразвитая, неспособная во время акта родовъ дать себѣ отчета не только въ томъ, какъ поступить съ новорожденнымъ, но и въ томъ, что съ нею происходитъ. Помощи ждать не откуда, облегчить страданія, связанныя съ родами, не кому, и родильница, иногда рефлективно исполняя при себѣ обязанности повивальной бабки, нечаянно умерщвляетъ ребенка. Присяжнымъ, всегда поддерживающимъ связь съ самою жизнью, извѣстны условія, при которыхъ иногда погибаютъ незаконнорожденные, и они смотрятъ снисходительно на такіе проступки.

Но есть дѣла, по которымъ воззрѣнія народа болѣе строги, чѣмъ воззрѣнія закона, и гдѣ присяжные засѣдатели не имѣютъ склонности выносить оправдательные вердикты. Таковы, наприм., поджоги: присяжный знаетъ, что поджогъ, произведенный въ деревнѣ, если онъ вызывается чувствомъ мести поджигателя къ одному или немногимъ лицамъ, разоряетъ многихъ домохозяевъ, иногда всю деревню. Присяжные чувствуютъ и сознаютъ, что причиняемое зло здѣсь очень велико и снисхожденіе, большею частью, неумѣстно.

Если подвести итоги сказанному, то можно обѣлить судъ присяжныхъ

отъ всѣхъ обвиненій, которымъ онъ подвергается по поводу будто бы большой склонности къ оправдательнымъ приговорамъ. Въ однихъ случаяхъ, именно тогда, когда оправдательный приговоръ можетъ служить къ ущербу для дѣла правосудія, онъ есть слѣдствіе недостатковъ въ устройствѣ судебной части. Устраненіе однихъ изъ этихъ недостатковъ и смягченіе другихъ не связано съ очень большими трудностями. Въ другихъ случаяхъ оправдательный приговоръ можетъ казаться ущербомъ для правосудія только съ точки зрѣнія зачерствѣлаго юриста, котораго страшитъ всякое проявленіе жизни, расходящееся съ нормою закона. Для каждаго же, кто помнитъ, что не положительное право должно навязывать жизни свои велѣнія, а, напротивъ, законъ долженъ непрерывно измѣняться и обновляться подъ вліяніемъ жизни, эти оправдательные приговоры представляютъ желательное явленіе: именно чрезъ посредство этихъ приговоровъ судебная практика пополняетъ матеріалъ, который содѣйствуетъ безостановочному правообразованію. И если завзятый юристъ можетъ съ отрадою думать о томъ, что замѣна суда присяжныхъ судомъ чиновниковъ увеличитъ число заключенныхъ въ тюрьмахъ или число лицъ, сосланныхъ на житье въ Сибирь, то гражданинъ, усматривающій прогрессивное движеніе общества въ приспособленіи права къ требованіямъ жизни, можетъ радоваться сохраненію суда присяжныхъ, такъ какъ оно является лучшею гарантіей цѣлесообразныхъ измѣненій въ уголовномъ законодательствѣ.

Департаментъ таможенныхъ сборовъ только-что отпечаталъ краткія свѣдѣнія о нашей внѣшней торговлѣ за 1895 годъ.

Таможенный доходъ обнаруживаетъ уменьшеніе почти на 1 милліонъ рублей золотомъ: въ 1894 году онъ составлялъ 117.051,000 руб., а въ 1895 г.—116.084,000 руб. Цѣнность вывезенныхъ по всѣмъ границамъ товаровъ составляла 692,1 милліона рублей, что составляетъ на 63,2 милліона больше, нежели средняя цѣнность за послѣднее пятилѣтіе (628,9 мил. въ 1890—94 гг.), но значительно меньше, чѣмъ за нѣкоторые годы послѣдняго десятилѣтія: въ 1890 г. было вывезено товаровъ на 693,4 милліона, въ 1891 г. — 707,4 мил., 1889 г. — 750,9 мил. и въ 1888 г.— 784 мил. Перемѣны въ торговыхъ оборотахъ не такъ рѣзко обнаруживаются при сравненіи вывезенныхъ товаровъ по годамъ относительно цѣнности, какъ при сравненіи относительно количества. Въ этомъ отношеніи 1895 годъ не даетъ намъ особенно утѣшительныхъ фактовъ. Количество вывезеннаго хлѣба опредѣляется цифрою нѣсколько болѣе 574$^1/_2$ милліоновъ пудовъ; эта цифра значительно превосходитъ годовую среднюю за послѣднее пятилѣтіе (408$^3/_4$ милліоновъ пудовъ—средняя за 1890—94 гг. Но она немного превосходитъ отпускъ хлѣба за 1888 г. (540$^1/_2$ мил. пуд. и значительно уступаетъ вывозу 1894 г. — около 630 мил. пуд. То ж можно сказать и объ отпускѣ большинства другихъ товаровъ: картофе было вывезено въ 1895 г. 2.313,000 пуд., но въ 1890 и 1891 гг. бы отпущено на нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ больше; сахара было вы

зено больше 4 милліоновъ пудовъ, но въ 1891 году его было вывезено слишкомъ 5¾ милліона пудовъ; лѣса было вывезено 26.121,000 пудовъ (на 10 мил. пудовъ больше средней годовой за послѣднее пятилѣтіе), однако въ 1890 году количество вывезеннаго лѣса превышало 27¼ мил. пуд. То же отмѣтимъ мы и относительно лѣсного товара: за 1895 годъ его вывезено всего на 40½ мил. рублей (количество отпуска неизвѣстно), но средній годовой отпускъ за послѣднее пятилѣтіе превышаетъ 45 мил. рублей, а въ 80-хъ годахъ онъ составлялъ иногда 50 и 60 мил. руб. въ годъ. Если вспомнимъ, какъ вздорожали за послѣдніе годы лѣсные матеріалы, то получимъ еще болѣе ясное понятіе о томъ, насколько отпускъ уменьшился количественно. Количество вывезеннаго льна опредѣляется цифрою въ 13¾ мил. пуд., почти на 2 мил. пуд. больше, чѣмъ средній годовой за предыдущее пятилѣтіе, но въ 70-хъ годахъ вывозъ былъ значительно больше. То же можно сказать и о большей части другихъ товаровъ. Рѣзкимъ исключеніемъ является нефть: въ 1895 году ея вывезено около 63½ мил. пуд., тогда какъ средній годовой отпускъ за послѣднія 5 лѣтъ составлялъ около 54 мил. пуд., и ни въ одинъ изъ предыдущихъ годовъ не достигалъ 60 мил. пуд. Замѣтно возросъ также отпускъ марганцевой руды (10½ мил. пуд. вмѣсто 7½ мил. пуд. въ средній годъ), домашней птицы и нѣкоторыхъ мелкихъ статей, не представляющихъ серьезнаго значенія въ общемъ итогѣ оборотовъ по внѣшней торговлѣ.

Внимательное изученіе статей нашего отпуска по жизненнымъ припасамъ, сырымъ и полуобработаннымъ матеріаламъ, показываетъ, что въ этомъ направленіи наша внѣшняя торговля не сдѣлала успѣховъ за прошлый годъ. Но, можетъ быть, мы далеко двинулись въ отпускѣ издѣлій: вѣдь, не даромъ же послѣдніе года были временемъ усиленнаго покровительства нашей фабричной и заводской промышленности. Мы находимъ движеніе впередъ только относительно отпуска металлическихъ издѣлій: цѣнность ихъ составляла почти 8¼ милліоновъ рублей вмѣсто 4 и 4½ милліоновъ за предыдущіе года. То же скажемъ мы и о гуттаперчевыхъ издѣліяхъ: въ 1895 году ихъ вывезено почти на 2½ милліона рублей (917,000 рублей больше, чѣмъ средній годовой отпускъ за послѣднія 5 лѣтъ). По нѣкоторымъ же статьямъ мы находимъ крупное уменьшеніе отпуска: льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій вывезено на 642,000 рублей менѣе чѣмъ въ среднемъ за послѣднее пятилѣтіе (1.160,000 и 1.802,000), канатовъ и веревокъ—на 678,000 менѣе (607,000 и 1.285,000), бѣлья, платья и шубъ—на 1.090,000 менѣе (1.134,000 и 2.224,000). Столь незначительные успѣхи отпуска издѣлій тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза, что экономическая политика, направленная на развитіе обрабатывающей промышленности, крѣпнетъ все болѣе и болѣе. Но и по тѣмъ статьямъ, которыя обнаруживаютъ извлеченіе вывоза издѣлій, насъ постигаетъ полное разочарованіе, когда мы читаемъ въ изданіи министерства финансовъ слѣдующія строки: «металлическія издѣлія вывезены отъ насъ не за границу, а главнымъ образомъ во Владивостокъ и другія мѣста Восточной Сибири:

такъ, изъ общаго вывоза металлическихъ издѣлій за 1895 годъ, оцѣниваемаго въ 8.240 т. рублей, во Владивостокъ отправлено, преимущественно чугунныхъ, желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, оружія и машинъ, на сумму 7.116 т.(руб. 86,3%»). (*Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи за 1895 годъ*, стр. XXIV). Большая часть резиновой обуви, бумажныхъ тканей и холстъ вывозится также во Владивостокъ.

Привозъ товаровъ за 1895 годъ, уступая почти на 15 милліоновъ рублей за 1894 г., далеко превосходитъ цѣнность средняго годового за послѣднее пятилѣтіе: въ прошломъ году его цѣнность была равна 330,1 милліона, тогда какъ средняя составляла только 273,7 милліона рублей. Уменьшеніе привоза наблюдается только относительно сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ—190,5 милліона вмѣсто 210,8 милл. за 1894 г. Однако, всеобщее пониженіе цѣнъ на міровомъ рынкѣ ведетъ къ тому, что количественно мы находимъ увеличеніе привоза по большей части этихъ статей. Привозъ хлопка сократился сравнительно съ предшествующимъ годомъ почти на 4 милліона пудовъ (7.488,000 и 11.272,000 пуд.), чугуна въ штыкахъ и лому больше чѣмъ на 1 милліонъ пуд. (7.753,000 и 8.830,000 пуд.), кожъ—больше чѣмъ на ½ милліона пуд. (1.144,000 и 1.700,000 пуд.) и пр. По привозу товаровъ остальныхъ классовъ мы находимъ увеличеніе: относительно издѣлій оно составляетъ безъ малаго 4 милліона рублей по сравненію съ 1894 годомъ и больше 32 милліоновъ по сравненію съ средней годовой цѣнностью за предыдущее пятилѣтіе (92,1 милліона, 88,4 милл. и 59,9 милл.). Наиболѣе крупное увеличеніе, сравнительно съ 1894 годомъ далъ привозъ такихъ издѣлій: машинъ—5.052,000 вмѣсто 4.478,000 пуд., писчебумажнаго товара—1.524,000 вмѣсто 1.275,000 пуд., льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій—128,000 вмѣсто 92,000 пудъ.

Таковы главныя цифры относительно нашей внѣшней торговли въ 1895 году. Торговыя сношенія съ Германіей заслуживаютъ особаго упоминанія. Въ началѣ 1894 года между Россіей и Германіей былъ заключенъ торговый договоръ, понизившій таможенныя пошлины въ обоихъ государствахъ. Это повело къ усиленію торговыхъ сношеній. Опредѣляемая въ кредитныхъ рубляхъ цѣнность русскаго отпуска въ Германію за 1895 годъ составила около 176½ милліоновъ, слишкомъ на 20 милліоновъ больше годового средняго за пятилѣтіе 1890—1894 годовъ и на 40—45 милліоновъ рублей больше, чѣмъ за 1892 и 1893 годы. Цѣнность отпуска почти достигла цѣнности его въ 1890 году и только на 15 милліоновъ рублей меньше, чѣмъ въ 1891 г. Но гораздо большее развитіе испыталъ привозъ къ намъ товаровъ изъ Германіи. Его цѣнность, выражаемая въ кредитныхъ рубляхъ, составила за средній годъ предыдущаго пятилѣтія около 112½ милліоновъ, въ 1891—1893 гг. она колебалась между 101 и 103 милліонами но въ 1894 году поднялась до 142.686,000 и въ 1895—до 175.185,000 рублей. Словомъ, если отпускъ изъ Россіи, подъ вліяніемъ торговаго договора съ Германіей, возросъ на 30%, то вывозъ Германіи въ Россію—на 75%. Факты оправдываются такимъ образомъ анализомъ торговаго до-

вора, который мы сдѣлали немедленно по его заключеніи. Вотъ что писали мы: «Пониженіе ставокъ русскаго таможеннаго тарифа доставляетъ германской промышленности несомнѣнныя и, по нѣкоторымъ статьямъ, крупныя выгоды. Пониженіе же германскихъ пошлинъ съ товаровъ, ввозимыхъ изъ Россіи, въ связи съ международными условіями производства и перевозки этихъ товаровъ, можетъ въ иной годъ доставить русскимъ производителямъ существенныя выгоды, а иногда самый незначительный выигрышъ. А потому Германіи предстоитъ извлечь изъ договора больше выгодъ, чѣмъ Россіи» *Внутреннее обозрѣніе* 1894 г., мартъ, стр. 141). Огромныя выгоды, извлеченныя изъ торговаго договора Германіей, по сравненію съ умѣренными выгодами, которыя извлекло изъ него наше отечество, доказываются долей, которую вывозъ въ Германію и привозъ изъ нея занимаютъ въ общей суммѣ нашего ввоза и отпуска: средняя годовая цѣнность отпуска изъ Россіи въ Германію составляла, за послѣднее пятилѣтіе 29,1% всего нашего вывоза (въ 1891 году 31,3%, 1892 г. 35,2%), а въ 1895 г. 29,7. А привозъ изъ Германіи составлялъ за послѣднее пятилѣтіе среднюю годовую цѣнность въ 29,2% всего ввоза, далъ за 1895 годъ 38,2%—больше, чѣмъ когда могъ ранѣе (въ 1888 году 36,7, а въ 1885—38,0%).

Сравнивая итоги привоза и вывоза за 1895 годъ, мы видимъ, что торговый балансъ заключился въ нашу пользу: цѣнность отпуска превысила цѣнность привоза на 103.800,000 рублей золотомъ. Абсолютно этотъ перевѣсъ значителенъ, но онъ уступаетъ какъ среднему годовому за послѣднее пятилѣтіе (около 125¾ милліоновъ), такъ еще болѣе избытку вывоза надъ привозомъ въ отдѣльные годы. Онъ составлялъ 200,5 милл. золотомъ въ 1890 году, 207 въ 1889 г., 221,2 милл. въ 1891 г. и 227,8 милл. въ 1888 году. Выгодный торговый балансъ не представляется въ такомъ яркомъ освѣщеніи, если мы познакомимся съ движеніемъ благородныхъ металловъ во внѣшней торговлѣ. Вторая половина 80-хъ годовъ была временемъ перевѣса отпуска золота и серебра надъ ихъ привозомъ: за пятилѣтіе 1885—1889 гг. средняя годовая цѣнность привоза золота и серебра составляла 12.613,000 рублей, а вывоза—21.319,000, т.-е. ежегодный перевѣсъ второго надъ первымъ далъ около 8⅔ милліоновъ рублей золотомъ. Въ послѣднее пятилѣтіе положеніе дѣлъ измѣнилось: средняя годовая цѣнность отпуска достигала 16.612,000 рублей, а привоза—76.416,000, т.-е. Россія ежегодно увеличивала свой запасъ въ благородныхъ металлахъ почти на 60 милліоновъ рублей. Для 1895 года перевѣсъ привоза надъ отпускомъ опредѣляется гораздо меньшею цифрой, всего около 36¼ милліоновъ. Этотъ перевѣсъ гораздо меньше, чѣмъ въ каждый изъ 4 предыдущихъ годовъ; особенно мало кажется оно по сравненію съ 1892 годомъ, когда перевѣсъ привоза золота и серебра надъ отпускомъ составилъ 109 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ выгодность разсчетнаго баланса для Россіи за 1895 годъ должна быть признана очень умѣренною,—не болѣе. Эти цифры позволяютъ намъ уяснить себѣ условія, въ которыхъ находилось бы русское народное хозяйство по осуществленіи предположен-

ной денежной реформы, по введеніи свободнаго обмѣна кредитныхъ билетовъ на золото. Приливъ большихъ запасовъ золота, обнаружившійся въ 1891—1894 годахъ, былъ только отчасти слѣдствіемъ превышенія цѣнности вывоза надъ цѣнностью ввоза, главнымъ же образомъ онъ былъ слѣдствіемъ заключенія займовъ. Въ 1895 году новыхъ займовъ заключено не было, и металлическій фондъ русскаго государственнаго и народнаго хозяйства увеличился скромною цифрой, всего на 36 милліоновъ рублей. Но данныя внѣшней торговли не обнадеживаютъ, чтобы мы могли изъ года въ годъ разсчитывать на полученіе и такого запаса. Замѣчается ослабленіе вывоза по многимъ статьямъ и одновременно устойчивость ввоза, даже съ наклонностью къ повышенію. Приплата, которую Россія получила за 1895 годъ благороднымъ металломъ, такъ незначительна, что небольшое уменьшеніе вывоза по главнымъ статьямъ легко можетъ привести къ пониженію дѣла, т.-е. перевѣсу отпуска золота и серебра надъ привозомъ. Не будемъ гадать о томъ, относительно какихъ товаровъ отпускъ Россіи можетъ уменьшиться. Несомнѣнно одно, что отпускъ хлѣба въ размѣрахъ вывоза послѣднихъ лѣтъ представляется наименѣе обезпеченнымъ. За 1895 годъ цѣнность вывезеннаго хлѣба составляла около 225 милліоновъ рублей золотомъ; соперничество заокеанскихъ странъ легко можетъ понизить отпускъ на $^1/_3$, а тогда, по разсчетному балансу, мы должны будемъ вывезти за границу больше золота, нежели привезено оттуда. Будь установленъ свободный обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото согласно съ проектомъ министерства финансовъ, то уже одинъ годъ, закончившійся неблагопріятнымъ для Россіи торговымъ балансомъ, вызвалъ бы въ разныхъ общественныхъ слояхъ опасенія за безостановочность размѣна, и два такихъ года неизбѣжно принудили бы правительство совсѣмъ остановить размѣнъ и вернуться къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ.

Вѣроятно, и министерство финансовъ поняло это, и проектъ реформы, который съ такимъ усердіемъ защищали чиновники финансоваго вѣдомства въ печати и ученыхъ обществахъ, отложенъ на нѣкоторое время.

И въ нынѣшнемъ году хроника переселенческаго дѣла изобилуетъ безотрадными фактами. Общее число переселившихся въ Сибирь составляетъ 180,000 душъ, больше, чѣмъ въ который-либо изъ предыдущихъ годовъ. Но число обратныхъ опредѣляется очень крупною цифрой—до 25,000 душъ. Дабы дать понятіе объ условіяхъ, которыя побуждаютъ переселившихся возвращаться, мы приведемъ свѣдѣнія изъ письма г. Назарьева (*Новое Время* 1896 г., 3 октября). Онъ наблюдалъ въ Симбирскомъ уѣздѣ почти поголовное возвращеніе переселенцевъ и притомъ не только едв успѣвшихъ выселиться въ Сибирь, но даже прожившихъ тамъ 2 года. П(реселенцы изъ Симбирскаго уѣзда попали въ Ново-Тоснинскую волост Томской губерніи и тотчасъ почувствовали себя потерянными среди тайг съ губительной мошкарой. Ихъ прежде всего испугало положеніе односел цевъ, которые уже два года сидѣли на новой землѣ и жили не въ д

махъ, а бѣдствовали въ землянкахъ или крошечныхъ избахъ безъ крышъ и дворовъ. Они признались, что писали на родину о привольѣ сибирской жизни, дабы вызвать побольше земляковъ, такъ какъ со своими и горе мыкать легче на чужой сторонѣ. Всѣ въ одинъ голосъ, и особенно женщины, проклинаютъ ходока, который соблазнилъ ихъ переселиться. Вотъ какъ картинно одинъ изъ возвратившихся описываетъ видѣнное симбирскими переселенцами въ Сибири: «Изъ послѣднихъ силъ выбились, сколько дѣтей и стариковъ по дорогѣ растеряли, пока добрались до Томска. Разузнали дорогу къ нашему участку, начальство обласкало, а мы съ радости накупили коней, всякую сбрую и выѣхали изъ Томска по большому иркутскому тракту. Пѣсни пѣли, другъ друга поздравляли, а какъ только на 70-й верстѣ свернули влѣво, такъ и носы повѣсили: дичь, трясины, овраги. Пришлось самимъ впрягаться въ повозки. Къ ночи добрались до чувашскаго выселка,—изъ нашихъ же сторонъ выселились чуваши—воютъ, безъ земли и безъ воды сидятъ. Тронулись дальше... Вплоть подъѣхали къ своимъ землякамъ, а строенья не видимъ, такъ какія-то кельи да землянки версты на три растянулись, а по-нашему, порядкомъ, строиться невозможно, трясины мѣшаютъ... Повылѣзали наши земляки, черные, худые, волосами обросли, не узнаешь никого. Легли мы, почти что не ѣвши, не пивши, такая бѣдность, а чуть свѣтъ—обвязали себя дегтярными тряпками,—тамъ безъ этого шагу ступить нельзя, мушкара заѣстъ,—и пошли смотрѣть участокъ. Цѣлый день лазили изъ трясины въ трясину, изъ болота въ болото, изъ оврага въ оврагъ, и все спрашивали: да гдѣ же земля то? А земли и въ поминѣ нѣтъ. Вернулись, всплакнули, да и гайда назадъ».

Г. Назарьевъ передаетъ въ своемъ письмѣ свѣдѣнія объ обратныхъ переселенцахъ только Симбирскаго уѣзда. Еслибы столь злосчастная судьба постигла только эту группу, то можно было бы утѣшать себя мыслью, что хотя неудачникамъ очень тяжело, но ихъ немного. А, вѣдь, такая же доля постигла и остальныхъ обратныхъ — 20,000 душъ только въ нынѣшнемъ году; и каждый годъ даетъ нѣсколько тысячъ обратныхъ; о всѣхъ нихъ можно сказать словами г. Назарьева: «Они вернулись, совершивъ мучительную прогулку въ восемь тысячъ верстъ, если не больше,—вернулись нищими, бездомными, чтобы на другой же день жать поспѣвшій чужой овесъ и тотчасъ подрядиться на всю зиму молотить барскій хлѣбъ... И было бы грѣшно и безбожно не подумать о дальнѣйшей судьбѣ ихъ».

Какъ извѣстно, обратные возвращаются обыкновенно потому, что участокъ земли, отведенный имъ, не имѣетъ тѣхъ качествъ, которые позволили бы, при данныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемахъ, обратить его въ культурное состояніе: или онъ отличается большимъ безплодіемъ, или покрытъ лѣсомъ, расчищать который не умѣютъ выселенцы изъ черноземныхъ губерній, или не имѣетъ воды. Но, почему же, спрашивается, переселенцамъ выпадаютъ на долю такіе участки? Въ отдѣльныхъ случаяхъ виноваты ходоки, которые или намѣренно передаютъ односельцамъ въ подкрашенномъ видѣ то, что видѣли, или изслѣдуютъ мѣстныя условія не

такъ подробно, какъ бы слѣдовало. Но эти случаи должны быть отнесены къ рѣдкимъ исключеніямъ. Въ ходоки обыкновенно выбираютъ человѣка надежнаго, близко знакомаго тѣмъ, кто посылаетъ его, заслуживающаго довѣрія и по своей правдивости, и по опытности, и по усердію къ исполненію обязанностей. Выборъ ходока—фактъ столь важный для желающихъ переселиться, что рѣшаютъ его послѣ внимательной оцѣнки всѣхъ условій, которыя относятся до командируемаго. Обыкновенно причиной неудачи переселенцевъ является общее неустройство всего дѣла, полное незнаніе особенностей участковъ, которые отводятся переселенцамъ. Межевые отряды, работающіе въ Сибири, приводятъ въ извѣстность площадь земель посредствомъ обхода границъ и вычисленія размѣра участковъ; но не принимается никакихъ мѣръ для того, чтобы хотя сколько-нибудь познакомиться съ качествомъ почвы, снабженіемъ водою и проч. Работы нѣкоторыхъ земствъ (особенно московскаго, воронежскаго, курскаго, пермскаго, черниговскаго) по изслѣдованію губерній въ климатическомъ, сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи должны быть признаны образцовыми. Не забудемъ, что земства понемногу удѣляли и продолжаютъ удѣлять изъ своего скромнаго бюджета суммы на производство статистическихъ изысканій. Въ Сибири такія работы не производились: изслѣдованія нѣкоторыхъ губерній, произведенныя чиновниками министерства государственныхъ имуществъ, не лишены достоинствъ, однако, далеко не отличаются такою детальностью, какъ статистическіе сборники земствъ. А между тѣмъ, именно, въ Сибири необходимо возможно болѣе детальное изученіе земель, отводимыхъ переселенцамъ, дабы чиновники по переселенческимъ дѣламъ, направляющіе крестьянъ на участки, подробно знали каждый участокъ и указывали каждой партіи такой, какой наиболѣе сходенъ съ характеромъ мѣста прежней осѣдлости. Можно возразить на это, что теперь свободныхъ земель, немедленно поддающихся культурѣ, очень мало и что прибывающимъ партіямъ нужно заселять тайгу. Хотя мы относимся съ большимъ сомнѣніемъ ко всѣмъ доказательствамъ, которыя приводятся въ пользу недостатка земель въ Сибири, однако, скажемъ, что если эта пессимистическая оцѣнка вѣрна, то желательно встрѣтить не столько ссылки на тайгу, сколько болѣе подробныя свѣдѣнія о ея характерѣ. Не хитрое дѣло подробно распространяться о томъ, что заселеніе тайги и приведеніе ея въ культурное состояніе связано съ трудностями, что переселенцы охотнѣе садятся на земли, уже свободные отъ лѣса. Потруднѣе, но и безконечно полезнѣе познакомиться съ характеромъ таежныхъ пространствъ, съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ отдѣльныя части тайги пригодны для колонизаціи. Въ однихъ мѣстахъ тайга представляетъ глубокія трясины, въ другихъ — только поверхностные болота; въ однихъ — равнину, очень удобную для обработки, въ другихъ — пережженную поверхность; однѣ таежныя дачи имѣютъ хорошую воду и лежатъ по близости рѣки, другія — не имѣютъ этого важнаго условія для переселенцевъ. Изслѣдованіе тайги далеко не такъ легко, какъ земель въ мѣстности насе-

ленной. Во второмъ случаѣ чиновникъ можетъ объѣхать за лѣто огромную площадь, частицу видѣть и провѣрить своими глазами, а относительно 90% площади собрать свѣдѣнія у старожиловъ; и въ такихъ свѣдѣніяхъ будетъ много соотвѣтствующаго дѣйствительности. Конечно, петербургскіе чиновники совершенно непригодны для изслѣдованія тайги. Наиболѣе бодрые и неутомимые члены сибирскихъ межевыхъ отрядовъ, земскіе статистики, толковые сибирскіе крестьяне изъ старожиловъ, имѣющихъ или имѣвшихъ въ тайгѣ заимки—вотъ люди, изъ которыхъ могли бы составиться отряды отличныхъ таежныхъ изслѣдователей. Какъ ни коротко сибирское лѣто, но сотни три такихъ людей, разбитыхъ на нѣсколько отрядовъ, могли бы за каждое лѣто дать точныя свѣдѣнія о большихъ пространствахъ тайги и отдѣлить въ ней мѣста, поддающіяся культурѣ по затратѣ только большихъ капиталовъ, отъ такихъ, гдѣ водвореніе можетъ состояться съ небольши и трудностями.

Внимательное изученіе тайги дало бы въ одной Западной Сибири очень большія пространства лѣса, которыя могутъ быть занесены въ списокъ переселенческихъ участковъ. Изученіе тайги откроетъ совсѣмъ новыя перспективы для ея заселенія. Теперь съ однимъ словомъ «тайга» тѣсно связаны два предположенія: 1) что веденіе хозяйства въ тайгѣ связано съ чрезвычайно большими предварительными затратами и 2) что для поселенія въ тайгѣ пригодны крестьяне только сѣверныхъ, лѣсистыхъ губерній. И эти оба предположенія вполнѣ понятны, пока тайга вовсе неизвѣстна и пока наиболѣе точныя относительно тайги свѣдѣнія ограничиваются замѣчаніями, что «на Чулымѣ должны быть мѣста, пригодныя для переселенцевъ». Когда значительная площадь тайги будетъ изучена, то оба предположенія падутъ сами собой. Въ тайгѣ будетъ намѣчено много участковъ, которые по всѣмъ условіямъ допускаютъ разработку безъ чрезвычайныхъ трудностей и которые уже потому легко будетъ использовать, что они будутъ отводиться крестьянамъ, умѣющимъ поднимать новину изъ-подъ лѣса. Напрасно думать, что такими переселенцами являются только крестьяне далекаго сѣвера. Населеніе южныхъ, степныхъ губерній не легко справится съ такими участками. Но выходцы изъ губерній Смоленской, многихъ уѣздовъ Черниговской, Кіевской, Волынской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской знакомы съ расчисткой лѣсныхъ пространствъ и могутъ быть вполнѣ пригоднымъ матеріаломъ для занятія тайги. Напомнимъ, наконецъ, что въ рукахъ государства есть nervus rerum для облегченія пути такимъ переселенческимъ группамъ: нужно увеличить размѣры ссудъ, которыя предназначаются для переселенцевъ. Въ связи съ постройкою сибирской желѣзной дороги правительство стало ассигновать на переселенческое дѣло бо̀льшія средства, чѣмъ ранѣе—до 1 милліона рублей въ годъ. Но изъ этихъ средствъ затрачивается очень мало для того, чтобъ упрочить хозяйственный бытъ переселившихся. Устраиваются въ разныхъ мѣстахъ бараки, дѣлается кое-что для организованія медицинской помощи, выдаются крошечныя денежныя пособія. Но

всѣ эти формы помощи нѣсколько поддерживаютъ переселенца раньше, чѣмъ онъ пришелъ на мѣсто. Разъ онъ сѣлъ на отведенномъ участкѣ, то воспоминаніе объ этой помощи остается развѣ только въ видѣ лошади, купленной на пособіе отъ казны. Пришедши на мѣсто, переселенецъ предоставляется исключительно собственнымъ силамъ. И если такой порядокъ тягостенъ для тѣхъ, которые садятся на землю, допускающую немедленный приступъ къ полевымъ работамъ, то онъ безконечно труднѣе для тѣхъ, которые будутъ селиться въ тайгѣ. Имъ нужно имѣть запасъ на 1—2 года, пока не будетъ расчищена новина изъ-подъ лѣса. Мы говорили уже не разъ, что каждая средняя переселенческая семья нуждается въ кредитѣ для прочнаго обезпеченія своего быта. И если такой средней семьѣ, поселяющейся въ мѣстности, свободной отъ лѣса, нужно 150 рублей, то семьѣ, которая занимаетъ тайгу, нужна ссуда въ 250 рублей. Поддержаніе кредитомъ крестьянъ, поселяющихся въ тайгѣ, часто будетъ удерживать отъ возвращенія на родину даже такихъ партій, которыя сядутъ на участкахъ, не вполнѣ соотвѣтствующихъ ихъ навыкамъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Южане, попавъ въ сибирскую тайгу, не потому возвращаются на родину, что не могутъ привыкнуть къ новымъ условіямъ жизни, но потому, что не обладаютъ запасами, которые поддерживали бы въ тотъ годъ, пока они будутъ привыкать къ тайгѣ и способамъ обращенія лѣса въ поле. Ни комары и мошки, ни лѣсорубочныя работы не будутъ страшны для тѣхъ поселенцевъ въ тайгѣ, которые будутъ знать, что они могутъ существовать два года, до уборки перваго урожая.

Выдвигая кредитъ для колонистовъ въ тайгѣ, какъ важное условіе успѣховъ сибирской колонизаціи, мы считаемъ полезною со стороны государства затрату и непосредственно на тайгу, еще до занятія участковъ переселенцами: такова затрата на осушеніе. Мѣстами пространства тайги болотисты, но болота не глубоки, для нихъ легко можетъ быть найденъ стокъ и проведеніе небольшихъ каналовъ вовсе не будетъ связано съ большими расходами. Переселенцы сами, по приходѣ на мѣсто водворенія, не въ силахъ выполнить такую работу. А еслибъ у нихъ и оказались нужныя средства, то работа отсрочивалась бы потому, что довольно большая площадь, нуждающаяся въ орошеніи, какъ одно цѣлое, будетъ занята большимъ числомъ переселенцевъ, разбитыхъ на много поселковъ. Понадобилось бы много времени, дабы вся эта масса пришла къ соглашенію относительно осушительныхъ работъ и распредѣлила бы трудъ между поселянами, которые въ томъ заинтересованы. Теперь, когда въ Сибирь привлекаютъ много землекоповъ для работъ на желѣзной дорогѣ, тамъ образуется большой запасъ рабочихъ силъ, часть которыхъ могла бы быть обращена на осушеніе таежныхъ пространствъ, уже изслѣдованныхъ, чтобы производить эти работы въ большомъ объемѣ, по мѣрѣ того, какъ вся большая площадь будетъ становиться предметомъ близкаго изученія.

За послѣднее время газеты высказывали мысль, что нужно ожидать для упорядоченія переселенческаго дѣла многаго «отъ временнаго управ-

ленія переселенческими дѣлами», проектъ котораго уже одобренъ въ государственномъ совѣтѣ. Временное управленіе будетъ маленькимъ департаментомъ въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предполагаютъ, что оно сосредоточитъ въ себѣ всѣ дѣла, относящіяся до переселеній. Вотъ именно это вѣроятіе, что дѣло будетъ сосредоточено, и заставляетъ многихъ думать, что переселенія будутъ построены на широкомъ основаніи. Подобныя надежды очень часто не сбываются. Недостатки въ строѣ переселенческаго дѣла связаны теперь не съ тѣмъ, что оно входитъ въ составъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ и что лицо завѣдующее имъ занимаетъ должность не директора департамента, а его помощника, но съ тѣмъ, что все дѣло ведется канцелярскимъ способомъ, безъ вниманія къ сторонамъ его, которыя заслуживаютъ особенной заботливости. Канцелярскій взглядъ на него въ томъ, что оно низведено на ступень общественнаго призрѣнія. Переселенцы, поскольку они люди *бѣдные*, получаютъ отъ казны милостыню, въ видѣ дарового обѣда, безплатной врачебной помощи, нары въ баракѣ. И съ каждымъ годомъ на эту отрасль призрѣнія затрачивается по сравненію съ предыдущимъ годомъ 2—3 сотни тысячъ рублей больше. Но на переселеніе не смотрятъ еще какъ на такое дѣло, которое должно быть построено по большому масштабу и гдѣ открывается удобная почва для государственнаго кредита. Созданіе временнаго управленія, измѣняя къ лучшему положеніе десятка чиновниковъ, вовсе не служитъ гарантіей, что вопросъ о переселеніяхъ будетъ считаться вопросомъ землевладѣнія и кредита, а не призрѣнія бѣдныхъ. Наша литература выяснила этотъ вопросъ полно и всесторонне. И если практика такъ отстала отъ того, что ясно для науки и публицистики, то это объясняется нѣкоторыми общими условіями нашей государственной жизни, ни на волосъ не измѣняющимися отъ того, что переселеніемъ будетъ завѣдывать должностное лицо болѣе высокаго ранга, чѣмъ нынѣ.

Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ имѣлъ отдѣленіе, посвящен ное спеціально-кустарной промышленности. Въ немъ было прочитано 4 доклада: г-жи Степановой «О школахъ въ мѣстностяхъ кустарныхъ производствъ въ Австріи», г. Гекмана—«О кустарномъ промыслѣ сухой перегонки дерева», Клепикова—«О производствѣ валеной обуви въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи» и «Проектъ законоположеній объ артеляхъ», составленный V отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ. Были голоса въ печати, что можно признать съѣздъ удавшимся и относительно вопросовъ по кустарной промышленности.

Можно ли признать такіе результаты удовлетворительными? Мы охотно допускаемъ, что всѣ 4 доклада были хороши, даже превосходны. Но что значатъ 4 доклада, изъ которыхъ 3 имѣютъ характеръ очень спеціальныхъ изслѣдованій, по сравненію съ цѣлымъ міромъ вопросовъ, которые возбуждаются нашей кустарною промышленностью? Не будемъ затрогивать вопросовъ, связанныхъ съ отдѣльными мѣстностями или промыслами,—и тогда

мы получимъ много докладовъ, которые должны были быть сдѣланы, дабы народныя формы труда встрѣтили вниманіе, котораго онѣ заслуживають. Вопросъ о томъ, какъ организовать кредитъ для кустарей, еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія. Въ лицѣ пермскаго кустарно-промышленнаго банка земская практика создала одно учрежденіе, однако въ текущей печати далеко не замѣтно единогласія относительно того, можно ли признать его цѣлесообразнымъ учрежденіемъ. Уставъ государственнаго банка дѣйствуетъ уже болѣе 2 лѣтъ, однако и до сихъ поръ остаются на бумагѣ 8 его статей (139—146), постановляющія объ открытіи кредита кустарямъ и другимъ мелкимъ производителямъ. Второй вопросъ, столь же существенный о возможности оживить и развить мелкіе промыслы при посредствѣ кустарныхъ техниковъ— не только не выясненъ окончательно, но еще находится въ совершенной тѣни. Нѣкоторыя земства, а по ихъ примѣру и министерство земледѣлія завели техниковъ для обученія кустарей улучшеннымъ пріемамъ производства и для ознакомленія ихъ съ новыми недорогими и несложными машинами, но о дѣятельности этихъ людей приходится судить только по отдѣльнымъ отрывочнымъ извѣстіямъ. Возьмемъ и третій вопросъ—о передачѣ кустарямъ казенныхъ подрядовъ. За послѣдніе годы кустари получали заказы обуви для войска, разныхъ мелкихъ металлическихъ вещей для войска и флота; но теперь о всемъ этомъ слышно очень мало, и является не только плодомъ простого любопытства, но и важнымъ выяснить условія, вслѣдствіе которыхъ казенные заказы не даются въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ то было до сихъ поръ. Намѣтимъ еще вопросъ: снабженіе кустарей сырыми матеріалами. Повсюду слышатся громкія жалобы на то, что сырой матеріалъ, который нуженъ кустарямъ, проходитъ чрезъ руки многихъ посредниковъ, что онъ дорогъ, не отличается добротностью, что крайне необходимо доставить кустарямъ возможность получать матеріалъ изъ первыхъ рукъ. И такія жалобы доносятся какъ отъ древодѣловъ, такъ и отъ гончаровъ, какъ отъ гвоздарей и слесарей, такъ и отъ корзиноплетовъ. А между тѣмъ по этому вопросу не было представлено доклада. То же скажемъ мы и по вопросу объ артеляхъ. За послѣднія 5—6 лѣтъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ учрежденія артелей въ губерніяхъ: Тверской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Курской. Часто онѣ были недостаточны; но нѣкоторыя артели пережили самый тяжелый періодъ—время первоначальнаго испытанія—и стали развиваться. Все то, что помѣшало окрѣпнуть однимъ артелямъ и помогло упрочиться другимъ, представляетъ общій интересъ и могло бы, скажемъ больше—должно было бы послужить темой для обширнаго доклада; однако, подобнаго доклада — было. Отмѣтимъ еще болѣе общій вопросъ, который въ самое послѣд[...] время выдвинутъ русской экономическою литературой—о цѣлесообразнос[...] системы мѣропріятій, направленныхъ въ какой-либо одинъ кустарно-п[...]мышленный районъ и въ видахъ его поддержанія, и въ видѣ созданія п[...]мѣра, которому могли бы слѣдовать другіе кустарные промыслы. Печ[...] указывала на павловскій кузнечно-слесарный районъ, кимрскій сапожн[...]

московскій мебельный и нѣкоторые другіе, какъ на мѣста, гдѣ затрата въ нѣсколько десятковъ тысячъ позволила бы создать цѣлый рядъ учрежденій (техническую школу съ обученіемъ данному промыслу, складъ матеріаловъ, готовыхъ издѣлій, кассу ссудъ и проч.), которыя могли бы за короткое время поднять цѣлый промыселъ на довольно высокій уровень. Болѣе детальное изслѣдованіе этого вопроса имѣетъ серьезное практическое значеніе, однако, и объ этомъ не было доклада. Не будемъ продолжать перечисленіе того, что слѣдовало бы обсудить на съѣздѣ, и спросимъ, почему обратила на себя столь малое вниманіе важная сторона русской экономической жизни?

На съѣздѣ,—такъ поспѣшатъ отвѣтить,—было мало людей близкихъ къ кустарнымъ промысламъ. Послѣдніе очень распространены во всей сѣверной и средней Россіи и можно насчитать добрыхъ 20 губерній, которыя имѣютъ десятки отраслей мелкой промышленности. Можно указать также довольно много губерній, гдѣ земства предпринимали кое-что на пользу кустарей или, по крайней мѣрѣ, изслѣдовали разные промыслы. Можно предположить, поэтому, что земскіе дѣятели, которые еще недавно относились къ дѣлу съ участіемъ, охладѣли. Однако, рѣшительно нѣтъ данныхъ чтобъ объяснять одновременнымъ охлажденіемъ многихъ дѣятелей въ этой области появленіе на съѣздѣ только небольшого числа людей, которые могли бы сказать что-нибудь поучительное.

Первоначально разсчитывали, что съѣздъ будетъ дѣломъ частной иниціативы, будетъ устроенъ обществомъ для содѣйствія промышленности и торговлѣ. Когда это общество разослало разнымъ земствамъ и отдѣльнымъ лицамъ программу занятій съѣзда по кустарной промышленности, то откликнулись очень многіе: этимъ многимъ было ясно, что хотя частное общество, созывающее съѣздъ, не располагаетъ денежными средствами для матеріальнаго содѣйствія кустарнымъ промысламъ, однако, разные вопросы могутъ быть обсуждены, выяснены, и всѣ ходатайства предъ властями будутъ направлены въ разныя вѣдомства, къ которымъ то или другое находится въ наиболѣе близкомъ отношеніи. Когда же частная иниціатива была отстранена и съѣздъ организовало министерство финансовъ, полагающее, что 100,000 рублей въ годъ для поддержанія кустарей представляютъ слишкомъ крупную сумму, то многіе рѣшили, что судьба всякаго рода ходатайствъ, вытекающихъ изъ докладовъ, рѣшена заранѣе, что они не будутъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій, и...и... не поѣхали на съѣздъ. Вообще, созваніе и устроеніе съѣздовъ должно быть дѣломъ частной иниціативы. Административное вѣдомство, организуя съѣздъ, дѣлаетъ его членами прежде всего чиновниковъ, которые и въ Нижнемъ-Новгородѣ могутъ сказать только то, что они всю жизнь говорятъ и пишутъ въ Петербургѣ. А частный починъ въ этомъ дѣлѣ, вовсе не исключая участія чиновниковъ, можетъ привлечь наиболѣе свѣжихъ силъ для изученія вопросовъ и начертанія мѣръ, которыя могутъ быть полезны для развитія какой-либо стороны общественной жизни.

Правительственное сообщенie.

Съ давнихъ поръ въ университетахъ Имперiи студенты группировались въ кружки по общности происхожденiя изъ одной мѣстности, окончанiя курса въ одной гимназiи или принадлежности къ народности представителей, которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающiе въ университетъ разыскивали старшихъ товарищей по гимназiямъ, земляковъ и примыкали къ землячеству, которое обыкновенно носило соотвѣтствующее названiе: «рязанское землячество», «орловское», «сибирское», «украинское», «грузинское» и т. п.

Первоначально землячества преслѣдовали исключительно задачи матерiальной взаимопомощи и съ тою цѣлью учреждали свои кассы, устраивали подписки, лотереи, вечеринки, и собираемыя средства выдавали въ ссуду или пособiе нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченiемъ времени въ нѣкоторыхъ университетахъ землячества начали расширять свои задачи и вводить въ свою програму, кромѣ матерiальной помощи, стремленiе къ самообразованiю. Возникли земляческiе «кружки саморазвитiя», причемъ на этой почвѣ многiя землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвятивъ себя исключительно изученiю соцiологiи и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорiй.

Всѣ кружки съ такимъ направленiемъ весьма скоро обратились къ изученiю господствующихъ революцiонныхъ ученiй, къ чтенiю запрещенныхъ цензурою сочиненiй и произведенiй подпольной печати, а затѣмъ и сами въ большей или меньшей степени стали выражать сочувствiе революцiонному движенiю, оказывать изъ земляческихъ средствъ пособiя въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ. «Красный Крестъ» партiи Народной Воли и наконецъ члены такихъ землячествъ стали пополнять собой ряды активныхъ революцiонеровъ.

Въ этотъ перiодъ существованiя землячествъ появилась мысль, въ видахъ увеличенiя оборотовъ земляческихъ кассъ, соединить средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая подъ управленiемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и вѣдала бы нѣкоторые общестуденческiе интересы.

На этомъ основанiи, въ концѣ 80-хъ годовъ въ Московскомъ университетѣ образовалась, такъ называемая, «центральная касса», въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, причемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ завѣдыванiю кассой, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣшиваться въ разныя студенческiя дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительно[м] времени при «центральной кассѣ» организовался «студенческiй судъ», к[о]торый сталъ по своему усмотрѣнiю разбирать не только недоразумѣнiя м[е]жду студентами и требовать удаленiя тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнi[ю] депутатовъ, были недостойны званiя студента, но присвоилъ себѣ да[же] право осуждать дѣятельность профессоровъ и учебнаго начальства, пуб[ли]куя свои рѣшенiя особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «центральная касса» уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоившему себѣ наименованіе «союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ».

Къ этому учрежденію первоначально присоединились 24 землячества; нынѣ же «союзный совѣтъ» располагаетъ голосами 45 землячествъ, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1,500 студентовъ, что составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ Московскаго университета.

«Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ», совмѣщая въ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ общестуденческимъ дѣламъ, считаетъ себя выразителемъ желаній всего московскаго студенчества и присвоиваетъ себѣ право руководить самовластно мнѣніями студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни. Такъ «союзный совѣтъ» по своему усмотрѣнію возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «союзный совѣтъ», признавъ несоотвѣтствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ профессоровъ, прислалъ ему свое рѣшеніе съ требованіемъ объ оставленіи каѳедры. Во время Тулонскихъ празднествъ «союзный совѣтъ» отъ имени всего студенчества выразилъ французскимъ студентамъ «свое негодованіе по поводу раболѣпства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима». Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 г. «союзный совѣтъ» возбудилъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но чрезъ посредство своихъ эмиссаровъ и въ другихъ университетскихъ городахъ о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 г., о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда и т. п.

Возбужденное «союзнымъ совѣтомъ» волненіе среди студентовъ въ Имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры, вслѣдствіе чего въ началѣ 1895 г. наличный составъ «союзнаго совѣта» былъ арестованъ во время сходки и отобранные по обыскамъ у членовъ «совѣта» документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого сообщества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ общестуденческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года возстановившійся «союзный совѣтъ» призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ Московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты Имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основаній къ неудовольствію студентовъ «союзный совѣтъ» рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе на одну изъ каѳедръ медицинскаго факультета профессора, не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ былъ отвергнутъ землячествами, но на послѣ-

дующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голосовъ при 1,000 баллотировавшихъ. Несмотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ «объединенныхъ землячествъ», не нашло совмѣстнымъ со своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лекцій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, опекая столь заботливо достоинство студенчества, «союзный совѣтъ» не упускалъ изъ виду и своихъ «общественныхъ обязанностей» и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачникамъ. Шапка со вложеннымъ въ нее воззваніемъ ходила по рукамъ студентовъ во время лекціи для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 рублей изъ земляческихъ средствъ.

Для правильнаго сужденія о цѣляхъ организаціи «союзнаго совѣта», его ближайшихъ задачахъ и способахъ дѣйствія представляется полезнымъ помѣстить здѣсь текстъ общихъ соображеній, изложенныхъ въ воззваніи «союзнаго совѣта объединенныхъ московскихъ землячествъ» отъ 21 октября сего года:

«1. Союзный совѣтъ полагаетъ, что главною цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ къ политической дѣятельности.

«2. Союзный совѣтъ считаетъ, что организованный активный протестъ въ данную эпоху все усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе.

«3. Союзный совѣтъ находитъ фактъ съ профессоромъ X. достаточно важнымъ мотивомъ для поднятія организованныхъ безпорядковъ съ цѣлью борьбы противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія общегосударственной политики,—безпорядковъ, къ которымъ должно привлечь студенческія массы тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ имѣются студенческія организаціи.

«4. Союзный совѣтъ проситъ землячества и другіе университеты дать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

«а) присоединяются ли землячества и университеты къ мнѣнію союзнаго совѣта, что слѣдуетъ открыто протестовать въ настоящее время противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторіей съ означеннымъ профессоромъ;

«б) если присоединяются, то предоставляютъ ли союзному совѣту право организовать протестъ и выработать программу требованій, согласны ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ совѣтомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

«5. Землячества, не подавшія своихъ отвѣтовъ союзному совѣту къ 5 ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

«6. Каждое землячество должно представить статистическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ совѣтомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

«Въ защиту вышесказанныхъ положеній союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

«Современный университетскій режимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борясь противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закаляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведеніе реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціей профессуры и упадкомъ чувства собственнаго достоинства въ студенчествѣ.

Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновавъ студенческую среду, вызовутъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ станетъ ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять и что бываетъ предѣлъ его терпѣнію. Исторія съ профессоромъ X. является достаточнымъ поводомъ для возбужденія общестуденческаго движенія».

Неуспѣхъ агитаціи по избранному «союзнымъ совѣтомъ» поводу понудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно произвести уличную демонстрацію съ политическою окраской и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціей, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою цѣлью «союзный совѣтъ» выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться къ 18 ноября на Ваганьковское кладбище для служенія панихиды по погибшимъ «и своимъ присутствіемъ,—какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14 ноября,—выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой—протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ».

Обнаруженное «союзнымъ совѣтомъ» намѣреніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка въ числѣ 56 человѣкъ, причемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16 и 17 ноября у этихъ лицъ, найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостовѣряющія ихъ принадлежность къ «союзному совѣту» и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо отъ документовъ означеннаго характера, у многихъ изъ членовъ «союзнаго совѣта» найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именующагося «рабочимъ союзомъ», и преступныя изданія подпольной печати.

Несмотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой орга-

низаціи, 18 ноября утромъ группа студентовъ численностью до 500 человѣкъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воззваніемъ, направилась къ Ваганьковскому кладбищу, но у Прѣсненской заставы была остановлена полиціей. Отказавшись разойтись, толпа повернула назадъ и по Никитской улицѣ направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Вслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи были переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36 человѣкъ, замѣченныхъ въ руководительствѣ безпорядкомъ и подстрекательствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушательницъ женскихъ курсовъ и не принадлежащихъ къ составу университета лицъ.

19 ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человѣкъ студентовъ, которая послала 20 депутатовъ для предъявленія ректору требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Ректоръ отказался принять депутатовъ въ виду того, что сходки и коллективныя заявленія воспрещены уставомъ университета; но, несмотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли въ квартиру ректора, который отказался выслушать ихъ заявленіе и предложилъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись. Въ виду же отказа большинства толпы исполнить это требованіе, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушниковъ къ содѣйствію полиціи, которая вошла въ университетъ и препроводила участниковъ сходки въ манежъ, гдѣ и были записаны 403 человѣка, отправленные затѣмъ въ тюремный замокъ.

20 и 22 ноября въ университетѣ собрались вновь шумныя сходки, участники которыхъ, вслѣдствіе упорнаго отказа разойтись, также были арестованы по требованію учебнаго начальства мѣрами полиціи, причемъ задержаны: въ первый день—206, а во второй—66 человѣкъ.

Изъ общаго числа арестованныхъ 711 человѣкъ нѣкоторые обратили на себя особое вниманіе администраціи и учебнаго начальства—какъ организаторы и руководители безпорядковъ, вслѣдствіе чего дѣло о нихъ, а также объ арестованныхъ 17 ноября членахъ «союзнаго совѣта» имѣетъ быть направлено въ порядкѣ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Виновность же остальныхъ 662 студентовъ была разсмотрѣна университетскимъ судомъ, который, раздѣливъ ихъ на три категоріи, постановилъ: 1) студентовъ первой категоріи, въ числѣ 26 человѣкъ, уч[аств]овавшихъ въ названныхъ сборищахъ при отягчающихъ вину обсто[я]тельствахъ или ранѣе замѣченныхъ въ университетѣ въ проступкахъ и н[а]рушеніяхъ правилъ, уволить изъ университета съ правомъ поступленія [в]ъ другіе университеты съ начала будущаго академическаго года; 2) студе[н]товъ второй категоріи, въ числѣ 175 человѣкъ, участвовавшихъ въ сб

рищахъ два раза, подвергнуть тому же наказанію и 3) студентовъ третьей категоріи, въ числѣ 461, участвовавшихъ въ сборищахъ одинъ разъ, уволить изъ университета съ правомъ обратнаго поступленія съ начала будущаго года. Но, принимая во вниманіе, что студенты участвовали въ сборищахъ, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства дѣла, подъ давленіемъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли, несовмѣстимыя съ правильнымъ теченіемъ университетской жизни, правленіе рѣшило ходатайствовать относительно студентовъ второй и третьей категорій, въ числѣ 636 человѣкъ, предъ министромъ народнаго просвѣщенія о смягченіи указанныхъ выше наказаній, именно: подвергнуть этихъ студентовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, соотвѣтственно степени ихъ вины, по опредѣленію правленія, на основаніи дѣйствующихъ правилъ для студентовъ, съ послѣдствіями, указанными параграфомъ 37 сихъ правилъ и съ предупрежденіемъ, что означенные студенты, въ случаѣ новаго участія въ сходкахъ и недозволенныхъ сообществахъ, будутъ исключены изъ университета безо всякаго смягченія ихъ участи. Ходатайство правленія Императорскаго Московскаго университета о лицахъ отнесенныхъ ко 2 и 3 категоріямъ было уважено министромъ народнаго просвѣщенія, и они въ теченіе 25, 26 и 27 ноября освобождены изъ-подъ стражи въ числѣ 636 человѣкъ.

Вслѣдъ за симъ 27 ноября въ стѣнахъ университета было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

«Ректоръ Императорскаго Московскаго университета, согласно распоряженію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, симъ сообщаетъ студентамъ, что: а) всѣ тѣ изъ нихъ, которые будутъ участвовать вновь въ сходкахъ или иныхъ коллективныхъ проявленіяхъ неповиновенія университетскому начальству, а равно полиціи, будутъ арестованы и немедленно высланы изъ Москвы, причемъ они будутъ считаться уволенными безъ прошенія; б) не желающіе подчиниться установленнымъ университетскимъ правиламъ и распоряженіямъ начальства могутъ получить обратно свои документы въ установленный начальствомъ университета срокъ и будутъ считаться уволенными по прошенію».

Чтеніе лекцій въ университетѣ безпрерывно продолжалось, а съ 23 ноября порядокъ явнымъ образомъ болѣе не нарушался, въ виду чего можно надѣяться, что благоразуміе студентовъ старшихъ курсовъ одержитъ верхъ надъ искусственно возбужденною «союзнымъ совѣтомъ» агитаціей и нормальный порядокъ возстановится безъ особаго ущерба для правильнаго теченія университетской жизни.

Не довольствуясь возбужденіемъ безпорядка въ Московскомъ университетѣ, «союзный совѣтъ» разослалъ своихъ делегатовъ въ другіе университеты, а также увлекъ своимъ примѣромъ и слушателей Императорскаго Московскаго техническаго училища.

Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки для обсужденія предложенія московскаго «союзнаго совѣта» о возбужденіи общестуденче-

скихъ безпорядковъ съ цѣлью добиться возстановленія устава 1863 года и разныхъ другихъ неосновательныхъ требованій, а также освобожденія арестованныхъ въ Москвѣ студентовъ. Но сходки эти, подъ вліяніемъ учебнаго начальства, расходились, не вызывая до сего времени необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи.

Настоящее сообщеніе, разъясняющее, на основаніи документальныхъ данныхъ, дѣйствительное значеніе и цѣли общестуденческихъ организацій и союзовъ, представляетъ для всѣхъ лицъ, коимъ дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумнаго большинства самихъ студентовъ твердое основаніе правильно оцѣнить безразсудство и опасность пути, на который увлекаются незрѣлые молодые люди усиліями тайныхъ политическихъ агитаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ нихъ послушное орудіе къ достиженію своихъ преступныхъ цѣлей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ *Nord-China Daily News* появилось сенсаціонное извѣстіе о договорѣ, будто бы заключенномъ между Россіей и Китаемъ. Газета приводитъ даже слѣдующій текстъ договора:

1. Въ виду того обстоятельства, что великая сибирская желѣзная дорога близка къ окончанію, Китай разрѣшаетъ Россіи протянуть эту дорогу по китайской территоріи, отъ Владивостока до китайскаго города Хунчунъ (въ провинціи Киринъ), оттуда по направленію къ сѣверу-западу до главнаго города провинціи Киринъ, затѣмъ отъ желѣзнодорожной станціи одного изъ сибирскихъ городовъ (?) къ китайскому городу Айуну (въ провинціи Хейлунчангъ), оттуда къ юго-западу отъ главнаго города провинціи Чичаръ до города Петуне (въ провинціи Киринъ) и, наконецъ, опять къ главному городу этой провинціи—Кирину.

2. Желѣзнодорожныя линіи въ китайскихъ провинціяхъ Хейлунчангъ и Киринъ должны быть сооружены на счетъ Россіи. Контроль надъ этими дорогами будетъ находиться въ ея рукахъ въ теченіе тридцати лѣтъ. По истеченіи этого срока, Китаю предоставляется право выкупить дороги согласно стоимости, которую онѣ будутъ имѣть въ то время. По этому поводу должно быть заключено особое соглашеніе.

3. Китай имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи дорогу, которую онъ намѣренъ протянуть отъ Шанхайкуана до главнаго города провинціи Фенгтьенъ, т.-е. до Мукдена, и отъ Мукдена до главнаго города провинціи Киринъ. Если Китай найдетъ затѣмъ излишнимъ осуществить это намѣреніе, то Россія должна позаботиться объ изысканіи средствъ для сооруженія дороги отъ города Кирина. Но и въ этомъ случаѣ Китай имѣетъ право выкупить ее въ теченіе десятилѣтняго срока.

4. Желѣзныя дороги, которыя Китай будетъ сооружать, должны соотвѣтствовать типу русскихъ желѣзныхъ дорогъ, дабы облегчать торговыя сношенія между обоими государствами.

5. Китайскія власти должны охранять желѣзнодорожныя линіи, которыя будутъ сооружены Россіею на китайской территоріи. Онѣ должны также оказывать содѣйствіе русскимъ чиновникамъ—военнымъ и гражданскимъ, а также русскимъ рабочимъ, которые будутъ участвовать въ сооруженіи дороги. Такъ какъ, однако, названныя желѣзнодорожныя линіи будутъ проходить черезъ пустынныя или малонаселенныя мѣста, вслѣдствіе чего китайскія власти не всегда будутъ имѣть возможность оказывать должное содѣйствіе, то Россіи предоставляется право водворить въ наиболѣе важныхъ пунктахъ свои баталіоны кавалеріи и инфантеріи для защиты своихъ дорогъ.

6-я статья касается размѣра таможенныхъ пошлинъ на товары, которые будутъ перевозиться по новымъ дорогамъ.

7-я статья разрѣшаетъ русскимъ и китайцамъ отыскивать и разрабатывать каменноугольныя залежи въ упомянутыхъ мѣстахъ.

8. Въ Китай приглашаются русскіе офицеры для реорганизаціи китайской арміи.

9. Россіи никогда не принадлежали въ Азіи порты, открытые въ теченіе круглаго года. Если неожиданно начнутся военныя дѣйствія, то русскому флоту, естественно, будетъ трудно двигаться. На этомъ основаніи Китай готовъ отдать Россіи въ аренду на время портъ Кіаотшау. Срокъ—15 лѣтъ. По истеченіи этого срока, Китай имѣетъ право купить казармы, механическія мастерскія и доки, которые будутъ сооружены Россіей. Если же не угрожаетъ опасность войны, то Россія не должна тотчасъ же вступать во владѣніе названнымъ портомъ, дабы не вызвать подозрѣній со стороны другихъ государствъ.

10. Такъ какъ ліаотунгскіе порты Портъ-Артуръ и Тальенванъ представляютъ собою важные стратегическіе пункты, то Китай долженъ укрѣпить ихъ возможно скорѣе, дабы быть готовымъ встрѣтить опасность. Россія должна при этомъ оказать ему содѣйствіе въ смыслѣ огражденія этихъ портовъ и не допускать, чтобъ они были заняты какимъ-либо другимъ государствомъ. Въ свою очередь, и Китай обязуется никогда не уступать ихъ какой-либо другой державѣ. Если же Россія будетъ неожиданно вовлечена въ войну, то Китай можетъ разрѣшить ей сконцентрировать на время въ названныхъ портахъ всѣ свои сухопутныя и морскія силы, дабы улучшить положеніе Россіи какъ при нападеніи, такъ и при оборонѣ своихъ владѣній.

11. Въ случаѣ отсутствія опасности войны, управленіе Портъ-Артуромъ и Тальенваномъ находится всецѣло въ рукахъ Китая, и Россія не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло *).

Англійская печать отнеслась серьезно къ этому извѣстію, но обнаруживаетъ сдержанность и спокойствіе. *Times* говоритъ, что на дальнемъ Востокѣ достаточно мѣста и для Великобританіи, и для Россіи. Газета признаетъ естественнымъ наше стремленіе развить торгово-промышленныя сношенія и обезпечить себѣ всегда открытый выходъ въ Великій океанъ Съ своей стороны мы можемъ лишь привѣтствовать такое отношеніе англійскаго общественнаго мнѣнія къ вѣроятному русско-китайскому соглашенію. Соглашеніе это имѣетъ въ виду культурныя и военно-оборонительныя цѣли и не заключаетъ въ себѣ угрозы ни Великобританіи, ни Японіи. Любопытно, конечно, какъ отнесутся къ сообщенію *Nord-China Daily News* правительство и общественное мнѣніе Японіи. Тамъ еще не улеглось неудовольствіе противъ европейскихъ державъ, въ особенности нашего отечества, не допустившихъ Японію воспользоваться плодами ея побѣдъ въ желательномъ для нея размѣрѣ. Несомнѣнно, что вмѣшательствомъ въ пользу Китая Россія пріобрѣла значительныя выгоды, и Японія, стремившаяся къ исключительному господству въ Кореѣ, встрѣчаетъ теперь на полуостровѣ не тѣнь китайскаго правительства, а русское вліяніе въ очень внушительныхъ формахъ. Мы продолжаемъ, однако, думать, что осмотрительная, твердая, отнюдь не завоевательная политика нашего правительства предотвратитъ возможность войны съ страной, быстры успѣхи которой не могутъ не возбуждать живѣйшаго сочувствія. Перемѣн кабинета, недавно совершившаяся въ Японіи, не можетъ не интересоват

---

*) Мы беремъ переводъ изъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, которыя однако относят къ сообщенію *Nord-China Daily News* съ полнымъ недовѣріемъ.

русскаго читателя, если его вообще интересуютъ политическіе вопросы. Маркиза Ито замѣнилъ, какъ глава министерства, графъ Мацуката. Министръ-президентъ и его товарищи заявляютъ себя сторонниками обширныхъ реформъ и стараются закрѣпить за собою симпатіи интеллигентныхъ классовъ. Особенное значеніе имѣетъ въ ряду подобныхъ заявленій рѣчь, произнесенная въ совѣтѣ министровъ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, появившаяся въ печати. «Министры въ Японіи,—говорилъ графъ Окума,—не отвѣтственны передъ народомъ. Эту форму государственнаго управленія я признаю, однако, крайне несовершенной, и мы должны поставить своею ближайшею задачей измѣнить нашу конституціонную систему въ томъ смыслѣ, чтобы усилить значеніе народнаго представительства и сдѣлать свой постъ отвѣтственнымъ не только передъ микадо, но и передъ выборными классами японскаго населенія. Расширеніе индивидуальныхъ правъ является основою конституціоннаго порядка управленія страной, а потому намъ слѣдуетъ изгнать изъ Японіи все то, что ихъ стѣсняетъ, что напоминаетъ въ ней абсолютизмъ и доброе старое время. Печать должна получить неограниченную свободу. Печать — это выразительница народнаго мнѣнія, и я ставлю вопросъ: имѣемъ ли мы, слуги народа и государства, право налагать на него какую-либо узду? Мнѣ скажутъ: это—теорія, на практикѣ же могутъ явиться случаи, когда придется пожалѣть, что у правительства нѣтъ болѣе средствъ къ обузданію слишкомъ ретивыхъ и невоспитанныхъ публицистовъ. Это такъ. Но такіе случаи легко предвидѣть и противъ нихъ могли бы быть приняты мѣры. Права сходокъ, митинговъ, разныхъ собраній должны быть также расширены. Я хотѣлъ бы дожить до того момента, когда каждый японецъ могъ бы свободно выражать свое мнѣніе: въ этомъ я вижу залогъ великаго будущаго нашей страны. Наша муниципальная система должна быть также радикально преобразована: она въ настоящее время стѣсняетъ, подавляетъ личность, а между тѣмъ этого не должно быть».

Графъ Окума считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ значительныя финансовыя преобразованія и полагаетъ, что средства Японіи весьма велики, надо только ими умѣло пользоваться. *Петербургскія Вѣдомости*, изъ которыхъ мы взяли рѣчь японскаго министра иностранныхъ дѣлъ *), сообщаютъ, что рѣчь эта вызвала горячее сочувствіе со стороны печати, торговыхъ классовъ, учащейся молодежи.

Возвратимся, однако, къ европейскимъ дѣламъ. Читатели знаютъ, какое тягостное впечатлѣніе производитъ въ Германіи знаменитый отнынѣ процессъ Лютцова. Онъ раскрылъ вопіющія интриги и злоупотребленія политической полиціи, жертвами которыхъ бывали и министры. Шефъ этой полиціи фонъ-Таушъ, въ концѣ процесса, по требованію прокурора заключенъ въ тюрьму по подозрѣнію въ лже-присягѣ. Героемъ процесса

*) *Петербургскія Вѣдомости* 21 ноября.

явился статсъ-секретарь Маршалль, который, по его собственнымъ словамъ, искалъ защиты отъ интригъ политической полиціи (руководимой, конечно, высокопоставленными лицами) въ независимомъ судѣ и въ общественномъ мнѣніи. Министръ получилъ въ этомъ отношеніи полное удовлетвореніе.

Процессъ Лютцова вскрылъ печальную картину придворныхъ интригъ. Европейская печать, въ особенности англійская, рѣзко осуждаетъ систему оффиціальной печати, при которой разные административные агенты вводятъ въ заблужденіе не только общественное мнѣніе, но и правительство. *Standard* пораженъ тою атмосферою лжи и предательства, которою окруженъ германскій императоръ, тою неблаговидною ролью, которую играетъ дворъ въ культурно-политическомъ отношеніи; все это справедливо, но не слѣдуетъ впадать въ преувеличеніе и рисовать современное положеніе Германіи очень мрачными красками. На интригановъ, на людей, по оффиціознымъ порученіямъ злоупотреблявшихъ печатнымъ словомъ, въ Германіи существуетъ независимый, достойный глубокаго уваженія судъ. Общественное мнѣніе настолько уже сильно въ этой великой странѣ, что придворныя интриги перестаютъ имѣть опасное значеніе. Берлинскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* справедливо говоритъ по поводу дѣла Тауша, Лютцова и К°: «Въ этомъ процессѣ слишкомъ много возмутительнаго, звучащаго дико въ культурной странѣ; но для того, чтобы не впасть въ ошибку, чтобы дать фактамъ правильную оцѣнку, необходимо имѣть въ виду роль, которую играетъ въ Германіи политическая полиція. Задачи этого учрежденія не выходятъ изъ сферы полицейскаго наблюденія и содѣйствія цѣлямъ правосудія; оно только отдѣленіе общей полиціи, извѣстная ея спеціализація, не пользующаяся никакими особыми полномочіями. Подобно тому, какъ всякій полицейскій, напавшій на слѣдъ уголовнаго преступленія, обязанъ донести о своемъ открытіи прокурору суда и ждать отъ него инструкціи, такъ и коммиссаръ политической полиціи не въ правѣ выходить изъ роли исполнителя судебныхъ предписаній. Исключеніе сдѣлано было только въ 1878 г., когда цѣлая политическая партія поставлена была внѣ законовъ страны. Легко можно себѣ представить, какъ субъекты вродѣ Тауша пользовались чрезвычайными полномочіями администраціи. Отмѣна въ 1890 г. императоромъ закона противъ соціалъ-демократіи отняла у тайной полиціи ея привилегіи и принята была ею, конечно, крайне враждебно; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что полиція и до сихъ поръ поголовно стоитъ на сторонѣ Бисмарка, что она конспирировала противъ Каприви, Маршалля» *).

Печальны для Германіи и дикія проявленія милитаризма, отъ которыхъ терпятъ мирные жители. *Justice* завела для отмѣтки такихъ проявленій особый отдѣлъ, назвавъ его *Les Gaietés du Sabre*. Эти веселыя приключенія сабли въ Германіи многимъ уже стоили жизни. Въ послѣднее время общественное мнѣніе было особенно возмущено убійствомъ въ Карлсруэ безоружнаго работника храбрымъ офицеромъ Брюзевицемъ. Подробности

*) *Русскія Вѣдомости* 1 декабря.

дѣла, вѣроятно, извѣстны читателямъ. Милитаризмъ съ его кодексомъ чести,—чести не человѣка, а мундира,—пустилъ глубокіе корни въ германской арміи, поощряемый сверху. Дуэли изъ-за пустяковъ, нерѣдко съ убійствомъ въ исходѣ, составляютъ обычное явленіе. За неосторожность или ничтожную обиду обыватель нѣмецкихъ городовъ и селъ легко можетъ быть зарубленъ или застрѣленъ человѣкомъ, носящимъ военный мундиръ. Рейхстагъ вновь обратилъ вниманіе правительства на такой въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей.

Военный министръ долженъ былъ согласиться, что необходима реформа военныхъ судовъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ судамъ общимъ. Имперскій канцлеръ обѣщалъ принять мѣры для уменьшенія дуэлей. Министръ юстиціи полагалъ, что только ростъ культуры и развитіе христіанскихъ чувствъ искоренятъ дуэли. Но консерваторъ графъ Мирбахъ возразилъ министру, при рукоплесканіяхъ своей партіи, что, считая себя добрымъ христіаниномъ, онъ признаетъ, однако, случаи, когда христіаниномъ быть не слѣдуетъ, когда надо вызывать на дуэль... Это своего рода двойная бухгалтерія. *Freisinnige Zeitung* въ сильной статьѣ протестуетъ противъ злоупотребленій понятіемъ военной чести *). Рабочій,—трезвый, честный, трудолюбивый,—натолкнулся на стулъ лейтенанта—и по законамъ военной лжечести долженъ быть изрубленъ,—что за варварство! «Такое понятіе чести,—говоритъ газета,—которое принуждаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ къ убійству, не соединимо съ гражданскимъ порядкомъ и вообще съ цивилизованнымъ обществомъ»

Несмотря на племенную борьбу и партійные раздоры, законодательная прогрессивная дѣятельность не останавливается въ Австро-Венгріи. Въ парламентѣ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ съ газетъ штемпельнаго сбора и о свободѣ ихъ розничной продажи. Важенъ правительственный законопроектъ, внесенный въ рейхсратъ, по которому увеличивается профессорское жалованье, а гонораръ со студентовъ поступаетъ въ казну. Всякому очевидна несправедливость системы, отмѣнить которую предлагаетъ цислейтанское правительство и которая водворена у насъ университетскимъ уставомъ 1884 года. Самый замѣчательный ученый на историко-филологическомъ, напримѣръ, факультетѣ, читая спеціальный предметъ для немногихъ десятковъ слушателей, получаетъ въ десять разъ меньше гонорара, чѣмъ какой-нибудь банальный чтецъ лекцій на юридическомъ факультетѣ, котораго обязаны слушать нѣсколько сотъ человѣкъ. Наши самобытники не прочь позаимствовать у Запада то, что тамъ отбрасывается, какъ негодное.

Нѣмецкіе депутаты парламента выражаютъ опасенія, что законопроектъ министра народнаго просвѣщенія можетъ затруднить свободное передвиже-

---

*) *Freisinnige Zeitung*, № 245.

ніе профессоровъ изъ германскихъ университетовъ въ австрійскіе и наоборотъ. Высказывались и другія соображенія противъ законопроекта: если профессора будутъ получать жалованье отъ правительства, то они очутятся въ подчиненномъ по отношенію къ нему положеніи, перестанутъ быть независимыми изслѣдователями и преподавателями. Надо замѣтить, что и этотъ упрекъ можно сдѣлать нашему уставу 1884 года.

Славянскіе депутаты рейхсрата стояли за законопроектъ Гауча. Младочешскій депутатъ Кайцль высказался вообще противъ системы гонорара. Въ законопроектѣ онъ видитъ первый шагъ къ отмѣнѣ платы за слушаніе лекцій. Его поддержалъ польскій депутатъ Милевскій.

Министръ Гаучъ рѣшительно отвергалъ предположеніе о томъ, что его законопроектъ можетъ повести къ ограниченію независимости преподаванія. Онъ вполнѣ раздѣляетъ основныя мысли графа Туна, преобразовавшаго австрійскіе университеты. Университеты должны быть центрами научнаго изслѣдованія и высшаго преподаванія. Въ нихъ должна господствовать свобода этого изслѣдованія и преподаванія. Факультеты и академическіе сенаты должны принимать дѣятельное участіе въ опредѣленіи профессоровъ и въ административныхъ вопросахъ университетской жизни.

За законопроектомъ обезпечено, повидимому, парламентское большинство. Въ то же время важная реформа проведена для венгерскихъ университетовъ: по предложенію министра народнаго просвѣщенія, Влассича, для женщинъ открытъ доступъ на философскій и медицинскій факультеты университета въ Буда-Пештѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ создана первая женская гимназія, дающая право поступать въ университеты. Преподаваніе греческаго языка изъ этой гимназіи устранено, а преподаваніе латыни сокращено. Большое вниманіе отведено родному языку и исторіи, логикѣ, психологіи и естественнымъ наукамъ.

Европейская и американская печать очень занимается положеніемъ Испаніи, ея борьбою съ возстаніемъ на Кубѣ и на Филиппинскихъ островахъ. *Justice* указываетъ на печальное финансовое состояніе метрополіи, истощающейся въ войнѣ съ своими колоніями. Съ 8 марта 1895 по 30 сентября 1896 года Испанія отправила на Кубу 42 генерала, 638 офицеровъ генеральнаго штаба, 5,884 офицера и 158,989 солдатъ (до возстанія на островѣ было 13,000 войска). Посылаются еще подкрѣпленія, а возстаніе все еще не подавлено. Возстаніе на Филиппинскихъ островахъ далеко не такъ опасно для испанскаго владычества, но испанцы здѣсь дѣйствуютъ съ ужасающею жестокостью, разстрѣливаютъ туземцевъ безъ разбора и, по словамъ англійскихъ корреспондентовъ, прибѣгаютъ къ пыткамъ. Въ Америкѣ общественное мнѣніе раздражается суровостью испанцевъ, и кубанскіе инсургенты вызываютъ все большее и большее сочувствіе страны. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ по

сланіи къ конгрессу, въ нынѣшнемъ декабрѣ, упомянувши о томъ, что современное мрачное положеніе въ Турціи не должно долгое время оскорблять взоры христіанскаго міра, говорилъ и о кубанскихъ дѣлахъ. Кливелендъ не признаетъ возможнымъ въ настоящее время дать инсургентамъ права воюющей стороны. Рѣшеніемъ вопроса было бы дарованіе Кубѣ автономіи. Статсъ-секретарь Ольни выражается рѣшительнѣе. Онъ говоритъ: «Ходомъ событій мы, можетъ быть, будемъ вовлечены въ такое необычное и безпримѣрное положеніе, при которомъ мы вынуждены будемъ назначить Испаніи срокъ, въ который она должна будетъ, или одна или съ нашимъ дружественнымъ содѣйствіемъ, покончить возстаніе» *).

В. Г.

---

*) *Моск. Вѣд.*, № 330.

Добролюбовъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собрать, пойму ли я тебя?
Я. Полонскій.

I.

Въ нынѣшнемъ году вышло новое, пятое изданіе сочиненій Добролюбова (г-жи Поповой); въ нынѣшнемъ же году, въ ноябрѣ, минуло тридцать пять лѣтъ со дня смерти даровитаго критика († 17 ноября 1861 г.). Таковы внѣшніе поводы для нашей статьи. Этихъ поводовъ, конечно, было бы вполнѣ достаточно для коммеморативной замѣтки, но едва ли не мало для критической статьи, претендующей на современность. Нѣтъ ли поводовъ болѣе серьезныхъ, поводовъ внутреннихъ, и если есть, то въ чемъ они заключаются?

Не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Возьмите любой изъ четырехъ томовъ сочиненій Добролюбова и раскройте на любой страницѣ: по крайней мѣрѣ, въ восьми случаяхъ изъ десяти вы почувствуете себя въ обществѣ человѣка, который болѣетъ вашими болями и радуется вашими радостями. Не мертвый это, а живой человѣкъ, и не только живой, но и до сихъ поръ передовой во многихъ отношеніяхъ. Даже самая громкая фраза быстро остываетъ и изнашивается, но живая мысль долговѣчна. Добролюбовъ не былъ мыслителемъ, въ спеціальномъ значеніи этого слова, но онъ всегда былъ человѣкомъ мысли, которую вы найдете у него даже въ бѣглой рецензіи или въ шуточномъ стихотвореніи. Писаревъ удачно характеризовалъ это главное достоинство Добролюбова, какъ писателя: *идея прежде всего* въ противоположность тѣмъ писателямъ, у которыхъ иной лозунгъ: «все прежде идеи». Въ этой идейной содержательности произведеній Добро[любова] заключается причина ихъ жизненности.

Идея прежде всего, конечно, это не столько индивидуальная чер[та] литературной личности Добролюбова, сколько типическій признакъ всяка[го] настоящаго, призваннаго писателя. Вопросъ въ томъ, какая идея и отку[да] она почерпнута? Есть писатели, духовное развитіе которыхъ совершает[ся] какъ-то особнякомъ, въ сторонѣ отъ запросовъ и интересовъ общественн[ыхъ]

жизни. Они идутъ не по большой дорогѣ, вмѣстѣ со всѣми, а уединенною тропиночкой, за свой собственный страхъ и рискъ и въ концѣ-концовъ, разумѣется, приходятъ куда-нибудь. Иногда тропиночка, черезъ болота и лѣсныя трущобы, выводитъ ихъ опять на большую дорогу, и они идутъ въ передовыхъ рядахъ общей массы пилигримовъ. Такъ было, наприм., съ Бѣлинскимъ, который отъ моральнаго дидактизма черезъ метафизическій квіетизмъ перешелъ къ раціонализму и критицизму. Иногда тропинка идетъ почти параллельно съ большой дорогой и даже не въ очень дальнемъ отъ нея разстояніи, но съ нея открываются или, по крайней мѣрѣ, мерещатся такія перспективы, что разстаться съ ними не хватаетъ силъ, хотя бы сама по себѣ тропинка была очень неудобна. Такъ было въ значительной степени съ Гоголемъ и въ еще большей степени съ Достоевскимъ. Иногда тропинка выводитъ на красивую лѣсную поляну, гдѣ нашъ уединенный пилигримъ и ставитъ свою келью въ увѣренности, что обрѣтенная поляночка и есть та самая обѣтованная земля, къ которой онъ стремился. Такъ было... не зачѣмъ и пояснять—съ кѣмъ, гдѣ и когда. Идеи писателей этого рода являются продуктомъ ихъ самодѣятельности и зачастую находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ текущими интересами общества. *Текущіе* интересы, какъ все текущее, относительны и условны, а эти писатели стремятся непремѣнно къ абсолютному.

Писатели другой, противоположной категоріи — люди по преимуществу общественные. Они не творятъ, они только формулируютъ, но за то они никогда и не фантазируютъ, какъ это нерѣдко случается съ писателями-одиночками. Роль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ уловить духъ времени и дать господствующимъ въ жизни тенденціямъ по возможности наилучшее теоретическое обоснованіе. Идея не принадлежитъ имъ, они принадлежатъ идеѣ. Они пишутъ подъ диктовку жизни, и степень талантливости ихъ выражается не въ томъ, худое или хорошее они пишутъ,—за это они отвѣтственны не болѣе, сколько и ихъ читатели,—а въ томъ лишь, худо или хорошо они пишутъ. Въ безцвѣтное время безцвѣтна бываетъ и ихъ дѣятельность, но въ эпохи рѣшительныхъ акцій или рѣшительныхъ реакцій они пріобрѣтаютъ значеніе вождей, хотя и не совсѣмъ по праву, потому что ведутъ по путямъ, не ими проложеннымъ. Болѣе чѣмъ кто-либо, они рождены для житейскаго волненья, для корысти (не въ грубомъ смыслѣ, конечно), для битвъ. Важнѣйшая задача ихъ въ томъ, чтобы родиться въ пору и вò-время, т.-е. поспѣть съ своей работой въ такой историческій моментъ, когда борьба общественныхъ силъ и группъ особенно обостряется. Это не мыслители-созерцатели, это—практическіе агитаторы. Новаго слова они не скажутъ, но никто лучше и громче ихъ не скажетъ того слова, которое носится въ воздухѣ, у всѣхъ (т.-е. у большинства, конечно) на умѣ и на сердцѣ.

Писатели этой категоріи въ общихъ чертахъ очень подходятъ подъ характеристику «людей реальныхъ, съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ», сдѣланную однажды Добролюбовымъ. «Осмотрѣвшись кругомъ

себя,—говоритъ Добролюбовъ,—они (реальные люди), вмѣсто туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только *человѣка*, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе; но за то они гораздо тверже и жизненнѣе. Они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ живыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе». Характеристика недурна, но въ ней кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Это характеристика не «новыхъ людей», а новой жизни, новыхъ историческихъ условій и вызванныхъ ими новыхъ общественныхъ потребностей. *Осмотрѣвшись вокругъ себя*, — поколѣнію Добролюбова было на что посмотрѣть: *вокругъ* закипало такое оживленіе, которое было бы замѣчательно даже безъ сравненія съ предшествовавшимъ мертвымъ періодомъ. Всякія абстракціи, конечно, должны были отойти на второй планъ. *Они увидѣли человѣка съ его дѣйствительными отношеніями къ міру*—и даже гораздо болѣе чѣмъ человѣка: увидѣли цѣлый народъ, добрая половина котораго стояла въ очень дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ міру, а именно въ крѣпостныхъ, и эти нечеловѣческія отношенія доживали свои послѣдніе дни. Конечно, ужъ не до абсолютовъ тутъ было! *Они потеряли стремительную страстность* людей прошлаго поколѣнія, потому что эта страстность была бы неумѣстна: прозаическія, насущныя, хотя бы и очень большія дѣла требуютъ не страстности, не экстаза, а знанія, внимательности, трудолюбія, разсудительности. *Они стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью*, но совсѣмъ не потому, что *захотѣли* стать, *додумались* до необходимости этого, а просто потому что повиновались призыву жизни. Недавніе лишніе люди сдѣлались желанными и жданными дѣятелями не потому, что сами лично переродились нравственно и умственно, а потому, что рѣзко измѣнились историческія условія. Противопоставлять поколѣніе поколѣнію не было, очевидно, никакого резона; можно и должно было противопоставлять эпоху эпохѣ. Крѣпкіе нервы и здоровое воображеніе были совершенно не причемъ въ «реализмѣ» новыхъ людей.

Еслибы слово «практичность» не было такъ захватано и опошлено, мы сказали бы, что добролюбовскій реализмъ былъ именно практичностью высшаго порядка. «Живое дѣло вмѣсто словъ»—вотъ какъ опредѣли[л] самъ Добролюбовъ свои отношенія къ дѣйствительности. Этотъ реализ[мъ] не былъ философскою системой, ни даже просто системой, онъ былъ име[нно] выраженіемъ стремленія къ «живому дѣлу» всѣхъ тѣхъ, кто былъ ут[ом]ленъ «надменно-праздной болтовней». Добролюбовъ угадалъ это стремле[ніе]

и превосходно выразилъ его въ своей литературной дѣятельности—вотъ въ чемъ состояла его роль.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.

Такъ говорилъ Добролюбовъ, выражая въ этихъ стихахъ общую думу и общее чувство. Пока не сдѣлана эта настоятельно-нужная работа и пока возможность работать не исчезла, тернистая дорога не залегла, до тѣхъ поръ не можетъ и не должно быть мѣста никакимъ абстракціямъ. Вотъ почва, на которой выросъ и развился «реализмъ» Добролюбова и его единомышленниковъ. Жизнь и исторія выдвинули на первую очередь великій крестьянскій вопросъ. Казалось бы, что тутъ дѣлать литературному критику? Да, критику-эстетику тутъ дѣла не могло быть, но сколько его отыскалъ для себя даровитый критикъ-публицистъ! Вотъ разсказы изъ народной жизни Марка Вовчка: посмотрите, что сдѣлалъ съ ними Добролюбовъ! Свои разсужденія о психіи крестьянина, основанныя на беллетристическихъ данныхъ, онъ довелъ до той черты, за которою уже начинается область чисто-практическихъ мѣропріятій: «мы не смѣемъ прилагать, — говорилъ Добролюбовъ, — всѣхъ вышеизложенныхъ разсужденій какъ непремѣннаго условія къ правительственнымъ мѣрамъ освобожденія, приводимымъ теперь къ концу въ редакціонной коммиссіи. Мы говорили только о томъ, что должно быть вообще, по требованію логики и наблюденій надъ крестьянскимъ бытомъ и характеромъ». *Мы не смѣемъ*, но логика смѣетъ и справедливость требуетъ,—самый простодушный читатель пойметъ этотъ языкъ. Вотъ статьи Добролюбова о «темномъ царствѣ», царствѣ не только купеческаго, но и всякаго другого, а въ томъ числѣ и помѣщичьяго самодурства: защитники освобожденія могли найти въ этихъ статьяхъ цѣлый арсеналъ аргументовъ въ свою пользу. Въ то время какъ другъ и соратникъ Добролюбова расчищалъ дорогу реформѣ, подготовляя къ ней общественное мнѣніе на почвѣ экономическихъ и статистическихъ фактовъ, ту же самую задачу рѣшалъ Добролюбовъ на почвѣ психологическихъ и моральныхъ соображеній. Искусство въ рукахъ Добролюбова было тѣмъ же, чѣмъ политическая экономія въ рукахъ Чернышевскаго.

Добролюбовъ имѣлъ большую удачу—родиться чрезвычайно во-время. Если правда, что во всякую эпоху является «мужъ потребенъ», то горячая эпоха шестидесятыхъ годовъ была богата такими мужами, и въ числѣ ихъ Добролюбовъ былъ однимъ изъ самыхъ «потребныхъ», самыхъ нужныхъ. Онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для партійной дѣятельности, а въ то время только такая дѣятельность и могла имѣть значеніе: даже такіе дѣятели-одиночки, какъ Левъ Толстой, оставались тогда почти не у дѣлъ и во всякомъ случаѣ не пользовались признаніемъ и популярностью въ должной мѣрѣ. Сдержанность, самообладаніе, дисциплинированность юноши-критика были въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно замѣчательны. Ничего

для себя, все для общаго дѣла—это у Добролюбова было не принципомъ, а чѣмъ-то большимъ, было самою натурой. Онъ имѣлъ значительный писательскій успѣхъ, отъ котораго закружилась бы голова даже не у юноши, но Добролюбовъ сохранилъ полное хладнокровіе и до конца оставался суровымъ аскетомъ и ригористомъ. «Работа наша ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ и не минетъ святая чаша всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ»,—вотъ о чемъ, о чашѣ страданій за идею, думалъ Добролюбовъ въ самый разгаръ своихъ литературныхъ успѣховъ. Ни тѣни самодовольства, не говоря ужъ о пошломъ самохвальствѣ, не замѣчалось въ немъ никогда. Конечно, и у него была гордость собою и онъ выражалъ надежду, что навѣрно родному краю будетъ извѣстенъ, но это была та гордость, къ которой примѣнимы вполнѣ слова Тургенева: «гордость—добродѣтель, господа». Безъ сознанія своего человѣческаго достоинства не можетъ быть хорошаго человѣка, и точно также безъ сознанія своихъ силъ и своихъ заслугъ не можетъ быть хорошаго работника. А Добролюбовъ былъ работникомъ образцовымъ и въ сущности на что же онъ надѣялся? Вѣдь, онъ уже умиралъ, выражая свою надежду на извѣстность въ родномъ краѣ, а стало быть желалъ извѣстности не себѣ,—мертвые не имутъ не только срама, но и славы,—а своему труду, т.-е. опять-таки своей идеѣ.

Сама собою напрашивается параллель между Добролюбовымъ и другимъ современнымъ представителемъ «реализма»—Писаревымъ. Слѣдуя извѣстному подраздѣленію Гейне, мы скажемъ, что Добролюбовъ былъ іудей, а Писаревъ—эллинъ. Писаревъ былъ болѣе даровитъ, разностороненъ и блестящъ въ литературномъ отношеніи, нежели Добролюбовъ,—съ этимъ нельзя не согласиться. Въ свои вдохновенныя минуты Писаревъ поднимался на такія высоты мысли и патетическаго краснорѣчія, до которыхъ Добролюбовъ никогда не достигалъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: Писарева можно было заслушаться, но слушаться его было бы очень рисковано, тогда какъ на Добролюбова можно было положиться. Оба они были критики-публицисты, но въ публицистикѣ Писарева преобладалъ чисто-поэтическій элементъ, фантазія и чувство, тогда какъ публицистика Добролюбова имѣла разсудочный характеръ, свойственный чистой наукѣ. Поддаваясь своему увлекающемуся темпераменту, Писаревъ рѣшительно не въ состояніи былъ идти съ спокойною увѣренностью, какъ шелъ и другихъ училъ идти Добролюбовъ. Онъ то забѣгалъ впередъ, то отбѣгалъ въ сторону, то перепрыгивалъ черезъ встрѣчную канаву, то вдругъ зачѣмъ-то влѣзалъ на дерево, то-есть безъ метафоръ говоря, безпрестанно сыпалъ парадоксами, иногда очень остроумными и всегда очень безполезными. Дѣлалъ это Писаревъ не изъ разсчитаннаго кокетства и щегольства,—онъ былъ слишкомъ честенъ и искре- ненъ для этого,—а просто *такъ*, отъ избытка силъ, отъ той «прыткости бойкости молодецкой», про которую поетъ нашъ народъ въ пѣснѣ. В этомъ и сказывалась его недисциплинированность, которая дѣлала его д партіи прямо-таки неудобнымъ человѣкомъ. Еслибы Писаревъ дѣйствовал какъ всякій писатель-одиночка, за свой страхъ,—бѣда была бы не вел

его грѣхъ, его и отвѣтъ. Но когда отъ лица партіи провозглашалось, что учить народъ грамотѣ не нужно, что родительская палка лучше родительской ласки, что поэтому можно сдѣлаться, какъ можно сдѣлаться столяромъ, сапожникомъ и пр., и пр., — разсудительные люди не могли тогда не шокироваться.

Образъ дѣйствія Добролюбова былъ прямо противоположенъ этому. Мы увѣрены, что еслибы Добролюбовъ имѣлъ возможность познакомиться съ дѣятельностью Писарева въ самомъ шумномъ и блестящемъ ея періодѣ (1863—65 гг.), она возбудила бы въ немъ чувство жгучей и нетерпѣливой досады. Сколько таланта и блеска, но и какая же безалаберность, какое неумѣнье цѣлесообразно распоряжаться своими средствами, какое легкомысліе! Vae soli! А онъ будетъ однимъ и долженъ быть однимъ, потому что онъ насъ и наше дѣло просто компрометируетъ, несмотря на всю свою талантливость. Ну, зачѣмъ, напримѣръ, дразнить гусей и гусенятъ нападеніями на Пушкина? Это не дѣло, а литературное озорничество, и какъ же не понимать простой истины, что кстати сказанное слово — серебряное, кстати умолчанное—золотое. Такъ бы сказалъ или подумалъ Добролюбовъ, и непремѣнно сказалъ бы, потому что его строго-сообраӂенной дѣловитости нельзя было мириться съ распущенностью, хотя бы и талантливою. Добролюбовъ былъ строгъ къ себѣ, но и ревностно слѣдилъ за другими: вспомнимъ его статьи *Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами*, и *Отъ дождя да въ воду*. Если Добролюбовъ не поцеремонился съ Пироговымъ, это значитъ, что онъ не поцеремонился бы ни съ кѣмъ.

Хорошій это былъ союзникъ для своихъ и опасный врагъ для чужихъ. Его нельзя было подкупить похвалой и нельзя было смутить порицаніемъ: «не я хочу, *то* хочетъ», могъ бы сказать онъ словами тургеневской Елены.

Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.

Это слова аскета-іудея. Проповѣдывать аскетизмъ, какъ принципъ жизни—это, разумѣется, дѣло напрасное и безнадежное, но исповѣдывать аскетизмъ для личной борьбы съ соблазнами и пристрастіями — это не то чтобы разумно, а какъ-то почтенно и въ высшей степени симпатично. Аскету лично для себя ничего не надо; можно ли сомнѣваться въ полнѣйшей искренности человѣка, который ничего для себя не добивается, а между тѣмъ трудится лучше и усерднѣе всякаго карьериста? За кого другого, а ужъ за Власа можно головой поручиться, что онъ не растратитъ на свои прихоти деньги, собранныя имъ на Божій храмъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Примѣръ его ни для кого не обязателенъ, но «могій вмѣстити да вмѣститъ», и во всякомъ случаѣ этотъ Власъ—какая импозантная фигура! Такимъ Власомъ въ нашей литературѣ былъ до нѣкоторой степени и Добролюбовъ. «Сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла» — это самое мы не безъ основанія можемъ сказать и о Добролюбовѣ. «Полонъ скорбью неутѣшною»—это опять-таки мы можемъ повторить и о *нашемъ*, литературномъ Власѣ. Но въ Добролюбовѣ эта скорбь неутѣшная всегда почти сопровождалась другимъ, не менѣе сильнымъ чувствомъ: обратите вниманіе на избранный нами эпиграфъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи Добролюбовъ—писатель не для толпы, не для тѣхъ равнодушныхъ и апатичныхъ читателей, которые «почитываютъ», а не читаютъ. Добролюбовъ очень рѣдко возвышалъ голосъ, очень мало жестикулировалъ и никогда не колотилъ себя въ перси, и вотъ онъ для толпы «сухъ», «холоденъ» и даже «вялъ». Но кому даны уши для того, чтобъ ими слышать, а не для того, чтобъ ими хлопать, тотъ безъ труда различитъ въ голосѣ Добролюбова вибрацію сдержанной, но тѣмъ болѣе могучей страсти. «Когда вы разсчитываете, какъ устроить свою жизнь, то, конечно, не будете основывать своихъ разсчетовъ на томъ, что, можетъ быть, выиграете большое состояніе въ лотерею. Такъ точно въ разумной, сознательной жизни невозможно разсчитывать и на выигрышъ великодушія самодура. Пусть лучше не будетъ этихъ благородныхъ, широкихъ барскихъ замашекъ, которыми восторгались старые, до идіотства захолопѣвшіе лакеи; но пусть будетъ свято и неприкосновенно то, что мнѣ принадлежитъ по праву; пусть у меня будетъ возможность всегда употреблять свободно и разумно мою мысль и волю, а не тогда, когда выйдетъ милостивое разрѣшеніе отъ какого-нибудь Гордѣя Карпыча Торцова...» Это одинъ изъ очень многихъ примѣровъ. Ну, что же, сухо, холодно, вяло это сказано?

Вспомогательными литературными способностями, какъ даромъ яснаго изложенія, оригинальнымъ остроуміемъ, находчивою діалектикой, Добролюбовъ обладалъ вполнѣ. Но замѣчательно, что его изложеніе становилось особенно краснорѣчивымъ, остроуміе—колкимъ, діалектика—неотразимою именно тогда, когда имъ овладѣвало чувство негодованія. Онъ всегда ясно мыслилъ и потому всегда ясно излагалъ, но какъ «власть имѣющій» онъ говорилъ лишь вдохновляемый негодованіемъ. Поводовъ къ этому чувству жизнь представляла не мало: не только самодурство во всѣхъ его формахъ и видахъ, но и воспитавшія его нравственныя свойства наши, какъ отсутствіе сознанія своей личности, хата съ краю и т. п., возбуждали въ молодомъ и тѣмъ болѣе нетерпѣливомъ критикѣ даже какое-то ожесточеніе доходившее иногда до несправедливости. Русское общество до Инсарова н[illegible] доросло,—эти двѣ темы разработаны Добролюбовымъ въ большихъ отдѣл[illegible] ныхъ статьяхъ, очень эффектныхъ, но неубѣдительныхъ. Несправедлив[illegible] неубѣдителенъ былъ также и его упрекъ русской литературѣ за то, [illegible] она будто бы, вѣчно идетъ на буксирѣ и всѣ ея просвѣтительные п[illegible] грессы являются *послѣ факта (Литературныя мелочи прошлаго го[illegible]*

Въ жару борьбы Добролюбовъ не замѣчалъ, что его упреки могутъ быть обращены противъ него самого, противъ его завѣтнѣйшихъ стремленій. Почему же обществу и не благодушествовать по-обломовски, если ему живется такъ же хорошо и беззаботно, какъ Обломову? И если русская литература даже не поспѣваетъ съ своими теоріями за практикой жизни, то какого прогресса еще нужно? Съ логической точки зрѣнія все это были несомнѣнныя противорѣчія, но эти противорѣчія вели къ цѣли,—вотъ что было существенно важно. Не о томъ хлопоталъ Добролюбовъ, чтобы въ его разсужденіяхъ благополучно сводились логическіе и діалектическіе концы, а исключительно о томъ, чтобъ и въ обществѣ, и въ литературѣ возбудить энергію. Такъ любящій воспитатель упрекаетъ своего воспитанника въ лѣности или малоуспѣшности, очень хорошо сознавая внутренно, что его воспитанникъ и очень хочетъ, и очень можетъ учиться. Несправедливо, а надо, для его же собственной пользы надо!

Но этотъ суровый и насмѣшливый критикъ, въ сущности, былъ очень молодъ не только годами, но и душой. Скептицизмъ Добролюбова, его саркастическое отношеніе къ нашему прогрессу—все это были только внѣшніе *пріемы*, за которыми скрывался самый розовый оптимизмъ. «Когда же придетъ настоящій день?»—спрашивалъ Добролюбовъ по поводу *Наканунѣ* Тургенева, и, разумѣется, оказывалось, что настоящій день еще долго-долго не придетъ, потому что Обломова въ Инсарова превратить не легко. Такъ говорилось въ литературно-воспитательныхъ цѣляхъ Добролюбова, но не такъ чувствовалось имъ въ интимнѣйшихъ глубинахъ сердца: завтра придетъ настоящій день, даже сейчасъ, быть можетъ, и надо опасаться только, чтобы не врасплохъ застало насъ встающее солнце. Заря близится, но не всѣ еще проснулись—только въ этомъ и бѣда:

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподымутъ рукъ.

Такъ говорилъ Добролюбовъ-лирикъ, какъ бы напрашиваясь на самые язвительные сарказмы Добролюбова-критика. Опять-таки наличность формальнаго противорѣчія не подлежитъ сомнѣнію, но опять-таки упреку за него Добролюбовъ не подлежитъ. Совсѣмъ даже наоборотъ: это постоянное самообладаніе молодого критика, эта скептическая трезвость его мысли, отличающія его какъ публициста, становятся тѣмъ удивительнѣе для насъ, когда мы узнаемъ, что Добролюбову приходилось бороться съ самимъ собою, съ неудержимыми вспышками своей юношеской вѣры. Такая «наивная и страстная душа», какъ Бѣлинскій, былъ рѣшительно неспособенъ къ обдуманной, хладнокровной литературной стратегіи, до самаго конца отлично выдержанной Добролюбовымъ. Да, до послѣдняго конца. Статья *Забитые люди* была написана Добролюбовымъ всего за два мѣсяца до его смерти, и въ заключительныхъ словахъ этой статьи, обращенныхъ непосредствен-

но къ читателямъ, выразился не только послѣдній завѣтъ безвременно умиравшаго писателя-борца, но и общій смыслъ всей его недолгой, но напряженной дѣятельности. «Будьте живы, а не мертвы»,—вотъ эти слова. Прекрасны эти слова и сами по себѣ, но въ устахъ умирающаго человѣка они пріобрѣтаютъ особенно глубокій и трогательный смыслъ. Но ничего иного въ сущности Добролюбовъ и не говорилъ за все время своей литературной дѣятельности. Всѣ его статьи, до послѣдней замѣтки, написаны въ этомъ духѣ призыва къ жизни, къ сознательному участію въ устроеніи и совершенствованіи ея формъ.

«Будьте живы, а не мертвы» — казалось бы, что можетъ быть проще этихъ словъ? Мысль, выраженная въ нихъ, проста до элементарности, а между тѣмъ она заключаетъ въ себѣ цѣлую программу общественной и личной дѣятельности. Что значитъ быть мертвыми, это мы, современные люди, знаемъ слишкомъ хорошо, а что значитъ быть живымъ человѣкомъ, это намъ объяснитъ Добролюбовъ: «людямъ, имѣющимъ въ себѣ достаточную долю инициативы, полезно вникнуть въ положеніе дѣла, полезно знать, что большая часть этихъ забитыхъ, которыхъ они считали, можетъ быть, пропавшими и умершими нравственно, все-таки крѣпко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самихъ, хранятъ въ себѣ живую душу и вѣчное, неисторжимое никакими муками, сознаніе своего человѣческаго права на жизнь и счастье». Это говорилось по поводу «забитыхъ» героевъ Достоевскаго, но ничто не мѣшаетъ намъ гораздо шире раздвинуть рамки вопроса. Двадцать милліоновъ «забитыхъ людей» въ то время только что получили доступъ къ человѣческому существованію и, конечно, не о канцелярскихъ чиновникахъ, не о Макарахъ Дѣвушкиныхъ говорилъ умиравшій Добролюбовъ, поручая ихъ заботамъ людей «имѣющихъ въ себѣ достаточную долю инициативы». Основной мотивъ дѣятельности Добролюбова, какъ и всѣхъ его сотрудниковъ и единомышленниковъ, былъ какъ разъ около этого времени превосходно выраженъ ихъ поэтомъ. Просимъ читателя сравнить между собою слѣдующіе два отрывка—прозаическій и стихотворный. Въ Россіи «трудъ и богатство распредѣлены съ гораздо большимъ неравенствомъ, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. Почти весь производительный трудъ приходится на долю простонародья, почти всѣ выгоды его достаются образованнымъ классамъ. На обязанности земледѣльца лежитъ не только забота о своемъ собственномъ прокормленіи, но и содержаніе,—да не просто содержаніе, а богатое, роскошное содержаніе,—и другихъ классовъ общества. Когда тутъ думать ему о высшихъ потребностяхъ собственной натуры, когда хлопотать о средствахъ для улучшенія своего собственнаго быта?» А вотъ стихотворный отрывокъ:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ

Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Сходство мысли доходитъ здѣсь до полной тождественности, даже въ мелкихъ оттѣнкахъ, и эта мысль лежала въ основѣ всего міросозерцанія и всей дѣятельности литературной фракціи *Современника*. Видѣть въ Добролюбовѣ литературнаго критика, какого-то истолкователя Островскаго, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Марко-Вовчка—это то же самое, что видѣть въ Некрасовѣ лирическаго поэта, воспѣвавшаго «личико смуглое» и т. п. Не за себя только, но и за всю свою, говоря его собственнымъ выраженіемъ, «дружную семью» Некрасовъ могъ бы сказать:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!

Поэтъ воспѣвалъ, политико-экономъ высчитывалъ, беллетристъ изображалъ, публицистъ доказывалъ, а критикъ... критикъ бралъ свои аргументы и у поэта, и у экономиста, и у бытописателя, и у публициста, согрѣвалъ ихъ жаркимъ огнемъ своего личнаго воодушевленія и съ неустанною энергіей билъ все въ одну и ту же точку: «будьте живы, а не мертвы» Будьте живы, т.-е. будьте справедливы, участливы, дѣятельны, сѣйте разумное, доброе, вѣчное. Славное было время и хорошіе были дѣятели!

Такъ вотъ что такое былъ Добролюбовъ: не словесныхъ дѣлъ мастеръ, не литературный экспертъ, не художественный оцѣнщикъ, а неустанный ходатай и предстатель за обездоленный народъ. Это не значитъ, однако, что Добролюбовъ былъ народникомъ въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Непосредственно о народѣ онъ говорилъ рѣдко и мало, да и нечего было сказать о томъ, кто брелъ въ безразсвѣтной, глубокой ночи, но онъ будилъ въ образованномъ обществѣ сознаніе исторической и нравственной отвѣтственности за судьбу народа и въ этомъ состояло его служеніе. А для того, чтобы пробудить это сознаніе, нужно было сначала пробудить общественное самосознаніе, т.-е. именно на тысячу ладовъ и по всевозможнымъ поводамъ твердить намъ: «будьте живы, а не мертвы».

II.

Мы, современные люди, имѣемъ въ одномъ отношеніи большое преимущество передъ поколѣніемъ Добролюбова: мы исторически-старше и потому исторически-опытнѣе. Тридцать пять лѣтъ, вообще говоря, очень небольшоі историческій промежутокъ, но тѣ именно тридцать пять лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ той эпохи,— періодъ огромный, потому что многосоде жательный и многозначительный. Передъ нашими глазами прошелъ цѣлı рядъ явленій, вызванныхъ 19 февраля 1861 г. и до тѣхъ поръ не тольк

невозможныхъ, но у насъ и немыслимыхъ. Вотъ промелькнуло передъ нами дворянское оскудѣніе; вотъ посторонился немного передъ представителемъ земли всемогущій и вездѣсущій до тѣхъ поръ чиновникъ; вотъ новоиспеченная разночинная интеллигенція; вотъ прошелъ «чумазый» съ девизомъ «распивочно и на выносъ»; вотъ длинная вереница дѣльцовъ на западно-европейскій образецъ, «оживлявшихъ» нашу торговлю и промышленность; вотъ подрастающая, юная буржуазія наша, которая устами доморощенныхъ Сіесовъ увѣряетъ, что она «все можетъ»; вотъ... да что тутъ много говорить. Вотъ хронологически-послѣднее слово прожитаго нами тридцатипятилѣтія: «русскому мужику нужно вывариться въ фабричномъ котлѣ; пойдемъ на выучку къ западному капитализму».

Читатель дополнитъ изъ запаса собственныхъ воспоминаній и свѣдѣній наши бѣглыя указанія, а мы лишь попросимъ его не забыть присовокупить къ общему итогу длинный рядъ перемежающихся вліяній на наши умы западныхъ системъ и ученій, отъ Бокля и Дарвина до Шопенгауэра и Ницше. Въ общемъ получается какая-то невообразимо пестрая ткань, на которой исторія выткала самые прихотливые и неожиданные узоры. *Неожиданные*—это самое главное. Въ политикѣ—неожиданные союзы; въ литературѣ — неожиданныя теченія, какъ декадентство и символизмъ; въ народной жизни такія неожиданности, какъ массовыя переселенія. Что все это значитъ? Значитъ то, что жизнь не укладывается въ рамки нашей логики, шире нашего пониманія и двигается впередъ такими путями, возможности которыхъ никто изъ насъ не предвидѣлъ. Въ отчетливомъ пониманіи этой истины, добытой нами путемъ чисто-практическимъ, опытнымъ, заключается наше преимущество передъ эпохою шестидесятыхъ годовъ. Мы стали осторожны и недовѣрчивы. Идти на выучку къ западному капитализму? Что же, пойдемъ, если къ тому приведетъ неотразимая сила вещей, а пока мы только зарегистрируемъ ваше предложеніе, въ числѣ другихъ подобныхъ предложеній. Вы увѣряете насъ, что «все можете»? Поживемъ—увидимъ, а волноваться, горевать или радоваться не станемъ, потому что отъ фразы до дѣла очень далеко. Вы, господа народники, увѣряете, что не новоявленная буржуазія, а деревенскій народъ все рѣшитъ и «все можетъ»? Запишемъ и эту формулу, какъ и всякую другую, будемъ ее обсуждать, но не будемъ ею клясться. Жизнь великаго историческаго народа — очень большое и сложное дѣло. ***Несомнѣнно*** мы знаемъ объ этой жизни только одно: никакими силами не остановить ея могучаго теченія, а ближайшее направленіе этого теченія зависитъ отъ взаимодѣйствія столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ силъ, что синтезу онѣ не поддаются. Это не значитъ, что мы индифферентны и оставляемъ историческому фатуму свободу полнаго произвола надъ нами: совершенно наоборотъ, это значитъ, что фатуму довѣриться мы не можемъ, такъ какъ со всѣмъ не убѣждены въ томъ, что онъ самъ по себѣ, безъ нашихъ личныхъ усилій, поведетъ насъ по наилучшему пути. Наши желанія, убѣжденія, интересы, въ своей совокупности—только одинъ изъ факторовъ пр

гресса, и для того, чтобы перетянуть чашу вѣсовъ на нашу сторону, мы должны принять активное участіе въ процессѣ исторіи. Пусть мы убѣждены непоколебимо, что правда на нашей сторонѣ: гдѣ неопровержимыя ручательства того, что и сила вещей на сторонѣ нашей правды?

Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ разсуждали иначе. Вотъ что мы находимъ на этотъ счетъ у Добролюбова: «Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать право личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и пр. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка—всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правѣ и чести».

Проведите этотъ взглядъ до его логическаго конца, и вы придете къ печально-знаменитой теоріи: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Если холодъ, голодъ и безправность человѣка являются самыми вразумительными и дѣйствительными двигателями, то пусть они и дѣйствуютъ на исторической аренѣ. И чего же лучше? Именно нужно выварить мужика въ фабричномъ котлѣ, отослать его на выучку къ капиталу. Тотъ охулки на руку не положитъ— выучитъ: обезземеленному пролетарію будетъ предоставлена на фабрикѣ такая доза холода, голода и безправія, о какой ему и не грезилось даже при нищенскомъ надѣлѣ. За то онъ будетъ обладать пиджакомъ и даже часами, какъ эмблемами своего повысившагося человѣческаго достоинства. Жизненные факты,—говоритъ Добролюбовъ,—*неизбѣжно, неотразимо* влекутъ событіе за событіемъ. Да, конечно, и примѣръ этому мы можемъ найти у Добролюбова хотя бы въ его фразѣ: «отупѣвшій отъ фухтелей кантонистъ». Фухтеля—это жизненный фактъ, а отупѣніе кантониста—это «событіе», неизбѣжно, неотразимо воспослѣдовавшее за фактомъ. Расширьте, обобщите этотъ фактъ и если васъ не оцѣпенитъ ужасъ передъ лицомъ этого *обобщеннаго* факта, тогда продолжайте питать свои надежды на благодѣтельную силу рока. Добролюбовъ не оставилъ и этотъ пунктъ безъ защиты: «нѣтъ такой вещи,—говоритъ онъ,—которую бы можно было тянуть и гнуть безконечно: дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ

общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіей должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни». Это—чисто-идеалистическая вѣра въ достоинство личности и общества. Добролюбовъ, какъ это нерѣдко съ нимъ бывало и чему я уже приводилъ примѣры, платитъ здѣсь дань тому самому оптимизму, который онъ съ большою суровостью преслѣдовалъ въ другихъ. Вотъ какой урокъ преподалъ онъ, наприм., Плещееву за его *сладостныя мечтанія,* по насмѣшливому выраженію Добролюбова: «хорошо мечтать въ тѣ дни, когда еще намъ новы впечатлѣнья бытія; хорошо надѣяться въ ту пору, когда еще не пришла пора практической дѣятельности... Но что за охота взрослому человѣку тратить свое воображеніе и драгоцѣнное время на мечты о томъ, какъ вотъ прійдетъ нянюшка, погладитъ его по головкѣ и дастъ гостинца? Да и можно ли спокойно предаться такимъ мечтамъ?» А можно ли, спросимъ мы въ свою очередь, спокойно предаться мечтамъ о томъ, что субъектъ, погруженный въ летаргію, самъ собою проснется? «Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ»,—да, *вѣчной* нельзя, но лишь въ томъ безплодномъ смыслѣ, что вѣчнаго ничего на землѣ нѣтъ, но предположить апатію длящуюся, укоренившуюся, вошедшую въ нравственную природу человѣка или народа, — это, къ несчастью, очень можно. Чего нельзя сдѣлать съ субъектомъ, находящимся въ летаргіи? Онъ беззащитнѣе всякаго ребенка, и если вы дѣйствительно желаете ему добра, то не станете, конечно, возлагать надежды только на силы его организма, а постараетесь такъ или иначе способствовать его пробужденію. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій и нарушеніе первыхъ началъ справедливости — все это не возбудительныя средства, какъ оптимистически полагаетъ Добролюбовъ, но усыпительныя, поддерживающія умственную и нравственную летаргію. Чего другого, а этого добра (холода, голода и пр.) въ любой моментъ нашей исторіи было у насъ предостаточно, а тысячелѣтняя исторія все еще продолжается. Очевидно, средства эти не пригодны и даже болѣе того: это не только не средства противъ болѣзни, это *причины* болѣзни и съ ними поэтому нужно бороться, и уже, конечно, не по принципу гомеопатовъ: similia similibus curantur.

Вопросъ Обломова: «какъ же такъ вдругъ?»—вопросъ, надъ которымъ съ негодующимъ сарказмомъ издѣвался Добролюбовъ, совсѣмъ уже не такой глупый вопросъ. Вотъ въ этомъ сознаніи, добытомъ нами рядомъ тяжелыхъ испытаній, и заключается наше преимущество передъ пылкою, юношескою эпохой шестидесятыхъ годовъ. Мы вѣримъ въ идеи, но не вѣрим въ панацеи и, понимая страшную сложность жизни, не рискнемъ подв дить ее подъ какой-нибудь единый принципъ. А въ то кипучее время в казалось и очень просто, и очень близко,—стоитъ только *понять* да ру протянуть. Правда, у самого же Добролюбова инкрустированы мѣстами з мѣчанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что *понять* не такъ, вообще говор легко, какъ кажется. Въ статьѣ о книгѣ Жеребцова онъ, наприм., го

ритъ: «Чтобы *понять* общее благо, нужно много основательныхъ и твердыхъ знаній объ отношеніи человѣка къ обществу и ко всему внѣшнему міру; чтобы *полюбить* общее благо, нужно воспитать въ себѣ эти здравыя понятія, довести ихъ до степени сердечныхъ, глубочайшихъ убѣжденій, слить ихъ съ собственнымъ существомъ своимъ. Но и этого еще мало отдѣльному человѣку для того, чтобы по идеѣ любви къ общему благу расположить всю свою дѣятельность. Тутъ уже силы одного человѣка ничтожны: нужно, чтобы большинство общества прониклось тѣми же убѣжденіями, достигло такой же степени развитія». Какъ видите, очень долгая пѣсня,—до того долгая, что даже странно ставить вопросъ: когда же придетъ настоящій день? Очевидно, онъ придетъ не скоро, а что же дѣлать до тѣхъ поръ? Народъ—въ летаргіи, обществу нужно еще расти, и расти до сознанія общаго блага,—спрашиваемъ опять: что же дѣлать? Для *насъ* этотъ вопросъ нисколько не страшенъ: вѣдь мы уже сказали, что вѣримъ въ идеи, но не вѣримъ въ панацеи. Но въ то время этотъ вопросъ не только ставился, а и рѣшался въ смыслѣ общеобязательномъ. Одно изъ рѣшеній Добролюбова мы видѣли: «будьте живы, а не мертвы», и, разумѣется, это рѣшеніе можетъ быть принято цѣликомъ, потому именно, что оно ничего не предрѣшаетъ, ничѣмъ не связываетъ свободы нашихъ дѣйствій. Въ переводѣ съ метафорическаго языка на простой оно значитъ вотъ что: работайте въ размѣрѣ своихъ силъ и способностей на пользу общую. Это удобопонятно и удобоисполнимо. Но выслушайте слѣдующій совѣтъ Добролюбова, болѣе частнаго и практическаго характера: «если вы хотите вести дѣла честно, не бойтесь вступать въ серьезный, рѣшительный споръ съ самодурами. Изъ ста случаевъ въ девяносто девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшитесь заранѣе, что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы оттого угрожала вамъ дѣйствительная опасность. Первая ваша попытка заикнуться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура; но вы, все-таки, возражайте. Возраженіе ваше встрѣчено будетъ бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными. Но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши выраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера,—и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно. Самодуръ возненавидитъ васъ, но еще болѣе испугается. Онъ радъ будетъ прогнать и погубить васъ; но, зная, что съ вами много хлопотъ, самъ постарается избѣжать новыхъ столкновеній, сдѣлается даже очень уступчивъ: во-первыхъ, у него нѣтъ внутреннихъ силъ для равной борьбы на-чистоту; во-вторыхъ, онъ вообще не привыкъ къ какой бы то ни было послѣдовательной и продолжительной работѣ, а бороться съ человѣкомъ, который смѣло и неотступно пристаетъ къ вамъ,—это тоже работа не малая...»

Дѣлая эту выписку, мы произвели кое-какія незначительныя купюры

съ тою цѣлью, чтобы придать мысли Добролюбова болѣе общій характеръ. Добролюбовъ имѣлъ собственно въ виду чиновника, *чиновнику* указывалъ пріемы борьбы съ самодурами-начальниками и въ этомъ видѣ его совѣты до того отчаянно-непрактичны, что вызываютъ невольную улыбку: въ распоряженіи каждаго начальника имѣется знаменитый третій пунктъ, съ помощью котораго легко можно управиться съ департаментскими и канцелярскими протестантами. «У сильнаго всегда безсильный виноватъ»,—въ чиновничьемъ мірѣ это положеніе пользуется законною санкціей. Но практична ли программа Добролюбова борьбы съ самодурами даже въ общемъ смыслѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ другой статьѣ Добролюбова, и именно какъ отвѣтъ на еще болѣе общій вопросъ: «когда же придетъ настоящій день?» Настоящій день придетъ тогда, когда самодурство будетъ побѣждено, поставлено въ легальныя рамки, ограничено закономъ. Ну, какъ же добиться этого? Добролюбовъ разсказываетъ исторію одного доктора, который еще на гимназической скамейкѣ началъ войну со всяческими злоупотребленіями и неправдами, энергично продолжалъ ее на службѣ, былъ разжалованъ въ фельдшерскіе помощники и «пробывши двѣ недѣли въ этой должности и не выдержавъ нарочито-звѣрскаго обращенія съ нимъ, застрѣлился». Эту трагическую исторію кто-то «разсказалъ» Добролюбову очевидно въ видѣ аргумента противъ его приглашенія воевать съ самодурствомъ даже въ одиночку. Аргументъ возымѣлъ свое дѣйствіе на Добролюбова, который въ статьѣ «Наканунѣ» и видоизмѣнилъ свою програму слѣдующимъ образомъ. «Во всѣхъ его (доктора-героя) поступкахъ,—говоритъ Добролюбовъ,—нѣтъ ничего такого, чтобы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать такимъ образомъ, нужна самоотверженная рѣшимость гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы дѣйствительно достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не сознаетъ надобности и возможности такого дѣла и не понимаетъ того, что его окружаетъ. Онъ не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами, и воображаетъ, что всякое замѣченное имъ зло есть не болѣе какъ злоупотребленіе прекраснаго установленія, возможное лишь какъ рѣдкое исключеніе. При такихъ понятіяхъ русскіе герои только и могутъ, разумѣется, ограничиваться мизерными частностями, не думая объ общемъ».

Герой-докторъ, конечно, съ полнымъ правомъ могъ бы замѣтить Добролюбову: вѣдь я точнѣйшимъ образомъ дѣйствовалъ по предложенной вами программѣ. Я «рѣшился заранѣе на полусловѣ не останавливаться и пойт[и] до конца»; я «возражалъ, не смущался и возвышалъ голосъ»; я «возоб[-] новлялъ разговоръ на другой и на третій день»; я «смѣло и неотступн[о] приставалъ». Если, по вашимъ словамъ, все это произошло отъ того, ч[то] я «не понималъ» окружающей жизни, «не хотѣлъ» видѣть круговой п[о-] руки и «воображалъ», что зло есть только злоупотребленіе, то, по вс[е-]

справедливости, вы должны раздѣлить со мной мою отвѣтственность за ошибку. Вы говорили: «будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно» а мнѣ вотъ пришлось застрѣлиться. Это ли выигрышъ?

Послѣ доктора — наша очередь побесѣдовать съ Добролюбовымъ. Конечно, самоотверженною рѣшимостью гораздо лучше воспользоваться «для дѣла большого, которымъ бы достигалось что-нибудь существенно-полезное». Только... только «какъ же такъ вдругъ?» Даже маленькія хорошія дѣла оказываются жизни не по плечу, а тутъ вдругъ большое дѣло... Намъ самимъ противно выписывать эти «трезвенныя» слова, ставить эти «трезвенные» вопросы, уподобляясь щедринскому Молчалину съ его знаменитой формулой: «нужно, голубчикъ, погодить». Противно! Но вѣдь иногда и жить становится противно, да вотъ живемъ же и будемъ жить до естественнаго конца, повторяя въ трудныя минуты именно эти нехитрыя слова: нужно, голубчикъ, погодить». Не Россія для насъ, а мы для Россіи. Поколѣніе, воспитавшееся на Добролюбовѣ и его единомышленникахъ, такъ называемые «семидесятники», дорогою цѣною оплатили свое право ставить какіе угодно вопросы, *если* въ нихъ нѣтъ личнаго, эгоистическаго элемента, *если* они оправдываются не только жизнью, но и разумомъ и совѣстью. «Батько, слышишь ли ты?» могло оно, какъ Остапъ, воскликнуть въ свои горькія минуты, и отвѣтъ могъ бы быть только одинъ: «Добре, сынку, добре!» Такъ вотъ мы ставимъ вопросъ: что дѣлать съ человѣкомъ, лежащимъ въ летаргическомъ снѣ? Отвѣтъ простъ: летаргія—болѣзнь, а стало быть ее надо лѣчить, только и всего. Но, Боже мой, за этимъ коротенькимъ и маленькимъ «только» какъ много подразумѣвается дѣла, разнообразнаго, живого и плодотворнаго! Открываются перспективы, которымъ конца края не видно, и если при такихъ условіяхъ вы поставите вопросъ: что дѣлать?—то докажете этимъ только свою собственную несостоятельность. Отъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка до захолустнаго школьнаго учителя всѣ могутъ дѣлать одно и то же великое дѣло, то дѣло, которое называется развитіемъ народнаго самосознанія. Sapienti sat.

«Реализмъ» шестидесятыхъ годовъ имѣлъ чисто-идеалистическую подкладку и этимъ объясняются его противорѣчія. Истинный реалистъ формируетъ свои идеалы, свои конечныя цѣли на основаніи фактовъ дѣйствительности и притомъ фактовъ *общихъ* и болѣе или менѣе постоянныхъ (сообразоваться съ текущими фактами, съ фактами дня, значитъ быть не реалистомъ, а оппортюнистомъ). Идеалистъ дѣлаетъ свои построенія, конечно, тоже на основаніи фактовъ, но фактовъ мало сказать—*общихъ*, а надо сказать—*всеобщихъ*. Вотъ для данной страны *общій* фактъ: масса ея населенія невѣжественна, живетъ безъ понятія о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи. Отсюда слѣдуетъ, что населеніе этой страны нуждается прежде всего въ просвѣщеніи, и вотъ поставляется вполнѣ реальная цѣль, возникаетъ вполнѣ жизненный *идеалъ*. Но вотъ *всеобщій* фактъ: всякій человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, желаетъ себѣ блага. Просвѣщеніе—благо; слѣдовательно просвѣщеніе явится само собой, въ силу

естественнаго стремленія каждаго человѣка къ лучшему. Это—чисто-идеалистическое разсужденіе, образчикъ котораго мы уже видѣли у Добролюбова. Но у Добролюбова есть цѣлая теорія такого смѣшаннаго характера, наполовину реалистическая, наполовину идеалистическая теорія, которой онъ придавалъ, повидимому, настолько серьезное значеніе, что дважды повторилъ ее въ однихъ и тѣхъ выраженіяхъ, почти буквально, въ статьѣ о Станкевичѣ и въ статьѣ о книгѣ Жеребцова (стр. 10 и 253 второго тома четвертаго изданія). Вотъ въ чемъ состоитъ эта теорія:

«Мы спросимъ: кто же когда-нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма и какое наше дѣйствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастья. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это счастье. Есть, конечно, грубые эгоисты, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое счастье въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственности, въ уничиженіи предъ собою другихъ и т. п. Но, вѣдь, есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей—тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ—тоже эгоистъ; вѣдь, все-таки *онъ*—именно *онъ* самъ—чувствуетъ удовольствіе при этомъ, вѣдь, онъ не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже если человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ и тогда эгоизмъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей».

И такъ далѣе: всѣ человѣческія дѣйствія происходятъ отъ эгоистическихъ побужденій и всѣ люди, безъ исключенія, величайшіе эгоисты. А что же такое альтруизмъ? Въ то время этого слова въ нашемъ языкѣ еще не было, оно явилось позднѣе, съ распространеніемъ у насъ ученія Конта, который и былъ настоящимъ авторомъ этого слова. Конечно, только *слова*, а не понятія: самопожертвованіе, самоотреченіе, самоотверженіе—все это чистѣйшія русскія слова, хорошо выражающія понятіе противоположное понятію себялюбія. Эта теорія эгоизма была однимъ изъ немногихъ пунктовъ, на которомъ сходились всѣ прогрессисты того времени, всевозможныхъ оттѣнковъ. Проповѣдывалъ ее Добролюбовъ, и проповѣдывалъ ее Писаревъ, который, по его собственнымъ словамъ, «почти ни въ чемъ» не соглашался съ Добролюбовымъ. Что же было привлекательнаго въ этой теоріи? Какъ теорія, она ровно ничего не объясняетъ и представляетъ собою весьма безплодную игру ума, напрасно обезцѣнивающую наши лучшія дѣйствія и душевныя движенія. «Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время величайшій эгоизмъ. Ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ, никакъ н[е] пойму». Это замѣчаніе сдѣлалъ Достоевскій, разсказавъ (Записки из[ъ] мертваго дома) объ одной старушкѣ, которая «казалось, назначеніем[ъ] жизни своей избрала помощь ссыльнымъ». Каждый читатель безъ тру[да]

припомнить изъ запаса своихъ наблюденій и своего опыта людей и поступки, о которыхъ можно сказать тоже самое: «ужъ въ чемъ тутъ эгоизмъ никакъ не пойму». Привлекательность этой теоріи для нашего юнаго реализма заключалась: во-первыхъ, именно въ ея внѣшней жесткости; во-вторыхъ, въ томъ, что источникомъ и верховнымъ регуляторомъ человѣческихъ дѣйствій она поставляла умъ. Бываютъ простодушнѣйшіе люди, воображающіе себя великими хитрецами, добрѣйшіе люди съ чрезвычайно суровыми манерами и грозною наружностью. Нѣчто очень похожее мы имѣемъ и въ данномъ случаѣ. Добролюбовъ,—мы видѣли этому примѣры,—питалъ такую глубокую вѣру въ человѣческую природу вообще и, въ частности, въ превосходныя свойства русскаго человѣка, что могъ опасаться упрека въ идеализаціи—не со стороны, а отъ самого себя. «Суровъ ты былъ,—сказалъ о Добролюбовѣ Некрасовъ,—да, къ самому себѣ». Но, «какъ женщину, ты родину любилъ», говоритъ дальше Некрасовъ и вотъ въ этомъ все дѣло. Страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣломудренная любовь зачастую выражается въ суровыхъ формахъ, которыя какъ бы маскируютъ чувство. Для такой любви не нужны изліянія и не нужны увѣренія. Добролюбовъ любилъ такою любовью не только родину, но и вообще человѣка, и «страшная» теорія безпримѣснаго эгоизма являлась какъ бы нѣкоторымъ коррективомъ къ этому вполнѣ идеалистическому, вполнѣ юношескому чувству. Съ другой стороны, эта теорія была привлекательна тѣмъ, что предлагалъ очень простой критерій для опредѣленія достоинства человѣка: умный человѣкъ — хорошій, добрый человѣкъ, глупый человѣкъ — злой, дурной человѣкъ. Дайте правильное умственное развитіе всѣмъ и каждому, и задача общежитія радикально рѣшена, злодѣянія и преступленія исчезнутъ. Это преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума составляетъ постоянную отличительную черту молодыхъ даровитыхъ людей и молодыхъ даровитыхъ обществъ. Двадцатилѣтнему юношѣ, уже вкусившему плодовъ отъ древа познанія, но еще не испытавшему силы страстей, жизнь представляется очень простой и подчинить ее отвлеченной мысли кажется ему дѣломъ нетруднымъ. Жизненный опытъ въ томъ и состоитъ, что шагъ за шагомъ разбиваетъ эту прекрасную иллюзію.

Объ эстетическихъ воззрѣніяхъ Добролюбова нѣтъ надобности говорить, потому что они опредѣлялись его общественными взглядами. Добролюбовъ часто и язвительно осмѣивалъ чистую эстетику, но, мимоходомъ, поспѣшая къ своему настоящему дѣлу—къ разъясненію смысла явленій жизни, воспроизведенныхъ тѣмъ или другимъ художникомъ. Онъ «родину какъ женщину любилъ», а искусство цѣнилъ лишь постольку, поскольку оно служило родинѣ. И родина не осталась неблагодарной: «родному краю вѣрно буду я извѣстенъ», писалъ Добролюбовъ незадолго передъ своею смертью, и теперь, по прошествіи тридцати пяти лѣтъ, едва ли найдется въ Россіи хорошо грамотный человѣкъ, который не зналъ бы его имени.

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты надъ нами...

М. Протопоповъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

Письма Знатнаго Иностранца *).

Переводъ съ рукописи.

Письмо десятое.

Дорогая Дженни!

Не исполняю своего обѣщанія описать вамъ подробно торжественный обѣдъ, на которомъ я вчера имѣлъ честь присутствовать, такъ какъ, во-первыхъ, сознаю, что мое описаніе будетъ слабо и недостаточно прочувствовано, и, кромѣ того, долженъ признаться, что, несмотря на крѣпость моего здоровья, позволяющую безъ риска для достоинства джентльмена выпить не малое количество спиртныхъ напитковъ, я, все-таки, не оказался на высотѣ вмѣняемаго положенія, и многое, что было послѣ жаркаго, припоминаю весьма смутно и—простите Дженни—съ точностью не могу даже сказать, когда я вернулся домой и кто именно меня привезъ въ гостиницу.

Смутно, впрочемъ, помню, что привезъ меня—и, кажется, въ коляскѣ—одинъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ, высокій, видный джентльменъ съ роскошною черною бородой, тоже, смѣю думать, не вязавшій, какъ здѣсь говорятъ, лыка, который называлъ себя то виконтомъ, то корреспондентомъ самой распространенной газеты, то директоромъ какого-то банка, то экспонентомъ, то не безъ хвастливости говорилъ, что онъ «prokwost», то-есть имѣетъ, по его словамъ, почетное званіе, соотвѣтствующее нашему званію лорда-провоста (разница только въ одной буквѣ) и при этомъ хохоталъ, какъ безумный. Помню съ тою же смутностью, что джентльменъ бранилъ англичанъ за то, что они торгаши, забывшіе совѣсть, и имѣютъ дурацкій парламентъ, въ которомъ нѣсколько сотъ человѣкъ говорятъ глупости, но однако въ лицѣ моемъ и похвалилъ англичанъ, отдавая справедливость, что я не дуракъ выпить и въ этомъ отношеніи не хуже русскаго. Затѣмъ припоминается мнѣ, что, когда мы ѣхали по мосту, названный джентльменъ

---

*) *Русская Мысль*, **кн. IX.**

настойчиво требовалъ отъ меня немедленнаго заключенія союза, признанія своего отечества первенствующею державой, уступки Константинополя и выдачи его величества турецкаго султана Абдулъ-Гамида, причемъ выражалъ довольно странное даже и для совершенно пьянаго человѣка намѣреніе: назначить турецкаго султана исправникомъ или полицеймейстеромъ, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія всѣхъ этихъ требованій, отнять у насъ Индію, а меня, Дженни, высадить изъ коляски и затѣмъ выкупать въ Окѣ.

— Не бойсь, у васъ такой штуки цѣлый парламентъ не придумаетъ, а у насъ, братъ, каждый умный патріотъ это сдѣлаетъ!—прибавилъ, смѣясь, джентльменъ.

Надо полагать, что этотъ ультиматумъ, сопровождаемый притомъ окрикомъ кучеру остановиться, чтобы топить англичанина, который бунтуетъ противъ Россіи, отрезвилъ меня на нѣсколько мгновеній. Въ головѣ моей блеснула мысль о томъ, что русскіе въ пьяномъ видѣ совершаютъ воистину героическіе подвиги, и, взглянувъ на джентльмена, я не безъ страха понялъ, что онъ готовъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, да и кучеръ, добродушно скалившій зубы, обернувшись къ намъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ такого намѣренія и только заявилъ, что меньше какъ рубль на чай онъ не возьметъ, чтобъ «уважить», какъ онъ выразился, хорошаго барина, причемъ прибавилъ, что вчера тоже топили купца и за это дали три рубля. И я, Дженни, малодушно принялъ всѣ условія: призналъ Россію первенствующею державой, отдалъ ей Константинополь и, разумѣется, выразилъ немедленное согласіе и на новое требованіе пьянаго джентльмена назначить губернаторомъ въ Константинополь корреспондента Амфитеатрова, а полицеймейстеромъ въ Нижній султана, не оспаривая и мотивовъ этихъ назначеній, а именно: въ первомъ случаѣ для поощренія печати, а во второмъ—чтобы почтить нижегородцевъ и сдѣлать ихъ окончательно счастливыми.

Что я малодушно на все это согласился, думаю, на томъ основаніи, что джентльменъ вмѣсто того, чтобы съ помощью кучера исполнить свою, какъ онъ скромно выразился, «штуку», то-есть бросить въ Оку, заключилъ меня въ свои объятія и сталъ цѣловать, охотно признавая на этотъ разъ англичанъ первою націей послѣ русскихъ. При этомъ онъ кричалъ «ура», обѣщалъ посѣтить Англію и приказалъ продолжать путь, что, казалось, нѣсколько изумило и опечалило кучера, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ.

Что было за тѣмъ, заѣзжали ли мы куда-нибудь, пили ли что-нибудь по случаю заключенія союза, я, по совѣсти, не помню. Знаю только, что сегодня я проснулся въ своемъ номерѣ поздно, съ адскою головною болью и не безъ смущенія увидалъ, что спалъ во фракѣ. Припомнивъ, насколько было возможно, вчерашнія обстоятельства и разнообразіе званій провожавшаго меня джентльмена, я первымъ дѣломъ, Дженни, хватился за бумажникъ и за часы. По счастію, часы были на мѣстѣ и въ бумажникѣ все цѣло, и мнѣ стало совѣстно за свои подозрѣнія, вызванныя, впрочемъ, нѣсколько страннымъ поведеніемъ неизвѣстнаго мнѣ джентльмена.

Причина такого состоянія, въ какомъ я былъ вчера и въ какомъ многіе русскіе бываютъ ежедневно послѣ торжественныхъ обѣдовъ, кроется, главнымъ образомъ, въ здѣшнемъ обычаѣ пить передъ обѣдомъ водку и нерѣдко разныхъ сортовъ, заѣдая вкусною и разнообразною закуской, которой обыкновенно бываетъ уставленъ закусочный столъ. При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что необходимо чокаться со знакомыми и что выпить пять рюмокъ считается обязательнымъ, по крайней мѣрѣ для джентльмена, не желающаго быть обвиненнымъ въ недостаткѣ патріотизма (водка, Дженни, русскаго производства). Многіе, преимущественно болѣе молодые джентльмены, пьютъ по десяти рюмокъ и даже болѣе. Дѣлаютъ это они, во-первыхъ, для того, чтобы хотя отчасти вознаградить себя за вычетъ и часто довольно чувствительный (два съ половиной фунта, напримѣръ) изъ жалованья на обѣдъ въ честь патрона или какого-нибудь выдающагося общественнаго дѣятеля, и, во-вторыхъ, для того, чтобы, какъ здѣсь говорятъ, «заложивъ» фундаментъ въ количествѣ десяти рюмокъ, не испытывать робкаго смущенія отъ присутствія юбиляровъ и почетныхъ гостей и любоваться милыми чертами лицъ безъ невольнаго трепета, а, напротивъ, съ переполненными чувствами сердца.

Нечего и прибавлять, что участіе въ чествованіи начальствующихъ лицъ ни для кого не обязательно, а слѣдовательно и вычетъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но такъ какъ русскіе, къ большой чести ихъ, весьма почитаютъ своихъ патроновъ, то почти никогда не отказываются отъ предложенія принять участіе въ обѣдахъ и, въ иные урожайные на разныя юбилейныя торжества мѣсяцы, многіе незначительные чиновники, случается, не получаютъ ни пенни жалованья, полностью удерживаемаго господами казначеями на разныя чествованія, юбилейныя подношенія, встрѣчи и проводы.

Такимъ образомъ обычай накачиваться водкой передъ обѣдомъ, при всей своей привлекательности, какъ быстраго средства для подъема духа еще до начала обѣда, является, въ то же время, къ сожалѣнію, и источникомъ другихъ, болѣе гибельныхъ, послѣдствій, такъ какъ заранѣе и неодолимо уже предрасполагаетъ къ самому фамильярному обращенію съ хересомъ, мадерой, портвейномъ и другими винами за обѣдомъ. Если ко всему этому прибавить, что безчисленные тосты, сопровождаемые шампанскимъ, начались со второго блюда,—по случаю большого количества почетныхъ гостей и обилія, какъ оказалось, заслугъ виновника торжества,— и продолжались въ теченіе обѣда вплоть до того времени, когда, по стереотипному выраженію современныхъ газетныхъ отчетовъ, «среди присутствующихъ идетъ непринужденная и оживленная дружеская бесѣда», то-ест[ь], переводя на настоящій языкъ, когда пьютъ уже безъ тостовъ, не отлича[я] коньяка отъ шампанскаго и портера отъ ликера, и когда всѣ, пот[е]рявши способности излагать мысли, выражаютъ лишь восторженныя чу[в]ства болѣе или менѣе членораздѣльными звуками, — если, говорю, в[се] это принять во вниманіе, то не трудно представить себѣ, въ како[мъ]

видѣ разъѣзжаются послѣ «дружеской бесѣды» съ обѣдовъ, и легко понять, что даже такому крѣпкому человѣку, какъ я, трудно было устоять противъ совокупности всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ. Наконецъ, не забудьте, Дженни, что мнѣ, какъ иностранцу, просто-таки было бы неприлично не пить за здоровье и благоденствіе тѣхъ почтенныхъ лицъ, какъ бы ни велико было ихъ количество, въ честь которыхъ всѣ пили.

Вотъ, Дженни, смягчающія обстоятельства, которыя объясняютъ, почему я не совсѣмъ ясно помню застольныя рѣчи и очень смутно какъ характеръ дружеской бесѣды, такъ и все то, что произошло послѣ нея, когда мы всѣ съ почетными гостями во главѣ отправились въ кафе-шантанъ Омона— учрежденіе на ярмаркѣ, кстати сказать, несравненно охотнѣе посѣщаемое публикой, чѣмъ выставка. Тѣ же обстоятельства заставляютъ меня вмѣсто своего описанія послать вамъ въ переводѣ отчетъ объ обѣдѣ, напечатанный въ одной изъ газетъ.

Изъ этого основательнаго отчета вы познакомитесь вполнѣ какъ съ настроеніемъ присутствовавшихъ, такъ и съ замѣчательными рѣчами, и убѣдитесь, какіе значительные успѣхи сдѣланы въ послѣднее время русскими въ ораторскомъ искусствѣ и въ выборѣ темъ для рѣчей. Наконецъ, уже самый тотъ фактъ, что газетные репортеры допускаются нынче на банкеты и записываютъ рѣчи начальствующихъ лицъ для напечатанія въ газетахъ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ преимуществахъ, какихъ достигла русская пресса.

Отмѣчу еще одно обстоятельство, тоже говорящее въ пользу культурныхъ успѣховъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ прежнія времена, чествованія и пиршества въ честь наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей хотя и бывали не рѣдки, особенно въ провинціальныхъ городахъ (напримѣръ, при прощаніи съ начальникомъ, который не особенно надоѣдалъ гражданамъ, или при назначеніи новаго, въ видахъ его умилостивленія), но, все-таки, не безпрерывны, какъ теперь (въ Нижнемъ за это время даются обѣды въ честь кого-нибудь ежедневно) и далеко не имѣли, если такъ можно выразиться, характера игривости и, въ то же время, нѣкоторой откровенной вразумительности, а—исключительно семейный и даже идиллическій, символизующій, съ одной стороны, выраженіе сердечныхъ чувствъ не въ длинныхъ дифирамбахъ, составляемыхъ часто при помощи ученыхъ и литераторовъ, а иногда даже и поэтовъ, а въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ: «мы тебя любимъ сердечно, будь намъ начальникомъ вѣчно». Этими словами и довольствовались, не вдаваясь, какъ теперь, ни въ исторію, ни въ статистику, ни въ промышленность, ни въ торговлю. Въ свою очередь и виновники торжествъ ограничивались лаконическимъ выраженіемъ благодарности за чувства, въ которыхъ, разумѣется, и не сомнѣвались, и многократно повторяли одно лишь слово «благодарю», которое произноситъ и ученый моржъ на выставкѣ, и, не увлекаясь въ сферу политики или оцѣнки своей собственной дѣятельности, частенько-таки засыпали къ жаркому, такъ какъ и возрастъ чествуемыхъ въ тѣ времена лицъ былъ обыкновенно тотъ преклонный (между шестидесятью и восьми-

десятью годами), когда нельзя уже ни много говорить, ни много слушать, ни много выпить.

Какъ бы для сравненія съ тѣмъ, что вы прочтете въ газетномъ описаніи, въ памяти моей возстаетъ одинъ изъ юбилейныхъ обѣдовъ въ Петербургѣ, на которомъ я имѣлъ честь присутствовать десять лѣтъ тому назадъ. Чествовали одного почтеннаго старца, который непрерывно и безропотно просидѣлъ ровно пятьдесятъ лѣтъ на одномъ и томъ же креслѣ (обивка, впрочемъ, мѣнялась) и одинъ только разъ въ теченіе полувѣковой своей службы не безъ грусти принужденъ былъ на два мѣсяца оставить это кресло и уѣхать въ отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія и получивъ подъемныя,—такъ называется, Дженни, денежная выдача, имѣющая назначеніе поднять человѣка съ мѣста,—для излѣченія icshias'а, болѣзни сѣдалищнаго нерва, полученной имъ отъ продолжительнаго сидѣнья.

Нечего и говорить, что подобный рѣдкій примѣръ пятидесятилѣтняго сидѣнья на одномъ и томъ же креслѣ (кресло это, довольно старенькое, стояло въ залѣ, гдѣ происходило торжество), по справедливости, заслуживало чествованія, и на обѣдъ собралось не мало лицъ,—сослуживцевъ, подчиненныхъ, друзей и знакомыхъ,—желавшихъ почтить юбиляра. Его ввели подъ руки,—до того онъ былъ старъ и, быть-можетъ, взволнованъ,—два его сверстника и ближайшіе товарищи, такіе же почтенные старцы (изъ коихъ одинъ заплеталъ ногой, а другой страдалъ подергиваньемъ руки) и даже не подвели къ закусочному столу, а прямо усадили на почетное мѣсто, предусмотрительно подвязавъ юбиляру подъ подбородокъ салфетку. Такимъ образомъ присутствующимъ по-неволѣ пришлось наскоро выпить одну, другую рюмку водки и садиться за столъ. Обѣдъ прошелъ въ умиленномъ созерцаніи почтеннаго старца, котораго поочередно кормили его сверстники. Тосты начались только за жаркимъ. Первый тостъ предложилъ старецъ, заплетавшій ногой, и ограничившись краснорѣчивымъ указаніемъ руки на кресло, пожелалъ юбиляру еще долгое время сидѣть на томъ же креслѣ для пользы отечества и для радости сослуживцевъ. Раздалось оглушительное «ура», и вслѣдъ затѣмъ всѣ пропѣли: «мы тебя любимъ сердечно». Юбиляръ кивалъ головою, гладкою и голою, какъ колѣно, и плакалъ, причемъ слезы утирали ему его ассистенты. Вообще тосты были кратки и немногочисленны, и только одинъ изъ присутствовавшихъ, относительно молодой джентльменъ лѣтъ сорока, ухитрившійся, несмотря на краткость времени выпить десять рюмокъ водки и, какъ говорили, замѣчательный ораторъ, благодаря своему краснорѣчію сдѣлавшій карьеру, позволилъ себѣ обратить вниманіе почтеннаго собранія на замѣчательны[illegible] общественныя заслуги юбиляра, помимо дѣйствительно безпримѣрнаго е[illegible] сидѣнья на одномъ и томъ же креслѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ,—в[illegible] важную, чреватую послѣдствіями, реформу, главная честь въ которой при[illegible] надлежитъ маститому юбиляру, а именно на перемѣну обивки зелена[illegible] цвѣта на цвѣтъ «Бисмаркъ». Эта реформа, проведеніе которой, по сл[illegible] вамъ оратора, стоила не мало трудовъ и благородныхъ усилій, благ[illegible]

даря противодѣйствію со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* и многихъ вліятельныхъ лицъ, усматривавшихъ въ ней вредное либеральное новшество, эта реформа,—горячо продолжалъ ораторъ,—была искусно проведена и, какъ всѣмъ извѣстно, не поселила никакихъ смутъ въ умахъ, а вызвала только горячую благодарность и вселила по своей плодотворности увѣренность, что высокочтимое имя юбиляра, связанное съ этой реформой, перейдетъ въ потомство и наши правнуки съ гордостью и умиленіемъ будутъ повторять: «Это свершилъ онъ!»

Юбиляръ, подремывавшій уже съ третьяго блюда и, вѣроятно, потрево женный однимъ изъ своихъ сосѣдей, внезапно открылъ глаза и слушалъ оратора съ серьезнымъ и не совсѣмъ довольнымъ выраженіемъ блѣднаго, худого и, видимо, утомленнаго лица. И когда ораторъ, нѣсколько смущенный этимъ видомъ юбиляра, не любившаго, какъ потомъ объясняли, вспоминать «грѣхи молодости»,—кончилъ рѣчь, замѣтно скомкавъ ее, то потенный юбиляръ съ твердостью и внушительностью, изумительными для го лѣтъ, рѣшительно отклонилъ отъ себя приписываемую ему честь реформы и значительно прибавилъ, что онъ во всю свою жизнь только безпрекословно исполнялъ распоряженія ближайшаго начальства и не позволялъ себѣ обсуждать ихъ даже и мысленно, и если что-нибудь и сдѣлалъ полезнаго въ своей скромной сферѣ дѣятельности, то потому только, что никогда не разсуждалъ («ни одного раза въ жизни»,—подчеркнулъ онъ) и имѣлъ ближайшихъ помощниковъ, которые тоже никогда не разсуждали, а неуклонно исполняли свой долгъ, сидя на назначенныхъ имъ креслахъ. Что же касается оцѣнки его скромныхъ заслугъ, то она единственно принадлежитъ ближайшему начальству и никому болѣе.

— И вамъ, господа, совѣтую руководствоваться этими правилами и никогда не разсуждать. Никогда!—прибавилъ юбиляръ.

Произнеся весь этотъ краткій спичъ безъ всякихъ ораторскихъ украшеній и даже не особенно связно, съ трудомъ пріискавая слова, такъ какъ, за преклонностью лѣтъ, сталъ косноязыченъ и привыкъ по своей должности говорить не публично, а келейно,—почтенный юбиляръ снова прослезился и, видимо изнемогавшій отъ усталости, снова задремалъ и чуть было не клюнулъ носомъ въ тарелку съ мороженымъ, проговоривъ, очнувшись: «слушаю-съ» вмѣсто «благодарю», которое долженъ былъ сказать въ отвѣтъ на какой-то новый тостъ. Въ виду всего этого, юбиляру дали только чашку кофе, но безъ ликеровъ, и затѣмъ отвезли домой, не оставивши его для «дружеской бесѣды». И по уходѣ юбиляра всѣ разъѣхались, опьяненные не столько спиртными напитками, сколько дѣйствительно трогательнымъ зрѣлищемъ невмѣняемаго старца, впавшаго въ дѣтство, но, все-таки, упорно не покидающаго своего просиженнаго кресла. И въ газетныхъ отчетахъ того времени подчеркнута была именно трогательная сторона чествованія; ни чьихъ рѣчей не было приведено, такъ какъ репортеры не приглашались тогда на торжественные обѣды, но за то въ одной

замѣткѣ красовалось поучительное прибавленіе: «Вотъ какъ любятъ русскіе люди добрыхъ начальниковъ».

И какая же громадная разница между тѣмъ патріархальнымъ обѣдомъ по пяти рублей съ персоны и вчерашнимъ, по двадцати пяти рублей съ человѣка, не считая экстренныхъ прибавленій. Разница рѣшительно во всемъ: и въ стремительности уничтоженія водки и вина, и въ характерѣ и блескѣ застольныхъ рѣчей, и въ шумномъ оживленіи послѣобѣденной дружеской бесѣды, и въ возрастѣ участвовавшихъ, и въ разнообразіи ихъ общественныхъ положеній. (Вчера на обѣдѣ были представители джентри, администраціи, магистратуры, купечества, науки, литературы, даже сценическаго искусства, въ лицѣ двухъ актеровъ только-что прогорѣвшаго въ Нижнемъ драматическаго театра и трехъ пѣвичекъ отъ Омона. Послѣднія, впрочемъ, прибыли только къ началу дружеской бесѣды, и, такъ какъ ихъ оказалось недостаточно, то, сколько помнится, было послано за подкрѣпленіемъ женскаго персонала.) Да, повторяю, разница дѣйствительно невѣроятная, свидѣтельствующая о быстромъ культурномъ ростѣ интеллигенціи страны.

До слѣдующаго письма, Дженни. Напишу его уже послѣ выѣзда изъ Нижняго-Новгорода. Да хранитъ васъ Всевышній. Обо мнѣ не тревожьтесь: я больше ни на одномъ банкетѣ не буду. И то ужъ я, по совѣту лакея, пилъ сегодня цѣлое утро огуречный разсолъ и благодарю Господа Бога, что вчерашнія похожденія окончились благополучно: кромѣ головной боли ничего. А, вѣдь, возможно было и выкупаться въ Окѣ или имѣть какія-нибудь недоразумѣнія съ провожавшимъ меня джентльменомъ, которыя могли окончиться весьма непріятно.

Такія непріятности послѣ торжественныхъ обѣдовъ здѣсь не рѣдкость. Сегодня утромъ трехъ джентльменовъ внесли въ номера нашей гостиницы на рукахъ, а одного молодого человѣка даже съ поврежденнымъ ухомъ.

По объясненію лакея, который, въ свою очередь, получилъ свѣдѣнія отъ извозчика, этому молодому человѣку повредилъ ухо товарищъ.

— Оба господина были довольно таки выпивши,—спокойно докладывалъ мнѣ лакей, видимо привыкшій къ такимъ происшествіямъ,—и между ними вышелъ споръ: кто раньше изъ нихъ выйдетъ въ генералы. Одинъ говоритъ: «я», другой кричитъ: «нѣтъ, я». Никто не соглашался уступить. Извѣстно, каждому лестно выйти въ генералы и получить губернію. Изъ-за этого они и вцѣпились другъ въ дружку. У нашего постояльца было прокушено ухо, а у того—щека.

Я освѣдомился, значительно ли поврежденіе, и лакей отвѣтилъ, что порядочно таки, и успокоительно прибавилъ:

— Заживетъ. И не съ такими поврежденіями, случается, привозятъ! Извѣстно: всероссійская выставка,—ну, и ежедневные обѣды по разнымъ случаямъ... Господа и загуливаютъ!

На этомъ кончаю.

Твой Джонни.

Письмо одиннадцатое.

Дорогая Дженни!

Десять дней, которые я пробылъ въ Нижнемъ, посѣщая ежедневно выставку,—конечно, весьма недостаточный срокъ, чтобъ осмотрѣть ее сколько-нибудь основательно и придти къ опредѣленному заключенію. Русскіе, правда, несравненно въ такихъ случаяхъ рѣшительнѣе. Достаточно имъ одного, другого дня бѣглаго обзора, чтобы быть въ восторгѣ и писать въ газетахъ восторженные дифирамбы русскому генію и мощи русскаго народа, какъ то дѣлали нѣкоторые литераторы и ученые. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что такихъ восторженныхъ отзывовъ о выставкѣ было немного, и, такимъ образомъ, вопросъ о томъ, дѣйствительно ли русская промышленность сдѣлала гигантскіе шаги, остается нерѣшеннымъ.

Но сдѣлала она эти гигантскіе шаги или нѣтъ, а дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству людей компетентныхъ и вникающихъ въ корень вещей, отъ этого потребителямъ не легче. Несмотря на охранительныя пошлины-несмотря на низкую рабочую плату здѣсь, потребители все-таки получаютъ товаръ не всегда доброкачественный и платятъ за него дорого. Крупные промышленники, увѣренные, что доступъ дешевыхъ продуктовъ изъ-за границы почти невозможенъ вслѣдствіе высокихъ пошлинъ, не особенно заботятся объ удешевленіи продуктовъ и за то получаютъ такую высокую прибыль, о какой въ Европѣ знаютъ только ростовщики, что не мѣшаетъ имъ, однако, при всякомъ случаѣ плакаться о бѣдственной своей участи и въ то же время содержать рабочихъ въ такихъ условіяхъ, которыя показались бы ужасающими въ другихъ странахъ.

Я не спеціалистъ-техникъ ни по какой отрасли промышленности и потому не вхожу въ оцѣнку доброкачественности экспонатовъ, но по личному опыту знаю, напримѣръ, что русское сукно и шерстяныя издѣлія и хуже, и дороже нашихъ, что русскіе носки отвратительны и носятся очень быстро. Знаю и то, что наши машины нельзя и сравнивать съ русскими, и, вѣроятно, не даромъ же морское министерство до сихъ поръ заказываетъ дорогіе механизмы для своихъ броненосцевъ въ Англіи.

Если крупная промышленность, благодаря особенному ея покровительству, и развилась, то этотъ фактъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ удешевленію продуктовъ потребленія, а слѣдовательно и къ благосостоянію массъ, и каково платить за русскую лопату или русскій плугъ втрое дороже, чѣмъ можно было бы платить за иностранные, еслибы не было высокихъ пошлинъ, про то имѣетъ основательное понятіе тотъ классъ населенія, которому нужны и плуги, и лопаты, и который одинъ главнымъ образомъ оплачиваетъ бюджетъ. И едва ли эти джентльмены испытываютъ патріотическую радость знаменитаго русскаго профессора Менделѣева оттого, что работаютъ русскимъ, хотя и дорогимъ, плугомъ. Я по крайней мѣрѣ сильно въ этомъ сомнѣваюсь, Дженни, и полагаю, что джентльмены деревни испытывали бы несравненно болѣе патріотической радости, еслибъ за плугъ или ло-

пату пришлось платить дешевле, хотя бы эти предметы были трижды иностраннаго происхожденія. Надо думать, что почтенному профессору Менделѣеву, имѣющему, по собственному публичному признанію, большое состояніе (вѣроятно, отъ научныхъ трудовъ), понятнѣе и ближе къ сердцу положеніе крупнаго промышленника, съ легкимъ сердцемъ платящаго своимъ рабочимъ гроши, чѣмъ положеніе человѣка плуга. Не даромъ же онъ въ своихъ рѣчахъ восхваляетъ промышленность и поноситъ земледѣліе.

Я не имѣлъ намѣренія оцѣнивать экспонаты,— для этого нужно быть техникомъ,—и считаю себя вправѣ сообщить вамъ лишь свои общія впечатлѣнія о выставкѣ. Признаюсь, они не особенно сильны и не особенно пріятны. Несмотря на изящество нѣкоторыхъ зданій, на роскошь многихъ витринъ, на богатство нѣкоторыхъ отдѣловъ, выставка производитъ впечатлѣніе чего-то мертвеннаго, чего-то искусственнаго, вызваннаго не общественнымъ починомъ и одобреніемъ и требованіями жизни. Вездѣ чувствуется, что все это собрано по приказанію и что на выставкѣ главное лицо—чиновникъ, притомъ придирчивый, сухой и весьма равнодушный къ живому дѣлу... Оттого-то, я полагаю, выставка и не оправдала надеждъ устроителей—убѣдить кого-то въ гигантскомъ промышленномъ прогрессѣ и привлечь массы публики. Какъ извѣстно, публики было очень мало,—до того мало, что выставка имѣла видъ Аравійской пустыни.

Затѣмъ долженъ сказать, что, при всемъ моемъ желаніи по возможности толково ознакомиться съ выставкой, я далеко не всегда имѣлъ къ тому возможность, вслѣдствіе отсутствія въ отдѣлахъ лицъ выставочнаго персонала, которыя могли бы объяснить мнѣ многое для меня непонятное и на что я долженъ былъ смотрѣть, хлопая лишь глазами. Мнѣ не разъ приходилось бывать въ интересующихъ меня отдѣлахъ именно въ тѣ часы, когда, по свидѣтельству оффиціальнаго органа выставочной администраціи, *Извѣстій Выставки,* должны даваться объясненія, и я не встрѣчалъ ни одной души изъ выставочнаго персонала, кромѣ сонныхъ сторожей, которые, разумѣется, ничего объяснить не могли и только на вопросы кого-нибудь изъ посѣтителей о томъ, есть ли кто изъ членовъ администраціи отдѣла, довольно находчиво отвѣчали, что «они только что были, но сейчасъ вышли», напоминая своими отвѣтами увѣренія отельныхъ швейцаровъ о неизмѣнно занятыхъ дешевыхъ номерахъ.

Быть можетъ, отсутствіе въ отдѣлахъ лицъ, дающихъ объясненія, во время моихъ посѣщеній было роковою случайностью (многіе посѣтители были счастливѣе меня), но многократная ея повторяемость во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о невѣрности оффиціальныхъ сообщеній и о нѣкоторомъ, конечно не преднамѣренномъ, а специфически-русскомъ легкомыслен но-добродушномъ издѣвательствѣ надъ публикой.

Вообразите себѣ, Дженни, одного изъ тѣхъ хотя бы десяти жаждущихъ просвѣтиться выставкой, для которыхъ, по словамъ устроителей, не жа затраченныхъ милліоновъ на ея устройство, такъ какъ этотъ избранны десятокъ, хотя бы и за милліонъ на каждаго, чему-нибудь научится и н

учить другихъ,—вообразите, говорю, такого джентльмена, быть можетъ, на трудовыя деньги пріѣхавшаго на выставку съ цѣлью поучиться и, такимъ образомъ, подтвердить цѣлесообразность выставки съ точки зрѣнія теоріи «десяти», который прибѣжитъ въ какой-нибудь отдѣлъ и... можетъ получить объясненія только отъ сторожа о томъ, что г. помощникъ отдѣла только что вышелъ. При такихъ обстоятельствахъ весьма вѣроятно, что и избранный десятокъ, при самомъ искреннемъ желаніи оправдать своимъ рвеніемъ затраченные на него милліоны, немногому научится, кромѣ развѣ того, чему онъ, какъ русскій, наученъ давно и безъ выставки, а именно, что вѣрить въ свидѣтельство оффиціальной выставочной газеты такъ же легкомысленно, какъ вѣрить въ «старинныя русскія одежды» выставочныхъ сторожей или въ категорическія увѣренія застольныхъ ораторовъ о гигантскихъ шагахъ.

Я намѣревался посмотрѣть машинный отдѣлъ въ то время, когда всѣ машины и станки въ ходу. Смотрю въ номеръ *Извѣстій Выставки* и читаю, что такое зрѣлище можно видѣть съ 11 до часа дня и съ 3 до 5. Прихожу въ двѣнадцатомъ часу и застаю всѣ машины въ такомъ же неподвижномъ состояніи, въ какомъ были, и нѣсколько сторожей. Публика—въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ—стояла и, хлопая глазами, то смотрѣла на машины, то на выставочную газету. То же дѣлалъ и я.

Наконецъ, я обратился къ сторожу за разъясненіемъ. Но онъ ничего разъяснить не могъ и, повидимому, недовольный, что безпокоятъ его вмѣсто того, чтобы, по справедливости, побезпокоить самаго главнаго коммиссара, куда-то исчезъ, и вскорѣ ко мнѣ подошелъ какой-то молодой человѣкъ, отрекомендовавшійся студентомъ и предложившій дать, если я пожелаю, объясненія насчетъ машинъ.

На вопросъ мой, отчего онѣ не въ ходу, какъ значится въ *Извѣстіяхъ Выставки*, студентъ отвѣчалъ:

— Въ эти часы машины никогда въ ходу не бываютъ.

— Но здѣсь напечатано!—проговорилъ я, указывая на газетный номеръ.

— Это такъ только объявляютъ...

Я спросилъ, что значитъ «такъ только», и студентъ не безъ нетерпѣнія отвѣтилъ, что это значитъ одинъ обманъ публики.

— Но зачѣмъ же объявлять завѣдомую ложь и вводить посѣтителей въ заблужденіе?

— Это ужъ не мое дѣло. Объ этомъ спросите въ управленіи выставкой или въ редакціи *Извѣстій Выставки*... Чортъ ихъ знаетъ, кто тамъ виноватъ...

Кто въ дѣйствительности виноватъ, я полагаю, что никакой самый ретивый чортъ не разберетъ, хотя бы и рѣшился спросить объ этомъ въ управленіи главнаго коммиссара, ибо, если вѣрить свѣдущимъ людямъ, управленіе и самъ генеральный коммиссаръ такъ заняты канцелярскою перепиской и сочиненіемъ разныхъ бланковъ и билетовъ, что имъ не до такихъ пустяковъ.

Какъ бы то ни было, а я по совѣсти могу только сказать, что милые русскіе и на выставкѣ словно бы выставляютъ на-показъ свои обычные патріархальные нравы.

Даже пристрастіе къ грязи выставлено было въ достаточномъ количествѣ въ кіоскахъ, гдѣ продаются прохладительныя воды, и въ пивныхъ, и въ ресторанахъ средней руки, въ одномъ изъ которыхъ даже подали пирогъ, начиненный пескомъ, если вѣрить сообщенію мѣстной газеты, вызвавшему горячую полемику. Я, слава Богу, пирога, начиненнаго пескомъ, не пробовалъ, но за то пришелъ въ ужасъ при видѣ того грязнаго полотенца, похожаго скорѣе на кухонную тряпку, какимъ продавщица водъ, молоденькая миссъ, хотѣла вытереть, вѣрнѣе—окончательно загрязнить стаканъ, и, признаться, лишился всякаго аппетита, когда, въ другой разъ, увидалъ, какъ грязные пальцы буфетчика утрамбовывали предназначавшійся мнѣ бутербродъ.

Если въ машинномъ отдѣлѣ и былъ студентъ, появившійся по вызову сторожа вслѣдствіе моей просьбы, то въ павильонѣ удѣловъ, горномъ, средне-азіатскомъ и морскомъ отдѣлахъ я не видалъ ни одной души, которая могла бы разъяснить мнѣ по своей спеціальности величіе и мощь ихъ отечества. Быть можетъ, эти души и «сейчасъ вышли», но могу удостовѣрить васъ, Дженни, что они такъ и не приходили, пока я осматривалъ и многаго не понималъ.

Ну, вотъ вамъ, Дженни, и всѣ мои впечатлѣнія. Въ концѣ концовъ, что тамъ ни говори, а ученый моржъ, переворачивающійся по велѣнію нѣмца и говорящій «благодарю», едва ли не былъ гвоздемъ выставки.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Нижняго открылся торгово-промышленный съѣздъ. Изъ газетъ я узналъ, что предсѣдателя съѣзда, почтеннаго г. Кобеко, члены благодарили за его безпристрастіе и за то, что онъ позволялъ высказываться. Не правда ли, характерно, Дженни, за что русскіе благодарятъ?

О ходатайствѣ съѣзда и о томъ, какое значеніе и практическое приложеніе имѣютъ у русскихъ ходатайства, до слѣдующаго письма.

Вашъ Джонни.

Съ подлиннымъ вѣрно:

К. Станюковичъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Кому весело живется?*—комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Виктора Крылова.—*Кремонскій скрипачъ* (*Le Luthier de Crémône*), комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Ф. Коппе, переводъ съ французскаго А. М. Невскаго. — Праздничные спектакли.)

18 ноября на сценѣ Малаго театра шли въ первый разъ двѣ пьесы: оригинальная комедія В. А. Крылова, *Кому жить весело*, и переведенная стихами съ французскаго А. М. Невскимъ одно-актная комедія *Кремонскій скрипачъ*. Въ нашемъ Маломъ театрѣ мы очень давно не слыхали такого веселаго смѣха, какъ на первомъ представленіи комедіи г. Крылова. Смѣхъ этотъ мы потому только не могли назвать «дружнымъ», что наша публика первыхъ представленій, вообще, не смѣшлива и не особенно впечатлительна. На половину, если не больше, это даже не настоящая «публика», а собраніе извѣстныхъ лицъ, знающихъ другъ друга по именамъ, по крайней мѣрѣ, являющихся на первыя представленія точно по какой-то обязанности, какъ на службу. А на службѣ, да по обязанности,—извѣстно, что не до смѣху. Въ антрактахъ мы слышали, какъ нѣкоторые мухортые «зоилы» презрительно обзывали пьесу г. Крылова «фарсомъ». Такое мнѣніе и это самое выраженіе попали даже въ печать, при отзывѣ о комедіи *Кому весело живется*. Ничего унизительнаго для автора и для его пьесы мы не видимъ въ томъ, что произведеніе его можетъ быть названо «фарсомъ»,—какъ бы разжаловано изъ чина комедіи въ низшую степень. Дѣло тутъ не въ названіи и не въ чинѣ, а въ достоинствѣ произведенія, по существу: умный фарсъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо лучше глупой комедіи. Фарсъ непремѣнно долженъ быть веселъ,—иначе это уже будетъ не «фарсъ»,—а потому самому онъ, конечно, лучше скучной комедіи. Мы думаемъ, что провести рѣзкую и опредѣленную черту, отличающую комедію отъ фарса довольно трудно, если,—повторяемъ,—рѣчь идетъ о произведеніяхъ умныхъ, веселыхъ и написанныхъ въ приличномъ тонѣ, а не въ «балаганномъ», гдѣ смѣхъ вызывается внѣшнею уродливостью, грубыми шутками или непристойными выходками. А за тѣмъ все зависитъ отъ исполнителей, такъ какъ, переступивши извѣстную мѣру въ изображеніи дан-

ныхъ лицъ, актеры могутъ превратить наилучшую комедію въ прескверный площадной фарсъ. Примѣры тому всѣ видали, а въ частности на таковой можно указать, говоря о комедіи *Кому весело живется*. Однимъ изъ достоинствъ этой пьесы мы почитаемъ то, что въ ней опредѣленно разработанъ сюжетъ, обозначенный въ заглавіи, и дается прямой отвѣтъ на поставленный въ заглавіи вопросъ,—какъ мы думаемъ,—далеко не праздный, по нашему времени. Оглянитесь, добрый нашъ читатель, вокругъ себя и скажите, положа руку на сердце:—кому весело живется?—«Сөврасу безъ узды», проматывающему «тятенькины» капиталы? Сѣдѣющему или посѣдѣвшему сорванцу, пограбившему, сколько удалось вездѣ, гдѣ плохо лежитъ, и покупающему наслажденія тамъ, гдѣ они продаются? Или женамъ такихъ господъ и ихъ дочерямъ? Или тѣмъ дамамъ, которыя являются сотрудницами въ проматываніи наслѣдственнаго или наворованнаго? Всѣ отлично знаютъ и сами эти господа разудалаго житья, что живется имъ паскудно, но совсѣмъ не весело, что позади «савраса безъ узды» стоитъ судебный приставъ съ цѣпочкой, а позади сорванца—судебный приставъ, вооруженный еще того посолиднѣе. Такихъ господъ г. Крыловъ въ своей комедіи не трогаетъ. Его герой безпечальнаго, веселаго, житья—помѣщикъ Отродимцевъ (г. Рыбаковъ), а героиня—дочь этого помѣщика, Викторина (г-жа Лешковская). Помѣщикъ онъ, впрочемъ, бывшій, такъ какъ всѣ его помѣстья распроданы, а капиталы ушли на фабрики, отправившіяся слѣдомъ за имѣніями въ руки всякихъ плутовъ, обобравшихъ слишкомъ довѣрчиваго и добродушнаго предпринимателя. Друзья Отродимцева, его кумъ Покорковъ (г. Макшеевъ), его кума, Вѣра Андреевна Покоркова (г-жа Садовская), ихъ сынъ и крестникъ Отродимцева, Владиміръ Сергѣевичъ (г. Садовскій 2), ждутъ Отродимцевыхъ къ себѣ на дачу, близъ Москвы. Ждутъ супруги Покорковы своего милаго кума и глубоко печалуются о несчастьи, постигшемъ Отрадимцева и его дочь, окончательно разоренныхъ продажею фабрики. Къ встрѣчѣ гостей хозяева заготовили даже приличествующія обстоятельствамъ соболѣзнующія физіономіи и плаксивые тоны голосовъ. Хозяевамъ сочувствуетъ зашедшая къ нимъ съ своей сосѣдней дачи вдова генеральша Кустова (г-жа Никулина) съ молоденькою дочкой Лёлей (г-жа Яблочкина 2). Чтобы не мѣшать скорбному свиданію друзей, генеральша и ея дочка уходятъ на время. Являются Отродимцевъ и Викторина, и къ неописуемому изумленію Покорковыхъ, съ ними врывается въ усадьбу самая бодрая веселость. Тужить имъ нѣтъ ни малѣйшаго повода: фабрика продана, и великолѣпно,—на ней Отродимцевъ одичалъ, одеревенѣлъ, чуть самъ не превратился въ маховое колесо,—по его словамъ. Теперь онъ опять свободенъ. А что касается денегъ, то это пустяки, у него въ головѣ такіе планы, осуществленіе которыхъ дастъ ему снова богатство, а на самое ихъ осуществленіе найдется денегъ, сколько угодно, у тѣхъ, у кого они лежатъ безъ дѣла и безъ пользы... Да вотъ у самихъ Покорковыхъ капиталъ лежитъ глупѣйшимъ манеромъ въ банкѣ. Но Отродимцевъ уже «распорядился», сторговалъ для своихъ друзей, почти купилъ большое имѣ

ніе...—Какъ купилъ? — ужасаются Покорковы. — Такъ вдругъ! Нельзя вдругъ!... Отродимцевъ слушать ничего не хочетъ, повѣреннаго продавца онъ привелъ съ собой, тотъ ждетъ въ домѣ, дѣло надо сейчасъ кончать, не то изъ рукъ ускользнетъ... Имѣніе богатѣйшее, продается крайне дешево, можно устроить сахарный заводъ... Покоркова растеряна, Покорковъ ошеломленъ, Отродимцевъ уводитъ его, какъ тельца на закланіе, подписывать запродажную запись. Покончивши съ этимъ, Отродимцевъ встрѣчается съ генеральшей Кустовой, припоминаетъ, что она близкая родственница очень важному графу, и тотчасъ же устремляется на этого графа съ проектомъ необычайно выгоднаго предпріятія. Таковъ пока герой Героиня его дочь, Викторина, раздѣляетъ всѣ взгляды и увлеченія отца, вѣритъ въ него и въ его правила, недопускающія унынія и скотскаго счастья въ тепломъ хлѣвѣ у полнаго корыта. Викторина росла вмѣстѣ съ Владиміромъ Покорковымъ, она съ нимъ на ты, удивлена и за него оскорблена его ухаживаніемъ за Лёлей, дочкой генеральши, которая прилаживаетъ наслѣдника большого состоянія себѣ въ зятья, разсчитывая надѣлить его чинами и положеніемъ, при помощи дядюшки-графа. Лёля— восхитительная барышня, созданная, воспитанная и выдрессированная для того, чтобы, по выбору и при содѣйствіи maman, благопріобрѣсти подходящаго мужа. На этотъ конецъ она природой и воспитаніемъ надѣлена всѣмъ необходимымъ: хорошенькою мордочкой, ангельскою улыбкой, нѣжными взглядами, прилично-размѣренною игривостью, заученными фразами, протекціей важныхъ родственниковъ, желаніемъ скорѣе «сдѣлать партію». Все такъ и наладилось, какъ желательно генеральшѣ и ея дочкѣ. Владиміръ сдѣлалъ предложеніе Лёлѣ и объявленъ женихомъ, графъ обѣщалъ дать ему хорошее мѣсто. Родители очень довольны, не одобряетъ этого только Викторина, сама влюбленная въ товарища своего дѣтства, но не ясно распознающая это новое чувство изъ-за старой, почти родственной дружбы. Молодая дѣвушка хорошо видитъ, что Лёля не годится Владиміру въ жены, что она ходячая кукла на свѣтскихъ пружинкахъ, приспособленная только манерничать и улыбаться Викторина въ папашу уродилась и имъ воспитана. Ей противна и будущая карьера Владиміра, въ которой его будетъ важный графъ тянуть на уши Викторина считала своего молодого друга неспособнымъ удовлетворяться чиновничьимъ благополучіемъ съ пустоголовою женой въ придачу. Наоборотъ, она мечтаетъ о томъ, что Владиміръ примется за такое дѣло, въ полезность и необходимость котораго она непоколебимо вѣритъ, несмотря на всѣ неудачи отца. Настоящее дѣло—не въ канцеляріяхъ, а на землѣ и для земли, въ деревнѣ и для народа, которому нужны образованные, честные и предпріимчивые люди, способные къ широкой дѣятельности, не имѣющей ничего общаго съ кулачествомъ, эксплуатаціей и расхищеніемъ народнаго богатства. Все это, начиная съ невѣсты и чиновничества и кончая перспективами возможной дѣятельности въ будущемъ, Отродимцева такъ основательно показываетъ въ нѣсколькихъ сценахъ Владиміру, что онъ начинаетъ бѣгать отъ своей невѣсты, скрываться отъ будущей тещи. Тѣмъ временемъ не-

унывающій Отродимцевъ вошелъ въ компанію съ графомъ, дядюшкой генеральши, пустилъ въ ходъ блестяще выгодное предпріятіе, отъ котораго важный графъ очень скоро отстранилъ слишкомъ довѣрчиваго предпринимателя, обобравши его какъ липку. Но и отъ этого Отродимцевъ не считаетъ нужнымъ падать духомъ и изнывать въ печали.—«Надули, обобрали и превосходно!—восклицаетъ онъ.—За то я обличилъ мошенниковъ! Въ глаза изобличилъ... и считаю этотъ день счастливѣйшимъ въ моей жизни...» Генеральша Кустова находитъ, однако, что такое изобличеніе ея дядюшки другомъ Покорковыхъ можетъ весьма повредить карьерѣ ея будущаго зятя, и, вообще, считаетъ пагубнымъ вліяніе Отродимцева на Владиміра, а потому убѣждаетъ супруговъ Покорковыхъ отдѣлаться поскорѣе отъ опасныхъ гостей, спровадить ихъ, по добру—по здорову, пока не поздно. Родители Владиміра признаютъ доводы генеральши резонными и, ради блага сына, приступаютъ къ осуществленію ея совѣтовъ, объясняютъ милому куму, что для счастья крестника ему слѣдуетъ отправляться куда-нибудь подальше отъ ихъ дома. Противъ этого Отродимцевъ ничего не имѣетъ, онъ готовъ уѣхать сейчасъ же и уходитъ, слѣдомъ за хозяевами, собираться въ путь. Въ ихъ отсутствіе Владиміръ понимаетъ, наконецъ, что любитъ онъ не свою невѣсту-куклу, а Викторину, и Викторина сознаетъ, что дружба ея давно превратилась въ настоящую любовь. Возвращающіеся родители застаютъ молодыхъ людей въ объятіяхъ другъ у друга. Бракъ съ генеральскою дочкой разстраивается, служебная карьера Владиміра заканчивается, онъ съ Викториной уѣдетъ въ деревню, устроитъ лѣсопильный заводъ... Всѣ довольны и счастливы, даже генеральша и Лёля, такъ какъ у нихъ, про запасъ, есть другой женихъ, побѣднѣе, правда, но пооснователънѣе—полковникъ.

Лица, выведенныя авторомъ, не особенно новы, но въ нихъ есть типическія черты, представленныя въ оригинальномъ освѣщеніи, благодаря тѣмъ взаимнымъ отношеніямъ, въ которыя эти лица поставлены въ комедіи. Во всякомъ случаѣ это—живыя лица, не карикатуры и не фантоши съ ярлыками добродѣтели или порочности. Это самые заурядные люди, по большей части симпатичные и хорошіе, вызывающіе своими словами и поступками добродушный смѣхъ, ни для кого не обидный, никого не карающій, ничего не изобличающій, а просто веселый смѣхъ, раздающійся потому, что эти люди говорятъ забавныя слова и фразы, иногда въ очень потѣшныхъ сопоставленіяхъ, превосходно придуманныхъ авторомъ и вполнѣ естественныхъ. Правда, по окончаніи пьесы, никакихъ высокихъ поученій изъ театра не уносишь, но за то не чувствуешь и той пустопорожней тяготы, какая остается послѣ «убійственныхъ», томительно скучныхъ пьесъ, разобранныхъ нами въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Выводъ изъ комедіи г. Крылова получается не крупный, что нисколько не мѣшаетъ ему быть хорошимъ и полезнымъ, по нашему времени, когда большинство россійскихъ обывателей отвыкло отъ смѣха и веселья, отдавшись съ одной стороны плачевному нытью, съ другой—дикой безшабашности въ разгулѣ и въ

наживѣ, въ погонѣ за дурацкими удовольствіями и за похищеніемъ всего, что не крѣпко приперто. Г. Крыловъ показалъ, что «весело живется» добрымъ и смѣлымъ, т.-е. обладающимъ такими сокровищами, которыхъ нельзя отнять ни обманомъ, ни силой. Разыграна пьеса безподобно, мы бы сказали безукоризненно, еслибы... не г-жа Яблочкина 2, уснастившая свою роль совершенно неумѣстнымъ шаржемъ, вызывающимъ смѣхъ въ райкѣ, отнюдь не желательный. Насъ удивляетъ, конечно, не г-жа Яблочкина, а распорядители, ставившіе комедію: какъ они не объяснили артисткѣ, что она должна изобразить хотя и глупенькую, но хорошо воспитанную барышню изъ общества если не высшаго, то все же приличнаго. Такъ не присѣдаютъ и, въ особенности, такъ не ходятъ дѣвушки порядочнаго круга, какъ то дѣлаетъ г-жа Яблочкина, направляясь къ балконной двери, послѣ сцены съ г-жею Лешковской. Вотъ такими штуками можно любую комедію превратить въ балаганный фарсъ.

Комедія Франсуа Коппе *Кремонскій скрипачъ*, не особенно хорошо переведенная стихами г. Невскимъ, переноситъ насъ въ Италію половины XVIII вѣка, въ домъ инструментальнаго мастера Феррари (г. Невскій). У Феррари—молоденькая дочь, Джіаннина (г-жа Юдина), и два ученика, очень некрасивый горбунъ Филиппо (г. Ѳедотовъ) и красавчикъ Сандро (г. Багровъ) Оба они влюблены въ Джіанину, а Джіаннина влюблена въ Сандро. Отецъ рѣшилъ отдать ее замужъ за того изъ своихъ учениковъ, кто на конкурсѣ получитъ премію за сдѣланную имъ скрипку. Послѣ испытанія скрипокъ дома, ни у кого не остается сомнѣнія въ томъ, что лучшею окажется скрипка Филиппо, къ великому отчаянію влюбленныхъ. Между тѣмъ горбунъ убѣждается въ любви Джіанины къ Сандро, ясно сознаетъ, что, одержавши побѣду на конкурсѣ и получивши руку Джіанины, онъ, жалкій и безобразный горбунъ, сдѣлаетъ несчастными и дѣвушку, и добраго товарища, да и самого себя. Непреклонный нравъ хозяина всѣмъ извѣстенъ. И вотъ, чтобы избавить любимую дѣвушку отъ неминуемой бѣды, Филиппо тайно подмѣниваетъ скрипки, свою кладетъ въ ящикъ Сандро, а его—въ свой ящикъ. Когда наступаетъ время идти на состязаніе, Филиппо изнемогаетъ подъ тяжестью приносимой имъ жертвы, отговаривается нездоровьемъ и проситъ Сандро отнести на конкурсъ обѣ скрипки... Нужно ли договаривать, что, безумствующій отъ любви и доведенный до отчаянія Сандро, въ свою очередь, дорогой перекладываетъ скрипки изъ одного ящика въ другой? Премія, а съ нею и невѣста достаются горбуну. Онъ великодушно отказывается отъ женитьбы и соединяетъ руки влюбленныхъ, къ общему удовольствію публики кремонской, явившейся на сцену привѣтствовать побѣдителя, и публики московской, радующейся тому, что пьеса кончилась. Пьеса разыграна очень старательно, но Кремона, ея скрипки и инструментальные мастера такъ далеки отъ насъ съ своими интересами, звуками и чувствами, что нелегкій трудъ переводчика стихами г. Невскаго пропалъ даромъ. Одно хорошо въ этой комедіи, какъ и въ комедіи г. Крылова, это то, что смотрѣть ихъ можно

повести юношей и дѣвушекъ-подростковъ безъ опасенія сдѣлать ихъ свидѣтелями такихъ приключеній и положеній, которыя показывать имъ въ лицахъ на сценѣ совсѣмъ не слѣдуетъ. А въ ряду пьесъ новѣйшаго репертуара указанное нами достоинство оказывается большою рѣдкостью. Весьма не мѣшало бы подумать объ этомъ нашимъ драматургамъ.

Дирекція театровъ для праздничныхъ утреннихъ спектаклей выбираетъ старыя пьесы, по возможности подходящія для юной публики, ради которой эти спектакли и должны существовать. Дирекція поступаетъ очень хорошо. Но эти утренники посѣщаются настолько малочисленною публикой, что значеніе ихъ можно признать почти ничтожнымъ *). Происходитъ это главнымъ образомъ отъ того, что даются старыя пьесы, и не только старыя, но и устарѣвшія, всѣмъ давно извѣстныя и ни для кого не интересныя. На этихъ утренникахъ играютъ преимущественно молодые артисты. И это превосходно. Но мы не видимъ основанія, почему бы тѣмъ же молодымъ людямъ не давать разыгрывать, при участіи одного—двухъ опытныхъ артистовъ, новыя пьесы, приличныя утреннему репертуару, и нѣкоторыя хотя и старыя, но давно забытыя пьесы,—веселыя и не глупыя комедіи, а таковыя въ архивѣ имѣются,—и ихъ публика пойдетъ смотрѣть не менѣе охотно, чѣмъ новыя произведенія. Относительно же вечернихъ праздничныхъ спектаклей, театральное управленіе поступаетъ неправильно, озабочиваясь, повидимому, болѣе интересами авторовъ, чѣмъ потребностями публики. Воскресенье—единственный день въ недѣлю, когда рабочіе люди всѣхъ классовъ—ремесленники, приказчики, конторщики, учителя и учительницы, живущіе уроками, служащіе въ банкахъ, продавщицы и пр., и пр.,—имѣютъ возможность отдохнуть и развлечься послѣ тяжелаго шестидневнаго труда. Большинство такихъ людей, болѣе или менѣе образованныхъ, не могутъ располагать своимъ вечеромъ въ будни. Ихъ дневной трудъ заканчивается не ранѣе 6—8 час. вечера, иногда позднѣе. Нужно время на обѣдъ и чисто физическій отдыхъ, такъ какъ всѣ они возвращаются домой уставшими, часто изнеможенными до того, что имъ уже не до театра и увеселеній. Наступаетъ, наконецъ, воскресенье, а на театральной афишѣ красуется пьеса, только-что провалившаяся на двухъ-трехъ представленіяхъ и обреченная праздничнымъ спектаклемъ навсегда распрощаться со сценой, давши кассѣ театра и автору то, что удастся на-послѣдокъ выжать изъ трудовыхъ деньжонокъ людей, которымъ развлеченіе необходимо и, кромѣ театра, дѣваться некуда. Не хорошо, а потому и не слѣдуетъ пользоваться почти безвыходнымъ положеніемъ трудящагося люда для поддержанія, хотя на одинъ спектакль еще, пьесы, признанной никуда негодною. Мы думаемъ, наоборотъ, для этой публики да-

*) Въ *Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ* мы имѣемъ послѣдній отчетъ за сезонъ 1894 — 1895 гг. Въ немъ, кромѣ рождественскихъ и масляничныхъ спектаклей, отмѣчено 5 воскресныхъ утренниковъ, которые дали такіе сборы: 1-й—414 р., 2-й—372 р., 3-й—334 р., 4-й—342 р., 5-й—161 р., тогда какъ полный сборъ ра-

вать надлежитъ не «отбросы», а надо заботливо выбирать лучшія пьесы, имѣющіяся въ распоряженіи театральнаго управленія.

Ан.

Третье квартетное собраніе. Малая зала освѣщена двумя электрическими люстрами. Публики настоящей не много, значительное число мѣстъ занято учениками консерваторіи. На эстрадѣ появляются артисты и исполняютъ квинтетъ Шуберта для струнныхъ инструментовъ соч. 163. Геніальный Шубертъ, находя свои музыкальные образы слишкомъ сконцентрированными, всячески старается разбавить ихъ ученостью и неожиданными модуляціями, вслѣдствіе чего получаются ненужныя длинноты, но въ общемъ все задушевно и мило. Публика съ интересомъ слѣдитъ за началомъ квартета, но послѣдующія части видимо ее утомляютъ. Исполнителямъ не даются шубертовскія «длинноты», получается скучность исполненія. Протестъ публики (нѣкоторой части) выражается въ напряженности взглядовъ, устремленныхъ на эстраду, а также (большей части) въ нѣкоторой сонливости позъ. Десятиминутный антрактъ нѣсколько освѣжилъ публику, и она шумно торопилась идти слушать второе отдѣленіе програмы. Заиграли квартетъ Моцарта для струнныхъ инструментовъ и ф.-п. G-moll, соч. 27. Ф.-п. по своему художественному воздѣйствію на насъ, по тому впечатлѣнію, которое производитъ его звуковые образы,—живо напоминаетъ намъ современную цивилизацію какого-нибудь африканскаго государства.

Есть въ этомъ государствѣ: церковь, школа, выборный муниципалитетъ и даже городовые, конечно,—только изъ черномазыхъ,—стоящіе гдѣ-нибудь на площади, обстроенной домами на европейскій ладъ. Но подъ покровомъ европейской внѣшности кроются ужасающая бѣдность и духовная несостоятельность. Какой-то шутникъ говоритъ, что на свѣтѣ больше всего докторовъ и барабанщиковъ, мотивируя это, по всей вѣроятности, легкостью давать медицинскіе совѣты, что не возбраняется всякому, и отбивать дробь по столу, что тоже легко можетъ дѣлать всякій. Легкость и общедоступность интерпретаціи сдѣлали ф. - п. самымъ популярнымъ инструментомъ, несмотря на его внутреннюю пустоту въ художественно-звуковыхъ образахъ. Конечно, быть выдающимся піанистомъ трудно, но и на бутылкахъ играть нужно выучиться. Если великіе музыканты писали для ф.-п., а нѣкоторые изъ нихъ даже спеціализировались въ композиціяхъ для ф.-п., то это объясняется, во-первыхъ, модою, успѣхомъ среди публики и кажущеюся его состоятельностью замѣнить оркестръ, да еще удобствомъ имѣть у себя всегда подъ рукою. Произведенія Шопена, Шумана, Листа—поэтому и трудны для исполненія, что они въ сущности произведенія оркестровыя, только написанныя для ф.-п. Появленіе піаниста на эстрадѣ нѣсколько развлекло публику. Г. Киппъ недурно справился съ ф.-п. партіей квартета, но слишкомъ манерно въ смыслѣ стиля исполненія; остальные подыгрывали тоже успѣшно. Совсѣмъ хорошо исполненъ былъ

квартетъ Мендельсона Es-dur, соч. 12. Такія произведенія совершенно по силамъ нашему московскому квартету. Canzonetta была даже повторена,—такъ понравилась она въ исполненіи публикѣ. Мендельсонъ, среди прочихъ знаменитыхъ композиторовъ, былъ безспорно одинъ изъ талантливыхъ и ученыхъ музыкантовъ своего времени, но онъ до такой степени слащавъ и маниренъ, что прослушать цѣлый его квартетъ нужно большое мужество. Только не русской публикѣ квартетныхъ собраній можетъ нравится такое произведеніе, какъ Canzonetta, написанная въ духѣ еврейскихъ пѣсенъ.

Четвертое квартетное собраніе ничего выдающагося по исполненію не представляло, развѣ только то, что исполнители видимо были не въ духѣ и играли сверхъ обыкновенія нестройно въ смыслѣ интонаціи. Исполняли квартетъ: Моцарта F-dur, соч. 120, и Бетховена Es-dur, соч. 74. Большій интересъ внесла г-жа Тиманова, исполнившая ф.-п. партію въ тріо Рубинштейна G-moll, соч. 15, № 2. Г-жа Тиманова—прекрасная піанистка, но мы отвыкли отъ такой игры, которая скользитъ только по клавишамъ, нисколько не затрогивая души слушателя. Въ ансамбляхъ же квартетовъ, тріо, требуется болѣе объективное отношеніе къ цѣлому произведенію, безъ преимущественнаго значенія какого-либо изъ инструментовъ даже въ сочиненіяхъ Антона Рубинштейна.

Во второмъ симфоническомъ собраніи исполнялась симфонія A-dur, соч. 54, Шарля Видора, профессора парижской консерваторіи и органиста церкви Парижской Богоматери. Дирижировалъ авторъ. Писаніе симфоніи является теперь чуть ли не обязанностью всякаго кончившаго курсъ консерваторіи. Авторы же, получившіе уже нѣкоторыя права на творчество, пишутъ ихъ, по всей вѣроятности, десятками, а можетъ быть и сотнями Но дѣло въ томъ, что писать симфонію, придерживаясь извѣстныхъ формъ, вещь не особенно трудная, но опредѣленныя формы еще не даютъ симфонію, какъ мы привыкли понимать ее у Гайдна и Бетховена. Нужны для этого еще идеи годныя для симфоніи, а затѣмъ способность развивать эти идеи симфоническимъ образомъ, т.-е. обладать необходимымъ обширнымъ кругозоромъ въ дѣлѣ творчества. Симфонія г. Видора по формѣ и распредѣленію частей, можетъ быть, и напоминаетъ симфонію, но по идейкамъ и ихъ проведенію это только одно пустословіе. Во всѣхъ частяхъ симфоніи мы нигдѣ не нашли полнаго развитія, выдуманныхъ авторомъ образовъ. Все это колебалось, трепетало, даже доходило до какихъ-то безсильныхъ forte, но во всемъ слышались немощь и безсиліе или, лучше сказать, напрасныя усилія автора подвести все это къ чему-нибудь опредѣленно-сильному и рельефному. Какая изъ частей лучше, сказать трудно,—кажется, онѣ всѣ хуже Моцарта, Гайдна и Бетховена.

Третій концертъ для ф.-п. съ оркестромъ Чайковскаго, передѣланный имъ изъ задуманной имъ симфоніи, не представляетъ изъ себя большого музыкальнаго интереса и могъ бы съ большимъ успѣхомъ не исполняться вовсе; Чайковскій еще не дожилъ до того, чтобы можно было дорожить

всякимъ написаннымъ имъ листомъ бумаги; вполнѣ достаточно оцѣнить его и въ лучшихъ произведеніяхъ; ихъ много, и они обладаютъ несомнѣнными высокими качествами. Піанистъ г. Танѣевъ, исполнявшій ф.-п. концертъ, выказалъ себя отличнымъ музыкантомъ, взявшись за исполненіе неблагодарнаго концерта; на бисъ сыграна имъ превосходно прелюдія и фуга Баха и небольшая пьеса салоннаго характера. Г. Танѣевъ рѣдко выступаетъ передъ публикою въ качествѣ піаниста, и это отражается въ потерѣ имъ виртуознаго блеска и, такъ сказать, эстраднаго тона, хотя внутреннее исполненіе, можетъ быть, отъ этого и выигрываетъ. Г-жа Александровичъ спѣла изъ оперы «Лакмэ» Делиба сцену и легенду о дочери паріи. Исполненіе было настолько хорошо, что если г-жа Александровичъ займется своимъ пѣніемъ какъ слѣдуетъ, то изъ нея можетъ выйти очень хорошая пѣвица. Шопеніана г. Глазунова—это рядъ произведеній Шопена: полонезъ, мазурка, ноктюрнъ и тарантелла, переложенныхъ на оркестръ. Попытка оркестровать шопеновскія произведенія — достойна похвалы, тѣмъ болѣе, что и оркестрованы они очень хорошо, жаль только, что привычка слушать ихъ въ ф.-п. исполненіи мѣшаетъ впечатлѣнію большей оригинальности самой музыки.

Изображеніе явленій видимаго міра музыкѣ, кажется, совершенно не свойственно, а если она это иногда и дѣлаетъ, то только въ намекахъ или по недоразумѣнію. Для музыки существуетъ другой, внутренній міръ, міръ ощущеній, для которыхъ звуки могутъ быть удобными красками, способными нарисовать чудную картину. «Океанъ»—симфонія А. Рубинштейна, исполнявшаяся въ третьемъ симфоническомъ собраніи, представляетъ тотъ интересъ, что, содержаніе и его развитіе вовсе не симфоничны; финалъ же прямо слабъ, какъ четвертая заключительная часть симфоніи. Въ симфоніи каждая изъ частей, эпизодически изображающая какое-либо изъ чувствованій, должны стремиться разрѣшить себя въ четвертой части—въ финалѣ, который имѣетъ такимъ образомъ значеніе кульминаціонной точки развитія. Въ симфоніи «Океанъ», ничего подобнаго нѣтъ, и ея части, съ финаломъ включительно, эпизодически представляютъ какое-то неопредѣленное настроеніе. Что же касается реальности изображеній океана, его волнъ и т. д., то тутъ личной наблюдательности отведенъ слишкомъ большой просторъ и спорить тутъ нечего. Тереза Каррено — прекрасная піанистка, имѣющая пріятный тонъ, большую технику и силу. Она хорошо, хотя и нѣсколько манерно, исполнила пятый концертъ Бетховена; затѣмъ Листа, венгерскую рапсодію съ оркестромъ и нѣсколько пьесъ сверхъ программы, все съ большимъ успѣхомъ. Никогда не слѣдуетъ играть произведеній вродѣ серенады для оркестра французскаго композитора Шарпантье; такія вещи играются или по протекціи, или по безвкусію дирижера. Увертюра къ оперѣ «Майская ночь», Римскаго-Корсакова, по всей вѣроятности, излагаетъ намъ главныя темы оперы. Это хорошо: темы достаточно интересны, увертюра прекрасно инструментована. Но, спрашивается, какое впечатлѣніе можетъ оставить на слушателя такая увертюра?

Прослушать увертюру не значитъ имѣть вѣрное понятіе о достоинствѣ оперы, а поэтому исполнять оперныя увертюры, нужно съ большою осторожностью, развѣ только если онѣ сами представляютъ изъ себя художественный интересъ и отличаются цѣльностью общаго настроенія.

Экстренное собраніе русскаго музыкальнаго общества состоялось въ лютеранской церкви свв. Петра и Павла и состояло исключительно изъ исполненія органныхъ произведеній Шарлемъ Видоромъ. Органъ — инструментъ въ Россіи мало популярный и болѣе извѣстенъ въ католической Польшѣ. Въ западной же Европѣ онъ служитъ издавна однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для распространенія музыки, смягчающей сердца самыхъ свирѣпыхъ варваровъ. Нѣтъ ни одной мало-мальски устроенной церкви, въ которой органъ не являлся бы необходимѣйшею ея принадлежностью. Органные концерты на Западѣ не рѣдкость, а богатство органной литературы даетъ возможность дѣлать ихъ разнообразными и интересными. Такія имена, какъ, напримѣръ, Фрескобальди, Джованни Габріель, Букстехудэ, геніальный І. С. Бахъ и друг., даютъ возможность составить репертуаръ для концертовъ во всѣхъ возможныхъ жанрахъ.

Въ новостроющейся московской консерваторіи предполагаютъ поставить хорошій и большихъ размѣровъ органъ; можетъ быть, это дастъ возможность москвичамъ ближе и подробнѣе познакомиться съ исполненіемъ на органѣ и его литературой; такимъ образомъ получится новое удовольствіе для любителей музыки и въ новомъ жанрѣ, весьма интересномъ. Г. Видоръ для своего концерта избралъ слѣдующія произведенія: токката и фуга d-moll І. С. Баха; andante изъ первой органной сонаты Мендельсона; токката C-dur І. С. Баха; прелюдія e-moll Сенъ-Санса; молитва изъ готической симфоніи и 5-я симфонія для органа — своего сочиненія. Самыми интересными по содержанію и исполненію, были, конечно, двѣ токкаты І. С. Баха, остальныя произведенія имѣли ту прелесть, что ихъ можно было и не слушать. Произведенія г. Видора обличаютъ, во-первыхъ, въ авторѣ большое самолюбіе, а также знаніе внѣшнихъ признаковъ церковно-органной музыки.

Впрочемъ, концертъ имѣлъ успѣхъ, и еслибы самъ орга́нъ въ нѣкоторыхъ регистрахъ поменьше напоминалъ дудку, то удовольствіе отъ исполненія усилилось бы еще болѣе.

Въ четвертомъ симфоническомъ собраніи исполняли третью симфонію a-moll, соч. 56 Мендельсона. Эта симфонія носитъ названіе «шотландской», такъ какъ она задумана во время путешествія Мендельсона по Шотландіи, такъ, по крайней мѣрѣ, объяснено въ программѣ. Какъ бы ни была названа симфонія, но она кость отъ кости творца своего и носитъ всѣ признак[и] мендельсоновской музы. Мендельсону очень хотѣлось быть великимъ въ боль[-] шихъ жанрахъ, оперы, симфоніи и ораторіи, но заслуга его въ музыкѣ сосре[-] доточилась, главнымъ образомъ, на его маленькихъ произведеніяхъ,—пѣснях[ъ] безъ словъ. Это дѣйствительно шедевры, и они долго еще будутъ служит[ь] украшеніемъ ф.-п. литературы. Въ этомъ же вечерѣ участвовалъ молод[ой]

віолончелистъ Жанъ Жерарди, сыгравшій концертъ Де-Сверта, Kol Nidrei—Бруха и на бисъ двѣ пьесы. Г. Жерарди очень талантливъ, и если въ его исполненіи не хватаетъ еще цѣльности общей картины, то во всякомъ случаѣ данныя къ этому у него есть. Въ этотъ вечеръ онъ игралъ, по нашему мнѣнію не особенно удачно, вслѣдствіе высокой температуры въ залѣ віолончель его разстроивалась, отчего чистота интонаціи страдала весьма часто. Изъ другихъ оркестровыхъ произведеній, исполненыхъ въ этотъ вечеръ, были: симфоническая поэма «Вышеградъ»—Сметана и «Mefisto-valzer—Листа. Произведеніе—Сметаны имѣетъ положительныя достоинства,—оно написано и сыграно, и отрицательное качество—его нужно было прослушать. Произведеніе Листа, изображаетъ одно изъ любовныхъ приключеній Фауста, причемъ Мефистофель такъ успѣшно играетъ на скрипкѣ, что самъ докторъ Фаустъ пускается въ плясъ. Это неглубокое произведеніе при хорошемъ исполненіи можетъ произвести недурное впечатлѣніе.

Дивный букетъ дирижоровъ, который намѣревается поднести филармоническое общество публикѣ, понемногу пополняется. Второй симфоническій вечеръ находился подъ управленіемъ г. Когеля, а третій—г. Иванова. Они стоятъ другъ друга. Г. Когель, дирижируя, провалилъ знаменитую патетическую симфонію Чайковскаго, но нѣсколько исправился на вступленіи и «Liebestod» изъ оп. «Тристанъ и Изольда» Вагнера; но затѣмъ опять неудачно провелъ «Leonore» № 3, увертюру Бетховена. Г. Ивановъ, какъ натура болѣе страстная, поступилъ такъ: онъ вначалѣ отыскалъ симфонію какого-то Брукнера,—симфонію, о существованіи которой не зналъ никто, наипаче же публика московская. Тутъ г. Ивановъ провалился и открытіемъ и исполненіемъ; затѣмъ онъ исполнилъ свои собственные произведенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Забава Путятишна»—опера. Эта забава состояла изъ трехъ нумеровъ: *Татарскій маршъ*, изображающій, по всей вѣроятности, почтенныхъ князей, отыскивающихъ по городу «шурумъ-бурумъ» и продающихъ халаты; *Лѣсная тишь*, начинающаяся съ зубной боли, которая, не достигая большой силы, къ концу утихаетъ настолько, что совсѣмъ позабываешь объ ея существованіи; шествіе князя (на этотъ разъ должно-быть настоящаго). Это произведеніе мы слушали не внимательно вслѣдствіе случившагося не по нашей винѣ инцедента: какой-то господинъ, сидящій отъ насъ слѣва, быстро всталъ, проговорилъ, что онъ больше не намѣренъ платить по пяти рублей за входъ, такъ какъ за свои же деньги ему приходится скучать весь вечеръ. Это навело насъ на размышленіе, не имѣющее отношенія къ музыкѣ, и шествіе князя какъ должно оцѣнить мы не могли.

Во второмъ вечерѣ участвовалъ скрипачъ Вилли Бурместеръ, сыгравшій очень хорошо концертъ № 7 Шпора и менѣе хорошо арію изъ сюиты для оркестра І. С. Баха и тему съ вараціями «Nel cor piu non mi sento» Паганини-Бурместеръ. Во всякомъ случаѣ, скрипачъ онъ хорошій, имѣющій школу, пріятный тонъ и большую технику. Въ третьемъ вечерѣ участвовала пѣвица Марчелла Зембрихъ, про которую можно сказать: красотою—

неувядаема, голосъ—блекнетъ, а репертуаръ—старъ. Не мѣшало бы ей выбрать для исполненія что-нибудь другое, болѣе по силамъ, чѣмъ арію изъ «Нормы», «Свадьба Фигаро» и въ особенности «Волшебная флейта»,—все это дѣла давно минувшихъ дней, преданіе старины глубокой. Хорошо она спѣла романсъ «Perla gioria» Буонончини и «Qaul farfalletta amante» Scarlatti. Въ этотъ же вечеръ скрипачъ г. Безекирскій-сынъ хорошо сыгралъ концертъ Мендельсона; только нужно ему побольше поработать надъ тономъ.

Творецъ музыки будущаго—Рихардъ Вагнеръ, по всей вѣроятности, пришелъ бы въ не малое смущеніе, прослушавъ свою оперу «Лоэнгринъ» на сценѣ Большого театра. Если и не вагнеристу приходится удивляться такой постановкѣ оперы, отъ которой уши вянутъ, то Вагнеру и вагнеристу просто можетъ жутко показаться. Трудно сказать, что было хорошо и что плохо; все исполненіе оперы было сплошное безвкусіе, при этомъ зависящее не отъ индивидуальныхъ качествъ артистовъ-исполнителей, а отъ общаго духа, вложеннаго въ исполненіе всей оперы, т.-е. отъ руководителя ея исполненія, капельмейстера. Г. Альтани, занимающій мѣсто главнаго капельмейстера театровъ, нашъ старый знакомый. Мы долго приглядываемся къ его дирижерскому таланту и никакъ не можемъ постигнуть, въ чемъ собственно онъ заключается. Г. Альтани дирижируетъ довольно бойко, артисты - исполнители видимо его боятся, такъ какъ его молніеносные взгляды моментально могутъ превратить самое шумное форте въ едва слышимое піаниссимо. Онъ ввелъ нѣкоторыя полезныя нововведенія въ оркестръ: не строить слишкомъ громко инструментовъ и ждать появленія капельмейстера съ трепетомъ, для чего передъ его приходомъ въ оркестръ является какая-то сѣдая личность, требующая должнаго спокойствія и уваженія къ капельмейстерскому сану. Относительно же самого музыкальнаго исполненія можно сказать, что оно всегда производило на насъ впечатлѣніе, какъ будто мы попали не въ театръ, гдѣ процвѣтаетъ свободное искусство, а въ школьную комнату. Конечно, дисциплина въ учрежденіи вещь весьма полезная, но въ искусствѣ она одна далеко не даетъ необходимой художественной свободы. Итакъ, г. Альтани можетъ быть прекрасный и исполнительный чиновникъ, но каковъ онъ музыкантъ, для насъ это до сихъ поръ невѣдомо. При исполненіи «Лоэнгрина» г. Альтани проявилъ все свое безвкусіе какъ дирижора и въ то же время показалъ, что онъ въ театрѣ человѣкъ имѣющій сильную власть, передъ которою гг. артисты должны, главнымъ образомъ, только преклоняться, но не анализировать ея дѣйствія. Результатомъ всего и получилось плохое исполненіе оперы. Начиная съ знаменитой интродукціи, весьма не ровно исполненной, и кончая растянутыми речитативами и модератизированными Allegro,—во всемъ виденъ былъ капельмейстерскій произволъ.

Сами гг. исполнители весьма старательно отнеслись къ своимъ партіямъ и могли бы быть недурными и на своемъ мѣстѣ поставленными дѣйствующими лицами; но съ однимъ стараніемъ далеко не уйдешь,—не было надлежащаго духа, слѣдовательно не было и настоящаго исполненія. Впро

чемъ, все обстояло благополучно: публика поскучала, но вела себя скромно; послѣдній актъ раздѣлили антрактомъ и сдѣлали такимъ образомъ изъ одного два; г. Альтани поднесли вѣнокъ, по всей вѣроятности, отъ почитателей его дисциплинарныхъ способностей. Итакъ, все обстояло чинно и благородно.

Въ воскресенье 24 ноября состоялся торжественный спектакль въ Большомъ театрѣ, посвященный памяти императрицы Екатерины II и ея дѣятельности на пользу театра.

Екатерина II не гнушалась писать комедіи и либретто оперъ и настолько интересовалась театромъ, что сама присутствовала на репетиціяхъ. Въ комедіи «О, время!» она осмѣиваетъ пороки, ханжество и суевѣріе.

Комедія была исполнена артистами Малаго театра весьма хорошо; передъ началомъ и въ антрактахъ были исполнены увертюра и антракты къ историческому представленію «Начальное управленіе Олега», муз. сочин. Сарти, Паскевича и Канаббіо. Опера «Федулъ съ дѣтьми» въ одномъ дѣйствіи, либретто Екатерины Второй, а музыка аранжирована Сарти. Эта наивная въ нашемъ теперешнемъ пониманіи опера въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ два характерныхъ признака, указывающихъ, что и въ то время, несмотря на господствующее вліяніе итальянской музыки и итальянскихъ маэстро, русская пѣснь пробивалась занять мѣсто хотя бы и нарядившись въ итальянское платье. Конечно, теперь, когда русская пѣснь заняла господствующее мѣсто въ композиціяхъ великихъ и не великихъ авторовъ земли Русской, покажется страннымъ, шокирующимъ ухо итальянизированная милая и грустная красавица наша; но какова должна быть ея сила, если и тогда не могли пренебрегать ею. Опера отлично была исполнена оперными артистами Большого театра. Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ. Передъ портретомъ императрицы Екатерины Второй, увитымъ лаврами, были расположены группами артисты обоихъ театровъ; г. Южинъ прочелъ оду Державина, хоръ и оркестръ исполнили полонезъ Козловскаго «Громъ побѣды раздавайся»; затѣмъ артисты Малаго театра положили вѣнокъ къ портрету. Апоѳеозъ былъ повторенъ, Отъ апоѳеоза мы ждали большей грандіозности и торжественности. Въ общемъ спектакль имѣлъ успѣхъ, и публика видимо осталась имъ довольна. Афиши были отпечатаны особенныя, съ портретомъ царицы и сценическихъ дѣятелей ея времени: Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго, Сумарокова, Фонвизина, Хераскова, Державина и Хемницера; отпечатана афиша плохо, и имѣла полинявшій видъ.

Въ Солодовниковскомъ театрѣ частной оперы 15 ноября шелъ «Игорь» опера Бородина. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ «Слово о полку Игоревѣ», написанный въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Существованіемъ этой оперы въ репертуарѣ мы обязаны гг. Римскому-Корсакову и Глазунову, которые окончили ее и привели въ порядокъ, оркестровали; а г. Глазуновъ даже на память записалъ много разъ слышанную имъ отъ автора увертрую. Опера въ Москвѣ впервые шла у Прянишникова, слѣдовательно,

теперь она поставлена частною оперой во второй разъ. Издана опера превосходно у Бѣляева въ Лейпцигѣ и стоитъ, смотря по изданію, сравнительно не дорого. Содержаніе либретто вкратцѣ слѣдующее: Князь Игорь отправляется въ походъ противъ половцевъ и поручаетъ свой городъ и княгиню, для защиты и всякой безопасности, князю Владиміру Галицкому. Послѣдній по отъѣздѣ Игоря занимается кутежами и разными легкомысленными дѣлами, чѣмъ навлекаетъ гнѣвъ княгини и всѣхъ порядочныхъ людей, но въ то же время и составляетъ себѣ партію непутныхъ людей, которые не прочь избрать его себѣ въ князья. Между тѣмъ, Игорь разбитый половцами, попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ. Въ плѣну сынъ его Владиміръ Игоревичъ влюбляется въ половецкую княжну Кончаковну. Самъ же Игорь, пользуясь любовью хана и предоставленною ему свободой, убѣгаетъ изъ плѣна. По прибытіи на родину, въ Путивль, князь Игорь, попрежнему начинаетъ править дѣлами княжества. Музыка оперы по мотивамъ и темамъ достаточно оригинальна, если за оригинальность въ данномъ случаѣ считать переработанные авторомъ источники. Характеръ музыки тотъ псевдо-русскій, который такъ хорошо усвоили себѣ петербургскіе музыканты во главѣ съ Мусоргскимъ. Внутреннее содержаніе музыки такъ сказать, гармоническій скелетъ, въ оперѣ не богатъ и зиждется весь на гармоніяхъ экзотическаго свойства, что мы однако приписываемъ отчасти полувосточному колориту оперы. Относительно формъ можно сказать, что опера имѣетъ прекрасныя аріи Ярославны, Игоря, Кончака и достаточно развитые и прекрасно въ сценическомъ смыслѣ написанные хоры. Увертюра даетъ намъ лишь темы оперы и слаба въ разработкѣ ихъ. Танцы очень характеристичны, а половецкій маршъ своего рода шедёвръ. Есть въ оперѣ и комическій элементъ, представителями котораго являются гудошники Скула и Ерошка, а пѣсня и сцена ихъ въ четвертомъ актѣ можетъ служить примѣромъ художественнаго реализма. Инструментована опера мѣстами густо и тяжело, но прошедши редакцію такого инструментатора, каковъ г. Римскій-Корсаковъ, въ общемъ производитъ впечатлѣніе хорошее.

Итакъ, опера, оставшаяся послѣ смерти автора неоконченной, неотдѣланной и появившейся въ свѣтъ только благодаря добрымъ усиліямъ друзей,—несмотря на все это, представляетъ много интереса для публики, и еслибъ авторомъ могла быть подвергнута окончательной отдѣлкѣ, то представляла бы изъ себя выдающееся произведеніе русской оперной музыки. Исполнена опера, имѣя въ виду среднія силы частной оперы,—хорошо; менѣе другихъ удовлетворилъ насъ дирижеръ г. Зеленый, не вдумавшійся въ темпы и характеръ лежащей передъ нимъ партитуры: быстрота Allegro и медленность Adagio соразмѣряются не надписью, а драматичностью положенія дѣйствующаго лица. Увертюра въ исполненіи вышла скомканною, вслѣдствіе нежеланія дирижера сообразовать характеръ темъ ея съ общимъ положеніемъ ихъ въ оперѣ; послѣдующій хоръ исполненъ слишкомъ быстро, и arioso Ярославны медленно до скучноты и т. д.; г

всей оперѣ такихъ промаховъ наберется пожалуй и много. Впрочемъ можетъ быть тутъ и артисты виноваты, неопытному дирижеру трудно съ ними ладить. Общая постановка оперы тоже недурна; хоры звучали довольно полно, хотя мѣстами и крикливо; оркестръ слабъ звучностью, да еще съ подозрительною чистотою интонаціи; вообще на хоры и оркестръ нужно обратить поболѣе вниманія; этихъ бѣдныхъ тружениковъ весьма часто утомляютъ непосильною работой и неумѣньемъ вести репетиціи, только благодаря неопытности во главѣ стоящихъ лицъ, капельмейстера, хормейстера и режиссера, нужно подумать, чтобы главари были вполнѣ компетентными лицами. Не мѣшало бы дирекціи обратить вниманіе на болѣе аккуратное начало оперы, начатой вмѣсто восьми въ половинѣ девятаго, да на болѣе короткіе антракты. Аккуратность исполненія въ частномъ дѣлѣ имѣютъ большое симпатическое значеніе.

Въ малой залѣ собранія состоялся концертъ г. Игумнова. Молодой піанистъ дѣлаетъ положительные успѣхи, хотя въ этотъ вечеръ онъ, кажется, не имѣлъ нужнаго настроенія для исполненія приготовленной имъ програмы. Лучше всего намъ понравилось исполненное имъ «Airs de ballet» изъ оп. Альцеста — Глюка-Сенъ-Санса и «Sonnete de Petrarca» — Листа. Публики въ залѣ было достаточное количество и артиста принимали сочувственно.

А. Б.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь. 1896 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сѣмя, поклеванное птицами“. Повѣсть *Ивана Рукавишникова*. — „Около жизни и смерти“. Разсказы и очерки *Сергѣя Филиппова*.

Сѣмя, поклеванное птицами. Повѣсть Ивана Рукавишникова. Москва, 1896 г. Цѣна 75 коп. Мысль, которую авторъ развиваетъ въ своей повѣсти, не особенно нова, но она ясна и симпатична, и въ ея развитіи встрѣчаются нѣкоторыя подробности, не лишенныя оригинальности. Но по всему видно, что авторъ — новичокъ, въ писательствѣ не искусившійся... Прежде, однако, чѣмъ разбирать повѣсть и указывать промахи автора, мы передадимъ читателю, въ чемъ тутъ дѣло, какое было „сѣмя“, безъ пользы погибшее, потому что оно поклевано, и что за „птицы“ его поклевали. „Сѣмя“ это — прекрасныя душевныя качества и поэтическое дарованіе милаго юноши, Жоржика Шумана, и его полудѣтская любовь къ молоденькой сосѣдкѣ, Лёлѣ (Еленѣ) Алексѣевой. Отецъ Жоржа, Іосифъ Шуманъ,—варшавскій еврей, женатый на русской. А, какъ извѣстно, еврей можетъ жениться на русской только принявши христіанство, т.-е. утративши ту главную, основную черту, которая отличаетъ еврея отъ всякой другой національности. Въ данномъ случаѣ эту подробность не слѣдуетъ упускать изъ вида. Отецъ Іосифа Шумана былъ богатъ, потомъ разорился. Іосифъ Шуманъ скопилъ небольшія деньжонки, женился по любви, задумалъ быстро нажиться и тоже оборвался, очутился въ необходимости ограничиться маленькою портняжною мастерской. Жена Шумана умерла, какъ только появился на свѣтъ Жоржикъ. Прошло шестнадцать лѣтъ, Іосифъ Шуманъ богатъ, онъ чуть ли не первый банкиръ Варшавы и рѣшилъ отправить сына для обученія въ одну изъ московскихъ гимназій. У Жоржа есть другъ, гимназистка Лёля. Ей онъ повѣряетъ тайну своего стихотворства, съ нею дѣлится своими полудѣтскими мечтами и думами, ей посвящаетъ свои стихотворенія. Изъ-за этой дружбы въ сердцахъ обоихъ тихо свѣтится первая любовь, чи-

стая, почти неосознаваемая. Въ Москвѣ Жоржъ, пансіонеръ гимназіи, попадаетъ въ общество товарищей, большинство которыхъ „травитъ" новичка. Травля усиливается по милости безтактности одного учителя, тупоголоваго ненавистника евреевъ. На первомъ же урокѣ учитель начинаетъ истязать новичка вопросомъ, кто онъ, откуда, кто его отецъ, чѣмъ занимается, какой онъ національности и доходитъ до вопроса: „Вы, можетъ быть, еврей?" Жоржъ неизвѣстно почему отвѣчаетъ: „Да"... хотя онъ, какъ мы отмѣтили выше, православный и русскій подданный. Травлей доводятъ юношу до крайности, до болѣзненнаго припадка, до того, что юноша назвалъ публично своего гонителя-наставника „дуракомъ" и „подлецомъ". Послѣ этого Жоржу нельзя было оставаться въ гимназіи, тѣмъ болѣе, что и состояніе его здоровья требовало серьезнаго лѣченія. За тотъ годъ, что Жоржъ пробылъ въ Москвѣ, онъ переписывался съ своимъ другомъ Лёлей, дѣлился съ нею своими печалями и радостями, сообщалъ ей, между прочимъ, что его стихотвореніе напечатано въ одномъ еженедѣльномъ изданіи. Изъ писемъ Лёли мы узнаемъ о постигшихъ ее жизненныхъ неудачахъ, о разстройствѣ ея здоровья... Банкиръ отправилъ сына на югъ Франціи, потомъ на лѣто въ Швейцарію. Въ послѣдней главѣ мы видимъ Жоржа въ Меранѣ. Но это уже не тотъ Жоржъ, милый, чистый, наивный, съ поэтическою душой, какимъ онъ былъ въ саду съ Лёлей, прощаясь съ нею передъ отъѣздомъ, какимъ былъ въ Москвѣ. Это — молодой человѣкъ, отшлифованный по-новому, „по-заграничному",—банкирскій сынокъ, будущій „пшютъ", ухаживающій за вертлявою барышней, которой онъ въ забавномъ тонѣ разсказываетъ про свой романъ съ Лёлей, умершей отъ скоротечной чахотки. Итакъ, доброе „сѣмя", бывшее въ душѣ молодого человѣка, уничтожено. Но гдѣ же „птицы", которыя его „поклевали", и какъ онѣ это сдѣлали? Вотъ вопросы, на которые авторъ повѣсти не даетъ отвѣтовъ, предоставляя читателю догадываться, что расхищеніе „сѣмени" произошло во время пребыванія Жоржа за границей. Такимъ образомъ авторъ заставляетъ читателя досочинять, какъ ему угодно, самое существенное для повѣсти. Нельзя же всю вину, ни даже значительную часть вины въ томъ взваливать на глупаго учителя. Для этого онъ слишкомъ ничтожная „птица". Такая недоговоренность, недодѣланность лишаетъ повѣсть большой доли ея значенія. А затѣмъ повѣсть очень много теряетъ отъ несоразмѣрности ея частей: въ ней страницъ 45 отведено разсказу о томъ, какъ Шуманъ-отецъ лишился жены и въ какой обстановкѣ живетъ онъ, сдѣлавшись банкиромъ; страницъ 50 занято перепиской Жоржа съ Лёлей, перепиской мало интересной,—попросту говоря, скучной,—а вся книжка состоитъ изъ 140 страницъ. Герой повѣсти и его Лёля вышли блѣдными, почти безличными. Ихъ образы приходится тоже досочинять самому читателю. Все это очень жаль,—замыселъ у автора былъ хорошій.

Около жизни и смерти. Разсказы и очерки. Сергѣя Филиппова. Москва. 1896 г. Цѣна 1 р. Къ этому странному заглавію отпечатанъ на обложкѣ пояснительный рисунокъ художника Л. О. Пастернака, изображающій молодаго человѣка и молодую даму, цѣлующихся надъ головой препротивнаго ребенка, и склонившуюся надъ ними уже совсѣмъ отвратительную мертвую голову, долженствующую „символизировать" смерть. Рисунокъ сдѣланъ старательно, чистенько, „по-французски",—только далеко не всѣмъ нравятся такія *memento mori* на обложкахъ книжекъ. Въ книжкѣ есть разсказъ, озаглавленный:

Около смерти, мозаика, съ латинскимъ эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ погребальныхъ пѣснопѣній католической церкви. Авторъ разсказываетъ про свое посѣщеніе парижскаго кабачка подъ вывѣской *Le Néant*. Это—„cabaret de la mort", въ которомъ стѣны и потолки черные съ бѣлою каймой, съ орнаментами изъ череповъ, костей, цѣлыхъ скелетовъ, окна и двери, задрапированныя чернымъ сукномъ съ плёрёзами, имѣютъ видъ открытыхъ гробовъ, на скамейкахъ и столахъ намалеваны буквы R. I. P. (requiescat in pace), служители одѣты факельщиками и т. д. Слова они говорятъ кладбищенскія и очень мерзкія. Все это продѣлано для того, чтобы брать по 65 сантимовъ за кружку дрянного пива, котораго никто не пьетъ, а въ гадко-декадентскій кабакъ все-таки лѣзутъ, находятъ это „chic" и „très drôle"! Авторъ не находитъ этого „drôle", не одобряетъ, считаетъ, какъ и мы, декадентствомъ. Зачѣмъ же самъ-то онъ поставилъ на своей книжкѣ декадентскую вывѣску? А въ книжкѣ этой есть очень хорошая статья *Изъ туманнаго далека*, въ которой г. Филипповъ даетъ на 20 страницахъ яркую и живую картину теперешняго Лондона, не имѣющую рѣшительно ничего общаго съ декадентствомъ. Тутъ передъ читателемъ въ сильныхъ и сжатыхъ образахъ проходятъ главнѣйшіе моменты жизни гигантскаго города, выдающіяся черты британскаго характера, создавшаго удивительнѣйшія въ мірѣ учрежденія. Отъ этой интересной статьи, полной блеска и энергіи, мы невольно возвращаемся къ вышеназванной: *Около смерти, мозаика*, въ которой за описаніемъ глупѣйшаго парижскаго кабака слѣдуютъ изображенія монументальныхъ кладбищъ въ Пизѣ, въ Генуѣ, въ Римѣ, „Père Lachaise"—въ Парижѣ. Прочитывая эти описанія, мы далеко не во всемъ соглашаемся съ авторомъ, а главное—мы находимъ эти описанія слишкомъ бѣглыми, поверхностными, эскизными. Но это уже дѣло личныхъ впечатлѣній, о которыхъ, какъ и о вкусахъ, не спорятъ. Все же надо отдать справедливость автору въ томъ, что изъ его довольно блѣдныхъ очерковъ читатель можетъ составить нѣкоторое понятіе о такихъ кладбищахъ, о которыхъ человѣкъ, не видавшій ихъ, не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Обѣ эти статьи—очерки туриста. Что же касается чисто-беллетристическихъ повѣствованій,—числомъ восемь,—то мы предпочли бы не говорить о нихъ, еслибъ не принуждала насъ къ тому принятая на себя обязанность. Въ разсказѣ *Въ сочельникъ*, старый зажиточный холостякъ Петръ Александровичъ смотритъ въ окно, какъ снѣгъ идетъ, и соображаетъ о томъ, что „слишкомъ хлопоталъ о своемъ матеріальномъ благосостояніи и проглядѣлъ собственную жизнь..." не сумѣлъ припасти себѣ хоть одну добрую душу, которая была бы теперь около него..." Сообразилъ онъ это и загрустилъ, что-то припоминать началъ, а что именно—не извѣстно. „Точно вотъ будто распространился какой-то запахъ, ужасно милый, знакомый..." „Что же это за запахъ? Откуда онъ? Отчего его раньше здѣсь не было? И какой сильный". Ничего опредѣленнаго старый холостякъ не припомнилъ, продолжалъ смотрѣть на улицу, а „на губахъ у него появилась тихая улыбка, такая кроткая и спокойная, какая бываетъ у тѣхъ пожилыхъ людей, которые примирились со многимъ и серьезно хотятъ только одного—покоя". Въ разсказѣ *Скверный день*, старый холостякъ Веригинъ ученый, археологъ, смотритъ въ окно и видитъ, что „вездѣ пробилась нѣжная молодая трава". „Въ то же время что-то голубое, свѣтлое, проникнутое свѣжимъ, живительнымъ запахомъ и веселыми звуками, вошло въ его кабинетъ"... и почтенный профессоръ затосковалъ отъ своего одино-

чества. Въ тоскѣ онъ задремалъ, увидалъ во снѣ, что превращается въ червяка и... былъ разбуженъ докладомъ, что „кушать подано“. Въ который же это разъ намъ расписываютъ про тоску одиночества старыхъ холостяковъ, которымъ и молодость-то вспомнить нечѣмъ, кромѣ „какого-то запаха“?... Но это все же лучше, чѣмъ повѣствованіе *Съ перваго взгляда*, въ которомъ какой-то баринъ разсказываетъ о томъ, какъ пріѣхалъ онъ погостить къ своему старому товарищу, въ первый же день пошелъ въ садъ съ его молоденькою женой, „почувствовалъ жаръ ея щекъ, запахъ волосъ и кожи“. Потомъ у него „явилось страстное желаніе проглотить дыханіе этой женщины, которая нравится, унести на своихъ губахъ теплоту ея тѣла, вдохнуть въ себя весь этотъ запахъ ея“. Еще черезъ нѣсколько минутъ, „когда она смѣялась, у нея морщилась верхняя губа, и я,—продолжаетъ разсказчикъ,—съ нѣкоторой даже жадностью глядѣлъ на ея бѣлые ровные зубы и видѣлъ кончикъ языка. Мнѣ страстно хотѣлось его поцѣловать“. За вечернимъ чаемъ на балконѣ, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, онъ ее цѣловалъ, а тою же ночью въ бесѣдкѣ, куда пришла эта дама... отплатилъ пріятелю гадостью за его гостепріимство.—И все?—спросилъ авторъ разсказчика.—„Конечно, все“...—отвѣтилъ тотъ. *Штабсъ-капитанъ Гусаковъ* (заглавіе повѣсти) распорядился приблизительно такъ же съ женою своего добраго знакомаго. На этотъ разъ дѣло кончилось весьма трагически: барынька, грубо брошенная штабсъ-капитаномъ, отравилась, штабсъ-капитанъ спился, дошелъ „до чертиковъ“ и зарѣзался. Подъ заглавіемъ *Истинный другъ*, авторъ передаетъ разсказъ пожилого вдовца, театральнаго музыканта о томъ, какъ онъ едва не женился вторично, но, на счастье, былъ спасенъ однимъ пріятелемъ, который отбилъ у него молоденькую невѣсту, самъ на ней женился, жестоко претерпѣлъ отъ ея негодяйства, а потому сталъ „истиннымъ другомъ „избавленнаго имъ отъ бѣды музыканта. Влюбляющимъ образомъ дѣйствовали опять „запахи“ весны. Но дѣло не въ „запахахъ“, а въ одномъ любопытномъ обобщеніи разсказчика,—не автора, а музыканты. Разнѣженный запахомъ весны музыкантъ хотѣлъ жениться „на боннѣ“.—„Но хорошо ли вы знаете, что такое бонна?—говоритъ онъ.—Это смазливое существо, ходящее сейчасъ за дѣтьми и завтра завѣдующее хозяйствомъ одинокаго холостяка, шляющееся по рекомендательнымъ конторамъ, чтобы выслушивать прямыя и косвенныя предложенія и выбирающее изъ нихъ тѣ, которыя болѣе выгодны,—существо, изъ-за нужды лишь ухаживающее за ребенкомъ и мечтающее поступить на содержаніе къ мужу своей хозяйки“. Обобщеніе мизантропствующаго музыканта сурово и крайне несправедливо. Отъ такого огульнаго опозориванія не ограждена ни одна профессія женщинъ, вынужденныхъ своимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, искать мѣста при содѣйствіи конторъ, поступать въ чужіе дома. Мы не думаемъ, чтобы авторъ раздѣлялъ мнѣнія своего музыканта, и находимъ только, что автору слѣдовало и въ своемъ повѣствованіи такъ или иначе отмѣтить свое несогласіе съ озлобленнымъ неудачникомъ. Во всѣхъ разсказахъ, до *Ночи* и *Шторма* включительно, мы не нашли ни новизны сюжетовъ, ни оригинальности лицъ и положеній, ни какихъ-либо типическихъ черточекъ въ характерахъ. Подобными разсказами наша печать дошла уже, кажется, до „перепроизводства“.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„La psychologie des sentiments", par *Th. Ribot*. — „Психологія". *I. Ф. Гербарта*. Пер. А. Нечаева, съ предисл. проф. Спб. унив. А. И. Введенскаго.—„Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земск. народн. училищъ Конотопскаго уѣзда". — „Исторія русской подагогіи". *М. И. Демкова*. — „Изъ исторіи моего учительства". *Виктора Острогорскаго*.—„Народныя школы въ Европейской Россіи въ 1892—93 г.". Статистич. очеркъ *Ф. Оледенбурга*. — „Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ педагогъ". *Евгенія Трифильева*.—„Изъ жизни народныхъ училищъ". Состав. *В. Раевскій*.

La psychologie des sentiments par Th. Ribot. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris, 1896. Въ библіографической замѣткѣ трудно не только исчерпать, но даже намѣтить все богатство содержанія этой книги французскаго мыслителя. Ея предметомъ является та область человѣческой психики, въ изслѣдованіи которой до сихъ поръ не достигнуто никакихъ болѣе или менѣе устойчивыхъ результатовъ и которая, между тѣмъ, представляетъ такой высокій интересъ и важность въ жизни людей, — область чувствованій, эмоцій, страстей, начиная съ ихъ элементарныхъ зародышей и кончая ихъ полнымъ расцвѣтомъ во внутреннемъ мірѣ развитаго индивидуума. Задача, которую поставилъ себѣ Рибо, имѣетъ не одно лишь научное, но и практическое значеніе, и его трудъ, написанный легко и изящно, несомнѣнно, привлечетъ къ себѣ обширный кругъ читателей. Планъ книги тщательно продуманъ Рибо во всѣхъ его деталяхъ, и въ архитектурномъ отношеніи она можетъ служить образцомъ цѣльнаго созданія, пропорціональнаго въ своихъ частяхъ, стройнаго и красиваго, вмѣстѣ съ тѣмъ она далека отъ схематичности и вся проникнута одной основной идеей. Это общее воззрѣніе, которое авторъ проводитъ черезъ свое изслѣдованіе, заключается въ томъ, что чувства коренятся въ глубинѣ организма, въ его потребностяхъ и инстинктахъ, и въ конечномъ счетѣ могутъ быть сведены къ фактамъ движенія. Въ психологіи чувствованій Рибо намѣчаетъ двѣ теоріи, радикально отличающіяся одна отъ другой. Первая, такъ называемая интеллектуалистическая, школа признаетъ эмоціи вторичнымъ, производнымъ моментомъ души, ведущимъ свое происхожденіе отъ познанія; для нея эмоціи возникаютъ, только благодаря взаимодѣйствію ясныхъ или смутныхъ представленій, и такимъ образомъ играютъ роль модусовъ или функцій познающей дѣятельности ума. Другая теорія, физіологическая, видитъ въ чувствахъ нѣчто самостоятельное, первичное и несводимое къ интеллекту; источникъ ихъ она усматриваетъ въ біологическихъ условіяхъ и считаетъ ихъ прямыми и непосредственными выраженіями растительной жизни. Рибо твердо стоитъ на второй точкѣ зрѣнія и защищаетъ ее очень убѣдительной аргументаціей, построенной на множествѣ фактическихъ данныхъ. Но характерно и симпатично въ его книгѣ то, что физіологія вовсе не поглощаетъ въ ней психологіи, какъ это часто бываетъ въ современныхъ трактатахъ о человѣческомъ духѣ. Рибо вездѣ умѣетъ кончать физіологическій анализъ именно тамъ, гдѣ начинается сфера психологіи. Первый отдѣлъ его сочиненія занимается наиболѣе общими чувствованіями, второй—разбираетъ частныя эмоціи. По Рибо, природа чувствъ можетъ быть понята только тогда, если слѣдить за нею въ ея безпрерывныхъ трансформаціяхъ, если имѣть въ виду ея эволюцію. Отдѣлять ее отъ соціальныхъ, этическихъ и религіозныхъ факторовъ, отъ тѣхъ вліяній, которыя оказываетъ на нее эстетическій и интеллектуальный прогрессъ, отъ тѣхъ разнообразныхъ

формъ, въ которыхъ она воплощается,—это значитъ обращать ее въ пустую и мертвую абстракцію. Эмоціональная сторона души, или воли, въ томъ смыслѣ могучаго стремленія къ жизни, въ какомъ понималъ ее Шопенгауэръ, занимаетъ первое мѣсто въ строѣ нашей психики; но въ своей постепенной градаціи чувство принимаетъ въ себя все болѣе и болѣе интеллектуальныхъ элементовъ и становится немыслимымъ безъ ихъ сопровожденія. Сообразно съ этимъ взглядомъ, Рибо нарисовалъ во введеніи къ своей книгѣ общую картину эволюціи чувственной жизни, анализируетъ далѣе каждую эмоцію въ отдѣльности и разлагаетъ ее на ея составные моменты, доискивается ея происхожденія; онъ обращаетъ также вниманіе и на патологическіе процессы, на странныя и болѣзненныя искаженія чувствъ, потому что эти аномаліи проливаютъ свѣтъ на природу здороваго чувствованія. Онъ изучаетъ то, какимъ образомъ эмоція мало-по-малу выходитъ изъ спеціально-физіологической области и становится все духовнѣе и духовнѣе, не теряя въ то же время своей первоначальной подкладки. Связь, которая соединяетъ міръ чувства съ міромъ разума, ярко выясняется у Рибо, и разсужденія о чувственной памяти, о вліяніи ассоціаціи идей на эмоціональную дѣятельность, объ умственномъ развитіи, какъ одной изъ причинъ эволюціи чувства, даютъ путеводную нить въ запутанномъ вопросѣ о соотношеніяхъ между различными сторонами душевной жизни. Авторъ подвергаетъ разбору страданіе и удовольствіе, страхъ, гнѣвъ, симпатію, субъективныя чувствованія, которыя внушаетъ человѣку его „я“, половой инстинктъ; далѣе, показавъ условія, при которыхъ совершается переходъ отъ простыхъ чувствованій къ сложнымъ, онъ посвящаетъ блестящія и полныя глубокаго интереса страницы соціальному и моральному, эстетическому, религіозному и интеллектуальному чувствамъ, въ основѣ которыхъ отмѣчаетъ опять-таки физіологическіе элементы; множество иллюстрацій изъ литературы и исторіи сообщаютъ этой части книги особенную яркость и силу. Въ заключительныхъ главахъ Рибо предлагаетъ свою остроумную классификацію характеровъ и набрасываетъ эскизъ того печальнаго процесса, въ силу котораго у дряхлѣющаго или вырождающагося человѣка разлагается, слабѣетъ эмоціональная жизнь и постепенно исчезаютъ отдѣльныя чувствованія, начиная съ высшихъ.

Мы указали только на главнѣйшіе пункты изслѣдованія Рибо. Но помимо нихъ, оно затрогиваетъ множество частныхъ вопросовъ, касается важныхъ проблемъ психологіи, освѣщаетъ своей теоріей многочисленныя наблюденія и опыты, произведенные различными учеными, и подвергаетъ критикѣ существующія гипотезы. Оно является чрезвычайно крупнымъ вкладомъ въ науку о душѣ, и мимо него не пройдетъ теперь ни одинъ психологъ. Большой публикѣ, которая охотнѣе читаетъ на своемъ родномъ языкѣ, чѣмъ на чужомъ, оказалъ бы великую услугу тотъ, кто перевелъ бы книгу Рибо по-русски, сохранивъ всѣ литературныя достоинства оригинала.

Психологія. І. Ф. Гербарта. Переводъ съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ Александра Нечаева, съ предисловіемъ проф. С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго. Спб., 1895 г. III+278 стр. Ц. 1 р. 25 к. Психологическія воззрѣнія Гербарта въ ихъ цѣломъ уже пережили свое время, но, тѣмъ не менѣе, знакомство съ ними не потеряло своего значенія и теперь: отъ Гербарта пошла большая нѣмецкая школа психологовъ-гербартіанцевъ, къ которой относятся многія крупныя имена: Дробишъ, Горвичъ, Нагловскій, Фольк-

манъ, фонъ Фолькмаръ, учебникъ котораго (*Lehrbuch der Psychologie*, вышедшій въ 1893 году 4-мъ изданіемъ) представляетъ собою одно изъ основательнѣйшихъ пособій для изученія особенно исторіи психологіи,— все это ученики Гербарта, всѣ они унаслѣдовали отъ него и общій строй своихъ воззрѣній, и тотъ „генетическій" методъ, который составляемъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Гербарта. Дѣйствительно, методъ Гербарта гораздо совершеннѣе пріемовъ старой нѣмецкой психологіи и приближается къ пріемамъ современной науки. Гербартъ не хочетъ считать изначала даннымъ, готовымъ ни одного изъ высшихъ проявленій духовной жизни,—онъ все изслѣдуетъ, все разлагаетъ на элементарныя духовныя состоянія, какими у него являются „представленія". Происхожденіе „представленій" онъ объясняетъ слѣдующей метафизической теоріей. Весь міръ состоитъ изъ простыхъ „реальныхъ сущностей", элементарныхъ до послѣдней степени, взаимно другъ друга проницающихъ. Изъ этого проникновенія другъ въ друга сущностей и возникаютъ внѣшніе предметы. Такой же простой реальною сущностью является и душа, изъ взаимодѣйствія которой съ другими простыми сущностями и возникаютъ „представленія" (къ нимъ относитъ Гербартъ и *ощущенія*); реальныя сущности, такъ сказать, высѣкаютъ изъ души представленія, какъ кремень высѣкаетъ искры изъ огнива. Эта непрестанная борьба души съ реальностями и объясняетъ, почему Гербартъ называетъ „представленія"—проявленіями стремленія души къ самосохраненію. Разъ возникнувъ, представленія никогда уже не исчезаютъ изъ души,—они только тускнѣютъ, теряютъ свою силу и крѣпость, оттѣсняются постоянно вновь приливающими за „порогъ" сознанія, въ „темную область духа". И вотъ, всю жизнь души, всѣ прочія духовныя явленія Гербартъ разлагаетъ на „сліянія", „задержки", „соединенія", „ряды", „ткани рядовъ" и проч. представленій. Здѣсь Гербартъ развиваетъ цѣлую систему „статики" и „механики" духа и переводитъ всѣ эти процессы на математическія формулы, допуская при этомъ много произвольныхъ или не впрямь доказанныхъ предположеній. Высшимъ продуктомъ духовнаго развитія является „личность", „я", которое есть, въ сущности, не что иное какъ взаимодѣйствіе между всѣмъ прежнимъ опытомъ и вновь притекающимъ матеріаломъ. Взаимодѣйствіе это Гербартъ называетъ „апперцепціей", совокупность прежняго опыта—„апперципирующей" массой представленій; а новый, модифицируемый послѣдней опытъ—„апперципируемой" массой. Изъ представленій же строитъ Гербартъ и душевныя движенія (аффекты), и волю, являясь вездѣ ярымъ противникомъ общепринятой въ прежней нѣмецкой психологіи теоріи о духовныхъ способностяхъ, какъ самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга агентахъ, какъ о какихъ-то почти неразложимыхъ сущностяхъ. Эта борьба, это стремленіе внести научный анализъ дѣлаетъ психологическія теоріи Гербарта замѣчательнымъ подвигомъ въ исторіи нѣмецкой науки. Правда, разрушивъ старыя маріонетки „способностей" духа, изгнавъ изъ психологіи много „трансцендентальностей", „прирожденныхъ задатковъ" и т. п., Гербартъ сильно погрѣшилъ противъ истины своей теоріей вѣчно существующихъ (но лишь изрѣдка освѣщаемыхъ сознаніемъ) представленій, излишествами въ пріемахъ своего „математическаго" анализа и т. д.; но это не отнимаетъ у него его главной заслуги: онъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ въ Германіи психологическаго эмпиризма, и глава современной нѣмецкой психологіи—В. Вундтъ, съ одной стороны (какъ онъ это и самъ признаетъ), многимъ обязанъ Гербарту, а

съ другой—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалъ положительно шаги назадъ сравнительно съ Гербартомъ (наприм., въ теоріи апперцепціи). Настоящее изданіе составилось изъ перевода статьи Гербарта: *О возможности и необходимости примѣнять въ психологіи математику*, изъ подробнаго изложенія первой части сочиненія *Психологія, какъ наука, вновь обоснованная на опытѣ метафизики и математики* (по поводу этой формулы иронизируетъ Рибо въ своей *Psychologie allemande contemporaine*; у Гербарта, — говоритъ онъ, — „очень мало взято изъ опыта, нѣсколько больше изъ метафизики и почти все изъ математики") и изъ полнаго перевода *Учебника психологіи*, въ которомъ кратко изложены всѣ важнѣйшіе психологическіе взгляды Гербарта. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно.

Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда. М., 1896 г. Въ статьѣ Н. А. Феликсова, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ *Русской Мысли*, съ достаточною полнотой выяснено значеніе педагогическихъ курсовъ для преподавателей сельскихъ школъ, поэтому мы не будемъ въ настоящемъ случаѣ касаться этой стороны дѣла. Въ лежащемъ передъ нами *Дневникѣ* отсутствуютъ свѣдѣнія объ образовательномъ уровнѣ собравшихся на курсы 32-хъ учителей, среди которыхъ „было болѣе 10-ти человѣкъ учительницъ", и 14-ти лицъ (преподавателей и друг.), допущенныхъ также къ слушанію курсовъ. Изъ рѣчи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ Д. А. Никольскаго, сказанной при открытіи курсовъ, 17 мая н. г., мы узнаемъ, что результаты занятій учителей за послѣднія пять лѣтъ выражаются „скромною цифрой 7,2% окончившихъ курсъ въ училищахъ Конотопскаго уѣзда, съ общаго числа учившихся въ нихъ за этотъ промежутокъ времени". Принимая во вниманіе, что дѣти въ этихъ училищахъ оканчиваютъ курсы большею частью послѣ 4, а иногда 5 и 6 - лѣтняго пребыванія, приведенная скромная цифра окончившихъ, по словамъ того же оратора, еще уменьшится; что причина такой малоуспѣшности заключается въ томъ, что учителя обращаютъ главное вниманіе на усвоеніе матеріала, очень мало на общее развитіе и почти никакого на воспитательную сторону; что съ существующими методическими руководствами учителя „почти незнакомы, незнакомы съ самыми главными дидактическими положеніями и незнакомы даже съ правильными школьными порядками". *Дневникомъ* свидѣтельствуется, что руководителямъ курсовъ—Д. И. Тихомирову (русскій языкъ) и М. Б. Мельникову (ариѳметика)—пришлось изо дня въ день, въ теченіе трехъ недѣль, сообщать учителямъ множество истинъ, давно уже всѣмъ извѣстныхъ, по методикамъ обученія грамотѣ, объяснительнаго и церковно-славянскаго чтенія и ариѳметики. Приведенные здѣсь же разборы уроковъ многихъ учителей и учительницъ свидѣтельствуютъ, равнымъ образомъ, о незнакомствѣ ихъ со многими элементарными пріемами преподаванія различныхъ предметовъ. Благодаря, вѣроятно, этому, на курсахъ отсутствовало „болѣе серьезное, болѣе научное содержаніе" и „болѣе активная роль слушателей". При такихъ усл[овіяхъ] остается удивляться, что подобные курсы не были устроен[ы] въ Конотопскомъ уѣздѣ много ранѣе; тѣ же условія доказываю[тъ] какъ нельзя болѣе ясно и настоятельную необходимость и велику[ю] пользу вообще организаціи педагогическихъ курсовъ для препода[ва]телей сельскихъ школъ.

Самый *Дневникъ* конотопскихъ курсовъ заключаетъ въ себѣ,

послѣдовательномъ, хронологическомъ порядкѣ, всѣ рѣчи, бесѣды, образцовые уроки обоихъ руководителей, а также и уроки многихъ слушателей и слушательницъ (съ критическимъ ихъ разборомъ). При такомъ содержаніи, книга эта является какъ бы методическимъ руководствомъ, знакомство съ которымъ мало опытныхъ преподавателей можетъ считаться очень полезнымъ и желательнымъ. Что касается существа бесѣдъ гг. Тихомирова и Мельникова, исполнявшихъ свою важную задачу съ знаніемъ дѣла и несомнѣнною добросовѣстностью (качества—давно уже признанныя за первымъ изъ нихъ), то мы его не будемъ касаться, такъ какъ это дѣло спеціальныхъ журналовъ.

Исторія русской педагогіи. Ч. I. М. И. Демкова. Ревель, 1896 г. Въ первой части только-что вышедшей „исторіи" разсказывается о древне-русской педагогіи X—XVII вв. Русскую педагогію желательно автору начинать со времени принятія Русью христіанства; такая „широкая" точка зрѣнія на педагогію зависитъ отъ особеннаго пониманія авторомъ того, что есть педагогія. Указанная нами книга — отчасти исторія русскаго образованія, отчасти—русской литературы, отчасти—исторія школьныхъ пріемовъ, педагогическихъ обычаевъ и правилъ до-Петровской Руси: всякаго жита по лопатѣ. Такъ составилась цѣлая книга въ 20 печатныхъ листовъ, пока — только первая часть. Если авторъ будетъ держаться прежней точки зрѣнія и прежнихъ пріемовъ въ послѣдующей части своего труда, то, желая быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ будетъ дать немного исторіи русской литературы XVIII—XIX вв., немного исторіи министерства народнаго просвѣщенія, немного исторіи русскихъ школъ со времени Петра Великаго и т. д. Намъ же думается, что слишкомъ широкое, неопредѣленное, сборное понятіе о педагогіи лишаетъ смысла самую педагогію, какъ и исторію ея, особенно исторію русской педагогіи, если таковая существовала еще со времени Владиміра святого.

Трудъ г. Демкова—совершенно компилятивный, несмотря на то, что авторъ работалъ надъ книгой около восьми лѣтъ (задумана *19 ноября* 1887 г., какъ о томъ обязательно сообщаетъ авторъ); однако и литературой предмета авторъ далеко не владѣетъ; во многихъ случаяхъ г. Демковъ пользуется даже учебными пособіями (напримѣръ, книгами Галахова и Порфирьева *Исторія русской словесности* и др.). Компиляція составлена безъ большого искусства, часто по старымъ изслѣдованіямъ, сообщающимъ невѣрные или опровергнутые факты. Въ книгѣ г. Демкова идутъ разговоры и о значеніи Кіево-Печерской лавры, и о поученіи Владиміра Мономаха, и о состояніи нравовъ въ XI, XII вв., и о Максимѣ грекѣ, Стоглавѣ, Златоустѣ и Измарагдѣ, Епифаніи Славинецкомъ,—однимъ словомъ, обо всемъ, о чемъ хотите, но разговоры эти,—добавимъ къ прежде указаннымъ недостаткамъ книги,—далеко не всегда достовѣрны. Напримѣръ, остановимся на главахъ объ южно-русскомъ образованіи XVII в. Г. Демковъ увѣряетъ, что „для приготовленія учениковъ въ кіевскую *коллегію* Петръ Могила основалъ особую *школу* въ Винницѣ" (стр. 171). Винницкая школа не была, въ дѣйствительности, подготовительной для кіевской коллегіи; это была тоже коллегія, основанная одновременно съ лаврской (въ 1631 г.), параллельная кіевской и по программамъ, и по требованіямъ и цѣлямъ, которыя она преслѣдовала (позже коллегія изъ Винницы была переведена въ Гощу, на Волынь, и существовала до 1672 г., что тоже осталось совершенно неизвѣстнымъ г. Демкову). Напрасно разсказываетъ нашъ авторъ, будто Петръ Могила открылъ въ кіевской коллегіи курсы фи-

лософіи и *богословія;* богословіе не преподавалось въ ней ни „по примѣру краковской академіи“ (стр. 171), ни безъ ея примѣра, до самаго 1689 г., и первымъ преподавателемъ богословія былъ ректоръ коллегіи Іоасафъ Краковскій (1693—1697 г.), а затѣмъ знаменитый Стефанъ Яворскій. Если въ коллегіи кіевской преподаваніе богословія появляется въ исходѣ XVII в., то утвержденіе г. Демкова, что „кругъ богословскихъ наукъ въ *братскихъ школахъ* XVII вѣка былъ довольно обширенъ“—плодъ явнаго недоразумѣнія. Невѣрно также указаніе на то, что южно-русская литература началась въ концѣ XVI в. *Зачепкой* невѣдомаго Христофора и *Краткословнымъ отвѣтомъ* такого же Феодула (стр. 186); прежде всего оба полемическія сочиненія принадлежатъ не двумъ неизвѣстнымъ писателямъ, а одному, притомъ достаточно извѣстному. Далѣе г. Демковъ смѣшиваетъ, очевидно, изданіе грамматики М. Смотрицкаго (въ Евю въ 1619 г.) и изданіями ея въ примѣненіи къ практическому руководству для юношества (первыя ея изданія въ Вильнѣ 1621 г. и въ Кременцѣ 1638 г., а не въ Москвѣ, какъ неправильно показываетъ г. Демковъ). Впрочемъ, авторъ разсматриваемой книги говоритъ все съ чужихъ словъ и, быть можетъ, съ чужихъ недосмотровъ и опечатокъ. Пусть книга г. Демкова — компиляція и компиляціей остается, не вполнѣ удачной, не вездѣ выдержанной и достовѣрной. Къ сожалѣнію, авторъ придаетъ ей, по всей видимости, гораздо большее значеніе. Такъ, къ труду г. Демкова, какъ то бываетъ въ магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ, въ видѣ заключенія приложено 26 тезисовъ. Они совершенно неумѣстны, потому что являются не результатомъ научнаго пересмотра трактуемыхъ вопросовъ, а выводами изъ нѣкоторыхъ ученыхъ работъ, послужившихъ источниками автору, или ничего не стоющими, общими фразами. Вотъ образцы того и другого рода тезисовъ: „7) Въ XV в. существовало довольно частныхъ, элементарныхъ школъ“; см. А. Соболевскаго *Образованность московской Руси въ XV—XVII вв.* „15) Существованіе Чудовской школы Епиф. Славинецкаго и Спасской Симеона Полоцкаго хотя и вѣроятно, но не доказано и требуетъ для своего подтвержденія новыхъ изслѣдованій“; см. сочиненія г. Каптерева *О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ,* г. Майкова *Симеонъ Полоцкій,* г. Мирковича *О школахъ въ патріаршій періодъ* и др. „12) Братскія школы юго-западной Руси положили начало наукѣ“, какой? „17) Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII в. (какъ Голятовскій, Барановичъ) носятъ на себѣ явные слѣды пребыванія въ кіево-могилянской коллегіи“,—конечно, они тамъ учились или учили и задавали ей тонъ. *Положенія,* которыя яко бы „развиваетъ“ авторъ *Исторіи русской педагогіи,* ничего не прибавляютъ къ ея цѣнности: значеніе указанной нами книги не велико, и большого вклада ни въ науку, ни въ распространеніе общедоступныхъ свѣдѣній по исторіи русскаго образованія она не представляетъ.

Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. (1851—1864 гг.). Виктора Острогорскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Знаменитая въ нашей исторіи эпоха освобожденія крестьянъ и связанныхъ съ этимъ великимъ актомъ другихъ важныхъ преобразованій, дарованныхъ Россіи Александромъ Вторымъ, вызвала необыкновенный подъемъ духа почти во всѣхъ слояхъ населенія и дала одновременно цѣлый рядъ талантливыхъ и замѣчательныхъ представителей на всѣхъ путяхъ литературной, общественной и государственной дѣятельности. Естественно, что одною изъ первыхъ и глав-

.ѣйшихъ заботъ пробужденнаго русскаго общества явилась тогда же забота о скорѣйшемъ распространеніи свѣта науки и знанія. И это общество толпами шло въ раскрытыя настежь для всѣхъ двери университетскихъ аудиторій, слушало тамъ знаменитыхъ профессоровъ, составляло кружки для совмѣстнаго умственнаго и нравственнаго самообогащенія, устраивало воскресныя и ежедневныя даровыя школы для бѣдныхъ дѣтей, распространяя просвѣщеніе въ низшихъ слояхъ и находя въ этой кипучей дѣятельности великое нравственное удовлетвореніе. Тогда же зараждалась на Руси та новая школа, которая видѣла въ школьникѣ „человѣка", считая своею обязанностью привить къ нему „гуманность" въ широкомъ смыслѣ слова путемъ воспитательнаго воздѣйствія образованія и науки. Счастливымъ свидѣтелемъ и горячимъ участникомъ этого движенія въ лучшіе свои годы былъ и нашъ маститый педагогъ и литераторъ—авторъ настоящей книги, сумѣвшій къ великой своей чести сохранить до сѣдыхъ волосъ и во всей неприкосновенности лучшія и благороднѣйшія симпатіи своей юности. Отдаваясь автобіографическимъ воспоминаніямъ о томъ, какъ онъ сдѣлался учителемъ, г. Острогорскій въ живыхъ и симпатичныхъ своихъ очеркахъ даетъ яркую картину настроенія лучшей части петербургскаго общества шестидесятыхъ годовъ, интересную характеристику такихъ профессоровъ, какъ М. М. Стасюлевичъ, Н. И. Костомаровъ, А. В. Никитенко, А. Н. Пыпинъ, К. Д. Кавелинъ и друг., посвящаетъ особую главу извѣстному педагогу и замѣчательному человѣку Ѳ. Ѳ. Резенеру, а также многія страницы составителю и редактору общеизвѣстнаго *Настольнаго словаря*—Ф. Г. Толлю; здѣсь же читатель найдетъ цѣлый рядъ практическихъ и крайне полезныхъ указаній компетентнаго спеціалиста-педагога по вопросу о преподаваніи русской словесности, не говоря уже о его просвѣщенномъ взглядѣ на „священную дѣятельность учителя", въ наше время, кажется, присущемъ лишь весьма небольшому числу педагоговъ. „Такая оглядка на прошлое помогаетъ, — говоритъ авторъ въ превосходно написанной заключительной главѣ (*Тридцать лѣтъ назадъ*),—сравненію этого прошлаго съ настоящимъ; напоминаетъ многое изъ забытаго и многихъ изъ забытыхъ; преисполняетъ сердце печалью или гордою радостью, смотря по тому, насколько общество ушло впередъ". Не думаемъ, чтобы сердце нашего автора, даже только какъ педагога, особенно часто преисполнялось „гордою радостью". У насъ еще до сего времени не сознана, напримѣръ, необходимость лекцій по педагогикѣ въ университетахъ, на что въ книгѣ указывается неоднократно и весьма основательно, и благодаря этому огромное большинство нашихъ учителей среднихъ школъ совсѣмъ и не подозрѣваютъ, повидимому, что ихъ дѣятельность считалась когда-то „священною" и что подъ свѣтлыми пуговицами гимназическихъ мундирчиковъ бьются живыя человѣческія сердца, которыя они призваны смягчить путемъ науки. Свои „записи" г. Острогорскій предполагаетъ довести до настоящаго времени, а въ настоящемъ случаѣ ограничился пока первымъ, подготовительнымъ къ учительству періодомъ.

Книга переполнена корректурными ошибками, что является груст. нымъ удѣломъ большинства издаваемыхъ у насъ книгъ.

Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—93 г. Статистическій очеркъ Ф. Ольденбурга. Изданіе редакціи журнала „Русскій Начальный Учитель". Спб., 1896 г. Ц. 50 к. Настоящая работа обнимаетъ данныя, касающіяся только *школъ и учащихся* и представляетъ изъ себя первую часть изслѣдованія, задуманнаго въ

болѣе широкихъ рамкахъ. Съ какою серьезностью и добросовѣстностью отнесся авторъ къ своей нелегкой задачѣ, видно уже изъ первыхъ двухъ главъ книги, въ которыхъ тщательно анализируются „источники школьно-статистическихъ свѣдѣній и ихъ особенности“ и объясняются „пріемы разработки, принятые въ очеркѣ“, причемъ устанавливаются также и типы школъ. Что касается до источниковъ, то изслѣдователь констатируетъ прежде всего тотъ фактъ, что „въ Россіи нѣтъ, какъ извѣстно, спеціальнаго учрежденія, въ которомъ сосредоточивались бы и разрабатывались свѣдѣнія о народныхъ школахъ всѣхъ типовъ и наименованій“. Школьно-статистическія свѣдѣнія собираются у насъ учрежденіями и вѣдомствами, въ большинствѣ случаевъ, только о своихъ школахъ, а также имѣются въ статистическихъ приложеніяхъ къ всеподданѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ и въ случайныхъ источникахъ. Но, разбирая каждый изъ указанныхъ источниковъ въ отдѣльности, авторъ приходитъ къ весьма безотраднымъ выводамъ. Такъ, наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, собираемыя по однородной программѣ, подвергавшейся сравнительно незначительнымъ измѣненіямъ, мало доступны, не всегда печатаются, а если печатаются, то въ продажу не поступаютъ и, кромѣ того, печатаніе ихъ очень запаздываетъ (послѣдній отчетъ, появившійся въ 1894 году, даетъ свѣдѣнія только за 1890 годъ); матеріалы по народному образованію вѣдомства православнаго исповѣданія, сравнительно болѣе доступные и менѣе запаздывающіе, чѣмъ министерскіе, „не отличаются особенной достовѣрностью“, въ части же своей, касающейся школъ и учащихся другихъ вѣдомствъ, даютъ цифры совершенно невѣрныя; отчеты земскіе и городскіе составляются *по такимъ разнообразнымъ программамъ* и такъ трудно собрать хоть относительно полную ихъ коллекцію, „что до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной серьезной попытки представить на основаніи этого матеріала общую картину положенія народнаго образованія земской Россіи“; свѣдѣнія, помѣщаемыя въ отчетахъ губернаторовъ: въ текстѣ—не полны, отрывочны, случайны, не однообразны и за послѣдніе годы касаются преимущественно церковно-приходскихъ школъ, таблицы же — пропускаютъ нерѣдко цѣлые разряды школъ или же смѣшиваютъ въ общихъ числахъ школы разныхъ разрядовъ. И, несмотря на то, „будь только этотъ источникъ болѣе доступенъ, краткая сводка данныхъ по всей Россіи не представляла бы особенныхъ трудностей“. Но, какъ оказывается, отчеты губернаторовъ печатаются въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступаютъ, Императорскую публичную, Румянцевскую и Академическую библіотеки минуютъ, такъ какъ не проходятъ черезъ общую цензуру, а губернскіе статистическіе комитеты, куда отчеты губернаторовъ должны присылаться согласно общему распоряженію, „*такъ мало ими заинтересованы*, что въ большинствѣ случаевъ не слѣдятъ ни за ихъ поступленіемъ, ни за ихъ сохраненіемъ, и, такимъ образомъ, въ настоящее время не существуетъ, кажется, въ Россіи ни одной полной коллекціи этихъ отчетовъ“. Наиболѣе полная сводка данныхъ по народному образованію находится въ изданіяхъ статистическаго комитета, состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; данными этого комитета пользуются обыкновенно для характеристики школьнаго дѣла и для различныхъ историческихъ сопоставленій, но авторъ приводитъ примѣры, доказывающіе, что въ обращеніи съ цифрами комитета необходима осторожность и кромѣ того данныя эти „отдѣлены отъ настоящаго времени почти десятилѣтнимъ періо-

домъ", вслѣдствіе чего они являются устарѣлыми. Не можетъ, затѣмъ, назваться безукоризненною по точности данныхъ даже работа министерства народнаго просвѣщенія, выполненная имъ для выставки въ Чикаго (*The Russian Ministry of public education et the world's Columbian exposition 1893*). На стр. 41-й этого труда говорится, *что министерство тратитъ на начальныя школы всей Россіи 14 милліоновъ рублей*, но на самомъ дѣлѣ цифра эта, взятая изъ отчета министра за 1890 г., обозначаетъ,—говоритъ авторъ настоящаго очерка,—расходы *изъ всѣхъ источниковъ*: не только изъ суммъ государственнаго казначейства, но также отъ земствъ, городовъ, сельскихъ обществъ и т. д.; сверхъ того, эта цифра уже и отъ того неточна, что въ нее не вошли расходы по бывшему Дерптскому округу"; на стр. 52-й показано, что въ Россіи существуетъ 21,684 церковно-приходскихъ школъ „очевидно, тутъ введены и школы грамоты".

Отмѣтимъ кстати и весьма интересныя разсужденія компетентнаго автора относительно этихъ послѣднихъ школъ: „Недостаточное—говоритъ онъ—количество свѣдѣній объ этихъ школахъ, отсутствіе достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ и малое жизненное знакомство съ ними большинства писавшихъ, при отсутствіи у насъ всякихъ работъ по исторіи народнаго образованія, породили два прямо противоположныхъ взгляда на эти школы". „По одному изъ взглядовъ, школы грамотности были созданы за послѣднее время православнымъ духовенствомъ точно также, какъ была создана имъ новая церковно-приходская школа послѣ изданія положенія 1884 года. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе даже въ оффиціальныхъ изданіяхъ, наприм., въ статьѣ *Правительственнаго Вѣстника* по поводу изданія правилъ о школахъ грамотности". Между тѣмъ „типичныя школы грамотности были созданы самодѣятельностью мѣстнаго крестьянскаго населенія, иногда при болѣе или менѣе энергичной поддержкѣ уѣздныхъ земствъ, изъ среды которыхъ и вышло ходатайство, подавшее поводъ къ циркуляру 1882 г. (барона Николаи), признавшему оффиціально существованіе школъ грамотности. Положеніе 1884 года измѣнило только порядокъ надзора, передавъ его мѣстному духовенству; до изданія правилъ мая 1891 года, надзоръ этотъ, какъ указывалось неоднократно и въ оффиціальныхъ документахъ, былъ крайне недостаточенъ, и только съ 1891 года начали опредѣленнѣе складываться отношенія мѣстнаго духовенства къ школамъ грамотности. Говорить о результатахъ этого воздѣйствія въ настоящее время рано; церковная своего рода, т.-е. созданная церковнымъ причтомъ, школа грамотности для центральной Россіи—еще дѣло будущаго". По другому взгляду „школа эта возникла не теперь, послѣ оффиціальной передачи ея въ руки духовенства, а что, напротивъ, она стоитъ въ неразрывной преемственной связи со старинною русскою начальною школой, сохраняя ея церковный духъ, ея пріемы, даже ея учебныя пособія—часословъ съ псалтирью, и преслѣдуя ту же основную цѣль религіознаго воспитанія". Не отрицая, что школа грамотности „имѣла много общаго въ своихъ пріемахъ съ старинною церковною школой", авторъ тѣмъ не менѣе видитъ въ ней „созданіе новаго времени, новыхъ условій жизни". Развиваясь въ силу особыхъ экономическихъ условій въ мѣстностяхъ съ развитымъ отхожимъ промысломъ, фабричныхъ и преимущественно поставляющихъ работниковъ въ столицы, нынѣшняя школа грамотности заимствовала пріемы обученія у старой школы церковной, преслѣдовавшей прежде всего цѣли не утилитарныя, благодаря отсутствію, еще

въ недавнее время, среди старшаго поколѣнія, людей грамотныхъ, обученныхъ по способамъ болѣе новымъ. Старинные пріемы, старинная книга составляютъ такимъ образомъ случайную особенность распространенія грамотности и тотчасъ же исчезаютъ тамъ, гдѣ среди мѣстнаго населенія появляется достаточное количество грамотеевъ, обученныхъ по-новому. „Есть, впрочемъ, одинъ разрядъ школъ грамотности, который можно разсматривать — говоритъ г. Ольденбургъ— какъ стоящій въ непосредственной неразрывной связи со старинною школой, причемъ все содержаніе обученія исчерпывается религіозною стороной: это школы—раскольничьи, существующія и теперь въ довольно значительномъ числѣ“, но... „онѣ менѣе всѣхъ другихъ могутъ называться церковными“. Но мы полагаемъ, что достойное удивленія въ наше время „отсутствіе достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ“ даже въ оффиціальныхъ сферахъ, пораждаетъ многія недоразумѣнія на практикѣ и не въ отношеніи однѣхъ только школъ грамотности. Тенденція послѣдняго времени въ сторону предпочтенія такъ называемыхъ „церковно-приходскихъ“ школъ и отрицательное отношеніе къ школамъ земскимъ не представляютъ ли также результатъ „недостаточнаго количества свѣдѣній объ этихъ школахъ“ и „малаго жизненнаго знакомства съ ними“ лицъ, руководящихъ судьбами русскаго образованія? Для своей работы г. Ольденбургъ подраздѣляетъ всѣ существующія школы на слѣдующіе пять типовъ: 1) начальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; 2) школы церковно-приходскія; 3) прочія низшія правильно организованныя учебныя заведенія; 4) школы грамотности, состоящія въ вѣдѣніи православнаго духовенства и 5) иновѣрческія конфессіональныя школы и школы инородческія. Цифровыя данныя о всѣхъ этихъ школахъ даны затѣмъ въ отдѣльныхъ таблицахъ: по учебнымъ округамъ (число школъ и учащихся среди всего населенія, въ городахъ и селеніяхъ—отдѣльно), тѣ же свѣдѣнія—по губерніямъ; затѣмъ процентное отношеніе учащихся въ различныхъ типахъ школъ къ общему числу учащихся по губерніи; процентное отношеніе дѣтей учащихся во всѣхъ школахъ къ числу нормальному при трехгодичномъ курсѣ и таковое же отношеніе мальчиковъ учащихся въ разныхъ типахъ школъ къ числу нормальному при трехгодичномъ курсѣ. Въ заключительной главѣ содержится „общій очеркъ положенія школьнаго дѣла въ Россіи за 1892—93 г.“.

Нельзя не отнестись съ благодарностью къ этому почтенному труду и не пожелать его продолженія, тѣмъ болѣе, что, по заявленію автора, „въ настоящее время замѣчается такое оживленіе дѣятельности по народному образованію, *на-ряду съ которымъ можно поставить только работу начала 60-хъ годовъ*“. Въ этомъ отношеніи хотѣлось бы вѣрить почтенному изслѣдователю!

Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ педагогъ. Евгенія Трифильева. Харьковъ, 1896 г. Въ этой брошюрѣ авторъ проводитъ мысль, что „въ будущей исторіи нашей педагогики почетнѣйшія ея страницы по справедливости будутъ заняты педагогическою дѣятельностью Н. И. Новикова“. Это, конечно, вѣрно, и нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ эта сторона значенія великаго русскаго просвѣтителя недостаточно оцѣнена спеціалистами. Единственно, кто касается этого вопроса,—и то мимоходомъ, для выясненія журнальной дѣятельности Новикова,—проф. Незеленовъ. И уже изъ его рукъ, а не по непосредственному знакомсту съ источниками, пользуется свѣдѣніями объ этомъ предметѣ г. Трифильевъ. Впрочемъ, г. Трифильева трудно и упрекнуть

за это: въ Харьковѣ нигдѣ нельзя достать *Московскихъ Вѣдомостей* за 1783 и 1784 годы, а въ особенности *Прибавленій* къ нимъ, гдѣ помѣщены два интересныхъ педагогическихъ трактата: одинъ—переводный, а другой—самостоятельный трудъ русскаго изслѣдователя. Г. Трифильевъ даетъ блѣдное изложеніе второй работы, сдѣлавъ его по книгѣ проф. Незеленова, который совсѣмъ не излагаетъ перваго труда. Но Незеленовъ и не задавался цѣлью,—оцѣнить, насколько самостоятеленъ и оригиналенъ былъ этотъ трудъ, и не показалъ, какъ умѣлъ авторъ его (думаемъ вмѣстѣ съ Незеленовымъ, что это былъ самъ Н. И. Новиковъ) приспособляться къ условіямъ тогдашней русской дѣйствительности.

Недостаточно характеризуетъ авторъ и дѣятельность Новикова, какъ перваго устроителя народныхъ школъ въ Россіи по общественной инициативѣ. Очевидно, и здѣсь онъ пользовался краткими свѣдѣніями Незеленова и не читалъ подлинныхъ отчетовъ о нихъ, которые знакомятъ насъ съ внутреннею стороной жизни этихъ школъ и, между прочимъ, съ постановкой учебной части въ нихъ. Эти отчеты помѣщались въ Новиковскихъ журналахъ 1777 и 1778 гг., они такъ интересны, что нельзя не пожалѣть, что въ печати, кромѣ Незеленова, никто о нихъ не говорилъ. А Незеленовъ именно на внутреннюю-то, т.-е. на самую интересную сторону жизни школъ и не обратилъ никакого вниманія. Большой также пробѣлъ въ трудѣ г. Трифильева—полное отсутствіе свѣдѣній о содержаніи издававшагося Новиковымъ перваго русскаго дѣтскаго журнала *Дѣтское Чтеніе* и объ идеяхъ, которыя въ немъ проводились. А между тѣмъ, эти данныя были бы очень интересны и въ высшей степени поучительны для современной дѣтской литературы, которая не во всемъ идетъ по вѣрной и приспособленной къ дѣтскимъ потребностямъ дорогѣ и которую Новиковъ въ этомъ отношеніи не мало опередилъ.

Наконецъ, г. Трифильевъ ни слова не говоритъ о той великой пользѣ, которую принесъ Новиковъ питомцамъ Московскаго университета, помогая добрымъ начинаніямъ Шварца, при жизни этого послѣдняго и продолжая его дѣло по его смерти. Нельзя не удивляться отсутствію упоминанія въ брошюрѣ о томъ, какъ Новиковъ пріучалъ студентовъ къ труду, какъ отыскивалъ имъ работы и щедро оплачивалъ ихъ, привлекая учащуюся молодежь къ сотрудничеству при своихъ журналахъ; заказывая имъ переводы для своихъ многочисленныхъ изданій, удѣляя имъ въ огромномъ домѣ Гендрикова помѣщеніе со столомъ и полнымъ содержаніемъ, отправляя выдающихся изъ нихъ на счетъ своей компаніи заграницу и т. д. Обо всемъ этомъ—ни слова.

Такимъ образомъ, значеніе педагогической дѣятельности Новикова остается и до сихъ поръ вопросомъ мало разработаннымъ, и вопросъ этотъ заслуживаетъ не краткаго и поверхностнаго разсмотрѣнія, а цѣльнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, основаннаго на непосредственномъ изученіи относящихся къ нему источниковъ.

Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Составилъ инспекторъ народныхъ училищъ В. Раевскій. Нижній-Новгородъ, 1896 г. Настоящее произведеніе, являющееся новымъ вкладомъ въ народившуюся въ послѣднее время административно - педагогическую литературу, пріурочено авторомъ къ Нижегородской выставкѣ. Г. Раевскій опасается, что коллекціи тетрадей, учебниковъ, чертежей и пр., выставленныхъ въ учебномъ отдѣлѣ вы-

ставки, промелькнуть передъ читателемъ-посѣтителемъ не изъ педагогическаго сословія, не оставивъ въ немъ представленія о дѣятельности народныхъ училищъ. Чтобъ избѣжать „такого непріятнаго положенія въ отношеніи столь важнаго отдѣла", посѣтителю, по мнѣнію г. Раевскаго, слѣдуетъ ознакомиться „въ досужій часъ" съ его настоящей книгой, въ которой онъ любезно взялъ на себя трудъ „представить и отрекомендовать тружениковъ нашего русскаго народнаго училища". Но мы лично, прочтя книгу г. инспектора, склонны сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ дѣйствительно предназначалъ свои „очерки" для не-педагогической публики. Въ настоящемъ случаѣ имѣются въ виду, несомнѣнно, тѣ „педагоги народныхъ училищъ", къ которымъ авторъ обращается въ концѣ того же предисловія и которые, по его словамъ, не разъ обращались къ нему съ просьбой познакомить ихъ съ нѣкоторыми такими чертами въ дѣятельности своихъ сослуживцевъ, которыя „не могутъ быть уложены въ рамки теоретическихъ указаній". Авторъ полагаетъ затѣмъ, что такое желаніе педагоговъ будетъ удовлетворено „въ достаточно живыхъ образахъ" настоящихъ его „очерковъ", которые тѣмъ рельефнѣе оттѣнятъ и закрѣпятъ въ воображеніи нѣкоторыя положенія, теоретически изложенныя въ книжкѣ (его же) *Методическихъ указаній*. Столь спеціальное назначеніе книги г. Раевскаго само уже по себѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что она написана не для общей публики. Если же послѣдняя вздумала бы прочесть книгу, то убѣдилась бы, что инспекторы нашего времени (или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе ретивые изъ нихъ, подобные г. Раевскому) внѣдряютъ въ народную школу, во-первыхъ, мелочную регламентацію и *дисциплину* (стрижка волосъ, движенія по командѣ, ходьба въ парахъ и т. д.); во-вторыхъ, мечтаютъ объ урокахъ садоводства, пчеловодства, рукодѣлія.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ.

„Тверское дворянство XVII вѣка". *В. Н. Сторожева.*— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". *Ч. Вѣтринскаго.*

Тверское дворянство XVII вѣка. В. Н. Сторожевъ. Выпускъ четвертый. Составъ Бѣжецкаго дворянства по десятнямъ XVII вѣка. Изданіе Тверской губернской ученой архивной коммиссіи. Тверь, 1895 г. Ц. 2 руб. Настоящая книга завершаетъ почтенный археографическій трудъ г. Сторожева (всего четыре выпуска), посвященный анализу состава служилыхъ людей XVII столѣтія въ районѣ нынѣшней Тверской губерніи и представляющій собою научную обработку одного изъ важнѣйшихъ документовъ по исторіи русскаго дворянства—*десятенъ*. Долгое время *десятни* лежали подъ спудомъ, запрятанныя въ архивныхъ нѣдрахъ и за рѣдкими единичными исключеніями (Н. В. Калачовъ, В. О. Ключевскій) совершенно не затрогиваемыя спеціалистами. Г. Сторожевъ первый пустилъ эту любопытную и важную категорію архивныхъ документовъ въ широкій ученый оборотъ, издавъ въ VII томѣ *Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи*, опись десятенъ XVI и XVII вѣковъ, а затѣмъ въ VIII томѣ того же изданія—и полный текстъ десятенъ XVI в. Обѣ публикаціи тотчасъ обратили на себя вниманіе спеціалистовъ и вызвали оживленное обсужденіе въ литературѣ ряда вопросовъ о характерѣ и значеніи десятенъ (статьи Д. Ѳ. Масловскаго, Н. Н. Оглоблина, А. Н. Зерцалова, А. Н. Труворова, Н. Н. Харузина и др.).

Въ результатѣ этого обсужденія была съ несомнѣнностью выяснена потребность въ тщательной научной разработкѣ всей совокупности дошедшихъ до насъ десятенъ. Разбираемый трудъ и представляетъ собою первый шагъ на-встрѣчу этой потребности. Ограничившись пока райономъ нынѣшней Тверской губерніи (Х-й томъ упомянутаго выше архивнаго изданія предположено было имъ сплошь посвятить тексту десятенъ, относящихся къ району нынѣшней *Новгородской* губерніи), г. Сторожевъ имѣлъ въ виду на практическомъ примѣрѣ установить тѣ археографическіе пріемы, съ помощью которыхъ предстоитъ разработать и всю остальную массу *десятенъ*.

Авторъ считаетъ возможнымъ печатать цѣликомъ текстъ лишь тѣхъ десятенъ, которыя представляютъ собою *чистые типы* различныхъ видовъ этихъ документовъ. Остальныя десятни онъ представляетъ въ обработкѣ, группируя по рубрикамъ заключающіяся въ десятняхъ данныя и вездѣ подводя имъ соотвѣтствующіе итоги. Вполнѣ одобряя изложенный методъ въ принципѣ, мы думаемъ однако, что его практическое примѣненіе соединяется съ значительнымъ рискомъ. Десятня— довольно капризный документъ. На ряду съ обычными стереотипными показаніями по тексту почти каждой десятни въ изобиліи разсыпаны тамъ и сямъ мелкія детальныя указанія на различныя стороны служилаго быта, иногда такое указаніе кроется въ какой-нибудь бѣглой оговоркѣ, иногда просто въ самой конструкціи фразы. Нуженъ ученый тактъ, нужна широкая освѣдомленность во всѣхъ спеціальныхъ вопросахъ, чтобы сберечь всѣ драгоцѣнныя черточки и правильно размѣстить ихъ по соотвѣтствующимъ рубрикамъ при рекомендуемомъ г. Сторожевымъ анатомированіи подлиннаго текста документовъ. Намъ думается, поэтому, что обработка текста по образцу, представленному г. Сторожевымъ, является чрезвычайно важнымъ и, можно сказать, необходимымъ дополненіемъ къ изданію полнаго текста, но не должна служить его замѣной. Опытъ обработки текста, представленный самимъ г. Сторожевымъ, производитъ впечатлѣніе археографической работы, отличающейся тщательностью и отчетливостью выполненія и обнаруживающей опытную руку профессіональнаго архивнаго работника. Подводя итогъ заключающимся въ десятняхъ даннымъ о служиломъ бытѣ тверского дворянства, этотъ опытъ снова выдвигаетъ рядъ общихъ вопросовъ по исторіи служилаго класса Московскаго государства и краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій выясняетъ необходимость изданія и разработки *всѣхъ* дошедшихъ до насъ десятенъ. Конечно, такое предпріятіе недоступно единичнымъ силамъ. Надо надѣяться, что удачный починъ г. Сторожева возбудитъ, наконецъ, инициативу того учрежденія, отъ котораго мы вправѣ ждать такого изданія. Мы разумѣемъ Московскій архивъ министерства юстиціи, гдѣ хранятся неизданные тексты десятенъ и на который по закону (см. № 4581 *Третьяго Полнаго Собранія Законовъ*) возложена обязанность разработки и изданія въ свѣтъ важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ. Въ началѣ разбираемой книги помѣщена и рѣчь г. Сторожева *Памяти Нила Александровича Попова*, читанная имъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ; его же памяти, какъ бывшаго управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, всегда поощрявшаго *ученую* архивную работу, посвящена и самая книга.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ч. Вѣтринскаго, Цѣна 15 копеекъ. Эта маленькая книжка вполнѣ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Авторъ съ любовью вчитался въ то, что напи-

сано Тургеневымъ и о Тургеневѣ, и далъ симпатичную и яркую картину жизни и литературной дѣятельности великаго писателя. Книжка написана простымъ языкомъ, вполнѣ доступна среднему читателю, издана прилично и стоитъ очень дешево: все это большіе шансы на успѣхъ. Авторъ не ограничивается біографическими фактами, но въ общихъ чертахъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ и значеніемъ всѣхъ лучшихъ произведеній Тургенева. Въ концѣ приложено три „стихотворенія въ прозѣ“ (*Воробей, Нищій, Щи*).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Капиталъ. Критика политической экономіи“. Соч. *Карла Маркса*. Томъ III.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе Карла Маркса, изданное подъ редакціей Фридриха Энгельса. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ третій. Книга III. Процессъ капиталистическаго производства взятый въ цѣломъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к. Недавно появился въ продажѣ русскій переводъ третьяго, заключительнаго, тома *Капитала* К. Маркса. Настоящимъ изданіемъ завершается та почтенная и трудная работа, которая начата была 25 лѣтъ назадъ переводомъ I тома *Капитала*. Съ чувствомъ законной удовлетворенности переводчикъ можетъ сказать теперь: „переводъ теоретической части *Капитала*,—труда, ставшаго основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи, законченъ. Обязательство передъ русской публикой, принятое двадцать пять лѣтъ назадъ, исполнено“ (пред. къ русск. изд., стр. IX). Оно исполнено, къ тому же, съ рѣдкимъ совершенствомъ. Чтобы правильно оцѣнить съ этой стороны, можно сказать, классическій переводъ *Капитала*, нужно принять во вниманіе тѣ трудности, которыя должны были встрѣтиться при переводѣ. Уже не говоря о характерномъ, но тяжеломъ, носящемъ слѣды гегелевской терминологіи, изложеніи Маркса, переворотъ, который онъ произвелъ въ экономической наукѣ, обусловилъ созданіе совершенно новой терминологіи, и передача ея на русскій языкъ должна была представить огромныя трудности. Эта задача выполнена русскимъ переводчикомъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще и то обстоятельство, что, не взирая на цѣлый рядъ независящихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ изданіе Маркса въ русскомъ переводѣ, русскій языкъ былъ однимъ изъ первыхъ, на который былъ переведенъ I томъ *Капитала*. Вскорѣ послѣ выхода переводятся и II и III томы, раньше чѣмъ они появились въ переводѣ на какомъ бы то ни было европейскомъ языкѣ.

Обращаясь къ переводу третьяго тома *Капитала*, мы должны сказать, что въ общемъ онъ выполненъ съ такимъ же совершенствомъ и съ той же добросовѣстностью, какъ и два предыдущіе тома. По самому характеру своего изложенія — черновыхъ набросковъ, предназначавшихся авторомъ для себя, а не для публики, III томъ долженъ былъ представить особенныя трудности для перевода, но эти трудности совсѣмъ не отразились на качествѣ послѣдняго. Мы можем упрекнуть переводчика лишь за то, что онъ отступилъ въ одном случаѣ отъ терминологіи, принятой имъ же самимъ при переводѣ I тома а именно: терминъ „organische, procentige Zusammensetzung des Kapitals въ первомъ томѣ передавался: „органическій, процентный *составъ* капитала“, въ третьемъ томѣ выраженіе „составъ“ замѣнено почему-т выраженіемъ *строеніе*. Въ нашихъ глазахъ, нѣтъ никакой разни

между передачей *Zusammensetzung:* „составъ" или „строеніе", но слѣдовало бы держаться уже разъ принятой терминологіи, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній у читателя I и III томовъ *Капитала*. Не вполнѣ удачно выраженіе „Das Gesetz des tendenziellen Falls der Profitrate" передано: „законъ *наклонности* нормы прибыли къ пониженію". Едва ли не было бы лучше, вмѣсто двусмысленнаго выраженія „наклонность" оставить принятое въ научномъ языкѣ иностранное слово „тенденція". Въ общемъ, знакомство съ III томомъ *Капитала* въ переводѣ вполнѣ можетъ замѣнить знакомство съ подлинникомъ. Объясненіе равенства нормы прибыли, данное Марксомъ въ III томѣ *Капитала,* вызвало, какъ извѣстно, рядъ возраженій въ научной литературѣ. Съ цѣлью разъясненія этого вопроса, переводчикъ въ предисловіи даетъ изложеніе соотвѣтственнаго ученія Маркса. Справедливость требуетъ сознаться, что разъясненія переводчика нисколько не содѣйствуютъ устраненію недоумѣній и вообще не вносятъ въ споръ ничего новаго. Слѣдовало бы при этомъ поостеречься отъ такихъ неудачныхъ выраженій, какъ: „классическая политическая экономія *въ современномъ ея видѣ*" (?!) (стр. XXIII, примѣч.).

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка". Пер. съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. I.—„Волга отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани". Очеркъ *А. С. Размадзе.*—„Вокругъ свѣта на велосипедѣ". *Т. Стивенса.*

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. I. М., 1896 г. Ц. 1 р. Антіохійскій паріархъ Макарій дважды пріѣзжалъ въ Россію: въ первый разъ для сбора пожертвованій, въ самое блестящее время царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ удачную войну съ Польшей, а патріархъ Никонъ приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ. Вторично патріархъ Макарій пріѣзжалъ въ Москву десять лѣтъ спустя, по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ антіохійскій патріархъ участвовалъ на соборѣ 1655 г., созванномъ для исправленія богослужебныхъ книгъ. Это первое путешествіе восточнаго патріарха описано сопровождавшимъ его роднымъ сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, на арабскомъ языкѣ. Въ Россіи имѣются три списка этого любопытнаго документа: одинъ въ Москвѣ, въ Архивѣ Мин. Иностранныхъ дѣлъ, два въ Петербургѣ, въ учебномъ отдѣленіи при Азіатскомъ департаментѣ и въ Имп. Публичной библіотекѣ. Четвертый списокъ находится въ Лондонѣ. Съ него былъ сдѣланъ переводъ на англійскій языкъ Бельфуромъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Лондонская рукопись значительно полнѣе списковъ, находящихся въ Россіи. Но единственный на европейскомъ языкѣ переводъ съ нея,—вышеупомянутый Бельфуровъ,—„не вездѣ точенъ и неполонъ": „Бельфуръ, какъ иновѣрецъ, затруднялся и скучалъ переводомъ нерѣдкихъ у автора описаній церквей и церковныхъ службъ и по большей части ихъ пропускалъ". Все, недостающее въ спискахъ, находящихся въ Россіи, профессоръ Муркосъ дополнилъ въ своемъ изданіи съ перевода Бельфура, остальное перевелъ съ арабскаго языка, причемъ, конечно, избѣжалъ „неточностей" англійскаго перевода, примѣры которыхъ приведены на стр. VI и VII

предисловія. Такимъ образомъ на русскомъ языкѣ впервые появляется полный переводъ труда архидіакона Павла Алеппскаго, доведенный въ лежащемъ передъ нами выпускѣ до выѣзда дамасскихъ путешественниковъ изъ Молдавіи „въ землю казаковъ“. Разсказъ о восьмимѣсячномъ пребываніи ихъ въ Молдавіи представляетъ собой выдающійся интересъ потому, что авторъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ сверженія съ престола господаря Василія Лупула и междоусобной войны, въ которой погибъ его зять, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго. Будучи неразлучнымъ спутникомъ патріарха, архидіаконъ Павелъ съ большою живостью, мѣстами съ увлеченіемъ, описалъ все, что видѣлъ во время пріемовъ высокаго гостя у партіарха Константинопольскаго, у государей Молдавіи и Валахіи, у церковныхъ іерарховъ этихъ странъ, во время торжественныхъ богослуженій и придворныхъ пировъ, во время жестокихъ смутъ, кровопролитій и грабежей, коими сопровождалось низверженіе господаря Василія. Авторъ попутно описываетъ обычаи и нравы жителей посѣщенныхъ имъ странъ, жилища и одежды, наиболѣе выдающіяся зданія, преимущественно церкви, различныя торжества, гражданскія и церковныя, между прочимъ, обрядъ восшествія на престолъ новаго господаря, военные парады, походы и битвы, города и села, трудности путешествія и т. д. Любопытны описанія даровъ, которые патріархъ подносилъ господарю Молдавіи. Вотъ списокъ подарковъ (кромѣ привезенныхъ патріархомъ святынь): „пара шитыхъ наволочекъ, кусокъ розоваго ситца, двѣ сахарницы пальмоваго дерева, коробка мускуснаго мыла, двѣ коробки душистаго мыла, небольшое количество алеппскаго мыла, два горшка имбирнаго варенья, миндальное масло, сушеные абрикосы, фисташки съ солью и безъ соли“ и пр. Въ числѣ драгоцѣнностей, пріобрѣтенныхъ въ Константинополѣ, „гдѣ можно найти все“, упоминается „частица коня св. Димитрія“. Про Молдавію авторъ высказываетъ крайне суровое мнѣніе: „Всевышній Богъ не создалъ на лицѣ земли людей порочнѣе жителей страны Молдавской: всѣ мужчины воры и убійцы“... „Жители города (Яссъ) лишены стыда и вѣры: они христіане лишь по имени; ихъ священники еще раньше ихъ чуть-свѣтъ спѣшатъ въ питейные дома“. „Священники даже являются главарями разбойничьихъ шаекъ“. „Жены и дочери (обывателей) лишены всякаго стыда и приличія. Господарь усталъ рѣзать имъ носы, выставлять на позоръ и топить, такъ что уничтожилъ ихъ тысячи, и ничего не могъ съ ними подѣлать“. „Не то въ странѣ валаховъ,—Богъ да даруетъ ей процвѣтаніе за ихъ набожность и воздержаніе“. За точность и вѣрность перевода несомнѣнною порукой служитъ имя Г. А. Муркоса, профессора арабскаго языка. Что же касается русскаго изложенія, то его слѣдуетъ признать вполнѣ образцовымъ.

Волга отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Очеркъ А. С. Размадзе. Изданіе С. В. Кульженка. Кіевъ. Цѣна 5 руб. 50 коп. У насъ было въ рукахъ нѣсколько описаній „великой русской рѣки“, но болѣе роскошно изданнаго мы не видали, и тѣмъ досаднѣе становится, едва открывши книгу, замѣтить ея существенный недостатокъ, какъ бы свидѣтельствующій о томъ, что русскіе люди способны многое очень хорошо сдѣлать, но далеко не всегда могутъ надлежащимъ образомъ закончить предпринятое: въ книгѣ не достаетъ оглавленія и указателя помѣщенныхъ въ ней рисунковъ. Желающій найти описаніе или изображеніе интересующей его мѣстности вынужденъ перелистывать половину книги, чтобы добраться до искомаго, что, впрочемъ, в

всегда удается, такъ какъ многіе виды помѣщены не тамъ, гдѣ о нихъ идетъ рѣчь, напримѣръ: памятникъ Лобачевскому въ Казани, Спасскія ворота, первая гимназія, виды Скобелевскаго сквера и реальнаго училища находятся въ шестой главѣ, гдѣ описывается Самара и путь отъ нея до Царицына. Прочитавши книгу до конца, мы припомнили, будто въ ней совсѣмъ пропущено описаніе Покровской слободы, лежащей на лѣвомъ берегу Волги противъ Саратова и имѣющей не малое значеніе потому, что эта слобода есть конечный пунктъ упирающейся въ Волгу желѣзной дороги отъ Уральска. Дабы убѣдиться въ томъ, что такой пропускъ существуетъ въ дѣйствительности, намъ пришлось бы вновь перечитывать цѣлую главу, на что, по правдѣ сказать, у насъ не хватило ни времени, ни терпѣнія. Еслибы было оглавленіе и перечень описанныхъ мѣстностей, потребовалось бы всего двѣ минуты для разрѣшенія такого недоумѣнія. Въ книгѣ нѣтъ указателя опечатокъ, а опечатки попадаются даже такія, какъ на стран. 63, гдѣ, при изображеніи памятника Державину, славный русскій поэтъ Гавріилъ Романовичъ названъ въ текстѣ „Григ. Ром. Державинъ". Мы сочли нужнымъ все это отмѣтить не ради придирокъ къ прекрасной книгѣ, а для того, чтобъ издатель могъ въ экземпляры, находящіеся въ складѣ, вставить необходимые, по нашему мнѣнію, списокъ видовъ, оглавленіе и указатель опечатокъ. Очерки г. Размадзе написаны живымъ, литературнымъ языкомъ, даютъ ясное представленіе объ описанныхъ имъ берегахъ Волги, о племенахъ, ихъ населяющихъ, о прибрежныхъ городахъ съ ихъ главными достопримѣчательностями, о селахъ съ ихъ промыслами и заработками, о легендахъ и народныхъ повѣрьяхъ, сохранившихся отъ временъ „понизовой вольницы" и „удалыхъ разбойничковъ". Въ сжатомъ, но вполнѣ достаточномъ видѣ авторъ передаетъ исторію каждой описанной мѣстности и относящіяся къ ней преданія тамъ, гдѣ обрывается подлинная исторія. Иногда авторъ не ограничивается берегами Волги и дѣлаетъ интересныя экскурсіи въ стороны, напримѣръ, къ солянымъ озерамъ, лежащимъ по ту сторону рѣки, къ калмыцкимъ и киргизскимъ улусамъ, къ кумыснымъ лѣчебнымъ заведеніямъ. Книга гг. Размадзе и Кульженка не есть путеводитель по Волгѣ и замѣнить путеводителя не можетъ, но для желающихъ прокатиться отъ Нижняго до Астрахани она послужитъ хорошею подготовкой къ путешествію и будетъ пріятнымъ спутникомъ на пароходѣ. Всѣ рисунки исполнены превосходно и ихъ большимъ числомъ оправдывается довольно высокая цѣна этого изданія.

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Т. Стивенса, переводъ съ англійскаго, въ 2-хъ частяхъ. (Полезная библіотека, изданіе П. П. Сойкина). Спб., 1896 г. Ц. 1 руб. Г. Стивенсъ выѣхалъ на велосипедѣ изъ Санъ-Франциско въ Нью-Іоркъ въ апрѣлѣ 1884 года, переплылъ на пароходѣ въ Европу, черезъ Англію, Францію, Германію, Австрію и славянскія земли доѣхалъ до Константинополя, оттуда турецкими владѣніями черезъ Эрзерумъ, Курдистанъ и Персію добрался до Тегерана. Это составляетъ первую часть книги. Во второмъ томѣ описывается поѣздка черезъ Мешхедъ и Хороссанъ до Афганистана, откуда смѣлаго путешественника выпроводили подъ конвоемъ обратно въ Персію, что принудило его проѣхать на русскомъ пароходѣ по Каспійскому морю до Баку, по желѣзной дорогѣ до Батума, моремъ до Александріи и далѣе до англійскихъ владѣній въ Индіи, часть которой онъ объѣхалъ на велосипедѣ. Потомъ моремъ Т. Стивенсъ перебрался въ Китай, тамъ порядочно потерпѣлъ отъ враждебнаго населенія, былъ

выпровожденъ китайскими чиновниками, переплылъ въ Японію, покатался по ней и вернулся обратно въ Санъ-Франциско въ первыхъ числахъ января 1886 года. Только чистокровному янки могла придти въ голову фантазія кататься на велосипедѣ тамъ, гдѣ проложены прекрасныя желѣзныя дороги, и надо отдать полную справедливость силѣ, здоровью, энергіи и смѣлости ни передъ чѣмъ не останавливавшагося велосипедиста, проѣхавшаго тысячи верстъ по такимъ странамъ, гдѣ и съ хорошимъ конвоемъ путешествовать далеко не безопасно. Описаніе его путешествія по Америкѣ и Европѣ представляетъ мало интереса какъ по существу дѣла, такъ и по отрывочности замѣтокъ, посвященныхъ главнымъ образомъ состоянію дорогъ. Много любопытнѣе становятся записки путешественника съ того момента, какъ онъ попалъ въ Малую Азію, съ приближеніемъ къ столицѣ Персіи интересность ихъ возрастаетъ и достигаетъ высшей степени при разсказахъ о приключеніяхъ въ Афганистанѣ и въ Китаѣ. И тутъ, конечно, для велосипедиста на первомъ планѣ стоятъ вопросы о дорогахъ, о пропитаніи и о томъ, гдѣ пріютиться для отдыха, а нерѣдко и о томъ, какъ унести ноги то отъ назойливаго любопытства, то отъ жадности, то отъ безсмысленной враждебности полудикаго населенія. Вообще Т. Стивенсъ ведетъ свой разсказъ коротко и отрывочно, точно докладъ въ клубѣ велосипедистовъ, о литературности формы нисколько не заботится, записываетъ лишь то, что лично и непосредственно его касается или что его особенно заинтересовало мимоходомъ. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, живости характеристикъ племенъ и отдѣльныхъ лицъ, съ которыми онъ познакомился на пути. Тѣмъ не менѣе, на точность свѣдѣній, сообщаемыхъ смѣлымъ американцемъ, нельзя вполнѣ полагаться. По незнанію языковъ и, быть можетъ, по торопливости онъ впадаетъ иногда въ забавныя ошибки. Вотъ что онъ говоритъ, напримѣръ, объ извѣстномъ музеѣ Стамбула: „Интересно побывать въ музеѣ, гдѣ стоятъ фигуры величиной въ ростъ человѣка, одѣтыя въ живописные костюмы уроженцевъ различныхъ турецкихъ провинцій и всѣхъ должностныхъ лицъ Оттоманской имперіи“. Г. Стивенсъ принялъ музей янычаръ за нѣкоторое подобіе этнографическаго музея, а фигуры начальниковъ этихъ мусульманскихъ преторіанцевъ счелъ изображеніями „всѣхъ должностныхъ лицъ“ Турціи. Но книгу мы прочли, все-таки, съ большимъ интересомъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Учебникъ русскаго гражданскаго права“. Проф. *Г. Ф. Шершеневича.*—„Родители и дѣти“. *И. Гуревича.*—„Военная подсудность“. *Д. Ф. Огнева.*—„Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг.“. *А. фонъ-Кирхенгейма.*

Учебникъ русскаго гражданскаго права. Проф. Г. Ф. Шершеневича. Изданіе 2-е. Казань, 1896 г. Новое изданіе учебника проф. Шершеневича, единственнаго существующаго у насъ краткаго руководства по гражданскому праву, является сравнительно съ первымъ изданіемъ въ значительно дополненномъ видѣ. Нѣкоторые вопросы разработаны авторомъ болѣе обстоятельно, наприм., о физическомъ лицѣ какъ субъектѣ правъ (§ 7), о вліяніи различныхъ обстоятельствъ, въ особенности о вліяніи возраста, національности, разстройства имущества на дѣеспособность (§ 8). Въ вещномъ правѣ авторъ, говоря способахъ пріобрѣтенія собственности, прибавилъ подробныя и вполн

правильныя доказательства того, что какъ передача для движимостей, такъ вводъ во владѣніе для недвижимостей являются моментами пріобрѣтенія права собственности (стр. 231—234). Излагая ученіе о давности владѣнія, авторъ затронулъ вызвавшій въ послѣднее время оживленный обмѣнъ мнѣній въ литературѣ, вопросъ о томъ, подлежатъ ли давности церковныя земли; слѣдуя кассаціоннымъ рѣшеніямъ и мнѣнію проф. Пахмана и Павлова и согласно точному смыслу 401 ст. IX т., авторъ склоняется къ взгляду, что давность владѣнія на церковныя земли не распространяется. При изложеніи наслѣдованія по завѣщанію мы встрѣчаемся съ новыми и весьма мало убѣдительными доказательствами того, что „завѣщанія могутъ быть составлены не только на случай смерти, но и на случай постриженія въ монашество, лишенія всѣхъ правъ состоянія и безвѣстнаго отсутствія (?)“ (стр. 645—646).

Авторъ значительно пополнилъ приводимыя имъ кассаціонныя рѣшенія и литературу предмета, а также добавилъ, мѣстами, указанія на иностранныя законодательства, какъ, наприм., при изложеніи имущественныхъ отношеній между супругами (стр. 573—576). Къ новому изданію приложены указатели статей и алфавитный. Цѣна учебника осталась прежней.

Родители и дѣти. И. Гуревича. Юридическая библіотека № 10. Спб., 1896 г. Въ разсматриваемомъ очеркѣ г. Гуревичъ ставитъ себѣ цѣлью „прослѣдить въ краткихъ чертахъ, каковы были въ прежнее время отношенія между родителями и дѣтьми въ законѣ и жизни, какъ измѣнились эти отношенія подъ вліяніемъ времени и новыхъ воззрѣній, въ какихъ формахъ и какимъ содержаніемъ опредѣляются они въ настоящее время“ (стр. V). Для достиженія этой задачи, авторъ изслѣдуетъ существо правъ и обязанностей родителей и дѣтей и ихъ взаимныя отношенія по положительному праву (съ главы 2 по 8), предпосылая этому изслѣдованію „историческій очеркъ взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей“ (глава I). Къ несчастію, г. Гуревичъ касается этого послѣдняго вопроса уже въ слишкомъ „краткихъ чертахъ“; на нѣсколькихъ страницахъ излагается семейный бытъ римлянъ, древнихъ германцевъ, славянскихъ народовъ и измѣненія, происшедшія въ немъ подъ вліяніемъ христіанства,—излагается все это отрывочно, безсвязно и въ смыслѣ новизны и научнаго интереса не превышаетъ свѣдѣній, находящихся въ любомъ учебникѣ исторіи. Въ слѣдующихъ 7 главахъ авторъ, разсматривая существо родительской власти, почти исключительно ограничивается цитатами изъ постановленій нашего X тома, дѣлая лишь самыя краткія ссылки на иностранныя законодательства. Наиболѣе интересными являются три послѣднія главы, касающіяся узаконенія, усыновленія и защиты дѣтей. Такъ, разсматривая вопросъ о положеніи незаконнорожденныхъ, авторъ подробно и обстоятельно знакомитъ насъ съ историческимъ измѣненіемъ взгляда на незаконнорожденныхъ, съ нормировкой ихъ семейнаго и общественнаго положенія на Западѣ, наконецъ, съ литературой, касающейся этого вопроса. Г. Гуревичъ, разбирая отношеніе нашего законодательства къ положенію незаконнорожденныхъ, вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что „только въ самые послѣдніе дни, съ изданіемъ закона 12 марта 1891 г. (объ узаконеніи), показался у насъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ, и сдѣлана попытка улучшить положеніе незаконнорожденныхъ. Попытка эта, къ сожалѣнію, довольно еще робкая и успокоиваться на ней невозможно“. Не удовлетворяясь указаніемъ недостатковъ существующаго у насъ порядка, авторъ опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ пути, по

которымъ должно идти наше законодательство, чтобы достигнуть того же справедливаго и человѣчнаго отношенія къ этимъ жертвамъ „ошибокъ родителей“, которое уже установилось на Западѣ, и чтобы „сословные предразсудки и формальная мораль уступили свое мѣсто чувству справедливости и гуманности“ (стр. 127).

Военная подсудность. Д. Ф. Огнева. Спб., 1896 г. Книга г. Огнева, представленная въ качествѣ диссертаціи на соисканіе званія экстраординарнаго профессора военно-юридической академіи, касается весьма сложнаго и почти совершенно не разработаннаго въ нашей литературѣ вопроса о военной подсудности. Между тѣмъ вопросъ этотъ помимо теоретическаго имѣетъ большое значеніе практическое, особенно при разграниченіи подсудности различнаго рода дѣлъ и лицъ военнымъ и гражданскимъ судамъ.

Доказывая во введеніи необходимость особыхъ военныхъ судовъ, авторъ находитъ, что „основаніемъ, на которомъ зиждется образованіе отдѣльныхъ военно-судебныхъ органовъ, является начало сословной, корпоративной обособленности войска“ (стр. 13). „Но,—говоритъ далѣе авторъ,—система этихъ судовъ, внутренняя ихъ организація, условія назначенія судей, основныя начала процесса, формы и обряды судопроизводства опредѣляются и должны опредѣляться по общимъ принципамъ судоустройства и судопроизводства съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя вызываются особенностями военнаго быта“ (стр. 14). Помимо указаннаго начала сословности, въ основаніи широкой компетенціи военныхъ судовъ лежатъ также соображенія о необходимости поддержанія чрезвычайными мѣрами воинской дисциплины и государственной безопасности. Главное мѣсто въ книгѣ г. Огнева занимаетъ подробное изложеніе военной подсудности по лицамъ и по мѣсту, при военномъ положеніи и во время войны. Говоря далѣе о смѣшанной подсудности, авторъ находитъ, что конструкція ея по русскому праву представляется весьма послѣдовательной, и что свойственный новому процессу принципъ нераздѣльности наиболѣе послѣдовательно проведенъ въ русскомъ законодательствѣ (стр. 272). Послѣднія главы разбираемой книги посвящены разсмотрѣнію вопросовъ о подсудности высшихъ и низшихъ судовъ и объ опредѣленіи подсудности.

При разработкѣ своей темы авторъ широко пользовался архивными дѣлами, рѣшеніями главнаго военнаго суда и правительствующаго сената и постановленіями иностранныхъ кодексовъ. Этотъ обширный, собранный авторомъ матеріалъ далъ ему возможность всесторонне и съ большою полнотой разсмотрѣть изслѣдуемый вопросъ; и лишь мѣстами, вѣроятно, въ виду той спѣшности работы, о которой говоритъ въ предисловіи самъ авторъ, замѣчается нѣкоторое нагроможденіе матеріала безъ достаточной его обработки.

Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. А. фонъ-Кирхенгейма. Перев. съ нѣмецкаго П. Н. Апостолъ. Вып. первый. Москва, 1895 г. Въ 1895 г. подъ редакціей проф. Гейдельбергскаго университета Кирхенгейма начато весьма интересное и полезное изданіе, имѣющее цѣлью дать полную картину движенія умственной жизни Германіи въ области юриспруденціи за періодъ 1884—1894 гг. Каждой отдѣльной отрасли правовѣдѣнія посвящается небольшой очеркъ, который въ сжатой формѣ ознакомляетъ съ важнѣйшими научными теченіями, излагаетъ главнѣйшія появившіяся за упомянутый періодъ времени сочиненія, выясняетъ ихъ взаимное отношеніе и мѣсто, указываетъ вопросы, наиболѣе интересовавшіе въ данное время ученый юри-

дическій міръ Германіи. Авторами этихъ очерковъ являются извѣстные нѣмецкіе юристы практики и профессора.

Первый выпускъ русскаго перевода состоитъ изъ четырехъ статей: по философіи права проф. Зоммера, по сравнительному правовѣдѣнію, исторіи нѣмецкаго права и исторіи правовѣдѣнія проф. фонъ-Салисъ и небольшого добавленія, составленнаго проф. Кирхенгеймомъ. Очерки эти имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, труды нѣмецкихъ ученыхъ, указывая лишь мимоходомъ на соотвѣтствующую литературу французскую и итальянскую. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно; какъ заявляетъ переводчикъ, переводъ будетъ идти почти параллельно съ выпускомъ отчетовъ въ Германіи и долженъ закончиться къ концу 1896 года.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Удобренія и микроорганизмы почвы". *П. П. Дегерена.* — „Американское сельское хозяйство и сельско-хозяйственныя опытныя станціи и учебныя заведенія". *Макса Меркера.*—„Экономическія нужды Вятскаго края". Сост. агрономъ *А. Новиковъ.* — „Деревня"—иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ.

Удобренія и микроорганизмы почвы. П. П. Дегерена. Перев. Д. И. Коченовскаго. Кіевъ, 1896 г. Ц. 80 к. Первая часть книги Дегерена относится къ предмету, который, во всякомъ случаѣ, имѣетъ на русскомъ языкѣ литературу, хотя и не особенно богатую: здѣсь описаны важнѣйшія органическія и минеральныя удобренія (переводчикомъ сдѣланы дополненія, относящіяся къ искусственнымъ удобреніямъ въ Россіи). Вторая же часть излагаетъ основанія новой отрасли знаній—почвенной микробіологіи, которая была вызвана къ жизни трудами Пастёра и теперь такъ быстро прогрессируетъ за границею и въ Россіи. Знакомство съ книгою Дегерена принесетъ несомнѣнную пользу какъ хозяевамъ-практикамъ, которые найдутъ здѣсь научное освѣщеніе многихъ старинныхъ пріемовъ, такъ и вообще образованнымъ читателямъ, которые лишній разъ убѣдятся въ высокомъ значеніи агрономіи для *общаго* образованія.

Американское сельское хозяйство и сельско-хозяйственныя опытныя станціи и учебныя заведенія. Макса Меркера. Перевели Ан. и Аѳ. Бычихины. Одесса, 1896 г. Ц. 65 к. Брошюра проф. Меркера есть отчетъ по поѣздкѣ на Чикагскую выставку, относящійся преимущественно къ агрономическимъ учрежденіямъ Соединенныхъ Штатовъ. Описаніе практическаго хозяйства ограничивается интересными личными наблюденіями автора надъ нѣсколькими фермами въ штатахъ Нью-Йоркѣ, Миннезотѣ, Сѣверной Дакотѣ и Монтанѣ. Изъ опытныхъ учрежденій описаны Центральный институтъ въ Вашингтонѣ и шесть мѣстныхъ опытныхъ станцій. На американскихъ опытныхъ станціяхъ научнымъ изслѣдованіямъ отводится второстепенное значеніе, главное вниманіе принадлежитъ демонстративной популяризаціи того, что уже добыто научными изслѣдованіями другихъ странъ. Въ американскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи рѣзко выступаетъ принципъ полной свободы образованія; преобладающее направленіе образованія — практическое, и мы не ошибемся, если скажемъ, что даже Россія предъявляетъ въ настоящее время относительно большій спросъ на научное сельско-хозяйственное образованіе, чѣмъ Соединенные Штаты.

Экономическія нужды Вятскаго края. Составилъ агрономъ при вятск. губ. зем. управѣ А. Новиковъ. Вятка, 1896 г. Новая работа А. А. Новикова даетъ весьма детальную характеристику сельскаго хозяйства въ Вятской губерніи на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые добыты земскою статистикою по 10 уѣздамъ губерніи *). Большая часть хозяйственныхъ нуждъ вятскаго крестьянина удовлетворяется средствами собственнаго хозяйства. Кореннымъ недостаткомъ вятскаго земледѣлія авторъ признаетъ скудное обезпеченіе полей навознымъ удобреніемъ. Техника сельскаго хозяйства иллюстрирована подробными текстовыми описаніями. Поволостныя таблицы имѣютъ 396 графъ.

Деревня, иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ. Съ конца прошедшаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый сельско-хозяйственный журналъ *Деревня*. 1 ноября ему исполнился годъ, и передъ нами первый комплектъ его, 12 книжекъ, настолько дѣльныхъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ поговорить объ этомъ изданіи съ читателями, занимающимися сельскимъ хозяйствомъ. Въ заявленіи редакціи, помѣщенномъ въ первомъ выпускѣ, объяснено, что „новый журналъ имѣетъ въ виду небольшихъ хозяевъ", живущихъ постоянно въ деревнѣ и лично ведущихъ свои хозяйства. По различію климата разныхъ полосъ Россіи, статьи, пригодныя для одной мѣстности,—напримѣръ, о виноградникахъ и шелководствѣ,—ни на что не нужны землевладѣльцамъ такихъ губерній, гдѣ невозможна культура винограда и шелковицы, и, наоборотъ, хозяевамъ юга непригодны статьи, интересныя и полезныя обывателямъ губерній съ суровымъ климатомъ. Вотъ почему редакція „рѣшила, не ставя себѣ заранѣе крайне стѣснительныхъ границъ, создать изъ журнала *Деревня* органъ, имѣющій задачей распространять свѣдѣнія по сельскому хозяйству, пригодныя главнымъ образомъ для хозяевъ средней и сѣверной Россіи, не исключая и восточной части ея". Далѣе редакція говоритъ: „Такъ какъ наша прямая задача—отвѣчать на насущныя потребности и нужды хозяевъ и приходить имъ на помощь совѣтомъ, то журналъ будетъ касаться общихъ вопросовъ лишь настолько, насколько они будутъ необходимы для рѣшенія какой-либо опредѣленной задачи. Менѣе же всего на страницахъ журнала найдутъ себѣ мѣсто статьи полемическаго характера". Въ заключеніе редакція заявляетъ, что „будетъ весьма благодарна хозяевамъ-практикамъ за всѣ свѣдѣнія, которыми они найдутъ полезнымъ дѣлиться съ журналомъ, ибо для сельскаго хозяина наиболѣе цѣнны знанія, провѣренныя на опытѣ". Внимательно просмотрѣвши двѣнадцать книжекъ перваго года, мы убѣдились въ томъ, что редакціей исполнено все, ею обѣщанное, и исполнено очень хорошо, именно такъ, какъ то желательно для пользы среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Въ сжатыхъ, коротко и ясно написанныхъ статьяхъ журналъ даетъ очень много свѣдѣній, чисто-практическихъ, абсолютно безъ пустословія, по разнообразнымъ отраслямъ хозяйства: по обработкѣ и удобренію земли для полевыхъ посѣвовъ, для естественныхъ и искусственныхъ луговъ, для огородовъ и садовъ, по распредѣленію сѣвооборотовъ, по насажденіямъ садовымъ и защитнымъ, по огражденію насажденій отъ порчи животными, червями и чужеядными растеніями, по уборкѣ и сохраненію урожаевъ, по постройкѣ жилыхъ и хозяйственныхъ зданій дешевѣйшими способами, по устройству нѣкоторыхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ приспособленій домашними сред-

*) Обѣщается дополненіе по Слободскому уѣзду, перепись котораго еще не издана статистиками.

ствами, по пчеловодству, скотоводству, птицеводству и т. д. Всѣ статьи, при которыхъ могутъ имѣть значеніе пояснительные рисунки и чертежи, отлично иллюстрированы политипажами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ, гдѣ это нужно, иногда въ краскахъ, какъ, напримѣръ, изображеніе видимыхъ признаковъ болѣзни ящура. Изъ наиболѣе капитальныхъ статей мы укажемъ на прекраснѣйшій *Курсъ плодоводства* г. Ромера, на *Огнеупорныя постройки* г. Крылова, на *Огородничество* г. Пашкевича, на *Общедоступные пріемы производства землемѣрныхъ работъ* г. Попова, на *Исправленіе неправильно воспитанныхъ молодыхъ деревьевъ* г. Ракуша... Въ этомъ перечисленіи мы выбрали только нѣсколько крупныхъ статей, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что нѣтъ въ журналѣ статей, равныхъ имъ по достоинству и значенію, хотя онѣ занимаютъ иногда всего двѣ-три страницы, иногда и того меньше. Въ каждой книжкѣ журнала имѣется отдѣлъ, озаглавленный *Вопросы и отвѣты*. Мы считаемъ его очень важнымъ и въ высшей степени полезнымъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія большинства читателей журнала. Эти „вопросы и отвѣты“ образовали уже добрую и живую связь между журналомъ *Деревня* и тою деревней, насущнымъ интересамъ которой служитъ это изданіе. На всѣ предлагаемые вопросы, каковы бы они ни были, редакція съ полною готовностью,— болѣе того, съ большою заботливостью,—даетъ самые обстоятельные отвѣты, представляющіе цѣлыя наставленія, какъ наилучшимъ образомъ достигнуть желаемой цѣли. Всѣ отвѣты безъ исключенія составлены и подписаны спеціалистами того дѣла, по которому спрашивается совѣтъ. Иногда на одинъ вопросъ дается два отвѣта, другъ друга дополняющихъ и указывающихъ разные способы, пригодные для разрѣшенія предложенной задачи или высказаннаго недоумѣнія. Какъ на примѣръ, укажемъ на вопросъ за № 51, относящійся къ культурѣ лука. На него послѣдовало два отвѣта, изъ коихъ одинъ занимаетъ двѣ страницы, другой болѣе страницы. Такихъ примѣровъ мы могли бы привести нѣсколько. Съ такою же готовностью редакція отвѣчаетъ на вопросы, относящіеся не къ сельскому хозяйству, а къ домашнему,—такъ сказать, „кухонному“,— о приготовленіи сбитня, кваса и т. п. Огромную пользу хозяевамъ могутъ принести напечатанныя въ журналѣ *Смѣты* на различныя постройки. Въ этихъ смѣтахъ подробно опредѣлено число рабочихъ дней мастеровыхъ разнаго рода и чернорабочихъ, а равно матеріаловъ на сооруженіе и отдѣлку предположеннаго строенія, причемъ цѣны, конечно, не выставлены въ виду ихъ измѣненій, сообразно мѣстности, для цѣнъ оставлены чистыя графы, заполнить которыя предоставляется хозяину.

Редакціей обѣщанъ на будущій годъ рядъ статей, имѣющихъ, несомнѣнно, большое практическое значеніе для большинства сельскихъ хозяевъ. Но вслѣдъ затѣмъ предположено напечатать нѣкоторыя статьи-руководства по разнымъ отраслямъ ремесленнаго дѣла. По мнѣнію редакціи, „занимаясь простыми ремеслами, многіе изъ сельскихъ хозяевъ могутъ не только пріятно, но нерѣдко и съ значительною матеріальною для себя пользой заполнить свой зимній досугъ“. Противъ этого возразить нечего. Мы опасаемся лишь того, что, при небольшомъ размѣрѣ книжекъ, такого рода „статьи-руководства“ займутъ много мѣста въ ущербъ статьямъ по сельскому хозяйству. Мы полагали бы, что въ интересахъ хозяевъ редакція могла бы ограничиться указаніями на лучшія руководства по тѣмъ ремесламъ, которыя способны дать развлеченія и прибыли деревенскимъ жителямъ, для чего въ журналѣ суще-

ствуетъ отдѣлъ *Библіографіи* и отдѣлъ *Вопросы и отвѣты,* въ которыхъ всегда можно удовлетворить интересующихся ремесленнымъ дѣломъ обстоятельными указаніями на лучшія по сему предмету книги.

Цѣна журналу *Деревня* замѣчательно дешевая—3 рубля за годъ съ доставкою и пересылкой, что дѣлаетъ журналъ доступнымъ для самыхъ мелкихъ хозяевъ, для духовенства, учителей и для крестьянъ. Всѣ статьи изложены просто и удобопонятно для каждаго сколько-нибудь грамотнаго человѣка. Закончимъ нашъ отзывъ искреннимъ пожеланіемъ самаго широкаго распространенія этому полезному изданію.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Техническій сборникъ и Вѣстникъ промышленности".—„Маслобойное производство". Руководство, составл. инж.-технол. *К. К. Веберомъ*.

Техническій сборникъ и Вѣстникъ промышленности, ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности (редакторъ - издатель инженеръ - механикъ К. А. Казначеевъ, редакторъ инж.-технологъ А. М. Кудрявцевъ), издающійся въ Москвѣ, существуетъ семь лѣтъ и достаточно извѣстенъ всѣмъ интересующимся техническими знаніями и развитіемъ разныхъ отраслей промышленности въ нашемъ отечествѣ. А съ развитіемъ промышленности, само собою разумѣется, съ каждымъ годомъ увеличивается и число лицъ, которымъ такой журналъ можетъ быть не только полезенъ, но и положительно необходимъ. Молодые люди, окончившіе курсъ въ высшихъ техническихъ училищахъ, по большей части занимаютъ мѣста на фабрикахъ и заводахъ въ провинціи, приносятъ съ собой разныя усовершенствованія, то новое „послѣднее слово" техники, которое они узнали въ школѣ. Но наука и опытъ идутъ впередъ безостановочно, новое весной нерѣдко дѣлается устарѣвшимъ къ осени, а техники, сидящіе въ своей глуши, объ этомъ и понятія не имѣютъ и не могутъ его имѣть, если нѣтъ у нихъ въ рукахъ періодическаго изданія, оповѣщающаго объ „открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ". Въ Западной Европѣ чуть ли не каждая отрасль промышленности имѣетъ свой спеціальный органъ печати. У насъ такихъ спеціальныхъ журналовъ пока очень немного, и надо отдать справедливость *Техническому сборнику* въ томъ, что онъ внимательно слѣдитъ за новостями „по всѣмъ отраслямъ промышленности" и,—что въ особенности важно,—за технической литературой, русской и иностранной. Библіографическіе отзывы пишутся всегда людьми вполнѣ компетентными и часто появляются подписанными самыми авторитетными именами. Можно пожелать только, чтобы редакція почтеннаго журнала нашла возможнымъ расширить этотъ отдѣлъ. Дополненіемъ къ нему служитъ ежемѣсячно печатаемый списокъ новыхъ книгъ, вышедшихъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ. Большинство крупныхъ статей, помѣщенныхъ въ десяти книжкахъ журнала за текущій годъ, доступно, конечно, только спеціалистамъ, каковы, наприм., статьи: профессора А. В. Гречанинова, *Объ устойчивости движенія регуляторовъ,* добрая половина которой занята математическими формулами, И. П. Александрова, *Проектъ динамо-машины въ 50 вольтъ×50 амперъ,* профессора П. В. Котурницкаго, *О вліяніи центробѣжной силы при расчетѣ пружинъ въ плоскихъ регуляторахъ* и др. За то полны интереса, не для однихъ только техниковъ, всѣ статьи, посвященныя Нижегородской все-

россійской выставкѣ нынѣшняго года. Изъ нихъ мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на статьяхъ: *Русское нефтяное дѣло*, В. Н. Оглоблина, *Сельско - хозяйственная химико - техническая промышленность*, проф. Я. Я. Никитинскаго, и *Кустарная промышленность въ экспонатахъ на Нижегородской выставкѣ*, инж.-тех. К. А. Филиппова. Съ нѣкоторыми взглядами автора на лучшіе способы для земствъ оказать поддержку кустарной промышленности мы не можемъ согласиться. Такъ, разбирая дѣятельность московскаго кустарнаго музея, г. Филипповъ указываетъ на постоянный дефицитъ этого въ высокой степени полезнаго учрежденія и приходитъ къ такому заключенію: „При ограниченности средствъ музей не долженъ былъ разбрасываться въ желаніи привлечь къ своей дѣятельности кустарей чуть не 25 производствъ, а могъ свои силы и средства использовать съ большею интенсивностью на 2—3 промыслахъ“. Вопросъ, по нашему мнѣнію, не въ томъ, что онъ „могъ“, а въ томъ, что „долженъ“ былъ онъ сдѣлать: покровительствовать 2—3 промысламъ, оставляя всѣ остальныя на произволъ судьбы, т.-е. эксплуатаціи кулаковъ-скупщиковъ, или поддерживать въ мѣру своихъ средствъ наибольшее число кустарей съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ со стороны земства? Въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ самъ авторъ даетъ на это вполнѣ основательный отвѣтъ: „выдти изъ такого положенія можно увеличеніемъ оборотнаго капитала“, предоставляемаго въ распоряженіе кустарнаго музея. Не согласны мы и съ тѣмъ еще, что авторъ отдаетъ предпочтеніе, передъ московскою, системѣ, принятой вятскимъ земствомъ для развитія кустарныхъ промысловъ обученіемъ кустарей черезъ простыхъ мастеровъ изъ крестьянъ, необразованныхъ, иногда не грамотныхъ, но за то дешевыхъ. Московское земство дѣлаетъ то же самое при помощи людей, получившихъ высшее техническое образованіе. Мы думаемъ, что такимъ только способомъ и можно поднять кустарные промыслы на ту высоту, которая дастъ имъ средства существовать и развиваться. Вятскіе мастера - инструкторы не внесутъ никакого усовершенствованія въ свое дѣло ни въ техническомъ, ни въ художественномъ отношеніи, и сами они, и ихъ ученики останутся при тѣхъ же пріемахъ и образцахъ, какими пользовались ихъ отцы и дѣды. Только истинно образованные техники и художники могутъ двинуть впередъ и спасти такихъ кустарей, какъ рѣзчики, мебельщики, иконописцы, часовщики... да и всѣ остальные. На привлеченіе такихъ людей къ кустарному дѣлу не слѣдуетъ жалѣть денегъ. Очень большой интересъ для техниковъ, архитекторовъ, фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ представляетъ статья профессора П. К. Худякова: *Новые типы металлическихъ и деревянныхъ покрытій для зданій по системѣ инженера Шухова* (съ пояснительными рисунками).

Читатели *Техническаго сборника* найдутъ не мало любопытнаго и полезнаго въ отдѣлѣ журнала, имѣющемъ общее заглавіе: *Мелкія техническія и другія замѣтки*. Изъ таковыхъ мы укажемъ на статьи: г. Томсона *Искусственное пониженіе температуры*, г. Тумскаго *Новый способъ окрашиванія мѣховъ*, г. Харичкова *Дѣйствіе нефтяныхъ продуктовъ на металлическій алюминій*, *Испытанія надъ смазочными маслами*.

Многія статьи иллюстрированы рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. По многимъ отраслямъ промышленности журналъ сообщаетъ новѣйшія статистическія данныя. Каждая книжка заканчивается опубликованіемъ *Правительственныхъ распоряженій*, касающихся

нашей промышленности. Подписная цѣна журналу на годъ съ доставкой и пересылкой 16 руб., на полгода—9 руб.

Маслобойное производство. Руководство къ добыванію конопляннаго, подсолнечнаго, сурѣпнаго и прочихъ маслъ изъ масляничныхъ растеній, воздѣлываемыхъ въ Россіи. Составилъ инженеръ-технологъ К. К. Веберъ. Второе значительно дополненное изданіе Девріена. Ц. 1 р. 50 к. Г. Веберъ въ сравнительно короткое время обогатилъ русскую литературу цѣлой технической энциклопедіей,—онъ написалъ рядъ книгъ по всевозможнымъ техническимъ производствамъ. Въ виду такой необыкновенной разносторонности и слишкомъ спѣшной работы, труды г. Вебера не могутъ, конечно, удовлетворить и самыхъ скромныхъ требованій, но при крайней бѣдности нашей технической литературы спросъ на нихъ, все-таки, есть и спросъ, повидимому, хорошій, если книга въ короткое время выходитъ вторымъ изданіемъ. Для техническаго сочиненія это явленіе далеко не заурядное, это—выдающійся успѣхъ, объясняемый значительною потребностью въ такого рода сочиненіяхъ, болѣе или менѣе популярной формой изложенія и сравнительною дешевизной изданій Девріена. Хорошо изданная книга съ 91 рисункомъ стоитъ всего 1 р. 50 к. Затѣмъ очень важно и то, что авторъ умѣетъ придать своимъ трактатамъ практическій характеръ, сопровождаетъ описаніе производствъ цифровыми данными, цѣнами машинъ, смѣтами, проектами, указаніемъ фирмъ, отъ которыхъ можно пріобрѣсти аппараты, машины, матеріалы и т. п. Насколько надежны и солидны этого рода данныя—пусть скажутъ тѣ, кто пользовался на практикѣ указаніями Вебера. Къ великому сожалѣнію и во второмъ дополненномъ (но не исправленномъ въ надлежащей степени) изданіи встрѣчаются болѣе или менѣе крупные недочеты, что, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторъ не придаетъ особаго значенія научной точности сообщаемыхъ фактовъ и ко многому, можетъ быть, умышленно, относится весьма поверхностно. Такъ, говоря объ извлеченіи маслъ нефтяными углеводородами, онъ ограничивается указаніемъ на канадоль и ни слова не упоминаетъ о томъ, что у насъ есть свои бензины и газолины, которые не дороже, а дешевле сѣроуглерода. Вообще объ экстрагированіи нефтяными маслами слѣдовало бы сказать больше и пообстоятельнѣе. Точно также крайне поверхностны и недостаточны свѣдѣнія о производствѣ въ Россіи клещевиннаго масла. Проба на повышеніе температуры растительныхъ маслъ при обработкѣ ихъ крѣпкою сѣрною кислотою описана невѣрно (масло надо взбалтывать), а потому и предѣльныя повышенія температуры не показаны. Съ чистымъ конопляннымъ масломъ, наприм., температура доходитъ до 125° Ц., а г. Веберъ даетъ только 73°. Такія же пониженныя цифры даны и для другихъ маслъ. Вмѣсто удѣльныхъ вѣсовъ данъ вѣсъ четверика. Мы указываемъ то, что бросается въ глаза уже при сравнительно бѣгломъ просмотрѣ книги. Отъ второго изданія можно бы желать болѣе внимательной редакціи и отсутствія столь значительныхъ пробѣловъ. Нельзя не пожалѣть, что спросъ на подобныя изданія удовлетворяется такими недодѣланными работами.

———

МЕДИЦИНА.

„Руководство къ кормленію больныхъ для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр.“. *Munk'а и Uffelmann'а.* — „Какъ намъ обуваться?“ Д-ра *В. Гориневскаго.* — „Вредъ и опасность отъ употребленія молока отъ больныхъ коровъ и плохого его сохраненія“. *С. И. Самборскаго.* — „Къ методикѣ опредѣленія растворенпаго въ водѣ кислорода“. *Г. В. Хлопина.*

Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пр'ютами и пр. Munk'а (прив.-доц. Берлинскаго университета) и Uffelmann'а (проф. и директора гигіеническаго института при университетѣ въ Роштокѣ). Перев. съ нѣкоторыми дополненіями со 2-го нѣмецкаго изданія д-ра К. Н. Пурицъ и д-ра Г. Ю. Явейнъ (прив.-доц. Императ. Военномедиц. академіи). Спб., 1895 г. Изд. К. Риккера. Питаніе больного человѣка составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій успѣшнаго хода лѣченія при всякаго рода болѣзняхъ, что признавалось съ самыхъ древнихъ временъ. Гиппократовскій принципъ строгой индивидуализаціи кормленія въ настоящее время имѣетъ самое широкое примѣненіе не только въ частной практикѣ, но въ земскихъ и другихъ больницахъ. Въ русскомъ изданіи нѣмецкаго сочиненія, снабженномъ существенно важными добавленіями, излагаются основы діэтетики больныхъ, условія обмѣна веществъ, значеніе разнаго рода пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ, задачи кормленія при острыхъ и хроническихъ заболѣваніяхъ. Въ концѣ книги помѣщены необходимыя свѣдѣнія о существующихъ больничныхъ порціонахъ, какъ-то: діэта больныхъ и выздоравливающихъ въ больницахъ и въ отдѣльныхъ пріютахъ или санаторіяхъ, раціоны въ отдѣльныхъ госпиталяхъ (въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, во французскихъ военныхъ госпиталяхъ и пр.). Для Россіи приведены табели въ барачной больницѣ въ память С. П. Боткина, въ постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ, въ бендерскомъ мѣстномъ лазаретѣ, въ тульской губернской земской больницѣ и въ копельскомъ мѣстномъ военномъ лазаретѣ и въ дѣтскихъ больницахъ. Подобнаго рода данныя, въ связи съ опредѣленіемъ количества отдѣльныхъ продуктовъ и ихъ составныхъ частей, а равно стоимости содержанія одного больного, даютъ необходимыя руководящія основанія для предѣльнаго веденія хозяйственной части въ больницахъ съ возможной экономіей и съ большею пользой для больныхъ.

Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Д-ра В. Гориневскаго. Спб., 1896 г. Небольшая брошюра, посвященная одному изъ самыхъ важныхъ въ обыденной жизни вопросовъ, заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Въ общедоступной формѣ авторъ излагалъ въ публичной лекціи для образованныхъ слушателей въ петербургскомъ педагогическомъ музеѣ еще въ 1889 г. недостатки современной обуви, средства для ихъ устраненія и т. д. Появленіе этой лекціи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ отдѣльною брошюрой, посвященной с.-петербургскому родительскому кружку, имѣетъ цѣлью распространить среди возможно большаго круга людей свѣдѣнія о пріемахъ постройки нормальной обуви, о матеріалѣ для нея и о способахъ сниманія мѣрки для правильной обуви.

Вредъ и опасность употребленія молока отъ больныхъ коровъ и плохого его сохраненія. С. И. Самборскаго. Спб., 1896 г. Цѣна 50 коп. Названная брошюра составлена по порученію с.-петербургской губернской земской управы губернскимъ земскимъ ветеринарнымъ

врачомъ съ цѣлью обратить вниманіе потребителей на вредъ и опасность молока недоброкачественнаго и, въ особенности, отъ больныхъ коровъ. Это спѣшно составленная компиляція, хотя и была предварительно одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, вызвала уже рѣзкую оцѣнку въ спеціальной печати (*Обществ.-санит. Обозр.* 1896 г., № 22). Авторъ главнымъ образомъ описываетъ встрѣчающіяся у коровъ болѣзни, вредныя и опасныя для потребителей молока, но, помимо спеціальныхъ недостатковъ, обмолвокъ и умолчаній, изложеніе страдаетъ растянутостью и туманностью объясненій, что дѣлаетъ ее малопригодной для тѣхъ читателей, которые имѣлись въ виду при изданіи общедоступной брошюры.

Къ методикѣ опредѣленія растворенннаго въ водѣ кислорода. Сравнительная оцѣнка наиболѣе употребительныхъ способовъ опредѣленія растворенннаго въ водѣ кислорода и важнѣйшихъ санитарныхъ критеріевъ загрязненія питьевыхъ водъ. Г. В. Хлопина. Дисс. Москва, 1896 г. Несмотря на спеціальную тему названной работы, произведенной въ 1892—1895 гг. въ гигіеническомъ институтѣ Московскаго университета, подъ руководствомъ проф. Эрисмана, она представляетъ серьезное общественное значеніе, въ особенности по содержанію заключительной главы о сравнительной оцѣнкѣ санитарнаго значенія химическихъ и бактеріологическихъ критеріевъ загрязненія воды. Содержаніе первыхъ трехъ главъ (способы полученія изъ воды растворенныхъ газовъ, опредѣленіе растворенннаго въ водѣ кислорода по различнымъ способамъ и т. д.) касается одного изъ весьма важныхъ спеціальныхъ вопросовъ техники санитарныхъ изслѣдованій.

Вообще для опредѣленія степени и свойства загрязненія воды въ настоящее время служатъ 11 разнородныхъ величинъ (десять химическихъ и одна біологическая), но все же и теперь ощущается большой пробѣлъ въ теоретическомъ отношеніи и потребность найти наиболѣе правильный, въ практическомъ отношеніи, показатель годности или негодности воды для питья. Въ административно-санитарной практикѣ по традиціи примѣняются обычно прежніе шаблонные пріемы, съ которыми современная гигіена давно уже находится въ разладѣ. Между тѣмъ въ обыденной жизни многіе шаблонные взгляды все еще держатся, пораждая цѣлый рядъ недоразумѣній, въ особенности, при бактеріологическомъ изслѣдованіи доброкачественности воды. Въ виду этого, весьма важно, съ общественной точки зрѣнія, отмѣтить окончательный выводъ указанной работы изъ цѣлаго ряда экспериментальныхъ изслѣдованій, что самымъ ненадежнымъ показателемъ загрязненія воды слѣдуетъ признать *количество находящихся въ нихъ бактерій*. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе важенъ, что въ административной практикѣ выемки воды для „бактеріологическаго" изслѣдованія производятся иногда самымъ курьезнымъ образомъ. Коэффиціентъ измѣняемости кислорода, по мнѣнію автора, можетъ служить показателемъ далеко не всегда и можетъ вести къ грубымъ ошибкамъ. Наиболѣе надежнымъ способомъ онъ признаетъ старую, такъ называемую „марганцевую пробу", особенно, если пользоваться ею *вмѣстѣ съ другими* химическими и физическими показателями загрязненія воды. Въ настоящее время, по нашему мнѣнію, вполнѣ было бы желательно, чтобы спеціалисты, не ограничиваясь „академическими" изслѣдованіями, составили общедоступно изложенную оцѣнку гигіеническихъ критеріевъ при изслѣдованіи воды, въ виду того, что результатами административно-санитарныхъ „анализовъ" прихо-

дится большею частью руководствоваться не врачамъ, но или юристамъ, или же прямо чинамъ полиціи.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА *).

Разоренное гнѣздо. Разсказъ А. Сливицкаго. Изд. Л. Поливанова. Ц. 1 р. 25 к. Талантливо написанный разсказъ, изъ котораго дѣти познакомятся съ жизнью и привычками медвѣдей, съ тѣмъ—какъ они устраиваютъ берлоги, какъ проводятъ зиму, какъ охотятся, чѣмъ питаются и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены въ формѣ занимательной повѣсти, начиная съ веселаго дѣтства медвѣдя и кончая его смертью отъ дряхлости въ дремучемъ лѣсу. Особенное удовольствіе доставятъ дѣтямъ главы, посвященныя проказамъ медвѣженка, попавшаго къ офицеру и описывающія нѣжную привязанность къ нему денщика.

Разсказъ написанъ прекраснымъ, доступнымъ дѣтямъ языкомъ и проникнутъ теплымъ чувствомъ; чтеніе его доставитъ дѣтямъ 7—12 лѣтъ, кромѣ научныхъ свѣдѣній, и художественное наслажденіе.

Разсказы Киплинга. М., 1896 г. Ц. 50 к. Съ рисунками. Разсказы Киплинга посвящены тропической природѣ Индіи. Написаны они талантливо и ярко. Дѣйствующія лица—животныя и люди. Въ наиболѣе значительномъ по объему разсказѣ, ребенокъ попадаетъ въ волчью семью, тамъ воспитывается, участвуетъ въ совѣтахъ звѣрей, въ ихъ охотѣ и т. д.

Разсказъ въ нѣкоторой степени является сатирой на людей. Переводъ довольно хорошъ. Неудачны нѣкоторыя изъ стихотвореній. Книга подходитъ для дѣтей средняго и старшаго возраста.

Дворянскій сынъ Григорій Рогожинъ. Повѣсть для дѣтей Н. Островской. Москва, 1896 г. Ц. 90 к. Григорій Рогожинъ — историческая повѣсть изъ временъ Петра I, главной темой которой служитъ воспитаніе и образованіе дворянъ отъ азбуки до возвращенія изъ чужеземныхъ странъ. Заграничная жизнь любознательнаго Рогожина и его удивленіе тому, что онъ тамъ видитъ, даетъ возможность полнѣе обрисовать отсталость Россіи отъ Запада въ началѣ 18 в. Въ повѣсти видно обстоятельное знакомство автора съ эпохой, и она прочтется старшимъ возрастомъ съ пользой и интересомъ, хотя нѣкоторыя подробности можно бы сократить.

УЧЕБНИКИ.

„Разборъ учебныхъ руководствъ по русскому языку“. *Якова Гогебашвили.*—„Школка грамоты. Начатки родного языка, Христова ученія и счета для крестьянскихъ ребятъ“.—„Геометрическое черченіе. Руководство для ремесленныхъ, техническихъ и т. п. учебныхъ заведеній и для самообученія“. *П. И. Межеричера.* — „Собраніе ариѳметич. упражн. для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготов. класса“. *А. И. Гольденберга.*—„Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ“. Часть I и II. *В. Гебеля.*

Разборъ учебныхъ руководствъ по русскому языку. Якова Гогебашвили. Тифлисъ, 1896 г. Цѣна 50 к. Я. С. Гогебашвили пользуется извѣстностью въ кавказской педагогической литературѣ. Онъ

---

*) Отзывы Педагогическаго отдѣла общ. У. и В.

является не только составителемъ лучшихъ руководствъ по грузинскому и русскому языкамъ для инородческой школы, но однимъ изъ подготовленныхъ представителей по раціональной постановкѣ государственнаго языка среди многочисленныхъ инородцевъ Кавказскаго края. Слѣдя внимательно за учебниками по русскому языку, г. Гогебашвили помѣщалъ въ тифлисскихъ органахъ обстоятельныя критическія статьи, которыя нынѣ онъ собралъ и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Сюда вошелъ разборъ тѣхъ руководствъ, которыя имѣютъ примѣненіе въ кавказскихъ инородческихъ школахъ, таковы: *Родное Слово* Ушинскаго, *Русская рѣчь* Вольнера, *Курсъ русскаго языка для начальныхъ училищъ Закавказья* Ф. Левитскаго и *Русская рѣчь* Черняевскаго. Авторъ „критическихъ статей" отмѣчаетъ непригодность для кавказскихъ дѣтей названныхъ учебниковъ, составленныхъ или для учащихся, знакомыхъ съ живою русскою рѣчью, или игнорирующихъ помощь родного языка при изученіи государственнаго языка, или слабыми знатоками туземныхъ языковъ. Всякій начальный учебникъ русскаго языка,—говоритъ г. Гогебашвили,—долженъ опираться съ одной стороны на наглядность, съ другой — на систематическое содѣйствіе родного языка, причемъ это содѣйствіе должно быть оказываемо сначала живымъ словомъ учителя, а затѣмъ книжнымъ переводомъ. Всѣмъ памятны золотыя слова указа Царя-Освободителя, даннаго 30 августа 1867 года: „Не позволяя кому бы то ни было превращать науки въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію... Преподаваніе во всѣхъ начальныхъ училищахъ производится на природномъ языкѣ жителей города или селенія, дѣти коихъ посѣщаютъ школу". Игнорированіе родной инородческой рѣчи будетъ сопровождаться печальными результатами для самого русскаго языка. „Начать обученіе ребенка чуждому,—говоритъ К. Д. Ушинскій,—когда онъ еще плохо читаетъ на родномъ языкѣ, не значитъ ли убить развитіе и охоту къ ученію въ самомъ началѣ?" „Любви и уваженію къ Россіи,—замѣчаетъ проф. Ламанскій,— скорѣе научитъ народная школа съ роднымъ языкомъ". Неутѣшительныя послѣдствія обученія дѣтей въ кавказскихъ школахъ достаточно извѣстны. Школы эти, дѣйствуя болѣе двадцати лѣтъ, оказались безплодными, возбудили равнодушіе сельскаго населенія къ обученію, быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что преподаваніе предметовъ въ теченіе второй половины трехгодичнаго курса совершается на русскомъ языкѣ, весьма мало понятномъ дѣтямъ-инородцамъ.

Школка грамоты. Начатки родного языка, Христова ученія и счета для крестьянскихъ ребятъ. Самара, 1896 г. Цѣна 5 к. Разбираемая книжка представляетъ изъ себя обыкновенный букварь, но сокращенный и принаровленный для такъ называемой школы грамотности. Учитель названной школы, зачастую просто крестьянскій мальчикъ-подростокъ, въ большинствѣ случаевъ не обладаетъ ровно никакими свѣдѣніями по методикѣ, а разсматриваемая нами краткая „азбука", составленная довольно обстоятельно и содержащая въ себѣ не только матеріалъ, необходимый для прохожденія съ учениками на цѣлую зиму, но и руководство для неопытнаго учителя, можетъ быть названа явленіемъ вполнѣ желательнымъ. Цѣна *школки* стоитъ внѣ всякой конкурренціи, что также говоритъ въ пользу каждаго изданія, предназначаемаго для народа.

Тѣмъ не менѣе, однако, не можемъ не выразить нѣкотораго недо-

умѣнія по адресу г. Александровича, составителя *Школки грамоты*. Въ концѣ своего руководства для неопытнаго учителя г. Александровичъ говоритъ, что „хотя изложенныя имъ указанія и сдѣлаютъ обученіе болѣе цѣлесообразнымъ, но ихъ весьма недостаточно для вполнѣ успѣшнаго веденія дѣла", а потому отсылаетъ всякаго малоопытнаго учителя все къ тѣмъ же книгамъ Бунакова, Ушинскаго, Миропольскаго и др. Спрашивается, къ чему же было въ такомъ случаѣ самому г. Александровичу огородъ городить?

Геометрическое черченіе. Руководство для ремесленныхъ, техническихъ и т. п. учебныхъ заведеній и для самообученія. П. И. Межеричера. Одесса. Цѣна 1 руб. Руководство Межеричера составлено по извѣстному труду швейцарскаго профессора Делабара (I томъ. *Anleitung zum Linearzeichnen mit besonderer Berücksichtigun gdes gewerblichen und technischen Zeichnens, als Lehrmittel für Lehrer und Schüler*. 5 изданіе). Составитель сдѣлалъ только нѣкоторыя сокращенія и измѣненія, чтобы приспособить свое руководство къ программамъ ремесленныхъ и т. п. училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Трудъ г. Межеричера представляетъ собою маленькую, чистенько изданную тетрадку, съ 50 страничками текста и 16 табличками чертежей, хорошо гравированныхъ на камнѣ. Очень полезны для начинающихъ даваемыя въ руководствѣ свѣдѣнія о краскахъ и другихъ чертежныхъ приспособленіяхъ. Вообще книжка Межеричера можетъ служить полезнымъ пособіемъ при преподаваніи геометрическаго черченія, но весьма сомнительно, чтобы она годилась для самообученія. Текстъ для этого совершенно неподходящій и желающіе самообучаться, по всей вѣроятности, ничего въ немъ не поймутъ.

Собраніе ариѳметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготовительнаго класса. А. И. Гольденберга. Ц. 25 к. Въ массѣ однородныхъ и утомительно однообразныхъ ариѳметическихъ задачниковъ книжка г. Гольденберга замѣтна по толковому подбору задачъ и ясному ихъ изложенію. Темы для упражненій большею частью взяты прямо изъ жизни и попутно знакомятъ съ именованными величинами, цѣнами товаровъ и т. п. Задачи расположены, конечно, по возрастающей степени трудности.

Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть I—теорія, часть II—задачи. В. Гебеля. Цѣна за обѣ части 55 к. Руководство Гебеля предназначается для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ алгебра проходится въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, напримѣръ для женскихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, профессіональныхъ и друг. училищъ. Такимъ образомъ трудъ составителя сводится къ пропуску нѣкоторыхъ статей и къ значительному сокращенію остального матеріала. Въ смыслѣ краткости учебникъ г. Гебеля не оставляетъ желать ничего лучшаго. Пріятно, конечно, имѣть всю суть алгебры на 85 страничкахъ, на которыхъ къ тому же не мало мѣста отведено примѣрамъ. Но, намъ кажется, по изложенію онъ очень труденъ для учащихся. Сокращенное руководство слѣдовало бы написать полегче. Написано же оно хотя и очень хорошимъ языкомъ, но для учениковъ такое изложеніе тяжеловато. Впрочемъ, въ предисловіи намъ показались несовсѣмъ понятными слѣдующія разсужденія составителя: „Заслуживаетъ, впрочемъ, самаго серьезнаго вниманія тотъ фактъ, что молодой умъ съ удовольствіемъ принимается за науку, которая не только даетъ ему новыя знанія, но и расширяетъ горизонтъ его математическихъ понятій, пріучая его къ великой идеѣ

обобщенія. Наоборотъ, всякое стремленіе замѣнить яко бы трудную для него алгебру суррогатами вродѣ псевдо-ариѳметическихъ теоремъ объ умноженіи суммы на сумму и т. д., вызываетъ въ немъ только *недоумѣніе*, а затѣмъ *отвращеніе*" (курсивъ нашъ). Задачи подобраны интересныя и довольно разнообразныя. Изложены онѣ толково. Цѣна книжекъ весьма умѣренная.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Русскія книги. Съ библіографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 гг.). Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Вып. VIII.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 гг.). Редакція С. А. Венгерова, изданіе Г. В. Юдина. Выпускъ VIII. Антрациты—Арсеній. Спб., 1896 г. Ц. 35 к. Новый только-что выпущенный въ свѣтъ восьмой выпускъ громоздкаго предпріятія г. Венгерова съ еще большею настойчивостью подчеркиваетъ всю пользу и своевременность подобнаго предпріятія. Всѣмъ работающимъ на литературномъ и научномъ поприщахъ хорошо извѣстна наша бѣдность во всякаго рода справочныхъ пособіяхъ, а по библіографіи въ особенности. Собрать литературу по какой-либо научной дисциплинѣ или для составленія біографіи и списка сочиненій какого-либо лица у насъ часто граничитъ съ предпріятіемъ, возможность скораго осуществленія котораго составляетъ очевидную нелѣпость. Послѣ многочисленныхъ и долголѣтнихъ изысканій нерѣдко легко заслужить упрекъ, и упрекъ основательный, за неполноту въ подборѣ библіографическаго матеріала со стороны критика, которому пробѣлы долголѣтняго труда ясны въ силу простой случайности. Трудъ г. Венгерова, если только онъ доведетъ его до конца, а главное возможно скоро, сдѣлаетъ его имя весьма цѣннымъ въ области русской библіографіи, до сихъ поръ лишенной пріюта въ какомъ-либо спеціальномъ учрежденіи. Г. Венгеровъ въ сравнительно небольшой промежутокъ времени успѣлъ издать уже восемь выпусковъ своей работы. Въ послѣднемъ выпускѣ отмѣтимъ статьи о Д. Н. Анучинѣ, П. Н. Араповѣ, Н. Я. Аристовѣ, Ю. К. Арнольдѣ, также объ ариѳметикахъ и аонидахъ. Изданію г. Венгерова успѣхъ обезпеченъ, но желательно, чтобы была обезпечена также быстрота выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ выпусковъ. *Русскія книги* составлены по 1893 г., теперь заканчивается 1896 г., а предпріятіе г. Венгерова еще не закончило буквы *А*. Самъ авторъ къ тому же объявляетъ эту новую работу свою подготовительной для его извѣстнаго *Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ*; у него на рукахъ кромѣ того еще капитальный трудъ *Русская поэзія*. Когда все это можно будетъ довести до конца одному лицу, стоящему во главѣ нѣсколькихъ громоздкихъ предпріятій, сопровождаемыхъ кромѣ того отвѣтственной редакціей по исторіи русской литературы въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* гг. Брокгауза и Ефрона? Положимъ, что всѣ эти работы имѣютъ между собой много общаго, однако концентрація ихъ въ однѣхъ необыкновенно энергичныхъ, правда, рукахъ показываетъ, насколько еще мы бѣдны научными силами, насколько у насъ мало культурныхъ работниковъ. Въ этой недостаточности силъ признаются всѣ главари разныхъ с.-петербургскихъ предпріятій, начиная съ публицистическихъ и кончая библіографическими, біографическими и энциклопедическими.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *сентябрь и октябрь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *ноябрь*.—„Вѣстникъ Европы“, *ноябрь*.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ *Русскаго Богатства* г. Немировскій закончилъ свою большую повѣсть *Напасть*. Мы уже обращали вниманіе читателя на выдающіяся достоинства этого произведенія. Было бы не трудно, конечно, найти въ немъ значительные недостатки въ отношеніи художественномъ; но по широтѣ задачи, поставленной себѣ авторомъ, по глубинѣ положенныхъ въ основаніе произведенія идей, по широкой картинѣ народной жизни, развертываемой авторомъ передъ читателемъ, — повѣсть г. Немировскаго безспорно представляетъ выдающееся беллетристическое произведеніе этого года. Въ этомъ отношеніи оно производитъ даже нѣсколько странное впечатлѣніе: въ нашей сѣренькой дѣйствительности, среди той массы „хмурыхъ“ людей, которой переполнены какъ сама жизнь, такъ и окружающая ее беллетристика, читатель невольно отвыкаетъ отъ общихъ точекъ зрѣнія, отъ всеобъемлющихъ принциповъ, отъ картинъ жизни, набрасываемыхъ широкими взмахами кисти. Можетъ быть, именно поэтому на рядового современнаго читателя повѣсть г. Немировскаго не произведетъ того впечатлѣнія, которое оно могло и должно бы произвести при иномъ, болѣе бодромъ и активномъ общественномъ умонастроеніи. Если же предположеніе наше вѣрно, то, разумѣется, вся вина не на сторонѣ автора, а на сторонѣ отвыкшаго отъ общихъ идей читателя.

Мы уже указывали, что г. Немировскій дѣлаетъ нѣкоторый новый вкладъ въ извѣстный вопросъ о толпѣ и герояхъ, изображая героя не случайнымъ иниціаторомъ совершаемаго толпой дѣянія, а человѣкомъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сконцентрировались всѣ настроенія и понятія толпы—настроенія и понятія, созданныя сложными историческими причинами, цѣлымъ рядомъ условій жизни этой толпы, ея массовымъ самосознаніемъ. Бирюкъ г. Немировскаго отнюдь не похожъ на неопредѣленный образъ Толстовскаго солдатика, нанесшаго первый ударъ Верещагину; точно такъ же, какъ благодушный мужичекъ Фролъ, самый яркій представитель той массы, которая совершила свое ужасное дѣяніе, по опредѣленности и ясности своего міровоззрѣнія неизмѣримо рельефнѣе и ярче не расчлененной на индивидуумы толпы, совершающей аналогичное преступленіе въ знаменитомъ романѣ Толстого. Несомнѣнно, что здѣсь сдѣланъ шагъ впередъ не только въ области соціологическаго мышленія, но и въ области художественнаго изображенія явленій дѣйствительности.

Какое же, однако, отношеніе между настроеніями толпы и народныхъ массъ и идеями и понятіями правящихъ классовъ общества, такъ называемыхъ, культурныхъ людей? Авторъ съ первыхъ страницъ своей повѣсти совершенно не двусмысленно высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ отношеніи: всякій сколько-нибудь проницательный читатель, прочтя сцену совѣщанія у губернатора, придетъ къ заключенію, что между культурными людьми и волнующейся народной массой стоитъ одно громадное недоразумѣніе и взаимное непониманіе. Это явленіе, такъ называемое идейный разрывъ между массами и культурными слоями населенія, разумѣется, не составляетъ какой-нибудь отличительной особенности русской жизни; это свойство всякаго общества, недостаточно диференцированнаго, не разложившагося на обособленные классы, обла-

дающіе опредѣленнымъ классовымъ сознаніемъ. Англія переживала такой идейный разрывъ въ XIV в., Франція въ XVII и началѣ XVIII в., Германія, въ разныхъ ея частяхъ, даже въ первой половинѣ нашего столѣтія.

Толпа г. Немировскаго несетъ возмездіе за совершенныя ею дѣянія. Она стоитъ передъ судомъ. Картина суда, между прочимъ, нарисована г. Немировскимъ замѣчательно яркими красками; каждая личность изъ участвующихъ въ этой драмѣ выступаетъ на общемъ полотнѣ картины рѣзко очерченнымъ рельефомъ. Кажется, что читаешь записанный умѣлымъ стенографистомъ отчетъ настоящаго судебнаго засѣданія. Рядовой членъ толпы, Фролъ, этотъ законникъ-консерваторъ, и на судѣ и послѣ суда, вопреки всякой очевидности, продолжаетъ слѣпо вѣровать въ свой фантастическій „порядокъ закона“, повелѣвающій истреблять народныхъ отравителей „по реэстру“, продолжаетъ геройски, „по Божески“, „по душѣ“, свидѣтельствовать о живыхъ покойникахъ, о „сердешныхъ сомлѣвшихъ“, о „шмарѣ“, пускаемой въ народъ и т. д.

Однимъ словомъ: „встрѣтились, очевидно, два совершенно различныя міровоззрѣнія; каждое говорило своимъ языкомъ, жило своими понятіями и вѣрованіями. И такъ безконечно далеко расходились эти два міра, на такихъ противоположныхъ полюсахъ жили они, что, какъ ни старались понять другъ друга, повидимому, не могли: ни тѣ, которые судили, казалось, не въ силахъ были проникнуть въ бездонную тьму,о изъ которой звучалъ этотъ вполнѣ убѣжденный голосъ, увѣрявшій, чтѣ баринъ въ бинокляхъ съ балкона пускалъ шмару въ народъ; ни т которыхъ судили, казалось, не могли понять, въ чемъ ихъ грѣхъ 'и какая ихъ вина. На этотъ разъ, однако, встрѣтившись лицомъ къ лицу, эти два міра не могли просто разойтись каждый въ свою сторону, какъ сходятся и расходятся они много лѣтъ въ разныхъ другихъ сферахъ жизни. На этотъ разъ они, силою закона, поставлены были въ необходимость не только объясниться, но и вполнѣ понять и выяснить себѣ: одни—всю напряженность преступной воли и неизбѣжность наказанія, другіе—всю великость своихъ прегрѣшеній и всю справедливость кары. Оставался одинъ выходъ: опереться на формальныя воззрѣнія закона. И предсѣдатель долженъ былъ рѣшиться не входить въ большія подробности при разспросахъ подсудимыхъ, не стремиться тщетно заглядывать въ душу каждаго отдѣльнаго обвиняемаго, а по необходимости ограничиться изслѣдованіемъ лишь тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми законъ опредѣляетъ преступленіе и въ проявленіи которыхъ предполагаетъ наличность преступной воли“.

Выходъ найденъ, формальныя требованія закона удовлетворены; масса Фроловъ, Бирюковъ и т. д. приговорены къ смертной казни и сосланы на Сахалинъ — и однако... Однако остается еще нѣчто, что никоимъ образомъ не можетъ примириться съ такимъ трагическимъ исходомъ трагической коллизіи воззрѣній и неуклонно и неустанно будетъ стремиться найти иной исходъ, кромѣ этого единственнаго возможнаго при существующихъ условіяхъ; будетъ искать лицъ или классовъ, которые составляли бы связующее звено между противоположными міровоззрѣніями. Это нѣчто есть простое человѣческое нравственное чувство,—человѣческая совѣсть,—субъективный соціологическій факторъ, противополагаемый какъ объективизму историческаго приговора, такъ и объективизму художественнаго изображенія. Раньше мы уже намекали на существованіе и въ жизни, и въ повѣсти г. Немировскаго такого возможнаго связующаго звена. Это — личность Митьки

Зубка. Мы говорили уже, что, при извѣстныхъ условіяхъ, героемъ толпы, состоящей изъ Фроловъ, могъ бы явиться не Бирюкъ, а именно Митька Зубокъ, который на судѣ говоритъ о себѣ: „я не такой глупецъ, чтобы вѣрить баснямъ, будто англійская королева покупаетъ докторовъ. Я не пойду съ толпой жечь больницу и убивать фельдшеровъ и врачей... Можетъ быть, еслибъ я былъ въ это время тамъ, я не отсталъ бы отъ тѣхъ, которые громили полицейскую часть".

Личность Зубка, совершенно неопредѣленная въ началѣ повѣсти, только немного выясняется передъ читателемъ при описаніи судебнаго слѣдствія. И, тѣмъ не менѣе, она такъ и осталась неразработанной авторомъ. Въ этомъ мы видимъ, между прочимъ, одинъ изъ крупныхъ недостатковъ въ произведеніи г. Немировскаго. Разночинцы разныхъ типовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и Зубокъ, играютъ, можетъ быть, и не видную, не показную, но чрезвычайно значительную роль въ ходѣ нашей общественной эволюціи,— и именно потому заслуживаютъ особенно внимательнаго къ нимъ отношенія. Г. Немировскій только мелькомъ даетъ заглянуть въ духовный міръ Зубка,—и мы, къ своему удивленію, открываемъ въ душѣ этого уличнаго буяна и гуляки цѣлый міръ самыхъ сложныхъ эмоцій, массу сантиментальностей, колебаній, сомнѣній и душевной искалѣченности. Незаконный сынъ князя Кейстутъ-Виллинскаго, сердечно преданный своей сестрѣ по крови, прелестной дѣвочкѣ, княжнѣ Леночкѣ, этотъ уличный буянъ со всегда готовымъ на драку кулакомъ, ненавидящій мелкую административную и полицейскую сошку, вѣчно протестующій противъ всего уклада жизни, въ которомъ нѣтъ мѣста ни для его отрицаній, ни для его благородныхъ порывовъ,— съ одной стороны крѣпко сознаетъ свою связь съ улицей, съ толпой, а съ другой стороны чувствуетъ невольное тяготѣніе къ той самой культурѣ, которую онъ отрицаетъ. И, конечно, потому, что эта культура, все-таки, единственная, существующая въ странѣ, потому, что разночинцу своей культуры создать еще не удалось и онъ волей-неволей, какъ листокъ къ свѣту, тянется къ барской культурѣ, приспособляется къ ней. Однимъ словомъ, эта личность далеко не цѣльная, не высѣченная изъ одного камня и постоянно двоящаяся если не въ своихъ убѣжденіяхъ, то въ своихъ эмоціяхъ и настроеніяхъ. Это пока еще „лишній человѣкъ", а не историческій дѣятель.

Какъ видите, при изображеніи Зубка, тонъ автора вѣренъ, и тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что онъ недостаточно разработалъ эту личность. Судьбы разночинца и въ нашей жизни, и въ нашей литературѣ, по-истинѣ, трагичны. Выступивъ въ незаконченныхъ, но могучихъ по таланту произведеніяхъ Помяловскаго растрепаннымъ, пьянымъ и свирѣпымъ парнемъ, съ сильными мускулами, но съ надорванной грудью и надломанной уже душой, съ опредѣленными, даже чрезмѣрно высокими требованіями своей жизни, онъ какъ-то черезчуръ быстро стушевывается, блѣднѣетъ, теряетъ индивидуальность и поглощается старой барской культурой, сливаясь со старыми типами „нытиковъ" и „лишнихъ людей", въ многочисленныхъ фигурахъ разночинцевъ г. Златовратскаго, г. Эртеля и друг. Не составляя отдѣльнаго, обособленнаго класса, онъ вѣчно колеблется между своими идейными настроеніями и своими эмоціональными стремленіями. Вѣчно сидя, такъ сказать, между двумя стульями, онъ находитъ единственный исходъ для присущихъ ему жизненныхъ активныхъ силъ въ такъ называемомъ „служеніи народу", отъ котораго, однако, въ области міропониманія

его отдѣляетъ цѣлая пропасть; а съ другой стороны, онъ, такъ сказать, прибѣдняется, не смѣетъ полагаться на силы своей собственной духовной личности, на свое собственное *я*, какъ имѣющее право жить, бороться и наслаждаться... Къ такому типу разночинцевъ принадлежитъ, собственно говоря, и Митька Зубокъ, хотя въ немъ, какъ и въ Михайлѣ покойнаго Каронина *(Снизу вверхъ)*, уже намѣчаются нѣкоторыя новыя черты... Во всякомъ случаѣ намъ думается, что эта фигура въ повѣсти г. Немировскаго представляетъ скорѣе символъ извѣстной идеи, чѣмъ живой реальный образъ.

Великое недоразумѣніе, существующее между массами и культурнымъ обществомъ, мститъ за себя не только муками удрученной совѣсти, страстно ищущей исхода, но и прямо фактически. У князя Кейстута-Вилинскаго, представителя старой культуры, прожившаго всю свою долгую жизнь, какъ онъ выражается, проходя мимо серьезныхъ вещей, не всматриваясь и не думая, умираетъ его хорошая дочка Леночка,—и умираетъ отъ дифтерита, свирѣпствовавшаго среди деревенскихъ дѣтей; только на порогѣ могилы, разбитымъ и уничтоженнымъ старикомъ, князь началъ смутно понимать великую идею солидарности всѣхъ людей. „Мы страдаемъ потому, что страдаютъ другіе. Когда другіе страдаютъ, должны и мы страдать,—писалъ онъ,—мы оставляемъ заразу и смерть на Домнѣ Савосиной, ограждаемъ себя отъ нея, въ страхѣ бѣжимъ отъ нея; а Домна Савосина приходитъ и приноситъ эту заразу и смерть Леночкѣ. Отецъ Небесный не отдѣлялъ своихъ дѣтей никакими преградами... Леночка своей дѣтской душой понимала то, чего я не понималъ всю жизнь, не понялъ до старости. А теперь стараюсь понимать, хочу понимать, какъ понимаетъ она...“ Смертный грѣхъ непониманія культурнымъ классомъ своего народа отомщенъ погибелью Митьки Зубка и смертью Леночки. Но чуткая совѣсть писателя не можетъ примириться на такомъ возмездіи, она ищетъ и хочетъ внести въ жизненныя явленія примиреніе и гармонію. На грустныхъ могилахъ князя и Леночки подаютъ другъ другу руки на вѣчный союзъ для борьбы съ міровымъ зломъ два другія разбитыя „напастью“ человѣческія существованія: Копылинъ и Юлія Райская „Но не на жизненный пиръ,—замѣчаетъ авторъ,—а точно съ похоронъ пошли эти два человѣка отъ церковной ограды...“ „Изъ самой глубины измученнаго сердца читателя вырывается мистическій вопросъ: „Что соединяетъ? Что разъединяетъ? Соединяетъ ли жизнь? Разъединяетъ ли смерть?...“

Подобные мистическіе вопросы неизбѣжно вырываются изъ человѣвѣческаго сердца въ эпоху разрушенія стараго, на смѣну которому не идетъ пока ничего новаго.

Въ той же книгѣ *Русск. Бог.* напечатанъ любопытный очеркъ изъ чукотской жизни г. Тана: „Кривоногій“. Очеркъ прочтется съ любопытствомъ, тѣмъ не менѣе намъ думается, что авторъ напрасно облекъ свои интересныя наблюденія чукотской жизни въ беллетристическую форму. Мы полагаемъ, что беллетристъ всегда правъ, когда онъ открываетъ передъ нами новые, еще неизвѣданные міры духовной жизни. Но существуетъ, однако, предѣлъ, переступать черезъ который художественное произведеніе не можетъ,—этотъ предѣлъ составляетъ большая или меньшая степень *понятности* для насъ изображаемаго міра. Мы настолько же не можемъ понять какого-нибудь фантастическаго міра обитателей Марса, какъ и совершенно животнаго міра обитателей Чукотской Земли. Когда мы читаемъ, наприм., *Хайлахъ* г. Сѣрошевска-

го или *На краю лѣсовъ* его же,—мы совершенно ясно понимаемъ законность изображенія быта полудикарей въ формѣ художественнаго произведенія. И понимаемъ именно потому, что передъ нами фигурируютъ люди такіе же, какъ мы сами,—съ тѣми же страстями, помыслами и вожделѣніями, съ тѣми же стремленіями къ счастью, прогрессу, развитію и т. д. Совсѣмъ не то мы видимъ въ очеркѣ г. Тана. Передъ нами не столько люди, сколько голодные звѣри, страдающіе отъ каръ жестокой и немилосердной природы. Психическая жизнь — это единственное содержаніе всякаго художественнаго произведенія— отсутствуетъ. Передъ нами только чисто животныя, физическія отправленія. То, что интересно въ научномъ изслѣдованіи, не всегда бываетъ интересно въ произведеніи искусства.

Еще болѣе грубо сдѣланъ очеркъ г. Будищева: *Выгодное дѣло*. Богачка Сукновалова предлагаетъ нѣкоему промотавшемуся дворянину Митищеву женитьбу на себѣ, какъ выгодное дѣло. Они заключаютъ чуть не формальное условіе, что Митищевъ продаетъ Сукноваловой фирму, т.-е. фамилію, но правъ на его личность она не имѣетъ никакихъ; если она себѣ заведетъ любовника, то у него будетъ цѣлый гаремъ. Митищевъ, впрочемъ, въ первый же вечеръ заключенія договора не выдерживаетъ и отказывается отъ сдѣлки; на возгласъ Сукноваловой: „отецъ мой скупалъ у васъ земли, а я васъ покупаю самихъ!"—онъ отвѣчаетъ: „Не могу-съ! что дѣлать, дрянь человѣчишка! не выдержалъ, силъ не хватило! Ну, а вы молодцомъ—силища и папашу вашего перещеголяли!" Послѣ еще нѣсколькихъ совершенныхъ въ этотъ вечеръ дурачествъ, Ксенія Сукновалова укладывается въ постель и думаетъ: „ахъ, какая тоска! съ умными нехорошо — обидятъ, а съ глупыми — скучно". Вотъ и все содержаніе разсказа г. Будищева. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ очеркомъ и что онъ думалъ, когда писалъ его,—Аллахъ вѣдаетъ! Но если онъ полагалъ обрисовать взаимныя отношенія стараго дворянскаго землевладѣнія и новаго капиталистическаго, то смѣемъ увѣрить его, что такимъ образомъ они не обрисовываются. Отношенія эти настолько сложны, что не могутъ быть выражены нескладнымъ разсказомъ о дикихъ капризахъ разжирѣвшей, взбалмашной дѣвки. А вѣрнѣе всего г. Будищевъ самъ не зналъ, что онъ хочетъ сказать. И мы только можемъ пожалѣть, что его разсказъ попалъ не туда, куда ему слѣдовало попасть,—куда попалъ другой его разсказъ *Лѣсъ*, т.-е. въ *Сѣвер. Вѣст.*

Вотъ про г-жу Гиппіусъ никакъ нельзя сказать, чтобъ она не знала, что она хочетъ сказать своимъ новымъ разсказомъ: *Зеркала*. Эта искательница „новой красоты и новаго искусства" и въ своемъ послѣднемъ разсказѣ старается обнять необъятное, найти „то, чего нѣтъ" и т. д. Основную идею своего разсказа она выразила словами одного изъ персонажей, сумасшедшей Вѣры: „представь себѣ длинный-предлинный рядъ зеркалъ: все разныя, кривыя, косыя, ясныя, мутныя, маленькія, большія... И всѣ въ одну сторону обращены. А напротивъ — Духъ. Не знаю, какой, только великій Духъ. И онъ въ этихъ зеркалахъ отражается. Каждое зеркало, какъ умѣетъ, его отражаетъ. Потомъ, разъ, два, моментъ жизни конченъ, зеркало затуманилось, разбилось — и Духъ не отражается. Мы говоримъ: исчезъ. Неправда: есть! Только мы не видимъ, потому что не отражается. Зеркала разныя бываютъ, вогнутыя, выгнутыя... а Духъ одинъ. Понялъ меня? Ничего больше нѣтъ... Чего они тѣснятся? Сами отраженія, кругомъ

отраженія, и выйти изъ нихъ, изъ отраженій, нельзя, пока зеркало не разбилось"...

Очевидно, что по мнѣнію этихъ искателей „новой красоты и новаго искусства", именно въ этой заскорузлой философіи и заключается и „новое слово", и новая красота, и новое искусство. Правда, что этому новому слову будетъ безъ малаго четыре или пять тысячелѣтій, что оно, слово-то это, чуть не буквально изъ Ведъ выписано; а теперь составляетъ достояніе обитателей и обитательницъ психіатрическихъ лѣчебницъ. Но дѣло не въ этомъ. Любопытно тутъ то, что формы, въ которыя облекается это новое слово, т.-е. пресловутыя новая красота и новое искусство, черезчуръ отдаютъ подражаніемъ. Какъ самыя личности Яна и Раисы, такъ и взаимныя ихъ отношенія и отношенія ихъ къ Самохину нѣсколько смахиваютъ на личности и отношенія, изображенныя въ *Идіотѣ* Достоевскаго. Очевидно, что гораздо легче громогласно и хвастливо провозглашать на весь Божій міръ о своемъ исканіи новыхъ путей искусства, чѣмъ дѣйствительно находить таковые пути. Разумѣется, мы ничего не имѣли бы противъ умѣлаго и талантливаго подражанія старымъ образцамъ. Совсѣмъ напротивъ... Но quod licet Достоевскому, non licet г-жѣ Гиппіусъ. Достоевскій въ своемъ *Идіотѣ*, кромѣ массы чрезвычайно интересныхъ подробностей, даетъ необычайно яркую и рельефную картину мышленія и вообще душевной жизни эпилептика и въ этомъ заключается главный интересъ этого произведенія; а г-жа Гиппіусъ въ лицѣ своего Яна хочетъ представить читателю совершенно нормальную и здоровую личность идеальнаго и простого сердцемъ мудреца, стоящаго въ своемъ величавомъ безстрастіи выше всѣхъ обычныхъ людскихъ страстей и слабостей. Какъ видите, существуетъ маленькая разница между образцомъ и подражаніемъ. Надо полагать, что искатели новыхъ путей въ искусствѣ, подобно г-ну Льдову, „позабыли земные звуки, утратили слова даръ земной". Ну, и на здоровье! Пусть они нечленораздѣльною рѣчью утѣшаютъ себя и своихъ читателей.

Для исцѣленія отъ больныхъ грезъ больной фантазіи нѣтъ лучшаго средства, какъ погруженія въ дѣйствительность, какъ бы мрачна и угрюма эта дѣйствительность ни была сама по себѣ. Г-жа Дмитріева въ своихъ замѣткахъ эпидемическаго врача „По деревнямъ" рисуетъ намъ картину такой мрачной безотрадной дѣйствительности; просто, правдиво, безъ всякихъ фразъ и жеманныхъ прикрасъ, разсказываетъ она о своихъ мытарствахъ въ качествѣ эпидемическаго врача по бѣднымъ захолустнымъ деревушкамъ центральной Россіи... страшныя, удручающія, надрывающія душу картины непрерывнымъ рядомъ слѣдуютъ одна за другой. И, однако, такова сила правды, что впечатлѣніе, оставляемое разсказомъ послѣ его прочтенія, не безусловно безотрадное; и глазъ и душа читателя отдыхаютъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ черточкахъ жизни, на отдѣльныхъ проходящихъ мимо его фигурахъ, вродѣ добродушной толстой бабы, которую Богъ не наградилъ своими дѣтишками и которая отваживается съ чужими дифтеритными ребятами; вродѣ толковаго и умнаго старосты изъ породы „министровъ", обладающаго, несмотря на свою министерскую хитрость, простымъ и чистымъ человѣческимъ сердцемъ; вродѣ, наконецъ, умнаго и развитого деревенскаго парнишки, будущаго „новаго" человѣка деревни, рвущагося къ свѣту и правдѣ. Съ невольнымъ вздохомъ облегченія закрываетъ читатель книгу и невольная и отрадная вѣра въ великое

будущее этого народа прокрадывается въ его душу. Есть же, значитъ, что-нибудь въ самомъ укладѣ его жизни, что позволяетъ ему выдерживать все, до голоднаго тифа включительно, и не превратиться въ дикаго звѣря. „Сказывалось вліяніе школы, проскальзывали черты будущаго деревенскаго новаго человѣка,—говоритъ г-жа Дмитріева, разсказывая о своей встрѣчѣ съ развитымъ деревенскимъ мальчикомъ.—Онъ уже и теперь намѣчается, этотъ новый деревенскій типъ, но пока еще бродитъ, формируется... Скоро ли настанетъ то время, когда онъ отольется въ цѣльную форму? И не искалѣчатъ ли его преждевременно разныя голодовки, эпидеміи и кулаки непрошенныхъ радѣтелей и благодѣтелей? Думается мнѣ, что нѣтъ,—зерно уже дало крѣпкій здоровый ростокъ, и хотя надъ нимъ не разъ еще пронесутся грозныя вьюги и бури, но онъ выбьется на свѣтъ Божій и пышно расцвѣтетъ"...

Надѣяться и вѣрить—дѣло, разумѣется, хорошее; но вотъ, наприм., какую иллюстрацію къ этимъ надеждамъ даетъ намъ самъ авторъ: заѣзжаетъ она въ деревню Солнцевку; въ каждой избѣ лежало по трое, по-четверо больныхъ, большинство уже было съ послѣдствіями скарлатины: отеки, огромные животы, малокровіе, запущенные адениты, гноящіяся, разъѣденныя язвы... Болѣзнь, очевидно, прекращалась сама собой, безъ лѣкарствъ и врачебной помощи. Бѣдность вездѣ была поразительная, и яругинскія сырыя каменныя избы казались дворцами въ сравненіи со здѣшними глиняными мазанками, топившимися „по-черному", съ закоптѣлыми стѣнами, покрытыми слоемъ бархатистой сажи, съ крошечными оконцами надъ землей, съ земляными полами, изрытыми отъ ходьбы... Ни телятъ, ни овецъ съ ягнятами въ избахъ не было, потому что никакой домашней скотины въ Солнцевкѣ не водилось, а на мой вопросъ: почему раньше не дали знать доктору о заразѣ?—получился одинъ отвѣтъ: „Да лошадей нѣту, не на чемъ съѣздить къ доктору. Давно уже и лошадей всѣхъ перевели"...

„Всѣ напирали на меня,—продолжаетъ г-жа Дмитріева,—глядѣли мнѣ въ лицо умоляющими глазами, просили лѣкарствъ, вопіяли о своихъ недугахъ, обдавая меня зловоннымъ отъ цынги и сифилиса дыханіемъ. Кажется, ни одного здороваго человѣка не было здѣсь... Это хроническій голодъ показывалъ мнѣ свои язвы, сыпи, сочащіяся кровью десна, одеревенѣвшіе мускулы, гніющія кости... А я чувствовала свое полное безсиліе, и всѣ мои лѣкарства, мои поѣздки казались мнѣ безсмысленными и жалкими игрушками передъ этой все болѣе и болѣе обступающею меня деревенской нищетой"...

А вотъ вамъ и другая иллюстрація къ нашимъ благодушнымъ и благожелательнымъ всероссійскимъ иллюзіямъ.

Земскій докторъ и его супруга, милые культурные люди, покупаютъ волшебный фонарь и устраиваютъ въ сельской школѣ чтеніе,—конечно, съ согласія мѣстнаго батюшки; послѣ чтенія, имѣвшаго въ деревнѣ обычный успѣхъ, батюшка и одинъ изъ столповъ деревни, не то цѣловальникъ, не то лавочникъ—разсуждаютъ такимъ образомъ:

— Не назидательно!—говорилъ батюшка.

— Просто баловство одно, больше ничего! — съ раздраженіемъ вторилъ ему спутникъ. — Чисто свиньи прутъ... духу напустили... безобразіе!

— Нѣтъ, нѣтъ, не назидательно!—въ раздумьи твердилъ батюшка.—Вы сами посудите—святое семейство, или, напримѣръ, Тихонъ Задонскій—и тутъ же вдругъ, ослы какіе-то... Не годится! Нѣтъ, нехорошо!

— Да нѣтъ, батюшка, вы то возьмите: стоитъ ли этотъ народъ допущать?...—продолжалъ спутникъ.—Вѣдь это свиньи, я говорю... вѣдь имъ, извините за выраженіе, что? Водка, да кабакъ, да нажраться, вотъ вѣдь имъ что, а эти картинки, чтенія—это все ни къ чему! Не по рылу табакъ, да-съ!

— Да, да... Нѣтъ, я вотъ погляжу-погляжу, да и прекращу... Помилуйте, святитель Тихонъ—и вдругъ обезьянки, ослы... За это не похвалятъ... Нѣтъ, прекращу"...

И, дѣйствительно, прекратилъ. Это, конечно, не „грозныя вьюги и бури", но это пожалуй, нѣчто еще худшее.

Въ то самое время, какъ г-жа Дмитріева и, можетъ быть, сотни подобныхъ же тружениковъ и труженицъ, народныхъ печальниковъ и печальницъ, разъѣзжали по голоднымъ, заброшеннымъ деревушкамъ, пытая свои силы, или, вѣрнѣе сказать, свое безсиліе въ борьбѣ съ ихъ физическими и нравственными недугами, въ Нижнемъ-Новгородѣ созидалось разыгравшеюся бюрократической мечтой красивая игрушка въ честь и славу всемогущаго россійскаго купечества. Очаровательная игрушка, какъ разсказываетъ въ *Русскомъ Богатствѣ* г. Елпатьевскій: „Изящный балъ и царицей его—россійская промышленность. Промышляющій человѣкъ ходитъ гоголемъ и чувствуетъ себя именинникомъ; ораторы говорятъ о прогрессѣ и благосостояніи Россіи, о подъемѣ, ростѣ и проч. Тосты—много тостовъ. Музыка играетъ тушъ, а промышляющія газеты кричатъ: „Наша взяла! Мы все можемъ!"

И вдругъ... такіе веселые пейзажи: „Какой мерзавецъ!—говоритъ г. Елпатьевскому его знакомый, указывая на витрину суконныхъ товаровъ—выставилъ сукно въ 80 коп., а оно на фабрикѣ 1 р. 70 коп. стоитъ... ну, и устроили мы ему штуку: стали ему заказывать, онъ и сбѣжалъ".

— Жульничество,—разсказываетъ другой, любуясь симфоніей красокъ выставленныхъ матерій,—такихъ матерій въ продажѣ не существуетъ, для выставки работали спеціально, нѣкоторые даже машины особыя выписывали; а послѣ выставки машины въ сарай свалятъ и, будьте увѣрены, по такимъ цѣнамъ продавать не будутъ".

„Это еще ничего,—говоритъ автору другой его знакомый, фабрикантъ,—тутъ обмана нѣтъ; а вотъ извѣстная мануфактурная фирма иностранные товары выставила—вотъ это ужъ подлость!" и т. д. и т. д.

Разумѣется, на выставкѣ рабочій и мужикъ блистали своимъ отсутствіемъ не только персонально, но и въ свѣдѣніяхъ и сообщеніяхъ. Любезно сообщалось все, что касается расширенія производства и т. п., когда же желали знать о положеніи рабочихъ, размѣрахъ рабочаго дня, движеніи заработной платы, о жилищахъ рабочихъ, о положеніи школьнаго и медицинскаго дѣла на фабрикѣ,—точныхъ свѣдѣній не оказывалось.

Земскій отдѣлъ тоже отсутствовалъ, а отрывочныя земскія свѣдѣнія ютились совершенно не въ подходящихъ мѣстахъ. Земская медицина почему-то оказалась въ инженерно-строительномъ отдѣлѣ, обзоръ хозяйства ирбитскаго земства—рядомъ съ высшими женскими курсами, свѣдѣнія о школьномъ дѣлѣ въ Московской губ.—въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ и т. д. и т. д. Земство единственный представитель крестьянства и земледѣлія коренной Россіи и, за его отсутствіемъ, отсутствовалъ и крестьянинъ. Были всякіе стили и мотивы русской архитектуры, но отсутствовала обыкновенная русская изба. Были остяки и буряты, киргизы и сарты, но не было крестьянина централь

ной Россіи. Не было ничего, что давало бы возможность составить представленіе о тѣхъ культурныхъ и экономическихъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ крестьянствѣ за послѣднее пятнадцатилѣтіе...

Г. Елпатьевскій, пишетъ фельетонъ и читатель можетъ подумать, что въ его статьѣ, какъ и во всякомъ фельетонѣ, краски положены черезчуръ густо. Посмотримъ, такъ ли это, а для этого обратимся къ серьезной статьѣ г. Слонимскаго: *Итоги Всероссійской выставки*, (*Вѣстн. Евр.*).

Г. Слонимскій признаетъ великолѣпіе выставки, но... „нѣкоторое чувство меланхоліи,—говоритъ онъ,—овладѣваетъ вами при осмотрѣ выставки. Для кого создано все это великолѣпіе?" Общее число посѣтителей за все время не доходило до милліона, считая на каждаго по пяти посѣщеній, дѣйствительное число посѣтителей было меньше двухсотъ тысячъ, т.-е. меньше обычнаго ярмарочнаго населенія Нижняго-Новгорода (на Пештской выставкѣ было 3.800,000 посѣщеній, на Берлинской—3.200,000, на Женевской больше 2.000,000). Если на выставку государственное казначейство израсходовало только 10 милл., то за каждаго посѣтителя казна заплатила больше 50 рублей, а за каждое посѣщеніе больше 10 рублей.

А, впрочемъ, дорого да мило,—гласитъ народная мудрость. Посмотримъ, однако, такъ ли это мило, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ, напримѣръ, положеніе и производительность Днѣпровскаго завода и рудниковъ южно-русскаго Общества: въ послѣдній отчетный годъ Днѣпровскій заводъ выпустилъ издѣлій почти на 11 милл., а четыре года раньше меньше, чѣмъ на 4 милл.; прибыль прогрессивно возрастала; за шесть лѣтъ было выдано акціонерамъ 87%, въ послѣднемъ году 30%, да въ запасный капиталъ отчислено больше милліона рублей и на погашеніе имущества 4½ милл. А заработокъ рабочихъ сокращается. Въ 1890 году съ рубля отпуска на ихъ долю приходилось 25 коп., а теперь только 16 коп.

Каковы обыкновенныя издѣлія металлическихъ заводовъ, по какой цѣнѣ онѣ продаются, сколько ихъ вырабатывается, каково положеніе рабочихъ—объ этомъ ничего не говорятъ намъ роскошныя витрины. Можетъ быть, обычные заводскіе продукты плохи и дороги и имѣютъ сбытъ только благодаря высокимъ таможеннымъ пошлинамъ; въ такомъ случаѣ заводы, обогащаясь при содѣйствіи государства на счетъ потребителей, имѣютъ полное основаніе стремиться для выставки приготовить что-нибудь экстраординарное. „Но подобная выставка,—замѣчаетъ г. Слонимскій,—ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ и не имѣетъ вообще разумнаго практическаго смысла, свидѣтельствуя лишь о безцѣльной расточительности отдѣльныхъ лицъ и учрежденій. Желаніе пустить пыль въ глаза и ввести публику въ заблужденіе внѣшнимъ блескомъ и грандіозностью сооруженій не должно быть поощряемо, если дѣло идетъ о характеристикѣ реальной производительности предпріятій съ точки зрѣнія народнаго хозяйства".

Оффиціальное изданіе *Производительныя силы Россіи* сообщаетъ намъ цифры и факты, изъ которыхъ видно, что наша металлическая промышленность не удовлетворяетъ внутренней потребности страны въ чугунѣ и желѣзѣ, что, несмотря на почти запретительныя пошлины, ввозъ желѣза, чугуна, стали и издѣлій увеличивается. За ввозимые продукты уплачено потребителями въ 1894 г. 39 милл. Общая же сумма дани, платимая нами въ цѣнѣ чугуна и металлическихъ издѣлій, составляетъ больше 100 милл. рублей въ годъ, а вмѣстѣ съ непомѣрно

высокими пошлинами за другіе матеріалы получается колоссальная цифра въ 180 милл. въ годъ. Вотъ какія ежегодныя жертвы требуются отъ народа для того, чтобы наши желѣзодѣлательные заводы могли блистать на выставкахъ своими необычайными трубами и арками. На чемъ же основана эта торжествующая, побѣдная роль промышленности и машиннаго дѣла?—спрашиваетъ г. Слонимскій. Увы! все это больше на показъ. Распространеніе машинъ и усовершенствованныхъ орудій встрѣчаетъ у насъ сильныя преграды въ дѣйствующей у насъ системѣ протекціонизма, чѣмъ наносится вредъ всему народному хозяйству: у насъ на человѣка приходится въ 10 разъ меньше желѣзныхъ издѣлій, чѣмъ въ Германіи. На дѣлѣ протекціонизмъ у насъ сводится къ поощренію безпечности и невѣжества предпринимателей; онъ увеличиваетъ доходность предпріятій до неслыханнаго на Западѣ процента и создаетъ искусственный антагонизмъ между промышленнымъ ростомъ страны и экономическими интересами населенія. Такихъ выводовъ, конечно, нельзя опровергнуть роскошью выставочныхъ витринъ.

При всемъ блескѣ нѣкоторыхъ группъ мануфактурной промышленности, съ точки зрѣнія разумныхъ цѣлей, этотъ отдѣлъ вполнѣ безполезенъ. Здѣсь нигдѣ нѣтъ свѣдѣній о размѣрахъ производства фабрикъ, о районахъ сбыта продуктовъ, о цѣнахъ сравнительно съ заграничными, о жилищахъ рабочихъ и т. д. Въ чемъ же при этомъ заключается смыслъ промышленной выставки?

Первый по оффиціальному счету отдѣлъ выставки, сельско-хозяйственный, въ дѣйствительности занималъ послѣднее мѣсто. Въ принципѣ первенство сельскаго хозяйства признается всѣми, но на дѣлѣ, если ради его интересовъ потребуется, напримѣръ, понизить пошлины на желѣзо, чугунъ и орудія и противъ этого требованія возражаютъ заводчики во имя своихъ дивидендовъ, то въ выборѣ рѣшенія нѣтъ даже колебаній. Требованія сельскаго хозяйства не подвергаются серьезному обсужденію, и интересы его приносятся въ жертву желѣзной промышленности. „Слѣдовало бы ужъ отречься отъ условныхъ фразъ, о первенствующемъ значеніи сельскаго хозяйства и открыто признать второстепенную роль его съ фабрично-заводскими дѣлами,—совершенно справедливо,—замѣчаетъ г. Слонимскій,—вѣдь, всякому понятно, что это только простая формальность, противорѣчащая общему характеру выставки и подтверждаемая лишь въ принципѣ, изъ уваженія къ традиціямъ“.

Въ заключеніе укажемъ еще на воспоминанія доктора Бѣлоголоваго о декабристѣ Поджіо, напечатанныя въ *Вѣстн. Евр.* Эпоха декабристовъ уже такъ далеко отошла отъ насъ, что она сдѣлалась достояніемъ исторіи. Ихъ міровоззрѣніе, такъ же какъ и ихъ дѣйствія, уже не могутъ возбуждать теперь не только какого-либо страстнаго къ нимъ отношенія, но даже и иной критики, кромѣ чисто исторической; даже въ шестидесятые годы, когда они, всѣми уважаемые, но уже разбитые жизнію старцы, явились въ Европейскую Россію, отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то старозавѣтнымъ, какъ отъ людей явившихся совершенно изъ другого міра. Бѣлоголовый, говоря объ отношеніяхъ Поджіо къ Бакунину, совершенно справедливо замѣчаетъ, что „между этими людьми не было ничего общаго. Поджіо былъ вскормленникъ великой французской революціи, равенства и братства, и идеи индивидуальной свободы, за проведеніе ихъ въ бытъ своего отечества онъ заплатилъ цѣной 30-ти лѣтъ своей искалѣченной жизни. Появленіе соціализма на сценѣ всемірной исторіи, его зарожденіе и развитіе, совершилось значительно

позднѣе и застало декабристовъ давно въ Сибири, лишенными возможности усвоить значеніе новаго ученія; они смотрѣли на него какъ на утопію и относились къ нему вполнѣ отрицательно. Бакунинъ же былъ представителемъ идей революціи 48 года, и не просто рядовымъ представителемъ. Такимъ образомъ между этими двумя протестантами противъ существовавшаго порядка лежала цѣлая пропасть и никакое сближеніе и соглашеніе между ними было не возможно ни въ Иркутскѣ, ни того еще менѣе въ Женевѣ. Притомъ Поджіо до конца дней оставался вѣрнымъ рыцарскимъ убѣжденіямъ своего времени, ненавидѣлъ всякую ложь и никогда не могъ примириться съ революціонной доктриной позднѣйшей эпохи: „цѣль оправдываетъ средства",—а стало быть никакъ не могъ смотрѣть на бѣгство Бакунина какъ на поступокъ заслуживающій одобренія. Вообще Поджіо и Бакунинъ—это два антипода, и по политическимъ убѣжденіямъ, и по своимъ моральнымъ правиламъ".

Иныя были отношенія Поджіо къ петрашевцамъ, хотя, опять-таки, какъ замѣчаетъ Бѣлоголовый, „трудно было бы и даже совсѣмъ невозможно отыскать преемственную связь въ развитіи идей между декабристами и петрашевцами".

Любопытно кстати отмѣтить отношенія трехъ поколѣній протестантовъ къ дуэли между двумя чиновниками особыхъ порученій генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго, Беклемишевымъ и Неклюдовымъ. Дуэль произвела въ Иркутскѣ,—разсказываетъ Бѣлоголовый,—необычайное волненіе и вызвало наружу давно существовавшій антагонизмъ между туземной молодежью и молодыми привозными чиновниками. Туземцы были на сторонѣ убитаго Неклюдова, стали открыто демонстрировать противъ Беклемишева, и эти демонстраціи привели Муравьева въ большое раздраженіе; онъ нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ очень энергическимъ мѣрамъ, причемъ нѣсколько лицъ чувствительно пострадали. По этому поводу Поджіо пишетъ Бѣлоголовому о своемъ свиданіи съ Муравьевымъ: „онъ по прежнему дружитъ со мной, несмотря на разногласіе относительно Иркутска. Много было уступокъ съ его стороны... я оставилъ его спокойнѣе и не предвижу худого; по крайней мѣрѣ я все употребилъ, чтобъ его успокоить, и разувѣрилъ во многомъ". Въ Иркутскѣ говорили,—замѣчаетъ Бѣлоголовый,—что при декабристахъ ничего подобнаго не могло бы случиться; они, въ особенности Волконскій и Поджіо, будучи всегдашними посредниками между генералъ-губернаторомъ и сибирскимъ обществомъ, служили своего рода средостѣніемъ и помогли бы Муравьеву подвергнуть дѣло спокойному и всестороннему разсмотрѣнію и удержали бы его отъ запальчивости и деспотическихъ мѣръ. Иное было отношеніе къ этому дѣлу Петрашевскаго. Онъ сталъ на сторону туземной молодежи, открыто агитировалъ противъ Беклемишева и навлекъ на себя гнѣвъ генералъ-губернатора, выславшаго его изъ Иркутска въ одну изъ глухихъ деревень Енисейской губерніи. Бакунинъ, наоборотъ, занимая привилегированное положеніе въ домѣ дяди, графа Муравьева, вращался исключительно въ правительственномъ кругу, избѣгая сближенія съ мѣстнымъ обществомъ, а потому и въ дѣлѣ дуэли стоялъ на сторонѣ враждебной общественнымъ симпатіямъ. Доподлинно извѣстно, что опроверженіе въ *Колоколѣ* на помѣщенное раньше правдивое изложеніе обстоятельствъ дуэли было составлено при участіи Бакунина и прислано Герцену съ собственноручнымъ письмомъ его съ горячей просьбой немедленно напечатать это опроверженіе. „Весьма возмож-

но,—замѣчаетъ Бѣлоголовый,—что въ умѣ Бакунина уже тогда созрѣлъ замыселъ бѣжать изъ Сибири, а потому онъ и держалъ себя постоянно въ маскѣ, думая только о своемъ планѣ". Такое различное отношеніе къ дѣлу представителей зачатковъ будущихъ политическихъ направленій, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно любопытно и многознаменательно.

Естественно, что Поджіо по поводу студенческихъ безпорядковъ 60 года высказываетъ взгляды совершенно различные отъ взглядовъ тогдашней молодежи. Самъ Бѣлоголовый, хотя уже и давно покончилъ свое студенчество, однако, очень одобрялъ студенческія требованія и настолько явно и активно выказывалъ свое сочувствіе имъ, что неоднократно рисковалъ компрометировать себя. Поджіо пишетъ по этому поводу Бѣлоголовому слѣдующее: „Слышалъ вскользь о побоищахъ университетскихъ; скорблю о нихъ, какъ о недостойныхъ призванія образованнаго класса. Улицы—не forum, и заявлять свои притязанія на нихъ не свойственно ни духу времени, ни духу борцовъ, которые должны избѣгать всякаго столкновенія съ грубой матеріальной силой. Такой дикій родъ борьбы выказываетъ только безсиліе; безсиліе же ведетъ къ утратѣ того послѣдняго нравственнаго вліянія, какимъ пользовалось наше студенчество. Сосчитать только число несчастныхъ, пострадавшихъ жертвъ, взять въ соображеніе вновь составляемый университетскій уставъ, который, конечно, будетъ стѣснительнѣе прежняго,—вотъ итогъ тѣхъ неумѣстныхъ и не въ должныхъ условіяхъ выраженныхъ манифестацій или демонстрацій, какъ ихъ называютъ франки. Университеты потеряютъ, конечно, значительную часть своего вліянія въ мірѣ умственномъ,—положимъ, временно, но и это много".

Въ заключеніе приведемъ изъ воспоминанія Бѣлоголоваго нѣсколько фактовъ, характеризующихъ великую эпоху реформъ. Когда декабристы въ 59 году пріѣхали въ Москву, они начали часто сходиться всѣ вмѣстѣ у больного Якушкина. Эти частыя свиданія обратили вниманіе московской полиціи и знаменитый Закревскій, въ предупрежденіе, чтобъ эти 70-ти лѣтніе старики не затѣяли революцію, распорядился немедленно ихъ выслать изъ Москвы. Поджіо во время высылки былъ въ Петербургѣ и тамъ состоялось его свиданіе съ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, его бывшимъ товарищемъ, нѣсколько прикосновеннымъ къ заговору, но не привлеченнымъ къ слѣдствію. Игнатьевъ самъ пожелалъ этого свиданія, но оно вышло не искреннимъ и натянутымъ. Разговоръ не клеился; Игнатьевъ никакъ не могъ попасть въ надлежащій тонъ и не сумѣлъ быть ни генералъ-губернаторомъ, ни старымъ пріятелемъ, а какъ-то сконфуженно вертѣлся передъ своимъ гостемъ и походилъ на подсудимаго, представшаго предъ грознаго судію. Поджіо съ чувствомъ нравственнаго превосходства смотрѣлъ на блестящаго генерала, увивающагося около него, выражающаго сочувствіе въ изысканныхъ, кудреватыхъ фразахъ. Вообще теперь Поджіо пришлось столкнуться со многими изъ прежнихъ заговорщиковъ, а потомъ генераловъ; и всѣ они при этихъ встрѣчахъ отдавали должную дань уваженія поссѣдѣвшему въ ссылкѣ старику и видимо цѣнили въ немъ собственное молодое увлеченіе. Такова была и встрѣча Поджіо съ московскимъ генералъ-губернаторомъ Тучковымъ, тоже когда-то причастнымъ къ заговору.

А вотъ и еще одинъ маленькій, но характерный, фактикъ: племянникъ Поджіо не хотѣлъ возвратить старику его части имѣнія, но когда въ *Колоколѣ* появилось, написанное Бѣлоголовымъ, сообщеніе объ этомъ, племянникъ смутился и немедленно расплатился съ дядей.

Да, любопытное было это время—и, по совѣсти сказать, хорошее.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1896 г.

Абрамовъ, Я. В. Наслѣдство и раздѣлъ. Популярно-юрид. библіотека. Изд. Павленкова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Авенаріусъ, В. П. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи—„Ученическіе годы Гоголя“. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Александровъ, В. А. Руковод. къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Изд. 2-е, дополн., съ 29 рисун. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Анурьевъ, С. I. Токарь-самоучка. Вологда, 1896 г. Ц. 15 к.

Барацъ, С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барнардъ, Ч. Богатство отъ земли. Бесѣды объ успѣшномъ выращиваніи полезныхъ растеній. Книжка 3-я. Уходъ за растеніями. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Пер. съ нѣм. Гершензона. Томъ I. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Березовъ, Ф. А., ветерин. вр. Ящуръ (язвчн., рыльно-коп. или афтозная болѣзнь). Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Бертенсонъ, Л. О необходимости обученія техниковъ поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Братская Помощь. Журналъ благотворительности. Изданіе П. А. Устимовича. № 140. Саратовъ, 1896 г.

Бруттанъ, А. Зоологія. Элементарн. курсъ естеств. исторіи. Съ 117 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Бузескулъ, В., проф. Генрихъ Зибель какъ истор.-полит. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Томъ IV: 1) Злой Сигурдъ, драма; 2) Марія Стюартъ, драма. Перев. М. В. Лучицкой. Изд. Іогансона. 1896 г. Ц. 35 к.

Бюхера, К., проф. Женскій вопросъ въ средн. вѣка. Библіот. общественнаго знанія, подъ редакц. Л. С. Зака. Серія II, вып. 1-й. Одесса. Ц. 20 к.

Вагнеръ, К. Мужество, какъ идеалъ дѣятельн. жизни. Переводъ С. Леонтьева. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Васюковъ, С. Очерки и разсказы. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Вахтеровъ, В. П. Внѣшкольное образованіе народа. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Веберъ, К. К., инж.-техн. Плуги, бороны, сѣялки и т. д. съ атласомъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Вернеръ. Чѣмъ опредѣляется размѣръ удобренія? М., 1896 г. Ц. 6 к.

Винбергъ, В. К. Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. 3-е изд. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Виноградовъ. Объ удобреніяхъ. М., 1896 г. Ц. 8 к.

Волгинъ, Ф. Амуръ (природа и люди Амурск. края). Полезная библ. Сойкина. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Составл. подъ руков. Э. Лависса и А. Рамбо. Переводъ Невѣдомскаго. Томъ I. Изд. Солдатенкова. М., Ц. 3 р.

Вундтъ, В. Очеркъ психологіи. Пер. съ нѣм. Паперна. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Вучетичъ, Н. Т. Кузя. Разск. для дѣтей. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Гейссеръ, Л. Исторія французской революціи 1789—1799 гг. Пер. съ нѣм. Трачевскаго. Изд. 2. Спб., 1896 г.

Геккеръ, Н. Л. Записки по этнографіи Имп. русск. географ. общества. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Иркутскъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Гельмгольцъ. О зрѣніи. Изд. журн. „Научное Обозрѣніе". № 3. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Герцль, Т., д-ръ правъ. Еврейское государство. Пер. Бенъ-Зева. Ц. 50 к.

Гольцевъ, В. А. Воспитаніе, нравственность, право. (Сборникъ статей). Второе изд. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Греефа, Г. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ франц. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гретъ, В. Думы и пѣсни. Стихотвор. Екатеринбургъ, 1896 г. Ц. 35 к.

Гурьевъ, А. Реформа денежнаго обращенія. Часть 2-я. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Гусевъ. Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и друг. бумагъ. Изданіе восьмое, неоффиціальное. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Дегеренъ, П. П. Удобренія и микроорганизмы почвы. Пер. Коченовскаго. Первая серія. Кіевъ, 1896 г. Ц. 80 к.

Дерягинъ. Цыганское овцеводство. Бесѣды о скотѣ. М., 1896 г. Ц. 8 к.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ. Историч. очеркъ. Изд. Шермана „Наша Старина". Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ зем. народныхъ училищъ Конотопск. уѣзда. Подъ руков. Тихомирова и Мельникова. М., 1896 г.

Доклады богород. уѣзн. земской управы очереди. земск. собранію по медицинск. части. М., 1896 г.

Долбинъ, В. А. Курсъ законовѣдѣнія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Долганева, Е. Е. Страна эѳіоповъ. Абиссинія. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Егіазаровъ, С. А. О водовладѣніи въ Закавказскомъ краѣ. Кіевъ, 1896 г. Ц. 45 к.

Земскій сборникъ Черниговской губерн. 1896 г. № 8-й, августъ. Черниговъ, 1896 г.

Ивановъ, И. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ. Біографич. биб. Ф. Павленкова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Камаровскій, Л. А. проф. Восточный вопросъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Клаусенъ, Э. К. Краткій учебникъ размноженія растеній и плодоводства. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. Томъ 3-й. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры съ очерк. формъ госуд. правленія, полит., развитія свободы и благосостоянія народовъ. Переводъ съ 3-г. нѣмец. изданія подъ ред. Рейнгольдтао Вып. I и II. Все изданіе выйдетъ въ 8-ми вып. Цѣна по подпискѣ 2 р. 50 к. Іогансонъ. 1896 г.

Коринфскій, А. Вольная птица. Тѣни жизни. Стихотворенія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Кугушевъ, А. П., князь. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кубасовъ, П. И., д-ръ мед. О грибкахъ халюдизма. Спб. 1896 г.

Кулешовъ, П. Н. Овцеводство. 2-е изд. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 15 к.

Кулешовъ, П. Н. Коневодство. 3-е изд. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Куракинъ, Ѳ. А., кн. Архивъ. Кн. 6-я. 1896 г. Ц. 8 р.

Кутше, Н. Историческая записка. Елабужское город. трехкл. учил. (1809 — 1896 гг.). Изд. П. Гирбасова. Казань, 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кутузовъ, В. Н. Нѣмец.-рус.-фран. и фран.-рус.-нѣм. словарь. Лѣсотехническій словарь. Спб., 1896 г.

Ланстротъ, Л. Л. Пчела и улей. 2-е изданіе съ рисунками. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лурбе, Ж. Женщина передъ судомъ современной науки. Переводъ съ франц. Предтеченскаго. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Мандрикинъ, А. В. Очеркъ харьковскаго благотворительнаго общества. Славянскъ, 1896 г.

Марковъ, Н. Горе-злосчастье. Древне-русское стихотвореніе. Елизаветградъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Менгеръ, А. Общественныя задачи правовѣдѣнія. Международная библіотека. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Милль, Дж.-Ст. Представительное правленіе. Публицистическіе очерки. Перев. съ англ. подъ редак. Сементковскаго. Изд. Павленкова. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Микусонъ, П. Л., д-ръ. Дифтеритъ и заразныя болѣзни. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р.

Минскій, Н. М. Ибсенъ, его жизнь и литерат. дѣятельность. Жизнь замѣчательныхъ людей. Съ портрет. Ибсена. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

М. М. Поэзія Надсона. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Montfort, Eugène. Sylwie ou les émois passionnés. Paris.

Moulé, L. Исторія ветеринарной медицины. Періодъ второй. Перев. Гр. Кириллова. Казань, 1896 г. Ц. 65 к. съ пересылкой.

Московскія хлѣбопекарни въ 1895 году. Состав. статист. отдѣл. моск. город. управы. М., 1896 г.

Мощанскій, А. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Бытовой очеркъ. М., 1896 г. Ц. 10 к.

Новичъ, Н. Съ чужихъ полей. Сборникъ стихотворныхъ перев. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Новодумъ, Н. Новый международный языкъ. Опытъ грам. нов. яз., какъ звук. сист. для эницик. знанія философ. мышленія. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
Обзоръ дѣят. врачеб.-санитарной организаціи по Богородскому уѣзду за 1895 г. Прилож. къ докладу Богор. уѣздн. зем. упр. М., 1896 г.
Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1894—1895 гг. Изд. депар. тамож. сборовъ. Спб., 1896 г.
Орловское общество любителей изящныхъ искусствъ 1896 г. Орелъ, 1896 г.
Острогорскій, В. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. 2-е „Міръ Божій". Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и Тамб. губ. за 1895—96 гг. Тамбовъ, 1896 г.
Отчетъ о дѣятельности троицко-савскаго кяхтинскаго отдѣленія приам. отд. Имп. геогр. русск. общ. за 1895 г. Иркутскъ, 1896 г.
Отчетъ совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общ. за 1893 г. Спб., 1896 г.
Павловскій, А., инж.-техн. Успѣхи техники и вліяніе ихъ на цивилизацію. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томъ III. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.
Персональный, С. К. Учебникъ зоологіи. Ч. II. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Петровская. Что мнѣ дѣлать, мама? Въ помощь матерямъ при выборѣ занятій съ дѣтьми. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Петрушевскій, Д. М. Общество и государство у Гомера (опытъ ист. харак.). Вопросы науки, искус., литер. и жизни. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Предтеченскій, Е. Популярно-научныя бесѣды. Кометы и падучія звѣзды. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 40 к.
Придорогинъ. Бесѣды о скотѣ: 1) Кормовыя дачи. 2) Кормовыя средства. 3) Подготовка корма. М., 1896 г. Цѣна по 8 к.
Путеводитель по Волгѣ. 1896 г. Изданіе Иванова. Годъ второй. Ц. 30 к.
Рейнке. Приходъ и расходъ въ природѣ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
Реклю, Э. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Сокращеніе „Земли" того же автора. Перев. съ франц. Д. А. Коропчевскаго. Изд. „Міръ Божій". Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Рудзкій, А. Ф. Настольная книга по лѣсоводству. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рыловъ. Выдѣлка выгодныхъ сортовъ кожъ и замши. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
Сборникъ управленія дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ жел. дорогахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сельско-хозяйственныя учрежденія, фермы, опытныя поля и стан. садовыя заведенія и пр. Справочная книжка. Ч. I. Спб., 1896 г.
Скибневскій, А. И., зем. вр. Прошлое и настоящее положеніе фабричной медицины въ Моск. губ. М., 1896 г.
Словарь нѣмец.-русск. карманный. Сост. Циглеръ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1896 г. Ц. 60 к.
Сумцовъ, Н. Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. IV. Варшава, 1896 г. Ц. 1 р.
Тенишевъ, В. Позоръ цивилизаціи. По поводу турецк. дѣлъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Тимирязевъ, К. Луи Пастеръ. Вопросы науки, искус., литер. и жизни. М., 1896 г. Ц. 25 к.
Тихомировъ, О. 1) Краткое наставленіе къ выкормкѣ шелковичныхъ червей. 2) Скорцонеръ, какъ кормъ шелковичнаго червя. М., 1896 г. Цѣна по 8 к.
Тришканъ, Ю. Девальвація. Вып. II. Кіевъ, 1896 г. Ц. 50 к.
Труды педагогическаго отдѣла харьковск. историко-филологич. общества. Вып. III. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
Туллій, М., Цицеронъ. Рѣчь противъ Г. Верреса. Казань, 1896 г.
Уордъ, Лестеръ. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ анг. Е. И. Бошнякъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ анг. Давыдова. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
Фаулеръ, Т. Прогрессивная нравственность. Перев. съ англ. А. Погодина. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Симб. губ. Текущая статистика 1896 г. Годъ 1-й. Вып. I. Симбирскъ, 1896 г.
Хокели, И. Эскизы и этюды. Тифлисъ, 1896 г. Ц. 1 р.
Цигенъ, В., д-ръ. Вліяніе алкоголя на нервную систему (Популярная лекц.). Перев. съ нѣмец. Братина. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.
(Шараповъ), Зинина. Кружнымъ путемъ. Ром. въ 5 част. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шахрай, Л. М. Маккавеи. Ист. этюдъ для еврейскаго юношества. Изд. 2-е Шермана. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.
Шереметевскій, С., инжен. Указатель русской литературы по вопросу объ элеваторахъ. Спб., 1896 г.
Шидловскій, В. Къ ученію о дифференціалѣ и интегралѣ. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Шимановскій, Всев. Садъ при народной школѣ. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
Шимковъ, А. П. Докладъ о всеобщемъ начальномъ обученіи, чит. въ общ. собр. членовъ харьк. общ. грамотн. Харьковъ, 1896 г.
Шмулевичъ, Я. М. Общедоступный

лѣчебникъ домашн. животныхъ. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 8 р.

Шперкъ, Ѳ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Шопенгауэръ, А. Метафизика любви. Перев. съ нѣм. Р. Кресинъ. Харьковъ, 1896 г. Ц. 30 к.

Штраусъ, Давидъ. Ухьрихъ фонъ-Гуттенъ. Подъ ред. Радлова. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Щепкина, А. В. Бояре Стародубскіе. Ист. романъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эварницкій, Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. III. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.

Эльзенгансъ, д-ръ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. Перев. съ нѣмец. Столяровъ. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Янскій, А. Свободная воля. Драма въ 5 дѣйст. Кіевъ, 1896 г.

Яхонтовъ, И. Т. Руководство къ церковно-славянскому чтенію. Книжка для учащихъ. Новгородъ, 1896 г. Ц. 10 к.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1896 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

Аристотель. Риторика. Кн. I, стр. 5.
Вагнеръ, В. Вопросы Психологіи. Кн. X, стр. 455.
Вахтеровъ, В. Внѣшкольное образованіе народа. Кн. XI, стр. 511.
Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. II, стр. 54; Кн. XI, стр. 506.
Гербартъ, І. Ф. Психологія. Перев. Александра Печаева. Кн. XII, стр. 556.
Гефдингъ, Г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Кн. VII, стр. 306.
Гиляровъ, А. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ: Данте, Боккачіо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Кн. VIII, стр. 353.
Гиршъ, В. Геніальность и вырожденіе. Кн. III, стр. 101.
Гойжевскій. Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Кн. VII, стр. 307.
Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. I. Кн. XII, стр. 559.
Джемсъ, У. Психологія. Кн. IX, стр. 412.
Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда. Кн. XII, стр. 558.
Ельницкій, К. Избранныя педагогическія статьи. Кн. V, стр. 209.
Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. Кн. XI, стр. 507.
Кантъ, И. О педагогикѣ. Кн. X, стр. 456.
Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Кн. IV, стр. 155.
Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Кн. X, стр. 461.
Компейрэ, Г. Основаніе элементарной психологіи. Кн. V, стр. 206.
— Умственное и нравственное развитіе ребенка. Кн. VIII, стр. 350.
Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Кн. II, стр. 55.
Ланге, Г. Душевныя движенія. Психофизіол. этюдъ. Кн. VI, стр. 248.
Литвинскій, П. Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Кн. VII, стр. 310.
Локкъ, Д. Мысли о воспитаніи. Кн. X, стр. 456.
Милль, Д., Спенсеръ, Г., и Уордъ, Л. Огюстъ Контъ о позитивизмѣ Кн. XI, стр. 509.
Муратовъ, В. Интеллектуальныя функціи головного мозга. Кн. VIII, стр. 351.
Навиль, Э. Что такое философія? Кн. VIII, стр. 351.
Овсянико - Куликовскій, Д. Языкъ и искусство. Кн. III, стр. 99.
Ольденбургъ, Ф. Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—1893 гг. Статистическій очеркъ. Кн. XII, стр. 561.
Оствальдъ, В. Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. Перев. Н. Дрентельна. Кн. VIII, стр. 350.
Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Кн. XII, стр. 560.
Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго. Кн. VIII, стр. 354.
Покровская, М. О дѣтскихъ развлеченіяхъ. Кн. IV, стр. 157.
Поланъ, Ф. Психологія характера. Кн. IV, стр. 154.
Раблэ и Монтэнь. Мысли о воспитаніи и обученіи. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Кн. X, стр. 456.
Рибо. Изслѣдованіе аффективной памяти. Кн. V, стр. 209.
Ribot, Th. La psychologie des sentiments. Кн. XII, стр. 553.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА.

ваніе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Кн. VII, стр. 301.
М. С. Вегетеріанство, его смыслъ и общественное значеніе. Кн. IX, стр. 408.
Максимовъ, Е. Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Кн. IX, стр. 409.
Протопоповъ, М. Литературно-критическія характеристики. Кн. II, стр. 54.
Ренанъ, Э. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей. Пер. Штейна. Кн. VII, стр. 304.
Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изд. общ. распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Кн. V, стр. 204.
Сольтъ, Г. Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. Кн. IX, стр. 408.
— Мясо или плоды. Кн. IX, стр. 408.
Шелгуновъ, Н. Сочиненія. Кн. II, стр. 53.

ИСТОРІЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Буасье. Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Кн. VII, стр. 318.
Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Кн. V, стр. 215.
В. Н. Изъ исторіи Москвы 1147—1703. Кн. VIII, стр. 363.
Владиміровъ, П. Изъ исторіи древне-русской письменности. Кн. VII, стр. 317.
— А. В. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ. Кн. VII, стр. 321.
Верещагинъ, А. У болгаръ и за границей (1881—1893 г.). Воспоминанія и разсказы. Кн. X, стр. 469.
Веселовскій, А. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Кн. V, стр. 210.
Вѣнокъ на могилу. Статьи посвящ. памяти бывшаго эстлянд. губернатора кн. С. В. Шаховского. Кн. IV, стр. 107.
Вѣтринскій, Ч. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Кн. XII, стр. 567.
Генкель, Г. Р. Саадія Гаонъ. Біогр. очеркъ. Кн. II, стр. 56.
Голубовскій, П. Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кн. VII, стр. 314.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. Декабристы въ Западной Сибири. Кн. VI, стр. 249.
Дьяконовъ, М. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Кн. X, стр. 462.
Дѣйствіе нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей, дѣлъ и документовъ. Т. II. Вып. 15. Кн. X, стр. 465.
Жизневскій, А. Поминки по И. Крыловѣ. Кн. VII, стр. 320.
— Памяти И. И. Лажечникова. Кн. VII, стр. 320.
Заимовъ, С. Василъ Левски. Кн. I, стр. 8.
Ивановъ, П. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в. Кн. VII, стр. 314.
Иловайскій, Д. Мелкія сочиненія, статьи и письма. Кн. V, стр. 213.
Ингрэмъ, Д. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Кн. VIII, стр. 362.
Исторія Греціи со времени пелопонесской войны. Сборн. статей, пер. подъ редакціей Н. Шамонина и Д. Петрушевскаго. Кн. X, стр. 467.
Классенъ, В. Жизнь Лассаля въ связи съ его научной и общественною дѣятельностью. Кн. X, стр. 469.
Красновъ, П. Сенека, его жизнь и философская дѣятельность. Біограф. очеркъ. Кн. I, стр. 6.
Лаврентьева, С. 50 лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси. Кн. II, стр. 57.
Литвинова, Е. Н. И. Лобачевскій, его жизнь и ученая дѣятельность. Біограф. очеркъ. Кн. I, стр. 6.
Майковъ, А. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Кн. VIII, стр. 364.
Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда. Изд. симбирской губерн. ученой архивной коммиссіи. Кн. IX, стр. 419.
Мельникъ, А. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль. Вып. I. Кн. VII, стр. 324.
Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Кн. XI, стр. 513.
Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Кн. III, стр. 104.
Николайчикъ, Ѳ. Городъ Кременчугъ. Истор. очеркъ. Кн. VII, стр. 315.
Никифоровъ, Л. Джонъ Рескинъ. Біограф. очеркъ. Кн. V, стр. 216.
Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Изд. журн. „Странникъ". Кн. VIII, стр. 357.
Папернъ, Г. Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность. Кн. VI, стр. 252.
— Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность. Кн. VI, стр. 252.
Пелисье, Ж. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Кн. III, стр. 104.
Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. I. Кн. IV, стр. 158.
Платоновъ. Сказаніе о Самозванцѣ. Кн. VIII, стр. 361.
Рено, А. Героизмъ. Кн. IX, стр. 420.
Самаринъ, Ю. Сочиненія. Кн. VIII, стр. 356.
Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. VIII. Кн. VII, стр. 317.
Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Т. II. Кн. IX, стр. 416.

Сторожевъ, В. Н. Тверское дворянство XVII вѣка. Вып. IV. Кн. XII, стр. 566.
Тамерланъ. Автобіографія. Перев. съ тюркскаго Лыкошина. Кн. III, стр. 105.
Трачевскій, А. Русская исторія. Кн. IV, стр. 158.
Уварова, гр. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. IV. Христіанскіе памятники. Кн. I, стр. 10.
Филевичъ, И. Исторія древней Руси. Кн. VII, стр. 312.
Франко, И. Иванъ Вишенській і его твори. Кн. VIII, стр. 359.
Черевонскій, В. Подъ боевымъ огнемъ. Истор. хроника. Кн. X, стр. 468.
Чтеніе въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. VII, стр. 317.
Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы. Кн. VI, стр. 251.
Штрайслеръ, Ф. Исторія культуры. Кн. II, стр. 57.
Шумаковъ, С. Тверскіе акты. Кн. V, стр. 214.
— Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Кн. X, стр. 463.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Водовозовъ, Н. Мальтусъ. Его жизнь и научная дѣятельность. Кн. IV, стр. 168.
Головинъ, К. Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Кн. III, стр 110.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Кн. I, стр. 17.
Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. Кн. VIII, стр. 369.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Кн. V, стр. 216.
Землевладѣльческія артели Херсонской губ. Кн. X, стр. 471.
Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. Румянцева. Кн. IV, стр. 163.
Памятная книжка Тульской губ. на 1895 г. Кн. II, стр. 63.
Марксъ, К. Капиталъ. Критика политической экономіи. Томъ III. Кн. XII, стр. 568.
Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Кн. IV, стр. 170.
Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Кн. IX, стр. 423.
Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Кн. X, стр. 471.
Тернеръ, Ѳ. Государство и землевладѣніе. Часть I. Крестьянское землевладѣніе. Кн. IX. стр. 421.
Ходскій, Л. Основанія теоріи и техники статистики. Кн. X, стр. 470.
Шаховской, Н., кн. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Кн. VIII, стр. 367.

Bergmann, E. Die Wirtschaftskrisen. Кн. V, стр. 217.
Schäffle, A. Die Steuern. Кн. I, стр. 15.
Sombart, W. Friedrich Engels Кн. IX, стр. 422.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Кн. I, стр. 18.
Аргамакова, С. Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Кн. IV, стр. 176.
Базилевичъ, Д. Причины упадка предварительнаго слѣдствія и мѣры къ его поднятію. Кн. X, стр. 472.
Бобрищевъ-Пушкинъ, А. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. Кн. XI, стр. 516.
Гольденвейзеръ, А. Современная система наказаній и ея будущность. Кн. X, стр. 473.
Гольцендорфъ. Общественное мнѣніе. Кн. III, стр. 115.
Гуревичъ, И. Родители и дѣти. Юрид. библіот. № 10. Кн. XII, стр. 573.
Даневскій, В. О заключительномъ словѣ предсѣдателя. Кн. III, стр. 117.
Джаншіевъ, Г. Эпоха великихъ реформъ. Кн. I, стр. 21.
Закревскій, И. Еще о судѣ присяжныхъ. Кн. V, стр. 218.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Женщина въ правѣ. Кн. I, стр. 22.
— Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Кн. X, стр. 475.
Каутскій, К. Возникновеніе семьи и брака. Кн. VI, стр. 259.
Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—94 гг. Переводъ съ нѣмецк. П. Н. Апостола. Кн. XII, етр. 574.
Кистяковскій, А. Изслѣдованіе о смертной казни. Кн. VI, стр. 257.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Военно-уголовное право. Кн. III, стр. 113.
Кулишеръ, М. Разводъ и положеніе женщины. Кн. X, стр. 474.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Кн. V, стр. 219.
Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Кн. I, стр. 23.
Менгеръ, А. Общественныя задачи правовѣдѣнія. Кн. XI, стр. 520.
Меркель, А. Элементы общаго ученія о правѣ. Кн. III, стр. 117.
Никоновъ, С. Поручительство въ

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

МЕДИЦИНА.

ТЕХНОЛОГІЯ.

ИСКУССТВО.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Дегеренъ, П. П. Удобреніе и микроорганизмы почвы. Пер. Д. И. Коченовскаго. Кн. XII, стр. 575.

„Деревня“, иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ за 1896 г. Кн. XII, стр. 576.

Запасникъ, К. Разведеніе лѣса въ степномъ краѣ. Кн. IV, стр. 178.

Карбе. Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Кн. IV, стр. 176.

Коченовскій, Д. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельскохозяйственныхъ матеріаловъ. Кн. I, стр. 26.

Краткій обзоръ дѣятельности минист. земледѣлія и государ. имуществъ за первый годъ существованія. Кн. I, стр. 25.

Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія за 2-й годъ его существованія. Кн. XI, стр. 521.

Лебланъ, Р. Основы земледѣлія въ 50 опытахъ. Кн. IV, стр. 178.

Матусевичъ, П. Растеніе какъ источникъ органической жизни на землѣ. Кн. VIII, стр. 375.

Меркеръ, Максъ. Американское сельское хозяйство и сельско-хозяйственныя опытныя станціи и учебныя заведенія. Перев. Ан. и Аѳ. Бичимины. Кн. XII, стр. 575.

Мурашкинцевъ, Н. Страхованіе скота. Кн. I, стр 26.

Новиковъ, А. Экономическія нужды Вятскаго края. Кн. XII, стр. 575.

Обзоръ дѣятельности агрономическаго института Вятской губ. Кн. IX, стр. 425.

Панчулидзевъ, С Замѣтки по травосѣянію. Кн. IV, стр. 177.

Пахомовъ, П. Выборъ молочнаго скота и наиболѣе важныя породы его. Кн. X, стр. 477.

Петровъ, Н. Какъ кормить и поить пчелъ. Кн. X, стр. 476.

— Инвентарь американскаго пчеловодства. Кн. X, стр. 476.

Придорогинъ. Бесѣды о скотѣ: „Кормовыя дачи“. „Подготовка корма“. Кн. XI, стр 522.

Прянишниковъ, Д. Кормовыя травы. Кн. IX, стр. 424.

Регель, А. Изящное садоводство и художественные сады. Кн. XI, стр. 522.

Сазоновъ, Г. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Кн. X, стр. 476.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Кн. VI, стр. 264.

Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ институтѣ. Кн. VII, стр. 333.

Сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя департаменту земледѣлія въ концѣ 1895 г. Кн. XI, стр. 521.

Сибирцевъ, Н. Классификація почвъ въ примѣненія къ Россіи. Кн. IX, стр. 425.

Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій. Кн. VI, стр. 265.

Танфильевъ, Г. Болота и торфяники Полѣсья. Кн. IV, стр. 177.

Таргонскій, В. Характеристика мѣстностей, подверженныхъ градобитіямъ. Кн. I, стр. 26.

Труды совѣщанія по низшему сельско-хозяйств. образов. въ янв. 1895 г. Кн. I, стр. 25.

Труды Импер. моск. общ. сельскаго хозяйства. Кн. VIII, стр. 374.

Труды третьяго кіевскаго областнаго сельско-хозяйственнаго съѣзда. Кн. VIII, стр. 374.

Чирвинскій, Н. Общее животноводство. Кн. VIII, стр. 375.

Шишкинъ, А. Сельско-хозяйственная экономія. Кн. VII, стр. 334.

Шредеръ, Р. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за границей. Кн. IV, стр. 177.

Юрченко, А. Краткій практическій курсъ сельскаго хозяйства, огородничества и садоводства. Кн. IV, стр. 177.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Виноградовъ, П. Языкъ какъ творчество. Кн. IX, стр. 420.

Ветуховъ. Языкъ, поэзія и наука. Кн. IX, стр. 421.

Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Кн. III, стр. 108.

Adalberg, J. Księga nrzyslow, przypowieści i wyrażeń przyslowiowych polskich. Кн. VII, стр. .

Erekert, K. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Кн. VII, стр. 328.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Агаповъ. Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Кн. IV, стр. 182.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Кн. IV, стр. 183.

— Новая тригонометрія. Кн. I, стр. 32.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ съ помощью теоремы Агапова. Кн. I, стр. 32.

Александровичъ, М. Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Кн. VI, стр. 268.

Барышниковъ, П. Русская и церковно-славянская азбука. Кн. VI, стр. 267.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Кн. XI, стр. 529.

Тихоміровъ, Д. Вешніе всходы. Кн. III, стр. 121.
Туркевичъ, А. Русская исторія. Курсъ 3-го кл. гимназій и реальныхъ училищъ. Кн. VI, стр. 266.
Хайловъ, Н. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Кн. IV, стр. 179.
Храпаль, И. Для преподавателя. Обученіе грамотѣ и цифровому счету въ семь дней или въ семь уроковъ по органо-цвѣтовому методу мнсли. Кн. VIII, стр. 379.
Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. Кн. IV, стр. 179.
Шельцель, К. Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Кн. XI, стр. 527.
Школка грамоты. Начатки родного языка, Христова ученія и счета для крестьянскихъ ребятъ. Кн. XII, стр. 584.
Штейнгауэръ, И. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Кн IV, стр. 181.
Ѳ. С. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII в. Кн. IX, стр. 430.
Юревичъ, Г. Курсъ элементарной алгебры и извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. Кн. I, стр. 31.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Альгренъ. Маріана. Ром. Изд. Ледерле. Кн. X, стр. 486.
Амичисъ. Мать. Разсказъ. Кн. VIII, стр. 384.
Антонъ-сирота. Пов. Кн. VI, стр. 274.
Арнольдъ, Э. Свѣтило Азіи. Поэма. Кн. X, стр. 486.
Бончъ-Бруевичъ, В. Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова и друг. Кн. II, стр. 72.
Борисовъ. Разсказы о хорошихъ людяхъ: Петръ Пахтусовъ. Кн. X, стр. 484.
Бретъ-Гартъ. Шумный лагерь и его счастье. Кн. VI, стр. 273.
Бьернсонъ. Свадебный маршъ.—Два дѣятеля. Кн. VIII, стр. 384.
Бергъ. Разсказы. Кн. VIII, стр. 384.
Вовчокъ, М. Павло Чорнокрылъ. Кн. VIII, стр. 385.
— На морскомъ берегу. Разск. Кн. VIII, стр. 385.
— Маруся. Разск. Кн. VIII, стр. 386.
Вудсъ, М. Деревенская драма. Кн. VIII, стр. 384.
Вѣтринскій, Ч. Гоголь и его произведенія. Кн. II, стр. 71.
Горбуновъ-Посадовъ, И. Русскій сельскій календарь на 1897 г. съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ. Кн. XI, стр. 584.
Гуцковъ, К. Уріэль Акоста. Кн. X, стр. 487.
Гюго, В. Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Кн. VIII, стр. 385.
Додэ, А. Разсказы. Кн. VIII, стр. 384.
Жоржъ - Зандъ. Великанъ Іеусъ. (Сказка.) Кн. VIII, стр. 384.
— Крылья мужества. Кн. VIII, стр. 384.
— Чортово болото. Кн. VIII, стр. 384.
— Чародѣйка. Кн. VIII, стр. 384.
Золя, Э. Какъ умираютъ. Кн. VIII, стр. 385.
— Наводненіе. Разск. Кн. VIII, стр. 384.
Каталогъ книжнаго склада Мурииовой. Кн. II, стр. 73.
Короленко, В. Судный день. Кн. VIII, стр. 383.
Котсъ. Дочь миссіонера. (Разсказъ. Кн. VIII, стр. 386.
Круммахеръ. Притчи. Перев. С. Брильянта. Кн. X, стр. 487.
Крыловъ. Басни. Кн. VIII, стр. 383.
Кузинъ, Т. Изданія: Два старика.— Русская исторія въ жизнеописаніяхъ и друг. Кн. VI, стр. 271.
Лессажъ. Тюркарэ. (Комедія.) Кн. X, стр. 487.
Ли, I. Осужденный на вѣкъ. Кн. VI, стр. 273.
Лонгфелло. Стихотворенія. Кн. X, стр. 486.
Львовичъ - Кострица, А. Тьма или о томъ, что произошло бы на землѣ, еслибъ потухло солнце. Разсказъ. Кн. X, стр. 485.
Маракуевъ, В. Изд. „Народной библіотеки“: Деревенскій календарь на 1897 годъ съ приложеніемъ статей по сельскому хозяйству. Кн. XI, стр. 536.
Мендесъ, К. Дѣдушкинъ грѣхъ. Кн. VI, стр. 275.
Мижуевъ, П. Ричардъ Кобденъ. Оч. Кн. X, стр. 485.
— Янъ Амосъ Коменскій. Историч. оч. Кн. X, стр. 485.
Мижуева, О. Луи Пастёръ и его научныя открытія. Кн. X, стр. 485.
Мопассанъ, Г. Отецъ. Кн. VI, стр. 275.
Несчастные. Сборн. маленькихъ разск. изд. Мурииовой. Кн. II, стр. 72.
Нефедовъ, Ф. Іонычъ. Кн. VIII, стр. 383.
— Свекоръ. Кн. VIII, стр. 384.
Ожешкова, Э. Мать. Кн. VI, стр. 274.
Потѣхинъ. На міру. Пов. Кн. VIII, стр. 386.
— Хай дѣвка. Кн. VIII, стр. 384.
— Отрѣзанный ломоть. Кн. VIII, стр. 385.
— Чужое добро въ прокъ не идетъ. Кн. VIII, стр. 385.
— Около денегъ. Ром. Кн. VIII, стр. 385.
Прусъ, Б. Михалко. Разск. Кн. VI, стр. 273.
Северъ. Доля. Новелла. Кн. VI, стр 274.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.—
КАЛЕНДАРИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 т. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1\frac{1}{2}$ коп.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.
Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.
Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.
— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.
— Искуственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.
— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.
Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.
Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
Аксеновъ, С. Краткій курсъ химическаго анализа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 80 к.
Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.
Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Ц. по 2 р.
Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.
— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Альтгаузенъ, Л., агрономъ. Искуственное удобреніе и сидерація въ Германіи и Россіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Аминторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Амфитеатровъ. Психопатъ. Прав. и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 г
Андрэ, М. Ф. Упражненія въ триг нометріи. Сборникъ задачъ съ подро ными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35
Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и ска

ки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, Г. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арабскія сказки тысяча одна ночь. Въ 3-хъ томахъ. Новый полный перев. Доппельмайеръ. М., 1890 г. Ц. 8 р. 65 к.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Руфина Каздоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
Асбьернсена, П. Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.
Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бальзакъ. Бѣдные родственники. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Горіо (романъ) и разсказы. Ц. 50 к.
— Модеста Миньонъ. Ц. 50 к.
— Беатриса. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Везэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Беккерледжъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
*— Полярископъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
***Белохъ, Ю.** Исторія Греціи. Т. I. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Вендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Берже, П. Модная болѣзнь нашего времени слабые нервы. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Бёрне, Л. Сочиненія въ 2 т. въ пер. П. Вейнберга, со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ, Спб., 1896 г. Ц. 3 р., стр. LXII+261+330.
Веръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ-Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.
— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц.
Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ

людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
Богаевскій, П. Мултанское „моленіе" вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.
Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи з анія. П., 1896 г. Ц. 25 к.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Бретъ - Гартъ. Гэбріель Конрой. Ц. 50 к.
— Кресси (ром.). Разсказы. Ч. I. Ц. 50 к.
— Разсказы. Ч. II. Ц. 50 к.
Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьерностьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства М., 1895 г. Ц. 3 р.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірно торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 187 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.
Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р
Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
*В. А. Производство ваксы, лаковъ, мазей, маслъ и дегры для кожи и кореве продуктовъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.
Васильевъ, В. И. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М., 1886 г. Ц. 25 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Ариѳметика: — отношенія, пропорціи, проценты, учетъ векселей. М., 1896 г. Ц. 25 к.
Васневскій, Г. Гипнотизмъ у животныхъ. Х., 1896 г. Ц. 35 к.
Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.
— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.
— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.
— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.
Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.
Верблoвскій, Г. Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Ц. 2 р. 50 к.
Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюдъ о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
— Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. Изданіе 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
Виноградовъ. Extemporalia съ русяз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федовъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

— Исторія среднихъ вѣковъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

***Вовчокъ, Марко.** Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 80 к.

— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переп. етѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.

— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Водовозовы, М. и Н. Изданія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.

— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ с. нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Габриловичъ, И. Чахотка и основы ея лѣченія. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А. Полный курсъ физики (въ 2 ч.) Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гвоздевъ, И. Первичный наружный судебно-медицинскій осмотръ мертваго тѣла. П., 1896 г. Ц. 60 к.

— О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц., 1896 г. Ц. 50 к.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. Москва, 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, В. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. Законодательство нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства

(съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Програмы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Програмы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Програмы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофманъ. Фантастическіе очерки и разсказы. Ц. 50 к.
— Серапіоновы братья. Ч. I, II и III. Цѣна за три части 1 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россія). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

***Гранатъ, А. и К°.** Настольний энциклопедическій словарь. 8 томовъ. Ц. 42 р. (въ переплетѣ).

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.

Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1898 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Москва, 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
— Основанія экспериментальной психологіи. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія. Ч. I. П., 1896 г.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. Ц. 50 к.

Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Гуревичъ. Родители и дѣти. Спб. Ц. 1 р.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Гурфинкель, М. Дитя и уходъ за нимъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 75 к.
Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 3 р.
Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Душа и природа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
Даниловъ, Ф. А. Самовозгораніе угля, хлопка, замасленнаго тряпья и проч. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дегіо, К. Проказа въ прошломъ и настоящемъ и борьба съ нею. П., 1896 г. Ц. 50 к.
Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Деппъ, Г. Ф. Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 9 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.
— Святочные разсказы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Записки Пиквикскаго клуба. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Большія надежды. Ц. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
Добкевичъ, В. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Догановичъ, А. Ѳомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Мееодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины блажен. Мееодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Егоровъ, Ѳ. Методика-ариѳметики. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Ѳ. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Басни. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жукъ, В. Женщины-матери. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
— Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
Зандъ, Жоржъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Маленькая Фадетта. Мопра. Ц. 50 к.
— Вальдеръ. Маттэа. Ц. 50 к.
— Консуэло. Ч. I и II. Ц. 1 р.
Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $1/2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $1/2$ стр. поперекъ 75 к., съ $1/3$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-[illegible] М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3- М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 [illegible] Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чт[illegible] нія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовы уроки по преподаванію русской элемен тарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1
— Методическія указанія и примѣр[illegible]

уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой части 1 руб.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
Зетъ, Е. Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Золотаревъ, Л. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 80 к.
Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
— Римъ. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Марсельскія тайны. Месть. Ц. 50 к.
— Карьера Ругоновъ. Ц. 50 к.
— Добыча. Ц. 50 к.
Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Игра футболь съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
Іерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6. к.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
*— Восточный вопросъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.
Кампфмейеръ, П. Изъ нѣмецкой деревни. Перев. съ нѣмец. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Канторовичъ, Я. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ эконономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.
Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каценеленбогенъ, Г. Краткій курсъ патологическій анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.
Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г Ц. 10 р.
Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Кирхнеръ, I. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кирхманъ, Ф. Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.
Кіари, Х. Техника патолого-анатомическихъ вскрытій. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.
Кляри. Ретушь фотографическихъ негативовъ. Перев. съ фран. М., 1896 г. Ц. 60 к.
Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Книга здоровья. Ц., 1896 г. Ц. 1 р.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

*— Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого. „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе, Б. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

— Введеніе къ ученію объ электричествѣ Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольберинъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц 1 р. 50 к.

— Т. II. Мелкія соч. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба вып. 6 р.

— Паденіе античнаго миросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь, 29 выпуск. Цѣна каждому выпуску 40 коп. М., 1896 г.

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. П., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Крушеванъ, П. Дѣло Арбатанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два вып. 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецк. обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Кюнеръ, д-ръ. Гигіена любви. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

***Лависсъ и Рамбо.** Всеобщая исторія. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Лависсъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лажечниковъ, И. Ледяной домъ. Съ рисунк. П. Полякова. М., 1894 г Ц. 1 р. 60 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Т. II (части 3 и 4). Ц. 4 р. М., 1895 г. стр. 656; Т. III (часть 5). Ц. 3 р. М., 1896 г. стр. 545.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.

— Эмоціи. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Леббокъ, С. Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 политип. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лебо, Эженъ. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.

Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изд. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Цѣна по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химич скому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.

Лоранъ, Э. Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.

— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики.

Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Пер. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 р.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мангуби, И. Практическое виноделіе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
Марконетъ, А. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономія. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
— Басни и были. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
— Васька-горнистъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. М., 1896 г. Ц. р. 25 к.

Новое manuale pharmaceuticum, изданное при участіи д-ра Rosetti Dieterich'омъ. Перев. съ 6-го изд. подъ ред. д-ра Н. П. Иванова. Вып. I и II. Ц. по 1 р. 80 к. Сбп., 1896 г.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи.

— Астрономія. П., 1896 г. Ц. 6 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней. К., 96 г. Ц. 30 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. П. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

— Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.

Оглоблинъ, В. Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2 т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Переводъ съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи чл новъ психол. общества. М., 1889 Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оствальдъ, В. Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.

Острогорскій, Викторъ. Писн об эстетическомъ воспитаніи. 1894 Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для у щихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разска для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV.

дожникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1898 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Этюди русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петрушевскій, Д. М. Общество и государство у Гомера. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 к.
Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 10 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.
Потебни, А. Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
— Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Поэ, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.
Поэ. Разсказы. Т. I. Ц. 50 к.
— Повѣсти, разсказы, притчи, сказки. Ц. 50 к.
Прево, М. Женскіе силуэты. Москва, Ц. 75 к.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Цѣна по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Принсъ, А. Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.
рограмма чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіэна глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіэна. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.
Рено, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Ц. 2 р.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій ороографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Θ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Сбп., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 80 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А.С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Θ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Пер. съ фр. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словеси. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьк., 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. 1. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.
Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
Скоттъ, Вальтеръ. Вэверлей. Ц. 50 к.
— Гай Маннерингъ. Ц. 50 к.
— Робъ-Рой. Ц. 50 к.
— Ламермурская невѣста. Ц. 50 к.
Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.
— Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.
Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Смирновъ, В. О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.
Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.
Снегиревъ, Л. Маркизъ де-Нэвъ. Серг. Посадъ. Ц. 60 к.
Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
Соковнинъ, А. Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.
Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.
Сонне. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
Сорокинъ, В. О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Спиноза. Этика. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Справочная книга для ремесленниковъ. М.. 1894 г. Ц. 1 р.
Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Средина и постоянство. (Свящ. книга по слѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к
Ставровскій, Л. Жизнь и солнце Х., 1892 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М 1894 г. Ц. 20 к.

— Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

***Степановъ, Н.** Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингтсона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

– Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Суворовъ, Н., проф. Гражданскій бракъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академія) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Твэнъ. Американскій претендентъ. Юмористическіе очерки и разсказы. Ц. 50 к.

— Янки при дворѣ короля Артура. Ц. 50 к.

— Похожденіе Тома Соуэра. Ц. 50 к.

— Жизнь на Миссисипи. Ц. 50 к.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Луи Пастеръ. Изданіе Гросмана. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и цер-

ковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для классанаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Годгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированіи. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Трахтенбергъ, М. А. Лекціи по болѣзнямъ сердца. Ч. I и II. Харьковъ, Ц. 4 р.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, цѣна 2 р.; ч. II, цѣна 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію М., 1894 г. Ц. 70 к.

— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 188? г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1898 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Выпускъ I. Ц. 25 коп. Выпускъ II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успенскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фишеръ, С. Гипнотизмъ въ правѣ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно - славянскаго языка сравни-

тельно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

Флеровъ. Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Флоберъ. Буваръ и Пекюше. Три разсказа. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Фраасъ, Э. Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

— Лучи Рентгена. П., 1896 г. Ц. 40 к.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цаппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. перев. съ нѣмец. М. Некрасова, подъ редак. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Циммерманъ, А. Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначенія Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣнія къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесенія боли и объ утѣшенія печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Чаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Частный почвнъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Ч. II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
— Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховской, Н. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.

Шелли. Сочиненія. Вып. I, II, III и IIII. Спб., 1894—1895 гг. Цѣна кажд. вып. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
— Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 т. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 р. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ ч., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шмидтъ, О. Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.
Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. II., 1896 г. Ц. 1 р.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1898 г.
Шпильгагенъ. Сомкнутыми рядами. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— О чемъ пѣла ласточка. Скелетъ въ домѣ. Ц. 50 к.
— Тамъ исцѣляются. Прекрасная] американка. Ц. 50 к.
— Загадочныя натуры. Ч. I и II. Ц. 1 р.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Щ., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эберсъ. Дочь египетскаго царя. Ц. 50 к.
— Сераписъ. Ц. 50 к.
— Слово. Ц. 50 к.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіэна въ примѣнеіи къ обыденной жизни). Сбп., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, I., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Э—на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
*— Исторія политико-экономическихъ доктринъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и со предѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Юстусъ, В., д-ръ. Болѣзни волосъ и ихъ лѣченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 годъ. Ц. 20 к.
— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.
Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.
Autour du monde. Альбомъ акварелей съ типами и видами всѣхъ странъ свѣта. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно по 35 к.
***Baets, H.** Искусство говорить на судѣ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Hermann de Baets. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
La France. Альбомъ акварелей съ видами и типами Франціи. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Отдѣльно каждый вып. по 35 к.
Legrain, D-r. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Тверь, 1896 г. Ц. 75 к.
Leland, G. Рѣзьба по дереву. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Marissiaux, L., et Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Salomonsen, C., проф., и Че

ревковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1898 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Подписка принимается только годовая; въ разсрочку подписка не принимается.

Артиллерійскій журналъ. Изд. безцензурное, ежемѣсячное. Съ дост. и перес. 7 р. за годъ. Спб.

Археологическія извѣстія и замѣтки. Журналъ безцензурный, ежемѣсячный, подпис. цѣна за годъ 3 р. съ дост. и перес. Моск.

Архивъ ветеринарн. наукъ. Ежемѣсячное безцензурн. изданіе, 5 р. въ годъ. Спб.

Ateneum. Журналъ подцензурный, ежемѣс. подп. цѣна за годъ 12 руб. Варшава.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Библіографъ. Журналъ историко-литературный и критико-библіографическій, подцензурный, подп. цѣна 5 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Спб.

Библіотека знаменитыхъ писателей. Журналъ подцензурный. Ц. 12 р. въ годъ съ доставк. и перс. Спб.

Библіотека Врача. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Подп. цѣна съ доставк. и перес. 10 р. въ годъ. Москва.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Благовѣстъ. Журналъ подцезурный. Цѣна съ дост. и перес. 5 р. въ годъ. Спб.

Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.

Будьте здоровы! Популярно-медиц. и гигіеническій журналъ, подп. цѣна 5 р. съ дост. и перес. Спб.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета: 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер., съ карт. 5 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 руб.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Воспитаніе и обученіе. Ежемѣсячн. педагогич. сборникъ. Ц. съ перес. и дост. 2 р. Спб.

Врачъ. Газета безцензурная, еженедѣльная. За годъ съ перес. и дост. 9 руб. Спб.

Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—и прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Всходы. 5 р. Спб.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р., съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 руб.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Вѣстникъ винодѣлія. Ц. 6 руб. Одесса.

Вѣстникъ Воспитанія. Журналъ иллюстрированный подцензурный безъ дост. 5 р., съ дост. и перес. 6 руб. Москва.

Городской и сельскій учитель. Журналъ подцензурный съ доставк. и перес. за годъ 8 р. Симбирскъ.

Гражданинъ. Газета вых. 2 р. въ нед. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 6 руб.

Деревня. Сельско-хоз. журналъ. Под. Ц. съ дост. и перес. 3 руб. Спб.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Домашняя Библіотека. 4 руб. Спб.

Душеполезное Чтеніе. Журналъ подцензурный еженедѣльный. Под. Ц. съ достав. и перес. 4 р. Москва.

Дѣло. Иллюстр., научно-практич. популярный журналъ. Изд. ежемѣсячное, подцензур. Ц. за годъ съ дост. и пересылкой 1 руб. Москва.

Дѣтскій Отдыхъ. Журналъ подцензурный, иллюстрированный, ежемѣсячный. Подписн. Ц. съ дост. и перес. 6 р. Москва.

Дѣтское Чтеніе. Иллюстр. подцензурный ежемѣсячный журналъ. Подп. Ц. съ дост. и пер. 6 р., б. д. и пер. 5 р. Москва.

Дѣтская Медицина. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Естествознаніе и Географія. Ежемѣсяч. научно-популярный и педагогическій журналъ б. д. 4 р., съ доставкой и перес. 4 р. 50 к. Москва.

Желѣзнодорожное дѣло. Журналъ безцензурный. Съ дост. и перес. 6 р. въ годъ.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ доставк. и пересылк. 14 руб.

Задушевное Слово. Ежемѣсячный журналъ, подцензурный, старшій возрастъ: съ дост. и перес. 6 р.; младш. возрастъ съ дост. и пер. 6 р. Спб.

Звѣзда. Литер. художеств. журналъ. Еженедѣльное подцензурное изданіе. Съ дост. и пер. 6 р. Спб.

Земледѣльческая Газета. Еженедѣльное безцензурное изданіе. Ц. съ перес. 4 р. 15 к. Вмѣстѣ съ журналомъ „Сельское хозяйство и лѣсоводство" издающ. подъ одной редакціей. Ц. съ перес. 8 р. 30 к. Спб.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Игрушечка. Дѣтскій журналъ подцензурный, ежемѣсячный, иллюстрированный для младшаго возраста. Подп. Ц. съ перес. 3 р., съ прилож. отдѣла для малютокъ 5 р. Спб.

Инженеръ. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный; под. Ц. съ дост. и пер. 12 руб. Кіевъ.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 руб.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р.

Книжный Вѣстникъ. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный, съ пер. 3 р. Спб,

Край. („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 5 р., съ пер. 12 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.

Курьеръ Торговли и Промышленности. Ежедневная торг.-промышл. и заводская фабричная газета, съ перес. 5 р. Москва.

Литературное Обозрѣніе. Съ перес. Спб.

Лучъ. Ежедневная газета. Ц. съ приложеніями и съ пересыл 7 р. Спб.

Лѣсной Журналъ. Съ перес. 4 р. Спб.

Малютка. Иллюстрированный журналъ для дѣтей. Изд. подцензурное, ежемѣсячное. Ц. съ перес. 2 р. 50 к.

Медицинское Обозрѣніе. Журналъ безцензурный. Выходитъ 2 раза въ годъ. Ц. съ перес. 12 р. Москва.

Міръ Божій. Ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ. Ежемѣсячное подцензурное изданіе. Ц. съ перес. 7 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 10 р

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ перес. 12 р.
Научное Обозрѣніе. Журналъ подцензурный еженедѣльный. Ц. съ перес. 7 р. Спб.
Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ перес. и дост. 9 р.
Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. съ перес. 7 р.
Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.
Новое Слово. Ежемѣсячный журналъ. Подписка съ октября 1895 г. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перс.
Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.
Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. 1-е изд.: съ перес. 17 р., II-е изд.: съ перес. 10 р.
Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 8 р.
Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 18 р.
Новости Иностранной Литературы, собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Москва.
Новый Русскій Базаръ. Журналъ иллюстрирован. подцензурный ежедневный. Ц. на 1-е изд. съ перес. 7 р. Ц. на 2-е изд. съ перес. 9 р. Ц. на 3-е изд. съ пер. 12 р.
Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 руб.
Образованіе. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.
Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
Парижскія Моды. Съ перес. 4 р.
Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ перес. 10 р.
Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ перес. 10 р.
Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 6 р.
Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р.
Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и перс. 6 руб.
Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Ремесленная Газета. Газета подцензурная, еженедѣльная. Съ перс. 6 р. Москва.
Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 6 р.
Родникъ. Журналъ иллюстрированный, ежемѣсячный. Съ приложеніемъ „Воспитаніе и обученіе" 6 р. съ перес. Отдѣльно „Воспитан. и обученіе" 2 р. съ перес. Спб.
Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ перес. 9 руб., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 18 р.
Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р.
Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р.
Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
Русскій Паломникъ. Иллюстрированный журналъ, подцензурный, еженедѣльный. Съ приложеніями 6 р.
Русскій Начальный Учитель. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Спб.
Русскій Архивъ. Журналъ безцензурный ежемѣс. Съ перес. 9 р. Москва.
Русская Старина. Журналъ безцензурный, ежемѣсячный. Съ пер. 9 р. Спб.
Русская Школа. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 7 р. Спб.
Русское Слово. Съ перес. 5 руб. Москва.
Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Журналъ безцензурный ежемѣс. съ перес. 4 р. 40 к. Вмѣстѣ съ „Земледѣльческою Газетой" годовая цѣна съ перес. 8 р. 25 к. Спб.
С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно. Ц. съ съ пересылкой 17 р.
St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и летературная газета. Ц съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. с дост. и пер.
St.-Petersburg. Zeitung. Газета политическая ежедневная. Ц. съ пер. 14 р

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ перес. 1 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ перес. 10 руб.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ перес. 12 р.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.

Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Читальня Народной Школы. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный. Ц. съ перес. 3 р. Спб.

Читатель Журналъ подцензурный, еженедѣльный. Ц. 6 р. съ перес.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ. Ц. 5 р.

Школьное Обозрѣніе съ приложеніемъ „Сборника". Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 7 р., съ преміей 7 р. 65 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

(Съ 1 января газета будетъ выходить и по понедѣльникамъ).

Пятнадцатый годъ изданія.

Основная задача газеты — возможно-полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщеніями собственныхъ корреспондентовъ. Казанская хроника. земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т п. Судебная хроника Библіографія. Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и проч. Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни Обзоръ науки, литературы и искусства. Сельское хозяйство. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Фельетоны и беллетристика: въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и статьи научнаго содержанія—естественно-научныя, историческія и экономическія. Смѣсь. Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожные поѣзда, грузы приходящіе по желѣзной дорогѣ и проч. Объявленія.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Проф. Д. В. Айналовъ, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берднъ, М. Е. Бландова, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородвичъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. Ѳ. Будде, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, А. В. Греймань, П. И. Добротворскій, Е. О. Дубровина, С. С. Дѣевъ, Диллетантъ (псевдонимъ), П. В Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, С. М. Капустина, А. Карнгольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, П. С Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, И. А. Лимановъ, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магницкій, А. И Матовъ, проф. Н. А. Миславскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, В. К Никольскій, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій), Н. А. Островская, П. А Пономаревъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождественскій, А. Д. Рузскій, П. М. Сивковъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. Н. Соловьева, И. И. Степановъ, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, В. С. Сѣрова, О. Н. Траубенбергъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Щепетильникова. проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ: Съ доставкой.		ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ: Безъ доставки.		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:	
На годъ. . .	7 р. — к.	На годъ. . .	6 р. 25 к.	На годъ . . .	9 р. — к.
„ полгода .	4 „ — „	„ полгода. .	3 „ 25 „	„ полгода. .	5 „ — „
„ 3 мѣсяца. .	2 „ 25 „	„ 3 мѣсяца .	1 „ 75 „	„ 3 мѣсяца .	2 „ 75 „
„ 1 мѣсяцъ.	— „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ .	— „ 60 „	„ 1 мѣсяцъ .	1 „ — „

Допускается разсрочка:: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 руб., 1 іюля 3 р.; для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1897 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получають газету безплатно со дня подписки до 1 января 1897 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ *Волжскаго Вѣстника* въ Казани, на Покровской ул., домъ Пермяковой.

Редакторъ *Н. Рейнгардъ*. Издательница *Л. Рейнгардъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 6-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ съ 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г.

НА

ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

И

горнаго дѣла вообще.

Журналъ имѣетъ выходить, по прежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ гг. горныхъ инженеровъ: Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго, Н Г. Лебедева, В. С. Реутовскаго, Э. К. Фреймана, М. А. Шостакъ и Г. М. Яцевича. На сотрудничество изъявили согласіе профессора Императорскаго Томскаго университета: А. М. Зайцевъ и Ф. Я. Капустинъ и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданія—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и, въ особенности, по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачѣ, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ, зачисленныхъ съ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота въ 1896 году во всей Имперіи по каждому пріиску отдѣльно.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Общее обозрѣніе. II. Горное и заводское дѣло. III. Прикладныя: минералогія, геологія и геогнозія. IV. Исторія, хозяйство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще. V. Механика золотого дѣла. VI. Горное законовѣдѣніе. VII. Узаконенія и распоряженія правительства. VIII. Новости и извѣстія. IX. Финансовое положеніе пріисковъ и золоторуднаго дѣла. X. Корреспонденціи. XI. Почтовый отдѣлъ. XII. Библіографія. XIII. Справочный листокъ. XIV. Объявленія.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводныя. Все лучшее, уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи помѣщаемыя въ журналѣ будутъ изложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ пересылкой или доставкой): на годъ 9 руб., на полгода 5 руб., на 3 мѣсяца 3 руб., на 1 мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ Томскѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій переулокъ, домъ Г. Я. Цама); въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ коммиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ — въ редакціи *Восточнаго Обозрѣнія* и въ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель горный инженеръ *В. С. Реутовскій.*

IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **Открыта подписка на 1897 г.** IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

на выходящее два раза въ недѣлю политико-общественное и литературное изданіе

5 РУБ. „Прибалтійскій Листокъ" 5 РУБ.

газету мѣстныхъ и общерусскихъ интересовъ съ ежедневными, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, приложеніями телеграммъ, новостей дня, смѣси и объявленій.

Открывая подписку на 1897 г., „Прибалтійскій Листокъ" вступаетъ въ 4-й годъ своего существованія и попрежнему остается вѣрнымъ своей программѣ. Ставя своею задачей сближеніе Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, онъ намѣренъ держаться строго-исторической объективной почвы, отстаивая интересы и нужды всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, и одинаково внимательно изучая ихъ національныя свойства и особенности.

Новая программа „Прибалтійскаго Листка":

1) **Передовыя статьи по разнымъ вопросамъ.** 2) **Телеграммы.** 3) **Новости дня.** 4) **Фельетонъ:** періодическія обозрѣнія русской и иностранной жизни, общественно-житейскія замѣтки, статьи научнаго характера, преимущественно историческія и этнографическія. 5) **Корреспонденціи.** 6) **Маленькій фельетонъ:** бесѣды на мѣстныя злобы дня 7) **Обзоръ русской и мѣстной печати.** 8) **Извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ.** 9) **Беллетристика.** 10) Вопросы изъ области языка. 11) Статьи о школьной жизни. 12) Статьи о сельскомъ и городскомъ управленіи. 13) **Судебныя извѣстія,** безъ обсужденія рѣшеній. 14) Статьи о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. 15) Статьи художественнаго и научнаго содержанія. 16) **Статьи о театрѣ и музыкѣ.** 17) **Торговый отдѣлъ.** 18) **Справочный.— Смѣсь.** 19) **Иллюстраціи.** 20) **Объявленія.**

Редакція стремится сдѣлать свое изданіе интереснымъ и содержательнымъ. Начавъ работу съ немногими сотрудниками, въ новый годъ изданія „Прибалтійскій Листокъ" бодро вступаетъ въ усиленномъ составѣ своей редакціи, пополненной мѣстными дѣятелями печати. Въ будущемъ году редакція „Прибалтійскаго Листка" предполагаетъ значительно увеличить разнообразіе и выборъ печатаемыхъ статей. Время отъ времени въ газетѣ помѣщаться будутъ иллюстраціи. Ежедневное приложеніе, заключающее самыя послѣднія телеграммы, новости дня текущей жизни и смѣсь дастъ возможность желающимъ изъ нашихъ подписчиковъ слѣдить изо дня въ день за общерусскою и общеевропейскою жизнью, тратя на это и немного времени, и немного средствъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой, съ приложеніями, 5 р. въ годъ, помѣсячно 50 к.
Безъ доставки 4 р. въ годъ, помѣсячно 40 к.

Отсрочка перваго взноса подписной платы не допускается. Подписная плата вносится впередъ.

Адресъ редакціи: *Г. Рига, Больш. Грѣшиная ул., № 11, кв. 5.*
» конторы: » *уголъ Кузнечной и Крѣпостной улицъ, № 1/2.*

Редакторъ: **М. М. Лисицынъ.**
Редакторъ-издательница: **В. В. Троицкая.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

(Шестнадцатый годъ изданія),

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ нумерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 г. журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и друг.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка *Малороссійскій Словарь*, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакція *Кіевской Старины* разсчитываетъ въ теченіе 1897 года выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала *Кіевская Старина* въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

На годъ съ пересылкой и доставкой. . . .	10 р.	— к.	
» » безъ доставки и пересылки. . . .	8 »	50 »	
» за границу.	12 »	— »	

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры *Кіевской Старины* за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:

(Кіевъ, Кузнечная ул., № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.*
Редакторъ *В. Н. Науменко.*

сказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія. 13. Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе. 14. Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. 15. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. 16. Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя. Ярмарки. Урожаи. 17. Рисунки историческіе и бытовые, соотвѣтствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. 18. Справочный отдѣлъ. и 19. Казенныя и частныя объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА «МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ».

„Міровые Отголоски“ съ 1 января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того же дня.

Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія, доставленныя въ редакцію ночью и утромъ, которыя должны были бы войти въ слѣдующій нумеръ. Благодаря этому иногородные подписчики, жительствующіе по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и др., будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше. Важныя правительственныя сообщенія и новости, опубликованныя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ издаваемыхъ Министерствомъ Финансовъ: „Вѣстникѣ Финансовъ“ и „Торгово-промышленной газетѣ“,—будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія.

Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не пожелаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Николаевской желѣзной дорогѣ и за нею, съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 часа дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляться по городской почтѣ послѣ 1 часа дня.

Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ.

„Міровые Отголоски“ будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты „Голосъ“ и будутъ печататься подобнымъ же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и на особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Подписная цѣна въ Россіи.	Безъ доставки.		Съ доставк. по городской почтѣ.		Съ пересылк. иногородн.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
На годъ . . .	14	—	16	—	17	—
„ 11 мѣсяц.	13	—	15	—	15	50
„ 10 „ .	12	—	13	50	14	50
„ 9 „ .	10	50	12	—	13	50
„ 8 „ .	9	80	11	—	12	50
„ 7 „ .	9	—	10	—	11	30
„ 6 „ .	8	—	9	—	10	—
„ 5 „ .	6	80	7	50	8	50
„ 4 „ .	5	50	5	80	7	—
„ 3 „ .	4	—	4	50	5	50
„ 2 „ .	2	80	3	30	4	—
„ 1 „ .	1	50	1	80	2	—

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

На годъ .	26 р.	На 3 мѣс.	8 р.
„ 9 мѣс.	21 „	„ 2 „	6 „
„ 6 „	14 „	„ 1 „	3 „

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Гг. иногородные, желающіе подписаться на условіяхъ разсрочки платежа подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи „Міровыхъ Отголосковъ“, Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42 и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха, и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель К. В. Трубниковъ.

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Южный Край".

Газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Програма газеты: I. Дѣйствія правительства.—II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. — III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ.—IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".—V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія друг. газетъ).—VI. Мѣстная хроника.—VII. Наука и искусство.—VIII. Театръ и музыка.—IX. Отголоски (маленькій фельетонъ).—X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстій другихъ газетъ.— XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ.—XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. — XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика.—XIV. Судебная хроника.— XV. Критика и библіографія.—XVI. Смѣсь.—XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.—XVIII. Почтовый ящикъ.—XIX. Календарь. — XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и друг.—XXI. Стороннія сообщенія.— XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край" будетъ печататься новымъ, **болѣе убористымъ шрифтомъ**, что дастъ возможность значительно **увеличить объемъ содержанія газеты.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ:

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ пересылкою иногороднимъ:	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50
Съ доставкою въ Харьковѣ:	10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

